МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848 — 1889

—

А. ФЕТА.

ЧАСТЬ I.

Москва. 1890

Типографія А. И. Мамонтова и К⁰. Леонтьевскій пер., № 5.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848 — 1863

ЧАСТЬ I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ наше время въ гвардіи разсказывали, что пріѣзжій фотографъ, владѣвшій тогда уже искусствомъ мгновенной съемки, уловилъ тотъ моментъ майскаго парада на Царицыномъ Лугу, когда вся масса находящагося въ строю войска взяла на караулъ для встрѣчи государя Николая Павловича. Невиданная до той поры въ Петербургѣ фотографія удостоена была вниманія Августѣйшаго Главнокомандующаго Цесаревича Александра Николаевича, изыскавшаго минуту представить ее государю.

— Посмотрите, Ваше Высочество, что у васъ дѣлается, когда меня встрѣчаютъ,—сказалъ государь, указывая въ одномъ изъ безконечныхъ рядовъ на солдатика, который, держа лѣвою рукою ружье въ надлежащемъ положеніи на караулъ,—правою поправлялъ киверъ, сбитый ему на глаза стоящимъ въ затылокъ неосторожнымъ товарищемъ.

Этотъ анекдотъ, по нашему мнѣнію, годится въ подтвержденіе двухъ истинъ. Вопервыхъ, всякій живой предметъ представляетъ для наблюдателя множество разнородныхъ сторонъ. Императоръ Николай, убѣжденный, что красота есть признакъ силы, въ своихъ поразительно дисциплированныхъ и обученныхъ войскахъ, возбуждавшихъ изумленіе европейскихъ спеціалистовъ, добивался по преимуществу безусловной подчиненности и однообразія. И вотъ въ картинѣ, спо-

собной вызвать многостороннія наблюденія и чувства, его поражаетъ случайный и какъ бы механическій безпорядокъ.

Вовторыхъ, если минута встрѣчи войсками императора представляетъ картину въ настоящемъ, то фотографическій ея снимокъ есть та же картина въ прошедшемъ. Не вправѣ ли мы сказать, что подробности, которыя легко ускользаютъ въ живомъ калейдоскопѣ жизни, ярче бросаются въ глаза, перейдя въ минувшее, въ видѣ неизмѣннаго снимка съ дѣйствительности.

Озирая привычно проницательнымъ окомъ живую картину парада, государь не замѣтилъ неисправности, мгновенно бросившейся ему въ глаза на фотографіи.

Я увѣренъ, что въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ и во всякой другой вещи, каждый будетъ видѣть то, что покажется ему наиболѣе характернымъ.

При первомъ ихъ появленіи, кругомъ меня раздались вопросы,—не будутъ ли они послѣдовательнымъ раскрытіемъ тайниковъ, изъ которыхъ появлялись мои стихотворенія? Подобными надеждами затрогивался вопросъ, бывшій въ свое время причиною столькихъ споровъ моихъ съ Тургеневымъ и окончательно рѣшенный мною для себя въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Лермонтовъ говоритъ:

«А въ томъ, что какъ то чудно
Лежитъ въ сердечной глубинѣ,—
Высказываться трудно».

Если не таково побужденіе, заставившее меня на 67-мъ году оглядываться на прошлую жизнь, то нельзя ли поискать другихъ, болѣе существенныхъ. На одно изъ нихъ указываетъ Марціалъ:

«Примъ Антоній, блаженъ на вѣку своемъ безмятежномъ,
Прошлыхъ пятнадцать уже Олимпіадъ *) сосчиталъ.
И на минувшіе дни озираясь и мирные годы,
Леты недальней уже онъ не пугается водъ.

*) Пятнадцать Олимпіадъ—65 лѣтъ.

5. Въ воспоминаньяхъ его непріятнаго, тяжкаго дня нѣтъ,
Чтобъ не хотѣлось о немъ вспомнить, такого и нѣтъ.
Добрый мужъ у себя бытія объемъ расширяетъ:
Дважды живешь, если жизнь можешь былую вкушать».

Стихи эти дороги мнѣ по своему мотиву, безъ всякаго примѣненія ко мнѣ ихъ подробностей. Жизнь моя далеко не представляетъ безмятежности, о которой говоритъ римскій поэтъ, и мои воспоминанія мнѣ пріятны скорѣе потому, что по словамъ Лермонтова:

«И какъ то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ».

Быть можетъ, этого чувства достаточно было бы заставить меня пробѣгать сызнова всю жизнь. Но я еще не увѣренъ, нашелъ ли бы я въ немъ одномъ выдержку, необходимую при такомъ трудѣ. Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: что же значитъ эта долголѣтняя жизнь? Неужели, спускаясь съ перваго звена до послѣдняго но непрерывной цѣпи причинности, она не приноситъ никакого высшаго урока? Не даетъ ли всякая человѣческая жизнь, при внимательномъ обзорѣ, нагляднаго отвѣта на одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ—о свободѣ воли?—Вопросъ этотъ связанъ съ другимъ, а именно: что является почнномъ въ природѣ: разумъ или воля? Во избѣжаніе упрека въ злоупотребленіи отвлеченностями, придержимся выраженія о главенствѣ воли въ христіанскомъ ученіи, что *безъ воли Божіей волосъ съ головы вашей не спадетъ*. Не ясно ли изъ этихъ словъ, что какова бы ни была личная воля человѣка,—она безсильна выступить за кругъ, указанный Провидѣніемъ. Этотъ непреложный законъ повторяется не только надъ усиліемъ отдѣльнаго человѣка, но и надъ совокупными дѣйствіями многихъ людей. Сознаніе о

высшей силѣ, подводящей окончательные и нерѣдко неожиданно благопріятные итоги нашимъ желаніямъ, выражается даже въ самоопредѣленіи такого отрицательнаго существа, какъ Мефистофель, который указываетъ на себя какъ на:

.... «Той силы часть и видъ,
Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ».

Удачно или нѣтъ я началъ свои воспоминанія со времени личнаго знакомства съ Тургеневымъ и другими современными мнѣ литераторами, — пусть судятъ читатели. Предоставляю себѣ, если суждено довести мой разсказъ до настоящаго времени, начать его уже съ самаго дѣтства.

Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ излагаются напротивъ тѣ сокровенные пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ именемъ, но и связаннымъ съ нимъ достояніемъ до самыхъ изумительныхъ подробностей. Не мудрствуя лукаво, я строго различаю дѣятельность свободнаго человѣка, нашедшаго послѣ долголѣтнихъ поисковъ въ саду кладъ, — отъ свободы другаго, не помышлявшаго ни о какомъ кладѣ и вдругъ открывшаго его подъ корнемъ дерева, вывороченнаго бурей. Мысль, о подчиненности нашей воли другой высшей, дотого мнѣ дорога, что я не знаю духовнаго наслажденія превыше созерцанія ея на жизненномъ потокѣ. Конечно, ничья жизнь не можетъ быть болѣе чѣмъ моя мнѣ извѣстна до мельчайшихъ подробностей. И вотъ причина, побудившая меня предпринять трудъ, представляемый нынѣ на судъ читателя.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1848—1889).

I.

Вступленіе. — Первая встрѣча съ И. С. Тургеневымъ. — Наша семья. — Въ полку. — Переходъ въ гвардію. — Коренная Пустынь. — Ярмарка. — Въ Красномъ Селѣ. — Новыя знакомства. — Панаевъ, Некрасовъ, Боткинъ, Дружининъ. — Походъ. — Въ Остзейскомъ краѣ.

Старайся почерпать изъ жизни то людской!
Всѣ ей живутъ, не всѣмъ она извѣстна;
А гдѣ ни оглянись, повсюду интересна.

Фаустъ.

Находясь, можно сказать, въ природной враждѣ съ хронологіей, я буду выставлять годы событій только для соблюденія извѣстной послѣдовательности, нимало не отвѣчая за точность указаній, въ которыхъ руководствуюсь болѣе соображеніемъ, чѣмъ памятью. Такъ, напримѣръ, я знаю, что ранѣе 1840 г., т. е. до изданія „Лирическаго Пантеона“, я не могъ быть своимъ человѣкомъ у московскаго профессора словесности С. П. Шевырева.

Во время одной изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ въ его гостиной, слуга доложилъ о пріѣздѣ посѣтителя, на имя котораго я не обратилъ вниманія.

Въ комнату вошелъ высокаго роста молодой человѣкъ, темнорусый, въ модной тогда „листовской“ прическѣ и въ черномъ, до верху застегнутомъ, сюртукѣ. Такъ какъ появленіе его нисколько меня не интересовало, то въ памяти моей не удержалось ни одного слова изъ ихъ непродолжитель-

ной бесѣды; помню только, что молодой человѣкъ о чемъ-то просилъ профессора, и самое воспоминаніе объ этой встрѣчѣ, вѣроятно, совершенно изгладилось бы у меня изъ памяти, еслибы по его уходѣ Степанъ Петровичъ не сказалъ: „какой странный этотъ Тургеневъ: на дняхъ онъ явился съ своей поэмой „Параша", а сегодня хлопочетъ о полученіи каѳедры философіи при Московскомъ университетѣ". Никогда въ позднѣйшее время мнѣ не случалось спросить Тургенева, помнитъ ли онъ эту нашу первую встрѣчу. Равнымъ образомъ не могу утверждать, приходилъ ли Тургеневъ предварительно къ Шевыреву съ рукописью „Параша", или уже съ напечатанной поэмой, что̀ не могло быть раньше 1843 г. Первое предположеніе, по моимъ воспоминаніямъ, вѣроятнѣе. Точно также знаю навѣрное, что раньше 1848 г. я не могъ пріѣхать въ домовый отпускъ изъ полка, гдѣ былъ утвержденъ въ должности полковаго адъютанта, хотя и тутъ не могу вполнѣ точно опредѣлить года, да и не считаю, съ своей точки зрѣнія, этого важнымъ.

Дома меня встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Хотя старикъ отецъ по принципу никому не высказывалъ своихъ одобреній, но бывшему эскадронному командиру видимо было пріятно, что я занимаю въ полку видное мѣсто.

Въ домѣ я засталъ меньшую нашу сестру Надю, недавно кончившую ученіе. — смолянку, совершенно неопытную, по наружности весьма интересную, пылкую и любознательную семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Хотя стихи мои около десяти лѣтъ уже были знакомы читателямъ хрестоматій, Надя едва-ли не одна изъ цѣлаго семейства знала о моемъ стихотворствѣ и искала со мною бесѣдъ. Не взирая на кратковременное пребываніе дома, я, съ своей стороны, старался поддерживать ея любознательныя и эстетическія стремленія; конечно, тайкомъ отъ отца, считавшаго Державина великимъ поэтомъ, а Пушкина безнравственнымъ писателемъ, и ревновавшаго втайнѣ свою любимую Надю ко всякаго рода стороннимъ вліяніямъ.

Занятый устройствомъ своихъ разбросанныхъ имѣній, отецъ самъ рѣдко выѣзжалъ въ гости и только охотно отпускалъ Надю въ Волково къ однофамильцамъ сосѣдямъ за 12 верстъ,

т. е. версты за три за городъ Мценскъ, отъ котораго наши Новоселки въ 7-ми верстахъ. Владѣлецъ Волкова былъ худощавый, боявшійся чахотки, но чрезвычайно подвижной, сорокалѣтній брюнетъ. Воспитанникъ юнкерской школы, онъ, какъ и все его семейство, отлично говорилъ по-французски, знакомъ былъ со старой и новѣйшей французской литературой, а равно и съ корифеями русской словесности. Но насколько мало́ въ сущности занимала его литература, настолько въ душѣ онъ былъ прирожденнымъ музыкантомъ и по цѣлымъ часамъ фантазировалъ на роялѣ, которымъ прекрасно владѣлъ. Женатъ онъ былъ на красивой въ то время Каровой, отъ которой имѣлъ двухъ дѣвочекъ и мальчика. Не безъ основанія предполагаю, что молодая женщина гораздо болѣе чѣмъ онъ и съ бо́льшимъ толкомъ предавалась чтенію французскихъ и русскихъ книгъ. Кромѣ того въ домѣ проживала и мать Ш.....а, не жившая съ мужемъ. Послѣдній, очевидно, любя свободу, устроился такъ, чтобы жить одному въ большомъ домѣ смоленскаго имѣнія, гдѣ проводилъ время, между прочимъ, расхаживая по пустымъ комнатамъ и напѣвая:

«Громъ побѣды раздавайся».

Отдѣливши двухъ сыновей, въ томъ числѣ и Волковскаго хозяина, старикъ Ш....ъ выдавалъ своей женѣ и двумъ весьма зрѣлымъ дочерямъ дѣвицамъ по триста рублей въ годъ, и на эти деньги всѣ трое проживали въ Волковѣ, внося двѣ трети своего дохода въ общее хозяйство. Обѣ дѣвушки получили прекрасное свѣтское воспитаніе; и о меньшой, если не говорить о ея черныхъ волосахъ, широко выведенныхъ бровяхъ и замѣчательно черныхъ и блестящихъ глазахъ, сказать болѣе нечего, но старшая, блондинка, была явленіемъ далеко недюжиннымъ. Уже одно ея появленіе въ дверяхъ невольно кидалось въ глаза. Она не входила, а, такъ сказать, шествовала въ комнату, строго сохраняя щегольскую кавалерійскую выправку: корпусъ назадъ, затылокъ назадъ. Въ знакомствахъ она была чрезвычайно сдержанна, но познакомившись становилась разговорчива и, не смотря на природную доброту, щеголяла непрерывными французскими и русскими сарказмами въ отвѣтахъ собесѣднику. Кромѣ того, подобно брату,

она безукоризненно играла на роялѣ и читала ноты безъ всякой подготовки.

Надо прибавить, что въ домѣ нерѣдко появлялись двое Каровыхъ, родные братья хозяйки. Аркадій, губернскій умница и передовой, и старшій Николай, физически совершенно развинченный, такъ что когда онъ протягивалъ руку, она производила впечатлѣніе гуттаперчевой. Поэтому всѣ, поминая его, говорили: „*Каровъ мягкій*", что̀ не мѣшало ему съ видомъ знатока толковать о литературѣ и говорить комплименты молодымъ женщинамъ.

Въ тогдашній пріѣздъ мой, разъ навсегда заведенный отцомъ порядокъ въ домѣ мало измѣнился. Онъ самъ попрежнему жилъ во флигелѣ, а въ домѣ помѣщалась только Надя, а я жилъ въ другомъ флигелѣ. Переходя въ 8 часовъ утра въ красномъ бухарскомъ халатѣ и въ черной шелковой шапочкѣ на головѣ съ крыльца своего флигеля на крыльцо дома, онъ требовалъ, чтобы Надя была уже у своего хозяйскаго мѣста передъ самоваромъ. Завтракъ строго воспрещался, обѣдъ съ часу передвинулся на два, чай подавался въ 7 часовъ, а въ 9 часовъ—ужинъ съ новымъ супомъ и пятью новыми блюдами, совершенно какъ во время обѣда. Надобно прибавить, что такой ужинъ подавался лишь другимъ, а самъ отецъ довольствовался неизмѣнной овсяной кашей со сливочнымъ масломъ. Дочерямъ не позволялось гулять безъ вуаля и безъ лакея даже въ саду, а выѣзжать не иначе, какъ въ дормезѣ четверкой или шестерикомъ съ форейторомъ и съ ливрейнымъ лакеемъ. Бывшія въ гостяхъ сестры должны были возвращаться къ ужину.

Однажды, за полчаса до прихода отца, прогремѣвшая по камнямъ карета остановилась у крыльца, и быстро вошедшая въ столовую Надя расцѣловалась со мной.

— Я привезла тебѣ отъ всѣхъ поклоны, и Ш.....ы убѣдительно просятъ насъ съ тобой пріѣхать въ слѣдующее воскресенье. Будетъ Тургеневъ, съ которымъ я сегодня познакомилась. Онъ очень обрадовался, узнавши, что ты здѣсь. Онъ сказалъ: „вашъ братъ—энтузіастъ, а я жажду знакомства съ подобными людьми".

Конечно, я очень обрадовался предстоящей мнѣ встрѣчѣ, такъ какъ давно восхищался стихами и прозой Тургенева.

— Мнѣ сказывали, прибавила Надя, что онъ поневолѣ у себя въ Спасскомъ, такъ какъ ему воспрещенъ въѣздъ въ столицы. Папа̀ ничего объ этомъ не надо говорить, а то Богъ знаетъ, какъ онъ посмотритъ на это знакомство; а въ гости къ Ш...мъ онъ насъ отпуститъ охотно.

На слѣдующее воскресенье мы уже застали Тургенева у Ш....хъ. Видѣвши его только мелькомъ лѣтъ за пятнадцать тому назадъ, я конечно бы его не узналъ. Не смотря на свѣжее и моложавое лицо, онъ за это время такъ посѣдѣлъ, что трудно было съ точностью опредѣлить первоначальный цвѣтъ его волосъ. Мы встрѣтились съ самой искренней взаимной симпатiей, которой современемъ пришлось разростись въ задушевную прiязнь.

Кромѣ обычныхъ обитателей Волкова, было нѣсколько сторонникъ гостей. Дамы окружали Тургенева и льнули къ нему, какъ мухи къ меду, такъ что до обѣда намъ не пришлось съ нимъ серьезно поговорить. Зато послѣ обѣда онъ упросилъ меня прочесть ему на память нѣсколько еще ненапечатанныхъ стихотворенiй и упрашивалъ побывать у него въ Спасскомъ. Оказалось, что мы оба ружейные охотники. По поводу тонкихъ его указанiй на отдѣльные стихи, я извиняясь сказалъ, что восхищаюсь его чутьемъ. — „Зачѣмъ же вы извиняетесь въ выраженiи, которое я считаю величайшею для себя похвалой?"

При прощанiи я далъ ему слово побывать въ Спасскомъ, но къ себѣ по какому-то (невольно скажешь) чутью его не приглашалъ.

Въ условный день приходилось просить у отца лошадей, въ которыхъ онъ никогда не отказывалъ, и кромѣ того сказать, куда я ѣду. Тайкомъ этого сдѣлать было невозможно, а отецъ, подобно мнѣ, былъ заклятой врагъ всякой лжи. Услыхавъ, что я ѣду въ Спасское, онъ нахмурилъ брови и сказалъ: „Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство; вѣдь ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полицiи. Куда какъ неприглядно".

Стоило большаго труда убѣдить отца, что эти обстоятельства до меня не касаются, и что порядочное общество тѣмъ не менѣе его не чуждается.

„Фить, фить!“ проговорилъ отецъ, щелкая пальцами; (это было его обычнымъ обозначеніемъ легкомыслія)—„а впрочемъ поѣзжай, ужъ если такъ тебѣ хочется“.

Счастливый я побѣжалъ и расцѣловалъ своего друга Надю.

Воздержусь отъ описанія Спасской усадьбы, хорошо знакомой публикѣ и по описаніямъ, и по фотографіямъ; скажу только разъ навсегда, что планъ дома представлялъ букву глаголь, а флигель—какъ-бы другую ножку буквы пе, еслибы верхняя часть глаголя соприкасалась съ этой ножкой; но такъ какъ между домомъ и флигелемъ былъ перерывъ, то флигель выходилъ единицей, подписанной подъ крышею глаголя. Странно, что хотя современемъ я узналъ все расположеніе построекъ усадьбы Спасскаго, какъ свой собственный домъ, я никакъ не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета, гдѣ въ первое мое посѣщеніе жилъ и принималъ меня Тургеневъ, т. е. въ домѣ или во флигелѣ.

Конечно, меня не могло поразить окружавшее его множество лакеевъ, которыхъ и у насъ въ домѣ было едва ли не дюжина; но у насъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ, они появлялись въ лакейскихъ съ утра и въ домѣ не оставались; у Тургенева же я замѣтилъ въ двухъ-трехъ сосѣднихъ съ пріемною комнаткахъ кровати и столики, у которыхъ стояли длиннѣйшіе чубуки отъ трубокъ со вспухнувшей табачною золой, хотя самъ Тургеневъ никогда не курилъ. Въ этихъ-то комнатахъ, видимо, помѣщались лакеи, при которыхъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, состояли казачки для набиванія трубокъ и другихъ послугъ.

Разговоръ нашъ принялъ исключительно литературный характеръ, и, чтобы воспользоваться замѣчаніями знатока, я захватилъ все, что у меня было подъ руками изъ моихъ литературныхъ трудовъ. Новыхъ стихотвореній въ то время у меня почти не было, но Тургеневъ не переставалъ восхищаться моими переводами одъ Горація, такъ что, по просьбѣ его, смотрѣвшаго въ оригиналъ, я прочелъ ему почти всѣ переведенныя въ то время двѣ первыя книги одъ. Вѣроятно онъ успѣлъ уже стороною узнать о крайней скудости моего годоваго бюджета и потому восклицалъ:

— Продолжайте, продолжайте! Какъ скоро окончите оды,

я сочту своимъ долгомъ и заслугой передъ нашей словесностью напечатать вашъ переводъ. Съ вами ничего болѣе нѣтъ? спросилъ онъ.

— Есть небольшая комедія.

— Читайте, еще успѣемъ до обѣда.

Когда я кончилъ, Тургеневъ дружелюбно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Не пишите ничего драматическаго. Въ васъ этой жилки совершенно нѣтъ.

Сколько разъ послѣ того приходилось мнѣ вспоминать это вѣрное замѣчаніе Тургенева, и нынѣ, положа руку на сердце, я готовъ прибавить: ни драматической, ни эпической.

Когда насъ позвали къ обѣду (это уже было несомнѣнно въ домѣ), Тургеневъ познакомилъ меня со своими сожителями Тютчевыми—мужемъ и женою, и дѣвицею—сестрою мадамъ Тютчевой. Послѣ обѣда мы отправились пить кофе въ гостиную, гдѣ стоялъ, столь часто упоминаемый Тургеневымъ, широкій, временъ Имперіи, диванъ *самосонъ,* едва-ли не единственная мебель въ Спасскомъ съ пружиннымъ тюфякомъ. Тургеневъ тотчасъ-же легъ на самосонъ и только изрѣдка слабымъ и шепелявымъ фальцетомъ вставлялъ словцо въ нашъ разговоръ, веденіе котораго съ незнакомыми дамами вполнѣ легло на меня. Конечно, я не помню подробностей разговора; но когда, желая угодить дамамъ, я заявилъ, что по своимъ духовнымъ качествамъ русская женщина—первая въ мірѣ, Тургеневъ внезапно оживился и, спустивъ ноги съ самосона, воскликнулъ: „вы тутъ сказали такое словечко, при которомъ я улежать покойно не могъ“. И между нами поднялся шуточный споръ, первый изъ многочисленныхъ послѣдующихъ нашихъ съ Тургеневымъ споровъ.

Когда я вернулся домой, отецъ благодушно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ:

— Такъ какъ тебѣ ужь очень хочется бывать у него, то мѣшать тебѣ въ этомъ не стану. Но успокой ты меня въ одномъ; никогда ему не пиши.

Я почтительно промолчалъ.

Отпускъ мой кончился, и я долженъ былъ вернуться въ полкъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступилъ долговременный пере-

рывъ моихъ сношеній съ Тургеневымъ, во время котораго я дѣйствительно ни въ какой перепискѣ съ нимъ не состоялъ, такъ какъ случайная встрѣча не успѣла еще развиться въ душевную пріязнь

Здѣсь, не только по отношенію къ себѣ, но и въ видахъ болѣе яснаго опредѣленія дальнѣйшаго хода извѣстныхъ мнѣ событій изъ жизни Тургенева, приходится вернуться въ моихъ воспоминаніяхъ за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Говоря о нашемъ домѣ, я упомянулъ только о своей любимицѣ сестрѣ Надѣ, такъ какъ на этотъ разъ она одна проживала въ домѣ съ отцомъ; изъ двухъ же меньшихъ братьевъ моихъ—старшій Василій находился въ помянутое мною время заграницей, а меньшой Петръ былъ студентомъ Харьковскаго университета и проживалъ у тамошняго профессора. Старшая же сестра Любовь была замужемъ за меньшимъ братомъ знакомаго уже намъ Волковскаго Ш....а — Александромъ. Любинька, какъ звали мы ее въ семьѣ, была прямою противоположностью Нади. Насколько та наружностью, темнорусыми волосами и стремленіемъ къ идеальному міру напоминала нашу бѣдную страдалицу мать, настолько свѣтлорусая Любинька, въ своемъ родѣ тоже красивая, напоминала отца и, инстинктивно отворачиваясь отъ всего идеальнаго, стремилась къ практической жизни, въ области которой считала себя великимъ знатокомъ. Она постоянно полагала, что въ состояніи уладить по желанію всякія дѣла и затрудненія. Послѣдними, какъ нарочно, жизнь ее окружила отовсюду, но улаживанія ея потому уже не могли имѣть успѣха, что всѣ ея уловки для всякаго сторонняго глаза были шиты бѣлыми нитками. Не меньшую противоположность со старшимъ братомъ своимъ Николаемъ представлялъ и мужъ ея А. Н. Въ отрочествѣ онъ былъ тупъ и, не смотря на частыя розги отцовскія, учился плохо. Когда, бывало, играя съ другими дѣтьми, онъ прищемитъ руку, то начнетъ кричать: „ой нога, нога“,—и, не взирая на вразумленія товарищей, восклицавшихъ: „Саша, да вѣдь ты руку прищемилъ“,— продолжалъ кричать: „ой нога, нога“.

Изо всего семейства только онъ одинъ плохо говорилъ пофранцузски. Выслуживъ два года юнкеромъ въ уланскомъ

полку, онъ былъ произведенъ въ корнеты и въ скоромъ времени, по причинѣ долговъ, съ величайшимъ неудовольствіемъ заплаченныхъ его отцомъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Нѣкоторое время получая тоже, подобно сестрамъ и матери, небольшія деньги отъ отца, онъ со всѣми ими вмѣстѣ на тѣхъ-же основаніяхъ проживалъ въ Волковѣ у старшаго брата Николая. А такъ какъ Волковскій и Новосельскій дома давно были между собою знакомы, то и онъ въ числѣ прочихъ сталъ часто наѣзжать въ Новоселки со времени появленія тамъ Любиньки изъ Петербургскаго Екатерининскаго института. Насколько братъ его Николай былъ болѣзненъ и тщедушенъ, настолько Александръ, при большомъ ростѣ, былъ плотенъ и могучъ, сохраняя болѣе всякаго другаго Ш....а черты лица общаго татарскаго родоначальника: ясные, черные глаза, широкій носъ и выдающіяся скулы. Какъ-бы то ни было, ухаживанія его за Любинькой увѣнчались успѣхомъ,—онъ ей понравился. Но отецъ нашъ долгое время и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ, указывая между прочимъ на то, что отецъ А. Н. его не выдѣлилъ.

Наконецъ и это препятствіе было побѣждено, и отецъ Александра, въ виду прежде уплаченныхъ долговъ, выдѣлилъ ему десятинъ 400 земли на южной окраинѣ Мценскаго уѣзда, но безъ малѣйшаго признака усадьбы. Нашъ отецъ далъ тоже десятинъ 600 населенной земли въ 3-хъ верстахъ отъ Ивановскаго—Александра Никитича.

Въ скорости по возвращеніи моемъ въ полкъ я узналъ о назначеніи дорогаго моего Карла Ѳедоровича Бюлера бригаднымъ командиромъ, а свѣтлѣйшаго князя Вл. Дм. командующимъ нашимъ Военнаго Ордена полкомъ, коего шефомъ состоялъ отецъ его. Это нежданное обстоятельство, какъ толчекъ, разбудило меня. Хорошо было служить у начальника, у котораго я былъ не только на положеніи домашняго человѣка, но, можно сказать, сына. Оставаться при другихъ обстоятельствахъ въ глухомъ поселеніи значило добровольно похоронить себя. Уже однажды, соблазненный совѣтами и обѣщаніями сослуживца, съ успѣхомъ перешедшаго въ Главный Штабъ, я испыталъ, какъ труденъ переходъ изъ арміи безъ особой протекціи. Правда, въ то время отецъ мой снаб-

дилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ товарищу министра, а мой бывшій сослуживецъ сильно хлопоталъ о переводѣ моемъ въ Главный Штабъ; но кончилось тѣмъ, что я съѣлъ прекрасный обѣдъ у его высокопревосходительства, который между прочимъ сказалъ:

„Здѣсь все можно. Могутъ васъ сдѣлать губернаторомъ,—переименуютъ штатскимъ чиномъ съ повышеніемъ, да и назначутъ. Надо только взяться съ надлежащей стороны".

Но видно, ни мой сослуживецъ, ни любезный товарищъ министра не умѣли взяться съ надлежащей стороны, и я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Перебирая въ умѣ всевозможные рессурсы, я вспомнилъ любезное изреченіе, сказанное мнѣ моимъ бывшимъ начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Эссеномъ, когда въ числѣ прочихъ сослуживцевъ я, съ начальникомъ Штаба во главѣ, откланивался уѣзжающему генералу, получившему гвардейскую кирасирскую дивизію:

„Je vous porterai toujours dans mon coeur, и очень буду радъ, если въ состояніи буду чѣмъ либо быть вамъ полезенъ".

Конечно, я счелъ эти слова за обычную свѣтскую любезность. Такими же представлялись они мнѣ и въ минуту моего раздумья въ полковой канцеляріи. „Но, подумалъ я, утопающій хватается и за соломинку. Попытка не пытка".

Тогда еще въ Россіи не было желѣзныхъ дорогъ кромѣ Николаевской. Я написалъ Эссену, что, соображаясь со средствами, просилъ бы его о переводѣ меня въ лейбъ-уланскій Его Высочества полкъ—и черезъ три недѣли самъ же раскрылъ въ канцеляріи пакетъ изъ лейбъ-уланскаго полка съ запросомъ, согласенъ ли я быть переведеннымъ въ этотъ полкъ *для пользы службы*. Конечно, на другой же день былъ мною отправленъ утвердительный отвѣтъ, а затѣмъ послѣдовала моя формальная прикомандировка.

Впередъ увѣренный, что отецъ, проживавшій въ настоящее время, уже не въ Новоселкахъ, а въ старинномъ дѣдовскомъ имѣніи Клейменовѣ подъ Орломъ, будетъ радъ моему переходу въ гвардію, я просилъ у него позволенія на перепутьи заѣхать къ нему и прислать своихъ лошадей, причемъ сильно надѣялся получить отъ него на подъемъ денегъ. Каково же было мое

удивленіе, когда онъ не только не прислалъ денегъ, но приказывалъ еще заѣхать за братомъ, кончающимъ переходный экзаменъ, въ Харьковъ. Парадная верховая лошадь у меня была, но требовалось пріобрѣсти подъѣздка и отправить на парѣ лошадей телѣгу съ вещами за 700 верстъ. Пришлось продавать экипажи, которыхъ у меня было довольно, и четверку упряжныхъ, кромѣ назначенныхъ въ дорогу. Случай и добрые люди, раскупившіе мое добро, помогли мнѣ, а Карлъ Ѳедоровичъ обѣщалъ уступить мнѣ хорошую лошадь изъ среднихъ эскадроновъ за ремонтную сумму.

Новый командующій полкомъ не заставилъ себя ждать, и по пріѣздѣ его я тотчасъ же отправился къ его свѣтлости за приказаніемъ. Сдача полка была блистательная и, такъ какъ эскадроны были расположены по отдѣльнымъ селеніямъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, продолжалась цѣлую недѣлю, по окончаніи которой князь пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ обѣду запросто, причемъ извинялся, что приметъ насъ по-походному, такъ какъ каменный и хрустальный сервизы его не успѣли еще прибыть. Дѣйствительно, превосходный обѣдъ поданъ былъ всѣмъ на серебрѣ, начиная съ суповой чашки и до бокаловъ. При прощаніи мой баронъ просилъ князя сдѣлать ему личное одолженіе, уступивъ мнѣ лошадь за ремонтную сумму. Князь чрезвычайно любезно просилъ меня, какъ опытнаго адъютанта, не оставлять должности и при немъ, но, выслушавъ мои основанія, согласился съ ними.

Отправивъ людей съ лошадьми въ дорогу, я самъ на перекладной покатилъ въ Харьковъ, гдѣ засталъ брата готовящимся еще къ двумъ экзаменамъ въ домѣ профессора Юргевича. При братѣ жилъ полуслуга и полудядька—Павелъ Тимофеевичъ,—заика, лѣтъ шестидесяти, страстный охотникъ выпить.

Братъ со смѣхомъ разсказывалъ, что Павелъ Тимоѳеевичъ, твердя надъ нимъ: „держите, держите, батюшка, гекзаменъ“, самъ въ это время, пошатываясь и заложа руки за спину, не то держался за печку, не то держалъ ее, чтобы она, повалясь, не задавила брата.

Не желая съ своей стороны мѣшать брату сосредоточи-

ваться надъ работой, я остановился въ гостинницѣ, поджидать окончанія экзамена. Книгъ со мной не было, и скука нестерпимо томила меня въ одиночествѣ.

На другое утро, едва только я напился кофею, какъ явился ко мнѣ Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Ну, что братъ?

— Все держатъ гекзаменъ. А я къ вашей милости: пожалуйте намъ хоть три рубля. Вѣрите ли, стерлиновыя свѣчи всѣ вышли, да и прачка... измучила, а у насъ ни копѣечки.

Я выдалъ трехрублевку.

На слѣдующее утро тотъ же Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Ну, что братъ?

— И... и... и... гекзаменъ держатъ. Вчера одинъ выдержали. Пожалуйте, батюшка, шесть рублей прачкѣ отдать. Что будешь дѣлать? У насъ ни копѣечки.

— Вотъ тебѣ шесть рублей, но ужь я больше не дамъ ни копѣйки.

Наконецъ эти злополучные экзамены кончились, и братъ могъ съ чистою совѣстью ѣхать къ отцу.

Я тотчасъ же посадилъ его рядомъ съ собою на переплетъ перекладной, а Павла Тимоѳеевича—на облучекъ,—и въ путь. Быстрая ѣзда на облучкѣ подъ южномъ солнцемъ, видимо, разломала Павла, и уже со второй станціи онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ сиротливымъ голосомъ просить:

— П... п... п... пожалуйте мнѣ хоть что-нибудь, хоть вотъ такуичку, п... п... пропустить. При этомъ онъ показывалъ половину своего запыленнаго мизинца. Конечно, не желая возить пьянаго, я на каждой станціи до самаго дома давалъ ему денегъ только на *такуичку*.

Ровно черезъ двое сутокъ мы были уже въ Клейменовѣ, гдѣ, къ нашему прискорбію, никого въ домѣ не застали: отецъ съ Надей дня за два передъ тѣмъ переѣхали за 30 в. въ Новоселки. Такъ какъ до вечера было еще далеко, а экипажи были увезены въ Новоселки, то я совѣтовалъ брату отдохнуть съ дороги, а самъ намѣревался уѣхать верхомъ въ Новоселки. Братъ непремѣнно захотѣлъ также ѣхать со мною верхомъ, и я никакъ не могъ отклонить его намѣренія.

Часа черезъ полтора мы слѣзли съ лошадей у Новосель-

скаго крыльца: я—какъ ни въ чемъ не бывало, а непривы ный студентъ—въ видѣ заржавѣвшаго циркуля, у которал ножки не смыкаются.

— Что жъ ты его не поберегъ? спросилъ меня отецъ. Н когда я разсказалъ ему про настойчивость брата, старик прибавилъ:

— Впередъ наука; не спросясь броду, не суйся въ воду.

Надя встрѣтила меня съ неизмѣнною пріязнью, а черезъ нѣсколько дней подъѣхала и Любинька съ мужемъ погостить.

Наконецъ-то и лошади мои добрались благополучно до Новоселокъ, и такъ какъ парадная лошадь была отцовскаго завода, то ему очень хотѣлось видѣть ее подъ сѣдломъ. Хотя Фелькерзамъ (такъ звали коня) еще не прошелъ всѣхъ тонкостей манежной ѣзды, тѣмъ не менѣе я могъ для всѣхъ устроить передъ домомъ карусель, подвергаясь критикѣ двухъ бывшихъ уланъ (отца, не покидавшаго сѣдла до смерти и зятя Александра Никитича). Оба восхищались ѣздою и ходомъ лошади, но посадкой моею остались недовольны. Александръ Никитичъ сказалъ: „сидитъ немудро, а рука золотая“.

Отецъ дѣйствительно былъ обрадованъ моимъ прикомандированіемъ къ гвардіи и, тотчасъ же позвавши домашнихъ портныхъ, лично занялся кройкою и шитьемъ щегольскихъ капоровъ и попонъ для лошадей. Зная о предстоящихъ при переводѣ расходахъ и умѣренности моихъ требованій, онъ не разъ съ блистающими радостью глазами повторялъ: „нѣтъ, ты таки меня не жалѣй! Нужно будетъ—напиши. Да, такъ таки не жалѣй, не жалѣй меня!“

Александру Никитичу отецъ нашъ давно помогъ выстроить усадьбу, хотя и не могъ ему простить, что усадьба была выстроена въ его Ивановскомъ, а не въ Любинькиномъ Петровомъ, на что неоднократно жаловался и мнѣ. Неудовольствіе возбуждали еще и поѣздки Нади въ гости къ сестрѣ. Старикъ по принципу сдерживалъ порывы нѣжности, но очевидно, обожалъ и ревновалъ Надю ко всѣмъ.

Въ восьми верстахъ отъ Новоселокъ была деревня Фатьяново, въ которой проживало нѣкогда семейство Борисовыхъ, роковымъ, можно сказать, образомъ связанное съ нашимъ. У владѣлицы его, вдовы Марьи Петровны, было девять че-

ловѣкъ дѣтей, надъ которыми отецъ нашъ былъ опекуномъ. Всѣ дѣти Борисовы, за исключеніемъ средняго брата Ивана Петровича и меньшой сестры Анны, перемерли отъ чахотки. Иванъ Петровичъ Борисовъ, замѣчательно малаго роста и далеко не красивый брюнетъ, выпущенъ изъ Московскаго кадетскаго корпуса въ артиллерію и на первыхъ порахъ служилъ въ Москвѣ при штабѣ шестаго корпуса; но получивши, по достиженіи 21-го года, въ полное распоряженіе свое наслѣдственное Фатьяново, онъ вдругъ изъ артиллеріи перепросился въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ корнетомъ, надъ чѣмъ покойный отецъ нашъ хохоталъ до слезъ, говоря: „какая странная мысль! Съ такой фигурой передъ кирасирскимъ фронтомъ! Воробей на крышѣ".

Отецъ не ошибся. Когда я, по вызову Борисова, въ свою очередь поступилъ въ тотъ же полкъ, то нашелъ Борисова въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣмъ полкомъ; но въ теченіи полугода, прожитаго мною съ нимъ на одной квартирѣ, я не видалъ его ни разу на лошади, и на все время лагерныхъ сборовъ его отправляли въ Кременчугъ въ инспекторскій караулъ. Невеселая жизнь досталась на долю бѣднаго Борисова. Хотя я его зналъ съ малолѣтства и состоялъ съ нимъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе не берусь заглянуть въ самую глубь души его. Далеко недюжиннаго ума, онъ не лишенъ былъ комическаго таланта и умѣлъ нравиться самымъ разнообразнымъ людямъ. Замѣчательно храбрый и лѣнивый до безпечности, онъ ловко умѣлъ угодить всякому нужному человѣку, но — миръ бѣдному праху его!—не буду разсуждать, а стану разсказывать все мнѣ о немъ извѣстное, тѣмъ болѣе, что на жизненномъ горизонтѣ Тургенева онъ былъ однимъ изъ крупныхъ созвѣздій.

Черезъ полгода по прибытіи моемъ въ полкъ, Борисовъ, запасшись крымскими борзыми, вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Тамъ онъ, конечно, являлся домашнимъ человѣкомъ въ домѣ бывшаго опекуна, увидалъ Надю, и судьба его была рѣшена навсегда. Получивъ на тайное отъ отца предложеніе рѣшительный отказъ Нади, онъ, какъ писалъ мнѣ, съ горя снова поступилъ на службу на Кавказъ.

Но видно, сердце не камень. Года черезъ три онъ опять вышелъ въ отставку, и вотъ, вспоминая это время, отецъ, смѣясь до слезъ, разсказывалъ мнѣ въ благодушную минуту:

— Ты знаешь, Иванъ Петровичъ сватался за Наденьку!

Получивъ новый, не менѣе рѣшительный отказъ, Борисовъ вторично отправился на Кавказъ и поступилъ въ знаменитый Куринскій полкъ, гдѣ все время провелъ въ походахъ и экспедиціяхъ и, въ качествѣ ротнаго командира, участвовалъ въ Малоазіатской войнѣ. Много горькихъ писемъ написалъ онъ мнѣ и, между прочимъ, изъ подъ Башъ-Кадыклара, гдѣ изо всѣхъ офицеровъ въ его ротѣ въ живыхъ остался только онъ. Тѣла же прочихъ были собраны подъ громадное орѣховое дерево, подъ которымъ онъ мнѣ писалъ.

Но я забѣгаю впередъ.

Время близилось къ девятой пятницѣ, т. е. къ Коренной ярмаркѣ, составлявшей въ то время самое замѣчательное годовое событіе не для однихъ жителей средней Россіи. Поэтому отецъ нашъ, забравши меня и брата Петрушу, отправился за полтораста верстъ въ свое Землянское имѣніе Грайворонку, чтобы отправить оттуда съ завода лошадей въ Коренную и ѣхать туда самому за ежегодными закупками.

Ѣхали мы, конечно, на своихъ, двумя экипажами: отецъ на шестеркѣ гнѣдыхъ въ дормезѣ, куда бралъ поочередно меня и брата, а сзади на тройкѣ вороныхъ шелъ тарантасъ съ посудой, поваромъ и лакеемъ; другой лакей помѣщался на козлахъ дормеза.

Мнѣ было 32 года отъ роду, когда я во второй разъ пріѣхалъ въ отцовскую Грайворонку, гдѣ мы съ братомъ Петрушей помѣстились въ трехъ комнатахъ стариннаго дѣдовскаго флигеля. Не думаю, чтобы девяностолѣтній дѣдъ, проживавшій, насколько я себя помню, постоянно лѣтомъ у себя въ Клейменовѣ, а зимою въ собственномъ орловскомъ домѣ, жилъ когда-либо въ Грайворонскомъ флигелѣ.

На другой же день по пріѣздѣ, восьмидесятилѣтнему отцу подвели его верховую лошадь, и онъ, въ сопровожденіи прикащика и старостъ, поѣхалъ осматривать какъ собственныя, такъ и крестьянскія поля, гдѣ ничто не укрывалось отъ его

зоркаго хозяйственнаго взгляда. Полевое хозяйство онъ всюду держалъ на примѣрной высотѣ, и его крестьяне отличались, особенно на Грайворонкѣ, благосостояніемъ. При значительности по тогдашнему времени его доходовъ, надо было предполагать у отца крупные капиталы. Но онъ, въ видахъ устройства имѣній, всюду, для сбереженія труда, выселялъ на собственный счетъ половину крестьянъ на отдаленныя окраины земли, которыя имъ приходилось обработывать. А такъ какъ онъ отрывалъ ихъ при этомъ отъ рѣкъ, то принужденъ былъ рыть имъ пруды и копать колодцы.

Конечно, всѣ эти поселки процвѣтали только при его бдительномъ надзорѣ, но когда за неприсмотромъ пруды и колодцы заилились, крестьянамъ уже добровольно пришлось тянуть къ старымъ мѣстамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затѣй, отецъ, за уплатою прежнихъ опекунскихъ залоговъ, никогда не располагалъ большими деньгами и нерѣдко бралъ взаймы у своихъ же мужиковъ по двѣ тысячи рублей.

Со счетомъ на серебро, лѣтъ пятнадцать уже установившимся въ цѣлой Россіи, онъ до конца дней не могъ примириться и говорилъ, нетерпѣливо примаргивая своими прекрасными голубыми глазами:

— Это по вашему триста рублей, и ты ихъ тратишь, какъ триста рублей, а я зарабатываю ихъ какъ тысячу пятьдесятъ и потому такими считаю.

Пересмотрѣвъ продажныхъ жеребцовъ, отецъ, отдавши подробныя приказанія конюхамъ, отправилъ ихъ въ Коренную, а черезъ нѣсколько дней мы сами пустились въ путь на ярмарку описаннымъ выше порядкомъ.

Мнѣ чаще брата приходилось сидѣть съ отцомъ въ дормезѣ и читать ему „Московскія Вѣдомости". Помню, мы проѣзжали вдоль громаднаго выгона большой однодворческой деревни, широко окаймлявшей его съ трехъ сторонъ чистыми крестьянскими постройками, большею частью крытыми подъ глину въ начесъ и пестрѣвшими расписными ставнями. Всѣ эти избы, за которыми виднѣлись въ проулки гумна, заставленныя старымъ хлѣбомъ, сами утопали въ зелени ракитъ и садовыхъ деревьевъ.

Былъ праздничный день. Мы наѣхали на веселыя толпы

молодежи вокругъ качелей и нѣсколькихъ палатокъ съ такъ называемымъ бабьимъ товаромъ и разными сластями.

Въ то время кичка царила во всемъ своемъ преемственномъ величіи съ широкою золотою *сорокою* надо лбомъ, пестрымъ *чельшикомъ* между верхними углами, крупнымъ бисернымъ *подзатыльникомъ* и обильными и разноцвѣтными лентами, спадавшими на спину, и носившими названіе *лопастей*.

Вѣтеръ дулъ на насъ со стороны деревни, относя пыль отъ экипажей въ сторону и волнуя пестрыя ленты женскихъ головныхъ уборовъ. Ласточки, словно принимая участіе въ деревенскомъ празднествѣ, носились надъ самою землею, назойливо шныряли вокругъ качелей между группами гуляющихъ и подъ самыми ногами нашихъ лошадей. Всюду виднѣлись веселыя улыбки съ бѣлоснѣжными зубами и ни одного безобразнаго пьянаго лица. Эта сельская идиллія мгновенно возбудила во мнѣ мысль о новомъ предстоящемъ мнѣ поискѣ невѣрнаго счастья и, обращаясь къ отцу, я сказалъ:

— Вотъ истинно счастливые люди. Чего еще искать человѣку? Право, невольно имъ позавидуешь.

— Чѣмъ предаваться такому дурному чувству, сказалъ отецъ,—отъ тебя вполнѣ зависитъ это счастье. Не хочешь ли на этомъ остановиться?

Я былъ окончательно разбитъ и только подумалъ: „нельзя болѣе рѣзкой чертой отдѣлить идеалъ отъ дѣйствительной жизни. Жаль только, что старикъ никогда не пойметъ, что питаться поневолѣ приходится дѣйствительностью, но задаваться идеалами тоже значитъ жить“.

Верстъ за двадцать до Коренной Пустыни намъ пришлось по большой дорогѣ проѣзжать лѣсомъ, и, конечно, мнѣ не могло и присниться, что мы ѣдемъ по опушкѣ будущаго моего лѣса, невдалекѣ отъ будущей моей усадьбы.

Въ Коренной мы заняли одинъ изъ множества домиковъ съ широкими дворами съ навѣсами для помѣщенія лошадей и экипажей. Дома эти, построенные на скорую руку, въ большинствѣ случаевъ отличались отъ крестьянской избы средней руки—развѣ отсутствіемъ печей и досчатыми полами. Всѣ они вереницей тянулись съ одной стороны ярмарочной площади къ конному бѣгу и предназначались для дсачи

внаймы только на двѣ недѣли ярмарочной поры. Въ главной избѣ, служившей намъ столовою и гостиною, за перегородкой расположился отецъ, а въ небольшой пристройкѣ, чрезъ немощеныя проходныя сѣни, помѣстились мы съ братомъ

Къ вечеру, въ день нашего пріѣзда, камердинеръ отца, Иванъ Никифоровъ, растворивъ дверь нашей свѣтелки, быстро проговорилъ: „несутъ, несутъ“,—и мы съ братомъ выбѣжали на крыльцо.

Вдоль улицы показалась сплошная и безконечная рѣка непокрытыхъ головъ. Конные жандармы едва сдерживали приближающіяся народныя волны, впереди которыхъ шло многочисленное духовенство въ блестящихъ ризахъ, а за нимъ на катафалкѣ несли и самую икону. Изъ сколькихъ тысячъ человѣкъ состояла эта толпа, опредѣлить не могу: давно уже духовенство, съ катафалкомъ вослѣдъ, скрылось за угломъ по направленію къ монастырю, а толпа продолжала прибывать вдоль улицы, и мы, не дождавшись ея конца, ушли къ себѣ.

Подъ обширными навѣсами нашего двора, еще не свыкшіеся съ новымъ мѣстомъ Грайворонскіе жеребцы оглушительно ржали; такое же ржаніе раздавалось и на сосѣднихъ дворахъ.

На другой день мы вмѣстѣ съ отцомъ отправились въ стоящій на высокомъ правомъ берегу рѣки Тускари старинный монастырь къ архіерейскому служенію, а по окончаніи обѣдни спускались по каменной лѣстницѣ къ святому колодцу, въ который бросили по серебряной монетѣ, умножая кучу мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, виднѣющихся на каменномъ днѣ колодца сквозь чистѣйшую воду. Пустынь, по преданію, получила свое названіе отъ явленія образа Знаменія Божіей Матери на корнѣ срубленнаго дерева.

Въ церкви я неожиданно встрѣтилъ бывшаго нашего полковаго любимца Н. И. Небольсина, отъ котораго я принялъ должность полковаго адъютанта. Я встрѣтилъ его уже предводителемъ Щигровскаго уѣзда, а въ настоящее время прахъ этого вполнѣ прекраснаго человѣка покоится въ оградѣ Кореннаго монастыря, въ которомъ мы встрѣтились послѣдній разъ.

Послѣ обѣдни мы съ братомъ пустились осматривать яр-

марку. Конечно, вниманіе наше главнымъ образомъ было привлечено конною площадью, по которой тянулся рядъ невысокихъ столбовъ, обозначавшихъ отдѣльные станки для приводныхъ лошадей. Безконечный рядъ лоснящихся на солнцѣ круповъ всевозможныхъ лошадей обращенъ былъ къ дорогѣ, на которую продавцы то и дѣло выводили на показъ лошадей. По другую сторону дороги, въ громадныхъ загородяхъ изъ крѣпкихъ жердей, находились степныя, дикія лошади. Тутъ зрѣлище было гораздо любопытнѣе. Такихъ изгородей было немало, и покупатели то и дѣло подходили къ продавцамъ.

— Какого вамъ?

— Вонъ, вонъ, темногнѣдаго, остроухаго.

— Со звѣздочкой во лбу?

— Нѣтъ, вонъ третья за тою голова, что пошла въ дальній уголъ. Мы ту себѣ присмотрѣли. Нельзя ли опять присмотрѣть?

— Филатъ, подгони вонъ того.

И Филатъ являлся съ длинною и тонкою жердью, опуская которую надъ головами сотенъ толпившихся коней, онъ заставлялъ пересыпаться весь этотъ живой калейдоскопъ, такъ однако, чтобы желаемое зерно хоть на минуту выступало на ближайшій къ покупателю край табуна. По окончаніи торговой сдѣлки слѣдовало сдать лошадь покупателю, и вотъ шестъ Филата опять наклонялся надъ табуномъ, но уже съ прилаженной на тонкомъ концѣ его петлею. Въ это время другой табунщикъ садился на осѣдланную, такъ называемую *укрючную*, лошадь, запуская себѣ подъ ногу свободный конецъ аркана съ противоположной табуну стороны. Черезъ минуту петля была уже на шеѣ желаемой лошади, которая, почуявъ бѣду, напрасно вставала на дыбы и металась какъ угорѣлая: укрючная лошадь, видимо привыкшая къ своему дѣлу, упорно надувалась, наклоняясь прочь отъ плѣнницы и помогая сѣдоку все туже натягивать арканъ.

Затянутая мертвою петлею лошадь, потерявъ дыханіе, падала на землю, и ее выволакивали изъ табуна. Тутъ уже мгновенно надѣвалась не нее уздечка съ надежнымъ арканомъ и, отпустивъ петлю, передавали ее съ рукъ на руки покупщику.

Далѣе за табунами на прочныхъ столбахъ съ перекладинами висѣло множество колоколовъ, отъ малыхъ до весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ какъ никто не станетъ покупать колокола, не ознакомившись съ его звономъ, то всякому предоставлялось право звонить. Поэтому непрерывный звонъ стоялъ надъ всею площадью, заглушая весь остальной гамъ. Ярмарочная площадь кончалась полуверстнымъ бѣгомъ съ ярмарочнымъ павильономъ посрединѣ. Каждый вечеръ здѣсь происходили состязанія рысаковъ, а иногда и лошадей, возящихъ тяжести. На слѣдующее утро имена побѣдителей становились общимъ предметомъ разговоровъ.

Исключеніе изъ оглушающаго шума представляли только каменные ряды, напоминавшіе наружностью и устройствомъ московскій гостинный дворъ.

Не буду говорить о рыбномъ и бакалейномъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ сельскіе хозяева закупали годовые запасы.

Зато о красныхъ и галантерейныхъ рядахъ Коренной ярмарки нельзя не упомянуть. Всѣ переходы въ нихъ застилались ежедневно свѣжею травою, по которой, подъѣзжая въ многочисленныхъ экипажахъ, съ утра до вечера разгуливали разодѣтыя дамы, между которыми то и дѣло мелькали кавалерійскіе офицеры, преимущественно гусары, въ полной формѣ съ волочащимися саблями. Словомъ, это была знаменитая выставка невѣстъ, подкрѣпляемая балами въ дворянскомъ собраніи.

Къ вечеру ярмарка затихала, и проѣздъ экипажей становился рѣже. Все покоилось сномъ, за исключеніемъ дома собранія, большаго каменнаго трактира и широкой, въ сторону отъ ярмарки протянувшейся, слободы, окаймленной съ двухъ сторонъ самыми лучшими, иногда двухъ-этажными домами. Тѣмъ не менѣе въ этихъ домахъ никто изъ пріѣзжихъ покупателей не останавливался, и по этой слободѣ ни днемъ, ни ночью незамѣтно было особаго движенія. Но когда ярмарка темнѣла и засыпала, слобода озарялась яркими огнями оконъ, за которыми громогласно звучала музыка и велись безконечные танцы.

Конечно, къ нашему отцу, бывшему много разъ предводителемъ и коннозаводчику, ходило много знакомыхъ и по-

купателей, но чаще всѣхъ бывалъ небольшой сѣденькій старичокъ съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу,—М...ъ. Онъ, бывало, какъ разъ подойдетъ къ вечернему отцовскому чаю, наговоритъ ему много пріятнаго насчетъ его лошадей и подъ конецъ, наклонившись ко мнѣ, скажетъ вполголоса: „а что не заглянуть ли намъ въ Капернаумчикъ?“ — Онъ же указалъ мнѣ и иллюминацію слободы, которою самъ каждую ночь восхищался. Что касается до трактира, куда уводилъ меня М...ъ, то это былъ весьма хорошій русскій трактиръ, привлекавшій ремонтеровъ и стороннихъ посѣтителей прекраснымъ столомъ и винами, а главное—замѣчательнымъ цыганскимъ хоромъ. Положимъ, такъ называемый хоръ, особливо мужская его часть, не превосходилъ посредственности, зато примадонны были удивительныя, особенно одна изъ нихъ, съ бархатнымъ и выразительнымъ контральто, ясно сохранилась въ моей памяти. Она была живымъ портретомъ славной въ то время въ Европѣ красавицы Лолы Монтесъ.

Половина нашихъ лошадей была распродана, надлежащія закупки сдѣланы, и мы тѣмъ же порядкомъ вернулись на Грайворонку. Время было и мнѣ явиться въ лейбъ-уланскій полкъ, а брату—возвратиться въ Харьковъ. Оба мы ожидали денежной благостыни со стороны отца.

Однажды утромъ, въ отсутствіе отца по хозяйству, братъ сказалъ мнѣ таинственнымъ голосомъ.

— Онъ даетъ тебѣ триста рублей, а мнѣ—сто.

— Ты почему же это знаешь? спросилъ я брата.

— Да онъ написалъ на бумажкѣ и, порвавши ее на клочки, выбросилъ за окошко. Я сейчасъ догадался, что это про насъ: сложилъ клочки и прочелъ.

Братъ не ошибся въ суммахъ, которыми мы были снабжены на дорогу. Съ небольшою денежною субсидіей я на перекладной пустился въ Москву и затѣмъ по желѣзной дорогѣ до станціи Волховской, гдѣ узнавши, что полкъ уже въ Красносельскомъ лагерѣ, продолжалъ свой путь до лагеря. Здѣсь безъ особаго труда я разыскалъ своихъ людей, которые уже успѣли прибыть съ лошадьми и, къ крайнему изумленію, деньщикъ моего дальняго родственника, командира шестаго эскадрона, В. П. М—а, провелъ меня къ палаткѣ съ де-

ревяннымъ поломъ, въ которой я нашелъ свою походную кровать, и слугу, помѣстившагося съ самоваромъ и прочимъ походнымъ скарбомъ между внутренней и наружной полами палатки.

— Василій Павловичъ, говорилъ деньщикъ, уступили вамъ свою палатку, а сами перешли въ баракъ къ командиру лейбъ-эскадрона.

Я оказался прикомандированнымъ къ шестому эскадрону и тотчасъ же отправился благодарить лично незнакомаго мнѣ Василія Павловича.

Кромѣ своего эскадроннаго командира я засталъ и хозяевъ барака: молодаго, красиваго и любезнаго И. Ѳ. Щ.....го и брата его Н. Ѳ. Въ полку было принято обзывать всѣхъ по имени и отчеству.

На слѣдующее утро мнѣ предстояло явиться въ полной формѣ къ командиру полка генералу Курселю и благодарить его. Хозяева просили меня, отъявившись, зайти къ нимъ въ баракъ, и Н. Ѳ. любезно вызвался проводить меня ко всѣмъ офицерамъ, начиная со старшаго полковника и до младшаго корнета. Всѣ офицеры были чрезвычайно любезны, не исключая и корнетовъ, которые, какъ оказалось потомъ, сильно дулись на кирасирскаго штабъ-ротмистра, который, переходя въ полкъ младшимъ поручикомъ, садился имъ всѣмъ на шею.

Второй разъ въ жизни, несчастной моей памяти предстояло непосильное испытаніе удержать сразу сорокъ именъ, отчествъ и фамилій.

Подъѣздокъ мой оказался злымъ до чрезвычайности. Когда на другой день съ полкомъ я отправился на линейное ученіе, онъ всю дорогу до мѣста ученія горбился и, злобно ударяя передними ногами въ землю, старался выбить меня изъ сѣдла, а какъ это не удавалось, то неожиданно звякалъ мундштучными дужками о стремена, стараясь захватить зубами за ногу. Конечно, я принялъ мѣры, чтобы это не повторялось, но онъ подкарауливалъ малѣйшее ослабленіе поводьевъ: Вернулся на немъ я въ лагерь послѣ горячаго ученія безъ особыхъ приключеній. Черезъ день послѣ того назначенъ былъ церемоніальный маршъ.

Мнѣ хотѣлось утомить и, какъ говорится, обломать моего подъѣздка, но меня пугала мысль, что на церемоніальномъ маршѣ нельзя было ѣхать впереди фронта на произвольномъ разстояніи, а нужно было сохранять офицерскую линію и невозможно было поручиться, чтобы солдатикъ порой не наѣхалъ слегка на моего лютаго звѣря, а тотъ, начавши лягать, не искалѣчилъ бы солдата или фронтовой лошади, что было бы самымъ неблаговиднымъ вступленіемъ во фронтъ въ глазахъ гвардейскаго полковаго командира, дрожавшаго, по-гвардейски, надъ каждою фронтовою лошадью.

Сказавшись больнымъ, я попросилъ Василія Павловича взять моего подъѣздка подъ унтеръ-офицера, долженствующаго стать на мое мѣсто. Не прошло и полутора часа съ выхода полка на ученіе, какъ слуга доложилъ мнѣ, что унтеръ-офицеръ вернулся съ ученія одинъ и разсѣдлалъ подъѣздка. Когда я спросилъ вернувшагося съ полкомъ Василія Павловича о причинѣ возвращенія унтеръ-офицера въ лагерь,—М—ъ отвѣчалъ:

— Прошли мы только Красное Село, какъ, взглянувши на своего взводнаго, я увидалъ, что лицо у него совсѣмъ позеленѣло. — Что съ тобой? — спросилъ я его. — Всторчь бьетъ, ваше высокоблагородіе, всѣ печенки отбила. — Я и отправилъ его домой.

— А задомъ во фронтъ не лягаетъ? спросилъ я.

— Этого нѣтъ

Только и хотѣлось мнѣ знать.

Хотя погода надъ лагеремъ стояла порою ясная, тѣмъ не менѣе по временамъ заходили внезапно тучи и лилъ дождикъ. Однажды получаю повѣстку: „Его Императорское Высочество главнокомандующій изволитъ завтрашняго числа въ 10 час. утра смотрѣть прикомандированныхъ, почему ваше благородіе имѣете прибыть ко дворцу въ полной парадной формѣ". Сохранить безукоризненную чистоту бѣлаго кирасирскаго мундира можно только съ большою осторожностью, накинувъ на плеча коленкоровую мантію, такъ называемый пудроманъ (пудремантель). Бѣлыхъ мундировъ было у меня три: много разъ бѣленый для ношенія подъ кирасами, однажды тщательно выбѣленный, и—ненадѣванный. Въ видахъ бережли-

вости, я надѣлъ второй мундиръ и съ прикомандированнымъ же товарищемъ гусаромъ сѣлъ въ наемный фаэтонъ, который одинъ изъ полковыхъ забавниковъ называлъ *купе*, потому что на немъ было обрѣзано все то, что бываетъ въ другихъ фаэтонахъ, начиная съ крыльевъ. За полчаса до назначеннаго времени мы въ числѣ прочихъ выстроились подъ деревьями у дворцоваго крыльца. Набѣжали тучи, и насъ стало обсыпать водяною пылью.—„Боже, подумалъ я, что-то будетъ съ моимъ мундиромъ!“ — Стало накрапывать, и черезъ нѣсколько минутъ насъ стало обливать косымъ и крупнымъ дождемъ. Вышелъ адъютантъ и объявилъ, что Его Высочество изволитъ откладывать смотръ до другаго времени.

На слѣдующемъ такомъ же смотру я стоялъ уже въ ненадѣванномъ колетѣ; и на этотъ разъ изъ надвинувшихся тучъ на меня посыпалась водяная пыль. Я чувствовалъ, что въ финансовомъ отношеніи пропалъ невозвратно; но небо расчистилось, и мы благополучно отбыли смотръ.

Наступили маневры въ присутствіи Государя Императора, и полили дожди. Офицеры эскадрона упросили меня быть хозяиномъ по части артельнаго столоваго продовольствія. Закупкою въ Петербургѣ всѣхъ припасовъ я заслужилъ всеобщее одобреніе. На привалахъ эскадронная фура растегивалась, и всѣ хвалили удивительную солонину, запивая ее различными винами и портеромъ. Но торжество мое длилось недолго. Дня черезъ два одинъ изъ нашихъ корнетовъ, подъѣхавъ къ перекрестку, на которомъ стояла наша фура, и, завидя переходившій черезъ дорогу лейбъ-драгунскій дивизіонъ, пригласилъ всѣхъ офицеровъ, сосѣдей по красносельскому лагерю, къ закускѣ.

Конечно, мнѣ, человѣку новому, не подобало возражать противъ такого коммунизма. Надо было требовать новой складчины для вторичной закупки провизіи, но я при такихъ условіяхъ наотрѣзъ отъ хозяйства отказался.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ ненастную погоду по болотистымъ петербургскимъ окрестностямъ полкъ выходилъ на маневры въ самыхъ худшихъ мундирахъ. Такіе мундиры и вальтрапы съ заплатами офицеры называли *маневристами*. Конечно, и я приберегалъ лучшее къ предстоящимъ смотрамъ,

тѣмъ болѣе, что въ виду предстоящей полной экипировки черезъ полгода нужно было сберегать прежнюю. Какъ вездѣ на каждомъ привалѣ, у насъ, какъ изъ земли, выростали пирожники и булочники съ запасомъ водки. Взводные офицеры обыкновенно угощали свои взводы булками, но давать при этомъ водку воспрещалось.

Однажды, когда я только-что разсчитался съ булочникомъ, ко мнѣ подъѣхалъ полковой адъютантъ и равнодушнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы назначены ординарцемъ къ Государю Императору.

Я такъ и вздрогнулъ. По моимъ армейскимъ понятіямъ, царскій ординарецъ былъ наилучшій ѣздокъ, на наилучшей красавицѣ-лошади, во всемъ новомъ съ головы до шпоръ. Я хорошо зналъ, что ослушаніе можетъ навсегда погубить мою карьеру; но когда я подумалъ, въ какомъ видѣ я буду произносить слова: „къ Вашему Императорскому Величеству на ординарцы наряженъ“,—кровь застыла у меня въ жилахъ, и я твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Доложите генералу, пусть меня отдаютъ подъ судъ, наряжаютъ на какую угодно службу не въ очередь, но на ординарцы къ Государю я въ такомъ видѣ не поѣду.

Выходка моя прошла безнаказанно.

Однажды, когда мы съ эскадрономъ съ ранней зари проходили часовъ до пяти послѣ обѣда по полямъ, и когда эскадронный командиръ, поручая мнѣ полуэскадронъ, махнувъ рукою, сказалъ: „идите по этому направленію и не давайте себя обойти“, — я повелъ полуэскадронъ по назначенному направленію съ невѣдомою мнѣ цѣлью. Какъ ни совѣщался я съ бывшимъ при мнѣ корнетомъ, считавшимъ себя великимъ тактикомъ, но ни къ какому результату мы въ своихъ соображеніяхъ не дошли. Наконецъ, видя, что мы рискуемъ заночевать безъ корма и безъ пищи невѣдомо гдѣ, я повернулъ полуэскадронъ направо и пошелъ отыскивать другую половину въ направленіи, въ которомъ она ушла. Началъ накрапывать дождикъ, и мы насилу отыскали свой эскадронъ, гдѣ Василій Павловичъ сталъ увѣрять, что считалъ насъ пропавшими. Онъ тоже не успѣлъ разсѣдлать, какъ подъѣхалъ адъютантъ и громко объявилъ:

— Шестой эскадронъ назначенъ на аванпосты.

Пришлось на тощій желудокъ отправляться на усталыхъ лошадяхъ въ отдаленные кусты на всю ночь. Дождикъ сталъ поливать какъ изъ ведра. Солдатики отстегнули свои шинели и надѣли ихъ въ рукава, моя же шинель оставалась въ куда-то запропастившейся фурѣ, и я въ одномъ тонкомъ мундирѣ остался подъ холоднымъ проливнымъ дождемъ. Не только разводить огонь, но даже курить на аванпостахъ строго воспрещалось. Листы кустарника давно облетѣли, и когда я прибылъ на смѣну нашему же офицеру, то онъ, указывая на темный развѣсистый, обнаженный кустъ, со смѣхомъ сказалъ: „оставляю вамъ въ наслѣдство прекрасную бесѣдку".

Когда я, наклоняясь въ эту бесѣдку, зацѣпилъ за сучья головою, меня, среди мелкаго осенняго дождя, обдало крупными, холодными каплями. Одинъ изъ солдатиковъ, видя мое горестное положеніе, снялъ съ себя шинель и подалъ мнѣ ее со словами:

— Ваше благородіе, накиньте шинель.

— А ты-то какъ-же останешься?

— Да мы станемъ мѣняться, а я покуда накину на себя попонку.

Такъ они и дѣлали до самой зари. Хотя я и промокъ до костей, но меня уже не такъ продувало вѣтромъ. Однако продѣлка эта не обошлась мнѣ даромъ: мое хроническое раздраженіе дыхательныхъ органовъ дало себя знать. Горло у меня дотого распухло, что я едва могъ отпроситься у генерала въ петербургскій военный госпиталь, откуда, по совѣту врача, отправился въ Лопухинку въ тамошнюю военную водолѣчебницу. Водолѣчебный сезонъ окончился, и въ небольшомъ госпиталѣ я не только не встрѣтилъ ни одного офицера, но даже ни единаго солдатика; а мнѣ предстояло пробыть въ этомъ уединенномъ замкѣ цѣлый мѣсяцъ съ инвалидомъ, фельдшеромъ, производившимъ надо мною водолѣчебные эксперименты, и военнымъ медикомъ, ежедневно приходившимъ на четверть часа въ мою комнату. А такъ какъ въ число пріемовъ лѣченія входила прогулка и питье воды изъ мѣстныхъ ключей, то я поневолѣ ознакомился съ прекрасно со-

державшимъ паркомъ и всею сѣверною красотой ближайшихъ окрестностей, начиная съ прудовъ, какихъ мнѣ до той поры видѣть не приходилось.

Взойду, бывало, на высокій берегъ въ берестовую бесѣдку, всю исписанную карандашомъ, и любуюсь распростертою у ногъ моихъ зеркальною влагою водъ. Глубина этой прозрачной влаги, повидимому, превышала десять саженъ, но всѣ водяныя поросли на днѣ были отчетливо видны, словно зеленый лѣсъ, растущій въ глубокой долинѣ, а крупныя форели, неподвижно стоящія съ распущенными плавниками, казались птицами, парящими надъ этой долиной.

Но нельзя цѣлый день любоваться красотами природы, а въ уединенной комнатѣ ожидала непроходимая тоска. Къ счастію, зная свою скучливость въ бездѣйствіи, я захватилъ съ собою Горація въ объясненіяхъ Ореллія и принялся переводить самыя трудныя оды изъ второй и третьей книгъ. Сначала я пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ возникавшихъ на каждой строкѣ затрудненій; но съ каждою новой побѣдой я все болѣе освоивался съ атмосферою моего труда, все болѣе и болѣе отраднаго. Къ величайшей радости моей, я въ мѣсяцъ, проведенный въ Лопухинкѣ, окончательно перевелъ двѣ послѣднія книги одъ, тогда какъ переводъ первыхъ двухъ тянулся впродолженіе пятнадцати лѣтъ.

Полкъ я нашелъ уже на Волховѣ въ поселенномъ штабѣ. Массивныя каменныя зданія штаба представляли всевозможныя удобства для помѣщенія полка. Вокругъ огромнаго остолбеннаго плаца громаднымъ четвероугольникомъ стояло нѣсколько двухъ-этажныхъ домовъ съ офицерскими помѣщеніями. Въ двухъ среднихъ такихъ корпусахъ, съ проходящими по нимъ въ верхнихъ и нижнихъ этажахъ корридорами, находились квартиры холостыхъ офицеровъ. Противъ этихъ зданій, съ другой стороны плаца, тянулся громадный манежъ, на подобіе московскаго экзерциргауза, съ полковою, какъ и онъ же, ротондою посерединѣ, въ которой помѣщалась полковая церковь. По обоимъ концамъ плаца тянулись такіе же корпуса съ помѣщеніями для женатыхъ офицеровъ, квартира полковаго командира и гауптвахта; а съ одной стороны за этими строеніями находились просторныя эскадронныя ка-

зармы и конюшни. Въ одномъ изъ зданій было отведено мѣсто для полковой библіотеки и ресторана, гдѣ большинство молодежи могло столоваться весьма сносно и недорого.

Начались обычныя манежныя ученія, послѣ которыхъ я всегда выпрашивалъ у любезнаго Василія Павловича дурноѣзжую лошадь, чтобы имѣть возможность отъѣздить сверхъ своей еще и казенную.

Какъ ни осмотрителенъ я былъ въ моихъ расходахъ, но и при небольшой поддержкѣ жалованья средства мои сильно истощались. О продовольствіи въ ресторанѣ не могло быть и рѣчи, и поэтому впродолженіе цѣлаго мѣсяца я, подъ предлогомъ докторскаго предписанія, питался тремя булками и тремя кринками молока въ день. Отдѣленный только лѣстницей отъ милѣйшихъ братьевъ Щ...ъ, я ежедневно заходилъ къ нимъ съ ученія, подымаясь къ себѣ на второй этажъ. Старшій изъ нихъ, какъ я уже говорилъ, командовалъ лейбъ-эскадрономъ, и потому братья пользовались болѣе просторной и удобной квартирой; а такъ какъ имѣніе ихъ было невдалекѣ отъ штаба, на противоположномъ лѣвомъ берегу Волхова, то имъ высылалась оттуда всякаго рода живность въ большомъ изобиліи. Бесѣды наши были весьма оживленныя, не безъ примѣси юмористическихъ замѣчаній со стороны хозяевъ по отношенію къ нѣкоторымъ сослуживцамъ. Меньшой, Николай, былъ, впрочемъ, молчаливѣе, но и тотъ иногда вставлялъ мѣткое словцо.

Такъ однажды, на вопросъ мой,—что̀ за женщина жена полковника, въ церкви пригласившая меня къ вечернему чаю,—Н. Ѳ. сказалъ: „на рогожкѣ стоитъ, съ ковра говоритъ“.

Пока я проживалъ въ Лопухинкѣ, старый нашъ полковой командиръ успѣлъ жениться на дѣвицѣ графинѣ Келлеръ. Генералъ представилъ меня ей, а она стала приглашать меня къ обѣденному столу. Я нашелъ въ ней, не смотря на ея тридцать лѣтъ, прелестную брюнетку и самую привѣтливую хозяйку.

Наступила зима, и пріѣхалъ корпусный командиръ, старикъ Штрандманъ, производить инспекторскій смотръ. На слѣдующее утро весь корпусъ офицеровъ въ полномъ составѣ выстроенъ былъ въ манежѣ для одиночной ѣзды. Нечего го-

ворить, что я на своемъ Фелькерзамѣ старался по возможности быть безукоризненнымъ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, только-что я поровнялся, справа по одному шагомъ, съ корпуснымъ командиромъ, какъ услыхалъ его команду: „кирасиръ, направо! Выѣзжайте ко мнѣ. Берейторъ, укоротите ему лѣвое стремя. Поѣзжайте на свое мѣсто".

На одномъ изъ слѣдующихъ аллюровъ рука Штрандмана, къ моему ужасу, прямо указала на меня; но на этотъ разъ я могъ ясно разслушать слова:

— Славно ѣздитъ.

По окончаніи смотра корпусный командиръ объявилъ, что выслуживающіе къ четвертому января полугодичный срокъ прикомандированные могутъ явиться въ Петербургъ подъ команду генерала Головина для пріуготовленія къ смотру Его Высочества. Когда мы слѣзли съ коней, Курсель подозвалъ меня и, обратившись къ Штрандману, сказалъ:

— Этому офицеру срокъ прикомандированія истекаетъ пятаго января, а такъ какъ смотры Его Высочества бываютъ только два раза въ годъ, то этотъ одинъ день можетъ весьма тяжело отозваться въ дальнѣйшемъ производствѣ по службѣ. Не соблаговолите ли, ваше высокопревосходительство, разрѣшить явиться и ему завтрашній день къ генералу Головину вмѣстѣ съ другими?

Получивъ разрѣшеніе Штрандмана, Курсель, наклонясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не теряйте ни минуты, забирайте ваши вещи и скачите на желѣзную дорогу.

Когда изъ манежа я съ восторгомъ въ груди переходилъ плацъ по направленію къ своей квартирѣ, радость моя была сильно смущена мыслію о возможности исполненія совѣта полковаго командира. Вести свою лошадь въ Петербургъ нечего было и думать, такъ какъ вся моя касса не превышала 25 рублей; но и безъ лошади нельзя было пускаться въ Петербургъ, не имѣя 200 рублей. Конечно, моимъ первымъ движеніемъ было зайти къ моимъ пріятелямъ Щ—мъ посовѣтоваться. Они комично опорожнили для меня бумажники: старшій предложилъ мнѣ 15, а младшій 5 рублей. По ихъ совѣту я отправился къ полковому казначею, высокому бѣлокурому

нѣмцу, постоянно утверждавшему, что служить, *какъ честнѣйшій и благороднѣйшій* человѣкъ, невозможно, и что мамаша его вызываетъ изъ службы, что однако не мѣшало ему продолжать служить. И. Ѳ. Щ—ій говорилъ: „а что если онъ обмолвится, сказавъ: „какъ честный и благородный человѣкъ“,— и ему сказать: вы напрасно называете себя честнымъ и благороднымъ: мы всѣ знаемъ, что вы честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. А ну какъ, продолжалъ шутникъ онъ не дослушаетъ объясненія?“.

Я побѣжалъ къ честнѣйшему и благороднѣйшему человѣку, прося его доложить генералу, что безъ выдачи мнѣ изъ казеннаго ящика двухсотъ рублей взаймы—мнѣ ѣхать не съ чѣмъ.

— Объ этомъ, какъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, и думать нечего. Еслибы инспекторъ обревизовалъ денежный ящикъ, дѣло было бы другое, а то онъ будетъ его ревизовать только завтра утромъ. Я сію минуту бѣгу съ отчетами къ генералу.

Весь вечеръ провелъ я въ раздумьи до столбняка. Въ 11 часовъ вбѣжалъ ко мнѣ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ со словами: „генеральша, узнавъ о вашемъ положеніи, поручила мнѣ передать вамъ 200 рублей изъ собственной шкатулки. Вотъ и деньги“.

Черезъ полчаса я сидѣлъ уже въ саняхъ, и мои степные рыжаки помчали меня по вѣчно ненадежному льду широкаго Волхова. Плохая и ухабистая дорога вдоль берега слишкомъ задержала бы мое нетерпѣніе. Измученный сильными ощущеніями минувшаго дня, я тотчасъ же задремалъ въ быстро несущихся саняхъ и просыпался только въ минуты, когда громко трескавшійся ледъ уносилъ изъ-подъ саней свой замирающій грохотъ къ противоположному берегу. На Волховской станціи я приказалъ кучеру возвращаться домой берегомъ.

Явившись въ Петербургъ къ генералу Головину, я въ той же парадной формѣ отправился благодарить Эссена.

— Очень радъ, говорилъ Ант. Ант., что могъ тебѣ быть полезнымъ, и увѣренъ, что и новое начальство будетъ также тебѣ благодарно, какъ когда-то былъ я. Но тебя лично съ новымъ мѣстомъ службы поздравить не могу.

— Мнѣ, ваше превосходительство, не привыкать къ службѣ въ поселеніи: я прямо изъ одного въ другое.

— Ну, братъ, этого не говори; тамъ всетаки кругомъ помѣщики, общество, а тутъ никого, кругомъ лѣса, медвѣди и во... Кромѣ штабныхъ человѣческаго голоса не услышишь.

Я откланялся генералу, но дня черезъ два вынужденъ былъ явиться къ нему снова. Въ Михайловскомъ манежѣ назначена была первая ѣзда. Брать лошадей изъ частныхъ манежей я считалъ рискованнымъ и потому явился къ Эссену съ просьбой помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Ну, мой любезный, сказалъ генералъ, сразу измѣняя тонъ,—въ Петербургѣ никто не даетъ своей лошади, и я ни за что ее для себя ни у кого просить не стану. Но для васъ, такъ и быть, попробую. Завтра въ 12 час. я буду въ манежѣ смотрѣть кавалергардовъ; явитесь туда, и я васъ представлю командиру полка.

Никогда не забуду изысканной любезности кавалергардскихъ офицеровъ, старавшихся другъ передъ другомъ помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Всѣ офицеры были пѣшкомъ, такъ какъ Эссенъ провѣрялъ работу ганашей въ унтеръ-офицерской смѣнѣ на кордахъ и уздечкахъ.

Когда подъ конецъ ученія я подошелъ къ генералу, то на просьбу Ант. Ант. графъ Бревернъ любезно разрѣшилъ мнѣ обратиться къ одному изъ командировъ среднихъ эскадроновъ. Офицеры указали на командира третьяго эскадрона, а тотъ пригласилъ меня пройти къ нему въ казармы, куда обѣщалъ явиться тотчасъ же по окончаніи смотра.

Сидя въ столовой полковника, я среди совершенной тишины внезапно услыхалъ изъ сосѣдней комнаты, въ которую дверь была раскрыта, громко и отчетливо раздававшуюся лихую команду ружейныхъ пріемовъ. Тихо пробираясь, заглядываю въ кабинетъ, — ни души; — и снова громко потянулось: *подъ при...* и затѣмъ коротко и отрывисто:—*кладъ*! Тутъ только я замѣтилъ стоящую у окна клѣтку и сидѣвшаго въ ней попугая, такъ изумительно затвердившаго команду. Вошедшій полковникъ приказалъ позвать вахмистра и на изъявленіе моей признательности сказалъ:

— Даю вамъ на выборъ любую унтеръ-офицерскую лошадь, съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ, что самъ былъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ вы теперь, и мнѣ никто не далъ лошади.

„Вотъ, подумалъ я, дѣйствительно — свѣтъ не безъ добрыхъ людей".

Вахмистру я сунулъ десять рублей и обѣщалъ поблагодарить его по окончаніи смотра́.

На другой день солдатикъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, привелъ мнѣ прекрасную лошадь, засѣдланную моимъ сѣдломъ.

Такъ какъ конныя наши ученія происходили только три раза въ недѣлю, въ теченіи одного часа, то свободнаго времени у меня оставалось много и, по склонности къ литературѣ, мнѣ захотѣлось познакомиться съ Некрасовымъ и Панаевымъ, тогдашними издателями „Современника".

Когда я остановилъ извощика, какъ мнѣ говорили, на Владимірской, въ Колокольномъ переулкѣ, и сталъ громко спрашивать городоваго о ихъ квартирѣ, у саней моихъ остановилась ѣхавшая мнѣ навстрѣчу красивая коляска, и сидящій въ ней въ щегольской шляпѣ брюнетъ сказалъ мнѣ: „я — Панаевъ, позвольте узнать ваше имя?" — Услыхавъ мое, онъ, видимо, обрадовался и, указавши домъ, просилъ заѣхать къ Некрасову и обождать съ полчаса, такъ какъ къ тому времени онъ самъ вернется домой.

Встрѣча Некрасова была менѣе шумна, но не менѣе привѣтлива. — „Мы обѣдаемъ въ пять часовъ; приходите пожалуйста запросто; вы, между прочимъ, встрѣтите здѣсь своихъ пріятелей: Боткина и Тургенева".

Явившись къ пяти часамъ, я былъ представленъ хозяйкѣ дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшаго роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ея любезность была не безъ оттѣнка кокетства. Ея темное платье отдѣлялось отъ головы дорогими кружевами или гипюрами; въ ушахъ у нея были крупные бриллiанты, а бархатистый голосокъ звучалъ капризомъ избалованнаго мальчика. Она говорила, что дамское общество ее утомляетъ, и что у нея въ гостяхъ одни мужчины.

Тутъ я, послѣ долгихъ лѣтъ, встрѣтилъ В. П. Боткина, попрежнему обоюдоостраго, т. е. одинаково умѣвшаго быть нестерпимо рѣзкимъ и елейно сладкимъ. Познакомился съ А. В. Дружининымъ, который сталъ меня разспрашивать о моихъ теперешнихъ однополчанахъ Щ—хъ, съ которыми онъ вмѣстѣ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Съ перваго знакомства сошелся съ веселымъ М. Н. Лонгиновымъ, сохранившимъ ко мнѣ пріязнь до своей смерти; съ П. В. Анненковымъ, И. А. Гончаровымъ и повсегдатаемъ всѣхъ литературныхъ обѣдовъ — М. А. Языковымъ, входившимъ въ комнату шатаясь на своихъ кривыхъ ножкахъ и съ неизмѣнною улыбкою на лицѣ.

Все это веселое общество, въ ожиданіи обѣда, усаживалось на мягкой мебели хозяйскаго кабинета, разсказывая другъ другу забавные анекдоты. Хохотъ и шумъ на минуту только прерывались съ появленіемъ новаго гостя. Въ остальное время нужно было близко подсѣсть къ данной группѣ, чтобы разслушать слова.

— Господа, сказалъ входящій въ комнату хозяинъ, — четверть шестаго, и если мы будемъ ждать Тургенева, то онъ заморитъ насъ съ голоду, и у хозяйки перейдетъ обѣдъ; она проситъ васъ пожаловать къ столу.

Всѣ бросились къ закускѣ, которой была оказана надлежащая честь. Тургеневу оставленъ былъ приборъ, и когда онъ во время супа вошелъ извиняясь, ему подали бульонъ, такъ какъ онъ боялся всего жирнаго и прянаго. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые знакомые, и онъ просилъ меня не забывать его на его постоянной квартирѣ, на Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера.

Съ этого дня я сталъ чуть не ежедневно по утрамъ бывать у Тургенева, къ которому питалъ фанатическое поклоненіе.

По природѣ-ли, или вслѣдствіе долгаго пребыванія заграницей, Тургеневъ отличался наклонностью къ порядку въ окружающихъ вещахъ. Онъ не иначе садился писать самую простую записку, какъ окончательно прибравши бумаги на письменномъ столѣ. Между тѣмъ это же самое стремленіе къ порядку не помогало ему въ первое время нашего петер-

бургскаго знакомства устроиться съ холостымъ своимъ хозяйствомъ. Правда, въ то время и прислуга у него была другая: не было у него ни тонкаго Захара, литературнымъ мнѣніемъ котораго онъ далеко не пренебрегалъ, ни неутомимаго и точнаго Дмитрія Кирилловича, перешедшаго позднѣе въ услуженіе къ В. П. Боткину, котораго капризамъ умѣлъ угождать. А это великая рекомендація. Слуги эти были несомнѣнными питомцами Спасскаго при матери Тургенева, тогда какъ безтолковый Иванъ очевидный продуктъ позднѣйшей эмансипированной лакейской. Слуги прежнихъ временъ принимали молчаливо всякаго рода замѣчанія, тогда какъ крѣпостные либералы почитали нравственнымъ долгомъ всякому оправданію предпосылать: „помилуйте-съ, помилуйте-съ".

Вертѣлся ли самъ Тургеневъ слишкомъ усердно въ этотъ періодъ въ вихрѣ свѣта, отбивалъ ли безтолковый Иванъ у него охоту просидѣть лишній часъ дома, но случалось, что усердно созванный на обѣдъ кругъ гостей къ пяти часамъ соберется, бывало, подъ темною аркою воротъ у двери Тургеневской квартиры.

— Кто это? спрашиваетъ одинъ другаго.

— Ахъ, это вы, Дружининъ? восклицаетъ другой, узнавши по голосу вопрошающаго.

— Добродушный, но разсѣянный человѣкъ, говоритъ укоризненно Боткинъ,—онъ просто забылъ, что позвалъ всѣхъ обѣдать, и я ухожу. Что-же звонить понапрасну? Явно, что ни Ивана Тургенева, ни Ивана лакея нѣтъ на квартирѣ".

Однажды, передъ самымъ обѣдомъ я забѣжалъ къ Тургеневу поболтать съ нимъ, пока онъ будетъ одѣваться. Въ комнатахъ было дѣйствительно никакъ не болѣе десяти градусовъ, которые переодѣвавшемуся Тургеневу были всѣхъ чувствительнѣе.

— Иванъ! воскликнулъ онъ слезливымъ голосомъ,—ну какъ же мнѣ тебя умолять? Сколько разъ уже я слезно просилъ тебя сильнѣе топить въ такіе морозы.

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ, отвѣчалъ Иванъ.

— Да вѣдь я, прервалъ его Тургеневъ, все выше забирающимъ фальцетомъ, и не спорю съ тобою. Ну ты уменъ, а

я дуракъ. Но помилосердуй! Не до такой же степени я глупъ, чтобы не могъ разобрать, холодно мнѣ или тепло.

Чтобы понять слѣдующій небольшой случай съ Иваномъ, не оставшійся безъ литературнаго слѣда, необходимо упомянуть одно литературное лицо, по временамъ появлявшееся въ нашемъ кругу. Это былъ небольшаго роста бѣлокурый молодой нѣмецъ Видертъ, весьма удачно переводившій русскіе стихи и прозу на нѣмецкій языкъ. Его переводы Кольцова пользовались въ Германіи заслуженнымъ успѣхомъ. Появлялся онъ обыкновенно къ вечернему чаю. Во время одного изъ такихъ посѣщеній, на требованіе чаю со стороны Тургенева, Иванъ объявилъ, что чай весь вышелъ.

— Помилуй, любезный другъ! воскликнулъ изумленный Тургеневъ. Какъ-же могъ такъ скоро выйти чай, когда я только третьяго дня принесъ фунтъ?

— Помилуйте-съ, помилуйте-съ, отвѣчалъ Иванъ, — стаканы малы.

Ожидавшій въ числѣ прочихъ чаю Некрасовъ не преминулъ воспроизвести эту сцену въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Столъ накрытъ, подсвѣчникъ вытертъ,
Самоваръ давно кипитъ,
Сладковатый нѣмчикъ Видертъ
У Тургенева сидитъ.
По запросу господина
Отвѣчаетъ невзначай
Крѣпостной его дѣтина,
Что «у насъ-де вышелъ чай».
Содрогнулся переводчикъ,
А Тургеневъ возопилъ:
«Чаю нѣтъ! Каковъ молодчикъ!
Не вчера-ли я купилъ?»
Замѣчаніе услышалъ
И отвѣтствовалъ Иванъ:
«Чай у насъ такъ скоро вышелъ
Оттого, что малъ стаканъ».

Такъ какъ я давно уже не писалъ стиховъ, то для журнальной печати запасъ ихъ у меня оказался ничтоженъ; тѣмъ не менѣе Некрасову легко было пригласить меня, совершен-

наго новичка въ журнальномъ дѣлѣ, по совѣту самого Тургенева, въ исключительные сотрудники „Современника“ съ гонораромъ 25-ти рублей за каждое стихотвореніе.

Тургеневъ радовался окончанію перевода одъ Горація и самъ вызвался провѣрить мой переводъ вмѣстѣ со мною изъ строки въ строку. Споровъ и смѣху по этому поводу у насъ возникало немало. Между прочимъ въ XXI одѣ книги первой онъ возсталъ противъ стиха:

«На Крагѣ-ль, по веснѣ».

Такъ какъ Гораціева Крага изгнать было невозможно, то Тургеневъ привязался къ слову — *по веснѣ*, и спрашивалъ, что это такое?

Напрасно я ссылался на обычное въ устахъ каждаго русскаго выраженіе: *по веснѣ, по зимѣ*—въ смыслѣ: въ весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводилъ я ему стихъ Крылова:

«Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ».

Тургеневъ увѣрялъ, что ему хорошо извѣстно, что краснокожіе съ перьями на головѣ и съ поднятыми тамагауками бѣгаютъ по лѣсамъ Америки, восклицая: „на Крагѣ по веснѣ“, причемъ онъ выговаривалъ *веснѣ* такъ, какъ-будто въ концѣ стояло оборотное э.

Потому ли, что я сталъ окруженъ литературной атмосферой, или ужь очень скучалъ въ моемъ одинокомъ номерѣ гостинницы, — заѣхавшій ко мнѣ Иванъ Сергѣевичъ засталъ меня съ карандашемъ въ рукѣ. Я только-что окончилъ стихотвореніе: „Днѣпръ въ половодье“.

Прослушавши стихи, онъ сказалъ:

— Я боялся, что талантъ вашъ изсякъ, но его жила еще могуче бьетъ въ васъ. Пишите и пишите!

Литературный кружокъ, къ которому принадлежалъ и Д. В. Григоровичъ, и мой университетскій товарищъ Я. П. Полонскій, и генералъ-маіоръ Е. П. Ковалевскій, путешественникъ по Малой Азіи, Египту, Нубіи и Абиссиніи, — собирался не у одного Некрасова.

У Тургенева былъ прекрасный крѣпостной поваръ, купленный имъ за тысячу рублей. Приглашая по временамъ

пріятелей обѣдать, Тургеневъ объявилъ, что не можетъ принять болѣе одиннадцати человѣкъ, такъ какъ столоваго сервиза у него только дюжина. Въ такіе дни обѣдъ обыкновенно заказывалъ Боткинъ, и когда затѣмъ какой-либо соусъ выходилъ особенно тонокъ и вкусенъ, Тургеневъ спрашивалъ Боткина:

— А что ты скажешь объ этомъ соусѣ?

— Надо, отвѣчалъ Боткинъ, непремѣнно позвать повара: я буду плакать у него на жилеткѣ.

Однажды Тургеневъ объявилъ мнѣ, что Краевскій желаетъ со мною познакомиться, и мы отправились въ условленный день къ нему.

Послѣ первыхъ словъ привѣта, Андрей Александровичъ сталъ просить у меня стиховъ для „Отечеств. Записокъ“, въ которыхъ я еще во времена Бѣлинскаго печаталъ свои стихотворенія. Онъ порицалъ уловку Некрасова, заманившаго меня въ постоянное сотрудничество.—Это ужь какая-то лавочка въ литературѣ, говорилъ онъ.

Хотя я и раздѣлялъ воззрѣніе Краевскаго, но считалъ неловкимъ нарушать возникшія между мною и „Современникомъ“ отношенія. Вернувшись отъ Краевскаго, я высказалъ Тургеневу свои сомнѣнія, но онъ, посовѣтовавшій мнѣ согласиться на предложеніе Некрасова, сталъ убѣждать меня, что это нимало не помѣшаетъ дать что-либо и Краевскому. Къ счастію, новыхъ стихотвореній у меня не оказалось, но отъ скуки одиночества я написалъ прозою небольшой разсказъ „Каленикъ“ и отдалъ его въ „Отечеств. Записки“. Появившееся на страницахъ журнала имя мое воздвигло въ Некрасовѣ бурю негодованія; онъ сказалъ, что предоставляетъ себѣ право печатать мои стихотворенія не подрядъ, а по выбору, въ ущербъ моему гонорару.

Однажды, когда мы кончили пересмотръ Гораціевыхъ одъ, Тургеневъ объявилъ мнѣ, что Краевскій проситъ ихъ для „Отечеств. Записокъ“ и, кромѣ пятисотъ экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ, предлагаетъ за нихъ тысячу рублей. Въ то время эта сумма показалась мнѣ огромна, и я согласился.

Приближался февраль мѣсяцъ, и оканчивался срокъ нашего

прикомандированія. Отецъ запрашивалъ меня о суммѣ, необходимой на новую экипировку. Добросовѣстно все разсчитавъ, я написалъ, что необходимо семьсотъ рублей, и заблаговременно къ данному сроку заказалъ новую обмундировку.

На послѣднюю передъ смотромъ Его Высочества репетицію добрѣйшій Ант. Ант. Эссенъ самъ прибылъ въ манежъ, очевидно, съ цѣлью осмотрѣть меня, такъ какъ никого не зналъ изъ остальныхъ прикомандированныхъ. Кирасирская обмундировка моя была въ исправности, за исключеніемъ кирасъ, самой дорогой части вооруженія. Во фронтѣ мои кирасы могли быть терпимы, но для одиночнаго смотра они были плоховаты, и я уже заблаговременно приготовилъ себѣ на прокатъ хорошіе изъ магазина.

„На смотру нужно другіе кирасы, сказалъ Антонъ Антоновичъ, c'est une vieille machine, mon cher!“

Я его и на этотъ счетъ успокоилъ.

Въ день смотра мы выстроились посреди манежа къ назначенному часу, и на лѣвомъ флангѣ появились у насъ массивные кавалергардскіе унтеръ-офицеры, готовившіеся къ переходу офицерами въ армію. Въ манежъ стали прибывать генералы и великіе князья, выстраиваясь въ два порядка у входа, въ ожиданіи великаго князя цесаревича.

Отвѣтивъ на отданную ему честь, Его Высочество скомандовалъ намъ: справа по одному,—и смотръ начался. Доброѣзжая лошадь моя была совершенно безъ огня, а шпорить въ присутствіи начальства считалось невѣжливымъ. Зато, пройдя передъ глазами главнокомандующаго извѣстнымъ аллюромъ, я старался за спиной его надавать своему коню такихъ горячихъ шпоръ, отъ которыхъ онъ снова проходилъ передъ начальствомъ весь кипящій жизнью. Проѣзжая собранной рысью, я увидалъ руку Его Высочества, указывающую на меня, и ясно услыхалъ его слова: „славно ѣздитъ“!

— „Ну, подумалъ я, слава Богу, теперь уже буду переведенъ“.

Когда пришлось прыгать черезъ барьеръ съ сабельною рубкою, я вспомнилъ наставленіе Н. Ѳ. Щ—аго, и на ска-

ку вышибъ ударомъ палаша барьеръ изъ рукъ, его державшихъ.

— „Благодарю васъ, господа, сказалъ Его Высочество, поздравляю съ переводомъ въ гвардію, кромѣ васъ, обратился онъ къ пѣшему артиллеристу,—вы срамъ какъ ѣздите. А кавалергарды точно пни“.

Съ неописанною радостью вернулся я въ свой номеръ, куда, по порученію отца моего, прикащикъ Мценскаго хлѣбнаго торговца и милліонера Смирнова принесъ мнѣ деньги на обмундированіе. Съ этого времени отецъ сталъ весьма щедръ на присылку денегъ, и я пересталъ въ нихъ такъ настоятельно нуждаться.

Въ это время въ Петербургѣ умеръ старшій полковникъ нашего полка, и такъ какъ можно предполагать, что шефъ полка, Государь Наслѣдникъ, будетъ присутствовать при отпѣваніи, то въ Петербургъ прибылъ съ женою и генералъ Курсель. Конечно, первымъ долгомъ своимъ я счелъ, въ новой уланской формѣ, отправиться къ нему и съ величайшею благодарностью возвратить деньги генеральшѣ, а затѣмъ поблагодарить всѣхъ, принимавшихъ во мнѣ участіе.

Обѣды у Панаева и Тургенева повторялись съ обычнымъ шумомъ и веселостью, не безъ примѣси весьма крупной аттической соли и нѣкотораго злорадства со стороны всегда мягкаго и любезнаго Тургенева. Въ веселую минуту онъ самъ повторялъ свои эпиграммы, остріе которыхъ обращено было даже на его друзей, напримѣръ Кетчера и Анненкова.

Про Анненкова, въ то время весьма полнаго, экономнаго и охотника покушать, Тургеневъ не разъ, возбуждая общее веселье, повторялъ эпиграмму, изъ которой помню только послѣдніе два стиха:

«Чужимъ наполненнымъ виномъ
Виляетъ острымъ животомъ».

И когда, бывало, Гончаровъ и Анненковъ первые подступали къ муравленому горшку со свѣжею икрою отъ Елисѣева, Тургеневъ вопилъ:

— Господа, не забудьте, что вы не одни здѣсь.

Нерѣдко Дружининъ и Лонгиновъ читали свои юмористи-

ческія, превосходными стихами написанныя, каррикатурныя поэмы. Забавнѣе всего, что въ одной изъ такихъ поэмъ у Лонгинова въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ человѣкъ, пробирающійся утромъ по петербургскимъ улицамъ, былъ списанъ съ Боткина. Всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ стихъ: „то Боткинъ былъ“.—А между тѣмъ самъ Боткинъ пуще другихъ хохоталъ надъ этимъ стихомъ, въ которомъ при немъ Лонгиновъ подставлялъ другое имя.

Въ послѣднее время Тургеневъ сталъ настаивать на новомъ собраніи моихъ стихотвореній, такъ какъ изданіе пятидесятаго года почти все разошлось. Онъ самъ брался за редакцію, приглашая къ себѣ въ сотрудники весь литературный ареопагъ. Конечно, мнѣ оставалось только благодарить.

Въ нашемъ веселомъ кружкѣ мнѣ не случалось ни слова слышать объ иностранной политикѣ, которая меня въ то время интересовала всего менѣе. Однако по переходѣ въ гвардію, пришлось прощаться со всѣми и возвращаться въ полкъ.

Въ полку, къ немалому соревнованію остальныхъ, требовался поручикъ для прикомандировки и немедленнаго отправленія за Дунай въ дѣйствующую армію. Счастливый жребій выпалъ Крониду Александровичу Панаеву, любимому всѣми. Но недолго пришлось намъ завидовать. На полковой праздникъ Св. Мартиніана 13 февраля собранному на молитву полку былъ объявленъ походъ.

Погода стояла бурная и холодная. Морозъ доходилъ до 25-ти градусовъ при глубокомъ снѣгѣ. Садясь на коней, нельзя было не улыбнуться на предсказанія солдатскихъ женъ, ютившихся около казармъ и восклицавшихъ при нашемъ выступленіи: „будутъ, будутъ назадъ! Слава Богу, вѣтеръ прямо въ лицо!“

Насколько въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ я мало цѣню разумъ въ сравненіи съ безсознательнымъ инстинктомъ (вдохновеніемъ), пружины котораго для насъ скрыты, (вѣчная тема нашихъ горячихъ споровъ съ Тургеневымъ), настолько въ практической жизни требую разумныхъ основаній, подкрѣпляемыхъ опытомъ. Вотъ почему порою мнѣ такъ пріятно видѣть, что много моихъ тезисовъ, казавшихся въ свое время

неосновательными и противными опыту, въ настоящее время оправдались самымъ опытомъ.

Сколько разъ я доказывалъ своему эскадронному командиру, съ которымъ мы на походѣ квартировали и продовольствовались вмѣстѣ, такъ какъ слуга мой изрядно готовилъ кушанье,—что существующая, въ видахъ сбереженія лошадей, система тащиться съ эскадрономъ весь тридцати-верстный и болѣе переходъ въ теченіе семи-восьми часовъ, по временамъ спѣшивая людей и заставляя вести лошадей въ поводу, не облегчаетъ, а, напротивъ, утомляетъ послѣднихъ. Самое мучительное для кавалерійской лошади, это затянутое ея положеніе подъ тяжелымъ вьюкомъ, и чѣмъ скорѣе вы избавите ее отъ послѣдняго, тѣмъ больше ее облегчите; и пройдя тридцать верстъ въ четыре часа, переходя изъ рыси въ шагъ, вы какъ разъ вдвое уменьшите ея восьмичасовое страданіе. Нечего говорить, что метода водить во время зимнихъ походовъ людей пѣшкомъ—для послѣднихъ вредоносна. Человѣкъ, несущій оружіе и ведущій въ поводу лошадь, вынужденъ утомительно ступать по глубокому снѣгу, взрытому копытами; при этомъ онъ неусыпно долженъ наблюдать, чтобы лошадь не наступила ему на шпору, не налѣзла на переднюю, и задній человѣкъ не навелъ бы на нее свою. Не явно ли, что, пройдя такимъ образомъ версту, люди согрѣваются до испарины, и затѣмъ команда—„садись“—подниметъ ихъ въ область ничѣмъ не задерживаемаго вѣтра. Не значитъ ли это напрашиваться на тифъ?

Въ тѣ времена разглагольствованія мои оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что не мѣшало имъ оправдаться уже на первомъ переходѣ. Продрогнувшія изъ теплой конюшни лошади на поводу по глубокому снѣгу только и поджидали, какъ бы слѣдующая за ней насунулась такъ, чтобы можно было ее ударить, и по приходѣ полка на ночлегъ оказались четыре лошади съ перебитыми передними ногами.

На ночлегѣ я узналъ, что полковой казначей, „какъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ“, отправился за срочными вещами въ Новгородъ, а я назначенъ исправляющимъ его должность и въ то же время командированъ отвозить въ Зимній Дворецъ къ Августѣйшему Шефу серебряныя георгіевскія трубы и два излишнихъ штандарта.

На другой день прибывъ ко дворцу, я повелъ своихъ штандартныхъ унтеръ-офицеровъ на половину Его Высочества и долженъ былъ на порогѣ перешагнуть черезъ прелестнаго желтаго сетера, не обратившаго на насъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія. Мой бѣдный, въ настоящее время изъ лѣтъ выжившій, Трапъ,—праправнукъ по прямой линіи того прелестнаго сетера.

Дверь отворилась, и изъ кабинета Его Высочества вышелъ начальникъ гвардейскаго штаба, генералъ Витовтовъ.

— Вы привезли штандарты?

— И серебряныя трубы, ваше превосходительство.

— Штандарты составьте вотъ сюда, а трубы сдайте въ дворцовую контору. Да какіе это орлы на штандартахъ: старые или новые?

— Старые, ваше прев—ство.

— Да что вы говорите! Боже васъ сохрани сказать это Его Высочеству! Старые, слишкомъ тяжелые, серебряные орлы у васъ стоятъ въ церкви и замѣнены новыми меньшаго размѣра.

Слова генерала ясно указали мнѣ, что, какъ новичекъ въ полку, я на многіе вопросы могу отвѣчать совершенно не впопадъ, и потому не безъ трепета въ груди увидалъ вошедшаго Государя Наслѣдника въ нашемъ мундирѣ. Къ счастію, Его Высочество ограничился общими вопросами, и я подвезъ свой ящикъ къ дворцовой конторѣ. Тамъ мнѣ объявили, что дворцовое вѣдомство съ военными не имѣетъ никакого сообщенія, и что трубы я долженъ сдать въ арсеналъ. Въ арсеналѣ мнѣ объявили, что это старый арсеналъ, и что трубы должны быть сданы въ новый.

— Ну, думаю, наконецъ добился толку. — Но въ новомъ арсеналѣ мнѣ положительно объявили, что трубъ не примутъ, такъ какъ онѣ подлежатъ сдачѣ въ старый арсеналъ. Въ старомъ арсеналѣ пренія поднялись снова, и я рѣшительно объявилъ, что ввезу ящикъ на дворъ арсенала и, не дожидаясь квитанціи, оставлю его тамъ, о чемъ тотчасъ же донесу въ корпусный штабъ. Это подѣйствовало, и я получилъ квитанцію.

Желая передъ походомъ проститься съ Панаевыми, я забѣ-

жалъ къ нимъ передъ самымъ обѣдомъ. Хозяйка ни за что не отпускала меня безъ обѣда Тотчасъ послѣ обѣда подошли два-три молодыхъ человѣка, и завязалась веселая бесѣда· Какъ я ни посматривалъ на часы, чтобы поспѣть къ послѣднему царскосельскому поѣзду навстрѣчу полку, меня уговорили, убѣждая, что я поспѣю и на другой день съ семичасовымъ поѣздомъ.

«Ахъ, обмануть того не трудно,
Кто самъ обманываться радъ».

Отъ волненія изъ-за своей неисправности, я не могъ затѣмъ заснуть во всю ночь и къ семи часамъ былъ уже съ небольшимъ чемоданомъ въ царскосельскомъ вагонѣ. Вдругъ послѣ втораго звонка слышу вокругъ себя голоса: „какъ-же, въ семь часовъ былъ смотръ. Его Высочество смотрѣлъ уланъ, которые прошли въ Красное Село".

— Да такъ ли?

— Помилуйте, мой знакомый сейчасъ оттуда, и при немъ уланы проходили.

Въ отчаяніи хватаю свой чемоданъ, бѣгу на площадь и сажусь на перваго парнаго извощика.

Черезъ два часа я уже былъ въ Красномъ Селѣ на общей нашей съ М—ымъ квартирѣ, гдѣ слуга сказалъ мнѣ, что М—ъ у Щ—ихъ. Я бросился туда.

— Какъ же это вы, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, запоздали? Генералъ крайне недоволенъ, послышалось со всѣхъ сторонъ,— вашу лошадь провели за полкомъ. Неловко, очень неловко.

— Ловко ли, неловко ли, отвѣчалъ я, надо явиться къ генералу.

— Да, да, ступайте поскорѣе! Дѣлать нечего.

Когда я сталъ подходить къ денежному ящику, подъ охраною часоваго, то увидалъ шедшаго мнѣ навстрѣчу командира полка.

— Что это у васъ тамъ такое? еще издали воскликнулъ генералъ.

Я, насколько было возможно, оглядѣлъ себя и нашелъ все въ порядкѣ.

— Что это у васъ тамъ такое? повторилъ онъ.

Я оглянулся назадъ.

— Нѣтъ, восклицалъ генералъ, я вамъ говорю.—Я понять не могу. Еслибы мнѣ сказали, что сегодня не понедѣльникъ, а пятница, и ночь, а не день, то я скорѣе бы этому повѣрилъ, чѣмъ тому, что васъ не было на своемъ мѣстѣ на смотру. Отдайте вашу саблю адъютанту.

Такимъ образомъ я во второй разъ въ моей жизни былъ арестованъ, съ тою разницею, что въ первый разъ на четверть часа и по чужой винѣ, а теперь по моей собственной. Въ полковомъ штабѣ и въ манежѣ всѣ привыкли ходить безъ сабли, но во фронтѣ и на походѣ очутиться одному безъ сабли ужасно неловко, точно на балѣ безъ галстука.

Рано утромъ полкъ потянулся въ походъ, и я въ одиночку прошелъ цѣлый переходъ за казеннымъ ящикомъ, за которымъ водятъ арестантовъ.

Мы пришли на дневку.

Послѣ обѣда казначейскій писарь пронесъ ко мнѣ бумаги къ завтрашнему докладу, такъ как нам назначена была дневка, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ нужно было приложить полковую печать.

Я спросилъ свою походную шкатулку и по вскрытіи, къ ужасу моему, печати въ ней не нашелъ.

Слуга объявилъ мнѣ, что онъ не только не укладывалъ ея, но даже не видалъ. Итакъ, если ея нѣтъ въ шкатулкѣ, — а ея тамъ нѣтъ—то она пропала. Однако, какъ же быть? Безъ формальной подписи полковаго командира ни одинъ рѣзчикъ не станетъ рѣзать печати, а какъ въ теперешнемъ моемъ положеніи заявлять о ея пропажѣ командиру полка? Не только я самъ, но и добрѣйшій мой сожитель Василій Павловичъ не находилъ, что сказать.

— Боже, да какимъ же образомъ могла пропасть эта злополучная печать? воскликнулъ я.

Машинально приподымаю кожаный чахолъ шкатулки, какъ бы въ подтвержденіе того, что печати тутъ нѣтъ, и вдругъ пальцы мои ткнулись позади шкатулки во что-то круглое. „Вотъ она!“ вскричалъ я громко.

Скажу откровенно, никакая улыбка фортуны не возбуждала во мнѣ сильнѣйшей радости, чѣмъ эта находка.

На другой день утромъ отправившись съ докладомъ къ генералу, я въ первой комнатѣ подъ штандартомъ увидалъ свою сиротѣющую саблю.

Выслушавъ докладъ и подписавъ бумаги, генералъ сказалъ:

— Возьмите вашу саблю и приходите обѣдать.

Конецъ февраля далъ себя знать. Снѣжныя мятели при жестокомъ морозѣ все подбавляли и безъ того глубокій снѣгъ, и хотя походъ продолжался не болѣе двухъ недѣль, онъ казался намъ безконечнымъ.

На одной изъ станцій намъ приказано было на завтрашній день вернуться на предшествующую, такъ какъ послѣ завтра Его Высочество изволитъ смотрѣть полкъ на походѣ. Конечно, мы вернулись на предыдущую станцію и въ ожиданіи утра усердно занялись чисткою амуниціи. Но въ день, назначенный для смотра, мы получили увѣдомленіе, что Его Высочество смотрѣть насъ не будетъ, — и приказъ продолжать походъ. Не успѣли мы снова отойти двухъ станцій, какъ буквально повторилось то же самое, и мы опять прошли станцію вспять. Не ясно ли было, что составители маршрута для Его Высочества два раза ошибались мѣстопребываніемъ полка въ данный день, хотя нашъ походный маршрутъ былъ у нихъ подъ руками. При дальнѣйшемъ слѣдованіи намъ не разъ приходилось убѣждаться въ невообразимой путаницѣ распоряженій тогдашняго военнаго министерства.

Наконецъ полкъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ Его Высочества. Такъ какъ онъ смотрѣлъ насъ на походѣ, то по узкости пути долженъ былъ объѣзжать верхомъ остановленный полкъ, растянувшійся версты на двѣ, и по мѣрѣ осмотра офицеры слѣдовали за нимъ къ головѣ колонны, т. е. къ лейбъ-эскадрону.

Поблагодаривъ командира полка за хорошій видъ людей и лошадей, Его Высочество обратился къ окружавшимъ его офицерамъ съ такою рѣчью:

— Поздравляю васъ, господа, съ походомъ. Государь Императоръ поручилъ мнѣ привѣтствовать васъ. Вамъ, быть можетъ, первымъ предстоитъ честь встрѣтить врага. Всѣ вы здѣсь дворяне, и я увѣренъ, что вы исполните свой долгъ. Прощайте, Богъ съ вами!

Вначалѣ марта погода изъ снѣжной и морозной измѣнилась въ теплую и дождливую, превращая путь нашъ въ снѣжную кашицу по колѣно лошади. Конечно, для насъ не стали бы церемониться, но передвигали не только нашу артиллерію, но и осадную, и потому дорога была занята тысячами чухонъ, расчищавшихъ снѣгъ.

Идемъ и нагоняемъ засѣвшій въ сугробѣ обозъ съ санями, въ которыя запряжены по двѣ и по три тройки, и намъ приходится въ одинъ конь пробираться мимо этой кричащей и загораживающей дорогу вереницы.

— Куда это вы, братцы? спросишь обознаго солдатика.

— Осадныя орудія изъ Свеаборга въ Ригу веземъ.

Версты черезъ четыре обгоняемъ новый обозъ съ красными флагами.

— Куда вы?

— Изъ Свеаборга въ Ригу порохъ доставляемъ.

Черезъ нѣсколько верстъ попадаются навстрѣчу такіе же обозы, везущіе осадныя орудія изъ Риги въ Свеаборъ. Ясно, что люди и лошади надрываются вслѣдствіе канцелярской неурядицы.

На предпослѣднемъ переходѣ подъ Ревелемъ большинству офицеровъ полка отвели большой и пустой помѣщичій домъ. На другое утро, когда полкъ собрался выступать, я получилъ предписаніе въ качествѣ казначея вернуться на предыдущую станцію въ имѣніе графа Н. въ дивизіонный штабъ и получить тамъ высланныя полку деньги.

— На чемъ же я поѣду, спросилъ я, тутъ ни почтовыхъ, ни обывательскихъ не найдешь.

— Это ваше дѣло, былъ отвѣтъ,—на службѣ нѣтъ отговорокъ. Да вотъ вамъ поручено на половинѣ дороги передать этотъ конвертъ баттарейному командиру.

Затѣмъ всѣ застучали волочащимися по паркету саблями и вышли садиться верхомъ, а я остался одинъ въ пустомъ домѣ.

Въ унылом раздумьи засмотрѣлся я въ окно, выходящее на дворъ усадьбы, и увидалъ чухонца, везущаго бочку съ водою на санномъ станкѣ. Лошадь показалась мнѣ надежною. Въ минуту сборы мои были окончены; я приказалъ свалить

бочку со станка, а чухонцу подъѣхать къ крыльцу. Надѣть въ рукава солдатскую шинель, застегнуть подбородникъ шапки и опоясаться саблею было дѣломъ одной минуты. Чухонцу растолковали, куда меня везти, и мы тронулись въ путь.

Если сообразить, что на водовозномъ станкѣ не было ни отводинъ, ни роспусковъ, ни подстилки, и что вязки представляли неширокую лѣсенку, на которой по ухабамъ и зажорамъ надлежало проѣхать 30 верстъ, а всего, туда и обратно, — 60, то можно уже себѣ представить всѣ удобства подобнаго переѣзда, при которомъ главное вниманіе сосредоточивалось на томъ, чтобы нога, соскочивъ на толчкѣ съ вязка, не ткнулась въ землю и не была переломлена. Погода была отвратительная: то падалъ мелкій снѣгъ, то холодный проливной дождь; сквозь ничѣмъ не защищенныя головашки саней изъ подъ копытъ погоняемой лошади обдавало чухонца и меня съ ногъ до головы грязнымъ снѣгомъ: мѣстами приходилось становиться на колѣни, чтобы всѣмъ тѣломъ не зачерпнуть воды; нечего говорить, сколько разъ наши сани опрокидывались на неровной дорогѣ, и приходилось летѣть въ грязь или воду. Тогда еще не знали благодѣтельныхъ высокихъ сапоговъ. При вниманіи, сосредоточенномъ единственно на сохраненіи ногъ отъ перелома, даже сердиться было некогда; но однажды, когда меня выбросило въ воду, я услыхалъ громкое замѣчаніе одного изъ пробиравшихся сторонкой драгунскихъ солдатиковъ:

— Вотъ и его благородіе лежитъ!

Я невольно усмѣхнулся.

На половинѣ пути въ проливной дождикъ я наткнулся на протянувшуюся по дорогѣ баттарею. Узнавши номеръ баттареи, я спросилъ:

— А гдѣ же баттарейный командиръ?

— Тамъ назади, пропускаютъ орудія.

Въ хвостѣ обоза я дѣйствительно нашелъ полковника. Подъ проливнымъ дождемъ, бившимъ ему прямо въ глаза, онъ сидѣлъ верхомъ и старался удержать на мѣстѣ прекраснаго воронаго жеребца, такъ какъ тянущійся мимо хвостъ обоза еще не распутался окончательно при выѣздѣ на дорогу.

Ставши со своихъ дровней и взявшись подъ козырекъ, я подалъ пакетъ полковнику, прибавивъ, что по обстоятельствамъ не безпокою его роспиской въ полученіи.

— Да чего имъ отъ меня надо? воскликнулъ полковникъ.

— Не могу доложить, отвѣчалъ я.

Полковникъ, подъ которымъ нетерпѣливый жеребецъ прядалъ и порою, какъ свѣча, взвивался на дыбы, разорвалъ конвертъ и хотѣлъ прочесть бумагу, но проливной дождь мгновенно превратилъ ее въ тряпку, которую онъ скомкалъ и засунулъ за бортъ своей солдатской шинели.

— Не могу, воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, и я, еще разъ взявшись подъ козырекъ, снова сѣлъ на свои дровни.

Часамъ къ тремъ дня я подъѣхалъ къ крыльцу великолѣпнаго графскаго дома. Въ просторной швейцарской передъ широкою лѣстницей въ бельэтажъ, я спросилъ у ливрейнаго въ перевязи и съ булавою швейцара, куда пройти къ дивизіонному адъютанту.

— Сюда пожалуйте, отвѣтилъ швейцаръ, указывая на дверь влѣво отъ входа.

Сидѣвшій на креслѣ за бумагами старшій адъютантъ обратился ко мнѣ съ изумленными глазами, но тотчасъ же расхохотался и едва въ силахъ былъ проговорить:

— Извините ради Бога, но взгляните на себя въ зеркало.

Я взглянулъ въ большое зеркало и увидѣлъ дѣйствительно престранную фигуру, съ головы до ногъ покрытую грязью, не исключая лица, на которомъ рѣзко выступали бѣлки глазъ, какъ у араба. Тѣмъ не менѣе я не безъ досады воскликнулъ:

— Хорошо вамъ смѣяться, а я промокъ до костей. Нѣтъ ли у васъ чего надѣть, а шинель я пошлю на кухню высушить.

— Да вотъ надѣвайте пока мою красную фуфайку, а мнѣ, все равно, приходится одѣться и уйти.

Не успѣлъ я хотя отчасти привести себя въ порядокъ при помощи адъютантскаго слуги, какъ дверь отворилась, и графскій слуга на подносѣ внесъ и поставилъ передо мною изобильный завтракъ съ водкою, виномъ и пивомъ. Не успѣлъ я оказать завтраку долженствующую честь, какъ дверь

снова отворилась, и въ комнату вошелъ представительнаго вида пожилой мужчина съ расшитою ермолкою на головѣ. Я съ перваго взгляда угадалъ въ немъ самого графа.

— Мы въ пять часовъ обѣдаемъ, сказалъ онъ, и оба съ женою моею просимъ васъ пожаловать откушать.

Напрасно извинялся я невозможнымъ состоянiемъ своего туалета, который долженъ былъ всюду оставлять грязные слѣды,—ничто не помогало, и въ назначенный часъ я, поднявшись по широкой лѣстницѣ, явился въ великолѣпную столовую, гдѣ старшимъ дивизiоннымъ адъютантомъ былъ представленъ любезной хозяйкѣ и двумъ взрослымъ ея дочерямъ. Съ одною изъ нихъ мнѣ пришлось сидѣть за столомъ, и она очаровала меня своимъ образованiемъ и непринужденною любезностью. За первымъ блюдомъ она ушла и, подойдя къ растворившейся въ стѣнѣ дверкѣ, стала съ блюдомъ въ рукахъ обходить обѣдающихъ. Маневръ этотъ былъ для меня дотого неожиданнымъ, что не успѣлъ я придти въ себя, какъ она уже стояла около меня, предлагая взять кусочекъ чего-то... чего?—не умѣю сказать, такъ какъ старался схватить предлагаемое, чтобы не имѣть вида недоумѣвающаго лопаря.

Но пора было думать и о возвращенiи въ полкъ.

Дивизiонный адъютантъ передалъ мнѣ тысячъ на сорокъ всевозможныхъ видовъ ассигнацiй и выхлопоталъ мнѣ почтовую пару лошадей. На этотъ разъ сани оказались исправными, и я не валялся уже по лужамъ, съ карманами солдатской шинели, набитыми казенными деньгами.

Такъ какъ нужно было дѣлать уже не одну, а двѣ станцiи, то я поспѣлъ къ полку только утромъ при его выступленiи, и пришлось садиться прямо верхомъ съ карманами, набитыми деньгами, и такимъ образомъ вступать въ Ревель.

Офицеры знали хорошо, что изъ Ревеля эскадроны будутъ размѣщены по отдѣльнымъ фольваркамъ, и потому за полученiемъ жалованья каждому придется снова ѣхать въ штабъ полка. Поэтому встрѣчавшiеся со мною въ городѣ офицеры требовали немедленнаго удовлетворенiя ихъ жалованьемъ. Стало быть, приходилось раздавать деньги, по точному разсчету, сообразно чину каждаго и безъ росписки въ получе-

ніи, сидя верхомъ, на вѣтру, могущемъ унесть бумажку. Но кто знаетъ магическое слово *товарищъ*, не удивится, что многіе въ тотъ день получили жалованье при такихъ условіяхъ.

Помню ходившій между нами въ тотъ день оригинальный разсказъ.

Изъ страха какихъ-либо случайностей, баттарейныя орудія никогда не помѣщаются, а тѣмъ болѣе въ походѣ,—на дворахъ, а всегда на открытомъ полѣ подъ карауломъ часовыхъ. Мѣста на походѣ изъ предосторожности указываются учеными офицерами, знакомыми, съ топографіею.

За день до нашего вступленія въ Ревель, такой ученый отвелъ баттареѣ весьма гладкую снѣжную равнину. Каковъ же былъ переполохъ, когда утромъ зачерпнувшіеся водою берега показали, что баттарея ночевала на дрябломъ весеннемъ льду озера, грозившаго ежеминутно поглотить довѣренныя ему орудія.

Въ Ревелѣ прибылъ къ полку окончившій свою командировку полковой казначей, а потому, сдавши ему дѣла, я могъ тотчасъ же отправиться къ нашему эскадрону по дорогѣ въ Балтійскій Портъ.

Не могу сдѣлать никакого сравненія между гостепріимствомъ русскихъ и остзейскихъ дворянъ, потому что до Нарвы мы постоянно квартировали въ крестьянскихъ избахъ, и только съ Нарвы намъ приходилось переходить отъ помѣщика къ помѣщику, и мы не могли достаточно нахвалиться ихъ любезностью,

Одно дѣло, въ видахъ всякихъ политическихъ и иныхъ соображеній, писать о какой-либо странѣ, а другое — отдавать себѣ отчетъ въ произведенномъ ею непосредственномъ впечатлѣніи. Мнѣ представятся еще случаи то тамъ, то сямъ поневолѣ коснуться той темы, о которой я желаю теперь сказать нѣсколько словъ вообще.

Покинулъ я остзейскія губерніи, гдѣ въ пансіонѣ Крюммера провелъ три года, на шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, т. е. въ такія лѣта, когда человѣкъ удовлетворяется прямымъ знакомствомъ съ окружающими его предметами и не чувствуетъ потребности сводить итоги впечатлѣній.

При новомъ вступленіи въ остзейскій край мнѣ было 34

года, и я не могу умолчать о произведенномъ на меня впечатлѣніи культурной страны, которую глазъ безпрестанно сравнивалъ съ нашею Русью.

Я долженъ признаться, что сравниваю тогдашнее состояніе остзейскаго края, котораго не видалъ съ тѣхъ поръ, съ теперешнимъ положеніемъ нашего черноземнаго населенія, близко мнѣ знакомымъ. Разница выходитъ громадная.

Почва этого края не выдерживаетъ никакого сравненія съ нашей черноземною полосою, а между тѣмъ жители сумѣли воспользоваться всѣми данными, чтобы добиться не только вѣрнаго, но и прочнаго благоустройства. Поля воздѣланы со всевозможною тщательностью, всюду проложили не широкія, но прекрасно содержанныя шоссе; лѣса, дичина и рыболовство не подвергнуты безпощадному расхищенію; небольшія, круглыя и сильныя крестьянскія лошади прекрасно содержаны, и вы не встрѣтите ни тощихъ клячъ, попадающихся у насъ на каждомъ шагу, ни нищихъ

Всѣ дворянскіе дома и усадьбы, переходящіе отъ отца къ сыну, массивно сложены изъ гранитныхъ камней, обильно разбросанныхъ по полямъ.

Такимъ образомъ камни сослужили двѣ службы: сошли съ полей и построили усадьбы и шоссе. Дворяне не дробятъ имѣній, а передаютъ ихъ одному изъ сыновей, помогающему братьямъ на избранномъ ими поприщѣ государственной или частной службы. Дочери богатаго графа, обносящія вокругъ стола кушанья, ясно указываютъ на то, что дворяне полагаютъ униженіе своего достоинства не въ этомъ актѣ и ему подобныхъ, а въ чемъ-то другомъ, хотя преисполнены чувствомъ собственнаго достоинства никакъ не менѣе нашихъ, и не сразу бы поняли слово *опроститься*. Словомъ, весь жизненный строй напоминаетъ растеніе, разцвѣтъ котораго не мѣшаетъ ему глубоко пускать корни въ почву, запасаясь все новыми силами.

Нашъ эскадронъ помѣстился на фольваркахъ мызы Лецъ, гдѣ намъ отвели небольшой флигель, въ которомъ помѣщались мы съ Василіемъ Павловичемъ и съ младшимъ барономъ Оф—мъ; старшій же Оф—гъ и Ме—овъ помѣщались за двѣ версты въ самомъ городѣ Балтійскомъ Портѣ.

Рядомъ съ нашимъ флигелемъ въ небольшомъ домѣ, обращенномъ заднимъ фасадомъ къ склоняющемуся къ морю саду, проживалъ самъ владѣлецъ, холостой стройный блондинъ лѣтъ сорока, вмѣстѣ съ пожилою, едва-ли не старшею, сестрою, заправлявшею домашнимъ хозяйствомъ.

Рамъ (фамилія владѣльца), кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, былъ человѣкъ далеко небогатый, но вполнѣ образованный и исполненный такта, облегчавшаго стороннимъ всѣ къ нему отношенія.

Въ первый день прямо съ похода онъ пришелъ во флигель просить насъ къ обѣду, а вслѣдъ затѣмъ самымъ естественнымъ образомъ высказался, что хотя при флигелѣ и есть своя кухня, но что доставленіе топлива, поиски за провизіей, которая въ концѣ концовъ всетаки у него въ рукахъ, приводятъ къ тому, что и намъ, и ему будетъ гораздо неудобнѣе держать двѣ стряпни, чѣмъ намъ ежедневно приходить за два шага къ его обычному обѣду. Такъ мы и сдѣлали, и все лѣто, за исключеніемъ утренняго и вечерняго чая, уже не заботились о своемъ столѣ.

Въ домѣ любезнаго нашего хозяина не было и тѣни роскоши, но все содержалось въ порядкѣ, не оставлявшемъ желать ничего лучшаго. Тамъ не было, съ одной стороны, ни дешевой бронзы, ни поддѣльнаго фарфора, этихъ признаковъ тщеславной бѣдности, но зато не было и изувѣченной мебели, неопрятной посуды и т. д.

Нерѣдко и наши эскадронные товарищи навѣщали насъ изъ Балтійскаго Порта и были точно также приглашаемы къ столу любезными хозяевами.

На берегу моря, изобилующаго рыбой, знаменитые парижскіе sole и turbot (два рода плоской камбалы) появлялись за столомъ такъ часто, что потеряли для насъ всякую привлекательность.

Въ наше время взводные офицеры не допускались эскадронными командирами ни до какихъ хозяйственныхъ или учебныхъ распоряженій, и нерѣдко случалось, что на смотрахъ и ученіяхъ командиру втораго или третьяго взвода, вслѣдствіе стороннихъ соображеній, говорили: „потрудитесь стать передъ первый взводъ“.

Третій взводъ, котораго я былъ командиромъ, расположенъ былъ на фольваркѣ у самаго берега моря, между мызою Лецъ и Балтійскомъ Портомъ, близь маяка, на которомъ жилъ офицеръ морскаго вѣдомства. Такъ какъ, по совершенной очисткѣ рейдовъ отъ льдовъ, англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Непира, показался на морѣ, то маякъ не только не зажигалъ наверху сигнальныхъ огней, но былъ со стороны моря выкрашенъ сѣрою краскою, отнимавшею у него издали всякую видимость. У маяка постоянно стоялъ казачій пикетъ, съ помощью котораго морской офицеръ давалъ знать о замѣченномъ имъ движеніи прибрежнымъ воинскимъ начальникамъ.

При первомъ появленіи флота, мы сѣли на коней и по лѣсной тропинкѣ отправились съ Василіемъ Павловичемъ на маякъ. Съ верхней его площадки видъ на море открывался великолѣпный.

Представляя самъ вышину приблизительно сажень въ 12, маякъ стоялъ надъ отвѣснымъ каменнымъ обрывомъ къ равнинѣ моря, судя по глазомѣру, двойной противъ него высоты.

Сберегая уголь, англійскіе фрегаты ходили подъ парусами и, по совершенно справедливому замѣчанію Василія Павловича, имѣли видъ громадныхъ хищныхъ птицъ, раскинувшихъ крылья надъ волнами. Конечно, никто не зналъ замысловъ непріятеля, и потому нужно было быть готовымъ во всякое время. Впослѣдствіи мы убѣдились, что непріятель считалъ наше побережье гораздо сильнѣе укрѣпленнымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и потому не рѣшался подвергать дорогихъ кораблей поврежденіямъ, подводя ихъ къ намъ на близкое разстояніе. Быть можетъ, первая неудачная попытка воздержала его отъ дальнѣйшихъ.

Въ самомъ Ревелѣ, гдѣ стоялъ нашъ главнокомандующій гр. Бергъ, крѣпость была по возможности вооружена, и мы слышали, что когда дѣти графа катались въ коляскѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдней упала граната, пущенная съ небольшаго англійскаго брига,—но, къ счастію, при паденіи не разорвалась. На этотъ выстрѣлъ мгновенно отвѣчало одно изъ нашихъ береговыхъ орудій тоже разрывнымъ снарядомъ, попавшимъ какъ разъ въ середину палубы брига.

Суета, говорятъ, на бригѣ произошла страшная, и онъ немедля удалился на благородное разстояніе.

Однажды, когда мы съ Василіемъ Павловичемъ заѣхали въ третій взводъ, морской офицеръ предложилъ намъ взойти съ нимъ на маякъ, посмотрѣть англійскій фрегатъ, шедшій на всѣхъ парахъ къ берегу. Густой туманъ, одѣвавшій прибрежье и море, рѣдѣлъ по мѣрѣ нашего восхожденія на башню, откуда тѣмъ не менѣе предметы представлялись подернутыми какою-то голубоватою дымкою. Извѣстно, какъ съ птичьяго полета всѣ предметы уменьшаются несравненно сильнѣе, чѣмъ на тѣхъ же разстояніяхъ въ горизонтальномъ направленіи. Такимъ образомъ, огромный англійскій фрегатъ, несшійся, быть можетъ, на трехверстномъ разстояніи по направленію къ берегу, казался синеватымъ пятномъ, величиною въ тарелку. Мы принялись разсматривать его въ лупку, и пятно это съ каждою минутою замѣтно разросталось.

— Куда же однако, невольно спросили мы, несется онъ на всѣхъ парахъ?

— Вѣроятно, отвѣчалъ морской офицеръ, пользуясь туманомъ, онъ думаетъ промчаться черезъ проливъ Балтійскаго Порта, но сбился онъ влѣво. Ясно, что за туманомъ онъ не видитъ берега и если не измѣнитъ направленія, то мы черезъ пять минутъ увидимъ его неминуемое крушеніе. Они, очевидно, не знаютъ, что тутъ подъ маякомъ почти на версту выбѣгаетъ подводный рифъ, остріемъ котораго корабль будетъ разрѣзанъ пополамъ, какъ булка.

Конечно, эти слова удвоили наше вниманіе, и мы съ минуты на минуту стали поджидать трагической гибели непріятеля.

— Теперь мало надежды на спасеніе, прибавилъ морякъ, черезъ двѣ минуты все будетъ кончено.

Но въ то же мгновеніе мы услыхали звонъ корабельнаго колокола, и фрегатъ, все медленнѣе подвигаясь, далъ наконецъ задній ходъ. Кораблекрушеніе не состоялось.

За исключеніемъ эскадроннаго командира, производившаго по временамъ ученія въ разбросанныхъ взводахъ, мы, субалтернъ-офицеры, принуждены были коротать время охотою, да чтеніемъ французскихъ романовъ.

Въ домѣ Рама пришлось познакомиться съ навѣщавшей его по временамъ изъ Балтійскаго Порта оригинальною четою, коей фамиліи въ настоящее время не припомню. Мужу, небольшаго роста, (назовемъ его Мейеромъ) могло быть 50 лѣтъ, и ему принадлежали три или четыре изъ наилучшихъ домовъ небольшаго города, въ которомъ онъ сосредоточивалъ главнѣйшіе виды власти и обязанностей. Такъ онъ былъ градоначальникомъ, органистомъ и проповѣдникомъ въ домовой лютеранской церкви и кромѣ того (если не ошибаюсь въ выраженіи)—консуломъ, провѣрявшимъ путевые журналы всѣхъ приходящихъ на рейдъ кораблей; онъ же являлся безапелляціоннымъ судьею въ возникавшихъ на корабляхъ несогласіяхъ и смутахъ. Человѣкъ онъ былъ скромный, положительный и неглупый.

Зато супруга его, весьма невзрачная, лѣтъ 40, никакъ не могла никому, начиная съ мужа, простить своего умственнаго превосходства. Какъ единственное, встрѣченное нами въ Остзейскомъ краѣ, исключеніе, она неизгладимо напечатлѣлась въ моей памяти. Я ниразу не бесѣдовалъ съ нею безъ того, чтобы она, въ видѣ стрѣлы, направленной въ русскихъ, не заговорила о преимуществѣ нѣмцевъ, получившихъ образованіе отъ римлянъ.

Приближались праздники Пасхи, и хотя шоссейныя дороги давно были чисты отъ снѣга, по сторонамъ было грязно отъ проливныхъ дождей.

Въ великую субботу мы въ нашемъ тихомъ флигелѣ не раздѣваясь поджидали 12-ти часовъ ночи, чтобы поздравить другъ друга съ праздникомъ,—какъ вдругъ съ маяка пріѣхалъ казакъ съ извѣстіемъ, что корабли спустили шлюпки въ направленіи къ берегу. Конечно, не прошло и четверти часа, какъ, не взирая на непроглядный мракъ и дождь, лошади наши были подведены къ крыльцу конными вѣстовыми, и мы въ полной походной формѣ отправились къ своимъ частямъ. Слуги вынуждены были свѣтить намъ съ порога, безъ чего привыкшіе къ свѣту глаза не различали бы ни лошади, ни сѣдла. Первымъ дебютомъ моимъ было попасть головою въ кустъ, осыпавшій меня и лошадь дождевыми каплями. Но вотъ мало-по-малу мы съ вѣстовымъ выбрались

на лѣсную тропинку, ведущую къ третьему взводу. Ѣхать рысью не было никакой возможности, по пословицѣ:—„поспѣшишь—людей насмѣшишь",—и приходилось громко шлепать по грязи, пробираясь шагомъ. Ясно помню всѣ мысли, тѣснившіяся въ головѣ въ теченіи переѣзда, показавшагося мнѣ безконечнымъ.

Строго подчиняясь распоряженіямъ свыше, я былъ обстоятельствами вынужденъ критически отнестить къ своему положенію. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь, а я никакъ не могъ понять, почему въ охрану береговой линіи отъ десанта,—очевидно пѣхоты, вооруженной дальнострѣльными ружьями,—выставлена кавалерія, вооруженная пиками и саблями, такъ какъ наши карабины можно только было считать лишней обузой, но никакъ не вооруженіемъ. Не очевидно ли, что небольшой десантъ никакъ не отважится на далекое наступленіе, а будетъ держаться по близости шлюпокъ и стрѣлять издали по всякому вооруженному, не рискуя ни малѣйшимъ отпоромъ.

Такимъ образомъ, еслибы стрѣлки, вышедшіе на берегъ, пробрались сквозь узкую кайму деревьевъ, отдѣлявшую нашу тропу отъ моря, то могли бы въ видѣ забавы поднять стрѣльбу по невидимымъ, но явно слышимымъ проѣзжимъ и, искалѣчивъ насъ или нашихъ лошадей, помѣшать намъ съ вѣстовымъ добраться до взвода, остающагося подъ начальствомъ одного взводнаго унтеръ-офицера. Очевидно, что единственно благоразумной мѣрой въ случаѣ десанта будетъ возможно скорое сѣдланіе и отступленіе со взводомъ на шоссе при наблюденіи за дальнѣйшими дѣйствіями непріятеля; но куда давать знать,—въ пѣхоту или въ артиллерію,—мнѣ тоже не было извѣстно; на первый разъ яснѣе всего было, что не слѣдуетъ подвергать взвода безполезному истребленію. Поляна, на которой помѣщалась взводная конюшня, была окружена мелкими кустами; дождикъ перестаъ, тучи понемногу расходились, и на морѣ было видно довольно хорошо. Я приказалъ немедля сѣдлать, не затягивая подпругъ, лично удвоилъ число часовыхъ по берегу, а затѣмъ забрался въ небольшую сборную избу, гдѣ единственнымъ ложемъ отдохновенія оказалась досчатая на колышкахъ, постланная соломой, кро-

вать чухонца,—сторожа фольварка. Въ теплой и далеко не благовонной хатѣ я, съ великимъ удовольствіемъ сѣвши на эту единственную мебель, закурилъ папироску; но теплота съ холода брала свое: при бездѣйствіи сонъ одолѣвалъ меня и, строго наказавши взводному провѣрку и смѣну часовыхъ, я снялъ шапку и во всей амуниціи повалился на привлекательную чухонскую кровать.

Часа черезъ два, когда я очнулся, было уже совершенно свѣтло, и англійскіе корабли были видны въ морѣ на такомъ разстояніи, при которомъ о десантѣ не могло быть и рѣчи. Я приказалъ разсѣдлать лошадей, поздравилъ взводъ съ праздникомъ и рысью вернулся домой перемѣнить залубенѣвшее платье.

Наши полковые друзья не забывали насъ и порою радовали своимъ посѣщеніемъ. Такъ на третій день Святой пріхали къ намъ два брата Щ—ихъ. Пріятно было видѣть вмѣстѣ этихъ двухъ рослыхъ, красивыхъ и любезныхъ молодыхъ людей. Рѣчь обоихъ не лишена была юмора, который въ младшемъ, смахивавшемъ на типъ Аякса, нерѣдко переходилъ въ ребяческое своеволіе; при этомъ старшій каждый разъ его останавливалъ. На такія замѣчанія младшій никогда не возражалъ, но нерѣдко тѣмъ не менѣе продолжалъ свои дурачества.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Въ воздухѣ отъ утреннихъ холодовъ, порою даже морозовъ, чувствовалась рѣзкая свѣжесть, особенно въ тѣни; зато на открытомъ каменистомъ берегу моря въ полдень было совершенно тепло, такъ что мы съ неразлучнымъ Василіемъ Павловичемъ и двумя Щ—ими отправились въ садъ въ однихъ сюртукахъ прогуляться по взморью.

— Надо искупаться, сказалъ младшій Щ—ій.

— Какъ будто ты не знаешь, замѣтилъ старшій, что весною на нашемъ полушаріи вообще и въ Балтійскомъ въ особенности вода бываетъ самая холодная.

Но Николай снялъ уже сюртукъ. Мы думали, что онъ шутитъ, но онъ продолжалъ раздѣваться и спокойнымъ шагомъ отправился въ море. Войдя по поясъ, онъ умылся, окунулся съ головою и черезъ минуту тѣмъ же медленнымъ шагомъ

возвратился къ своему платью. Когда онъ сталъ одѣваться, то былъ красенъ, какъ вареный ракъ. На замѣчаніе брата,— хорошо ли это,—онъ отвѣчалъ: „хорошо", и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что выходка его не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ бездѣйствіе наше, такъ какъ субалтернъ-офицеры никакой службы не несли, вело къ картежной игрѣ, къ которой наши офицеры чувствовали влеченіе, а Василій Павловичъ былъ записной игрокъ, оставившій на зеленомъ полѣ все небольшое, полученное отъ отца, достояніе.

И вотъ нашъ флигель мало по-малу превратился въ клубъ, въ которомъ нерѣдко отъ зари до зари раздавались техническія выраженія и отчаянныя восклицанія играющихъ. Хотя я и перенесъ свою кровать во вторую комнату, тѣмъ не менѣе при такихъ возгласахъ уснуть было невозможно. Но случай меня скоро выручилъ.

Однажды послѣ обѣда Рамъ объявилъ мнѣ, что сосѣдній пасторъ, испугавшись крейсерства англичанъ, продавалъ, за что бы ни было, свою деревянную бесѣдку, недавно выстроенную въ саду на берегу моря. „Я, продолжалъ хозяинъ, купилъ ее за двадцать пять рублей и послалъ за нею воловъ".

На другой день хозяинъ пригласилъ меня взглянуть на его покупку и повелъ меня въ садъ, гдѣ, подъ навѣсомъ вѣтвей съ одной стороны и дивнымъ видомъ на море съ другой, я нашелъ прекрасную бесѣдку въ два окна, аршинъ пяти въ квадратѣ и со свѣжимъ досчатымъ поломъ. Чистосердечно раскрывши передъ хозяиномъ мои ночныя страданія, я просилъ у него позволенія переселиться въ бесѣдку, на что и получилъ полное согласіе и черезъ часъ лежалъ уже на своей походной кровати съ французскимъ романомъ въ рукахъ.

Что англичане, не рѣшавшіеся на серьезный десантъ, дозволяли себѣ самыя безполезныя выходки, мы знали, потому что между Ревелемъ и Нарвою высадились непріятельскіе стрѣлки, и когда единственными встрѣченными ими лицами оказались двѣ бабы въ полѣ, бросившіяся, разумѣется, опрометью бѣжать, то стрѣлки сдѣлали по нимъ залпъ и, убивши одну наповалъ, вернулись къ своимъ шлюпкамъ.

Солдату напрашиваться на смерть — глупо, а на плѣнъ —

преступно. Ночуя одинъ на берегу моря, за пятьсотъ шаговъ отъ жилья, я рисковалъ быть захваченнымъ первою приставшею къ берегу шлюпкой. Поэтому я зарядилъ пару пистолетовъ Лепажа и повѣсилъ ихъ надъ кроватью такъ, чтобы они были тотчасъ подъ рукою.

„Какъ у васъ тутъ хорошо", сказалъ зашедшій ко мнѣ на другой день Василій Павловичъ. И дѣйствительно было хорошо. Недаромъ у грековъ богиня красоты вышла изъ моря. Но красоту нельзя воспринимать по заказу съ чужихъ словъ: нужно, чтобы красота сама устранила въ душѣ человѣка всякія другія соображенія и побужденія и окончательно его побѣдила.

За цѣлое лѣто у меня было достаточно времени присмотрѣться къ морю во всѣхъ его безконечно разнообразныхъ видахъ. Нерѣдко оно сажени на двѣ ниже моей бесѣдки, шагахъ въ двадцати пяти отъ нея, лежало по цѣлымъ днямъ безъ малѣйшей ряби, какъ отлично отполированное зеркало; затѣмъ начинало морщиться, стараясь тонкими всплесками добѣгать къ окружающему его вѣнку морскихъ травъ. Въ это время даль его уже замѣтно темнѣла и покрывалась бѣлыми барашками. Затѣмъ волны все болѣе принимали видъ вздымающихъ шеи бѣлоголовыхъ коней Нептуна, гордо набѣгающихъ на берегъ, чтобы громко за каждымъ ударомъ разгребать на немъ звончатый хрящъ. Послѣдняя степень гнѣва Нептуна выражалась ударами вѣтра, разбрызгивающими налету исполинскія гривы валовъ, и грохотомъ самихъ волнъ среди прибрежныхъ каменьевъ, по тѣснинамъ которыхъ онѣ, перемежаясь, воздымались фонтанами пѣны. Но возможно-ли не только передать, но даже намекнуть на промежуточные переходы и оттѣнки между указанными главнѣйшими состояніями? Тутъ и красота моря, и море красоты! Ежедневная близость моря меня побѣдила окончательно, чему свидѣтельствомъ служатъ всѣ мои приморскія стихотворенія, принятыя въ тогдашнее время Тургеневскимъ литературнымъ кругомъ такъ сочувственно.

Чудные дни, чудныя лунныя ночи! Какъ пріятно засыпать подъ лепетъ легкаго волненія, словно подъ неистощимыя сказки всевѣдущей бабушки. Но когда волненіе возрастало

грохотъ отдѣльныхъ волнъ дотого становился сложенъ, что въ немъ ясно слышался какъ-бы ударъ тяжело зашуршавшаго по звонкому хрящу вздвинувшагося днища судна. Сколько разъ случалось мнѣ неохотно покидать нагрѣтую постель и смотрѣть на берегъ въ небольшое окошечко. — Ничего! только бѣлоголовые зайчики подымаются по всей дали въ лунномъ сіяніи.

Въ одно изъ утреннихъ своихъ посѣщеній, Василій Павловичъ, которому въ свою очередь надоѣли мало привлекательныя, но тѣмъ не менѣе безсонныя состязанія игроковъ, сталъ, со свойственною ему деликатностью, просить у меня позволенія поставить и свою желѣзную кровать въ занимаемой мною бесѣдкѣ, чему я, конечно, былъ очень радъ, не смотря на нѣкоторое физическое стѣсненіе.

II.

Потопленіе корабля.—Сооруженіе Балтійскаго мола при Екатеринѣ Второй. — Знакомство съ остзейскими помѣщиками. — Уженіе окуней. — Палка Петра Великаго.—Сѣверное сіяніе.—Смерть отца и письмо Борисова. — Кубокъ. — Вѣсть о десантѣ. — Парламентеры.—Папироска.— Теорія игрока.—Баронъ Кекскуль.—Тогдашній Балтійскій Портъ.—Покупка безъ мелкой монеты.—Халатъ, надъ которымъ пришлось штудировать.—Проводы генерала.—Калеповскій.—Порученіе главнокомандующаго.—Семья Берга.—Городъ Валкъ.—Панаевъ.—Старый товарищъ.— Бѣгъ на призъ.—Мыза Аякаръ.—Семья барона Энгардта.

Въ одно истинно прекрасное утро, котораго свѣжее дыханіе приносилось съ равнины моря въ растворенное окошечко моей бесѣдки, Василій Павловичъ вошелъ ко мнѣ съ небольшимъ конвертомъ въ рукахъ.

— Какая странная бумага, сказалъ онъ, присаживаясь противъ меня на своей кроватѣ.—Вотъ что пишетъ карандашемъ старшій адъютантъ начальника дивизіи: „По приказанію его превосходительства имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе приказать стоящій на рейдѣ близь гавани Балтійскаго Порта финляндскій корабль, снявъ съ онаго мачты, реи и прочія принадлежности, потопить и объ исполненіи сего донести его превосходительству господину начальнику дивизіи“.—Что вы на это скажете?

— Я могу только по этому случаю вложить въ уста перстъ изумленія. Радуюсь, что кавалерійскому дивизіонному штабу знакомы такія слова, какъ реи, но не знаю, какъ мы будемъ убирать корабельныя принадлежности, о которыхъ не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, равно какъ и о процессѣ, какимъ потопляютъ корабли. Признаюсь, что я менѣе всего приготов-

ленъ къ мысли превратиться въ морскаго улана, и что мысль эта не вполнѣ созрѣла и въ дивизіи—ясно по одной уже формѣ ея передачи карандашемъ и запискою.

— Желаніе начальника есть уже приказаніе.

— Вотъ, чтобы стать такимъ, оно должно получить формальную ясность, которая въ такомъ необычайномъ порученіи необходима. На вашемъ мѣстѣ я бы запросилъ дивизію, чтобы на случай бѣды имѣть формальное приказаніе въ рукахъ.

— Дѣло подчиненнаго, сказалъ Василій Павловичъ, слѣпо исполнять волю начальства, а дѣло начальника защищать подчиненнаго, исполнившаго его волю; и я сейчасъ же поѣду въ Балтійскій Портъ принять мѣры къ исполненію порученія.

— Отъ души желаю вамъ успѣха, отвѣчалъ я.

Передъ обѣдомъ Василій Павловичъ снова вернулся въ бесѣдку, недовольный. Онъ, очевидно, обращался за свѣдѣніями къ знакомому уже намъ Мейеру, морскому консулу въ Балтійскомъ Портѣ. Но Мейеръ, какъ и слѣдовало ожидать показалъ весьма мало сочувствія этому дѣлу, хотя формально противодѣйствовать ему не могъ. Въ виду того, что Мейеры были давнишними знакомыми нашего любезнаго хозяина Рама, я вызвался самъ вывѣдать мысли Мейера по этому дѣлу и тотчасъ же послѣ обѣда отправился верхомъ въ Балтійскій Портъ.

— Какой прекрасный финляндскій корабль! воскликнулъ Мейеръ. Онъ стоитъ хозяину по крайней мѣрѣ девяносто тысячъ, и я не знаю пріемовъ для потопленія кораблей.

— Но согласитесь, замѣтилъ я, что для владѣльца корабль этотъ такъ или сякъ пропащій. Въ щегольскомъ видѣ, въ какомъ онъ теперь, онъ прекрасный призъ для разъѣзжающихъ по взморью англичанъ. А если мы его потопимъ, то есть надежда, что по окончаніи войны правительство вознаградитъ владѣльца.

— Нѣтъ, что вы ни говорите, воскликнулъ Василій Павловичъ, когда я ему передалъ свой разговоръ съ Мейеромъ,— а этотъ Мейеръ измѣнникъ и тянетъ руку англичанъ.

— Извините, добрѣйшій Василій Павловичъ, но позвольте

васъ спросить: что все время дѣлалъ Мейеръ на своемъ посту по отношенію къ кораблямъ, приходившимъ въ Балтійскій Портъ? – Защищалъ или уничтожалъ онъ ихъ?

— Конечно защищалъ, но я не вижу, какъ это относится къ настоящему случаю.

— Почему же, добрѣйшій Василій Павловичъ, вы не хотите поставить себя на мѣсто Мейера? Представьте, что къ вамъ явился бы посланный съ несомнѣннымъ порученіемъ ослѣпить вашъ эскадронъ, и сталъ бы васъ спрашивать, какъ это всего удобнѣе исполнить. Справедливо ли было бы обзывать васъ измѣнникомъ, еслибы вы отвѣтили: „исполняйте ваше порученіе, но я никакого совѣта подать вамъ не могу".

На другой день уже приступлено было къ работамъ. Разысканы большія лодки, на которыя были посажены гребцами казаки изъ прикомандированной къ нашему эскадрону Донской сотни; а наши уланы были посланы отламывать камни отъ громаднаго, частью уцѣлѣвшаго мола, сложеннаго на восточной окраинѣ бухты руками тысячей хохловъ, положившихъ во множествѣ свои кости на этой работѣ. О ширинѣ громаднаго мола можно судить по разсказу, будто бы императрица Екатерина Великая проѣхала шестерикомъ въ каретѣ до самаго конца мола и, повернувши назадъ, пожаловала строителю его орденъ и уѣхала въ Ревель. Прибавляютъ, что не успѣла она доѣхать до Екатериненталя, какъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что бурей прорвало молъ. Повторяю разсказъ старожиловъ.

Чуть не цѣлую недѣлю нѣсколько лодокъ возили камень и валили его въ пустой трюмъ корабля. Но корабль и не думалъ погружаться въ воду. Тогда Василій Павловичъ рѣшилъ, что надо прорубить бокъ. Поѣхали съ топорами и съ великимъ трудомъ пробили отверстіе. На другое утро корабль погрузился до палубы въ воду и, не взирая на новые подвозы камня, погружаться далѣе не хотѣлъ.

— Я вамъ не совѣтую, сказалъ мнѣ Мейеръ, глядя съ берега на всю работу, —ѣздить туда на корабль. Это можетъ кончиться весьма трагически. Никто не можетъ опредѣлить момента, въ который вся масса разомъ пойдетъ ко дну, и

тогда она всѣ лодки съ людьми утянетъ въ образованный ею водоворотъ.

Къ вечеру поднялась жестокая буря, а къ утру корабль погрузился носомъ въ воду, высоко поднявъ корму, да такъ и остался, такъ какъ люкъ уже былъ залитъ водою.

Эскадроны наши стояли по разнымъ фольваркамъ, а офицеры размѣщались по помѣщикамъ, которые оказывали имъ самое радушное гостепріимство. Не удивительно, что, навѣщая товарищей, мы знакомились и съ ихъ радушными хозяевами. Такъ и намъ пришлось познакомиться съ прекраснымъ семействомъ Б—ге, состоявшимъ изъ пожилаго мужа, жены и трехъ премилыхъ дочерей-дѣвицъ. Большой господскій домъ расположенъ былъ среди лѣса, на берегу обширнаго и прелестнаго озера. Въ одномъ изъ флигелей дома помѣщались постояльцы-офицеры. Тамъ же находился прекрасный билліардъ. Отношенія постояльцевъ къ хозяевамъ были самыя семейныя и, за исключеніемъ часовъ завтрака и обѣда, въ семейномъ кругу появлялись только желающіе. Конечно, за желающими дѣло не стояло, тѣмъ болѣе, что старшая дочь обладала прекраснымъ контральто и охотно пѣла, не заставляя себя долго упрашивать. На озерѣ у самаго берега былъ довольно обширный деревянный плотъ съ вырубленными по угламъ бесѣдками, у которыхъ въ дно были вставлены садки для рыбы, такъ что во всякое время находящимся тутъ же сачкомъ можно было достать для кухни живой рыбы. Свѣтлое, въ нѣсколько верстъ поперечника, озеро было замѣчательно своимъ двойнымъ дномъ. Выѣхавъ на лодкѣ, можно было весло или шестъ воткнуть въ желтоватый мохъ дна, но проткнувши это дно съ нѣкоторымъ усиліемъ, рука начинала погружать длинный шестъ уже безъ всякаго усилія, явно не доставая дна.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній, я соблазнился дивною равниною пустыннаго озера и, попросивши мальчика накопать червей, отомкнулъ стоявшій у плота яликъ и, вооружась двумя удочками и парою веселъ, выѣхалъ саженей на сто отъ берега. Повернувшись спиною къ солнцу, я забросилъ удочки съ обоихъ бортовъ. Хотя я и съ малолѣтства знакомъ былъ съ пріемами уженія, но никогда не увлекался имъ

въ виду громаднаго терпѣнія, необходимаго при этой охотѣ. Зато въ этотъ разъ, представляющій исключеніе во всей моей жизни, я вполнѣ блаженствовалъ при неслыханной удачѣ. Я едва успѣвалъ снимать съ крючковъ огромныхъ окуней, и только-что оправишь и закинешь крючекъ, какъ другое удилище уже нагибается и трепещетъ, колеблемое могучимъ окунемъ. Часа въ два я наловилъ штукъ сорокъ и кончилъ только потому, что сказалъ самому себѣ: „довольно". Приставши къ плоту и поджидая мальчика, чтобы распорядиться моимъ уловомъ, я отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть въ одинъ изъ садковъ подъ навѣсомъ бесѣдки. Не шевелясь, я могъ наблюдать, какъ по досчатому полу въ прозрачной глубинѣ станицею расхаживали разныхъ породъ рыбы, среди которыхъ особенное мое вниманіе привлекла большая щука. Болѣе мелкія рыбы, казалось, совершенно привыкли къ присутствію грозной сосѣдки, и я подумалъ, что сытость щуки или же пребываніе въ плѣну дѣлали ее такою миролюбивою. Какъ вдругъ, словно отвѣчая на мою мысль, щука стрѣлою кинулась на довольно значительномъ разстояніи на плотву средняго роста и замерла на мѣстѣ, крѣпко стиснувъ зубами рыбу, пришедшуюся какъ разъ поперекъ ея челюстей. „Что же будетъ дальше?" подумалъ я. Голова щуки дрогнула, и при этомъ челюсть ея перемѣстилась на вершокъ ближе къ головѣ ея жертвы. За третьимъ такого рода перекусываніемъ голова плотвы скрылась въ челюстяхъ щуки, а остальное туловище торчало изъ нихъ прямо впередъ. Послѣ минутнаго пребыванія въ такомъ положеніи, щука стремительно бросилась впередъ, и рыба была проглочена.

Чѣмъ болѣе приходилось мнѣ самому проживать въ сельской средѣ и испытывать затрудненія, возникающія передъ самымъ гостепріимнымъ хозяиномъ, тѣмъ болѣе цѣню я замѣчательную любезность остзейскихъ дворянъ, проявлявшуюся постоянно во время нашего тамъ пребыванія.

Памятно мнѣ еще одно семейство однофамильцевъ нашего хозяина. Одноэтажный и просторный домъ, расположенный въ молодомъ паркѣ, выходилъ заднимъ фасадомъ на большой прудъ, а переднимъ на развалины католическаго монастыря, частію еще хорошо сохранившагося, такъ что на угольной

его башнѣ виднѣлись часы, съ указаніемъ которыхъ сообразовалась вся усадьба. Главный корпусъ монастыря служилъ въ настоящее время превосходнымъ хлѣбнымъ амбаромъ, а другія части развалинъ оставались безъ всякаго употребленія, и окружающіе рвы каменными рѣзными украшеніями напоминали о быломъ своемъ великолѣпіи.

Красивый блондинъ хозяинъ, лѣтъ тридцати пяти, представилъ насъ своей двадцатипятилѣтней красавицѣ женѣ, обворожившей всѣхъ непринужденною привѣтливостью и любезностью.

Такъ какъ мнѣ случилось всего одинъ разъ или два побывать въ этомъ гостепріимномъ домѣ, то не умѣю сказать ничего болѣе опредѣленнаго. Кажется, хозяева были бездѣтны, но тутъ были еще стороннія дамы, которымъ въ свою очередь мы были представлены. Въ надеждѣ на любезную находчивость товарищей, я не могъ отказать себѣ въ осмотрѣ красивыхъ монастырскихъ развалинъ, но тѣмъ не менѣе справлялся съ часами, чтобы во-время появиться въ дамскомъ обществѣ. Къ обѣду въ столовой собралось человѣкъ двадцать. Когда хозяйка попросила насъ къ закускѣ, въ углу той же столовой, украшенной рядомъ фамильныхъ портретовъ, пришлось какъ разъ закусывать подъ портретомъ мужчины среднихъ лѣтъ въ петровскомъ полукафтаньи. Наверху золотой рамы этого портрета кидалась въ глаза большая камышевая трость. Когда я спросилъ хозяина дома о значеніи этой трости, онъ засмѣялся и сказалъ: „не вы одни спрашиваете, что значитъ это странное украшеніе, и мнѣ не разъ приходилось разсказывать его исторію. — Во время проѣзда Петра Великаго по нашему побережью, прадѣдъ мой, вотъ этотъ самый краснощекій мужчина въ мундирѣ, былъ нашимъ дворянскимъ предводителемъ, и когда Петръ, пріѣхавши въ Балтійскій Портъ, потребовалъ отъ моего прадѣда почтовыхъ лошадей, тотъ отвѣчалъ, что почтовыхъ нѣтъ. — „Какъ? для меня нѣтъ?“ воскликнулъ Петръ, и его трость уже познакомилась со спиною моего прадѣда, докончившаго фразу: „я приготовилъ собственныхъ лошадей“. — „Ну прости великодушно! воскликнулъ въ свою очередь Петръ.—Проси у меня чего хочешь“. — „Подарите мнѣ эту трость на память“, ска-

залъ мой прадѣдъ.—И вотъ почему вы видите ее наверху его портрета“.

Я увѣренъ, что портретъ и трость существуютъ и по сей день, и никогда не забуду, какъ хозяинъ со слезами на глазахъ говорилъ про императора Николая по случаю неблагопріятныхъ вѣстей изъ Крыма: „нѣтъ, нѣтъ, государь этого не переживетъ“.

Когда вслѣдъ затѣмъ прелестною лѣтнею ночью мы, возвращаясь съ Василіемъ Павловичемъ домой, катили по гладкому шоссе, вспоминая о любезныхъ хозяевахъ, у которыхъ провели день, темносинее безоблачное, звѣздное небо стало загораться самыми яркими огнями, и мнѣ единственный разъ въ жизни довелось въ эту ночь въ теченіи какого-нибудь часа видѣть сѣверное сіяніе въ блескѣ, какого великолѣпнѣе едва-ли можетъ быть на полюсѣ. Чего тутъ не было, начиная съ самыхъ разноцвѣтныхъ радугъ, огненныхъ сноповъ и фонтановъ! Все это, возникая на сѣверномъ краю горизонта, раздѣлялось на двѣ половины, только въ обратномъ смыслѣ, какъ это бываетъ между правою и лѣвою перчаткой, или дѣйствительнымъ предметомъ и его отраженіемъ въ зеркалѣ. Конечно, всякій искусственный, людской фейерверкъ показался бы рядомъ съ этою мощною картиною и блѣднымъ, и грубымъ. Каждый разъ, когда я вспоминаю это могучее явленіе, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что оно своею изумительною правильностью лучше всего служитъ иллюстраціей мысли о мірѣ, какъ нашемъ субъективномъ представленіи. Ибо, предполагая на ночномъ горизонтѣ причину, вызывающую въ глазахъ свѣтовыя ощущенія, нельзя не признать, что вся эта волшебная картина съ раздѣленіемъ на отдѣльные цвѣта, съ огненными снопами и фонтанами, строго соотвѣтственными въ обратномъ порядкѣ, есть произведеніе пары горизонтально расположенныхъ глазъ.

Не смотря на военныя дѣйствія, внутренняя жизнь страны шла своимъ порядкомъ, и отецъ мой и на этотъ разъ, какъ и въ послѣдніе годы, проводилъ зиму въ Орлѣ, куда на праздники пріѣзжалъ изъ своего Клейменова отдѣленный женатый сынъ Василій и харьковскій студентъ Петръ. Изъ доходившихъ ко мнѣ писемъ я зналъ о балахъ, даваемыхъ отцомъ.

Мнѣ писали, что одинъ изъ нихъ онъ самъ начиналъ вальсомъ съ Надинькой, несмотря на свои 84 года.

Въ послѣднее время случилось для брата Василія весьма непріятное обстоятельство. Вызвавшись срѣзать отцу мозоль, онъ слегка зацѣпилъ за живое, такъ что показалась кровь. Но вмѣсто того чтобы такой ничтожный обрѣзъ безслѣдно исчезъ, на другой день вокругъ него образовалось черное пятно, заставившее, какъ меня увѣдомляли, въ нѣсколько дней слечь въ постель такого могучаго человѣка, какъ отецъ. Отецъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, говорилъ брату Василію съ раздраженіемъ: „спасибо! усердно поработалъ!“ Два лучшихъ орловскихъ медика напрасно старались помочь бѣдѣ.

По полученіи извѣстія о случившемся, я тотчасъ же запросилъ своего зятя, кіевскаго доктора Матвѣева, который отвѣтилъ, что это старческое умираніе оконечностей, проявляющееся антоновымъ огнемъ, котораго прекратить невозможно.

Отецъ, убѣдившись, что у него во всей ступнѣ антоновъ огонь, рѣшилъ, что надо отрѣзать ногу. Хотя оба лѣчившихъ его орловскихъ медика Кортманъ и Майдель титуловались медико-хирургами, но когда дѣло дошло до операціи, оба стали отказываться и рѣшили дѣло жребіемъ, по которому рѣзать досталось Кортману. Могучій старикъ самъ держалъ ногу безъ всякой сторонней помощи и только во время операціи спросилъ раза два: „ну да скоро ли вы тамъ“? Послѣ операціи онъ нѣкоторое время дѣйствительно чувствовалъ себя лучше, и рана стала подживать.

Въ это время высланный мнѣ еще раннею весною грайворонскій жеребчикъ по нерасторопности проводника, не пошедшаго слѣдомъ за полкомъ, вернулся къ отцу. Отецъ, очень гордившійся этой породистою лошадью, по имени Глазунчикъ, съ сожалѣніемъ писалъ мнѣ объ этой неудачѣ. Конечно, лежа въ постели послѣ операціи, онъ диктовалъ находившемуся при немъ сыну Василію, но подписался самъ. Онъ звалъ меня при этомъ въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ, въ качествѣ главнаго повѣреннаго, и изъ этого письма, къ сожалѣнію, утраченнаго, у меня въ памяти уцѣлѣла фраза,

нѣсколько разъ въ немъ повторенная: „жаль, Глазунчикъ до тебя не дошелъ. Но, Богъ дастъ, поживемъ, другаго наживемъ“. Явно, что бѣдному старику сильно хотѣлось жить. Врагъ всякихъ столкновеній изъ-за имущественныхъ интересовъ, я благодарилъ отца за его ко мнѣ довѣріе, но не безъ основанія выставлялъ неблаговидность съ моей стороны просьбы объ отпускѣ въ военное время. Въ скорости письма съ траурнымъ сургучемъ извѣстили меня о смерти бѣднаго отца. Рана, начинавшая понемногу заживать, такъ что старикъ по временамъ принималъ уже сидячее положеніе на постели, — вдругъ почернѣла, а въ то же время почернѣли подъ шеей и желѣзы. Почти до самой смерти онъ сохранилъ память и присутствіе духа.

Думая о процессѣ нравственнаго питанія человѣческаго сердца, невольно припоминаешь примѣры кустарниковъ, сходящихъ по обстоятельствамъ со стѣны къ ея подножію на болѣе питательную почву. Очевидно, у подобнаго растенія есть моментъ, когда оно все еще питается прежней почвой и едва только вкореняется въ новую. И у растенія, и у человѣка въ томъ и въ другомъ случаѣ вся сила связи зависитъ отъ ея, такъ сказать, органической искренности.

Жизненнымъ теченіемъ въ свое время унесло меня изъ родныхъ Новоселокъ въ Новороссійскія степи, а затѣмъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, перебросило оттуда къ Балтійскому морю въ совершенно новую обстановку. Но оглядываясь назадъ, я не могу не сознавать, что самымъ чувствительнымъ нервомъ, охранявшимъ мою связь съ прошлымъ, являлась переписка съ И. П. Борисовымъ. Помимо братской дружбы, связывавшей насъ съ малолѣтства, какъ не сказать, что чувство его ко мнѣ усиливалось отраженіемъ того рокового пламени, которымъ онъ неизмѣнно горѣлъ къ Надѣ, и которое его окончательно испепелило. Командуя Куринскою ротой при Ланчсхутѣ, Чолохѣ и Башъ-Кадыкларѣ, онъ подробно описывалъ мнѣ всѣ походы, всю бивачную жизнь и поистинѣ геройскіе подвиги полка. Еслибы я вздумалъ воспроизводить здѣсь интересныя письма Борисова, которыми мы въ свое время упивались съ милыми Щ—ми, то это далеко завело бы меня въ сторону отъ прямой дороги.

Тѣмъ не менѣе привожу здѣсь письмо Борисова, какъ человѣка, которому еще долго суждено было идти въ жизни объ руку со мною.

Лагерь на Ценисъ-Цхалѣ.
3 іюня 1854 г.

„Вчера вернулся изъ Кутаиса, куда на минуточку съѣздилъ провѣдать нашихъ раненыхъ. Нашелъ ихъ какъ нельзя лучше расположившимися въ домѣ у военнаго губернатора князя Гагарина, и не терпи они страданій непобѣдимыхъ еще для человѣчества, то лучше бы и жизни не надо. Вотъ у нихъ-то прочелъ я Каленика*), и нужно ли тебѣ говорить, другъ мой, сколько навалилось воспоминаній прошлаго. Я не зналъ вѣдь твоего геніальнаго деньщика, а все, что тебя окружаетъ и живетъ съ тобою, мнѣ необходимо знать, какъ дополненіе самого тебя, самаго необходимѣйшаго изъ остатковъ счастливыхъ моихъ временъ. Я люблю безгранично предаваться прошлому, когда въ немъ видится твоя физика. Жалѣю поминутно, что ты далеко, но все-таки благословляю судьбу, что ты вышелъ на настоящую дорогу; тутъ ты лучше сохранишься, и вѣрнѣе обезпечены будущія твои и мои житейскія помышленія. Среди всѣхъ кочевьевъ и битвъ я ихъ не откладываю совсѣмъ,—подумываю иногда, такъ про себя, вернусь же когда-нибудь я изъ Азіи, увижу и тебя, а тамъ увидимъ, какъ жить-то будетъ лучше. Не хотѣлъ бы видѣть тебя здѣсь, потому что, какъ будто нарочно, судьба преслѣдуетъ меня во всемъ, что мнѣ болѣе дорого по сердцу. Были у насъ дѣла жаркія, и безъ примѣси грусти не могу о нихъ вспомнить: потерялъ лучшихъ моихъ товарищей, съ которыми не то что служилъ, но жилъ вмѣстѣ; замѣнить ихъ некѣмъ, а одиночество такъ тяжело, что начинаю впадать въ прежнюю тоску, отъ которой не находилъ мѣста. Мнѣ дѣлали разныя предложенія перейти въ Штабъ; тогда я отказался, теперь быть можетъ рѣшусь. Вѣрно ты гдѣ-нибудь да прочтешь о дѣлахъ въ Гуріи, о сраженіи при Ланчсхутѣ 27 мая и на р.

---

*) Мой разсказъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Чолохѣ 4 іюня; я въ обоихъ случаяхъ былъ участникомъ, и случайности боевъ этихъ доставили и мнѣ возможность быть замѣтнымъ участникомъ. Оба дѣла такъ прославили наши Куринскіе батальоны, что съ другими не хотѣлось бы и становиться въ ряды. Князья Гуріи задаютъ намъ пиры, угощаютъ всѣмъ, чѣмъ богаты. Не довольно того, что приглашаютъ къ себѣ, но и въ лагерь присылаютъ вино, зелень, даже говядину, людямъ водку; видя, чувствуя въ душѣ, что это заслужено кровью, испытываешь уваженіе къ себѣ, къ товарищамъ, къ молодцамъ солдатамъ, съ которыми составляешь какую-то нераздѣлимую единицу. Вотъ истинная награда за всѣ лишенія и опасности. Твой Каленикъ вѣрно бы отозвался на это своимъ: хи, хи, хи!—а наши Ахультинцы толкуютъ одно: „Што турки! дрянь! стоило ли сюда за ними прибѣгать! Дай-ка хранцуза! Што они тамъ въ Одесу-то суются, на хохловъ лѣзутъ! Мы бы ихъ и здѣсь проморозили!“ Получилъ я недавно отъ Ивана (прикащика) изъ Фатьянова письмо; оно отъ 8 мая, а 7-го скончался твой почтенный батюшка. По давно полученному письму отъ Васи *), я ждалъ уже эту грустную вѣсть, но получить и прочесть, что уже все кончено, было такъ больно, такъ тяжело. Я отъ него кромѣ добра во всю мою жизнь ничего не зналъ и искренно любилъ старичка со всѣми его особенностями. Уѣзжая въ послѣдній разъ изъ нашихъ краевъ, я не представлялъ себѣ, что не увижу его болѣе, надѣялся, что война къ осени потухнетъ, и я опять буду травить русаковъ. Но видно не судьба и въ этихъ надеждахъ. Прости, душа моя, и вѣрь, что столько у меня къ тебѣ дружбы, братской дружбы, что хотѣлъ бы безконечно съ тобою быть хотя въ мысляхъ. Но и тутъ препятствіе: началъ это письмо нѣсколько дней тому назадъ командиромъ первой Караб. роты, а окончилъ *дежурнымъ штабъ-офицеромъ Гурійскаго отряда;* у насъ 20 бат., пропасть милиціи, госпиталей, транспортовъ и еще болѣе *бумагъ.* Со вчерашняго дня начались мои подвиги на этомъ поприщѣ. Ты самъ отъявленный писака, знаешь, что̀ это за гиль. Нѣтъ писарей, нѣтъ нужныхъ

*) Мой братъ.

офицеровъ, но есть желаніе оправдать выборъ начальства, назначившаго меня и не по чину, и не по росту. Авось Богъ поможетъ! Вотъ еслибы ты-то былъ поближе, такъ бы и вцѣпился! Христосъ съ тобою, другъ мой.

Твой *И. Борисовъ.*

Кромѣ немногочисленныхъ поѣздокъ въ гости, мнѣ, особливо къ концу лѣта, приходилось хлопотать о ружейной охотѣ, которую я страстно любилъ всю жизнь. Но этимъ лѣтомъ хорошо поохотиться мнѣ не удалось, такъ какъ лягавому моему понтеру, названному въ честь англійскаго адмирала Непиромъ, еще не было году.

Провѣдавши какимъ-то образомъ о предстоящемъ днѣ рожденія милаго хозяина, офицеры нашего эскадрона втайнѣ приготовили къ этому дню празднество, заказавъ серебряный кубокъ у Сазикова въ Петербургѣ. Не смотря на привезенныхъ трубачей, дорогую закуску и шампанское, празднество было самое семейное, такъ какъ, не желая безпокоить хозяина, мы не пригласили никого изъ стороннихъ. Не знаю, былъ ли нашъ сдержанный хозяинъ въ душѣ доволенъ нашимъ пребываніемъ, но я все-таки радуюсь, что мы хотя отчасти выразили ему нашу признательность.

Стояла тихая и ясная погода, но утренніе морозы давно указывали на осень. Однажды, когда мы были въ сборѣ въ нашемъ флигелѣ, часовъ въ десять утра, прискакалъ казакъ съ маяка и передалъ Василію Павловичу слѣдующую записку отъ маячнаго офицера.

„Сорокапушечный англійскій фрегатъ тихо входитъ въ рейдъ Балтійскаго Порта“.

Поднялась суматоха. Суматоха во время опасности есть слѣдствіе непривычки; но мнѣ кажется, что она истекаетъ изъ основной русской черты, съ которою намъ постоянно приходится считаться. Это та же черта, которая усаживаетъ или укладываетъ человѣка въ вагонѣ такъ, какъ будто другимъ мѣста не нужно, и при входѣ заставляетъ его не затворять за собою двери.

— А мнѣ, Василій Павловичъ, куда же со взводомъ? спросилъ я.

— Конечно, вамъ слѣдуетъ сѣдлать и, въ случаѣ надобности, отступать по шоссе къ Ревелю, а никакъ не къ Балтiйскому Порту противъ фрегата.

Прискакавши въ третiй взодъ, я велѣлъ сѣдлать и, приказавъ взводному дожидаться моего возвращенiя, отправился на своемъ подъѣздкѣ вдоль высокаго, скалистаго берега къ Балтiйскому Порту, куда съ моря дѣйствительно тихо надвигался громадный фрегатъ, выставлявшiй ряды своихъ пушекъ. Василiя Павловича я засталъ въ самомъ Балтiйскомъ Портѣ на спускѣ къ гавани. Хотя до фрегата было болѣе двухъ верстъ, но можно было и невооруженными глазами ясно видѣть всѣ крупныя на немъ движенiя и, оборотивши голову назадъ, я увидалъ, какъ двѣ шлюпки спустились съ корабля на море и потомъ, при равномѣрныхъ взмахахъ веселъ, стали направляться къ нашей гавани.

— Василiй Павловичъ, спросилъ я, — вѣдь это, кажется, десантъ?

— Конечно, отвѣчалъ Василiй Павловичъ.—А гдѣ же вашъ взводъ?

— Вы сами приказали оставить его у маяка засѣдланнымъ на случай отступленiя.

— Помилуйте! болѣзненно отозвался Василiй Павловичъ:— что же про насъ скажутъ, если мы уйдемъ, а они, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, явятся сюда хозяйничать? Скачите къ маяку и сiю же минуту ведите сюда взводъ.

Могу съ извѣстною гордостью сказать, что ниразу не надорвалъ и не испортилъ ни одной лошади, чувствуя мѣру, дальше которой не слѣдуетъ напрягать ея силъ. Я зналъ, что со взводомъ мнѣ обратно скакать такъ сильно не придется и потому на эти полторы или двѣ версты пустилъ рѣзваго своего подъѣздка во всю прыть. По мѣрѣ удаленiя отъ бухты, высокiй берегъ все болѣе скрывалъ отъ меня происходящее на рейдѣ и, подскакивая къ кустарнику, окружавшему взводныя конюшни, я обрадовался, увидавъ шапки моихъ уланъ, старавшихся изъ кустовъ вглядѣться въ даль дороги.

— Къ конямъ! крикнулъ я, проносясь мимо первыхъ,—но къ ужасу услыхалъ слова: „кони разсѣдланы".

— Кто приказалъ?

— Взводный вахмистръ.

Не желалъ бы я переживать снова минуту этого извѣстія. Мнѣ уже представлялось, что десантные штуцерные, быстро наступая на насъ, безнаказанно издали бьютъ нашихъ лошадей и людей, пока мы возимся съ сѣдланіемъ.

„Вотъ онѣ, подумалъ я, дешевыя отруби вмѣсто дорогаго овса! Это онѣ боятся простоять лишній часъ подъ вьюкомъ, а не боятся,—чуть было я не сказалъ, впадая въ ту же самую ошибку,—подвергать подчиненнаго позору,—вмѣсто того чтобы сказать: подвергать ввѣренную часть истребленію".

Когда наконецъ взводъ сѣлъ на коней, я повелъ его справа рядами мимо смотрѣвшаго на насъ въ упоръ фрегата къ Балтійскому Порту. Остановивъ людей въ нѣкоторомъ углубленіи, я проѣхалъ къ главной улицѣ, гдѣ у угловъ, ближайшихъ къ пристани, нашелъ спѣшившихся казаковъ, держащихъ винтовки наготовѣ. У самой пристани я увидалъ въ шлюпкахъ англійскихъ матросовъ съ засученными рукавами и съ голыми икрами. При этомъ видѣ, я долженъ признаться, потерялъ всякую сообразительность.

— Долго ли же мы будемъ на нихъ глядѣть? крикнулъ я казакамъ, забывая, что на одной изъ шлюпокъ колыхался бѣлый флагъ.

— Не позволяютъ, ваше в-діе, жалобно отозвался казакъ. У каждаго, говорятъ, по двое золотыхъ часовъ.

Почти на самомъ концѣ деревяннаго мола, четвероугольною рамою окружающаго гавань, я замѣтилъ англійскаго офицера въ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами. Стоя саженяхъ въ пятнадцати отъ берега, онъ, очевидно, стѣснялся своимъ одиночествомъ и медленно, переступая съ ноги на ногу, приближался ко мнѣ, стоявшему на берегу ближе всѣхъ къ молу. Это былъ, какъ сообщили мнѣ наши младшіе офицеры, лейтенантъ фрегата, тогда какъ старшій офицеръ ушелъ съ Василіемъ Павловичемъ и Мейеромъ, единственно свободно владѣвшимъ англійскимъ языкомъ, въ домъ послѣдняго для какихъ-то переговоровъ. Дѣло, какъ я потомъ узналъ отъ Василія Павловича, было въ желаніи англичанъ запастись прѣсною водою; но, очевидно, такое требованіе было пустымъ предлогомъ, такъ какъ по другую сторону бухты на неболь-

шомъ обитаемомъ островѣ, безъ сомнѣнія, была прѣсная вода, запасаться которою мы никакимъ образомъ фрегату помѣшать не могли.

Стоящій противъ меня рыжеватый офицеръ, въ фуражкѣ съ кокардою, хотя и медленно, все приближался и, подойдя шаговъ на десять, уже взялся подъ козырекъ, на что я отвѣчалъ ему тѣмъ-же. А затѣмъ, подойдя уже шага на два, онъ спросилъ по-англійски, насколько я понялъ, о здоровьи императора Николая. Я поблагодарилъ и отвѣчалъ вопросомъ о здоровьи королевы. Но на этомъ разговоръ нашъ кончился за невозможностью для меня вести его по-англійски, а для англичанина — на какомъ-либо другомъ языкѣ. Если я понималъ его вопросы, напримѣръ, — ловлю-ли я рыбу, то „à la ligne, à l'hameçon“ и „mit der Angel“ — были для него одинаково непонятны.

Тѣмъ временемъ сидѣвшіе въ катерахъ, наполненныхъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, дюжіе матросы добрались къ самому берегу и вышли на него, отрѣзая насъ такимъ образомъ отъ нашихъ казаковъ. Но такъ какъ ихъ старшій былъ у насъ въ городѣ, то на подобную вольность не стоило обращать вниманія. Дюжіе моряки показались мнѣ почему-то шотландцами, но спросить объ этомъ я моего собесѣдника не умѣлъ. Однако, указывая на нихъ пальцемъ и глядя въ глаза лейтенанту, я вопросительно произнесъ:

— Вальтеръ-Скоттъ?

И мой собесѣдникъ догадался.

— Есъ, есъ, закивалъ онъ головою, ту пап, ту Вальтеръ-Скоттъ.

Считая себя, въ качествѣ поручика императорской гвардіи, старшимъ противъ королевскаго лейтенанта, я разрѣшилъ себѣ закурить папироску, причемъ счелъ за безвредную любезность предложить такую-же моему собесѣднику. Не успѣли мы докурить нашихъ папиросокъ, какъ вернулся парламентеръ съ обѣщаніемъ Василія Павловича дать на завтрашній день положительный отвѣтъ. И я былъ очень радъ прервать успѣвшую мнѣ надоѣсть далеко не краснорѣчивую бесѣду.

Покуда я отводилъ взводъ на ночлегъ, къ начальнику ди-

визіи полетѣла летучка съ донесеніемъ о случившемся и просьбою инструкціи, а на другое утро уже на пустой каменный фольваркъ подъ самымъ городомъ прибылъ на подводахъ батальонъ гвардейской пѣхоты и конная баттарея, и приготовлена была шлюпка съ шестью казаками гребцами, на которой я долженъ былъ отвезти письменный отвѣтъ Василія Павловича командиру фрегата, соотвѣтственно ожидаемому распоряженію начальника дивизіи. Рѣшено было мнѣ оставаться при этомъ въ походной формѣ, т. е. въ вицъ-шапкѣ и сюртукѣ. Во второмъ часу дня на шоссе показалась пыль, и коляска начальника дивизіи пронеслась въ домъ Мейера, куда поспѣшилъ и Василій Павловичъ. Оказалось, что англичане были увѣрены, что бывшая крѣпость, совершенно заросшая травою со временъ Екатерины, подобно всему побережью, — скрытно вооружена нами. Храбрясь на словахъ, англичане тѣмъ не менѣе не рѣшались брать воду. Въ дѣйствительности-же мы могли только плохо мѣшать ихъ высадкѣ, защитить-же городъ, какъ выражался запуганный Мейеръ, отъ окончательнаго разгромленія мы были не въ силахъ.

Черезъ часъ начальникъ дивизіи поручилъ Василію Павловичу никого не посылать на фрегатъ съ отвѣтомъ, въ которомъ нуждается непріятель, а не мы, а въ случаѣ ихъ запроса отвѣчать, что мы воды не дадимъ. Составленный Мейеромъ отвѣтъ былъ переданъ прибывшему въ пять часовъ дня новому съ фрегата парламентеру, и, въ ожиданіи фактическаго разрѣшенія дѣла, всѣ наши небольшія силы расположились на ночлегъ бивуакомъ подъ самымъ городомъ. Между прочимъ и я ночевалъ на своей желѣзной кровати въ саду, подъ сильно покраснѣвшею отъ утреннихъ морозовъ яблонею. Слуга, принесшій мнѣ воды умыться и мою обычную утреннюю кружку кофе, сообщилъ, что въ ночь фрегатъ снялся съ якоря и ушелъ невѣдомо куда, и всѣ наши сподвижники собираются возвратиться на свои стоянки.

Между тѣмъ моя невинная папироска, предложенная англичанину, чудь не надѣлала мнѣ бѣды. Изъ Петербурга послѣдовалъ вопросъ вслѣдствіе берлинской журнальной статьи о Bruderschaft's Pfeifchen (дружественной трубочкѣ), выкурен-

ной гвардейскими офицерами съ англичанами. Какая, подумаешь, забота о безупречной чистотѣ нашего патріотическаго чувства! Какъ-бы то ни было, слѣдствіемъ этого небольшаго событія было переселеніе нашего эскадроннаго штаба, въ лицѣ Василія Павловича и моемъ, такъ какъ мы съ нимъ постоянно были неразлучны,—съ мызы Лецъ въ городъ Балтійскій Портъ, гдѣ намъ отведена была въ домѣ Мейера небольшая, но прекрасная квартира въ бельэтажѣ съ видомъ на рейдъ и на противоположный островъ.

Съ этимъ вмѣстѣ я снова поступилъ на должность домашней хозяйки, что при сожительствѣ съ такимъ невзыскательнымъ человѣкомъ, какъ Василій Павловичъ, было не особенно трудно. Каждое первое число я сводилъ мѣсячный расходъ и дѣлилъ его пополамъ. Но каковъ-бы ни оказался итогъ, т. е. падалъ-ли расходъ до двадцати пяти рублей, или возвышался до ста рублей на брата, отзывъ Василія Павловича былъ неизмѣненъ.

— Ахъ, А. А., только вы въ состояніи вести дѣла такъ экономически.

Василій Павловичъ былъ человѣкъ, не получившій большаго образованія, но далеко не глупый, добрый и не чуждый умственныхъ стремленій. Въ одиночествѣ безбрачной жизни онъ самоучкой мало по малу прошелъ всю математику до интеграловъ включительно, а также не чуждался историческихъ сочиненій. Юморъ его даже надъ самимъ собою былъ неистощимъ. До поступленія моего въ уланы я его не встрѣчалъ, хотя зналъ остальныхъ четырехъ его братьевъ М—ыхъ, съ которыми связывало меня хотя и отдаленное, но двойное родство. Справедливо замѣчаніе, что природа не повторяется; но справедливо и то, что она держится извѣстнаго типа, по которому вы съ перваго взгляда отличаете дубовый листъ отъ всякаго другаго. Въ пяти братьяхъ М—ыхъ невозможно было не признать самою основною и роковою чертою ихъ увлеченіе женщинами. Это увлеченіе съ полною силою передалось и въ слѣдующее поколѣніе. У Василія Павловича къ этому привзошла и страсть къ картамъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе проживанія денегъ, но зато нѣтъ ничего тяжелѣе наживанія ихъ не посредствомъ какого-ни-

будь удачнаго предпріятія, а микроскопическимъ ежеминутнымъ воздержаніемъ. Представителями такихъ противоположныхъ пріемовъ являлись мы съ Василіемъ Павловичемъ, и онъ иногда указывалъ на это, выставляя теорію идеала игрока. Игрокъ, по его мнѣнію, любитъ не барышническую наживу, а самую игру, трепетъ, который порою не имѣетъ себѣ равнаго даже въ минуту рукопашной битвы. Играя собственными чувствами, игрокъ стремится овладѣть и душою своего противника, и поэтому въ его домѣ должно быть подъ руками все могущее привлечь самые разнообразные вкусы. Тамъ должна быть молодость, красота, изящныя искусства. великолѣпный столъ и вина, и т. д.

— Вотъ вы, А. А., строите вашу жизнь на томъ, чтобы у себя постоянно урѣзывать; но этимъ вы никогда не добьетесь большихъ средствъ. А вы, напротивъ, заведите большое колесо и тогда увидите, что большія средства сами хлынутъ на него и заставятъ его вертѣться.

Въ теоріи я не боялся такихъ правилъ, но на практикѣ они нерѣдко доставались мнѣ солоно. Бывало, чуть послѣ двухъ-трехъ ночей, проведенныхъ Василіемъ Павловичемъ внѣ дома, услышу вкрадчивый голосъ: „а я, А. А., рѣшаюсь безпокоить васъ“, душа у меня такъ и замретъ: знаешь, что придется дать взаймы рублей восемьсотъ, т. е. все накопленное съ большимъ трудомъ, и затѣмъ, получая по частямъ долгъ, переживать снова тѣ же нравственныя усилія.

Потому ли, что наша Балтишпортская жизнь выходила особенно уединенною, или потому, что отдѣльное хозяйство требовало большихъ заботъ, Василій Павловичъ сталъ чаще отлучаться въ Ревель; а я, хотя и завѣдывалъ въ это время эскадрономъ, проѣзжалъ по старой памяти иногда къ милымъ хозяевамъ въ Лецъ.

— Василій Павловичъ уѣхалъ въ Ревель? спросилъ меня однажды Рамъ, — онъ вѣрно будетъ тамъ у генерала Курселя?

— Этого я вамъ сказать не умѣю; —городъ невеликъ, и встрѣча ихъ возможна. Но что вамъ угодно сказать?

— Ахъ, со вздохомъ отвѣчалъ Рамъ, —я вынужденъ говорить о человѣкѣ, составляющемъ тяжелый крестъ нашей фа-

миліи. Это нѣкто баронъ Кекскуль, мужъ сестры моей, состояніе которой онъ промоталъ, и котораго я стараюсь видѣть какъ можно рѣже. Но сегодня онъ обѣдаетъ у меня и собирается познакомиться съ вашимъ эскадрономъ, къ которому, какъ увѣряетъ, причисленъ волонтеромъ. Онъ просилъ меня замолвить слово Василію Павловичу, чтобы тотъ далъ ему для ѣзды фронтовую лошадь, на что онъ имѣетъ будто бы разрѣшеніе генерала Курселя. Да вотъ онъ, легокъ на поминѣ, и самъ. Не могу вамъ предсказать большаго удовольствія отъ этого знакомства.

Въ комнату, дѣйствительно, сильно стуча толстыми подошвами и звеня шпорами, вошелъ мужчина, на видъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ сѣдыми усами, сливающимися съ такими-же бакенбардами. Войдя въ комнату, онъ снялъ съ головы надѣтый на бекрень гусарскій вицъ-киверъ безъ козырька. На немъ была синяя шерстяная блуза, подпоясанная гусарскою портупеей съ волочащеюся саблей; на той же портупеѣ болталось громадное огниво на цѣпочкѣ и красный кисетъ съ торчащимъ изъ него чубучкомъ. На правой рукѣ висѣла казачья нагайка. Тѣло его было кверху отъ пояса преувеличенно откинуто назадъ, что при небольшемъ ростѣ придавало ему комически задорный видъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—будущій вашъ товарищъ, изюмскій казакъ, Кекскуль. Я завтра явлюсь къ вамъ въ эскадронъ и, надѣюсь, вы меня примете по-братски.

Конечно, я по возможности старался быть любезнымъ и объявилъ, что мы завтра будемъ поджидать его въ Балтійскомъ Портѣ, куда сегодня вечеромъ я жду и эскадроннаго командира.

Хотя мы съ Василіемъ Павловичемъ обычно не употребляли крѣпкихъ напитковъ, тѣмъ не менѣе у насъ всегда была на всякій случай водка и вино; и на другой день намъ пришлось угощать ими новаго товарища, про котораго всѣ знали, что онъ выпить не дуракъ. По мѣрѣ учащавшихся рюмокъ хересу, языкъ старика становился развязнѣе, и мы въ скорости узнали главнѣйшія обстоятельства его жизни, которыми онъ только и гордился. Когда-то онъ бросилъ въ Курляндіи домъ

отца и опредѣлился въ Изюмскій гусарскій полкъ, едва-ли не въ тѣ времена, когда тотъ былъ еще казачьимъ. „Я казакъ“ — было любимымъ его восклицаніемъ, и въ пылу разсказа, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ распахнулъ блузу и показалъ намъ на груди очертаніе пылающаго сердца и подъ нимъ крупную подпись синими пороховыми буквами: *изюмскій казакъ*.

Надо сказать, что тяжеловатое это посѣщеніе, кажется, и не повторялось, и я, быть можетъ, не упомянулъ бы объ этой личности, не будь она въ то время общеизвѣстной.

О самомъ Балтійскомъ Портѣ рѣшительно ничего сказать не умѣю. Не смотря на небольшую, главную улицу съ прекрасными на видъ каменными домами, городъ носилъ какой-то декоративный характеръ. Это было точно улица на картинѣ, на которой художникъ забылъ помѣстить людей, и, сколько на нее ни смотри, никогда не дождешься ни проѣзжаго, ни прохожаго. Исключеніе можно было видѣть только съ ранняго утра часовъ до десяти на гавани, куда въ эту пору съѣзжались лодки рыболововъ, наполненныя серебристою килькою ночнаго улова. Въ эти часы было изумительно видѣть то множество женщинъ, которыя съ ведрами прибѣгали за продажною рыбой, которую онѣ приготовляютъ съ пряностями и разсылаютъ по всей странѣ. Странно и характерно, что рыболовами оказываются не мѣстные жители, а крестьяне береговъ Ильменя, которые къ осеннему лову кильки въ лодкахъ своихъ отправляются внизъ по Волхову и Невѣ въ открытое море, даже, очевидно, не стѣсняясь иностранною блокадою береговъ.

Вмѣстѣ съ приливомъ по нашему побережью бумажныхъ денегъ, мелкая серебряная монета совершенно исчезла изъ обращенія. Но у военныхъ людей всюду бываютъ благодѣтели. Такимъ для насъ въ Ревелѣ былъ магазинъ торговца, коего фамиліи на вывѣскѣ предшествовала частица *фонъ*. Эта частица и гербы не рѣдкость въ нѣмецкихъ бюргерскихъ фамиліяхъ. Ловкій хозяинъ, при посѣщеніи магазина нашимъ братомъ, бралъ въ руки аспидную доску и, глядя посѣтителю мягко въ глаза, вопрошалъ:

— Чѣмъ прикажете служить, господинъ фонъ? и вслѣдъ

затѣмъ на доскѣ записывалось: говядина, табакъ, одеколонъ, персидскій коверъ, шпоры, эполеты, горчица и т. д.

Конечно, за всѣмъ этимъ разсылались мальчики въ надлежащіе магазины. Но вамъ подавался одинъ счетъ и надлежащая сдача съ крупной ассигнаціи болѣе мелкими бумажками и даже почтовыми марками.

Не берусь объяснить, почему въ тѣ времена я любилъ щеголять самою плотною и дорогою шелковою матеріей на халатѣ. Любезный Василій Павловичъ зналъ мою слабость и, вернувшись однажды изъ Ревеля, сталъ извиняться, что вмѣсто необходимыхъ десяти аршинъ матеріи, купилъ остатокъ въ восемь съ половиною, такъ какъ матерія очень плотна и прочна. Матерія дѣйствительно оказалась темновишневымъ репсомъ, завивающимся въ трубку. Конечно, не далѣе какъ черезъ полчаса передо мною предсталъ худенькій мѣстный художникъ портной, который въ свою очередь пришелъ въ восторгъ отъ матеріи, хотя призналъ, что восьми съ половиною аршинъ слишкомъ мало для халата на ватѣ.

— Какъ же быть? воскликнулъ я.

— Тутъ надо штудировать, глубокомысленно и успокоительно отвѣчалъ художникъ. И дѣйствительно, когда онъ принесъ халатъ, я убѣдился въ его глубокомысліи: косой воротникъ былъ простеганъ такими узорами, подъ которыми невозможно было замѣтить, что весь онъ составленъ изъ микроскопическихъ обрѣзковъ.

Около этого времени старшій нашъ дивизіонеръ произведенъ былъ въ генералы и получилъ полкъ на западной границѣ. Офицеры нашего полка устроили торжественные проводы бывшему товарищу въ день его отъѣзда къ мѣсту новаго назначенія. За обѣдомъ въ Морскомъ клубѣ кромѣ нашихъ однополчанъ было нѣсколько генераловъ изъ штаба главнокомандующаго, такъ что присутствующихъ было человѣкъ пятьдесятъ, и при этомъ кругосвѣтной мадерѣ, дорогому рейнвейну и особенно Редереру была оказана должная честь. Мало по малу гости разъѣхались, и оставшіеся распорядители постановили нести на рукахъ виновника торжества черезъ городъ до петербургской гостинницы, гдѣ его ожидалъ экипажъ. Конечно, генералъ протестовалъ противъ подобной демонстра-

ціи, но „одинъ въ полѣ не воинъ“, — отворили двери клуба, пустили трубачей впередъ, подхватили генерала и понесли по улицамъ, на изумленіе скромнымъ обитателямъ города. Сходя вслѣдъ за другими по лѣстницѣ, я мимоходомъ спросилъ въ буфетѣ, сколько выпито шампанскаго,—и получилъ въ отвѣтъ: „семьдесятъ бутылокъ“.

Такъ процессія дошла до обширной столовой петербургской гостинницы. Но здѣсь въ самыхъ дверяхъ произошла небольшая задержка: навстрѣчу входившимъ уланамъ, поставившимъ на ноги генерала, выступили нѣсколько нашихъ товарищей по дивизіи драгунъ со словами:

— Господа, вы здѣсь въ гостяхъ у драгунъ, а потому просимъ васъ не лишать насъ удовольствія позаботиться о вашемъ угощеніи.

— Угощеніе должно быть общее, крикнулъ Василій Павловичъ, искавшій во всемъ примиренія.

— Общее, общее! громогласно подхватило лицо, принимавшее живѣйшее участіе въ угощеніи, помимо сопряженныхъ съ нимъ издержекъ.

Возгласъ встрѣченъ былъ искреннимъ смѣхомъ, и уланы вошли въ залу. Мы, очевидно, застали конецъ табльдота, за которымъ, какъ оказывалось, обѣдали нѣкоторые эстляндскіе дворяне, привезшіе сыновей для опредѣленія въ полки. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ еще сидѣли за своимъ кофе, и громадная, ослѣпительной бѣлизны, голландская скатерть еще была не снята со стола. Если я не ошибаюсь, послѣ новыхъ бокаловъ и пожеланій, генералъ вырвался отъ бывшихъ товарищей къ ожидавшему его экипажу. Но откупориваніе шампанскаго все входило въ силу. Не потерявшій, повидимому, времени и въ Морскомъ клубѣ эксцентричный Кекскуль развернулся теперь во всю ширину своего казачества; онъ махалъ плетью, увѣрялъ, что его здѣшніе дворяне не признаютъ, потому что онъ курляндецъ, но ему наплевать на все, такъ какъ онъ казакъ; говорилъ, что полицейскій на публичномъ гуляньи требовалъ отъ него входнаго билета, но что онъ показалъ ему плеть и сказалъ: „вотъ мой билетъ“. Воодушевленіе его все росло среди общаго говора и шума; кажется, рѣчи его мало обращали на себя вниманіе,

хотя онъ ходилъ уже ногами по столу и вертѣлся на каблукахъ по бѣлоснѣжной скатерти.

Откровенно говоря, мнѣ въ этотъ вечеръ самому пришлось пострадать въ качествѣ улана и поэта. Между драгунами были два брата Калеповскихъ, отца которыхъ я знавалъ въ Херсонской губерніи. Это былъ добрый и толковый баринъ прежнихъ временъ съ хорошимъ состояніемъ. Съ двумя его сыновьями, драгунскими офицерами, я познакомился уже въ Красносельскомъ лагерѣ, гдѣ младшій пріучилъ свою верховую лошадь приходить въ баракъ за сахаромъ. Оба они были хорошіе ребята, но старшій кромѣ того былъ, что называется, поэтъ въ душѣ. Хотя онъ никогда не читалъ мнѣ своихъ стихотвореній, но зато видно было, что моя муза истинно пришлась ему по душѣ. Можно себѣ представить, до какой степени это чувство симпатіи разыгралось въ немъ подъ вліяніемъ первыхъ словъ драгунъ, принимавшихъ на себя обязанность насъ угощать. Могучій юноша рѣшительно не выпускалъ меня изъ рукъ и постоянно цѣловалъ въ губы мокрыми губами.

— Душенька, пойми, люблю тебя, обожаю! — Ты видишь? И съ этими словами онъ всталъ на широкій подоконникъ громаднаго окна, выходившаго на улицу.

Конечно, на трубные звуки, раздававшіеся изъ гостинницы, подъ окномъ собралась толпа народа.

— Вотъ, душенька, восклицалъ Калеповскій, — видишь, какъ я тебя люблю! и съ этимъ вмѣстѣ онъ, развернувши плотный бумажникъ, началъ разметывать ассигнаціи въ раскрытое окно.

О томъ, что произошло подъ окномъ, я и понынѣ не могу вспомнить хладнокровно, и мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій оттащить отъ окна при посторонней помощи расходившагося поэта.

Такъ какъ послѣ этого эпизода мнѣ не пришлось уже встрѣтиться съ Калеповскимъ, передаю слышанное впослѣдствіи о дальнѣйшей его судьбѣ. По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку и поселился въ доставшемся ему отъ отца прекрасномъ имѣніи. У него была единственная сестра, воспитывавшаяся въ Одессѣ; сестра эта вышла замужъ, но,

ставши матерью единственной дѣвочки, года черезъ три овдовѣла и по совѣту докторовъ должна была ѣхать въ Крымъ. Полное неустройство въ то время въ Крыму помѣщеній для больныхъ не дозволяло молодой женщинѣ взять съ собою ребенка. Калеповскій, обожавшій сестру, просилъ ее оставить ему дѣвочку на лѣто, а самой ѣхать въ Крымъ. Конечно, онъ всей душой привязался къ ребенку, которому такъ привольно было играть въ прекрасномъ саду усадьбы подъ присмотромъ старой няни. Однимъ изъ любимыхъ мѣстъ дѣвочки была скамья подъ развѣсистой липой на берегу пруда, на который съ берега выдвигался плотъ. Случилось, что няня какъ-то отошла на минуту отъ игравшей на пескѣ дѣвочки, а та, воспользовавшись свободой, взбѣжала на плотъ, оступилась и утонула. Прибѣжавшая няня, конечно, сперва бросилась съ воплями искать ее по-саду, и только позднѣе открыта была истина. Калеповскій не перенесъ этого: онъ застрѣлился.

Между тѣмъ зима приближалась; иностранная эскадра покинула Балтійское море, и войскамъ предстояло передвигаться во внутрь страны. Главнокомандующій Бергъ (не упомню, былъ ли онъ въ то время уже графомъ) неожиданно потребовалъ меня къ себѣ въ Ревель и убѣдившись, что я говорю по-нѣмецки, сказалъ мнѣ: „на дняхъ вы получите формальное предписаніе. Полковой штабъ вашъ назначенъ въ городѣ Валкѣ, но за Дерптомъ, по рижской дорогѣ, живетъ мой братъ помѣщикъ. У нихъ въ нынѣшнемъ году на корму очень мало скота, и вы можете воспользоваться превосходными ихъ скотными дворами для размѣщенія кавалерійскихъ взводовъ“.

Конечно, я воспользовался практическимъ совѣтомъ главнокомандующаго и нашелъ въ его братѣ чрезвычайно любезнаго и толковаго помощника. Ему было лѣтъ шестьдесятъ отъ роду, но женатъ онъ былъ на красавицѣ лѣтъ тридцати, которая подарила его тремя прелестными дѣтьми.

— Вотъ, говорилъ онъ мнѣ, берите примѣръ съ меня: человѣкъ не долженъ жениться ранѣе пятидесяти лѣтъ.

И въ этомъ полушутливомъ заявленіи просвѣчивало довольство человѣка вполнѣ заслуженнымъ, по его мнѣнію,

успѣхомъ. Два мальчика, между семью и одиннадцатью лѣтами отъ роду, напоминавшіе красавицу мать, жались къ отцу, сидѣвшему противъ пылавшаго камина, и по временамъ то тотъ, то другой, по приглашенію отца, бралъ изъ корзины нѣсколько еловыхъ шишекъ и подбрасывалъ въ веселое пламя.

Послѣ вечерняго чая, сопровождаемаго, по тамошнему обычаю, холодною закускою, мнѣ указали удобный ночлегъ во флигелѣ; а на другой день, когда хозяинъ на парной линейкѣ повезъ меня по хуторамъ, чтобы убѣдить въ пригодности послѣднихъ для помѣщенія взводовъ,—я едва могъ отговорить его отъ объѣзда всѣхъ ихъ, на что̀ потребовалось-бы, безъ всякой пользы дѣлу, протрястись по мерзлой дорогѣ больше половины дня.

Простившись съ любезными хозяевами, снабдившими меня дальнѣйшими совѣтами и рекомендаціями, и осмотрѣвши мѣста прочихъ эскадронныхъ помѣщеній, я отправился въ городъ Валкъ, чтобы устроить тамъ полковую квартиру со всѣми къ тому потребными помѣщеніями, начиная съ караульнаго. Вечеромъ по пріѣздѣ въ городъ я велѣлъ себя отвезти въ единственную гостинницу для пріѣзжихъ, и мнѣ для ночлега указали небольшую, но весьма чистую и удобную комнату. Поутру, не успѣлъ я напиться кофе, какъ появился бургомистръ въ мундирѣ и въ треугольной шляпѣ, а вслѣдъ за нимъ и другіе чины города. Я обѣщалъ бургомистру сейчасъ же побывать у него и просилъ указать мнѣ послѣдовательно всѣ городскія помѣщенія подъ штабъ полка, начиная съ квартиры полковаго командира.

Когда часа черезъ два я прибылъ во дворъ бургомистра, меня поразила расхаживавшая по крышѣ конуры, напоминавшей собачью, громаднаго роста кошка. Мнѣ случалось видать громадныхъ сибирскихъ кошекъ въ мясныхъ лавкахъ, но эта была длиною болѣе аршина, и кромѣ того на концахъ ея ушей волосы сбирались въ видѣ кисточекъ.

— Откуда у васъ такая громадная кошка? спросилъ я бургомистра.

— Это у меня рысь, отвѣчалъ бургомистръ;—онъ живетъ у меня уже лѣтъ семь.

Утомившись порядочно, я вернулся въ гостинницу, содержимую, какъ оказалось, вдовою, и потребовалъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ супа и жаренаго, весьма сносныхъ, и стоилъ тридцать копѣекъ. Убирая со стола, слуга мой передалъ мнѣ, что сегодня въ столовой комнатѣ гостинницы, по случаю субботы, клубъ. Конечно, это обстоятельство заставило меня еще болѣе держаться своей комнаты, такъ какъ я никого не зналъ изъ посѣтителей клуба, и потому выпросилъ у хозяйки какую-то книгу. Но судьба оказалась ко мнѣ весьма благосклонна въ этотъ вечеръ. Убирая вещи, слуга доложилъ мнѣ: „Кронидъ Александровичъ пріѣхали".

Выше мы упоминали о поручикѣ, которому по жребію довелось уѣхать за Дунай въ дѣйствующую армію, въ настоящее время возвращающуюся изъ Турціи.

— Гдѣ же онъ?

— Да они здѣсь въ номерѣ, рядомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вошелъ новопріѣзжій Панаевъ.

— Какъ вы сюда? спросилъ я его.

— Да я добился маршрута и увидалъ, что послѣ завтра полкъ долженъ вступить сюда, и поэтому не сталъ нагонять его на походѣ.

— Сердечно радъ нежданной встрѣчѣ. Поразскажите о томъ, чему были свидѣтелемъ. А тѣмъ временемъ чѣмъ прикажете васъ угощать?

— Да чѣмъ угощать? До вина я не охотникъ, зато, какъ вамъ извѣстно, большой любитель чаю.

— Отлично,—сказалъ я и вышелъ изъ номера, чтобы отдать соотвѣтственныя приказанія.

— У насъ чаю ни соринки нѣтъ, отвѣчалъ слуга.

— Какъ же быть? заторопился я. Сбѣгай въ лавочку и купи хоть четверть фунта для пробы.

Минутъ черезъ пять слуга принесъ въ комнату подносъ съ двумя стаканами, и я, послѣдовавши за нимъ въ корридоръ, спросилъ: „купилъ?"

— Купилъ.

— Что стоитъ?

— Четверть фунта четвертакъ.

Эта неслыханная дешевизна дала мнѣ поводъ къ ребячеству, о которомъ и теперь вспоминаю не безъ улыбки.

— Какъ я радъ, добрѣйшій Кронидъ Александровичъ, сказалъ я, возвращаясь въ номеръ, что у меня какъ нарочно къ пріѣзду такого знатока, какъ вы, вышелъ обыкновенный расхожій чай и уцѣлѣлъ только остатокъ высокаго и столь дорогаго, что даже совѣстно говорить.

Когда я положилъ двѣ ложки драгоцѣннаго чаю и обдалъ его изъ самовара, въ стаканъ полилась совершенно черная струя, которую пришлось разбавлять водою. Настой отзывался чаемъ, и сбитый съ толку моею баснею знатокъ призналъ высокое достоинство чая. Видно было, что онъ отводитъ душу надъ драгоцѣннымъ напиткомъ, который доставлялъ мнѣ не меньше удовольствія.

Перебросившись взаимными вѣстями, мы улеглись спать довольно рано, тогда какъ въ залѣ между тѣмъ продолжался клубный вечеръ. Засѣданіе ихъ, сопряженное съ небольшими пріуготовленіями, происходило почти безъ шума. Къ данному часу хозяйка раскрывала два, три ломберныхъ стола и доставала изъ нихъ дешевые журналы, шашки и игранныя карты, а на столы ставилось по парѣ свѣчей. Желающіе получали пиво и вино, читали, курили, играли, разговаривали до двѣнадцати часовъ, а затѣмъ мирно расходились по домамъ. Журналы, шахматныя доски и карты прятались непримѣтно въ сдвинутые ломберные столы, и клубъ безслѣдно исчезалъ до слѣдующей субботы.

На другое утро я узналъ отъ слуги, что въ гостинницѣ ночевалъ помѣщикъ Бергъ, у котораго мы провели двѣ ночи. Проворный старичекъ вошелъ ко мнѣ въ комнату въ ту минуту, какъ я только-что окончилъ бритье. Услыхавши отъ меня, что я брѣюсь, умываюсь, мѣняю бѣлье и одѣваюсь въ полную парадную форму со всѣми шнурами въ пять минутъ, онъ пришелъ въ большое волненіе. Видно было, что гладкое бритье онъ, по причинѣ молодой красавицы-жены, очень близко принималъ къ сердцу. Снабжая меня весьма практическимъ наставленіемъ, онъ сопроводилъ его и теоретическимъ объясненіемъ.

— Когда вы кончили бриться, говорилъ онъ,—не доволь-

ствуйтесь тщательнымъ вытираніемъ бритвы полотенцемъ. Вы никакъ при этомъ не сотрете легкихъ остатковъ влаги съ боковъ, образующихъ остріе, и эта влага, превращаясь въ незамѣтную ржавчину, тупитъ вашу прекрасную бритву. Кончивъ операцію, проведите раза два внимательно бритву по ремню, и она на слѣдующій разъ будетъ снова безукоризненно служить вамъ.

Позднѣе я убѣдился въ практичности этого совѣта.

Не имѣя никого изъ военныхъ нижнихъ чиновъ въ своемъ распоряженіи, я поневолѣ долженъ былъ отправить навстрѣчу подходящему штабу свое донесеніе насчетъ заготовленныхъ помѣщеній съ нарочнымъ гражданскаго вѣдомства. Когда чухонецъ доставилъ въ штабъ мой конвертъ, одинъ изъ полковыхъ остряковъ воскликнулъ: „вотъ и *эстафетъ* прислалъ!“

По прибытіи штаба полка въ Валкъ, мнѣ еще довольно долгое время пришлось завѣдывать караульною командою, разбирать взаимныя претензіи обывателей съ солдатами и заботиться о продовольствіи послѣднихъ изъ котла.

Случай свелъ меня въ третій разъ въ жизни съ отставнымъ маіоромъ Прейрой, съ которымъ я былъ школьнымъ товарищемъ въ Верро, а затѣмъ встрѣчалъ, какъ адъютанта кирасирскаго корпуснаго командира барона Офферга. Узнавши, что я завѣдую караульной командой, старый товарищъ настоялъ, чтобы я посѣтилъ его одинокаго въ наслѣдственномъ его имѣніи, отстоящемъ отъ города Валка верстахъ въ десяти, а затѣмъ убѣдилъ меня, что мы можемъ оказать взаимное одолженіе—онъ продавая, а я покупая у него продовольственные запасы.

— О говядинѣ не безпокойся, говорилъ, все еще не забывшій школьныхъ проказъ, Прейра.—Пойдемъ, я тебѣ покажу на винокурнѣ своихъ воловъ. Разочти и, какъ ты прикажешь, раза два въ мѣсяцъ я буду сажать вола на сани и присылать его къ тебѣ живьемъ.

Такимъ же порядкомъ получалъ я картофель и кислую капусту. Вслѣдствіе всего этого, мнѣ не разъ приходилось бывать у стараго товарища въ хорошо знакомой мнѣ съ отрочества усадьбѣ и домѣ, въ которомъ, за смертью стариковъ,

бравшихъ меня когда-то гостить на каникулы, почти ничто не измѣнилось. Никогда никакая давно знакомая усадьба не производила на меня такого страннаго впечатлѣнія.

Возвращаясь въ родимое гнѣздо, весьма часто испытываешь то же, что при видѣ знакомаго щенка, превратившагося незамѣтно въ старую собаку, или садъ, который на нашихъ глазахъ оборвало бурею и засыпало снѣгомъ. Человѣкъ, живущій изо дня въ день, слишкомъ сильно ощущаетъ постепенное давленіе жизни, для того чтобы изумиться, увидавши въ зеркалѣ себя вмѣсто ребенка взрослымъ. Но тамъ, гдѣ черезъ двадцать лѣтъ внезапно вступаешь въ ту же неизмѣнную обстановку, испытываешь то, что Тютчевъ такъ образно говоритъ о своей родинѣ:

...«гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня»...

По случаю глубокихъ снѣговъ, мы всѣ ѣздили на одиночкахъ, и мой кучеръ Иванъ съ особеннымъ увлеченіемъ возилъ меня взадъ и впередъ къ моему пріятелю на одномъ изъ нашихъ рыжихъ, дѣйствительно замѣчательно рѣзвомъ. Когда рыжій, выбравшись на гладкую дорогу, пускался во весь махъ, Иванъ приходилъ мало-по-малу въ изступленіе, стараясь наѣзднически придавать ходу лошади, переходившей наконецъ вскачь.

— Да помилуйте, скажите! восклицалъ онъ, какъ будто бы я былъ съ нимъ несогласенъ, тогда какъ я по временамъ только сдерживалъ его безпощадное муштрованіе несчастной лошади.—Да помилуйте, скажите! продолжалъ онъ съ возрастающимъ восторгомъ.—Наши господа офицеры охотятся теперь вперегонки по городу, а гдѣ же имъ теперь супротивъ нашего рыжаго?

Однажды, въ отсутствіе полковаго командира, одинъ изъ товарищей, зашедши ко мнѣ, заявилъ, что офицеры думаютъ устроить между собою бѣгъ на призъ, для чего просятъ желающихъ принять участіе въ этой забавѣ подписать десять рублей для пріобрѣтенія приза.

— Вотъ бы вы на своемъ рыжемъ, сказалъ товарищъ.

— Я, господа, не прочь принять участіе въ вашей затѣѣ, сказалъ я, но мой рыжій страшно затянутъ на возжахъ моимъ дуракомъ, и ѣхать на немъ можетъ только самъ Иванъ, а я не берусь.

— Ну, этого общество не дозволитъ, такъ какъ состязаться и ѣхать будутъ офицеры, и допустить между ними кучера невозможно.

— Я, господа, отвѣчалъ я, ничего не предлагаю, а только объясняю. Если-бы состязаніе происходило между господами офицерами въ какомъ-либо тѣлесномъ искусствѣ, хотя бы въ верховой ѣздѣ, то, конечно, никто не имѣлъ бы права подставлять лицо изъ другой сферы. Но тутъ вопросъ состоитъ въ томъ, чья упряжная рѣзвѣе, и я полагаю, что возбужденіе такого вопроса не можетъ быть сочтено обиднымъ со стороны учредителей.

На другой день съ хохотомъ разрѣшено было ѣхать Ивану на рыжемъ, что придавало самой затѣѣ извѣстную пикантность. Гордости и чванству Ивана не было предѣловъ.

Такъ какъ расчищать и устраивать бѣгъ съ протяженіемъ въ версту было бы слишкомъ хлопотливо и дорого, для состязанія выбрана была самая лучшая и накатанная дорога въ городъ, благо по ней стояли уже несомнѣнныя, казенныя версты. На площади отъ столба, долженствовавшаго быть флаговымъ, отмѣрены были назадъ пять граней по десяти саженъ, на которыхъ послѣдовательно и были поставлены пять вѣхъ, а отъ предшествующаго верстоваго столба назадъ— еще пять вѣхъ въ томъ же порядкѣ.

Командующій полкомъ любезно принялъ на себя роль судьи и вмѣстѣ съ солдатикомъ, вооруженнымъ большимъ колокольчикомъ отъ дуги, остановился около третьяго флага, чтобы имѣть возможность безошибочно замѣтить первую лошадь, дошедшую до соотвѣтственнаго ея мѣсту флага, и дать тотчасъ же знакъ звонить. Пришлось мнѣ за моего Ивана запустить руку въ фуражку, предлагаемую командующимъ полкомъ для вынутія очередныхъ жребіевъ. Не безъ сердечнаго волненія передавалъ я Ивану его третій номеръ съ точнымъ объясненіемъ его мѣста втораго за первымъ полевымъ столбомъ и не могъ не прибавить: „ты только ничего не вы-

думывай и лошадь понапрасну не бей, а то проскачешь болѣе двухъ разъ, и всѣ твои труды пропадутъ".

— Помилуйте, скажите! съ гордымъ тономъ отвѣчалъ Иванъ. такъ что я махнулъ рукою и пошелъ прочь не безъ нѣкотораго фатальнаго предчувствія. Наконецъ, соискатели приза, состоявшаго изъ прекраснаго ковра, разстановились по надлежащимъ мѣстамъ, и махальные подали знакъ къ началу бѣга. Конечно, все вниманіе мое было обращено на Ивана съ его рыжимъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ уже два раза проскакалъ, и стоило ему погорячиться въ третій разъ и пришлось бы съѣхать на сторону. Но рыжій какъ будто успокоился и приближался къ своему по счету третьему отъ конечнаго столба значку, у котораго стоялъ между прочимъ и я. Вотъ прошли двое переднихъ саней, и показалось стоймя вдохновенное рыжее и рябое лицо Ивана. Будь онъ на парѣ или четверкѣ, то по одушевленію и цвѣту кудрей можно бы его счесть за Аполлона.

— Звони! побѣдоносно крикнулъ онъ, поравнявшись дугою съ полковникомъ. Звонокъ раздался въ ту минуту, когда сани Ивана были уже противъ столба.

Въ ту же секунду и первая лошадь поручика Бл—рева дошла до столба, и, учуявъ бѣду, я пустился бѣгомъ за тридцать саженъ впередъ къ столбу, гдѣ, запыхавшись, засталъ неимовѣрную кутерьму. Конечно, Бл—ревъ, услыхавшій звонокъ въ секунду своего прибытія къ флагу, былъ убѣжденъ въ побѣдѣ своей лошади и не зналъ обстоятельства, что Иванъ пришелъ раньше его на цѣлую лошадь. Тѣмъ не менѣе Иванъ, увѣренный въ своей правотѣ, ревѣлъ, какъ разъяренный быкъ:

— Давай сюда коверъ! Накрывай моего рыжаго!

Такъ какъ въ состязаніе вмѣшалось лицо, способное на самую наивную неблагопристойность, я, во избѣжаніе послѣдней, повелительно крикнулъ въ свою очередь:

— Иванъ, отдай коверъ и поѣзжай домой!

Покуда полковникъ-судья подъѣхалъ къ мѣсту распри, Бл—ревская вороная была уже покрыта призовымъ ковромъ, и полковникъ не захотѣлъ перелаживать само собою уладившагося дѣла. Зато Иванъ уѣхалъ съ восклицаніями: „Господи! что же это такое? Это грабежъ среди бѣлаго дня!" И

хотя на другой день я отъ себя келейнымъ образомъ вознаградилъ Ивана, какъ настоящаго побѣдителя, послѣднiй все не могъ утѣшиться.

Но командующему полкомъ пришлось въ отсутствiе полковаго командира разбирать не одно такое мирное дѣло, какъ бѣгъ офицерскихъ упряжныхъ. Случилось обстоятельство, о которомъ даже по прошествiи столькихъ лѣтъ вспоминать непрiятно.

Въ полку былъ небогатый корнетъ, австрiецъ по происхожденiю.

Въ моемъ воспоминанiи безъ особой связи одного представленiя съ другимъ сохранилась очень большая зала съ одной стороны, и прекрасная биллiардная съ другой стороны, въ которой я самъ былъ раза два, и хотя зналъ, что она составляетъ часть гостинницы, но едва-ли пользовался въ ней чѣмъ-либо, кромѣ нѣсколькихъ сыгранныхъ партiй на биллiардѣ.

Въ одно прекрасное или, лучше сказать, весьма скверное утро зашедшiй товарищъ сообщилъ мнѣ, что игравшiй на биллiардѣ корнетъ австрiецъ, толкнувъ нечаянно кiемъ штатскаго, не извинился; поднялась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что корнетъ переломилъ кiй на спинѣ штатскаго, который ударилъ его въ лицо. Въ данную минуту корнетъ былъ арестованъ на своей квартирѣ, а прошенiе его о переводѣ въ армiю уже отправлено было по командѣ, и самъ онъ считался выбывшимъ изъ полка.

Признаюсь, я сильно встосковался по моемъ миломъ Василiи Павловичѣ и съ нетерпѣнiемъ ожидалъ прiѣзда полковаго командира въ штабъ полка, чтобы отпроситься въ свой эскадронъ, расположенный по Дерптско-Рижской дорогѣ, верстахъ въ двухъ вправо отъ второй отъ Дерпта почтовой станцiи,—на мызѣ Аякаръ, принадлежавшей барону Энгардту.

Слугу и Ивана съ лошадьми и вещами я отправилъ впередъ въ эскадронъ, гдѣ все время находились мои верховыя лошади, а затѣмъ и самъ черезъ Дерптъ отправился къ мѣсту стоянки.

Василiя Павловича я засталъ въ отдѣльномъ флигелѣ, въ которомъ онъ занималъ просторную комнату, служившую

переднею и вмѣстѣ кухнею, и затѣмъ двѣ прекрасныхъ комнаты рядомъ, изъ которыхъ одну онъ уступилъ мнѣ.

Помѣщеніе наше занимало только одну сторону флигеля; другую же, обращенную къ главному дому и состоявшую изъ небольшихъ двухъ комнатъ, занималъ братъ нашего хозяина, отставной гусарскій поручикъ. Комната его была увѣшана старой гусарской амуниціей. Никогда онъ не хвасталъ своимъ былымъ гусарствомъ и вообще, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, никогда не говорилъ о прежней своей жизни. Слышно было, что онъ былъ мастеръ, какъ говорится, выпить и закусить, и можно было догадываться, что во время гусарства онъ спустилъ, что имѣлъ, до нитки и наконецъ нашелъ тихое пристанище во флигелѣ своего брата. Такъ какъ этотъ въ сущности добродушный человѣкъ, при общечеловѣческомъ желаніи выдвинуть впередъ свою личность, по обстоятельствамъ не могъ прикасаться ни къ чему своему, то всѣмъ существомъ превратился въ хвалителя своего брата. Словами, оттѣнками голоса, подмигиваніями, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ распорядительность, смѣтку, удаль, значеніе брата въ дворянскомъ кругу, красоту и любезность его жены и т. д.

Въ самый день моего пріѣзда, хозяинъ баронъ Энгардтъ пришелъ во флигель познакомиться со мною. Онъ сообщилъ, что ожидаетъ на завтрашній день пріѣзда жены изъ Дерпта, гдѣ она провела нѣкоторое время подъ наблюденіемъ доктора, и что не далѣе какъ послѣ-завтра онъ проситъ насъ познакомиться съ его женою, которая будетъ очень рада не оставаться послѣ городской жизни въ совершенномъ уединеніи.

На другое утро была порядочная мятель, и мы поневолѣ интересовались пріѣздомъ хозяйки въ такую погоду. Изъ нашихъ оконъ видны были конюшни и пролегающая мимо ихъ дорога въ усадьбу. Часовъ въ двѣнадцать дня къ конюшнямъ подскакалъ верховой на пристяжной. Оказалось, что это былъ лакей баронессы съ извѣстіемъ, что большой возокъ въ одномъ лѣсномъ сугробѣ завязъ. Можно было полюбоваться спѣшностью, съ какою въ нѣсколько минутъ человѣка четыре рабочихъ, надѣвши сбруи на лошадей и запасшись веревками и лопатами, поскакали изъ усадьбы. Не прошло и

часу, какъ въ дымкѣ мятели на дорогѣ показалось темное пятно, и черезъ нѣсколько минутъ огромный возокъ пятерикомъ прокатилъ мимо насъ къ главному подъѣзду дома

На другой день около полудня мы отправились въ домъ подъ покровительствомъ эксъ-гусара и были представлены дѣйствительно прекрасной и любезной хозяйкѣ. Это была роскошная свѣтлорусая женщина съ прекрасными голубыми глазами и съ необыкновенно нѣжною бѣлизною молодаго и здороваго лица. Она въ видѣ личнаго одолженія съ нашей стороны просила насъ приходить ежедневно въ два часа къ обѣду. Конечно, гусаръ не упустилъ случая сказать намъ, что его невѣстка прекрасно поетъ и, уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ, баронесса спѣла нѣсколько нѣмецкихъ и даже русскихъ романсовъ. Затѣмъ, когда баронъ, вернувшійся съ хозяйственной прогулки, сталъ намъ разсказывать о рыбной ловлѣ, доставляющей ему значительный доходъ, баронесса встала изъ за рояля и прошла въ гостиную. Сѣрые глазки эксъ гусара масляписто засверкали, и, наклонясь ко мнѣ, онъ шепнулъ по-нѣмецки (по русски онъ говорилъ довольно плохо): „она сейчасъ будетъ; она все это умѣетъ дѣлать незамѣтно. Отъ доктора она изъ Дерпта привезла ребенка, и вотъ теперь пошла его покормить и затѣмъ будетъ пѣть какъ ни въ чемъ не бывало. О, это такая!“ Гусаръ не нашелъ въ своемъ лексиконѣ подходящаго существительнаго и замѣнилъ его злодѣйскимъ взглядомъ въ бокъ и крученіемъ длиннаго рыжеватаго уса съ мелькающею въ немъ сѣдиною.

Независимо отъ любезныхъ хозяевъ, коихъ обществомъ мы съ этихъ поръ ежедневно пользовались, я съ особеннымъ удовольствіемъ добрался до уединеннаго походнаго сожительства съ Василіемъ Павловичемъ. Не знаю какъ для кого, но для меня это былъ человѣкъ, коему хотя поздній, но самостоятельный, умственный трудъ сообщилъ значительную зрѣлость. Даже въ дружеской бесѣдѣ Василій Павловичъ лично никогда не жаловался на судьбу. Жаловаться значитъ обвинять кого-либо, а тамъ, гдѣ начинается убѣжденіе въ неизбѣжной послѣдовательности явленій, кончается и обвиненіе. Но люди, натерпѣвшіеся нужды, не прочь указывать на предпочтеніе,

съ какимъ удача выбираетъ своихъ тріумфаторовъ, преимущественно между посредственностями. Не смотря на свою страстную натуру, беззавѣтно отдававшуюся картамъ и женщинамъ, нельзя было по наружности быть скромнѣе и сдержаннѣе Василія Павловича. Надо было хорошо его узнать, чтобы убѣдиться въ характеристическомъ у него обратномъ отношеніи видимой сдержанности и стыдливости къ внутреннему беззавѣтному увлеченію, принимающему съ глубочайшею искренностью то, что другіе считаютъ минутною прихотью и пустяками.

Конечно, при переходѣ полка въ окрестности Дерпта на зимнія квартиры, даже при невозможности долговременныхъ отлучекъ со служебнаго поста, небольшой, но вполнѣ европейскій городъ этотъ своими разнообразными кругами, балами въ Дворянскомъ Собраніи, знаменитой кондитерской Люксингера и прекраснымъ клубомъ Черноголовыхъ (Schvarzhäupter),—поневолѣ сталъ сборнымъ пунктомъ военной молодежи.

III.

Дерптъ.—Астрономъ Медлеръ.—Охота на пучки.—Переписка съ Тургеневымъ по поводу новаго изданія моихъ стихотвореній. — Поѣздка въ Петербургъ.—Знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ.—Его первыя столкновенія съ Тургеневымъ. — Князь Вл. Ѳ. Одоевскій. — Полковой праздникъ.—Кончина императора Николая Павловича.

Во время первыхъ посѣщеній Дерпта едва ли не всѣ офицеры познакомились съ двумя дѣвицами полусвѣта: брюнеткою Мальвиной и блондинкою Розаліей. Обѣ онѣ не прочь были похохотать, покататься на офицерской тройкѣ и выпить бокалъ, а не то и стаканъ шампанскаго. Если нравственное совершенство, какъ старается увѣрить большая часть романистовъ, состоитъ въ беззавѣтномъ увлеченіи минутой, и если красивое и пріятное и есть въ жизни должное, то Мальвина и Розалія жили вполнѣ согласно наставленію, даваемому Гораціемъ Левконоѣ:

«Пей, очищай вино и умѣряй мечты...
Пока мы говоримъ, уходитъ время злое:
Лови текущій день, не вѣря въ остальное».

Ни та, ни другая не были красавицами, но обѣ безспорно могли нравиться, особливо если прибавить къ этому, что онѣ, при извѣстной элегантной обстановкѣ и свободѣ въ обращеніи, далеки были по природѣ отъ всякаго корыстолюбія. Можно и должно упрекать ихъ въ томъ, что онѣ, очевидно, не задумывались надъ послѣдствіями своихъ минутныхъ увлеченій. Но мало ли людей на свѣтѣ и даже семейныхъ, заслуживающихъ въ одинаковой мѣрѣ, если не болѣе, подобные упреки? Въ то время, какъ обѣ сестры еще жили вмѣстѣ

Розалія постоянно бывала въ разноцвѣтныхъ платьяхъ и всѣмъ существомъ производила впечатлѣніе красивой безсодержательной куклы; тогда какъ старшая ея сестра, брюнетка Мальвина, могла бы служить типомъ страстной и кокетливой натуры. Нѣсколько худощавая и замѣчательно стройная, съ пышными черными волосами, глазами и рѣсницами, она неизмѣнно была въ черномъ шелковомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ, причемъ единственнымъ украшеніемъ служила золотая брошка и дамскіе часы на небольшой золотой цѣпочкѣ. Она любила духи, и отъ нея всегда сильно отдавало фіалкой.

Конечно, при своихъ поѣздкахъ въ Дерптъ, Василій Павловичъ познакомился съ этими сестрами, и то, что для другихъ было забавой, стало для него роковымъ событіемъ. Хотя я нѣсколько разъ встрѣчалъ въ Дерптѣ Розалію, дозволившую одному эскадронному командиру увезти себя въ деревню, но объ ней, какъ не представляющей особеннаго интереса, говорить болѣе не буду. О Мальвинѣ же я вынужденъ говорить по случаю ея роковаго вліянія на Василія Павловича. Конечно, во все время нашей стоянки въ Аякарѣ у Энгардтовъ, я не имѣлъ случая видѣть Василія Павловича вмѣстѣ съ Мальвиной, такъ какъ она не могла появляться въ усадьбѣ баронессы, а я не только не захотѣлъ бы въ присутствіи Василія Павловича явиться на ихъ дерптскую квартиру, но не позволялъ себѣ даже упоминать объ этихъ отношеніяхъ.

Стараясь хоть сколько-нибудь понять происходившее у меня на глазахъ, но не желая возвращаться къ характеристикѣ Мальвины, дозволю себѣ небольшой анахронизмъ и скажу нѣсколько словъ о времени вполнѣ независимаго пребыванія нашего слѣдующею весной подъ Ревелемъ, въ пустой усадьбѣ одного графа, котораго фамиліи не упомню. Туда, въ довольно просторный, занимаемый офицерами эскадрона домъ, Мальвина появлялась, по выраженію Некрасова, „хозяйкой полною“.

Конечно, человѣкъ, подъ властью роковаго увлеченія, подобно Василію Павловичу, не могъ ничего замѣтить въ ровномъ и нѣсколько скучающемъ поведеніи Мальвины въ его

присутствіи. Она очень ловко разливала намъ чай, кофе и супъ, а въ остальное время, съ великолѣпно подобраннымъ каскадомъ черныхъ волосъ на макушкѣ головы, сидѣла въ креслѣ у окна за шитьемъ, напѣвая вполголоса легкіе мотивы, или читала англійскій романъ въ нѣмецкомъ переводѣ. По-русски Мальвина говорила довольно понятно, но съ сильнымъ акцентомъ, почему, вѣроятно, Василій Павловичъ говорилъ съ нею всегда по-нѣмецки. Она, очевидно, нимало не стѣснялась лихорадочной перемѣнчивостью своихъ сужденій. То, напримѣръ, говорила, что подобный лѣтній вечеръ придаетъ десять лѣтъ жизни однимъ запахомъ скошеннаго клевера, то черезъ часъ утверждала, что въ одну недѣлю можно съ ума сойти въ такомъ захолустьи. При этомъ я ни разу не видалъ, чтобы она хотя привѣтливо взглянула на Василія Павловича; за то, когда онъ по обязанности службы отлучался на ученіе, она мгновенно измѣнялась...

Я предпочитаю оставить пробѣлъ тамъ, гдѣ память моя уронила петлю, чѣмъ наполнять его собственнымъ сочиненіемъ. Такимъ родомъ я никакъ не могу припомнить повода, по которому вошелъ въ домъ профессора, о міровомъ значеніи котораго въ то время не имѣлъ надлежащаго понятія. Чуть ли не одинъ изъ бывшихъ моихъ туземныхъ товарищей сообщилъ мнѣ, что жена астронома Медлера, услыхавъ о моемъ дѣятельномъ знакомствѣ съ нѣмецкою поэзіей въ качествѣ переводчика, будучи сама ревностною поэтессой, захотѣла со мною познакомиться, и, вѣроятно, я на этомъ основаніи явился въ домъ профессора подъ предлогомъ найти разрѣшенія темнаго для меня астрономическаго вопроса. Я былъ принятъ старичкомъ небольшаго роста, еще довольно свѣжимъ, который походилъ на брюнета, густо намылившаго себѣ голову. До сихъ поръ я съ глубочайшимъ удовольствіемъ и признательностью вспоминаю о нѣсколькихъ вечерахъ, проведенныхъ въ домѣ этого во всѣхъ отношеніяхъ оригинальнаго человѣка. Подобно многимъ нѣмецкимъ ученымъ, онъ обладалъ подавляющею массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, начиная съ основательнаго знакомства съ древне-

классическими языками. Не менѣе обширны были его историческія свѣдѣнія, причемъ годы событій сохранились въ его памяти съ математическою точностью. Но во всякомъ случаѣ естественныя науки вообще и его спеціальность астрономія были его торжествомъ. Увѣренность послѣдней, постоянно опирающейся на математику, придаетъ ея адептамъ такую простоту въ отношеніяхъ къ ней, какую трудно встрѣтить въ другихъ ученыхъ. Въ время долгихъ вечернихъ бесѣдъ, прерываемыхъ съ моей стороны только рѣдкими вопросами, я все время любовался великимъ умѣньемъ ученаго съ дѣтскою простотой нисходить до моего низменнаго уровня и съ него указывать мнѣ все дивное устройство мірозданія. При всей простотѣ онъ былъ такъ наглядно краснорѣчивъ, что мнѣ каждый разъ казалось, будто какой-то всемогущій волшебникъ мчитъ меня по полночному небу, указывая всѣ его тайны. Возстановляя въ воспоминаніи лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ жизни, я стараюсь о вѣрномъ начертаніи ихъ образовъ, какими они мнѣ въ свое время представлялись; но нимало не считаю непремѣнною обязанностью объяснять казавшіяся мнѣ въ нихъ противорѣчія. Такъ я могу сказать, что великій астрономъ все время, даже за прекраснымъ обѣденнымъ столомъ, которымъ видимо щеголяла его супруга, не смотря на преклонныя лѣта, держалъ себя по отношенію ко мнѣ, не скажу самымъ скромнымъ, но даже смиреннымъ образомъ, какъ бы стараясь выслужиться передо мною своими достоинствами. И вотъ въ высказываніи этихъ то достоинствъ онъ былъ неистощимъ до дѣтства. Надо отдать справедливость, что на этотъ путь его наводила уже далеко не молодая жена его, поэтесса, разыгрывавшая сама геніальную особу; считая себя первокласснымъ поэтомъ, она успѣла внушить о себѣ и мужу такое понятіе. При этомъ она, разумѣется, относилась къ нему съ высоты своего величія. Такъ, напримѣръ, разсказывая, что предоставленный даже въ обществѣ самому себѣ, онъ, постоянно шевеля пальцами, предавался головнымъ исчисленіямъ посредствомъ логариѳмовъ,— жена заставляла его производить въ головѣ умноженіе двухъ чиселъ съ тремя знаками въ каждомъ, и когда несчастный тутъ же разрѣшалъ задачу, она задавала ему тотчасъ-же

переумноженіе съ четырьмя знаками, и какъ онъ ни отнѣкивался, а подъ конецъ вынужденъ бывалъ уступить и даже за обѣдомъ закрывалъ глаза на нѣкоторое время и, пошевеливъ пальцами съ минуту, говорилъ искомое произведеніе съ восемью знаками.

— А вы, господинъ поручикъ, не повѣрите, какой онъ у меня каллиграфъ, говорила мадамъ Медлеръ.—Медлеръ, покажи свое чистописаніе!

И старичекъ съ особеннымъ хвастовствомъ несъ дѣйствительно изумительныя рукописи, начиная съ микроскопическаго „Отче Нашъ", написаннаго на кружкѣ величиною въ серебряный пятачекъ. Вообще, усидчивая аккуратность въ рукодѣльяхъ, казалось, была у него семейная. Такъ въ гостиной подъ стекломъ хранилась подробная рельефная карта луны изъ бѣлаго воска, аршина полтора въ діаметрѣ, исполненная нашею безмолвною собесѣдницей за столомъ, его пожилою сестрой дѣвицей. Ея восковая карта, снятая со знаменитой карты луны ея брата, была выставлена въ Лондонѣ на всемірной выставкѣ и была предметомъ всеобщаго удивленія. Когда я спросилъ, чѣмъ она могла произвести всѣ эти горные хребты и углубленія, она весьма скромно отвѣчала, что это легко исполняется посредствомъ простой булавки и ея головки. Вслѣдъ затѣмъ выкладывались передо мною одно за другимъ нѣсколько писемъ бывшаго министра С. С. Уварова, исполненныя самыхъ дружескихъ сочувственныхъ выраженій по адресу знаменитаго астронома.

Насколько мнѣ извѣстно, Медлеръ, зарекомендованный своимъ превосходнымъ почеркомъ и математическими способностями, поступилъ на частную службу къ одному берлинскому банкиру, содержавшему собственную обсерваторію. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Медлеръ испросилъ позволенія у хозяина заниматься въ праздничное время на его обсерваторіи, на которой своими работами скоро пріобрѣлъ всемірное имя, между прочимъ своею теоріей—центральнаго солнца. Слава молодаго ученаго дошла до министра Уварова и, вызвавъ астронома въ Дерптъ, онъ сдѣлалъ его директоромъ обсерваторіи, при которой я засталъ Медлера въ чинѣ тайнаго совѣтника, украшеннаго орденами.

„Въ бытность мою въ Парижѣ, разсказывалъ Медлеръ, я зашелъ къ Леверье, которому объявилъ свое имя. Къ крайнему моему изумленію, онъ, глядя мнѣ въ глаза, рѣзко сказалъ, что не слыхивалъ этого имени. Смущенный, я сталъ указывать на свои работы, и вдругъ онъ спросилъ меня: „mais n'êtes vous pas monsieur *Medlér?*" и затѣмъ любезностямъ знаменитаго астронома не было конца".

Мадамъ Медлеръ дѣйствительно прекрасно владѣла нѣмецкимъ стихомъ, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я силился склонить ее къ переводамъ преимущественно русскихъ поэтовъ, еще мало знакомыхъ заграницей. Но такъ какъ гораздо труднѣе хорошо переводить, чѣмъ писать стихи, лишенные поэзіи, то усилія мои въ этомъ случаѣ остались напрасными, и справедливость заставляетъ меня сказать, что насколько въ домѣ любезнаго ученаго меня привлекала астрономія, настолько пугала поэзія.

Не смотря на возвращеніе изъ-за Дуная поручика Панаева, въ полкъ пришло новое распоряженіе о высылкѣ поручика въ Севастопольскую армію. Поручики снова возгорѣлись надеждою, и однажды утромъ, когда я былъ въ караулѣ, собрались ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы вынуть жребій. Между первыми изъ соискателей явился Панаевъ.

— Помилуйте, Кронидъ Александровичъ! воскликнули было нѣкоторые,—вѣдь вы же только-что вернулись изъ дѣйствующей арміи. Позвольте же и другимъ попытать счастья.

— А развѣ въ циркулярѣ сказано, замѣтилъ Панаевъ, что избранный однажды тѣмъ самымъ лишается права на новое соискательство?—А какъ этого не было, то всякій протестъ долженъ былъ умолкнуть понемногу. На одной бумажкѣ изъ числа восьми было написано: „ѣхать", и затѣмъ всѣ свертки брошены въ мою вицъ-шапку. Стали вынимать, и Панаевъ снова вынулъ билетъ: „ѣхать". Но на этотъ разъ отправка затянулась и затѣмъ окончательно не состоялась.

Прохожу молчаніемъ прекрасные балы въ Дворянскомъ Собраніи. Балы эти по всей обстановкѣ и тону были безукоризненны и, вспоминая Лермонтова, надо бы проговорить:

«Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль».

Но справедливость требуетъ сказать, что наши уланы, хотя и мчались въ легкихъ танцахъ, не только не подымали, но и не пускали пыли въ глаза.

Публичный или общественный балъ не можетъ быть орудіемъ тщеславія. Участвующіе въ немъ, очевидно, ищутъ развлеченія, веселья, превлекающаго прекрасный полъ возможностью выставить свою наружность въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Но истинно вдохновительнымъ можетъ быть только балъ въ средѣ общества, хорошо между собою знакомаго, гдѣ личный характеръ и обстановка каждаго представляютъ дѣйствительную извѣстную величину, а не безличную формулу въ бальномъ костюмѣ. Для такого общества блестящій и шумный балъ имѣетъ незамѣнимую прелесть. Громъ музыки, обязательныя рукопожатія и объятія среди пестрой толпы, въ которой каждый преслѣдуетъ свои личные интересы, замѣняетъ собою темный лѣсъ, куда на глазахъ всѣхъ уходитъ заинтересованная пара. Не нужно быть самолюбивымъ, чтобы чувствовать несоизмѣримую разницу между простымъ танцоромъ и живымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вотъ она, прелестная блондинка, съ большими задумчивыми голубыми глазами. Подойдите къ ней, и она съ удовольствіемъ подастъ вамъ руку, потому что ей хочется танцовать и слышать, что къ ней очень присталъ ея вѣнокъ и нарядъ. Вотъ рыженькая, пикантная головка со вздернутымъ носикомъ и легкими веснушками. Съ какимъ горделивымъ пренебреженіемъ смотритъ она на проходящихъ. Ангажируйте ее, и она окажетъ вамъ милость, принявъ вашу руку, но въ душѣ будетъ чрезвычайно довольна. А вотъ и она, царица бала, предметъ горячаго поклоненія вашего друга Вы напередъ знаете вашу роль: съ вами будутъ изысканно любезны передъ глазами всего собранія; васъ отыщутъ то здѣсь, то тамъ, чтобы съ вами пройтить или присѣсть гдѣ-нибудь. При этомъ вы знаете, что вы не болѣе какъ ширма, за которою спрятанъ вашъ другъ. Но сегодня убѣгающая за розовое ушко прядь черныхъ волосъ такъ блестяще гладка, долгій взглядъ темнокарихъ глазъ останавливается на васъ съ такою истомой, и сказанныя слова такъ безумны, что въ сознаніи вашемъ все мгновенно извращается, и вамъ кажется, что ширма — онъ.

за которымъ скрываетесь вы... Конечно, трудно было ожидать чего-либо подобнаго на дерптскихъ балахъ.

Наконецъ, отстоявши свой караулъ, я вернулся въ тишину Аякарскаго флигеля, гдѣ, по случаю отъѣздовъ Василія Павловича въ Дерптъ, мнѣ нерѣдко приходилось сидѣть совершенно одному. Въ такіе дни, кромѣ обычнаго посѣщенія хозяйскихъ обѣдовъ, я испросилъ у прекрасной баронессы позволенія отводить душу за вечернимъ ея чаемъ.

Снѣгъ въ эту зиму былъ необыкновенно глубокій, и баронъ Энгардтъ разсказывалъ мнѣ, что сѣрыя куропатки въ бурную погоду не разъ ночевали у него подъ парадными крыльцемъ; а однажды утромъ, подавая мнѣ кофе, слуга доложилъ, что куропатки цѣлымъ стадомъ гуляютъ у насъ подъ окномъ флигеля, въ чемъ я лично убѣдился, но не захотѣлъ ихъ стрѣлять, чтобы близкимъ выстрѣломъ не напугать баронессу и ея дѣтей. Деньщикъ Василія Павловича, довольно неловкій парень для услуги, но, какъ литвинъ, съ наклонностью къ охотѣ, объявилъ мнѣ, что на краю усадьбы въ саду много заячьихъ слѣдовъ, и надо-бы ночью покараулить зайцевъ. Я совершенно незнакомъ былъ съ этого рода охотой и потому приказалъ Каліуктису (фамилія литвина) поставить на открытомъ мѣстѣ пучекъ немолоченнаго овса.

— Ну что? спросилъ я на другой день.

— Былъ и ѣлъ, отвѣчалъ Каліуктисъ.

Получивъ въ слѣдующіе два дня такой же отвѣтъ, я, тепло одѣвшись, пошелъ съ заряженнымъ ружьемъ на заранѣе осмотрѣнное мѣстечко въ вишнякѣ подъ заборомъ, отъ котораго до вновь поставленнаго пучка было шаговъ тридцать или сорокъ. Было около одиннадцати часовъ; ночь была по поводу полнолунія почти свѣтлая какъ день, хотя этого нельзя было сказать про мѣсто, занятое мною въ вишнякѣ. Время всегда безконечно тянется при ожиданіи, и мнѣ пришлось просидѣть неподвижно, полагаю, болѣе часа, такъ что я уже отчаявался въ приходѣ зайца. Вдругъ до напряженнаго слуха моего достигло какое-то фырканье. Правда, за отдаленностью, звукъ былъ такъ слабъ, что это какъ будто только показалось. Но вотъ черезъ минуту слышу уже совершенно ясно: фрръ! Еще черезъ минуту тотъ же звукъ раздался у меня съ

правой стороны такъ громко, какъ будто чья-то сильная рука выбиваетъ дробь на барабанѣ. Еще минута, и на бѣлоснѣжную полянку, медленно кланяясь, выдвигается темноватый очеркъ зайца, который, производя тотъ же звукъ, въ обѣ стороны разбрасываетъ струи снѣга, подъ которымъ ищетъ корма. Ждать долѣе было нечего; продираться на свѣтъ промежду кустовъ—значило бы спугнуть зайца. Но бѣда въ томъ, что, наводя ружье, я только гадательно могъ направить цѣль. Убѣдившись, что лучше прицѣлиться мнѣ не удастся, я, горя охотничьимъ нетерпѣніемъ, побѣдилъ въ себѣ чувство страха—огласить усадьбу полночнымъ выстрѣломъ—и спустилъ курокъ. Когда дымъ разсѣялся, и я выбѣжалъ изъ засады, заяцъ исчезъ. Пройдя нѣсколько шаговъ по его пустому слѣду, я убѣдился въ промахѣ и пошелъ домой. Когда на другое утро человѣкъ подалъ мнѣ кофе, Каліуктисъ вошелъ въ комнату, держа замороженнаго зайца.

— Откуда ты взялъ его? спросилъ я.

— Да это вашъ же, отвѣчалъ ухмыляясь Каліуктисъ.— Я прошелъ утромъ посмотрѣть и вижу зарядъ вашъ весь у него на слѣду. Прошелъ я шаговъ двадцать по слѣду, а онъ какъ запрокинулся, такъ и лежитъ.

Около этого времени у меня завязалась оживленная переписка съ Тургеневымъ. Онъ писалъ мнѣ:

„Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Анненковъ, Гончаровъ—словомъ весь нашъ дружескій кружокъ вамъ усердно кланяется. А такъ какъ вы пишете о значительномъ улучшеніи вашихъ финансовъ, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаемъ поручить намъ новое изданіе вашихъ стихотвореній, которыя заслуживаютъ самой ревностной очистки и красиваго изданія, для того чтобы имъ лежать на столикѣ всякой прелестной женщины. Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его".

Конечно, я усердно благодарилъ кружокъ, и дѣло въ рукахъ его подъ предсѣдательствомъ Тургенева закипѣло. Почти каждую недѣлю стали приходить ко мнѣ письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій. Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно

отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“—вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло настолько же очищеннымъ, насколько и изувѣченнымъ. Досаднѣе и смѣшнѣе всего была долгая переписка по поводу отмѣны стиха:

«На суку извилистомъ и чудномъ».

Очень понятно, что высланные мною, скрѣпя сердце, три-четыре варіанта оказались непригодными, и наконецъ Тургеневъ писалъ: „не мучьтесь болѣе надъ стихомъ „На суку извилистомъ и чудномъ“: Дружининъ растолковалъ намъ, что фантастическая жаръ-птица и на плафонѣ, и въ стихахъ можетъ сидѣть только на извилистомъ и чудномъ суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо“.

Рѣшительно не припомню, просился ли я у полковаго командира въ Петербургъ, или почему-либо выборъ палъ на меня для закупокъ винъ и фруктовъ къ полковому празднику, на который нашъ Августѣйшій Шефъ опредѣлялъ свой шефскій окладъ. Помню только, что, получивъ деньги съ казенною подорожною, я на перекладныхъ отправился въ Петербургъ и заказалъ все нужное у Елисѣева, который для винъ и винограда при укупоркѣ долженъ былъ разсчитывать на 25 градусовъ мороза, и надо сказать, приготовивши для меня цѣлый возъ провизіи, вышелъ побѣдителемъ изъ своей задачи. Не смотря на полуторасуточное пребываніе на морозѣ, ни одна ягодка винограда не пострадала.

Конечно, три-четыре дня моего пребыванія на этотъ разъ въ Петербургѣ я проводилъ преимущественно въ литературномъ кругу. Тургенева я нашелъ уже на новой и болѣе удобной квартирѣ въ томъ же домѣ Вебера, и слугою у него былъ уже не Иванъ, а извѣстный всему литературному кругу Захаръ. Тургеневъ вставалъ и пилъ чай (по-петербургски) весьма рано, и въ короткій мой пріѣздъ я ежедневно приходилъ къ нему къ десяти часамъ потолковать на просторѣ. На другой день, когда Захаръ отворилъ мнѣ переднюю, я въ углу замѣтилъ полусаблю съ анненской лентой.

— Что это за полусабля? спросилъ я, направляясь въ дверь гостиной.

— Сюда пожалуйте, вполголоса сказалъ Захаръ, указывая налѣво въ корридоръ.—Это полусабля графа Толстаго, и они у насъ въ гостиной ночуютъ. А Иванъ Сергѣевичъ въ кабинетѣ чай кушаютъ.

Впродолженіе часа, проведеннаго мною у Тургенева, мы говорили вполголоса изъ боязни разбудить спящаго за дверью графа.

— Вотъ все время такъ, говорилъ съ усмѣшкой Тургеневъ.—Вернулся изъ Севастополя съ баттареи, остановился у меня и пустился во вся тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукою.

Въ этотъ же пріѣздъ мы и познакомились съ Толстымъ, но знакомство это было совершенно формальное, такъ какъ я въ то время еще не читалъ ни одной его строки и даже не слыхалъ о немъ, какъ о литературномъ имени, хотя Тургеневъ толковалъ о его разсказахъ изъ дѣтства. Но съ первой минуты я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій. Въ это короткое время я только однажды видѣлъ его у Некрасова вечеромъ въ нашемъ холостомъ литературномъ кругу и былъ свидѣтелемъ того отчаянія, до котораго доходилъ кипятящійся и задыхающійся отъ спора Тургеневъ на видимо сдержанныя, но тѣмъ болѣе язвительныя возраженія Толстаго.

— Я не могу признать, говорилъ Толстой, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблею въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ". Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? задыхаясь и голосомъ, переходящимъ въ тонкій фальцетъ (при горячихъ спорахъ это постоянно бывало), говорилъ Тургеневъ. Здѣсь не ваше знамя! Ступайте къ княгинѣ Б—й-Б—й!

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить! и праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія.

Припоминая теперь это едва-ли не единственное столкно-

веніе Толстаго съ Тургеневымъ, которому я въ то время былъ свидѣтелемъ, не могу не сказать, что хотя я понималъ, что дѣло идетъ о политическихъ убѣжденіяхъ, но вопросъ этотъ такъ мало интересовалъ меня, что я не старался вникнуть въ его содержаніе. Скажу болѣе. По всему, слышанному мною въ нашемъ кружкѣ, полагаю, что Толстой былъ правъ, и что если бы люди, тяготившіеся современными порядками, были принуждены высказать свой идеалъ, то были бы въ величайшемъ затрудненіи формулировать свои желанія.

Кто изъ насъ въ тѣ времена не зналъ веселаго собесѣдника, товарища всяческихъ проказъ и мастера разсказать смѣшной анекдотъ,—Дмитрія Васильевича Григоровича, славившагося своими повѣстями и романами?

Вотъ что между прочимъ передавалъ мнѣ Григоровичъ о столкновеніяхъ Толстаго съ Тургеневымъ на той же квартирѣ Некрасова: „Голубчикъ, голубчикъ, говорилъ, захлебываясь и со слезами смѣха на глазахъ, Григоровичъ, гладя меня по плечу. — Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены. Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ, пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ: „не могу больше! у меня бронхитъ!“ и громадными шагами начинаетъ ходить вдоль трехъ комнатъ.—„Бронхитъ, ворчитъ Толстой вослѣдъ, — бронхитъ воображаемая болѣзнь. Бронхитъ это металлъ!“ Конечно, у хозяина — Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева, и Толстаго, въ которомъ чуетъ капитальную опору „Современника“, и приходится лавировать. Мы всѣ взволнованы, не знаемъ, что говорить. Толстой въ средней проходной комнатѣ лежитъ на сафьяномъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы подхожу къ дивану и говорю: „голубчикъ Толстой, не волнуйтесь! Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ!“

— Я не позволю ему, говоритъ съ раздувающимися ноздрями Толстой,—нечего дѣлать мнѣ на зло! Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляжками!

Фригійская рѣка Меандръ, постоянно выставляемая древними поэтами въ примѣръ прихотливыхъ извивовъ, могла бы служить эмблемою прямо противоположныхъ фазисовъ, достигаемыхъ человѣческимъ міросозерцаніемъ при поступательномъ движеніи. Это и называется развитіемъ, но не заключаетъ въ себѣ непремѣнной перемѣны къ лучшему. Не смотря на кратковременное на этотъ разъ пребываніе мое въ Петербургѣ, Тургеневъ успѣлъ, по просьбѣ князя Вл. Ѳед. Одоевскаго, свозить меня къ нему. Помню забавную выходку Тургенева. Когда мы вечеромъ всходили съ нимъ по освѣщенной лѣстницѣ, я вдругъ почувствовалъ, что онъ провелъ у меня рукою вдоль колѣнки съ внутренней стороны ноги. Сдѣлалъ онъ это такъ неожиданно, что я невольно крикнулъ: „что вы?“—„Я думалъ, сказалъ Тургеневъ, что ваши рейтузы подбиты кожей“. Пришлось увѣрять его, что у офицеровъ рейтузъ съ кожею не бываетъ. Князь и княгиня, съ которыми мнѣ съ теченіемъ времени пришлось сблизиться короче, были и при первой встрѣчѣ весьма внимательны и любезны.

Но вотъ почтовыя тройки снова на перекладной мчатъ меня въ теченіи полутора сутокъ изъ Петербурга въ Валкъ къ 13-му февраля, празднику св. Мартиніана. Конечно, пиръ былъ на славу, и, какъ помнится, присутствовали на немъ одни однополчане, и притомъ не было ни одной дамы. Конечно, всѣ знали, что роскошно угощаетъ насъ Августѣйшій Шефъ, и понятно, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчены были тосты полковаго командира за здоровье Государя и Августѣйшаго Шефа, покрываемые громогласными тушами трубачей. Обѣдъ давно кончился, и столы были убраны въ просторной залѣ, но музыка продолжала гремѣть, и шампанское лилось рѣкою. Конца празднества хорошенько припомнить не могу, но дѣло въ томъ, что по случаю форменнаго марша, оставшагося въ полку въ видѣ запрещенной Варшавской мазурки, пара корнетовъ ловко пронеслась подъ ея звуки по залѣ. Черезъ нѣсколько времени я увидалъ старика Курселя, хохочущаго до слезъ при видѣ стараго обознаго офицера изъ нижнихъ чиновъ, котораго шалуны уговорили пройтись русскую, и который это дѣйствительно исполнилъ такъ неловко

и неуклюже, что способенъ былъ возбудить и смѣхъ, и сожалѣніе.

— Господа! раздалось по залѣ: кто мастеръ русскую? Выходите!—Явилось нѣсколько плясуновъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ русской пляскѣ, возникло состязаніе. Въ то время какъ одинъ изъ соучастниковъ отдыхалъ, обошедши всю залу въ присядку, другой, округливши руки и расширивъ пальцы, надменно выступалъ и кружился съ глупымъ видомъ индѣйскаго пѣтуха. Не знаю, какъ это случилось, но помню только яркое мерцаніе свѣчей, отчаянный трескъ трубачей, закатывающагося со смѣху полковаго командира и самого себя съ корнетомъ Бл—ревымъ посрединѣ залы, безъ мундира и безъ галстука, старающихся превзойти другъ друга нелѣпыми выходками.

На другой день всѣ поразъѣхались по своимъ стоянкамъ. Хотя до моихъ именинъ (22 февраля) осталось еще болѣе недѣли, тѣмъ не менѣе проѣздомъ черезъ Дерптъ я постарался захватить кое-какихъ припасовъ и закусокъ. Что же касается до шампанскаго, то я зналъ, что станціонный смотритель на шоссе, верстахъ въ трехъ отъ Аякара, держалъ его въ достаточномъ количествѣ для офицеровъ.

По близости отъ насъ не было никого изъ товарищей, съ кѣмъ бы мнѣ было особенно пріятно провести свой домашній праздникъ, за исключеніемъ Панаева, стоявшаго верстахъ въ 15-ти у хорошо мнѣ знакомаго Берга. Поэтому около 18 февраля я отправился къ Панаеву звать его погостить къ намъ, да кстати и на именины. Кронидъ Александровичъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, и на другой день его отлично выкормленная пара мышастыхъ лошадокъ стояла въ санкахъ у крыльца за моею рыжею одиночкой.

— Садитесь ко мнѣ, Кронидъ Александровичъ, сказалъ я. Вѣдь мы не боимся говорить на морозѣ. Вы не разсердитесь, что я на минуту завезу васъ на станцію Куйкацъ?

— Что же мнѣ сердиться, отвѣчалъ Панаевъ, мы сами тамъ получаемъ письма.

Смотритель, проворный брюнетъ лѣтъ тридцати пяти, едва ли хорошо говорилъ по-русски; но я помню, что разговоръ былъ на нѣмецкомъ языкѣ. Я попросилъ его сунуть

мнѣ въ сани полдюжины Редереру и досталъ бумажникъ расплатиться.

— Тутъ двѣ версты какихъ-нибудь вамъ до дому, сказалъ смотритель: я велѣлъ бутылки сунуть въ сѣно, довезете благополучно. Писемъ, продолжалъ онъ, выдвигая ящикъ въ столѣ, ни вамъ, ни вамъ нѣтъ. А вы не слыхали, обратился онъ ко мнѣ, императоръ скончался?

— Что вы говорите! воскликнулъ я. Такихъ вѣстей легкомысленно разглашать не слѣдуетъ!

— Помилуйте, на что же вѣрнѣе! возразилъ смотритель. Сегодня утромъ фельдъегерь проскакалъ изъ Петербурга въ Берлинъ съ этою вѣстью.

Мы стояли въ оцѣпенѣніи.

— Что жъ, поѣдемте! обратился я къ Панаеву. Но взглянувши на него, увидалъ катящіяся по щекамъ его слезы.

— Поѣзжайте, голубчикъ, одинъ, сказалъ онъ, махнувъ рукою, а я не могу. Онъ остался непреклоненъ, и мы разъѣхались каждый къ себѣ домой. Черезъ два дня мы уже ходили въ траурѣ, и полковой нашъ священникъ объѣзжалъ эскадроны, приводя ихъ къ присягѣ.

Въ день моихъ именинъ поднялась такая мятель, что мы съ Василіемъ Павловичемъ уже не разсчитывали на чье-либо посѣщеніе, и въ часъ дня единственными нашими гостями оказались оба барона Энгардта: хозяинъ и бывшій гусаръ.

— Кто же выѣдетъ въ подобную погоду? эту фразу повторяли мы на всѣ лады; какъ вдругъ послышался колокольчикъ, и на бѣлой занавѣси мятели все съ большею ясностью стала выступать приближающаяся тройка и остановилась у крыльца. Засыпанные съ головы до ногъ снѣгомъ вошли наши милые Щ—іе. Конечно, послѣ первыхъ привѣтствій, потрясающая вѣсть стала предметомъ разговора, но затѣмъ появилась кулебяка, и непосредственная жизнь вступила въ свои права.

IV.

Лифляндскій крестьянинъ.—Охота на пищикъ.—Вальдшнепиная тяга.—Полковникъ С—овъ.—Поѣздка на ферму и знакомство съ ея обитателями.—Медвѣжья услуга.—Охота на моховомъ болотѣ.—Канонада.—Снова на мызѣ Аякаръ.—Рыбная ловля подо льдомъ.

Я уже говорилъ, что со времени перехода моего въ гвардію отецъ сдѣлался въ отношеніи ко мнѣ чрезвычайно щедръ. и мнѣ оставалось только благодарить его за высылаемыя деньги, о которыхъ я вовсе не просилъ. У болѣе бережливыхъ изъ насъ скоплялись деньги, которыя мы превращали въ появившіеся тогда билеты восточнаго займа, которые при нашей бродячей жизни мы носили въ сумочкахъ на шеѣ. Ипполитъ Ѳедоровичъ называлъ эти сумочки „восточнымъ вопросомъ".

Наступили вешнія оттепели, снѣгъ зачерпывался водою, и пригорки стали обнажаться. Василія Павловича не было дома, и я въ отсутствіе его завѣдывалъ эскадрономъ, конечно, неоффиціально, такъ какъ и онъ уѣзжалъ въ Дерптъ частнымъ образомъ. Однажды ко мнѣ прискакалъ верхомъ чухонецъ и весьма одушевленно на что-то жаловался. Не понимая въ чемъ дѣло, я обратился къ помощи отставнаго гусара Энгардта; послѣдній растолковалъ, что солдаты самовольно надергали у этого крестьянина клевернаго сѣна изъ придорожнаго стога. Мысль, что наши уланы могли произвести такое самоуправство на мѣстѣ стоянки, меня возмутила. Въ нѣсколько минутъ лошадь моя была осѣдлана, и я помчался вслѣдъ за крестьяниномъ, указывавшимъ мнѣ дорогу. Когда мы по перелѣску выскочили на шоссе, кресть-

янинъ указалъ мнѣ на проходящія артиллерійскія орудія, у которыхъ на передкахъ я тотчасъ увидалъ клеверное сѣно.

— Кто у васъ при баттареѣ? спросилъ я солдатика. Онъ назвалъ фамилію капитана.

— Гдѣ же онъ?

— Поѣхали впередъ.

Я пустился впередъ по шоссе и, догнавъ ѣхавшаго верхомъ капитана, объяснилъ ему претензію крестьянина. Переговоривши съ просителемъ по-чухонски, капитанъ увѣрилъ меня, что тотчасъ же удовлетворитъ крестьянина, и мы разстались.

На слѣдующую зиму на одномъ балѣ въ Ревелѣ я узналъ капитана и напомнилъ ему о нашей встрѣчѣ.

— Да, сказалъ онъ, а вы и не знаете, какимъ честнымъ человѣкомъ оказался этотъ крестьянинъ. Трудно было мнѣ, не видавши всего количества похищеннаго, опредѣлить убытокъ; а потому я предложилъ ему помириться на двадцати рубляхъ. „У меня взяли, отвѣчалъ крестьянинъ, приблизительно пудовъ двадцать, и мнѣ слѣдуетъ всего по теперешнимъ цѣнамъ восемь рублей".

Весна между тѣмъ открывалась все рѣшительнѣе, и однажды, когда я за обѣдомъ распрашивалъ у барона о вальдшнепахъ, онъ сказалъ, что вальдшнеповъ у нихъ бываетъ какъ-то мало, но что теперь наступаетъ самая забавная охота на рябчиковъ на пищикъ. Совершенно незнакомый съ этою охотой, я спросилъ барона, что такое пищикъ?

— Я вамъ все это послѣ обѣда покажу и растолкую, отвѣчалъ онъ съ обычною своей живостью. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ кофею онъ принесъ мнѣ небольшую костяную дудочку и научилъ меня извлекать изъ нея дважды повторяемый звукъ. Оставшись наконецъ доволенъ моимъ посвистомъ, баронъ на другой день любезно прошелъ со мною въ лѣсъ и указалъ мѣсто, гдѣ можно ожидать рябчиковъ. „Надо быть чрезвычайно осторожнымъ съ рябчикомъ въ двухъ отношеніяхъ, пояснилъ баронъ. Вопервыхъ, манить его дудкой въ ту минуту, когда онъ самъ отзывается, для того чтобы онъ не разслышалъ обмана; а вовторыхъ, когда онъ подлетитъ на пищикъ, не должно шевелить ни

собственныхъ членовъ, ни ружья, а приподымать последнее для прицѣла незамѣтнымъ образомъ. Теперь я уже вамъ не нуженъ, продолжалъ баронъ, и скорѣе могу только помѣшать, а потому ухожу".

Было совершенно тихо и тепло въ прекрасномъ хвойномъ лѣсу, перемѣшанномъ съ неодѣвшимися еще чернолѣсьемъ. Согласно преподанному мнѣ уроку, я осторожно пропищалъ разъ, ставши подъ старою елью, и насторожилъ слухъ. Минутъ черезъ пять я пропищалъ вторично съ полнымъ недовѣріемъ къ своему искусству; но тотчасъ же услыхалъ какъ бы отдаленное фырканье. Я догадался, что это взлетъ рябчика и сталъ, если возможно, еще болѣе остороженъ. Черезъ минуту я услыхалъ вдали пискъ, подобный производимому мною, и, не давая рябчику кончить его, вновь подзадорилъ его своимъ. Фырканье повторилось еще явственнѣе, и тотъ же пискъ послышался въ болѣе близкомъ разстояніи. За новымъ моимъ позывомъ громогласно повторился фыркающій шумъ крыльевъ, и на этотъ разъ рябчикъ сѣлъ шагахъ въ двадцати пяти передо мною на обнаженную осинку. Когда онъ снова сталъ азартно пищать, я даже видѣлъ, какъ вздувались бѣлыя перышки у него на горлѣ, и на головѣ красиво вздымался хохольчикъ. Чуть замѣтно наводя ружье, я цѣлилъ въ голову, боясь на такомъ близкомъ разстояніи разбить зарядомъ всего рябчика. Я видѣлъ, какъ за выстрѣломъ рябчикъ покатился со своей вѣтки, и я бросился со всѣхъ ногъ подымать его. Попалъ я въ него очень удачно, такъ какъ самая его головка была ранена, но не раздроблена. Увлеченный удачей совершенно новой для меня охоты, я расцѣловалъ свою добычу. Часа черезъ полтора я такимъ же образомъ еще убилъ трехъ.

На другой день за обѣдомъ баронесса благодарила меня за дичину и пояснила, что рябчикамъ слѣдуетъ полежать нѣсколько дней, иначе они будутъ жестки.

Въ скоромъ времени затѣмъ насъ снова потребовали къ Ревелю, и переходъ этотъ памятенъ мнѣ только тѣмъ, что на одной изъ дневокъ мы съ тѣмъ же самымъ эскадроннымъ товарищемъ корнетомъ барономъ Оффергомъ, съ которымъ когда-то такъ неудачно маневрировали подъ Краснымъ Селомъ, отправились въ лѣсъ на тягу вальдшнеповъ, такъ

художественно описанную гр. Толстымъ въ „Аннѣ Карениной“. Такъ какъ никто намъ не указывалъ мѣста, мы остановились съ барономъ на длинной лужайкѣ, тянувшейся между двумя стѣнами весьма высокихъ деревьевъ. По свойственному мнѣ нетерпѣнію, я не люблю ни охоты на крупнаго звѣря, ни уженья, ни вальдшнепиной тяги, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ зачастую приходится долго ждать и ждать понапрасну. И на этотъ разъ мы долго стояли на нашей лужайкѣ, лицомъ къ закатившемуся солнцу. Было совершенно тихо, и надъ всѣмъ лѣсомъ возвышался прозрачный золотистый куполъ зари. Я хотѣлъ было уже сказать: „баронъ, пойдемте домой“, — какъ вдругъ вправо послышалось дорогое охотнику кряхтѣнье, и черезъ полминуты я увидалъ высоко надъ деревьями несущагося черезъ поляну вальдшнепа въ значительномъ впереди меня разстояніи. Баронъ Офбергъ признавался мнѣ потомъ, какъ онъ въ душѣ смѣялся, увидавъ, что я не только поднялъ ружье, но и цѣлюсь въ вальдшнепа на такомъ, можно сказать, безумномъ разстояніи. Я, дѣйствительно, прицѣлился на цѣлую ладонь передъ головою вальдшнепа и спустилъ курокъ. Вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья, какъ ладони, надъ своею головой и отвѣсно покатился внизъ съ своей высоты. Мы было тронулись подымать его, но я воскликнулъ: „нѣтъ, баронъ! надо смѣрить, сколько до него шаговъ. Такія вещи рѣдко случаются“. Мы намѣрили восемьдесятъ шаговъ, и предоставляю каждому, принявъ во вниманіе по крайней мѣрѣ 40 арш. высоты, на которой убитъ вальдшнепъ, разсчитать діагональ смертоноснаго заряда. Вѣроятно, вальдшнепъ былъ убитъ въ голову шальною дробиной, не оставившей и слѣда.

На этотъ разъ мы попали въ лѣтнюю стоянку на пустую мызу, которой имени не упомню, такъ какъ владѣльцевъ ея тамъ не было, и мнѣ опять пришлось вступить въ должность хозяйки. Вскорѣ по прибытіи нашемъ на мѣсто, прибылъ и недошедшій до меня гнѣдой жеребчикъ Глазунчикъ, о которомъ писалъ покойный отецъ. Четырехлѣтняя лошадь была чрезвычайно красива, и посѣтившій насъ сосѣдній командиръ пятаго эскадрона С—въ, посмотрѣвши ее, тотчасъ предлагалъ мнѣ 700 руб. Но имѣя самъ охотницкую жилку,

я наотрѣзъ отказался отъ продажи лошади и усердно занялся ея выѣздкою, тѣмъ болѣе, что у моего лихаго подъѣздка оказалось отъ расхожаго сѣдла на хребтѣ затвердѣніе, признанное ветеринаромъ неизлѣчимымъ, и я, скрѣпя сердце, повернулъ подъѣздка на пристяжку. Тѣмъ не менѣе я продалъ его артиллеристу, который вылѣчилъ его и взялъ на немъ скаковой призъ въ Царскомъ Селѣ.

Единовременно съ присылкою Глазунчика, я получилъ письмо отъ зятя моего А. Н. Ш—а, въ которомъ онъ просилъ моего разрѣшенія оставить у себя приходившіяся мнѣ по разсчетамъ съ братьевъ четыре тысячи рублей. „Зная, что деньги могутъ тебѣ понадобиться на службѣ внезапно, писалъ онъ, я обязуюсь уплатить ихъ по первому твоему требованію и буду за нихъ платить по десяти процентовъ". Я отвѣчалъ, что онъ можетъ ихъ оставить у себя подъ вексель на законныхъ процентахъ.

Стоянка этимъ лѣтомъ не представляла никакого развлеченія, и однажды отъ нечего дѣлать мы съ Василіемъ Павловичемъ рѣшились проѣхать къ полковнику С—ву, стоявшему въ прекрасномъ флигелѣ, на мызѣ какой-то молодой вдовы-графини. Полковникъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, недурной собою брюнетъ съ вьющимися волосами, которыхъ блестящимъ завиткамъ онъ, какъ оказалось, помогалъ искусствомъ. Самого его мы не застали дома, но застали квартировавшаго въ томъ же флигелѣ красиваго корнета, блондина Халеева. Не безъ комизма разсказывалъ Халеевъ о неудовольствіи полковника на него только потому, что онъ любезно раскланивался съ графиней при встрѣчѣ съ нею въ саду. Между прочимъ онъ въ лицахъ передалъ свой разговоръ съ полковникомъ, совершенно очарованнымъ не только стоянкой, но и всѣмъ краемъ.

— Я никакъ не ожидалъ, Александръ Васильевичъ, чтобы вы такъ скоро забыли Россію, говорилъ Халеевъ, воспроизводя свой разговоръ съ полковникомъ.

— Ужь это не о прелестяхъ ли Новгородской губерніи заставляете вы меня вздыхать? отвѣчаетъ полковникъ.

— Я никакъ не предполагалъ, Александръ Васильевичъ, что вы до такой степени космополитъ.

При этихъ словахъ глаза Александра Васильевича засверкали гнѣвомъ.

— Я васъ прошу, воскликнулъ онъ, воздерживаться отъ подобныхъ замѣчаній! Какое вамъ дѣло, завиваю я волосы или нѣтъ? У васъ тоже волосы вьются. Но я себѣ никогда не позволю никакихъ на этотъ счетъ замѣчаній, и хоть вы себѣ всѣ космы опалите, я никогда вамъ не скажу, что вы космополитъ!

— Я, конечно, просилъ извинить меня въ необдуманномъ выраженіи, прибавилъ проказникъ.

Въ концѣ іюля я прослышалъ о пожиломъ фермерѣ, арендующемъ землю, принадлежащую городу Ревелю, верстахъ въ 15-ти отъ меня по ревельской дорогѣ. Тамъ, по слухамъ, были молодые тетерева, и—сердце не камень—я, забравши своего десятимѣсячнаго Непира, отправился въ походной телѣжкѣ по знакомому мнѣ ревельскому шоссе. Шоссе многократно проходило у самаго моря, и слышно было громкое шуршаніе прибрежнаго хряща, когда чухонецъ проходилъ по немъ съ сохою, у которой сошники скорѣе напоминали два желѣзныхъ лома, чѣмъ нашъ широкій копьеобразный сошникъ.

— А что, Иванъ, спросилъ я своего кучера, сталъ ли бы нашъ воронежскій мужикъ пахать такой хрящъ?

— Помилуйте, скажите! отвѣчалъ Иванъ,—да нашъ бы и вниманія не обратилъ на этакую дрянь; что ужь тутъ? Живой голышъ.

— А что, какъ ты замѣчаешь, подъѣздокъ-то меньше сталъ кашлять?

— Отъ этого лѣкарства-то? Да по-моему, ни крошечки. Что было, то и есть.

— Да что же ветеринаръ-то говоритъ?

— Извѣстно антересно послушать! Что говорить! Ученый человѣкъ! А вотъ подошелъ къ лошади то—и теменъ!

Съ небольшимъ черезъ часъ телѣжка наша, свернувши съ главнаго шоссе на проселочное, въѣхала на небольшой дворъ совершенно исправной и даже красивой фермы, и мнѣ пришлось, при незнаніи чухонскаго языка, искать кого-либо, съ кѣмъ бы я могъ, за отсутствіемъ фермера, объясниться

по-нѣмецки. На крыльцѣ показалась миловидная брюнетка, съ бархатистыми, какъ двѣ черныхъ вишни, глазами, и на объясненія мои сообщила, что отецъ уѣхалъ по дѣламъ въ Ревель и сейчасъ же долженъ быть назадъ, и что если я желаю обождать его, то она проситъ меня войти въ его кабинетъ. Дѣлать было нечего. Я усѣлся въ небольшой комнатѣ со стѣнами, убранными оленьими рогами, увѣшанными охотничьими снарядами, и сталъ читать попавшійся подъ руку томъ Шиллера. Черезъ часъ явился и самъ фермеръ, сѣдой и грузный старикъ, не лишенный еще извѣстной бодрости. Узнавши въ чемъ дѣло, онъ любезно предложилъ мнѣ тотчасъ же пройтись къ лѣсу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фермы, только для пробы моей собаки, такъ какъ онъ самъ нѣсколько разъ въ этомъ направленіи, саженяхъ во ста отъ двора, находилъ выводокъ тетеревовъ. Покуда мы шли съ нимъ, направляясь къ кустарникамъ, старикъ старался обратить мое вниманіе на безукоризненную обработку земли на его фермѣ, предметъ менѣе всего интересовавшій меня въ то время. „Потрудитесь взглянуть, говорилъ онъ, вдоль всего овсянаго поля, и вы не найдете ни одной сорной травинки. На свою собаку я мало надѣюсь, прибавилъ онъ: своей хорошей я лишился на дняхъ. Интересно видѣть, что будетъ дѣлать вашъ щенокъ, весьма красивый и породистый, надо сказать правду".

Пока мы шли по низкорослымъ кустамъ, собака фермера, бѣгавшая впереди насъ, очевидно, наткнулась на тетерьку, которая съ клохтаньемъ перелетѣла черезъ дорожку и тотчасъ же сѣла въ кустѣ. Ничего лучшаго не могло быть для пробы Непира. Дошедши до замѣченнаго мною куста, я наладилъ свою собаку на несомнѣнные слѣды тетерьки, но Непиръ скакалъ черезъ нихъ безъ малѣйшаго вниманія.

— Первая наша попытка, сказалъ фермеръ, неудачна. На собаку вашу надежда плохая, и потому я предлагаю вамъ отложить дѣло до другаго дня. Тогда я попрошу васъ прибыть къ семи часамъ утра. Мы напьемся кофею и прямо до наступленія жары попытаемъ счастья.

Когда на третій день, по уговору, за десять минутъ до семи часовъ, я слѣзъ съ телѣжки посреди двора фермы, то уви-

далъ сѣдую, коротко остриженную голову фермера, выглянувшую изъ окна кабинета, и услыхалъ жирный его голосъ: „покорнѣйше просимъ“. Войдя въ небольшую столовую, я нашелъ накрытый столъ. Пока я ходилъ въ кабинетъ поставить ружье и снять на время остальныя охотничьи принадлежности, столовая оживилась. Я нашелъ въ концѣ стола знакомую уже мнѣ дѣвушку лѣтъ семнадцати, пышныя рѣсницы и волосы которой я только тутъ разсмотрѣлъ хорошенько. Человѣкъ пять опрятныхъ мальчугановъ и дѣвочекъ помѣщались на стульяхъ по обѣимъ ея сторонамъ, а старикъ-отецъ, пригласившій меня сѣсть рядомъ съ собою, покойно опустился противъ нея на кресло.

— Въ прошломъ году, сказалъ онъ, я имѣлъ несчастіе потерять жену, и вотъ моя старшая Эмми, какъ видите, теперь мать всѣхъ этихъ дѣтей.

Тою порою Эмми съ необыкновенною ловкостью разливала молоко по стаканамъ дѣтей, добавляя каждому кусокъ хлѣба съ масломъ. Она не заставила ни отца, ни меня ждать нашихъ порцій душистаго кофею съ превосходными сливками и горячимъ печеньемъ. Отцу она налила кофей въ кружку, превышавшую размѣры обыкновеннаго стакана.

— Видно, что вы привыкли расточать благодѣянія, сказалъ я, чтобы не сидѣть молчкомъ,—такъ свободно и легко это у васъ выходитъ.

— Всегда легко, отвѣчала она, дѣлать, что нравиться.

— Конечно, Шиллеръ много одухотворяетъ вашъ трудъ своими идеалами.

— Противъ этого я не спорю, отвѣтила она, но у меня такъ мало времени послѣ дѣтскихъ уроковъ, что мнѣ некогда разбирать источники моихъ чувствъ. Мнѣ все кажется, что любимое въ жизни и есть идеальное.

Въ это время старикъ-отецъ налилъ себѣ вторую кружку кофею и приправилъ ее чудесными сливками. Дѣвушка приподнялась, перешла на другой конецъ стола къ отцу и тихо взяла у него приготовленную кружку. Старикъ схватился обѣими руками за блюдечко и заворчалъ что-то вродѣ: „только на этотъ разъ“.

— Нѣтъ, нѣтъ папа! самымъ серьезнымъ голосомъ сказала

дѣвушка. Это тебѣ вредно, и я положительно тебѣ этого не позволю. Старикъ выпустилъ блюдечко, и она унесла кофе.

Не теряя утреннихъ часовъ, мы по знакомой уже мнѣ дорожкѣ отправились черезъ кусты въ близъ лежащій лѣсъ. На этотъ разъ мой Непиръ, скакнувъ черезъ старый пень, вдругъ загнулъ голову назадъ и съ приподнятымъ хвостомъ застылъ на мѣстѣ. Налюбовавшись съ моимъ хозяиномъ первою стойкою щенка, я вспугнулъ и убилъ вылетѣвшаго тетеревенка.

Когда впослѣдствіи, на привалѣ въ калужскихъ лѣсахъ, я передалъ этотъ охотничій эпизодъ Тургеневу, онъ сказалъ:

— Да, кажется, ничего нѣтъ необыкновеннаго въ вашей Эмми, а между тѣмъ сколько вѣковъ культуры должны были наслояться одинъ на другой, чтобы такое явленіе стало возможнымъ.

Не связанные никакимъ присутствіемъ владѣльцевъ, мы, какъ я уже выше замѣтилъ, занимали барскій домъ, подѣливши между эскадронными товарищами комнаты, и жили, кто какъ хотѣлъ. Мы съ Василіемъ Павловичемъ, какъ всегда, держали общій столъ, а два брата бароны Офберги продовольствовались тоже вмѣстѣ. Если мы и посѣщали взаимно другъ друга, то въ качествѣ гостей. У старшаго, хорошаго стрѣлка и охотника, желтый понтеръ Гекторъ былъ родной братъ моего чернаго Непира, и, приходя иногда поболтать въ комнату къ барону, я постоянно изумлялся неусыпному вниманію охотника, наблюдавшаго за своею, лежавшею на соломенной подушкѣ, собакой. Выпускался красивый Гекторъ гулять на дворъ въ извѣстное время сутокъ, но затѣмъ, едва только онъ поднимался съ подушки и искательно подходилъ къ хозяину или гостю, какъ въ ту же минуту раздавалось неизмѣнное: „geh'schlafen, geh'schlafen!“ и несчастная собака снова неподвижно укладывалась на подушку.

Высокая справочная цѣна на овесъ побудила старшаго барона купить рублей за пятнадцать осьминникъ роскошнаго клевера, котораго солдатикъ барона ежедневно накашивалъ извѣстное количество для его лошади. Такимъ образомъ баронъ достигалъ двухъ цѣлей: освѣженія лошади травянымъ продовольствіемъ и сокращенія расхода наполовину.

Что касается до меня, то, занимаясь на досугѣ выѣздкою своихъ лошадей, отъ которыхъ постоянно добивался успѣховъ, я и не помышлялъ объ уменьшеніи имъ корма, особливо налегая на своего Фелькерзама, котораго почти довелъ до желаемой гибкости и податливости. Передъ выступленіемъ въ походъ, кавалергардскій берейторъ предлагалъ мнѣ за него полторы тысячи рублей; но тогда я не рѣшился продать его: теперь же, въ виду поступившаго подъ сѣдло Глазунчика, я былъ бы не прочь продать прежняго парадира за такую цѣну.

Въ одно свѣтлое, но далеко для меня не прекрасное утро въ комнату ко мнѣ вошелъ старшій баронъ Оффергъ.

— Здравствуйте, баронъ, сказалъ я.—Не хотите ли кофею?

— Нѣтъ, теперь девятый часъ, отвѣчалъ баронъ, и я не только напился кофею, но успѣлъ объѣздить свою лошадь и зашелъ спросить васъ,—что такое съ вашей лошадью? Я видѣлъ, солдатикъ выводилъ ее изъ конюшни, и она черезъ порогъ спотыкается.

Я бросился въ конюшню, и слова барона вполнѣ оправдались. Лошадь, которую я день тому назадъ отъѣздилъ до мыла, по непонятной причинѣ пала на ноги. Оказалось, что причиною бѣды была медвѣжья услуга. Солдатикъ мой, откармливая несчастнаго Фелькерзама, отъ души, сверхъ обычной дачи, кралъ для него бароновскій клеверъ. Пришлось прибѣгать къ кровопусканіямъ и діэтѣ, но, не смотря на всѣ старанія, лошадь уже держалась подъ сѣдломъ одною школой. Весь прежній огонь погасъ невозвратно.

Однажды вернувшись съ охоты, баронъ разсказалъ мнѣ, что въ чащѣ лѣсной нашелъ выводокъ глухарей, но цыплята такъ молоды, что онъ по нихъ стрѣлять не сталъ. Мнѣ захотѣлось натаскать своего Непира, уже показавшаго блестящія способности. Съ этою цѣлью я рано утромъ отправился на моховое болото, поросшее елками и группами невысокихъ кустовъ, представлявшихъ зеленые острова между бѣлыми мхами, этимъ любимымъ мѣстопребываніемъ бѣлыхъ куропатокъ. На послѣднихъ то разсчитывалъ я болѣе всего, такъ какъ, крѣпкія на подъемъ, онѣ всего удобнѣе для упражненія собаки въ твердой стойкѣ. Но какъ нарочно на этотъ разъ я ничего не находилъ и, увлекаясь поисками, зашелъ далеко отъ своей

тележки. Солнце высоко уже стояло на небѣ, показывая полдень; голодъ и жажда давали сильно себя чувствовать; въ ягташѣ моемъ, кромѣ случайно попавшейся пары дупелей, ничего не было, и я рѣшился зажарить одного изъ нихъ, не смотря на отсутствіе соли. Ощипать его и надѣть на палочку было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и затѣмъ, когда при поворотахъ надъ разведеннымъ огнемъ сытый дупель сталъ выпускать свое сало, я вмѣсто соли посыпалъ его порохомъ, содержащимъ селитру, какъ суррогатъ соли. Конечно, мое жареное оказалось совершенно чернымъ, но съѣлъ я его съ особеннымъ аппетитомъ, и голодному оно казалось превосходнымъ. Кончивъ импровизованный завтракъ, я пустился далѣе и вдругъ, къ величайшей радости, увидалъ, что мой Непиръ вытянулся и замеръ, повернувшись носомъ къ кустарнику, представлявшему зеленый продолговатый островъ на чистомъ болотѣ. Долгое время стоялъ я надъ собакой, тихонько гладя ее по спинѣ и любуясь ея раздувающимися ноздрями и горящими глазами. Но всему есть границы, и я вполголоса произнесъ: „allez!" Собака не двигалась. По крѣпкой ея стойкѣ, я предполагалъ цѣлый выводокъ тетеревовъ или бѣлыхъ куропатокъ, и сталъ подвигаться вдоль края острова по направленію, указываемому собакой, держа ружье наготовѣ. Вдругъ шагахъ въ семи передъ собою я услыхалъ въ низкорословъ кустарникѣ тотъ рѣзкій трепетъ крыльевъ, который всегда такъ нервно дѣйствуетъ на охотника,—и изъ кустовъ показалась краснобровая голова черныша. „Ну, думаю, дѣло на чистоту. Торопиться некуда! Возьму повѣрнѣе, и собака, такъ отлично державшая стойку, увидавши убитаго тетерева, убѣдится въ цѣли нашихъ общихъ стараній". Медленно навелъ я ружье вдоль спины выбравшагося изъ кустовъ черныша и спустилъ курокъ. Къ изумленію моему, невредимый чернышъ, распустивши широко крылья, показался надъ бѣлымъ комкомъ дыма отъ моего выстрѣла. „Странно, подумалъ я;—но ужь отъ втораго то, совершенно хладнокровнаго и систематическаго выстрѣла не уйдешь". Опять бѣлый комъ дыма, и изъ него все выше и выше поднимается чернышъ и по синему, безоблачному небу несется къ отдаленной каемкѣ лѣсовъ, окружающихъ моховое болото. Руки мои съ дымящи-

мися стволами опустились, и обидная неудача сразу подкосила остатокъ силъ, возбуждавшихся недавнею надеждой. Всѣмъ моимъ существомъ я почувствовалъ, что въ эту пору дня надо было бы уже быть дома и отдыхать отъ тяжелой ходьбы по болоту, въ которомъ съ каждымъ шагомъ нога глубоко уходитъ въ мягкій мохъ. А тутъ приходится верстъ пять такимъ болотомъ возвращаться къ лошади, таща ружье, которое тутъ только показалось чрезвычайно тяжелымъ. Солнце пекло невыносимо при совершенномъ безвѣтріи. Вдругъ во всеобщемъ молчаніи загрохотала близкая, оглушительная и непрерывная канонада. Не могло быть сомнѣнія, что канонада эта производится громадными крѣпостными или морскими орудіями. Ясно, что англичане бомбардируютъ Ревель, а быть можетъ прикрываютъ морскою артиллеріей свой десантъ. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, завязалось генеральное сраженіе, на которое въ числѣ прочихъ понесся и нашъ шестой эскадронъ, въ то время какъ я одинъ, изнемогающій отъ усталости, часа полтора еще буду тащиться по болоту. Хорошъ слуга отечества! Чѣмъ это все для меня разыграется? Отчаяніе придало мнѣ новыя силы, и я гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, дошелъ до ожидавшаго меня кучера Ивана. Когда мы быстро докатили до дому, канонада прекратилась, и эскадронъ не трогался съ мѣста, а къ вечеру мы узнали, что соединенный флотъ праздновалъ день рожденія Непира. Нечего было удивляться, что пальба казалась столь близкою, если припомнить, что на берегу Балтійскаго Порта мы совершенно ясно слышали громъ бомбардированія Бомарзунда.

Не находя въ моемъ воспоминаніи ничего замѣчательнаго о дальнѣйшемъ нашемъ пребываніи на уединенной мызѣ, возвращаюсь съ моимъ разсказомъ прямо въ знакомыя окрестности Дерпта на мызу Аякаръ къ Энгардтамъ, куда позднею осенью мы были переведены снова.

На этотъ разъ не упомню, почему именно я попалъ ночевать во флигель гостепріимныхъ Берговъ, вмѣстѣ съ кучеромъ моимъ Иваномъ, бывшимъ при мнѣ въ качествѣ прислуги. Когда, вставши поутру и напившись кофею, я отворилъ дверь въ предшествующую комнату, то нашелъ Ивана

стоящимъ противъ двери, и при взглядѣ на его рябыя приподнявшіяся скулы и слегка прижмуренные, смѣющіеся сѣренькіе глазки, я тотчасъ увидалъ, что съ нимъ случилось что-либо курьезное.

— Что ты, Иванъ? спросилъ я его.

— Ги, ги! замычалъ онъ, оскалившись.—Ужь такіе-то порядки тутъ, что только помилуйте! При этомъ онъ прибѣгнулъ къ обычному своему жесту, которымъ выражалъ крайнее смущеніе и застѣнчивость: раздвинувъ пальцы рукъ, онъ, образуя какъ бы забрало, закрывалъ имъ глаза, хотя и продолжалъ смотрѣть въ промежутки между пальцами.

— Помилуйте, скажите! прихожу это вечеромъ и гляжу: что вамъ въ той комнатѣ, то и мнѣ въ этой. Только все попроще. А то и постель, и одѣяло, и коврикъ, и столикъ, и графинъ съ водою. Указываетъ человѣкъ: „вотъ, молъ, тебѣ!“— и ушелъ. Что жь тутъ дѣлать-то? Я, признаться, спервоначала хотѣлъ просто лечь на полъ и головою на коврикъ, да побоялся, что не тѣ у нихъ порядки. Дѣлать нечего! раздѣлся и тоже подъ одѣяло. Господи! а утромъ-то, какъ вамъ понесли кофей, и мнѣ тоже въ глиняной желтой кружкѣ кофей и булки здоровый ломоть. Ну, помилуйте, скажите! Что жь это за порядки?

Иванъ въ сущности былъ правъ, всѣмъ существомъ своимъ отшатываясь отъ подобныхъ порядковъ, которые могутъ существовать только тамъ, гдѣ одно служащее лицо, вполнѣ замѣняя двухъ-трехъ нашихъ, имѣетъ полное право разсчитывать на двойныя или тройныя удобства жизни.

Въ Аякарѣ началась наша прежняя однообразная жизнь, окруженная все тѣмъ же радушіемъ хозяевъ. Всегда веселый и подвижной, баронъ былъ самымъ дѣятельнымъ хозяиномъ, не упускавшимъ случая извлечь изъ хозяйства возможную выгоду.

— Вы вѣдь знаете, сказалъ онъ однажды, что я всякую зиму торгую рыбою. Но если вы хотите видѣть, какъ это дѣлается, то послѣ завтра мы поѣдемъ на рыбную ловлю, такъ какъ старообрядцы Пейпуса уже пріѣхали и сторговались со мною. Часть большаго озера, изъ котораго вытекаетъ рѣка Эмбахъ, входитъ въ нашу дачу, и весною, во время ме-

танія икры, рыба во множествѣ бьется къ берегу. Поэтому я, перепрудивши у себя небольшой ручей, недалеко отъ берега озера устроилъ большую сажалку и пускаю въ нее рыбу. Тутъ она не только сохраняется, но даже плодится, такъ какъ мелкую я никогда не выбираю. Я очень радъ, господа, что это васъ интересуетъ, сказалъ баронъ, обращаясь ко мнѣ и къ Василію Павловичу, и послѣ завтра мы поѣдемъ къ сажалкѣ, и вы сами все увидите. Я васъ не задержу, у меня живо это будетъ сдѣлано.

Когда въ назначенный день санки подвезли насъ къ покрытой снѣгомъ сажалкѣ, мы нашли на льду уже всѣхъ чухонцевъ, приготовлявшихся къ лову, а также и русскихъ крестьянъ-рыботорговцевъ. Въ рукахъ у послѣднихъ были нетолстыя дубинки.

Чтобы ясно понять происходившую на нашихъ глазахъ операцію, надо представить себѣ четвероугольную и продолговатую сажалку въ видѣ лежащей передъ нами бѣлой страницы, на которой надо написать русскую букву „покой" такъ, чтобы верхняя черта буквы протянулась вдоль верхняго края листа, а двѣ боковыя ножки вдоль обоихъ его боковъ. Когда такая буква была умственно намѣчена на поверхности сажалки, чухонцы тотчасъ-же съ пешнями, кирками и топорами бросились прорубать ледъ по полоскѣ, соотвѣтствующей верхней чертѣ буквы П. Въ это же время другіе стали на линіяхъ, соотвѣтствующихъ обѣимъ ножкамъ П, прорубать лунки, или высѣкать проруби аршинъ на десять одна отъ другой. Когда таковыя проруби въ два ряда прошли вдоль всей сажалки, кончившіе первую сплошную прорубь, по верхней части буквы П, пробѣжали по всей сажалкѣ и прорубили въ нижнемъ концѣ ея совершенно такую-же поперечную прорубь, какъ и въ верхнемъ концѣ. Когда и эта прорубь была окончена, чухны стали прорубать еще и третью поперечную прорубь, какъ-бы перепоясывая посрединѣ букву П и превращая ее въ букву Н. Тогда съ саней растянули неводъ во всю ширину сажалки съ привязанными къ обоимъ крыламъ его длинными бичевами, свободные концы которыхъ сейчасъ же прикрѣпили къ десяти или двѣнадцати-аршиннымъ жердямъ. Жерди эти тотчасъ же запустили подъ ледъ

и стали у толстаго конца жерди поворачивать ее вилою до тѣхъ поръ, пока тонкій конецъ жерди не показывался въ отдушинѣ первой очередной проруби. Тутъ сторожившій его появленіе чухонецъ въ свою очередь хваталъ жердь вилами и передвигалъ, какъ вздержку, до слѣдующей проруби, гдѣ такой же сторожъ налаживалъ ее до слѣдующей, — и такъ далѣе. Когда обѣ жерди такимъ порядкомъ достигли средней поперечной проруби, обѣ онѣ были вынуты изъ воды и, конечно, вытащили за собою слѣдомъ и веревки съ прикрѣпленными къ нимъ крыльями невода. Тащили неводъ въ поперечную прорубь, по объясненію барона, изъ предосторожности, чтобы сажаная рыба, захваченная тонею во всю длину сажалки, своею тяжестью не прорвала сѣти и такимъ образомъ не обратила всѣхъ усилій въ ничто. Такія опасенія оказались далеко не излишними: надо было видѣть горы всевозможной рыбы, наваленныя по обѣ стороны вытащенной сѣти. Пока выброшенная рыба вертѣлась на снѣгу, русскіе торговцы подходили и быстрыми ударами дубинки убивали ее по головѣ. На вопросъ мой, — для чего они это дѣлаютъ?—вопрошаемый отвѣчалъ:

— Изволите видѣть, какъ я ударю, она жабры-то раскроетъ, точно живая, да съ тѣмъ и застынетъ. Въ товарѣ-то она и красивѣе будетъ, не то что словно сонная набрана.

Когда сѣть была опорожнена, жерди, исполнявшія должность вздержекъ, снова юркнули подъ ледъ и, проходя отъ лунки къ лункѣ, въ скорости достигли послѣдней поперечной проруби, куда, вышедши изъ воды прежнимъ порядкомъ, вслѣдъ за веревками вытащили и вторую тоню. Кажется, на этотъ разъ рыбы навалили еще бóльшіе вороха. Баронъ говорилъ намъ, что тутъ рыбы рублей на пятьсотъ, по заранѣе условленной цѣнѣ. Къ масляной онъ надѣялся получить еще столько же. Вся мелкая рыба, попадавшаяся въ обѣ тони, была на нашихъ глазахъ пущена обратно въ воду.

V.

Въ Петербургѣ. — Встрѣча съ друзьями. — Е. П. Ковалевскій. — У министра Норова. — Вечеръ у пѣвицы. — Графъ Кушелевъ-Безбородко. — М. А. Языковъ. — Обѣдъ въ честь Тургенева. — Докторъ Эрдманъ. — Именины. — Весенній походъ на родину. — Просьба объ отставкѣ. — Некрасовъ-игрокъ. — Хлопоты въ Главномъ Штабѣ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія прекратились, и Тургеневъ писалъ мнѣ, что, по мнѣнію всѣхъ литературныхъ друзей, новый сборникъ моихъ стихотвореній получилъ окончательно приличный видъ, въ которомъ на дняхъ Тургеневъ сдастъ его въ типографію; но что если я все еще желаю поднести Его Величеству свой переводъ одъ Горація, то для этой цѣли мнѣ необходимо воспользоваться, съ наступленіемъ мира, возможностью получить отпускъ.

Вслѣдствіе этого, въ первыхъ числахъ января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпускъ, я однажды вечеромъ растворилъ дверь въ кабинетъ Некрасова и нежданно захватилъ здѣсь весь литературный кружокъ.

— О! а! э! и! раздалось со всѣхъ сторонъ. Между прочимъ и Дружининъ съ улыбкою, протягивая мнѣ обѣ руки, громко воскликнулъ:

«На суку извилистомъ и чудномъ!»

—повторяя мой, спасенный его разъясненіями, стихъ.

Съ этихъ поръ милый Дружининъ постоянно встрѣчалъ меня этимъ стихомъ, точно такъ же, какъ въ свою очередь я постоянно встрѣчалъ Полонскаго его стихомъ:

«Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ!»

И каждый разъ на мое привѣтствіе онъ самъ разражался добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вотъ, продолжалъ я, ты самъ хохочешь надъ нелѣпостью своего-же стиха. Но кому же, кромѣ прирожденнаго поэта, можетъ придти въ голову такая нелѣпость, и кому же другому такъ охотно простятъ ее?

Весьма забавно передавалъ Тургеневъ, въ лицахъ, недоумѣнія и споры, возникавшіе въ кругу моихъ друзей по поводу объясненій того или другаго стихотворенія. Всего забавнѣе выходило толкованіе стихотворенія:

«О не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ»...

—кончающагося стихами:

«И не зови, но пѣсню наудачу
Любви запой;
На первый звукъ я какъ дитя заплачу
И за тобой!»

Каждый, прислушиваясь къ цѣлому стихотворенію, чувствовалъ заключающуюся въ немъ поэтическую правду, и она нравилась ему, какъ гастроному вкусное блюдо, составныхъ частей котораго онъ опредѣлить не умѣетъ.

— Ну позвольте! Не перебивайте меня! говоритъ кто-либо изъ объясняющихъ.—Дѣло очень просто: не зови меня, мнѣ не слѣдуетъ идти за тобою, я уже испыталъ, какъ этотъ путь гибеленъ для меня, а потому оставь меня въ покоѣ и не зови.

— Прекрасно! возражаютъ другіе, — но почему же вы не объясняете до конца? Какъ же связать — „о не зови“... съ концомъ:

...«я какъ дитя заплачу
И за тобой!»

— Ясно, что эта рѣшимость слѣдовать за нею въ противорѣчіи со всѣмъ стихотвореніемъ

— Да, точно! въ смущеніи говоритъ объяснитель, и всеобщій хохотъ заглушаетъ слова его.

— Позвольте, господа! восклицаетъ гр. Л. Толстой. Это такъ просто!

Но и на этотъ разъ толкованіе приходитъ втупикъ, покрываемое общимъ хохотомъ.

Какъ это ни невѣроятно, среди десятка толкователей, исключительно обладавшихъ высшимъ эстетическимъ вкусомъ, не нашлось ни одного, способнаго самобытно разъяснить смыслъ стихотворенія; и каждый, раскрывъ изданіе 1856 года, можетъ убѣдиться, что знатоки, не справившись со стихотвореніемъ, прибѣгли къ ампутаціи и отрѣзали у него конецъ. А кажется легко было понять, что человѣкъ влюбленный говоритъ не о своихъ намѣреніяхъ слѣдовать или не слѣдовать за очаровательницей, а только о ея власти надъ нимъ. „О не зови — это излишне. Я безъ того, заслышавъ пѣсню твою, хотя бы запѣтую безъ мысли обо мнѣ, со слезами послѣдую за тобой“.

Въ нашемъ шумномъ и веселомъ кружкѣ особенно выдавался своею молчаливостью и блѣдностью, въ то время уже сѣдой, генералъ-маіоръ Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Его сдержанность равнялась только его скромности, хотя послѣ долгаго странствованія по востоку и жизни въ Китаѣ ему было о чемъ разсказать. Въ болѣе свѣтлыя минуты онъ съ великимъ сочувствіемъ отзывался о Китаѣ, подобно всѣмъ, прожившимъ тамъ извѣстное время. Онъ, очевидно, мучительно хандрилъ, но сквозь эту хандру каждому слышалась безконечная доброта этого человѣка. Тургеневъ не разъ по уходѣ его говорилъ:

— Право, съ такою хандрою, какъ у Ковалевскаго, неприлично появляться между людьми. Это просто невѣжливо. И что за причина такого настроенія?

— Должно быть, замѣчалъ Некрасовъ въ своемъ безпощадно шуточномъ родѣ, — онъ какого-нибудь негра зарѣзалъ и этимъ мучается.

Такая мысль была, быть можетъ, отчасти въ связи съ тѣмъ, что у Ковалевскмго дѣйствительно былъ слуга негръ, вывезенный имъ изъ Абиссиніи много лѣтъ тому назадъ. Онъ окрестилъ его, назвалъ Николаемъ и далъ ему вольную. Но Николай былъ страстно преданъ своему господину и на

отрѣзъ отказывался и отъ предложенія вернуться на родину, и отъ всякой перемѣны своего положенія.

Бывая иногда въ гостинницѣ Клея, нынѣ Европейской, я бесѣдовалъ съ Николаемъ, говорившимъ очень хорошо по-русски, и слышалъ, съ какимъ участіемъ и любовью господинъ и слуга отзывались другъ о другѣ. Егоръ Петровичъ не разъ говорилъ, что у бѣднаго его Николая, какъ это нерѣдко бываетъ у негровъ, попавшихъ на сѣверъ, сильнѣйшая чахотка.

— Я бы и денегъ ему далъ, говорилъ Ковалевскій, и отправилъ бы его на югъ, но не могу его уговорить.

На стѣнахъ у Егора Петровича я былъ пораженъ удивительными акварельными портретами китайскихъ красавицъ, напоминавшими мягкостью и чистотой очертаній Перуджино. Ковалевскій говорилъ, что это работа китаянокъ и вообще говорилъ о китаянкахъ, какъ о первыхъ въ мірѣ женщинахъ. На косвенные вопросы мои о его дурномъ расположеніи духа, онъ говорилъ, что лѣтомъ его такъ и позываетъ броситься съ балкона на улицу, а теперь онъ только по ночамъ старается унимать тоску карточною игрою въ Англійскомъ клубѣ. „Да и то, прибавилъ онъ, мало шевелитъ меня. Деньги есть, и выигрывать новыя безцѣльно".

Книжка моихъ стихотвореній, изданная Тургеневымъ, вышла на другой или на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, и я тотчасъ же съ благодарностью уплатилъ ему мой долгъ, не забывая собственно главной цѣли моего пріѣзда: посвященія Его Величеству моего перевода Горація. Недоумѣвая, какимъ путемъ этого достигнуть, я остановился на мысли обратиться къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Норову.

— Вы изъ нашихъ, любезно сказалъ Норовъ, узнавши, что я бывшій студентъ Московскаго университета.—Я очень радъ, что могу исполнить просьбу вашу и увѣдомить васъ объ ея исполненіи.

Дней черезъ десять чиновникъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія Добровольскій, заставши меня у Некрасова, сообщилъ мнѣ о принятіи государемъ моего посвященія и о подаркѣ мнѣ рубиноваго перстня.

Зная мою страсть къ романсамъ, и романсамъ Глинки въ особенности, Тургеневъ однажды вечеромъ повезъ меня къ пѣвицѣ, мужу которой не безъ основанія предсказывалъ блестящую будущность на дипломатическомъ поприщѣ. Я былъ представленъ тремъ сестрамъ пѣвицамъ, изъ которыхъ двѣ случайно въ этотъ вечеръ встрѣтились въ салонѣ старшей ихъ сестры, хозяйки дома. Справедливость вынуждаетъ сказать, что именно сама хозяйка была менѣе всѣхъ сестеръ надѣлена красотою. Спровадивъ болѣе или менѣе формальныхъ гостей, хозяйка сумѣла увести своихъ сестеръ и насъ съ Тургеневымъ въ залу къ роялю, и тутъ началось прелестнѣйшее тріо. Но вотъ сестры хозяйки, вынужденныя возвратиться домой, ушли одна за другою, и мы остались съ Тургеневымъ у рояля, за которымъ хозяйка приступила къ спеціальному исполненію романсовъ Глинки. Во всю жизнь я не могъ забыть этого изящнаго и вдохновеннаго пѣнія. Восторгъ, окрылявшій пѣвицу, сообщалъ обращенному къ намъ лицу ея духовную красоту, передъ которой должна бы померкнуть заурядная, хотя бы и несомнѣнная, красота. Душевное волненіе Глинки, передаваемое намъ пѣвицею, прежде всего потрясало ее самое, и въ концѣ романса она, закрывая лицо нотами, уходила отъ насъ, чтобы нѣкоторое время оправиться отъ осилившихъ ее рыданій. Минутъ черезъ пять она возвращалась снова и безъ всякихъ приглашеній продолжала пѣть. Я никогда уже не слыхивалъ такого исполненія Глинки.

Рѣшительно не припомню въ настоящую минуту, кто, по просьбѣ больнаго и никуда не выѣзжавшаго графа Кушелева-Безбородко, познакомилъ меня съ нимъ. Желаніе Кушелева познакомиться со мною, я объясняю тогдашнею его фантазіей издавать журналъ, которому онъ далъ названіе „Русское Слово“. Я нашелъ въ немъ добродушнаго и скучающаго богача, по болѣзненности прервавшаго мало-помалу всѣ сношенія съ такъ называемымъ свѣтомъ, требовавшія извѣстнаго напряженія. Всякое общественное положеніе, даже простое богатство требуетъ отъ человѣка усилій, чтобы нести это вооруженіе къ извѣстной цѣли. Можно хорошо или плохо разыгрывать свою роль, но отказаться

отъ нея совершенно—невозможно. Кушелевъ именно, какъ мнѣ кажется, думалъ прожить одною своею великолѣпною обстановкою и при этомъ пришелъ къ матеріальному и духовному банкротству. Но возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

Бѣломраморная лѣстница, ведущая въ бель-этажъ, была уставлена прекрасными итальянскими статуями. Въ амфиладѣ комнатъ стѣны были покрыты дорогими картинами голландской школы. Не буду говорить о блестящей залѣ, диванной, затянутой персидскими коврами, и множествѣ драгоцѣнныхъ бездѣлокъ. Угощая гостей изысканнѣйшимъ столомъ, мастерства крѣпостнаго повара, который могъ бы поспорить съ любымъ французомъ, графъ говорилъ, что не понимаетъ, что такое значитъ праздничный столъ. „У меня, —говорилъ онъ,—столъ всегда одинаковый, не смотря на мѣняющіяся блюда". Такому положенію соотвѣтствовала и ежедневная сервировка, и парадныя ливреи многочисленной прислуги.

Я никогда не видалъ графини иначе, какъ за обѣдомъ, то есть уже при свѣчахъ, и потому не берусь говорить, въ какой мѣрѣ она сохранила свѣжесть, но на взглядъ она была еще писанная красавица, если только не въ буквальномъ значеніи слова. Какъ я слышалъ, графъ купилъ ее у нѣкоего К. за сорокъ тысячъ рублей и, какъ видно, неразборчивая красавица, попавши изъ небогатой среды въ милліоны, предалась необузданному мотовству. Говорили, что четыре раза въ день модистки пріѣзжали къ графинѣ съ новыми платьями, а затѣмъ она нерѣдко требовала то или другое платье и разстрѣливала его изъ револьвера. Все это не болѣе, какъ слухи. Но приведу слова самого Кушелева:

— Извините пожалуйста,—сказалъ онъ мнѣ однажды въ своемъ кабинетѣ,—что въ настоящую минуту не могу вручить вамъ моего долга. Третьяго дня я отпустилъ жену въ Парижъ и былъ совершенно покоенъ, уплативши за нее въ магазины сорокъ тысячъ рублей. А сегодня утромъ неожиданно приносятъ еще счетовъ на семьдесятъ тысячъ. Позвольте мнѣ дня черезъ три прислать вамъ мой долгъ.

Не удивительно, что при такихъ замашкахъ бѣдный графъ сначала прожилъ свое громадное состояніе, а потомъ такое же, полученное по смерти брата. Хорошо, если у видѣннаго мною семилѣтняго бѣлокураго мальчика, сына графа, остался насущный кусокъ хлѣба.

Еслибы воспоминанія о Кушелевѣ представляли одну картину матеріальнаго раззоренія, то картина эта одними размѣрами отличалась бы отъ множества другихъ. Но въ ней проявлялась особенность, дѣйствовавшая на меня самымъ тяжелымъ образомъ даже на его гастрономическихъ обѣдахъ.

Хотя во время, о которомъ я говорю, вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ, но умственный и матеріальный трудъ издательства давно поступилъ въ руки разночинцевъ, даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Некрасова и Дружинина, журналомъ заправлялъ самъ издатель. Мы уже видѣли, какъ при тяготѣніи нашей интеллигенціи къ идеямъ, вызвавшимъ освобожденіе крестьянъ, сама дворянская литература дошла въ своемъ увлеченіи до оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ, противъ чего свѣжій неизломанный инстинктъ Льва Толстаго такъ возмущался. Что же сказать о той средѣ, въ которой возникли „Искра“ и всемогущій „Свистокъ“ „Современника“, передъ которымъ долженъ былъ замолчать самъ Некрасовъ. Понятно, что туда, гдѣ люди этой среды, чувствуя свою силу, появлялись какъ домой, они вносили и свои пріемы общежитія. Я говорю здѣсь не о родословныхъ, а о той благовоспитанности, на которую указываетъ французское выраженіе: „enfant de bonne maison“, рядомъ съ его противоположностью.

Въ тѣ два раза, въ которые я обѣдалъ у Кушелева, я ни разу не заставалъ А. Ѳ. Писемскаго, но знаю, что онъ тамъ нерѣдко обѣдалъ. Съ Писемскимъ я встрѣчался въ нашемъ литературномъ кругу и всего чаще у Тургенева, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Хотя кромѣ Писемскаго въ нашемъ кругу не было недостатка въ людяхъ, которыхъ Тургеневъ обзывалъ толстяками, какъ напримѣръ: Лонгиновъ, Гончаровъ,—но это были элегантные толстяки, не позволявшіе себѣ никакой распущенности, тогда какъ Писемскій, плотно по-

кушавши, дозволялъ себѣ громкую отрыжку, къ которой такъ привыкъ, что признавалъ ее дѣломъ безразличнымъ. Я какъ разъ вспомнилъ характеристику Писемскаго, придуманную Кушелевымъ, показывающую въ то же время словесную силу издателя „Русскаго Слова“: „Писемскій,—сказалъ онъ мнѣ,—общественный рыгачъ“.

Тяжело было сидѣть за обѣдомъ, въ которомъ серебряныя блюда разносились ливрейною прислугою, и къ которому нѣкоторые гости уже отъ закуски подходили въ сильно возбужденномъ состояніи.

— Графъ!—громогласно восклицаетъ одинъ изъ подобныхъ гостей,—я буду просто тебя называть: „графъ Гриша“.

— Ну что же? Гриша, такъ Гриша, — отвѣчаетъ Кушелевъ.—Что же это доказываетъ?

— А я просто буду называть тебя: „графъ Гришка!“

— Ну Гришка, такъ Гришка. Что жь это доказываетъ?— и такъ далѣе.

Полагаю, что это коробило самую прислугу.

И вотъ русскій баринъ-богачъ, взявшійся за неподсильную ему умственную работу, является со знаменемъ во всѣхъ отношеніяхъ враждебнаго ему лагеря. Но не наше дѣло спрашивать, почему всѣмъ активнымъ русскимъ силамъ надлежало стать жертвою мелодраматическихъ фразъ. Только будущее способно отвѣтить на такой вопросъ, а моя задача—разсказывать о видѣнномъ.

Приходится, въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ нашему литературному кружку, вспомнить о М. А. Языковѣ, неизмѣнно присутствовавшемъ на всѣхъ нашихъ бесѣдахъ, вечерахъ и попойкахъ, хотя онъ былъ человѣкъ женатый и занималъ прекрасное помѣщеніе на казенномъ, фарфоровомъ заводѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма дѣльный и, помнится, избираемъ былъ Тургеневымъ третейскимъ судьею въ какомъ-то щекотливомъ дѣлѣ. Но когда на своихъ хромающихъ и отъ природы кривыхъ ножкахъ онъ съ улыбкою входилъ въ комнату, каждый, протягивая ему руку, былъ увѣренъ, что услышитъ какую-либо нелѣпость.

Бывало, зимою, поздно засидѣвшись послѣ обѣда, кто-нибудь изъ собесѣдниковъ крикнетъ: „господа! поѣдемте ужи-

нать къ Языкову!“ И вся ватага садилась на извозчиковъ и отправлялась на фарфоровый заводъ къ несчастной женѣ Языкова, всегда съ особенной любезностью встрѣчавшей незваныхъ гостей. Не знаю, какъ она успѣвала накормить всѣхъ, но часа черезъ полтора или два являлись сытныя и превосходныя русскія блюда, начиная съ гречневой каши со сливочнымъ масломъ или со сливками и кончая великолѣпнымъ поросенкомъ, сырниками и т. д. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночною экскурсіей.

Быть можетъ не всѣмъ извѣстно, что Тургеневу стоило большаго труда выпросить у Тютчева тетрадку его стихотвореній для „Современника“. Познакомившись впослѣдствіи съ Өедоромъ Ивановичемъ, я убѣдился въ необыкновенной его авторской скромности, по которой онъ тщательно избѣгалъ не только разговоровъ, но даже намековъ на его стихотворную дѣятельность. Появленіе небольшаго собранія стихотвореній Тютчева въ „Современникѣ“ было привѣтствовано въ нашемъ кругу со всѣмъ восторгомъ, котораго заслуживало это капитальное явленіе.

Все это приходитъ мнѣ на память по случаю обѣда, даннаго нами по подпискѣ въ честь Тургенева, нерѣдко угощавшаго насъ прекрасными обѣдами. За обѣдомъ, въ залѣ какой-то гостинницы, шампанскаго, а главное — дружескаго единомыслія было много, а потому всѣмъ было весело. Собесѣдники не скупились на краткія привѣтствія, выставлявшія талантъ и литературныя заслуги Тургенева.

— Господа! — воскликнулъ Тургеневъ, подымая руку: — позвольте просить вашего вниманія. Вы видите, М. А. Языковъ желаетъ говорить.

— Языковъ, Языковъ желаетъ сказать спичъ! — раздались хихикающіе голоса.

Языковъ, высоко поднимая бокалъ и озираясь кругомъ, серьезно произнесъ:

«Хотя мы спичемъ и не тычемъ,
Но чтобъ не быть разбиту параличемъ»...

и сѣлъ. Раздался громкій смѣхъ, что и требовалось доказать. Мнѣ стало совѣстно, что я ничего не приготовилъ и, выта-

щивши записную книжку, я на колѣняхъ написалъ и затѣмъ громко прочелъ слѣдующее четверостишіе:

«Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза
Къ Тургеневу мы ныньче собрались.
Надѣнь ему вѣнокъ, шалунья муза,
Надѣнь и улыбнись!»

Минуты двѣ спустя, Тургеневъ въ свою очередь попросилъ слова и сказалъ:

«Всѣ эти похвалы едва-ль ко мнѣ придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставилъ растегнуться
И Фету вычистилъ штаны».

Гомерическій смѣхъ былъ наградою импровизатору.

Четырнадцатидневный отпускъ мой кончился, и я долженъ былъ вернуться въ свой флигель въ Аякаръ, который Иванъ настойчиво называлъ „Якорь-мыза".

Съ самаго дѣтства желудокъ мой упорно отказывался отъ своихъ обязанностей, навлекая на меня цѣлый рой недуговъ, начиная съ горловыхъ и глазныхъ болѣзней; а въ послѣднее время недуги эти дотого усилились, что я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ совѣту ученыхъ дерптскихъ врачей. Мнѣ рекомендовали одного изъ докторовъ, только-что вернувшагося изъ Севастополя, куда онъ былъ командированъ въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣятелей. Осмотрѣвъ меня, онъ нашелъ мое положеніе требующимъ немедленнаго, радикальнаго лѣченія въ клиникѣ подъ его спеціальнымъ надзоромъ. Съ величайшимъ отчаяніемъ въ душѣ шелъ я отъ знаменитаго профессора по площади мимо монумента Барклая-де-Толли и, случайно поднявши на углу улицы глаза, прочелъ надпись: докторъ Эрдманъ. „Дай, зайду,—подумалъ я,—и потолкую; хуже не будетъ".

Когда меня попросили въ кабинетъ старика-доктора, и я, сѣвши на указанное мнѣ кресло, излилъ задушевныя жалобы на мою болѣзнь, почтенный докторъ спросилъ меня, — кто мнѣ сказалъ о такой моей болѣзни. Я назвалъ доктора.

— Ни малѣйшихъ признаковъ этой болѣзни въ васъ нѣтъ, а у васъ гораздо хуже: общее разстройство дыхательныхъ

органовъ. Весною вамъ необходимо бросить все и бѣжать въ Карлсбадъ. Я самъ туда поѣду, и мы тамъ можемъ встрѣтиться. А пока вотъ вамъ пилюли.

Я ушелъ отъ доктора въ твердой рѣшимости буквально послѣдовать его совѣту; но до времени былъ радъ вернуться къ обычному теченію жизни.

Помню, какъ нарочно, и въ этомъ году 22-го февраля, въ день моихъ именинъ, была такая же мятель, какъ и въ предшествующемъ году. И на этотъ разъ мы съ Василіемъ Павловичемъ никого не ждали къ именинному пирогу. Но въ первомъ часу. какъ и въ прошломъ году, послышался звонъ колокольчика, и въ снѣжной пыли показалась почтовая тройка, а затѣмъ въ комнату вошли засыпанные снѣгомъ Н. Ѳ. Щ—ій и Кр. А. Панаевъ.

Когда деньщики сняли съ пріѣзжихъ шубы, я, конечно, бросился обнимать милыхъ гостей, но Щ—ій съ самымъ серьезнымъ видомъ сдѣлалъ рукою сдерживающій жестъ по направленію къ Панаеву, проговоривъ:

— Кронидъ Александровичъ, стихи!

Тогда послѣдній, приподымая оказавшійся въ рукѣ у него прекрасный граненый стаканъ и отступя на шагъ, торжественно произнесъ:

«Въ день именинъ твоихъ прими стаканчикъ, Фетъ!
Пей нектаръ изъ него, любезнѣйшій поэтъ!»

— А вотъ и курильница для ѳиміама, прибавилъ Щ—ій, подавая мнѣ пепельницу.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Стоило обождать двѣ-три недѣли, и мы могли бы пуститься въ обратный путь къ новгородскимъ поселеніямъ безъ тѣхъ бѣдствій, которыя въ военное время составляютъ подвиги и потому переносятся безропотно. Но не такъ было рѣшено въ сухихъ и теплыхъ аппартаментахъ Главнаго Штаба. Намъ былъ высланъ маршрутъ и назначенъ день выступленія. Ночлегъ перваго перехода пришелся для нашего эскадрона у знакомаго уже намъ гостепріимнаго Берга. Долго вечеромъ пришлось намъ поджидать нашей офицерской фуры, которой по разсчету времени давно слѣдовало быть на мѣстѣ. Часовъ въ десять любезный хозяинъ

пришелъ къ намъ во флигель, приглашая успокоиться и лечь на отдыхъ, такъ какъ одинъ изъ нашихъ людей пріѣхалъ на пристяжной и заявилъ, что ось подъ фурой сломалась, а такъ какъ при фурѣ всегда есть запасная ось, которую нужно только приладить, то онъ и послалъ нашимъ людямъ на помощь своего плотника. Но не успѣли мы погрузиться въ сладкій сонъ, какъ услыхали стукъ у дверей, и тотъ же Бергъ вошелъ къ намъ съ огнемъ въ комнату, съ грустною улыбкой передавая о новомъ усложненіи.

— Какіе странные ваши люди, говорилъ онъ. — Они тамъ въ полѣ прибили моего плотника, который имъ помогалъ.

Приходилось все это улаживать посредствомъ извиненій и чаевъ потерпѣвшему.

Наступили сильныя оттепели.

Зная, что ничто такъ не можетъ укротить и успокоить молодую лошадь, какъ переходы подъ сѣдломъ, я пошелъ въ походъ впереди эскадрона на своемъ Глазунчикѣ. Идти приходилось проселками по тѣсной дорогѣ въ одинъ конь, и то не безъ треволненій. Дорога, при таяніи снѣга углубленная въ видѣ рытвины, представляла совершенный ручей, загороженный спереди крестьянскими санями, съ наваленными на нихъ запасными пиками, оборачивающими назадъ на васъ свои острія. Молодая лошадь, наскучившая стоять по колѣно въ холодномъ ручьѣ, гребетъ воду и просится впередъ. Но ни впередъ, ни въ бокъ въ невылазные сугробы ходу нѣтъ, и приходится ждать, укрощая лошадь до тѣхъ поръ, пока передніе подводчики вытащатъ сани изъ зажоры. Такимъ же порядкомъ приходится переходить углубленія и долины, въ которыхъ разыгралась весенняя вода. Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ изъ такихъ переходовъ. Кромѣ ручьевъ, въ которыхъ пришлось оставить наши фуры съ выбивающимися изъ силъ людьми, лошадьми и помогающими имъ солдатиками, къ вечеру насъ, еще далеко отъ станціи по маршруту, захватилъ проливной дождикъ, превратившій вечеръ въ непроглядную ночь. Добравшись до имѣнія помѣщика, котораго имени, къ сожалѣнію, не упомню, мы рѣшились просить у него ночлега для себя и для эскадрона, почти увѣренные въ отказѣ, такъ какъ ночлегъ назначенъ былъ по

маршруту верстъ за восемь далѣе. Но, къ изумленію и радости нашей, помѣщикъ принялъ насъ самымъ великодушнымъ образомъ. Онъ тотчасъ же распорядился выгнать собственный скотъ изъ конюшенъ на всю ночь подъ проливной дождикъ и помѣстить туда нашихъ людей и лошадей, а насъ, офицеровъ, въ числѣ пяти человѣкъ, провели въ комнаты самого хозяина и, въ виду неприбытія нашей фуры, платье наше было отдано сушить на кухню, а мы всѣ пятеро снабжены бѣльемъ и платьемъ самого хозяина, такъ какъ собственное промокло все до нитки. Затѣмъ, когда изъ комковъ грязи мы, умывшись, восприняли человѣческій образъ, насъ отлично накормили горячими кушаньями и уложили на прекрасныхъ постеляхъ. Не удивительно, что я черезъ тридцать пять лѣтъ не забылъ подробностей такого пріема. Опуская дальнѣйшія подробности возвращенія полка на постоянныя квартиры, скажу только, что на одной дневкѣ, еще въ предѣлахъ Лифляндской губерніи, произошло слѣдующее лично для меня непріятное событіе.

На конюшнѣ крестьянина, у котораго мы дневали, всѣ пять стойлъ были заняты двумя моими верховыми, верховою Василія Павловича и двумя лошадьми нашихъ вѣстовыхъ. Рано утромъ на другой день прибытія, вахмистръ доложилъ Василію Павловичу, что его лошадь, скопавшая съ себя недоуздокъ, была найдена ходящею по корридору и пораненною въ хрящъ лѣваго окорока, называемый сальцемъ. Такъ какъ на всей конюшнѣ былъ только одинъ жеребецъ, а именно мой Глазунчикъ, то сдѣлано было предположеніе, правдоподобное, но не несомнѣнное, что конь Василія Павловича со скуки сталъ соваться въ чужія стойла и былъ вслѣдствіе того ударенъ жеребцомъ. Но такой отвѣтъ на непрошенную дружбу онъ могъ получить и въ другомъ любомъ стойлѣ. Осмотрѣвши рану и замѣтивъ капли янтарной влаги, я тотчасъ же объявилъ Василію Павловичу, что онъ лошади въ поводу не доведетъ, и что надо ее оставить на мѣстѣ. Не смотря на обычные въ подобныхъ случаяхъ: „разойдется!“— Василій Павловичъ чрезъ три перехода долженъ былъ дать денегъ благонадежному солдатику на фуражъ и продовольствіе и оставить съ лошадью на мѣстѣ. Но было уже поздно.

Черезъ мѣсяцъ солдатикъ прибылъ въ штабъ, притащивши съ собою кожу лошади.

И вотъ мы снова въ нашемъ штабѣ и великолѣпномъ манежѣ, и на широкомъ плацу. Я, хотя съ горемъ пополамъ, выдавливаю изъ своего Фелькерзама тѣ контръ-галопы, которые доставались мнѣ съ такимъ трудомъ. Между прочимъ, полкъ сбирается въ Москву на коронацію. Но мнѣ объ этомъ и помышлять невозможно, въ виду дѣйствительнаго разстройства здоровья и совѣтовъ доктора Эрдмана.

— Я хотѣлъ предложить вамъ, сказалъ полковой командиръ на мою просьбу въ одиннадцатимѣсячный отпускъ,— идти въ Москву въ качествѣ полковаго адъютанта, причемъ указывалъ въ перспективѣ на бѣлый плюмажъ флигель-адъютанта. Но благодаря генерала за участіе, я настаивалъ на своей просьбѣ.

— Признаюсь, сказалъ онъ, мнѣ крайне непріятно, что къ коронаціи всѣ лучшія мои лошади разъѣзжаются. Да, кстати, я слыхалъ, вы продаете вашего Фелькерзама?

— Точно такъ, ваше пр—ство.

— Поручикъ Добленко! Передайте отъ меня корнету барону Гезенъ, чтобы не далѣе какъ завтра онъ принесъ Аѳанасію Аѳанасьевичу тысячу рублей за Фелькерзама, или подалъ бы въ отставку. Мнѣ безлошадные офицеры не нужны.

Я попросилъ у генерала позволенія передать ему пару словъ съ глазу на глазъ и, оставшись съ нимъ одинъ, сказалъ:

— Я въ своемъ полку Фелькерзама не продамъ, такъ какъ онъ ослабѣлъ.

— А я еще вчера видѣлъ его подъ вами на плацу, сказалъ Курсель, и онъ ходилъ хорошо.

— Да, но только съ моей привычкой можно вести его, а другой съ этимъ не справится.

— Въ такомъ случаѣ дѣло другое, заключилъ генералъ.

— Что же касается до моихъ лошадей, прибавилъ я, то прошу ваше пр—ство ставить ихъ на смотрахъ, куда вамъ будетъ угодно.

Такъ разстались мы съ Курселемъ, котораго мнѣ уже болѣе не пришлось видѣть въ жизни, и о которомъ я, какъ и о всѣхъ

моихъ бывшихъ начальникахъ, унесъ самое признательное воспоминаніе.

Подавши по командѣ въ заграничный отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ для ускоренія этого дѣла. Въ Петербургѣ, по причинѣ лѣтняго времени, я не засталъ никого уже изъ своихъ знакомыхъ, и даже Некрасовъ жилъ въ Ораніенбаумѣ. Онъ предложилъ мнѣ остановиться въ его опустѣвшей квартирѣ, куда онъ тѣмъ не менѣе наѣзжалъ по дѣламъ редакціи и по картежнымъ ночамъ Англійскаго клуба. Всѣмъ извѣстно, что игроки, подобно влюбленнымъ, видятъ вещи подъ вліяніемъ аффекта, и имъ, какъ пьянымъ, море по колѣно. Но каково трезвымъ соприкасаться съ ихъ фантазіями! Однажды вечеромъ Некрасовъ, отправляясь въ клубъ играть и зная, что я со дня на день жду отъѣзда, тѣмъ не менѣе попросилъ у меня тысячу рублей взаймы. Я не имѣлъ духу отказать ему. Къ утру онъ выигралъ и возвратилъ мнѣ деньги. Объ этомъ впослѣдствіи Некрасовъ въ похвалу мнѣ не разъ передавалъ В. П. Боткину, который, я увѣренъ, въ душѣ меня не похвалилъ.

Не знаю, какой добрый человѣкъ вразумилъ меня обратиться въ Главный Штабъ не съ параднаго крыльца, а изъ-подъ арки, въ помѣщеніе писарей. Здѣсь, вызвавши надлежащаго писаря, я для перваго знакомства сунулъ ему пять рублей, обѣщавъ при успѣшномъ окончаніи дѣла десять.

— Не извольте безпокоиться, сказалъ писарь, черезъ десять дней я доставлю вамъ отпускъ. Раньше не могу и не обѣщаю.

Черезъ недѣлю однако мнѣ захотѣлось узнать о движеніи дѣла, и на этотъ разъ я пошелъ въ Штабъ съ главнаго подъѣзда, переполненнаго послѣ Севастополя всевозможными калѣками, не только мужчинами, но и бабами. Мнѣ указали адъютанта графа Апраксина.

— Потрудитесь справиться у старшаго писаря, сказалъ графъ, указывая глазами на противоположный конецъ длиннѣйшаго стола.

— Извольте, ваше бл—діе, обратиться къ старшему адъютанту, сказалъ писарь, не поднимая головы.

На вторичную мою просьбу, графъ сказалъ:

— Прикажите писарю сходить справиться о движеніи дѣла. Минутъ черезъ пять вернувшійся изъ внутреннихъ покоевъ писарь объявилъ, что прошеніе мое лежитъ безъ движенія. Закипѣвъ негодованіемъ, я снова пошелъ на заднее крыльцо къ обманувшему меня писарю.

— Какъ же, братецъ, ты обѣщалъ черезъ десять дней, а дѣло лежитъ безъ движенія, какъ сказалъ мнѣ старшій писарь Апраксина?

— Да вы бы въ рожу ему наплевали, отвѣчалъ писарь. Я своему слову господинъ. Сегодня отпускъ подпишетъ начальникъ Штаба, завтра подадутъ подписать государю, послѣ завтра, въ четвергъ, поступитъ въ типографію, а въ пятницу въ 8 час. утра явлюсь къ вашему бл—дію съ печатнымъ приказомъ и поздравлю васъ съ отпускомъ.

Приходилось поневолѣ ждать.

Ровно въ 8 часовъ утра въ пятницу раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ вошедшій писарь, подавая приказъ, проговорилъ:

— Честь имѣю поздравить ваше бл—діе съ отпускомъ.

VI.

Карлсбадъ.—Встрѣча съ Надей.—Ея романъ.—Свиданіе съ Тургеневымъ въ Парижѣ.—Делаво.—La dame aux camelias.—Поѣздка въ Куртавнель.—Семейство Віардо.—Дочь Тургенева.—Завтракъ въ Rosay.—Наша жизнь съ Надей въ Парижѣ.—Ристори.—Эрбель.—Мы съ Надей ѣдемъ въ Италію.

Въ пятидесятыхъ годахъ заграничныя поѣздки далеко не были такимъ легкимъ и будничнымъ дѣломъ, въ какое онѣ превратились въ наши дни. Поэтому очевидцу дотолѣ невиданнаго хотѣлось о немъ разсказать, а небывалому—послушать про всякія диковинки. Не удивительно, что въ 1856 и 1857 годахъ „Современника“ появились въ свое время довольно подробныя записки моей поѣздки въ Карлсбадъ, Парижъ и Италію. Но въ настоящее время меня интересуютъ не встрѣчавшіяся картины, а лица, посланныя судьбою въ русло моей жизни, безъ которыхъ самая прожитая жизнь невозможна и даже немыслима, какъ немыслимъ садъ безъ деревьевъ. Какъ ни сильно было впечатлѣніе, произведенное Европою на меня, засидѣвшагося въ совершенно бездорожной тогда еще Россіи, но минуя всѣ эти чудеса благоустройства и художественныхъ красотъ, переношусь прямо въ мою скромную гостинницу въ Карлсбадъ (zum schvartzen Bären) и къ ней прикрѣпляю дальнѣйшую нить воспоминаній. Судьба поставила меня въ исключительное положеніе къ настоящимъ запискамъ. Всѣ наиболѣе близкія лица, о которыхъ придется говорить, не только вымерли, но вмѣстѣ съ ними вымерли и второстепенныя лица, которыя составляли какъ бы поле, гдѣ по уцѣлѣвшимъ отпечаткамъ можно бы было судить о вѣрности рисунка исчезнувшаго тѣла.

Я уже ранѣе говорилъ о симпатіи, возникшей между мною и младшею сестрою Надей съ первой встрѣчи нашей послѣ выхода изъ школъ. Не странно ли однако, что, не смотря на связующее насъ чувство, у меня съ сестрою Надей, такъ же какъ и съ другими членами семьи, никогда не возникало непрерывной переписки? Конечно, я зналъ самыя крупныя событія въ жизни моей Нади со времени смерти отца. Зналъ, напримѣръ, что она, получивши по раздѣлу наше родовое гнѣздо Новоселки, отдала его въ управленіе зятю А. Н. Ш—у, а сама, по случаю сильно пошатнувшагося здоровья, отправилась со старою дѣвицей, Софьей Сергѣевной Нязевой, заграницу, гдѣ проживала уже второй годъ, преимущественно въ Неаполѣ.

Не смотря на пріятную встрѣчу съ докторомъ Эрдманомъ, въ Карлсбадѣ пришлось скучать порядочно.

Однажды, воротясь въ 6 часовъ вечера съ прогулки, застаю у себя на столѣ пакетъ. Что такое?—Телеграфическая депеша:

„Я во Франценсбадѣ. Если можешь, пріѣзжай немедля, или я къ тебѣ пріѣду. Рѣшайся. Жду отвѣта у телеграфа“. Твоя Надя.

Я стремглавъ побѣжалъ на гору къ телеграфу. Что писать? Если поѣду во Франценсбадъ, свиданіе наше, по причинѣ курса моего лѣченія, не можетъ быть продолжительно, и надолго ли Надя во Франценсбадѣ—не знаю, а въ Карлсбадѣ мы могли бы провести хотя нѣсколько дней вмѣстѣ. Попрошу Надю пріѣхать сюда. Но едва депеша ушла, мнѣ пришло на умъ простое соображеніе: Франценсбадъ — такой же Бадъ, какъ и Карлсбадъ. Слѣдовательно, Надя точно также можетъ не портить своего курса, воздержавшись отъ поѣздки ко мнѣ. Вслѣдствіе этого, новой депешей прошу разрѣшенія вопроса о водолѣченіи. Нѣтъ отвѣта.

— Вѣроятно гуляетъ, замѣтилъ чиновникъ на телеграфѣ.

— А, гуляетъ! стало быть, навѣрное пьетъ воды. Пишите поскорѣй: „дожидайся меня, я сейчасъ выѣду. Завтра утромъ буду“. Такъ, такъ, такъ... Что?

— „Не принимаютъ депеши“. — „Почему?“ — „Да вѣрно поздно: послѣ девяти часовъ нѣтъ службы“.

Ужь въ Германіи такъ: „Vir haben keinen Nachtdienst",— да и только, и ступай домой. Что жь теперь дѣлать? Чего добраго,—я во Франценсбадъ, а Надя въ Карлсбадъ. Подожду до утра: авось получу отвѣтъ.

На другой день — половина восьмаго, нѣтъ отвѣта, а въ восемь дилижансъ отходитъ. Ѣду!

Во Франценсбадъ, т. е. за 50 верстъ, почтовая карета дотащилась въ 4 часа пополудни. Небольшой городокъ напомнилъ бы низменными засѣянными полями, его окружающими, русскій уѣздный городъ, но широко разбѣжавшійся вѣнецъ горъ, синѣющихъ на горизонтѣ, ясно говоритъ, что вы всетаки не въ Россіи, а въ Богеміи. Бѣгу на квартиру Нади.

— „Дома?" — „Нѣтъ. Въ два часа уѣхали въ Карлсбадъ".

— Экое горе! Пожалуй, не застанетъ меня въ Карлсбадѣ и проѣдетъ далѣе. Скорѣе на телеграфъ: „жди въ Карлсбадѣ; я сейчасъ прискачу на курьерскихъ". Въ коляску заложили пару большихъ лошадей, и почтарь, перекинувъ трубу черезъ плечо, тронулся съ мѣста крупною рысью. Нѣмецкій курьеръ не то, чтò въ Россіи носитъ это имя, и что Гоголь прозвалъ „птицей-тройкой", — а всетаки въ четыре часа я проѣхалъ тѣ же 50 верстъ, которыя въ дилижансѣ протащился семь.

Въ четверть десятаго я уже былъ въ Карлсбадѣ и засталъ у себя Надю, а на столѣ три утреннія телеграфическія депеши,—отвѣты на вчерашніе вопросы. Отвѣты были переданы на телеграфъ еще съ вечера, но какъ звуки мюнхгаузенскаго рожка, застывшіе на морозѣ, пролежали безгласно цѣлую ночь и безъ вѣдома хозяина оттаяли и зазвучали въ девять часовъ утра, когда я уже пустился въ дорогу. „Vir haben keinen Nachtdienst".

Оглядываясь на пройденный мною жизненный путь, я воочію убѣждаюсь въ неразрывной цѣпи причинности, коей каждое отдѣльное звено въ данную минуту кажется намъ безразлично случайнымъ, но которымъ тѣмъ не менѣе строго обусловлено все нисходящее до послѣдняго звена. Въ настоящую минуту мнѣ приходится оглядываться на одно изъ та-

кихъ роковыхъ для меня звеньевъ, и я умственно гляжу на него съ отраднымъ и въ то же самое время тяжелымъ чувствомъ.

У дамъ моихъ, не въ первый разъ посѣщающихъ воды, нашлось немало знакомыхъ, и когда сестра Надя переходила на плацу передъ кургаузомъ къ какой-либо знакомой на скамейку, а мы со старушкой Нязевой оставались на скамьѣ подъ деревомъ одни, послѣдняя, выразительно усмѣхаясь, говорила мнѣ:

— Посмотрите, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какой цвѣтъ лица у вашей сестрицы и какой блескъ въ глазахъ! Ахъ! еслибы вы видѣли ее въ Неаполѣ на придворныхъ балахъ! Это была совершенная красавица. Я вамъ должна разсказать. Въ Неаполѣ она была окружена молодежью, но сердце ея похитилъ одинъ. Ахъ! какъ вамъ разсказать?—Это совершенный Фаустъ! У него въ Средиземномъ морѣ своя яхта, на которой онъ устраиваетъ дамамъ балы и катанья. Она вамъ ничего не говорила? Онъ просилъ ея руки, и она дала свое согласіе. Онъ хотѣлъ пріѣхать во Франценсбадъ, но теперь пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ въ Парижъ, и тамъ уже будетъ свадьба.

— Странно, замѣтилъ я, что Надя не объявила мнѣ объ этомъ при первомъ же свиданіи.

— Ахъ, поймите, что она боится сглазить свое счастье. Онъ такой обворожительный Фаустъ, что даже я, старуха, не въ силахъ ему противорѣчить.

— Да кто же онъ такой?

— Русскій. Богачъ—Эрбель. Онъ ее обожаетъ. Она подарила ему свой чудесный портретъ.

— Неужели же вы, доведя дѣло такъ далеко, не разузнали о немъ никакихъ подробностей? Положимъ, такое отношеніе къ дѣлу простительно въ двадцатидвухлѣтней дѣвочкѣ, но извините меня, Софья Сергѣевна, васъ я въ этомъ случаѣ не понимаю.

— Ахъ, право! Имѣйте терпѣніе! Въ Парижѣ все непремѣнно объяснится. Онъ съ просѣдью, но это придаетъ ему особенную прелесть. Это настоящій Фаустъ. И онъ съумѣлъ оцѣнить ея умъ и грацію.

Конечно послѣ этого неожиданнаго разговора, я старался узнать хотя что-либо о господинѣ Эрбелѣ, и отрывочные о немъ слухи были для меня мало успокоительны.

На другой день, воспользовавшись часомъ, когда Нязева ушла навѣстить свою знакомую, мы подъ руку съ сестрою отправились по длинной аллеѣ, ведущей мимо временныхъ магазиновъ къ стрѣльбищу изъ пистонныхъ ружей. Увидавъ отходящую вправо въ гору уединенную тропинку съ возвышающейся на ней скамьей, я пригласилъ туда Надю, и мы, усѣвшись на скамьѣ, остались совершенно одни надъ головами гуляющей внизу толпы.

— Признаюсь, сказала Надя, я очень рада, что мы наконецъ остались съ тобою вдвоемъ.

— Ты, кажется, видишь, отвѣчалъ я, что и я радъ не менѣе; хотя не ожидалъ, чтобы ты отъ меня такъ скрытничала. Глаза и щеки дѣвушки озарились одушевленіемъ.

— Полагаю, мой дружокъ, что ты не въ состояніи сообщить мнѣ объ этомъ дѣлѣ болѣе мнѣ уже извѣстнаго. Тогда какъ я считаю своимъ священнымъ долгомъ сообщить тебѣ то, о чемъ едва-ли кто говорилъ тебѣ.

— Напримѣръ? спросила Надя, прямо глядя мнѣ въ глаза.

— Напримѣръ, я слышалъ, что этотъ въ сущности раззоренный искатель приключеній не только женатъ, но не разъ уже формально вступалъ въ бракъ съ неопытными дѣвушками и затѣмъ бросалъ ихъ на произволъ судьбы. Ты, вѣроятно, этого еще не слыхала?

— Нѣтъ, я сама не разъ слыхала нѣчто въ этомъ родѣ.

— И это не заставило тебя очнуться, призадуматься и оглянуться?

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какой это очаровательный умъ! Съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ о твоихъ стихахъ!

— Еще бы! онъ знаетъ, чѣмъ скорѣе всего заслужить твое расположеніе. Но вѣдь это еще нисколько не обезпечиваетъ твою будущность.

— Я не хочу вѣрить всѣмъ низостямъ, которыя толпа съ такимъ восторгомъ распространяетъ про людей избранныхъ. Что же касается до меня, моя будущность обезпечена: хоть день, да мой!

— На это, другъ мой, отвѣчалъ я полушепотомъ и наклонивъ голову,—никакого возраженія быть не можетъ.

Здѣсь же сестра объявила мнѣ, что завтра же уѣзжаетъ въ Парижъ, а оттуда въ Остенде, гдѣ пробудетъ четыре недѣли на морскихъ купаньяхъ, тогда какъ я долженъ еще двѣ недѣли оканчивать свое лѣченіе въ Карлсбадѣ, гдѣ и буду съ нетерпѣніемъ поджидать ея адреса для возможности оставаться въ непрерывной перепискѣ. До высылки ей денегъ изъ Новоселокъ, она попросила у меня взаймы тысячу рублей, которые я и вручилъ ей съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью въ видѣ билетовъ восточнаго займа, ходившихъ тогда превосходно заграницей.

На другой день дилижансъ увезъ моихъ дамъ, и я остался въ одиночествѣ, показавшемся мнѣ уже весьма несноснымъ, допивать свои воды.

Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ, и въ „Современникѣ" 1857 года въ февральской книжкѣ я, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ описалъ мою поѣздку въ Германію и прибытіе въ Парижъ. Но въ настоящую минуту я пересматриваю этапы моей духовной жизни—то, что случилось въ извѣстномъ видѣ для меня, а не то, что, какъ страна или городъ, пребываетъ и понынѣ открыто для всякаго наблюдателя. Поэтому не считаю нужнымъ говорить о моихъ мѣстныхъ и путевыхъ впечатлѣніяхъ.

Въ Парижѣ, за отсутствіемъ сестры, уѣхавшей въ Остенде, единственнымъ знакомымъ мнѣ человѣкомъ оказался Тургеневъ, котораго адресъ мнѣ былъ извѣстенъ изъ его письма.

Зная крайнюю ограниченность моихъ средствъ, я старался устроиться по возможности дешево, и дѣйствительно достигъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго совершенства, занявши на rue Helder и въ hotel Helder въ пятомъ этажѣ двѣ весьма чистыхъ даже щеголеватыхъ комнаты за 40 франковъ (10 р.) въ мѣсяцъ. Правда, штукатурка потолковъ представляла крутой переломъ, скашиваясь по направленію къ окнамъ и сообщая такимъ образомъ квартирѣ значеніе мансарды.

Не безъ душевнаго волненія отправился я въ rue de l'Arcade отыскивать Тургенева, котораго могло тамъ не быть. Спрашиваю привратника; говоритъ: „здѣсь".

Тургеневъ, сидѣвшій за рабочимъ столомъ, съ перваго взгляда не узналъ меня въ штатскомъ, но вдругъ крикнулъ отъ изумленія и бросился меня обнимать, восклицая: „вотъ онъ! вотъ онъ!"

Помѣщеніе, занимаемое Тургеневымъ, если не принимать въ разсчетъ формы потолка и двухъ лишнихъ этажей, въ сущности мало отличалось отъ моего: тотъ же небольшой салонъ съ каминомъ и часами передъ зеркаломъ и маленькая спальня

Пока мы разговаривали, вошелъ высокаго роста худощавый съ просѣдью брюнетъ. Тургеневъ познакомилъ насъ, назвавши мнѣ господина Делаво. Оказалось, что г. Делаво прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, гдѣ познакомился съ русской литературой и съ литературнымъ кружкомъ раньше моего съ послѣднимъ знакомства. Такъ, зналъ онъ Панаевыхъ, Некрасова, Гончарова, Боткина, Тургенева и даже меня по имени. Въ настоящее время онъ въ Парижѣ занимался переводами съ русскаго языка и, какъ сказывалъ мнѣ Тургеневъ, долженъ былъ перебиваться весьма затруднительно въ денежномъ отношеніи. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ, по выраженію Тургенева, единственномъ знакомомъ мнѣ французѣ.

Дѣло въ томъ, что этотъ французъ, получившій основательное классическое образованіе, настолько же отличался любознательностью, какъ и примѣрною скромностью. Такъ, напримѣръ, будучи по происхожденію маркизомъ Делаво, онъ никогда не именовался и не подписывался маркизомъ, и однажды, на вопросъ мой по этому поводу, отвѣчалъ, что находитъ такой титулъ несоотвѣтственнымъ своему матеріальному положенію. Для меня, совершеннаго новичка въ Парижѣ, милый и образованный Делаво являлся совершеннымъ Виргиліемъ, водившимъ меня по всему Парижу, начиная съ Лувра и до послѣдняго студенческаго бала и поющей кофейни. При этомъ, къ совершенному моему отчаянію, невозможно было уплатить за него даже двухъ франковъ, неизбѣжныхъ при входѣ. Никто яснѣе его не видалъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ всякая власть во Франціи находится со времени революціи, будучи вынуждена заботиться не о благѣ, а лишь

объ угожденіи вкусамъ толпы. Послѣднюю задачу Наполеонъ III въ то время понималъ и исполнялъ во всемъ объемѣ.

Однажды мы съ Тургеневымъ сидѣли въ первомъ ряду кресель театра Vaudeville на представленіи „La dame aux camelias". Послѣднюю ломала передъ нами старая и чахоточная актриса, имени которой не упомню. Тургеневъ сообщилъ мнѣ шепотомъ, что покрывающіе ее бриллiанты — русскіе. При ея лживыхъ завываніяхъ Тургеневъ восклицалъ: „Боже! что̀ бы сказалъ Шекспиръ, глядя на всѣ эти штуки!" А когда она безконечно завыла передъ смертью, я услыхалъ русскій шепотъ: „да ну, издыхай скорѣй!" Между тѣмъ дамы въ ложахъ зажимали платками глаза. При такомъ несообразномъ зрѣлищѣ я не выдержалъ и, припавъ головою къ рампѣ, затрясся неудержимымъ смѣхомъ. Это не мѣшало Тургеневу давать мнѣ шепотомъ знать, что многіе недовольные взоры обращены на меня, и что если я буду продолжать смѣяться, грозное „à la porte!" не заставитъ ждать себя.

Покуда я осматривалъ парижскія диковинки, Тургеневъ успѣлъ уѣхать, и я снова сталъ испытывать скуку, не взирая на любезныя услуги Делаво.

Недѣли черезъ двѣ, я получилъ отъ Тургенева письмо слѣдующаго содержанія: „Съ послѣдняго свиданія нашего въ Парижѣ я поселился у добрыхъ пріятелей и почти ежедневно таскаюсь съ хозяиномъ дома на охоту, хотя куропатокъ въ этотъ годъ весьма мало. Не знаю, когда буду въ Парижѣ. Если вамъ скучно, садитесь на желѣзную дорогу, взявъ предварительно билетъ въ дилижансъ, отходящій въ Rosay en Brie, куда къ вамъ навстрѣчу вышлютъ экипажъ изъ Куртавнеля, имѣнія г. Віардо. По крайней мѣрѣ получите понятіе о французской, деревенской жизни".

Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ я,—отчего же не проѣхаться и не взглянуть? И вслѣдъ затѣмъ написалъ, что въ будущій понедѣльникъ выѣду. Въ понедѣльникъ, набравъ небольшую лукошку персиковъ и фонтенеблъскаго винограда, до котораго Тургеневъ былъ большой охотникъ, я рано утромъ отправился на желѣзную дорогу. Въ вагонѣ мѣста много да и ѣхать пришлось только полчаса, слѣдовательно, съ плодами

и съ зонтикомъ возня невелика. Зато при перемѣщеніи въ дилижансъ, въ которомъ пришлось просидѣть четыре часа, дѣло оказалось—хоть брось. Въ купѐ мѣста заняты. Заглянулъ въ карету—полна старухами, а небо хмурится, того и гляди—польетъ дождь. Кондукторъ объявилъ, что я могу выбирать между каретой и имперіаломъ. Я подумалъ: „лучше вымокнуть, чѣмъ задохнуться", и полѣзъ на верхъ. Но куда дѣвать коробку съ плодами, чтобы они не превратились въ морсъ? Всѣ усѣлись, а я стоялъ на колесѣ съ вопросительнымъ видомъ Пандоры.—„Дайте мнѣ вашу коробку, — крикнула одна изъ сидящихъ въ каретѣ старухъ,—я ее буду держать на колѣняхъ". — Ну, не милая ли это старуха? Бичъ хлопнулъ по запыленной, но доброй бѣлой лошади, запряженной на выносѣ передъ парой караковыхъ дышловыхъ, и дилижансъ покатился со скоростью 10 верстъ въ часъ. На имперіалѣ ожидало меня новое удобство: рядомъ со мною помѣстились какіе-то мальчишки, оспаривавшіе другъ у друга мѣста не безъ того, чтобы встрѣча двухъ отталкивающихся тѣлъ не отзывалась и на моихъ бокахъ. Къ этому сидящій рядомъ со мною прибавлялъ огромнаго бумажнаго змѣя, который всю дорогу танцевалъ передъ моимъ носомъ, заслоняя неживописную мѣстность, вродѣ той, съ которой я познакомился на Страсбургской желѣзной дорогѣ. За мной и подо мной, рядомъ съ почтаремъ, сидѣли синія блузы. На половинѣ дороги, около трактира или, лучше, шинка, слѣзли неугомонные мальчишки и унесли неукротимаго змѣя. Я вздохнулъ свободнѣе. Дорога пошла лѣсами.

— Вы, смѣю спросить, въ Rosay? обратился ко мнѣ сидѣвшій на козлахъ блузникъ.

— Нѣтъ, далѣе: въ Куртавнель.

— А! вы къ г. Віардо?

— Да.

— Поздравляю васъ! Премилые люди. Г. Віардо пользуется большимъ уваженіемъ въ нашемъ околодкѣ. У него прекрасное состояніе. Къ нему пріѣхалъ землемѣръ разбивать лѣса на „лѣсосѣки"... и пошелъ, и пошелъ, такъ что я въ полчаса узналъ денежныя обстоятельства г. Віардо гораздо лучше, чѣмъ свои собственныя, съ условіемъ, надо прибавить, если

въ словахъ синей блузы была хотя половина истины.—„За вами изъ замка вышлютъ экипажъ, продолжалъ онъ, но если этого не будетъ, позвольте, я васъ довезу. Моя лошадь дожидается въ Rosay, а въ этомъ городишкѣ экипажа нанять не найдете“.

Я поблагодарилъ съ полною увѣренностью, что блуза подпускаетъ всѣ эти турусы съ намѣреніемъ взять съ меня подороже за доставку въ зáмокъ. Лошадей перемѣнили, народу въ дилижансѣ убыло, и старуха закричала изъ окна, чтобы я взялъ коробку, а то она одинъ персикъ уже съѣла. Мѣста опростались, нашлось и коробкѣ мѣстечко. Вотъ и небольшой городишка Rosay показался невдалекѣ. Блузникъ повторилъ приглашеніе. „Экъ его хлопочетъ!“ подумалъ я.—„Далеко ли отъ города до зáмка!“

— Тринадцать, четырнадцать километровъ (около 12 верстъ).

Дилижансъ остановился передъ мелочною лавкой, замѣняющей въ Rosay контору. Около дверей стояла прекрасная коляска, запряженная парою вороныхъ, и кучеръ въ шляпѣ съ галуномъ прохаживался по мостовой. Я поспѣшилъ выпросить у кондуктора свой чемоданъ и сложилъ на него зонтикъ, пальто и коробку, вполнѣ увѣренный, что присланный кучеръ сейчасъ же освободитъ меня отъ этихъ скучныхъ предметовъ. Подхожу, спрашиваю,—оказывается, что это извощикъ, подряженный везти часть пассажировъ въ совершенно противоположную сторону той, въ которую мнѣ нужно ѣхать.

— А гдѣ бы нанять лошадь?

— Здѣсь не найдете, говоритъ лавочница, она же и управляющій конторою дилижансовъ.

— Видите, тутъ нѣтъ лошадей, снова замѣтилъ мой знакомый блузникъ. Я предлагаю свои услуги, и вамъ выбора не остается. Лошадь моя ожидаетъ недалеко отсюда у постоялаго двора, и я повторяю предложеніе. Пойдемте! А! васъ безпокоитъ чемоданъ? Позвольте, я его донесу!

И съ этимъ словомъ онъ ловко закинулъ себѣ на плечи мой довольно увѣсистый чемоданъ. Мы тронулись въ путь. Не смотря на увѣреніе блузника, что идти нѣсколько шаговъ, мы прошли около полуверсты по дурной мостовой и, наконецъ, добрались до небольшаго трактира, далеко не блиста-

тельнаго ни въ какомъ отношеніи. У дверей стояла рессорная одноколка, и небольшая буланая лошадка нетерпѣливо помахивала головой. Въ кабріолетѣ сидѣли мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка помоложе.

— Это дѣти пріѣхали за мною. Лошадь такъ смирна, что ребенокъ можетъ безопасно управлять ею, сказалъ словоохотливый блузникъ, устанавливая въ ноги мой чемоданъ. — Теперь готово, прибавилъ онъ. Неугодно ли садиться? Мы тронемся, а черезъ часъ и даже менѣе вы будете у воротъ за̀мка.

Я замѣтилъ, что желалъ бы тутъ же на мѣстѣ кончить наши разсчеты.

— Какіе разсчеты?

— Я бы не желалъ остаться въ долгу за причиняемое вамъ безпокойство, проворчалъ я, замѣчая, что дѣло что-то не ладно.

Черные глаза француза покрылись масломъ и покосились въ мою сторону.

— То-есть вы хотите мнѣ заплатить! Нѣтъ, милостивый государь, я предложилъ вамъ ѣхать со мною единственно изъ удовольствія оказать услугу вамъ и господину Віардо, моему сосѣду, которому, я увѣренъ, особенно пріятно будетъ ваше посѣщеніе. Моя ферма за шесть километровъ не доѣзжая до его замка, но лошадка проворна, а ва̀мъ выбора нѣтъ.

Я былъ уничтоженъ. Вотъ тебѣ и синяя блуза! Нѣтъ, ни за что̀ бы не хотѣлъ быть въ такомъ нелѣпомъ жалкомъ положеніи. Человѣкъ предложилъ самую любезную услугу, какъ поденщикъ тащилъ полверсты мой чемоданъ, и въ награду за все я его обидѣлъ, правда, неумышленно, но отъ этого ему, а главное мнѣ, ни на волосъ не легче. Не помню, какой вздоръ ворчалъ я въ свое извиненіе. Нельзя же было молча сѣсть въ кабріолетъ. Бичъ хлопнулъ, и буланенькая пустилась по шоссе. Славу Богу! быстрота рысачка помогла мнѣ перемѣнить тему, воздавая должную дань удивленія неутомимо рѣзвой лошадкѣ. Черезъ три четверти часа кабріолетъ остановился у старинныхъ сквозныхъ воротъ, между желѣзныхъ прутьевъ которыхъ изъ-за деревьевъ выглядывалъ сѣрый фасадъ древняго каменнаго дома.

— Позвоните! вотъ ваши вещи и желаю вамъ пріятно про-

вести время, сказалъ мой неизвѣстный благодѣтель, кивая головой и заворачивая буланую назадъ.

Черезъ минуту кабріолетъ умчался изъ глазъ подъ учащенные звуки проворныхъ копытъ. Позвонивъ и не замѣчая никакого движенія ни передъ фасадомъ дома, ни по дорожкамъ, ведущимъ вокругъ цвѣточныхъ клумбъ и деревьевъ къ воротамъ, я сталъ разсматривать мое будущее пристанище. Пепельно-сѣрый домъ, или, вѣрнѣе, зàмокъ съ большими окнами, старой, мѣстами мхомъ поросшей кровлей, глядѣлъ на меня изъ-за каштановъ и тополей съ тѣмъ сурово-насмѣшливымъ выраженіемъ старика, свойственнымъ всѣмъ зданіямъ, на которыхъ не сгладилась средневѣковая физіономія, — съ выраженіемъ, явно говорящимъ: „Эхъ, вы, молодежь! Вамъ бы все покрасивѣе да полегче; а по-нашему попрочнѣе да потеплѣе. У васъ стѣнки въ два кирпичика, а у насъ въ два аршина. Посмотрите, какими широкими канавами мы себя окапываемъ; коли ты изъ нашихъ, опустимъ подъемный мостъ, и милости просимъ, а то походи около каменнаго рва да съ тѣмъ и ступай. Вѣдь теперь у васъ, говорятъ, просвѣщеніе да земская полиція не даютъ воли лихому человѣку. А кто васъ знаетъ, оно всетаки лучше, какъ въ канавѣ-то вода не переводится“.

Кромѣ цвѣтовъ, пестрѣвшихъ по клумбамъ вдоль фасада, подъ окнами выставлены изъ оранжерей цвѣты и деревья странъ болѣе благосклонныхъ. Насмотрѣвшись на эспланаду, на каменный ровъ, въ зеленую воду котораго вѣтерокъ ронялъ безпрестанно листы тополей и акацій, позлащенные дыханіемъ осени, на самый фасадъ зàмка, я позвонилъ снова, и на этотъ разъ навстрѣчу мнѣ вышелъ лакей.

— „Дома г. Віардо?“ — „Нѣтъ“. — „А Тургеневъ?“ — „Тоже нѣтъ“. — „Гдѣ же они?“ — „На охотѣ“. — „Когда же они вернутся?“.

— Теперь часъ; они непремѣнно должны быть къ обѣду, то-есть къ шести часамъ.

— Ну, а мадамъ Віардо дома?

— Мадамъ дома, только она еще не выходила. Вы желаете видѣть г. Тургенева? Позвольте, я снесу пока ваши вещи въ его комнату. Пожалуйте!

По каменнымъ ступенямъ низенькой лѣстницы главнаго входа мы вошли въ высокій, свѣтлый корридоръ, выходившій въ пріемную комнату. Здѣсь встрѣтила меня женщина среднихъ лѣтъ, но кто она—хозяйка ли дома, родственница, или знакомая хозяевъ?—я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Отрекомендовавшись, я намекнулъ на желаніе видѣть Тургенева.

— Неугодно ли пожаловать въ гостиную, пока вамъ приготовятъ комнату? Сестра еще не выходила, а братъ и Тургеневъ на охотѣ.

Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ знаю, съ кѣмъ говорю. Въ высокой и просторной, во всю глубину дома проходящей угольной гостиной въ два свѣта, столъ посрединѣ, противъ камина—круглый столъ, обставленный диванчиками, кушетками и креслами. Въ окна, противуположныя главному фасаду, смотрѣли клены, каштаны и тополи парка. Въ простѣнкѣ тѣхъ же оконъ стоялъ рояль, а у стѣны, противоположной камину, на диванѣ, передъ которымъ была разложена медвѣжья шкура, сидѣли молодыя дѣвушки, вѣроятно, дѣти хозяевъ. Я помѣстился на кушеткѣ у круглаго стола и завязалъ одинъ изъ спасительныхъ разговоровъ, впродолженіе которыхъ мучитъ одна забота: какъ бы его хилой нитки хватило на возможно долгое время.

— Теперь ваша комната готова, сказала дама, взглянувъ на вошедшаго слугу, — и если вамъ угодно отдохнуть или устроиться съ дороги, дѣлайте, какъ найдете удобнымъ.

Я поклонился и пошелъ за слугою по знакомому корридору. Поднявшись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, мы снова очутились въ длинномъ корридорѣ съ дверями направо и налѣво. Въ концѣ, направо у двери, лакей остановился и отворилъ ее.

— Вотъ ваша комната. Не прикажете ли горячей воды? Мадамъ приказала спросить, неугодно ли вамъ завтракать. Здѣсь завтракаютъ въ 12 часовъ, время прошло, а до обѣда еще четыре часа.

Я отказался, и лакей вышелъ. Взятую съ собой на всякій случай книгу читать не хотѣлось; дай хоть разсмотрю, гдѣ я. Въ окно виднѣлся тотъ же паркъ, который я мелькомъ замѣтилъ изъ гостиной. Внизу, у самой стѣны, свѣтился глу-

бокій каменный ровъ, огибающій весь замокъ. Легкіе, очевидно въ позднѣйшее время черезъ него переброшенные, мостики вели подъ своды деревъ парка. Тишина, не возмущаемая ничѣмъ. Я закурилъ сигару и отворилъ окно,—все та же мертвая тишина. Лягушки тихо двигались въ канавѣ по пригрѣтой солнцемъ зеленой поверхности стоячей воды. Съ полей, прилегающихъ къ замку, осень давно разогнала всѣхъ рабочихъ. Ни звука.

— Мадамъ приглашаетъ васъ въ гостиную, если вамъ угодно, проговорилъ лакей, не прося позволенія войти въ комнату.

— Слава Богу! Наконецъ-то! подумалъ я и пошелъ.

Въ гостиной, кромѣ знакомыхъ уже лицъ, я замѣтилъ женщину, присѣвшую у камина и передвигавшую бронзовую рѣшетку. При шумѣ моихъ шаговъ она обернулась, встала, и по свободной граціи и той любезно привѣтливой улыбкѣ, которою образованныя женщины умѣютъ встрѣчать гостя, не было сомнѣнія, что передо мной хозяйка дома. Я извинился въ хлопотахъ, причиненнымъ моимъ пріѣздомъ, на который Тургеневъ, безъ сомнѣнія, испросилъ позволеніе хозяйки.

— Очень рада случаю съ вами познакомиться, но Тургеневъ, по обычной разсѣянности, не сказалъ ни слова, и вотъ почему вы должны были ожидать, пока приготовятъ вашу комнату. Но теперь все улажено, садитесь пожалуйста.

Завязался разговоръ, и въ десять минутъ хозяйка вполнѣ успѣла хоть на время изгладить изъ памяти миніатюрную Одиссею этого дня.

— Теперь обычное время нашихъ прогулокъ. Не хотите ли пойти съ нами?

День былъ прекрасный. Острыя вершины тополей дремали въ пригрѣвающихъ лучахъ сентябрьскаго солнца, падалица пестрѣла вокругъ толстыхъ стволовъ яблонь, образующихъ старую аллею проселка, которою зȧмокъ соединенъ съ шоссе. Изъ-подъ скошеннаго жнивья начиналъ зеленѣя выступать пушистый клеверъ; невдалекѣ, въ лощинѣ около канавы, усаженной вербами, паслись мериносы; на пригоркѣ два плуга, запряженные парами дюжихъ и сытыхъ лошадей, медленно двигались другъ за другомъ, оставляя за собою свѣжія, темно-

бурыя полосы. Когда мы обошли по полямъ и небольшимъ лѣскамъ вокругъ замка, солнце уже совершенно опустилось къ вершинамъ лѣса, разордѣвшись тѣмъ яркимъ осеннимъ румянцемъ, которымъ горитъ лицо умирающаго въ чахоткѣ.

— Какъ вамъ нравится здѣшняя природа? спросила меня хозяйка.

— Природа вездѣ хороша.

— Вы снисходительнѣе другихъ къ нашимъ мѣстамъ. Мадамъ Дюдеванъ, гостя у меня, постоянно находила, что здѣсь почти жить нельзя,—такъ пустынны наши окрестности.

Версты за полторы раздались выстрѣлы.

— А! это наши охотники возвращаются. Пойдемте домой черезъ садъ, тогда вы будете имѣть полное понятіе о здѣшнемъ хозяйствѣ.

Мы подошли къ лощинкѣ, около которой паслись стада мериносовъ. „Babette! Babette!" закричала одна изъ дѣвочекъ, шедшихъ съ англичанкой. На голосъ малютки изъ стада выбѣжала бѣлая коза и довѣрчиво подошла къ своей пятилѣтней госпожѣ. Около оранжерей вся дамская компанія разсѣялась вдоль шпалеръ, искать спѣлыхъ персиковъ къ обѣду. Опять раздались выстрѣлы, но на этотъ разъ ближе къ дому. Увѣренный, что Тургеневъ забылъ о своемъ приглашеніи и во всякомъ случаѣ не ожидаетъ моего пріѣзда, я предложилъ дамамъ не говорить обо мнѣ ни слова, предоставляя ему самому найти меня у себя въ кабинетѣ. Заговоръ составился, и, какъ только завидѣли охотниковъ, я отправился въ комнату Тургенева. Но судьба отмѣтила этотъ день строгою чертою неудачъ. Кто-то изъ прислуги, не участвовавшій въ заговорѣ, объявилъ о моемъ пріѣздѣ, и Тургеневъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Развѣ вы не получали моего письма?

— Какого письма?

— Я писалъ, что хозяева ожидаютъ на нѣсколько дней пріѣзжихъ дамъ, и въ домѣ всѣ лишнія комнаты будутъ заняты. Поэтому я совѣтовалъ вамъ пріѣхать дней черезъ десять". Итакъ, опять неудача. Уѣхать сейчасъ же неловко, сидѣть долго тоже неловко. Я рѣшился уѣхать, пробывъ еще день. Раздался звонокъ къ обѣду, и все общество, довольно

многочисленное, собралось въ угольной залѣ, въ противоположномъ отъ гостиной концѣ дома. Желая сколько-нибудь оправдать въ глазахъ хозяина свой пріѣздъ, я громко спросилъ: „Тургеневъ! неужели вы ни словомъ не предупредили хозяйку о моемъ пріѣздѣ?“ На это мадамъ Віардо шутя воскликнула: „о, онъ дикарь!“ („Ce sont de ses tours de sauvage“). На что Тургеневъ сталъ трепать меня по плечу, приговаривая: „онъ добрый малый!“ Разговоръ переходилъ отъ ежедневныхъ событій собственно семейнаго круга къ вопросамъ общимъ: политическимъ и литературнымъ. Зашла рѣчь о послѣднихъ стихотвореніяхъ Гюго, и хозяинъ, въ подтвержденіе своихъ словъ касательно силы, которую поэтъ проявилъ въ нѣкоторыхъ новыхъ пьесахъ, прочелъ на память нѣсколько стиховъ. Изъ-за стола всѣ отправились въ гостиную. Пріѣхалъ домашній докторъ, составился вистъ, хозяйка сѣла за рояль, и долго чудные звуки Моцарта и Бетховена раздавались въ комнатѣ.

Такъ прошелъ день. На другой почти то же самое; слѣдуетъ только прибавить утреннія партіи на билліардѣ, а къ вечеру, кромѣ музыки и виста, серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ вслухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру. Съ особенною улыбкою удовольствія Тургеневъ вслушивался въ чтеніе пятнадцатилѣтней дѣвушки, съ которою онъ тотчасъ же познакомилъ меня, какъ съ своей дочерью Полиною. Дѣйствительно, она весьма мило читала стихи Мольера; но за то, будучи молодымъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ юбкѣ, не могла предъявлять ни малѣйшей претензіи на миловидность.

— Полина! спросилъ Тургеневъ дѣвушку,—неужели ты ни слова русскаго не помнишь? Ну какъ по-русски „вода?“

— Не помню.

— А хлѣбъ?

— Не знаю.

— Это удивительно! восклицалъ Тургеневъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ совершенно сѣдаго Віардо и сильно посѣдѣвшаго Тургенева, не смотря на ихъ дружбу, ясно выражалась привѣтливость полноправнаго хозяина съ одной стороны и благовоспитанная угодливость гостя съ дру-

гой. Спальня Тургенева помѣщалась за билліардной; и, какъ я узналъ впослѣдствіи, запертая дверь изъ нея выходила въ гостиную. Конечно, я только спалъ въ отведенной мнѣ во второмъ этажѣ комнатѣ, стараясь по возможности бѣжать къ Тургеневу и воспользоваться его бесѣдою на чужой сторонѣ.

На другое утро, когда я спозаранку забрался въ комнату Тургенева, у насъ завязалась самая оживленная бесѣда, мало-по-малу перешедшая въ громогласный споръ.

— Замѣтили ли вы, спросилъ Тургеневъ, что дочь моя, русская по происхожденію, дотого превратилась во француженку, что не помнитъ даже слова „хлѣбъ", хотя она вывезена во Францію уже семи лѣтъ.

Когда я, въ свою очередь, изумился, нашедши русскую дѣвушку въ центрѣ Франціи, Тургеневъ воскликнулъ:

— Такъ вы ничего не знаете, и я долженъ вамъ все это разсказать! Начать съ того, что вотъ этотъ Куртавнель, въ которомъ мы съ вами въ настоящую минуту бесѣдуемъ, есть, говоря цвѣтистымъ слогомъ, колыбель моей литературной извѣстности. Здѣсь, не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я съ разрѣшенія любезныхъ хозяевъ, провелъ зиму въ одиночествѣ, питаясь супомъ изъ полукурицы и яичницей, приготовляемыхъ мнѣ старухой ключницей. Здѣсь, желая добыть денегъ, я написалъ бо́льшую часть своихъ „Записокъ Охотника"; и сюда же, какъ вы видѣли, попала моя дочь изъ Спасскаго. Когда-то, во время моего студенчества, пріѣхавъ на ваканцію къ матери, я сблизился съ крѣпостною ея прачкою. Но лѣтъ черезъ семь, вернувшись въ Спасское, я узналъ слѣдующее: у прачки была дѣвочка, которую вся дворня злорадно называла барышней, и кучера преднамѣренно заставляли ее таскать непосильныя ей ведра съ водою. По приказанію моей матери, дѣвочку одѣвали на минуту въ чистое платье и приводили въ гостиную, а покойная мать моя спрашивала: „скажите, на кого эта дѣвочка похожа?" Полагаю, что вы сами убѣдились вчера въ легкости отвѣта на подобный вопросъ. Все это заставило меня призадуматься касательно будущей судьбы дѣвочки; а такъ какъ я ничего важнаго въ жизни не предпринимаю безъ совѣта мадамъ Віардо, то и изложилъ этой женщинѣ все дѣло, ничего не скрывая. Справедливо указывая на то, что въ Россіи никакое

образованіе не въ силахъ вывести дѣвушекъ изъ фальшиваго положенія, мадамъ Віардо предложила мнѣ помѣстить дѣвочку къ ней въ домъ, гдѣ она будетъ воспитываться вмѣстѣ съ ея дѣтьми. И не въ одномъ этомъ отношеніи, прибавилъ Тургеневъ, воодушевляясь,—я подчиненъ волѣ этой женщины. Нѣтъ! она давно и навсегда заслонила отъ меня все остальное, и такъ мнѣ и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблукомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавитъ мое лицо носомъ въ грязь. Боже мой! воскликнулъ онъ, заламывая руки надъ головою и шагая по комнатѣ,—какое счастіе для женщины быть безобразной!

Мало-по-малу разговоръ нашъ отъ частностей перешелъ къ общему. Оказалось, что мы оба инстинктивно находились подъ могучимъ вліяніемъ Кольцова. Меня всегда подкупало поэтическое буйство, въ которомъ у Кольцова недостатка нѣтъ, и я тогда еще не успѣлъ разсмотрѣть, что Кольцовъ, говоря отъ имени крестьянина, говоритъ псевдо-крестьянскимъ языкомъ, непонятнымъ для простонародья, чѣмъ и объясняется его непопулярность. Ни одинъ крестьянинъ не скажетъ:

«Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ».

Тѣмъ не менѣе, не взирая на несоотвѣтствіе формы содержанію, въ немъ такъ много спеціально русскаго воодушевленія и задора, что послѣдній одолѣвалъ и такого западника, какимъ сталъ Тургеневъ подъ вліяніемъ мадамъ Віардо. Помню, съ какимъ воодушевленіемъ онъ повторялъ за мною:

«И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ».

Хотя мнѣ до сихъ поръ кажется, что такія качества менѣе всего у насъ съ Тургеневымъ въ характерѣ. Какъ бы то ни было, я вынужденъ не только разсказать о вѣчныхъ нашихъ съ Тургеневымъ разногласіяхъ, но и объяснить ихъ источникъ, насколько я ихъ въ настоящее время понимаю. Ожесточенные споры наши, не разъ воспроизведенные подъ другими име-

нами въ разсказахъ Тургенева, оставляли въ душѣ его до того постоянный слѣдъ, что, привезши мнѣ въ 1864 году изъ Баденъ-Бадена стихотворенія Мерике, онъ на первомъ листѣ написалъ: „врагу моему А. А. Фету на память пребыванія въ Петербургѣ въ январѣ 1864 г.".

Не даромъ Фаустъ, объясняя Маргаритѣ сущность міроздания, говоритъ: „Чувство — все". Это чувство присуще даже неодушевленнымъ предметамъ. Серебро чернѣетъ, чувствуя приближеніе сѣры; магнитъ чувствуетъ близость желѣза и т. д. Дѣло непосредственнаго чувства угадывать строй чужой души. Дѣло чувства на собственный страхъ приходитъ къ извѣстному рѣшенію, но основывать его на словахъ похвалы или порицанія извѣстнымъ лицомъ даннаго предмета совершенно ошибочно. Говорить, что такой-то, открывающій на каждомъ шагу недостатки въ ребенкѣ или въ своей родинѣ, ненавидитъ своего сына или свое отечество, такъ же мало основательно, какъ по ежеминутнымъ восхваленіямъ и самохвальству, заключать о безграничной любви. Не странно ли, что споры, которымъ мы съ Тургеневымъ за тридцать пять лѣтъ безотчетно предавались съ такимъ ожесточеніемъ, нимало не потерявши своей ѣдкости, продолжаются между славянофилами и западниками по сей день, не взирая на многократныя ихъ обсужденія съ разныхъ сторонъ и указанія нагляднаго опыта?

Никто не станетъ спорить, что отъ народнаго воспитанія зависитъ и народное благосостояніе, но чрезвычайно односторонне пріурочивать воспитаніе къ такому тѣсному кругу, какова грамотность, оставляя другія безчисленныя вліянія, начиная съ народной и семейной среды, поддерживаемой законнымъ надзоромъ религіозной, отеческой и всякой иной власти. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что наше народное воспитаніе съ шестидесятыхъ годовъ значительно пошло назадъ, а вслѣдъ затѣмъ пошло назадъ и народное благосостояніе. Принимая въ земледѣльческомъ государствѣ мѣриломъ общаго благосостоянія зерновой хлѣбъ, невозможно не сознаться, что до шестидесятыхъ годовъ отсутствіе у крестьянина двухъ-трехлѣтняго запаснаго одонка, обезпечивающаго, помимо сельскаго магазина, продоволь-

ствіе семьи на случай неурожая, — было исключеніемъ; тогда какъ въ настоящее время существованіе такого одонка представляетъ исключеніе. Но ограничимся указаніемъ на источникъ постоянныхъ нашихъ съ Тургеневымъ споровъ, при которыхъ въ запальчивости, особенно со стороны Тургенева, недостатка не было. Впослѣдствіи мы узнали, что дамы въ Куртавнелѣ, поневолѣ слыша нашъ оглушительный гамъ на непонятномъ и гортанномъ языкѣ, наперерывъ восклицали: „Боже мой! они убьютъ другъ друга!" И когда Тургеневъ, воздѣвши руки и внезапно воскликнувъ: „батюшка! Христа ради не говорите этого!"—повалился мнѣ въ ноги, и вдругъ наступило взаимное молчаніе, дамы воскликнули: „вотъ они убили другъ друга!"

Не могу не сказать, что нашъ братъ русскій, внезапно вступающій въ домашнюю жизнь нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе французовъ, приходитъ въ изумленіе передъ малымъ количествомъ питанія, представляемаго ихъ завтраками и обѣдами. У насъ если появится наваристый борщъ или щи съ хорошимъ кускомъ говядины, да затѣмъ гречневая каша съ масломъ или съ подливкой, то усердно отнесшійся къ этимъ двумъ блюдамъ не захочетъ ничего остальнаго; тогда какъ обѣдъ въ замкѣ Куртавнель состоялъ изъ французскаго бульона, слабаго до безчувствія, за которымъ вторымъ блюдомъ являлся небольшой мясной пирожокъ, какіе у насъ подаются къ супу; третьимъ блюдомъ являлись вареные бобы съ художественно нарѣзанными ломтиками свѣтившейся насквозь ветчины; послѣднимъ блюдомъ являлись блинчики или яичница съ вареньемъ на небольшомъ плафонѣ. А между тѣмъ не рѣдкость встрѣтить тучныхъ, пожилыхъ французовъ и француженокъ.

На третій день я объявилъ желаніе возвратиться въ Парижъ, и такъ какъ нужно было поспѣть въ Rosay къ шести часамъ пополудни, времени отправленія дилижанса, то я долженъ былъ уѣхать изъ дому не позже четырехъ часовъ. Хозяева всхлопотались кормить меня на дорогу, но я наотрѣзъ отказался. Подали кабріолетъ, и черезъ часъ я уже былъ въ Rosay.

— Скоро ли пойдетъ дилижансъ?

— Да черезъ полчаса, а самое позднее черезъ три четверти.

Хлопотать было нечего, любезный Віардо съ утра приказалъ взять для меня мѣсто въ купѐ. Теперь пять часовъ, дилижансъ пойдетъ черезъ часъ, будетъ шесть, да пройдетъ четыре, будетъ десять, да по желѣзной дорогѣ тридцать пять минутъ, слѣдовательно мнѣ придется обѣдать не раньше одиннадцати. Это что-то поздно.

— Нѣтъ ли тутъ гостинницы?

— Есть, отличная.

Я отправился въ отличную гостинницу, и она оказалась вполнѣ отличной отъ всѣхъ гостинницъ въ мірѣ, исключая нашихъ почтовыхъ. Какъ я ни бился, не могъ достать ни супу, ни прочаго.

— „Нѣтъ ли мяса?“ — „Есть“. — „Что такое?“ — „Голубенокъ“.

— „Одинъ?!“—„Одинъ“.

— Дайте пожалуйста голубенка, и съ этимъ словомъ я вошелъ въ небольшую обѣденную залу.

За круглымъ столомъ сидѣла дама и рядомъ съ нею пожилой господинъ, по осанкѣ и щетинистымъ усамъ котораго легко можно было узнать стараго солдата первой имперіи, еслибы даже въ петлицѣ не алѣла неизбѣжная розетка Почетнаго Легіона. Передъ ними стояла бутылка краснаго вина и блюдо сочной телятины, а подлѣ на стулѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ, похожій на двухъ-аршинный отрубокъ березоваго бревна. Что дѣлать? Ѣсть нечего. Принесенный голубенокъ, попахивающій пережареннымъ масломъ, исчезъ, оставивши жалкіе слѣды своего существованія. Я потребовалъ сыру и полбутылки шампанскаго.

— Шампанскаго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? сказалъ обиженнымъ тономъ наполеоновскій капитанъ.—Спросите въ лавкѣ у такого-то.

— У него нѣтъ.

— Ну такъ у такого-то.

— Я послала, отвѣчала хозяйка, да не знаю, есть ли. Ну, Rosay! Въ двухъ шагахъ отъ Шампаньи, и не достанешь полбутылки вина. Наконецъ явилась полбутылка сомнительнаго

вида и хлопнула, какъ изъ ружья. Я предложилъ по бокалу капитану и его дамѣ. Капитанъ поблагодарилъ и подвинулъ ко мнѣ блюдо телятины, а вслѣдъ затѣмъ сталъ разсказывать о великой ретирадѣ изъ сгорѣвшей Москвы, хваля русскихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. За что̀ бы уже ему хвалить?— Не знаю.

Между тѣмъ кондукторъ затрубилъ, и въ купѐ у меня не нашлось товарищей. Воспользовавшись просторомъ, я закурилъ сигару, легъ черезъ всѣ три или четыре мѣста и пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги сонный.

На другой день, за завтракомъ въ кофейнѣ Пале-Ройяльской Ротонды, попался мнѣ знакомый французъ Делаво. Онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ въ деревню, и по этому случаю мы давно не видались. Приказавъ поставить приборы на одинъ столикъ, мы пустились во взаимные распросы.

— Ну, теперь вы оглядѣлись въ Парижѣ, замѣтилъ Делаво. Скажите, какое онъ на васъ произвелъ впечатлѣніе. Мы, парижане, ко всему присмотрѣлись, интересно сужденіе человѣка свѣжаго. Со мной можете быть совершенно откровенны, настолько вы меня знаете.

— Очень радъ, что вы навели меня на эту тему, у меня самого она вертѣлась въ головѣ, и я не разъ припоминалъ ваше выраженіе касательно нѣмецкихъ книгъ. Вы говорили, что онѣ непостижимо дурно сдѣланы (mal faits) въ сравненіи съ французскими, изъ которыхъ каждая, самая дрянная и пустая, такъ изложена, что читается легко—безъ сучка безъ задоринки.

— Помню, помню. У насъ вообще думаютъ плохо и трудно, а писать гладко великіе мастера. Но къ чему вы это вспомнили?

— Къ тому, что отношу это ко всей парижской жизни, отъ улицы Риволи до Гипподрома, отъ послѣдняго винтика въ экипажѣ до первыхъ брилліантовыхъ серегъ за стекломъ магазина, отъ художественной выставки до Большой Оперы,— все гладко, ловко, блистательно (bien fait), а цѣлое прозаично, мишурно и безсочно, какъ нарядный вѣнскій пирогъ, простоявшій мѣсяцъ за окномъ кондитерской.

Недѣли двѣ пришлось мнѣ протомиться въ моемъ одино-

чествѣ, тоскливо посматривая на березку, со дна двора подымавшую свою макушку вровень съ моимъ окномъ.

Можно себѣ представить мой восторгъ, когда единственный слуга нашей гостинницы, Люи, исполнявшій и должность привратника, подалъ мнѣ записку, въ которой я прочелъ по-русски:

„Мы сейчасъ только остановились по сосѣдству отъ тебя,— rue Taitbout, hôtel Taitbout. Заходи ждемъ тебя обѣдать". Твоя Надя.

Съ этого момента жизнь моя просіяла подъ нѣжными лучами сердечной привязанности Нади. Она сумѣла до извѣстной степени сообщить мнѣ свое живое сочувствіе къ произведеніямъ искусствъ, которымъ исполнена была сама. Обладая прекрасною историческою памятью, она сумѣла заинтересовать и меня своими любимыми до-Рафаэлевскими живописцами и съ дѣтскимъ простодушіемъ смѣялась надъ моими coq á l'âne'ами. Зная мою слабость къ обжорству и шампанскому, она ежедневно кормила меня великолѣпными обѣдами и заставляла выпивать бутылку шампанскаго. Нельзя не помянуть добромъ хозяйку ея гостинницы, которая видимо желала угодить своимъ постояльцамъ. Ея супы напоминали наши русскіе, а ея сочныя пулярки казались подернутыми легкимъ налетомъ карамели; мороженое всегда приходило въ машинкѣ отъ сосѣдняго Тортони.

Весело и безпечно протекали мои дни, и такъ какъ дамы ничего не говорили о своемъ романѣ, то я и самъ боялся заводить объ немъ рѣчь.

Читая на афишѣ, что заступившая мѣсто Рашели—Ристори будетъ играть Медею въ трагедіи Легуве, я взялъ для своихъ дамъ ложу.

Занавѣсъ поднялся, и я съ ужасомъ услыхалъ итальянскія legato и piccicato, изъ которыхъ не понималъ ни слова. Въ мысляхъ у меня промелькнуло что-то вродѣ „Le mariage forcé" Мольера, гдѣ во французской піесѣ распѣваются испанскіе стихи. „Ну, подумалъ я, дѣлать нечего! Надо прослушать этотъ итальянскій прологъ", показавшійся мнѣ безконечнымъ. Но когда съ поднятіемъ занавѣса снова раздались „piccicato", я убѣдился, что слушаю трагедію на итальянскомъ языкѣ,

мнѣ непонятномъ — и тутъ же объявилъ дамамъ, что не намѣренъ продолжать самаго безсмысленнаго и скучнаго занятія, и пойду походить по бульвару, гдѣ и буду ожидать окончанія представленія, чтобы придти за ними. Сестра сказала, что и она уходитъ со мною гулять, но Софья Сергѣевна, со сверкающими отъ волненія взорами, объявила наотрѣзъ, что „вы молъ, господа, какъ хотите, а я ни за что не уйду отъ Ристори“. Часа черезъ полтора мы съ сестрою, прогулявшись и освѣжившись мороженымъ, вернулись съ нашими контромарками къ концу драмы за Софьей Сергѣевной. Я подъ руку велъ сестру, и когда, сойдя съ лѣстницы, мы повернулись такъ, что намъ стала видна вся сходящая по ней толпа, я почувствовалъ, что рука сестры дрогнула и продолжала трепетать на моей, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, она, слѣдя глазами за сходящимъ, коротко остриженнымъ и съ сильною просѣдью мужчиной, прошептала: „это онъ!“ Въ ту же минуту тотъ же самый мужчина въ небольшой сѣрой лѣтней шляпѣ проскочилъ мимо насъ и быстрыми шагами направился къ выходу. Отдаваясь первому порыву, я, оставивъ руку сестры, бросился къ выходу и внизъ по ступенькамъ на улицу, гдѣ при яркомъ свѣтѣ фонарей увидѣлъ быстро уходящаго человѣка. Я крикнулъ его по имени такъ рѣзко, что онъ въ минуту остановился, и я, подойдя къ нему, сказалъ, что онъ, кажется, не замѣтилъ въ концѣ лѣстницы дѣвицы Ш—й.

— Боже мой! возможно ли? воскликнулъ онъ. Позвольте мнѣ пойти и засвидѣтельствовать ей мое глубочайшее почтеніе. Какое неожиданное счастье! сказалъ онъ, снимая шляпу и низко кланяясь дамамъ. Смѣю надѣяться, что вы дозволите мнѣ явиться завтра къ вамъ въ 12 часовъ дня. Представьте меня вашему брату, котораго, какъ вамъ извѣстно, я давнишній поклонникъ.

— Мы будемъ васъ ждать въ 12 часовъ, тихо сказала сестра, успѣвшая нѣсколько оправиться отъ волненія.

Еще разъ поклонившись, поклонникъ нашъ исчезъ. Была теплая осенняя ночь, и я пошелъ пѣшкомъ провожать дамъ до ихъ отеля.

— Неужели вы, Софья Сергѣевна, не жалѣете о потерян-

номъ вечерѣ въ драмѣ, въ которой, разумѣется, не поняли ни слова?

— Ахъ нѣтъ! я напротивъ чрезвычайно довольна. Ристори восторгъ что такое! Надо было видѣть и слышать, какъ надъ дѣтьми она, изображая согнутыми пальцами когти, произнесла: tigresse!

При этомъ я даже въ полумракѣ видѣлъ сѣрыя перчатки Софьи Сергѣевны въ видѣ страшныхъ когтей.

Когда мы вошли въ освѣщенную гостиную дамъ, я на минутку усѣлся съ папироскою и, не обращаясь ни къ кому особенно, спросилъ:

— Неужели вы полагаете, что герой вашего романа завтра придетъ?

— Ахъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ! воскликнула Софья Сергѣевна, — удивляюсь, какъ вы можете такъ дурно думать о людяхъ. Приходите завтра сами, и вы убѣдитесь, что все дѣло будетъ положительно окончено. Онъ всетаки... настоящій Фаустъ!

— Я приду въ половинѣ перваго, когда вы сами убѣдитесь, что изъ этого, слава Богу, ничего не выйдетъ. А теперь покойной ночи, если это возможно.

И я побѣжалъ въ свой hôtel Helder.

На другой день въ половинѣ перваго я засталъ дамъ, тщательно одѣтыхъ и видимо смущенныхъ. Бѣдная Надя! какъ она была мила въ своемъ плохо скрываемомъ разочарованіи. При каждомъ стукѣ останавливающагося у подъѣзда экипажа, Софья Сергѣевна подбѣгала къ балконному окну и, взглянувъ внизъ, безмолвно отходила на свое мѣсто. Конечно, всѣ ожиданія, какъ я предвидѣлъ, были напрасны.

Къ счастію для насъ, въ скорости появился Делаво, котораго я еще ранѣе успѣлъ представить дамамъ. Я навелъ его на любимую его тему: безсмысліе художественныхъ требованій французской публики и нелѣпость того, что французы выдаютъ за философію. Онъ распѣвалъ, какъ соловей, закрывая при этомъ свои черные, добрые глаза и восклицая по временамъ: „o, le publique est absurde!“

Что происходило на душѣ у сестры, вслѣдствіе такого разочарованія, я никогда не могъ узнать, но, конечно, упо-

треблялъ всевозможныя предосторожности, чтобы не коснуться больнаго мѣста. Въ образѣ нашей жизни, повидимому, ничего не измѣнилось, исключая пріѣзда Тургенева, оживившаго наше пребываніе въ Парижѣ. Услышавъ о томъ, что сестра моя въ Парижѣ, онъ не разъ приходилъ къ ней въ Hôtel Taitbout и расхваливалъ наши дѣйствительно хорошіе обѣды. Надо ему отдать справедливость, какъ gourmet.

Однажды онъ принесъ мнѣ прелестное карманное изданіе Горація—Дидота, напечатанное въ 1855 г. по Лондонскому изданію Бонда 1606 г., подписавши на немъ „Фету отъ Тургенева въ Парижѣ въ октябрѣ 1856 г.“ Сестра тотчасъ же отдала это изданіе лучшему переплетчику, и я до сихъ поръ храню это двойное воспоминаніе рядомъ съ имѣющимся у меня экземпляромъ настоящаго Бонда. По моему мнѣнію, не смотря на крошечный объемъ книги и многочисленные труды по объясненіямъ Горація, изданіе Бонда представляетъ наилучшее объясненіе Горація.

— Ахъ, какъ у тебя мило! сказала однажды сестра, взобравшись ко мнѣ на пятый этажъ и заставши меня за письменнымъ столомъ. Съ этихъ поръ она часто навѣщала меня, и я всякимъ театрамъ предпочиталъ проводить вечеръ рядомъ съ нею, усѣвшись у пылающаго или догорающаго камина, въ которомъ она сама любила будить огонь. Правда, мечты наши большею частію были нерадостны, но мы отлично понимали другъ друга, находя одинъ въ другомъ нравственную опору. На вопросъ сестры: „отчего ты не женишься?“—я безъ малѣйшей аффектаціи отвѣчалъ, что по состоянію здоровья ожидаю скорѣе смерти и смотрю на бракъ, какъ на вещь для меня недостижимую.

— Знаешь ли что, другъ мой, сказалъ я сестрѣ въ одно изъ такихъ посѣщеній.—Мы съ тобою почти неразлучны. Почему бы намъ, вмѣсто двухъ квартиръ, не занять одной общей? У васъ въ настоящее время съ Софьей Сергѣевной общая спальня, а здѣсь во второмъ этажѣ за 250 франковъ въ мѣсяцъ: прекрасная передняя, гостиная и двѣ спальни, могущія служить и кабинетами. Это выйдетъ не дороже того, что мы платимъ врозь.

Сказано — сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней мы уже помѣщались на нашей, болѣе удобной квартирѣ.

Никогда быть можетъ въ жизни я такъ беззавѣтно не предавался настоящему; но не думая о будущемъ, мы оба съ сестрою чувствовали боязнь разлуки. Эта боязнь заставила наконецъ насъ обоихъ придти къ какому-либо рѣшенію по отношенію къ ближайшему будущему.

Въ отсутствіе Софьи Сергѣевны, нерѣдко уходившей, въ ожиданіи отъѣзда въ Россію, въ магазины для сформированія туалета своей племянницы, мы, сосчитавши наши небольшія средства, рѣшили не разставаться въ виду долгаго времени, оставшагося до окончанія моего отпуска. А такъ какъ раньше или позднѣе Софью Сергѣевну приходилось отвозить на родину, то было гораздо благоразумнѣе выдать ей деньги на путевыя издержки въ настоящую минуту, и такимъ образомъ вмѣсто тройныхъ остаться заграницей лишь при двойныхъ расходахъ.

— Ты и безъ того собирался въ Италію, сказала Надя. Да тебѣ, поэту, и стыдно не побывать въ этой классической странѣ искусства. А я съ восторгомъ буду твоимъ чичероне.

Софья Сергѣевна, постоянно выставлявшая свое сопутствіе въ видѣ одолженія, не могла ничего возразить на предложеніе избавиться отъ дальнѣйшаго безпокойства, а черезъ нѣсколько дней по ея отъѣздѣ въ Россію, мы съ Надей отправились черезъ Марсель въ Италію.

VII.

Въ Италіи.—Тиволи.—Встрѣча съ Некрасовымъ, Панаевой и К—ими.— Ночь въ дилижансѣ.—Неаполь.—Осмотръ Сольфатары.—Неаполитанская зима.—Снова въ Парижѣ.—Пѣніе М-me Віардо.—Возвращеніе въ Россію.— Пріѣздъ въ Новоселки.—Встрѣча съ Борисовымъ и моя поѣздка въ Фатьяново.—Болѣзнь Нади.—Я везу Надю въ Москву къ докторамъ.—Пріѣздъ Борисова.—Встрѣча съ В. П. Боткинымъ.—Знакомство съ семьею Боткиныхъ.—Моя женитьба.

Въ книгѣ Гербеля: „Русскіе поэты" упомянуто, что въ Современникѣ были напечатаны три статьи мои подъ заглавіемъ: „Изъ заграницы. Путевыя впечатлѣнія. 1856, № 11, 1857, №№ 2 и 7". Послѣдняя статья кончается выѣздомъ изъ Марселя, а между тѣмъ я очень хорошо помню, съ какимъ увлеченіемъ описывалъ я великолѣпную ночь на Средиземномъ морѣ, а затѣмъ всѣ впечатлѣнія Генуи, Ливорно, Пизы, Чивита-Векіи, Рима и Неаполя. Но, вѣроятно, всѣ эти путевыя впечатлѣнія не были напечатаны въ „Современникѣ", куда были отправлены и гдѣ, вѣроятно, въ редакціи пропали. Хотя Италія по сей день жива въ моемъ воображеніи во всю ширину пройденныхъ мною по ней путей, но оставляя многообразное ихъ сплетеніе, буду держаться лишь той стези, изъ которой оглядывающемуся уясняется непосредственное истеченіе дальнѣйшей жизненной судьбы, хотя въ то время невозможно было этого предвидѣть.

Въ настоящую минуту для меня совершенно ясно, что сестра Надя, выступивши лишь на сравнительно короткое время на мой жизненный путь, неизбѣжно наклонила его по новому направленію. Я охотно предоставилъ бы читателю самому придти къ этому убѣжденію еслибы не чувствовалъ жела-

нія извиниться въ молчаніи, съ какимъ намѣреваюсь пройти подробности моего пребыванія на классической, итальянской почвѣ. „Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ", говоритъ Печоринъ Лермонтова. Вотъ разгадка многаго, что со стороны можетъ показаться во мнѣ непростительнымъ чудачествомъ и кривляніемъ. Стоитъ мнѣ заподозрить, что меня преднамѣренно наводятъ на красоту, передъ которою я по собственному побужденію палъ бы во прахъ, какъ уже сердце мое болѣзненно сжимается и наполняется все сильнѣйшею горечью по мѣрѣ приближенія красоты. Желая быть краткимъ, скажу вопервыхъ, что въ грустной и безмолвной Ніобеѣ—Италіи, окруженной грязными и жадными нищими, я не призналъ красавицы - царицы, гордой своими прекрасными дѣтьми, царицы, о которой мнѣ натвердили поэты. Болѣзненное чувство мое, быть можетъ, усиливалось отъ желанія Нади указать мнѣ на окружавшія насъ прелести. Но я долженъ сказать, что безъ настоянія сестры я не увидалъ бы Италіи и притомъ въ такихъ подробностяхъ. Нигдѣ и никогда болѣзненное чувство, о которомъ я говорю, не овладѣвало мною въ такой степени, какъ въ Италіи; но оно проявлялось иногда съ рѣзкостью, о которой въ настоящее время мнѣ стыдно вспоминать. Привожу одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ. Однажды сестра уговорила меня проѣхать и взглянуть на Тиволи.

Самое ненавистное для меня въ жизни—это передвиженіе моего тѣла съ мѣста на мѣсто, и поэтому наиболѣе унынія наводящими словами для меня всегда были: гулять, кататься, ѣхать. Самый рѣзвый рысакъ въ городѣ и самый быстрый поѣздъ желѣзной дороги для меня, превращеннаго при передвиженіи въ поклажу, всетаки убійственно медленны. А тутъ въ холодный осенній день предстояло тащиться за 20 верстъ до Тиволи и обратно, то есть всего 40 верстъ, отданному на жертву римскому извощику съ его черепахой коляской. Тѣмъ не менѣе, по дорогѣ туда мы, свернувши версты на двѣ въ сторону, осмотрѣли развалины знаменитой виллы Адріана; и здѣсь, не взирая на забиравшуюся мнѣ въ душу хандру, я не могъ не любоваться на такой амфитеатръ, какъ Навмахія, и на художественную лѣпную работу потолковъ въ термахъ,

о которой можно бы было подумать, что она только что окончена.

Но вотъ мы добрались до Тиволи, гдѣ, можно сказать, на одномъ пунктѣ соединилась и античная прелесть живописныхъ остатковъ храма Весты, и полукругъ отвѣсныхъ скалъ, у подножія которыхъ темная пасть, именуемая гротомъ Сирены, поглощаетъ кипящую струю Аніо, отвѣсно падающую въ нее съ утеса.

— Какая прелесть! невольно воскликнула сестра, стоя на площадкѣ спиною къ единственной гостинницѣ, примыкающей къ храму Весты.—Здѣсь, прибавила она, есть ослы съ проводниками, и намъ необходимо заказать ихъ, чтобы объѣхать прелестное ущелье Аніо.

— Я нестерпимо озябъ, сказалъ я,—и голоденъ; а видъ этой воды наводитъ на меня лихорадку. Надѣюсь, что здѣсь найдется что-либо утолить голодъ.

Съ этимъ словомъ я вошелъ въ гостинницу, гдѣ слуга понималъ мои желанія, высказанныя по-французски. Черезъ четверть часа въ каминѣ запылали громадные оливковые пни, и въ комнатѣ стало скорѣе жарко, чѣмъ холодно. При этомъ исполнено было мое требованіе, вѣроятно, немало изумившее прислугу, а именно: окна, выходящія на каскадъ, были тщательно завѣшаны суконными одѣялами, такъ что мы обѣдали при свѣчахъ. Нашлась и бутылка шампанскаго Мума, кромѣ котораго и въ Римѣ не было возможности достать другой марки. Враждебно ушедши въ мрачную пещеру своего недоброжелательства, я изъ нея ревниво наблюдалъ всѣ движенія сестры. Я видѣлъ, что она сначала безмолвно слѣдовала за мною во мракъ, но по мѣрѣ того, какъ пещера моя начинала согрѣваться пылающимъ каминомъ и шампанскимъ, сестра все настойчивѣе вела меня за руку къ выходу и къ приготовленнымъ для прогулки осламъ. Конечно, всѣ ея ласкательныя уловки были вполнѣ очевидны; но онѣ были такъ добродушны и любовны, что упрямиться долѣе было бы неблаговоспитанно. Два проводника привели намъ своихъ ословъ; на переднемъ съ дамскимъ сѣдломъ поѣхала сестра по узкой тропинкѣ, справа опоясывающей ущелье Аніо; а сзади пришлось тащиться мнѣ, чувствуя себя тѣлесно и ду-

шевно въ положеніи Санхо-Пансо. Въ одномъ мѣстѣ мой оселъ, вѣроятно, инстинктивно сочувствуя моему упрямству, повалился подо мною на самомъ краю обрыва. Конечно, я въ ту же минуту оперся обѣими ногами о каменную дорогу, такъ что оселъ апатично легъ у меня между колѣнями. Но и этотъ незначительный эпизодъ не ускользнулъ отъ вниманія бокомъ ѣхавшей передо мною сестры. Не успѣлъ я еще переступить черезъ моего осла, какъ, соскочивъ съ сѣдла и блѣдная какъ полотно, Надя была уже подлѣ меня. Въ подобномъ родѣ были всѣ ея уловки водить меня по итальянскимъ и вообще европейскимъ достопримѣчательностямъ.

Откровенно упомянувъ о собственныхъ странностяхъ, не могу пройти молчаніемъ странностей сестры, которыя тогда только удивляли меня, оставаясь до времени неразрѣшимою загадкою.

По пріѣздѣ въ Римъ, мы заняли на видъ весьма порядочную квартиру на via Carrozza, но черезъ нѣсколько дней пришли къ убѣжденію, что оставаться тутъ долѣе невозможно. Рамы въ окнахъ, какъ мы вынуждены были замѣтить, представляли широкія отверстія, въ которыя значительный ноябрьскій холодъ проникалъ безпрепятственно; а то, что носило названіе каминовъ, только наполняло комнаты дымомъ, нимало ихъ не согрѣвая. Къ этому надо прибавить такое количество мучительныхъ насѣкомыхъ, которымъ Моисей при египетскихъ казняхъ могъ бы позавидовать. Между тѣмъ, не помню, какимъ образомъ, но, вѣроятно, за общимъ столомъ Испанской гостинницы, мы неожиданно встрѣтились съ Некрасовымъ и Панаевой. По этому поводу, какъ я послѣ узналъ, Герценъ сказалъ: „Некрасовъ въ Римѣ, то же, что щука въ оперѣ".

Какъ я ни убѣждалъ сестру не безпокоиться разыскивать новую квартиру, говоря, что исполню это лично,—но, когда я отправлялся на поиски, она пускалась въ таковые же. Не желая вдали отъ родины доводить нашу общую кассу до истощенія, я наконецъ отыскалъ, по мнѣнію моему, очень хорошую и удобную квартиру. Тѣмъ временемъ сестра отыскала другую, едва ли болѣе удобную, но гораздо болѣе дорогую на Duo Macelli. Когда послѣ забраковки пріисканной мною квартиры, я вернулся съ новыхъ поисковъ, то къ уди-

вленію моему засталъ сестру въ слезахъ и въ истерическомъ припадкѣ, несогласномъ ни съ ея благоразуміемъ, ни съ ничтожнымъ поводомъ неудовольствія. Въ волненіи я забѣжалъ къ Панаевой и сообщилъ ей о происходящемъ у насъ.

— Да наймите вы нравящуюся ей квартиру, сказала Панаева.

Такъ я и поступилъ, и согласіе наше возстановилось.

На Монте-Пинчіо я встрѣтилъ молодаго поэта Павла Михайловича К—аго, племянника Егора Петровича, о которомъ я говорилъ выше. Онъ представилъ меня своей женѣ, а я его—сестрѣ; и такимъ образомъ мы познакомились. Молодые К—іе были премилые люди; они занимали прекрасное помѣщеніе въ Palazzete Borgese, и у нихъ по вечерамъ можно было застать гостей изъ русской колоніи. Иногда они, взявши четвероместную коляску, приглашали сестру и меня кататься. Такимъ образомъ у насъ завязались самыя дружественныя и непринужденныя отношенія. Я заставлялъ иногда сестру отъ души смѣяться, напоминая ей, какъ въ пріѣздъ мой въ сороковыхъ годахъ въ Петербургъ кирасирскимъ адъютантомъ, я представлялся ея начальницѣ, а та къ вечернему чаю устроила для меня балетъ, въ которомъ корифейкой предстала сестра. Не менѣе смѣялась она, когда я вспоминалъ о нервной, полувоздушной дочери этой директрисы, сердечно любившей мою Надю и вышедшей замужъ за старика сенатора. Не набрасывая никакой тѣни на эти дѣйствительно достойныя всякаго уваженія личности, я только дозволялъ себя выгибать спину, какъ выгибалъ ее почтенный сенаторъ, напоминая венгерца, несущаго за спиною свою аптеку съ элексирами; да представлять съ платкомъ въ рукѣ добрѣйшую его супругу Marie, какъ она потопляетъ носъ свой въ одеколонѣ. Такими глупостями я не разъ уже возбуждалъ смѣхъ сестры. Однажды, сидя въ колясқѣ К—ихъ противу дамъ, я представилъ Marie, нюхающую одеколонъ. На этотъ разъ Надя не разсмѣялась, и я тотчасъ же умолкъ.

Вернувшись домой и проходя черезъ гостиную въ свою комнату, я услыхалъ въ спальнѣ сестры рыданія. Пріотворивши дверь, я нашелъ ее лежащею лицемъ на подушкѣ въ

сильнѣйшей истерикѣ. Конечно, я старался сказать все возможное, чтобы ее успокоить, увѣряя ее честнымъ словомъ не повторять непріятной ей шутки.

Осмотрѣвъ при помощи сестры римскія достопримѣчательности, я не безъ удовольствія разсчитывалъ въ январѣ на болѣе мягкую зиму Неаполя, куда настойчиво меня приглашала сестра. Услыхавъ о нашей поѣздкѣ въ назначенный день, Некрасовъ на тотъ же день взялъ два билета въ каретѣ нашего четвероместнаго дилижанса. Но передъ самымъ выѣздомъ изъ Рима, онъ прислалъ намъ свои два билета, при сожалѣніи, что въ этотъ день выѣхать не можетъ; и такимъ образомъ мы неожиданно очутились съ сестрою единственными обладателями четырехъ мѣстъ, т. е. двухъ банкетокъ по правую и по лѣвую сторону единственной входной двери сзади. Занявъ лѣвую скамейку, я очень радъ былъ за сестру, могущую прилечь, такъ какъ приходилось ѣхать цѣлую ночь до Неаполя. Въ тѣ времена порванной на клоки Италіи, таможенные осмотры мучили путешественниковъ на каждомъ шагу. Такъ ночью, на границѣ, въ Террачино, насъ подняли и привели въ просторную, плохо освѣщенную комнату, гдѣ мы разсѣлись по скамейкамъ вдоль стѣнъ; тогда какъ таможенные неторопливо вскрывали и раскрывали наши чемоданы. Пока мы терпѣливо смотрѣли съ сестрою на эти продѣлки, къ намъ два или три раза подходила, заглядывая въ лица, какая то молодая женщина въ соломенной шляпкѣ, изъ подъ которой волнистый пукъ черныхъ кудрей свисалъ у нея на глаза. Не понимая ея бормотанія, я спросилъ кого-то,—что это за личность? и мнѣ сказали, что это сумасшедшая. Когда осмотръ кончился, мы вновь заняли свои мѣста, и дилижансъ покатилъ изъ Террачино. Ночь, по причинѣ полнолунія, была свѣтла какъ день. На слѣдующей станціи, послѣ перепряжки лошадей, дверка въ карету къ намъ отворилась, и кондукторъ, впустивъ къ намъ какую-то женщину, заперъ портьерку. Не желая будить уснувшую противъ меня сестру шумными объясненіями, я молча указалъ барынѣ, въ которой тотчасъ же призналъ видѣнную сумасшедшую, мѣсто около себя. Она безмолвно и покойно усѣлась въ уголокъ. Тѣмъ не менѣе, не будучи въ состояніи отвѣчать за фантазіи не-

знакомой мнѣ сумасшедшей, я рѣшился не спать всю ночь. Луна ярко озаряла карету, и я раза уже съ два ловилъ себя въ минуту засыпанія. Вдругъ чувствую что-то мягкое и теплое на кисти лѣвой руки; открываю глаза и вижу, что молодая женщина, припавши губами къ моей рукѣ, восторженно ее цѣлуетъ. Тихо высвободивши руку, я сказалъ своей сосѣдкѣ: „Dormire", — и она успокоилась. Передъ разсвѣтомъ успокоился и я, такъ какъ кондукторъ вывелъ довольно красивую спутницу изъ кареты.

Мы приближались къ Неаполю, и прямо противъ меня, т. е. по правую сторону отъ дилижанса, засинѣла морская даль. Поднялась и сестра на своей банкеткѣ, и словно кто-нибудь сталъ приглашать меня любоваться всемірной красотой Неаполитанскаго залива. Я какъ бы ничего не замѣчая, перешелъ на пустое мѣсто около сестры и такимъ образомъ очутился спиною къ морю.

По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, все чаще попадались высокія оливы, подымавшія къ небу свои зимніе, безлиственные сучья.

— Должно быть скоро пріѣдемъ, замѣтилъ я сестрѣ; — какія попадаются прекрасныя *виллы*.

Но вотъ по гололедицѣ мы вкатили въ Неаполь и тотъчасъ же были окружены нищими всевозможныхъ видовъ.

Остановившись на сутки въ Hôtel de France, мы, наученные опытомъ, наняли понедѣльно прекрасное помѣщеніе на Кіайѣ, съ видомъ на бульваръ и на заливъ. Насъ отлично кормили изъ ближайшаго французскаго ресторана. Конечно, мы ревностно принялись за осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей Неаполя и его окрестностей. Полагаю, что по части древней домашней утвари Неаполитанскій музей не имѣетъ себѣ равнаго. Осмотрѣли мы и Помпею и обѣдали въ ея ресторанѣ, содержимомъ бывшею русскою горничною, вышедшею замужъ за итальянскаго повара, и пили знаменитое Lacrima Cristi, которое въ сущности несравненно хуже нашего шипучаго Донскаго.

Словомъ сказать, жизнь наша въ Неаполѣ шла не безъ интереса; и даже, когда по захожденіи солнца холодный вѣтеръ начиналъ проникать съ залива въ окна, мы ютились у

единственнаго камина гостиной, который старались жарко растопить.

Однажды мы собрались осмотрѣть Сольфатару съ ея сѣрными испареніями, и съ этою цѣлью наняли извощика, который вдоль Кіайи повезъ насъ къ знаменитому тоннелю, носящему названіе грота Позилипа. Направо отъ въѣзда въ гротъ оказалась небольшая часовня, изъ которой, какъ бы заступая намъ дорогу, вышелъ черный монахъ. Вѣроятно, при множествѣ въ Италіи подобныхъ личностей, я бы даже не обратилъ на него вниманія, еслибы сестра не сказала мнѣ.

— Это геттатура (колдунъ - портильщикъ). Дай ему что-нибудь.

— Вѣдь умѣлъ же человѣкъ, подумалъ я, застращать людей въ свою пользу. — И въ доказательство свободомыслія, проѣхалъ геттатуру, не раскрывая кошелька. Въ скорости за Позилипомъ дорога къ Сольфатарѣ подымается въ гору, и коляска наша поневолѣ подвигалась шагомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался многорѣчивый туземецъ, равняясь съ нами по окраинѣ дороги и объявляя, что онъ проводникъ и говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Не смотря на наши заявленія, что намъ никакого проводника не надо, болтунъ не переставалъ передавать намъ о знатныхъ путешественникахъ, которымъ онъ служилъ проводникомъ, и при этомъ пояснялъ и намъ, что вотъ эта дорога подымается въ гору, и что скоро на ней будетъ площадка, гдѣ можно дать вздохнуть лошадямъ и выдти изъ коляски, если угодно. Когда, выйдя изъ коляски, мы стали восходить на новое возвышеніе пѣшкомъ, нестерпимый болтунъ продолжалъ трещать за нами, не взирая на многократныя мои заявленія, что намъ никакого гида не надо.

— Боже мой, какъ надоѣлъ! Прогони ты его, сказала сестра по русски.

Чтобы избавиться отъ нахала, я подалъ два франка, прося его уйти. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— „Этого мало“.—Тогда уже я такъ крикнулъ на него, что онъ ушелъ.

Конечно, мы не дозволили тащить несчастную и тощую собаку на обмираніе въ такъ называемую Собачью пещеру.—

чѣмъ люди не промышляютъ! Но намъ пришлось проходить вдоль цѣлаго ряда кирпичныхъ сараевъ, въ отверстіяхъ которыхъ, какъ это бываетъ всюду, нерѣдко въ четвероугольныхъ ящикахъ (творилахъ), распускается известь. Чтобы предохранить растворъ отъ случайнаго сора, его нерѣдко сверху густо засыпаютъ пескомъ, такъ что для неопытнаго глаза представляется прекрасная песчаная площадка, весьма удобная для переходовъ. Не успѣлъ я еще разсмотрѣть творила, какъ проворная и любопытная Надя уже на него ступила и пронзительно вскрикнула. Въ мгновеніе ока я выхватилъ ее, поймавъ за лѣвую руку; тѣмъ не менѣе правый ея ботинокъ вмѣстѣ съ половиною чулка былъ покрытъ растворомъ извести. Къ счастію, подлѣ оказался кирпичникъ, который, свернувъ пуки соломы, тщательно отеръ намоченную ногу. Конечно, мы въ ту же минуту, насколько было возможно спѣшно, воротились домой. Однако непріятное приключеніе это не обошлось даромъ. Въ тотъ же вечеръ, не взирая на пылающій каминъ, сестра почувствовала ознобъ и въ первый разъ пожаловалась на спинную боль, отъ которой поѣхала лѣчиться два года тому назадъ заграницу. Къ утру однако ей стало лучше, и румянецъ снова заигралъ на ея щекахъ. Опытный однако былъ человѣкъ, пустившій пословицу „пришла бѣда, растворяй ворота". Сколько разъ приходилось мнѣ испытывать это въ жизни.

Казалось, сама Неаполитанская зима, принявшая насъ такъ благосклонно, озлобилась на насъ въ свою очередь. Невыносимо холодный, чтобы не сказать бурный, вѣтеръ задулъ съ моря въ неплотныя рамы балконовъ и въ то же время не дозволялъ растапливать камина, наполняя комнаты дымомъ. Я крѣпился до послѣдней возможности, видя въ то же время, что и сестра геройски переноситъ страданія. Но, наконецъ, я подумалъ: „всякое геройство имѣетъ цѣну, лишь когда жертвой искупается нѣчто болѣе высокое и цѣнное; но безцѣльное мученіе, не достигая геройства, заслуживаетъ инаго названія.

— Надя, сказалъ я, едва не плача отъ холода,—долго ли намъ такъ мучиться подъ благорастворенным небомъ Неаполя? Нельзя ли бѣжать къ голландскимъ печамъ въ Россію?

Мы узнали, что пароходъ изъ Неаполя въ Марсель уходитъ на другой день.

— Ѣдемъ завтра! воскликнулъ я.

— Очень рада, отвѣчала Надя, но бѣда въ томъ, что все мое бѣлье у прачки, и едва ли оно готово.

Приказано было прачкѣ принесть мокрое бѣлье и, навязавши изъ него въ простыни узловъ, мы на другой день отправились съ нимъ на пароходъ, отходившій въ Марсель. Не смотря на всѣ усилія наши провѣтривать его, бѣлье прибыло въ Парижъ горячимъ. На этотъ разъ мы оставались въ Парижѣ недолго. Зима гнала насъ и отъ французскихъ каминовъ, какъ прогнала отъ итальянскихъ. Тургенева въ его rue de l'Arcade я засталъ въ нѣсколькихъ шинеляхъ за письменнымъ столомъ. Не понимаю, какъ возможна умственная работа въ такихъ доспѣхахъ! Узнавъ отъ него о прибытіи семейства Віардо на зиму въ Парижъ, я отправился къ нимъ съ визитомъ въ собственный ихъ домъ Rue de Douai, 50. Надо отдать полную справедливость мадамъ Віардо по отношенію къ естественной простотѣ, съ которою она умѣла придавать интересъ самому будничному разговору, очевидно, тая въ своемъ распоряженіи огромный арсеналъ начитанности и вкуса.

Прочитавши объявленіе о концертѣ, въ которомъ кромѣ квартета было нѣсколько номеровъ пѣнія мадамъ Віардо, мы съ сестрою отправились въ концертъ. Не могу въ настоящее время сказать, какого рода была концертная зала, но, безъ сомнѣнія, она принадлежала учебному заведенію, такъ какъ публика занимала скамейки съ пюпитрами, восходившими амфитеатромъ. Мы съ сестрою сидѣли впереди скамеекъ на стульяхъ у самаго концертнаго рояля. Во все время пѣнія Віардо, Тургеневъ, сидящій на передней скамьѣ, склонялся лицемъ на ладони съ переплетенными пальцами. Віардо пѣла какія-то англійскія молитвы и вообще піесы, мало на меня дѣйствовавшія, какъ на не музыканта. Афиши у меня въ рукахъ не было, и я проскучалъ за непонятными квартетами и непонятнымъ пѣніемъ, которыми видимо упивался Тургеневъ. Но вдругъ совершенно для меня неожиданно мадамъ Віардо подошла къ роялю и съ безукоризненно

чистымъ выговоромъ запѣла: „Соловей мой соловей“. Окружающіе насъ французы громко аплодировали, что же касается до меня, то это неожиданное мастерское, русское пѣніе возбудило во мнѣ такой восторгъ, что я вынужденъ былъ сдерживаться отъ какой-либо безумной выходки.

Но пора было намъ бѣжать въ Россію, и мы почти безъ оглядки проѣхали до Дрездена, гдѣ сестра захотѣла и передохнуть, и походить по картинной галлереѣ. Еще во Франкфуртѣ я запасся для сестры мѣховою шубою, зная, что мы подвигаемся къ нашимъ родимымъ снѣгамъ и морозамъ. Не смотря на сравнительно молодыя лѣта, мы какъ то чувствовали съ сестрою, что пѣсенки наши спѣты. Въ 36 лѣтъ въ чинѣ поручика гвардіи, я не могъ разсчитывать на блестястящую служебную карьеру. Точно также, зная образъ мыслей сестры, я не могъ ожидать, чтобы она скоро оправилась отъ испытаннаго потрясенія. Вслѣдствіе всего этого, между нами установился планъ недалекаго будущаго, гдѣ я долженъ былъ вернуться въ наши родовыя Новоселки и, принявши ихъ въ свое управленіе, присоединить къ общей нашей жизни проценты съ небольшаго моего капитала, находившагося большею частію у братьевъ на рукахъ. Мы оба не знали, что завѣдывавшій Новоселками зять нашъ Александръ Никитичъ вмѣстѣ съ женой своей—сестрой нашей Любинькой—оставили на эту зиму свое болѣе отдаленное отъ Мценска имѣніе Ивановское и поселились въ Новоселкахъ за 7 верстъ отъ Мценска. Конечно, въ нашихъ общихъ съ Надею планахъ не было ничего блестящаго или привлекательнаго, за исключеніемъ нашей дружбы; но если человѣку суждено жить, то жить необходимо извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Дрездена, сестра довольно рано ушла въ свою комнату и легла въ постель, ссылаясь на нестерпимую, спинную боль. Черезъ полчаса, согласно нашему общему желанію, явилась на цѣлую ночь прекрасно одѣтая пожилая женщина въ безукоризненно бѣломъ чепцѣ и стала самымъ усерднымъ образомъ растирать больную и предупреждать всѣ ея малѣйшія желанія. Поутру я умолялъ сестру отложить на нѣсколько дней нашъ отъѣздъ; но она, утверждая, что чувствуетъ себя совершенно здоровой, настояла на

отъѣздѣ. Сидѣлка, не смыкавшая глазъ во всю ночь, вновь уложила всѣ растегнутые чемоданы и, получивши талеръ, ушла совершенно довольная.

Въ Варшавѣ мы пробыли весьма недолго; но такъ какъ внутри имперіи желѣзныхъ дорогъ въ то время не существовало, и мы кратчайшимъ путемъ вздумали пробраться черезъ Кіевъ, гдѣ надѣялись отдохнуть у нашего родственника, ректора университета, Матвѣева, то пришлось заводиться для брестскаго шоссе колеснымъ экипажемъ. Къ счастію, мнѣ пришлось купить весьма укладистый и совершенно покойный крытый тарантасъ. Но за Брестомъ начиналась уже настоящая снѣжная зима, и пришлось становить тарантасъ на полозья. Кому довелось на вѣку таскаться на почтовыхъ зимою по жидовскимъ трактамъ, — пойметъ нетерпѣніе, съ какимъ я стремился довезти свою бѣдную Надю до Кіева. Когда Матвѣевъ узналъ о нашемъ пріѣздѣ, то тотчасъ настоятельно пригласилъ насъ къ себѣ и прислалъ свой экипажъ.

И въ Кіевѣ, гдѣ мы пробыли три дня, окруженные самой изысканной любезностью Матвѣева, Надя снова, какъ я впослѣдствіи узналъ, захворала, хотя и не показывала виду. Но вотъ опять пришлось пускаться по океану снѣговъ и ухабовъ. Наконецъ добрались мы до родимаго города Мценска, и здѣсь тарантасъ нашъ остановился противъ постоялаго двора съ вольными ямщиками, такъ какъ приходилось сворачивать съ почтоваго тракта за 7 верстъ въ Новоселки. Пошла такъ называемая вольная ряда; вмѣсто даже двойныхъ прогоновъ, представляющихъ 1 рубль 26 коп., съ насъ запросили 10 руб. Вокругъ тарантаса поднялся неописанный шумъ и перебранки; на порогѣ, можно сказать, собственнаго дома, сестра, такъ геройски вытерпѣвшая всѣ дорожныя мученія въ теченіи многихъ сутокъ, наконецъ не выдержала:

— Боже! что же это такое? воскликнула она, закрывая лицо руками и съ истерическимъ рыданіемъ бросаясь на переднюю скамейку тарантаса.

Конечно, я отдалъ ямщикамъ все, что они просили, лишь бы они тотчасъ запрягли.

Снѣга въ этомъ году были весьма глубокіе, и мы шагомъ протащились всѣ 7 верстъ до самаго лѣса, за которымъ скры-

вается Новосельская усадьба. Вотъ проѣхали уже и лѣсъ. и до усадьбы остается не болѣе 80-ти саженей, а лошади снова остановились въ ухабѣ.

— Не дойти ли намъ до дому пѣшкомъ? сказалъ я.

— Конечно, всего лучше, отвѣтила Надя.

Я подалъ ей руку, и мы направились къ крыльцу дома.

— Желаю тебѣ счастливаго прибытія въ Новоселки, сказала Надя. И черезъ пять минутъ мы уже всходили на крыльцо.

Можно себѣ представить изумленіе и восклицанія сестры и зятя, совершенно неожидавшихъ нашего пріѣзда. Когда все мало по малу успокоилось, сестры переговорили между собою о новомъ планѣ нашего водворенія. Справедливость требуетъ сказать, что сестрѣ Любинькѣ планы эти крайне не нравились, такъ какъ ей предстояло отправляться въ свое Ивановское. Я, конечно, во всѣ эти переговоры не вмѣшивался, зная безъ того, что Надя не изъ числа способныхъ поддаться первымъ чужимъ убѣжденіямъ.

Къ неожиданностямъ, встрѣтившимъ насъ въ Новоселкахъ, присоединилось на другой день и внезапное появленіе И. П. Борисова, котораго мы считали продолжающимъ службу въ Куринскомъ полку на Кавказѣ. Онъ очень исхудалъ и жаловался на привезенную имъ изъ Малой Азіи лихорадку. Какъ человѣкъ, съ малолѣтства свой въ нашемъ домѣ, онъ былъ чрезвычайно естественъ, не смотря на нѣкоторую затаенную грусть. Къ вечеру онъ уѣхалъ домой, говоря, что такъ какъ онъ на тройкѣ, то надо пользоваться вечернимъ холодкомъ, потому что вдругъ стало очень таять, и днемъ тройкою ѣхать затруднительно.

На слѣдующій день, когда мы собрались въ столовой къ утреннему самовару, Надя явилась съ виду совершенно здоровая и веселая.

— Отчего бы, сказала она мнѣ,—тебѣ не навѣстить сего дня бѣднаго Ивана Петровича, который такъ тебя любитъ, что больной, не взирая на дурную дорогу, сейчасъ же явился.

Не берусь рѣшить, было ли въ этихъ словахъ только участіе къ больному Борисову, или въ то же время желаніе удалить меня во время переговоровъ съ зятемъ.

7 Заказ 116

— Alexandre! спросила Надя.—На чемъ же братъ поѣдетъ?

— Сдѣлайте милость, вмѣшался я,—мнѣ никого не нужно. По дурной дорогѣ всего лучше въ розвальняхъ, безъ кучера, такъ какъ я тутъ всякую лощинку знаю. Была бы добрая лошадь, это главное.

— На что-жъ тебѣ надежнѣе Звѣздочки, замѣтилъ Александръ Никитичъ.

— А, старая знакомая! воскликнулъ я.—Очень радъ!

Часовъ въ одиннадцать Звѣздочка, запряженная въ розвальни, подмощенныя соломой, укрытою ковромъ, была у крыльца. А не прошло и часа, какъ я, въѣхавъ въ ворота широкаго Фатьяновскаго двора и завернувъ налѣво за уголъ низменнаго пустаго, деревяннаго дома съ закрытыми ставнями, остановился передъ крылечкомъ небольшаго, сравнительно новаго флигеля. Флигель состоялъ изъ сѣней и двухъ комнатъ: первая играла роль гостиной и столовой, а вторая была кабинетомъ, въ концѣ котораго за перегородкой помѣщалась кровать Борисова.

Я засталъ Борисова въ гостиной сидящимъ въ креслахъ передъ слегка пылающимъ каминомъ въ старомъ военномъ пальто и въ турецкихъ туфляхъ. Повернувшись спиною къ выходившимъ на дворъ окнамъ, онъ, повидимому, былъ углубленъ въ чтеніе какой-то исторической книги, до которыхъ былъ большой охотникъ. Встрѣтилъ меня и все время прислуживалъ намъ factotum Борисова — Иванъ Өедоровичъ, бывшій все время пребыванія Борисова на службѣ полновластнымъ управляющимъ Фатьянова, а теперь съ особенною ревностью слѣдившій затѣмъ, чтобы каждое наше желаніе было предупреждено. Весьма красивая и молодая жена 50-лѣтняго Ивана Өедоровича, при замѣтномъ стремленіи къ полнотѣ, смахивала скорѣе на барыню, чѣмъ на прислугу, что̀ не мѣшало ей съ своей стороны ревностно стараться о комфортѣ Ивана Петровича. Борисовъ любилъ покушать, и вниманіе къ столу велось еще отъ покойной его матери. У нашего отца въ Новоселкахъ было всегда пять-шесть поваровъ, готовившихъ поочередно; всѣ они учились по знаменитымъ московскимъ кухнямъ, а Фатьяновскіе повара были ихъ учениками.

Конечно, при появленіи моемъ историческое чтеніе было забыто, и мы, не смотря на мучительное желаніе подѣлиться чувствами, оба ходили долго все вокругъ да около, изъ опасенія какой-либо неумѣстной неловкости.

Если влюбленные, по словамъ Шекспира, составлены изъ одного воображенія, и ихъ можно причислить къ безумцамъ, то всѣ эти качества съ добавкою отчаянной ненасытности еще сильнѣе у несчастнаго-влюбленныхъ. Только этимъ объяснется легкость, съ которою кокетка успѣваетъ завѣрить влюбленнаго въ очевидно несбыточномъ. Надо было видѣть счастіе Борисова, когда я объявилъ ему, что сестра прислала меня его навѣстить. Хотя я зналъ, что такой отрадный глотокъ воды со льдомъ только пуще распалитъ жажду страждущаго, но не могъ удержаться не освѣжить его хоть на минуту этимъ глоткомъ. Конечно, вслѣдъ затѣмъ поднялись самыя несбыточныя мечтанія и просьбы о помощи, къ какимъ онъ меня давно пріучилъ въ своихъ письмахъ. Начались распросы обо всемъ, касающемся матеріальной, а главнымъ образомъ нравственной стороны жизни Нади.

Зная желѣзную выносливость этого неустрашимаго человѣка, я, послѣ долгаго колебанія, рѣшился произвести надъ нимъ вивисекцію, подрѣзавъ въ сердцѣ его любовь подъ самый корень.

Во время всего моего подробнаго разсказа про Эрбеля, Борисовъ сидѣлъ неподвижно, глядя на догорающіе въ каминѣ уголья. Когда я кончилъ, онъ поднялъ на меня свои черныя, густыя рѣсницы, на которыхъ мелькали слезинки, и произнесъ вполголоса:

— Спасибо, братъ, что ты мнѣ объ этомъ разсказалъ. Я сейчасъ же поѣду, разыщу и убью его.

— Да я даже не знаю, гдѣ онъ въ настоящее время, отвѣчалъ я.

— Это уже мое дѣло; отвѣчалъ Борисовъ, и притомъ единственное, которое остается.

Въ распросахъ и посильныхъ отвѣтахъ прошелъ день, и когда въ сумерки подали самоваръ, Борисовъ сталъ гнать меня домой.

— Какъ ты можешь такъ беззаботно оставлять ее одну?

Ее надо успокоить, а ее тамъ только больше разстроятъ. Поѣзжай, сейчасъ же поѣзжай домой!

— Нѣтъ, любезный другъ, ужь позволь мнѣ переночевать у тебя. Дорога отвратительная, и ты знаешь, что Надя помѣстилась на антресоляхъ, въ спальной покойной матери, а я живу въ старомъ флигелѣ. Поэтому, сплю ли я тамъ или здѣсь—совершенно безразлично.

Фатьяново, по случаю давняго отсутствія владѣльца, долѣе другихъ имѣній сохранило преданія старины. Грибки, соленья, варенья, наливки, пастилы тамъ сохранили старинное достоинство, и, конечно, мнѣ для ночлега взбили такія перины, на какихъ давно мнѣ спать не приходилось.

Когда я поутру проснулся, Иванъ Петровичъ давно уже въ азіатскихъ чивякахъ неслышно шагалъ по комнатамъ, явно поджидая моего пробужденія; и первымъ его словомъ было:

— Ну вставай и скорѣе собирайся домой.

— Сейчасъ поѣду, но дай же хоть стаканъ кофею выпить, благо я слышу, какъ въ передней кипитъ самоваръ.

Умывшись и одѣвшись наскоро, я не успѣлъ еще налить себѣ стакана кофею, какъ Борисовъ, взглянувъ въ окно, воскликнулъ:

— Это посланный отъ васъ! Недаромъ сердце мое чуяло бѣду.

Черезъ минуту прошедшій черезъ дворъ посланный изъ Новоселокъ передалъ мнѣ въ передней записку отъ Любиньки слѣдующаго содержанія:

„Съ Надинькой происходитъ что-то необычайное. Она говоритъ Богъ знаетъ что; мы совершенно растерялись. Пріѣзжай поскорѣе“.

Пожавши крѣпко руку Борисова, я въ десятомъ часу утра былъ уже дома. Въ передней встрѣтила меня плачущая Любинька словами:

— Посмотри что̀ съ Надей: je crois, qu'elle a perdu l'esprit.

Съ самымъ преднамѣреннымъ равнодушіемъ вошелъ я въ первую комнату на антресоляхъ, бывшую кабинетомъ Нади. Никогда не видалъ я ее болѣе блестящей и прекрасной. Темные волосы были тщательно убраны; преувеличенные карie глаза горѣли фосфорическимъ блескомъ; нѣжный румя-

нецъ игралъ на щекахъ; и въ бѣломъ, широкомъ капотѣ она сидѣла передъ письменнымъ столомъ, на которомъ лежала бумага большаго формата.

— Здравствуй Надя! сказалъ я входя.

На зовъ мой взоръ ея разомъ сверкнулъ, какъ чаша темнаго вина отъ неосторожнаго толчка.

— Не мѣшай, не мѣшай мнѣ! воскликнула она.—Я занята.

Взглянувъ на крупное заглавіе большаго листа, я прочелъ: „*Аріадна, драма въ пяти дѣйствіяхъ*“.

Это совершенно несвойственное Надѣ авторство, необычайно яркій цвѣтъ ея лица и блескъ глазъ сразу высказали мнѣ убійственную истину. Бѣдное дитя не выдержало всѣхъ потрясеній. Передо мною сидѣла прелестная и безумная Надя.

— Надя! сказалъ я, насколько возможно убѣдительно. У тебя, дружекъ, лихорадка и тебѣ слѣдуетъ отдохнуть. Лягъ въ постель и, если хочешь, я тебѣ почитаю.

Долго не соглашалась она на всѣ мои просьбы, но наконецъ встала и пошла въ свою спальню. Минутъ черезъ десять, показавшихся мнѣ цѣлою вѣчностью, я слегка пріотворилъ половинку двери, чтобы взглянуть на происходившее въ спальнѣ. Я сдѣлалъ это крайне тихо и осторожно, полагая, что больная въ волненіи своемъ и не замѣтитъ моей продѣлки. Но едва мой зрачекъ увидалъ ее стоящею во весь ростъ на постели, какъ, обративъ глаза къ двери, за которою я таился, она пронзительно взвизгнула и бросилась въ постель. Видя, что мое присутствіе дѣйствуетъ на нее раздражительно, я передалъ Любинькѣ и женщинамъ уходъ за больной. Черезъ часъ пріѣхалъ Борисовъ, и, вмѣстѣ съ зятемъ моимъ Александромъ Никитичемъ, мы составили домашній совѣтъ и рѣшили безотлагательно везти больную въ Орелъ къ тамошнимъ врачамъ. Такимъ образомъ мой варшавскій крытый тарантасъ опять сослужилъ службу и довезъ больную до Мценска и по шоссе до Орла. Здѣсь лучшимъ докторамъ города—Кортману и инспектору врачебной управы Майделю, рѣзавшимъ ногу покойному отцу,—пришлось снова брать на свои руки и дочь. Мѣсяцъ продолжались безполезныя попытки облегчить страданія больной. Являлся между прочимъ и женатый братъ мой Василій, чтобы хотя глазкомъ

взглянуть за тяжелый коверъ, служившій портьерой, въ комнату сестры. Впослѣдствіи я узналъ, что степень ненависти душевно больныхъ почти всегда равняется степени ихъ привязанности къ данному лицу въ здоровомъ ихъ положеніи. Но нервная чуткость ихъ въ данномъ случаѣ изумительна. Когда бы бѣлокурый и круглолицый братъ Василій однимъ глазомъ ни заглянулъ за портьеру сестриной комнаты, какъ та уже вскрикивала:

— Медуза! Медузища противная!

Инспекторъ врачебной управы докторъ Майдель, бывшій потомъ въ Петербургѣ начальникомъ Физиката, оказался моимъ школьнымъ товарищемъ въ Верро, гдѣ я просидѣлъ съ нимъ рядомъ за столомъ три года. Однажды, захвативши меня за завтракомъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Послушайте моего совѣта: тратите вы здѣсь деньги и время, а мы этого дѣла совершенно не понимаемъ. Отвези ты больную въ Москву. Тамъ есть знаменитые психіатры, какъ, напримѣръ, докторъ Саблеръ.

Убѣжденный Майделемъ, я всетаки долженъ былъ отложить на нѣсколько дней отъѣздъ въ Москву: до прибытія изъ Новоселокъ большой четвероместной кареты, безъ которой везти больную, при ея нервномъ возбужденіи, было бы слишкомъ затруднительно. Наконецъ карету привезли и, забравши съ собою небогатую дворянку, часто проживавшую въ прежнее время въ Новоселкахъ и даже мою крестницу, да на помощь ей горничную,—я повезъ больную по открывшемуся шоссе. Какъ ни затруднительно было на неисправныхъ почтовыхъ везти до крайности буйную больную, которая, не взирая на связанныя руки и ноги, лежа на заднемъ сидѣньи и упираясь ногами въ стѣнку кареты,—старалась разломить послѣднюю,—наконецъ мы добрались до переѣзда черезъ Оку подъ Серпуховымъ. Тутъ оказалось непреодолимое препятствіе. Взломанный половодьемъ ледъ стоялъ на рѣкѣ громадной чешуею и, не трогаясь внизъ, дѣлалъ всякое сообщеніе между берегами невозможнымъ. Не было другаго средства, какъ, отыскавъ на постояломъ дворѣ квартиру, остановиться въ ней на неопредѣленное время. Не успѣли мы расположиться на ночлегъ, какъ объявилась новая бѣда: угаръ,

отъ котораго мы спаслись только благодаря нервной безсонницѣ сопровождавшей насъ молодой дѣвушки. Когда она разбудила меня отъ несомнѣнно предсмертнаго сна, я и слуга нашъ отдѣлались страшною головною болью, тогда какъ больную и горничную мы замертво вынесли въ карету. На другой день, къ счастію, мы узнали, что ледъ идетъ, и къ обѣду устроится переправа на баркѣ. Конечно, я сдѣлалъ все, что можно сдѣлать за деньги, для ускоренія переправы и любовался примѣрной отвагой и мастерствомъ перевощиковъ, предупреждавшихъ удары льдинъ въ служившую паромомъ барку. Люди эти, упирая въ багры, стояли не на баркѣ, а на подплывающей льдинѣ и, проводивъ одну, тутъ же переходили постепенно на другую. — И такъ до противоположнаго берега.

Но вотъ наконецъ мы въ Москвѣ, на Тверской, въ бывшей гостинницѣ Шевалдышева. Знаменитый психіатръ Вас. Ѳед. Саблеръ оказался по отношенію къ бѣдной Надѣ не только искуснымъ врачемъ, но и любящимъ отцемъ. Осмотрѣвъ больную, онъ посовѣтовалъ сдать ее на Басманную, въ заведеніе Вас. Ив. Красовскаго, обѣщавъ лично слѣдить за ходомъ лѣченія. Помѣстивъ больную у Красовскаго, я тутъ же черезъ два дома нанялъ довольно удобную квартиру, куда ко мнѣ въ скоромъ времени пріѣхалъ и Иванъ Петровичъ Борисовъ, продолжавшій и въ Москвѣ страдать неотвязной малоазіатской лихорадкой. Посѣщалъ его и истощалъ надъ нимъ все свое искусство знаменитый Александръ Ивановичъ Оверъ. Чего-чего ни заставлялъ онъ глотать бѣднаго Борисова, и все понапрасну. И вотъ какъ воспитывавшіеся на той же голубятнѣ и разогнанные житейскими бурями въ разныя стороны голуби, мы съ помятыми крыльями снова собрались подъ одинъ и тотъ же карнизъ, грустно бормоча о дняхъ давно минувшихъ.

За двѣнадцать лѣтъ, проведенныхъ мною внѣ Москвы, всѣ мои добрые знакомые, и литературные, и не литературные, изъ нея исчезли. Калайдовичевыхъ, Глинокъ, Павловыхъ, семейства Герцена, прелестной четы Полуденскихъ— въ Москвѣ болѣе не было: они невозвратно исчезли. Захотѣлось мнѣ навѣдаться, не застану ли я попрежнему на

Маросейкѣ В. П. Боткина—во флигелѣ, памятномъ столь многимъ литераторамъ,—во флигелѣ, куда меня ввелъ покойный Ник. Ант. Ратынскій, когда мы оба еще были студентами, и гдѣ я въ первый разъ увидалъ Ал. Ив. Герцена. Я зналъ, что В. П. Боткина, живущаго то въ Петербургѣ, то заграницей, застать дома трудно. Но на этотъ разъ мнѣ посчастливилось, и мы встрѣтились, какъ давнишніе хорошіе пріятели. Во время оно я часто бывалъ у Василія Петровича во флигелѣ, но ни разу не бывалъ въ большомъ Боткинскомъ домѣ. Будучи на этотъ разъ въ духѣ, Василій Петровичъ объяснилъ мнѣ, что, согласно завѣщанію покойнаго ихъ отца, онъ состоитъ однимъ изъ четырехъ членовъ Боткинской фирмы и такимъ образомъ однимъ изъ хозяевъ дома. Покойный П. К. Боткинъ, оставившій по смерти своей дѣла въ порядкѣ и далеко не огромный капиталъ, съ необыкновеннымъ тактомъ, оправдавшимся впослѣдствіи, безобидно для всѣхъ членовъ семьи, изъ числа девяти сыновей назначилъ членами фирмы только четырехъ: двухъ отъ перваго и двухъ отъ втораго брака. Сочувственно выслушавъ и о моихъ семейныхъ невзгодахъ, Василій Петровичъ, узнавъ, что у меня никого не осталось въ Москвѣ знакомыхъ, пригласилъ меня въ тотъ же день къ семейному обѣду. Изо всѣхъ членовъ фирмы, наиболѣе очевидными представителями дома являлись меньшой братъ Петръ съ своею женою. Кромѣ этого, къ столу явились: младшая сестра Боткиныхъ Марья Петровна и двоюродная ихъ сестра, весьма характерная и красивая брюнетка. Даже самый ненаблюдательный человѣкъ не могъ бы не замѣтить того вліянія, которое Василій Петровичъ незримо производилъ на всѣхъ окружающихъ. Замѣтно было, что насколько всѣ покорялись его нравственному авторитету, настолько же старались избѣжать рѣзкихъ его замѣчаній, на которыя онъ такъ же мало скупился въ кругу родныхъ, какъ и въ кругу друзей. Кромѣ того, всѣ только весьма недавно испытали его педагогическое вліяніе, такъ какъ, вліяя въ свою очередь и на покойнаго отца своего, Василій Петровичъ младшихъ братьевъ провелъ черезъ университетъ, а сестрамъ нанималъ на собственный счетъ учителей, по предметамъ, знаніе которыхъ считалъ необходимымъ. Быть можетъ же-

ланіе угодить Василію Петровичу, представившему меня въ качествѣ стариннаго своего пріятеля, было отчасти причиною любезности, съ которою отнеслись ко мнѣ всѣ члены семейства, прося меня во всякое время приходить запросто къ обѣденному столу.

Наступила Страстная недѣля, и Боткины пригласили меня къ Пасхальной заутренѣ и къ разгавливанью. Вслѣдствіе такого приглашенія, я отправился съ вечера отдохнуть во флигель Василія Петровича, приказавъ слугѣ принести мнѣ полную форму и три заказанныхъ букета цвѣтовъ. Василій Петровичъ, не взирая на свой скептицизмъ, съ восторгомъ выстаивалъ торжественную службу Свѣтлаго Воскресенія. Дѣйствительно, при яркомъ внутреннемъ и наружномъ освѣщеніи богатой московской церкви и дорогомъ хорѣ пѣвчихъ, служба отличалась полной торжественностью. Затѣмъ всѣ отправились къ пасхальному столу, на которомъ стояли передъ дамами поднесенные мною букеты.

Памятна мнѣ во всѣхъ подробностяхъ небольшая сцена на другой или третій день праздниковъ, о которой не могу и понынѣ вспомнить безъ улыбки. Между залой съ накрытымъ обѣденнымъ столомъ и гостиной, въ небольшой диванной была приготовлена закуска, къ которой приглашали гостей. Помню, что черезъ залу прошелъ Аполлонъ Григорьевъ въ новой съ иголочки черной венгеркѣ со шнурами, басономъ и костыльками, напоминавшей боярскій кафтанъ. На ногахъ у него были ярко вычищенные сапоги съ высокими голенищами, вырѣзанными подъ колѣнями сердечкомъ. Когда Григорьевъ въ свою очередь ушелъ въ дверь диванной, чтобы раскланяться съ хозяйкой,—сидѣвшая въ концѣ залы на паркетѣ годовая дѣвочка, дочь хозяйки дома, вдругъ поднялась на ножки и, смотря вслѣдъ Григорьеву, закивала головой, подымая правую рученку ко лбу.

— Посмотрите, посмотрите! смѣясь воскликнулъ Василій Петровичъ: Надя-то молится вслѣдъ Григорьеву; она сочла его за священника. Дѣйствительно, продолжалъ Василій Петровичъ, такіе сапоги носитъ старое купечество, хотя въ нихъ собственно ничего нѣтъ русскаго. Это принадлежность костюма восемнадцатаго вѣка, и консерватизмъ выражается

вѣрностью старинной модѣ. То, что было когда то знаменемъ неудержимаго франтовства, стало теперь эмблемою степенства".

Въ подтвержденіе справедливаго замѣчанія Василія Петровича, я вспомнилъ франтоватыхъ молодыхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ въ Новоселки въ двадцатыхъ годахъ, именно въ высокихъ сапогахъ, въ какихъ изображаютъ Александра Перваго.

Не дожидаясь конца Святой недѣли, Василій Петровичъ быстро собрался и уѣхалъ заграницу, еще разъ поручивъ меня вниманію своего семейства.—„Чѣмъ въ одиночествѣ то скучать, говорилъ онъ мнѣ,—отчего вамъ не приходить въ домъ, гдѣ вамъ всѣ рады".

По большому числу членовъ семейства, достигшихъ зрѣлости, Боткинскій домъ въ ту пору можно было сравнить съ большимъ комодомъ, вмѣщающимъ отдѣльные закоулки и ящички. Однимъ изъ такихъ закоулковъ были три комнаты на антресоляхъ, занимаемыя Марьей Петровной и ея роялемъ. Туда къ ней собирались въ извѣстные дни знакомыя ей дѣвицы, большею частію миловидныя, между которыми дочь доктора Шереметьевской больницы Ида Шлейхеръ, блондинка съ голубыми глазами, отличалась чрезвычайно нѣжной красотой. Понятно, что сначала молодые братья Маріи Петровны, снискавъ дружбу прекрасныхъ посѣтительницъ, проникли въ гостиную молодой хозяйки, обзывая ея собранія „букетомъ",—а вслѣдъ затѣмъ пробралась въ эти собранія и близко знакомая въ домѣ молодежь. Обычнымъ угощеніемъ въ этихъ случаяхъ бывалъ чай; но иногда, когда долго засиживались, посылали въ кухню за ужиномъ, а самый пылкій изъ молодыхъ братьевъ, оставшійся навсегда энтузіастомъ изящнаго, Дмитрій Петровичъ угощалъ ужинающихъ шампанскимъ.

Послѣ одного изъ такихъ импровизованныхъ ужиновъ, на которомъ случился и я, прелестная Идочка, какъ ее всѣ называли, выразила опасеніе по поводу поздней поры и ночнаго, вешняго холода. Такъ какъ у меня была изъ Новоселокъ пролетка и знакомая уже намъ Звѣздочка, то я и рѣшился предложить прелестной дѣвушкѣ бережно доставить ее къ

звонку родительскаго крыльца. Надо было видѣть, съ какою ловкостью и заботой Дмитрій Петровичъ укутывалъ дѣвушку въ большой пледъ отъ ночнаго холода.

Бѣдный мой Борисовъ, остававшійся въ одиночествѣ, поневолѣ иногда спрашивалъ меня, гдѣ я пропадаю, и, слыша фамилію одного и того же дома, очевидно нападалъ на мысли, не приходившія мнѣ самому въ голову. Однажды увидавъ на мнѣ небольшіе дамскіе часы, онъ спросилъ:

— Откуда у тебя эти часы?

Пришлось разсказывать. какъ, опоздавъ нѣсколькими минутами къ обѣду Боткиныхъ, я вынужденъ былъ извиниться неимѣніемъ часовъ, отданныхъ въ починку.

— У меня двое часовъ, сказала Марья Петровна, и я безъ малѣйшаго затрудненія могу васъ снабдить одними, пока ваши не вернутся отъ часовщика.

Я сталъ отнѣкиваться, но скоро сообразивъ, что такое одолженіе ни къ чему не обязываетъ, съ благодарностью его принялъ.

Чѣмъ болѣе по временамъ я встрѣчалъ стороннихъ гостей въ домѣ Боткиныхъ, тѣмъ уединеннѣе, т. е. свободнѣе оказывались поневолѣ наши бесѣды съ дѣвицей Боткиной. Не смотря на то, что во внѣшнемъ нашемъ положеніи не было ни малѣйшаго сходства, наше внутреннее заключало въ себѣ много невольно сближающаго. Покойный П. К. Боткинъ по принципу выдавалъ своимъ дочерямъ самое незначительное приданое. Тѣмъ не менѣе двѣ старшихъ дочери отъ перваго брака, а равно и двѣ отъ втораго были уже замужемъ, и только предпослѣдняя Марья оставалась въ домѣ. Какъ бы чувствуя ея одиночество, строгій отецъ завѣщалъ ей одной, не въ примѣръ другимъ, нѣсколько большее обезпеченіе.

Исключительное и сиротливое положеніе дѣвушки, вполнѣ соотвѣтствовало моему собственному. И мои сестры и братья, за исключеніемъ бѣдной Нади, были пристроены и стояли на твердой почвѣ, тогда какъ подъ моими ногами почва все еще сильно колебалась, и въ самое послѣднее время жизненный челнокъ мой, нашедшій было скромный пріютъ у родимаго Новосельскаго берега, снова былъ отъ него отторгнутъ болѣзнью сестры.

Однажды, когда мы съ Марьей Петровной взапуски жаловались на тяжесть нравственнаго одиночества, мнѣ показалось, что предложеніе мое прекратить это одиночество не будетъ отвергнуто. Къ этому времени отыскалъ меня пріѣхавшій въ Москву и остановившійся на Кузнецкомъ мосту въ гостинницѣ „Россія" зять мой А. Н. Ш—ъ, который скуки ради привезъ съ собой старуху Вѣру Алексѣевну, носившую меня и всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ когда-то на рукахъ. Старуха жаловалась мнѣ, что кормившій ее всякаго рода московскими сластями Александръ Никитичъ, въ то же время кололъ ими ей глаза, на что Александръ Никитичъ серьезно восклицалъ:

— Да какъ же мнѣ ее не ругать? Сегодня утромъ полфунта колбасы и два калача съѣла. Этакая утроба ненасытная!

Еще не придя къ окончательному, внутреннему рѣшенію, я вкратцѣ изложилъ всѣ обстоятельства моего сближенія съ Боткиными Александру Никитичу, не лишенному, не взирая на недостатки школьнаго образованія, здраваго смысла. Когда между прочимъ я спросилъ его, не слѣдуетъ ли мнѣ списаться съ родными, въ случаѣ окончательнаго моего рѣшенія на бракъ, Александръ Никитичъ сказалъ: „кабы ты ожидалъ при этомъ отъ нихъ какой особенной помощи, то я бы понялъ, почему ты ищешь ихъ совѣта. А въ настоящемъ случаѣ ты лучше всякаго знаешь, что тебѣ болѣе подходяще. Тебя никто не спрашивалъ въ подобныхъ случаяхъ; нечего и тебѣ безпокоиться".

Между тѣмъ въ домѣ Боткиныхъ я узналъ, что Марья Петровна на дняхъ уѣзжаетъ заграницу, сопровождая больную замужнюю сестру, которую московскіе доктора отправляли на воды. По всѣмъ обстоятельствамъ дальнѣйшее колебаніе становилось невозможнымъ. И однажды, когда мы, ходя по маросейской залѣ, въ виду ощущаемой возможности избавиться отъ нравственной безпріютности и одиночества, невольно стали на нихъ жаловаться, — я рѣшился спросить, нельзя ли намъ помочь другъ другу, вступая въ союзъ, способный вполнѣ вознаградить человѣка за все стороннее безучастіе. Хотя такой прямой вопросъ и ставилъ Марью Петровну, за отсутствіемъ Василія Петровича, въ очевидное

затрудненіе, тѣмъ не менѣе она безотлагательно приняла мое предложеніе, чистосердечно объявивъ, что у нея ничего нѣтъ, за исключеніемъ небольшаго капитала. Хотя у меня приблизительно было столько же, но такъ какъ все это было разбросано по разнымъ рукамъ и, что̀ еще хуже, — по родственнымъ, то я, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться разочарованій, объяснилъ наотрѣзъ, что у меня ничего нѣтъ. Такимъ образомъ, не объявляя никому ничего въ домѣ, мы дали другъ другу слово и порѣшили отложить свадьбу до сентября, т. е. до возвращенія невѣсты изъ заграницы.

По временамъ и грустная наша квартира съ Борисовымъ благодушно оживала. Такому оживленію много способствовалъ умный, талантливый и пылкій энтузіастъ, давнишній мой пріятель, Ст. Ст. Громека, бывшій въ то время начальникомъ жандармскаго дивизіона Николаевской дороги. Онъ самъ когда-то во время о̀но писалъ стихи и былъ до болѣзненности чутокъ на все эстетическое. Сюда же весьма часто изъ-за Москвы-рѣки хаживалъ Ап. Григорьевъ. И когда, бывало, эти два энтузіаста—Громека и Григорьевъ—сойдутся за вечернимъ чаемъ, наше скромное обиталище превращается въ Геликонъ. Григорьевъ, не смотря на бѣдный голосокъ, доставлялъ искренностью и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ піесы. Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ, нерѣдко около полуночи, уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару.

Говоря о цыганскихъ и русскихъ пѣсняхъ вообще, Григорьевъ однажды съ величайшимъ энтузіазмомъ сталъ разсказывать о двухъ вольноотпущенныхъ гитаристахъ, играющихъ въ одномъ погребкѣ въ Сокольникахъ. „Это несомнѣнные таланты! восклицалъ Григорьевъ, — и надо непремѣнно зазвать Дмитрія Петровича Боткина, такъ какъ онъ въ душѣ музыкантъ, и я обѣщаю ему величайшее наслажденіе“.

Въ назначенный день Громека, Григорьевъ и Боткинъ собрались у насъ, и помнится, что и бѣдный Борисовъ, такъ какъ день былъ не лихорадочный, присоединился къ нашей экскурсіи.

Къ ужасу моему, я увидѣлъ, что погребокъ, къ которому везъ насъ Григорьевъ, оказывался въ переулкѣ какъ разъ противъ сада дачи, занимаемой Катковымъ и Леонтьевымъ, гдѣ я не разъ бывалъ у нихъ. Конечно, мы старались проскользнуть въ погребокъ, о которомъ не имѣли даже опредѣленнаго понятія.

Изъ первой комнаты съ полками, установленными бутылками съ винами и ликерами, мы вошли въ довольно просторную и весьма чистую комнату, соединенную драпированной аркой съ весьма опрятной гостиной, въ которой помѣстились у овальнаго стола на диванѣ и на креслахъ. По распоряженію Григорьева намъ подали салатникъ со льдомъ, стаканы и бутылку Редерера; а въ комнату вошли два человѣка среднихъ лѣтъ и весьма похожіе другъ на друга и наружностью, и сѣренькими суконными сюртуками. Поставивъ рядомъ два табурета по правую сторону арки, они начали строить свои гитары. По одной уже чистотѣ звуковъ, которой добивались они отъ своихъ гитаръ, можно было ожидать отъ нихъ мастерства. И дѣйствительно, трудно было съ большимъ навыкомъ, играя первую и вторую гитару, съ большей гармоніей и блескомъ выводить русскую пѣсню изъ ея задушевнаго напѣва на свѣтъ Божій. Григорьевъ торжествовалъ, чувствуя одержанную надъ всѣми нами полную побѣду. Сколько разъ впослѣдствіи слушателямъ этого импровизованнаго концерта приходилось съ восторгомъ вспомнить о немъ!

Говоря о литераторахъ, съ которыми судьба сводила меня въ жизни, не могу не сказать о знакомствѣ съ знаменитою въ то время графиней Ростопчиной, объявившей мнѣ черезъ общаго нашего знакомаго, что она проситъ меня побывать у нея. Портретъ, приложенный къ петербургскому изданію 1856 года, весьма вѣрно воспроизводитъ черты графини, какою я нашелъ ее въ собственномъ ея домѣ на Басманной, весьма недалеко отъ занимаемой мною квартиры. По природѣ свѣтская и привѣтливая, она и со мною была чрезвычайно любезна, и я раза два воспользовался ея приглашеніемъ. Такъ какъ она предполагала полное мое знакомство съ ея лирическими стихотвореніями, то читала мнѣ вслухъ только вторую

часть „*Горя отъ ума*“, написанную стихами, старавшимися, очевидно, подражать Грибоѣдовскимъ. При этомъ въ разговорѣ она говорила наизусть какой-либо стихъ и затѣмъ спрашивала меня: „Изъ какого это „Горя отъ ума?“: изъ Грибоѣдовскаго или изъ моего?“

Позднѣе, въ перечнѣ сочиненій гр. Ростопчиной у Гербеля, я не нашелъ ея „Горя отъ ума“, и не могу сказать, было ли оно напечатано. Помню только, что остріе сатиры было обращено на учителей, врывающихся въ дома въ качествѣ жениховъ.

Жребій былъ брошенъ, и жизнь моя круто поворачивала по новому руслу, измѣняя прежнее теченіе. Я тотчасъ же подалъ въ безсрочный отпускъ и занялся приготовленіемъ обстановки новой жизни. Зная крайнюю ограниченность совокупныхъ нашихъ будущихъ средствъ, я долженъ былъ разрѣшить трудную задачу достиженія наибольшаго результата при наименьшихъ издержкахъ. Долго искалъ я подходящей квартиры и, наконецъ, нашелъ за Москвою-рѣкою на Полянкѣ цѣлый просторный и, можно сказать, великолѣпный бель-этажъ, требовавшій, правда, нѣкоторыхъ поправокъ, половину которыхъ я принялъ на свой счетъ. Вспоминаю о баснословно сходной цѣнѣ найма, какой, конечно, уже не повторится. Я увѣренъ, что въ настоящее время бывшая квартира наша, съ экипажнымъ сараемъ и конюшней на четыре стойла и ледникомъ, отдается не менѣе двухъ тысячъ рублей; тогда какъ я нанималъ ее за 350 рублей! Къ небольшой четвероместной каретѣ я купилъ пару воейковскихъ вороныхъ лошадей, заказалъ мебель и завелъ то, что обыкновенно называютъ: „и ложку, и плошку“.

Въ то время какъ въ нанятой мною квартирѣ переламывали и передѣлывали печи, подновляли потолки и оклеивали стѣны, — въ домѣ Боткиныхъ, до которыхъ изъ заграницы дошли положительныя извѣстія о предстоящемъ замужствѣ ихъ сестры, тоже затѣвалась ломка на опустѣвшихъ антресоляхъ; и мнѣ, не дожидаясь свадьбы, пришлось забирать и перевозить къ себѣ рояль и мебель моей невѣсты.

При разнообразныхъ и мелочныхъ заботахъ устройства новаго гнѣзда, время шло незамѣтно. Но по мѣрѣ того какъ

все приходило къ желанному окончанію, скука давала себя чувствовать.

Борисовъ снова уѣхалъ въ свое Фатьяново, а я, чтобы находиться, такъ сказать, въ центрѣ дѣла,—занялъ въ просторной и пустынной квартирѣ новый диванъ въ своемъ кабинетѣ.

Однажды, въ минуту одолѣвавшей меня скуки, я отправился на Дѣвичье поле къ бывшему моему воспитателю, глубоко мною чтимому М. П. Погодину. Услыхавши отъ меня имя Боткиныхъ, изъ которыхъ зналъ только двухъ старшихъ братьевъ: писателя Василія и красавца туриста Николая,—Михаилъ Петровичъ, зная, что оба эти Боткины въ разводѣ съ женами, усмѣхнувшись, сказалъ мнѣ: „въ добрый часъ! Люди хорошіе, но ужъ по супружеской части примѣра съ нихъ не берите. Въ этомъ случаѣ точно про нихъ сказано: „живутъ не люди, умрутъ не родители".

— Теперь, Михаилъ Петровичъ, сказалъ я, — вы знаете все дѣло и всю матеріальную мою обстановку. Если частая переписка съ невѣстой сблизила насъ еще болѣе прежняго, то понятно мое нетерпѣніе увидѣть невѣсту и сократить срокъ до свадьбы, отлагаемый только въ силу окончанія курса лѣченія больной. Къ этому привходитъ еще и то, что брачные расходы на чужой сторонѣ можно уменьшить до того, что, съэкономивъ на этомъ предметѣ, можно возмѣстить расходы заграничной поѣздки. Въ нерѣшительности прибѣгаю къ вамъ, Михаилъ Петровичъ, и прошу дать мнѣ совѣтъ.

— Если вы чувствуете, отвѣчалъ Погодинъ, что предстоящая поѣздка ваша въ состояніи *сдобить* вашу новую жизнь, то не стѣсняйтесь и поѣзжайте съ Богомъ.

Какъ ни условно было одобреніе моего желанія, я, конечно, поспѣшилъ имъ воспользоваться и, написавши невѣстѣ, что остановлюсь въ Луврской гостинницѣ въ Парижѣ, просилъ адресовать туда письма изъ Діеппа съ указаніемъ тамошняго ихъ адреса, такъ какъ я писалъ poste restante.

И на этотъ разъ, какъ и въ двѣ первыя мои поѣздки заграницу, мнѣ пришлось ѣхать изъ Петербурга моремъ; но не на Штетинъ, какъ прежде, а на Любекъ. Случайно въ первомъ классѣ собралось веселое, молодое общество, которому капи-

танъ парохода старался оказывать всевозможное вниманіе и любезность. Конечно, хорошее расположеніе духа скрашивало трехдневный переѣздъ, но и самая обстановка способствовала такому расположенію. Слегка колыхавшееся при выходѣ изъ Кронштадта море, слѣдующіе затѣмъ дни совершенно уподоблялось ясному зеркалу, и разверзавшаяся подъ носомъ корабля влага имѣла видъ не воды, а масла, съ усиліемъ разсѣкаемаго. Забавные разсказы, завѣдомо нелѣпые каламбуры и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Но вотъ, говорятъ, показался берегъ Травемюнде, и капитанъ Крюгеръ, принесши большую книгу, заявилъ, что его пассажиры никогда не отказывались оставить въ этой книгѣ свои автографы на память.

— Вы непремѣнно должны ему оставить на память стихи, заговорили пассажиры, обращаясь ко мнѣ.

Хотя я и врагъ всяческихъ стиховъ на заданную тему, тѣмъ не менѣе пришлось исполнить всеобщее желаніе, и я написалъ въ книгу:

«Весь переѣздъ забавою
Казался; третьимъ днемъ
И моремъ мы, и Травою
До Любека дойдемъ.
И какъ бы вѣтру флюгеромъ
Ни вздумалось играть,
Мы съ капитаномъ Крюгеромъ
Не будемъ трепетать».

Не успѣли мы добраться до Любека, какъ уже въ тотъ же день разлетѣлись во всѣ стороны, какъ птицы, выпущенныя изъ клѣтки; и я, заѣхавъ на минутку въ Висбаденъ, чтобы свезти брату Василію съ женою и сестрѣ Любинькѣ деньги, покинулъ ихъ съ первымъ отходящимъ поѣздомъ и черезъ Страсбургъ полетѣлъ въ Парижъ. Въ Луврскій отель попалъ я поздно вечеромъ и, конечно, бросился къ ящику, въ которомъ письма были расположены по заглавнымъ буквамъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ: по моему адресу не нашлось ни строчки. Что бы это могло значить, я никакъ не могъ догадаться. Послѣ ряда самыхъ задушевныхъ и дружескихъ писемъ, на основаніи которыхъ предпринято переустройство

всего образа жизни и наконецъ самая поѣздка — вдругъ ни строки тамъ, куда я просилъ адресовать письма. Для послѣдней мало вѣроятной попытки отыскать письма poste restante— было слишкомъ поздно, и приходилось отложить справку до 9-ти часовъ утра. Можно себѣ представить, подъ вліяніемъ какой истомы я вошелъ въ мою уединенную комнату. Чтобы хоть сколько-нибудь развлечься и успокоиться, я спросилъ журналовъ и газетъ. Но это не помогало, такъ какъ глаза останавливались на строкахъ, а если и двигались, то не передавая воображенію никакого опредѣленнаго смысла.

На зарѣ я уже былъ на ногахъ и бросился къ почтѣ, но, конечно, въ такой ранній часъ все было заперто, и я часа два кружился по тѣмъ же улицамъ и переулкамъ. Наконецъ почта отперта, и я, подавая чиновнику свой паспортъ, спрашиваю, — нѣтъ ли писемъ? Черезъ минуту та же благодѣтельная рука подаетъ три толстыхъ конверта съ знакомымъ почеркомъ, и тутъ только съ облегченнымъ сердцемъ я бросился въ первую еще совершенно пустую кофейню и потребовалъ кофею. Пробѣжавши письма и кончивши кофей, я на радости далъ гарсону два франка, что видимо его даже изумило. Не выходя изъ кофейни, я тотчасъ же написалъ въ Діеппъ, что завтра съ экстреннымъ поѣздомъ прибуду туда около полудня; и снова адресовалъ письма poste restante, такъ какъ телеграфировалъ бы о своемъ пріѣздѣ, еслибы зналъ адресъ.

Имѣя передъ собою цѣлыя сутки, я рѣшился попробовать счастья, отыскивая Тургенева въ rue de l'Arcade. На мой боязливый вопросъ, привратникъ отвѣчалъ: „господина Тургенева нѣтъ дома".

— Гдѣ же онъ? спросилъ я тоскливо.

— Онъ отправился въ кофейню пить кофе.

— Въ какую кофейню?

— Онъ постоянно ходитъ въ одну и ту же.

Привратникъ далъ мнѣ адресъ кофейной. Вхожу, не замѣчая никого изъ посѣтителей, и во второй комнатѣ вижу за столомъ густоволосую сѣдую голову, заслоненную большимъ листомъ газеты.

— Pardon, monsieur, говорю я подходя.

— Боже мой, кого я вижу! восклицаетъ Тургеневъ и бросается обнимать меня.

Мы отправились къ нему въ rue de l'Arcade и сговорились въ этотъ день вмѣстѣ отобѣдать.

— Вотъ говорилъ Тургеневъ: обыкновенно поэтовъ считаютъ сумасшедшими; а въ концѣ концовъ посмотришь на ихъ дѣйствія, и дѣло выходитъ не такъ безумно, какъ надо бы ожидать.

Въ головѣ моей промелькнуло, что никто лучше самого Тургенева не оправдываетъ мнѣнія о сумасшествіи поэтовъ. Но въ данную минуту мнѣ было вовсе не до сарказмовъ.

На другой день скорый поѣздъ помчалъ меня въ Діеппъ, но по мѣрѣ приближенія къ цѣли, мною начало овладѣвать раздумье. Хорошо, если невѣста получила мое вчерашнее письмо и постарается предупредить меня; иначе, какъ отыскать мнѣ ихъ въ значительномъ городѣ, наполненномъ иностранными гостями? Еслибы я даже кому-либо изъ нихъ попался на улицѣ, то едва ли бы они признали гвардейскаго офицера въ штатскомъ платьѣ. Однако тамъ видно будетъ, что предпринять, а въ настоящую минуту нужно удержать единственную, оставшуюся на дебаркадерѣ коляску. Забравши съ собою небольшой чемоданъ, я предался волѣ извощика, пробиравшагося довольно медленно по песчаному полю, отдѣлявшему городъ отъ дебаркадера. Въ поискахъ за какимъ-либо лицомъ, могущимъ оказать мнѣ помощь, прошло столько времени, что когда я подъѣзжалъ уже къ мосту черезъ небольшую бухту, за которой начинались городскія улицы, на всей площади уже не было ни души. Солнце, отражаемое бѣлымъ пескомъ, пекло невыносимо.

Въ это время, какъ я узналъ потомъ, у Боткиныхъ происходило слѣдующее. Ко времени прихода поѣзда, Василій Петровичъ зашелъ за своими сестрами, чтобы вмѣстѣ съ ними встрѣтить меня. Зная его кропотливость, сестры уже дожидались одѣтыя. Но онъ на этотъ разъ, какъ нарочно, опоздалъ, и такъ какъ всѣ извощики уѣхали къ поѣзду, то вынужденный идти на значительномъ разстояніи къ дебаркадеру, Боткинъ сталъ нестерпимо ворчать на сестеръ и такимъ тономъ, какъ будто бы онѣ были причиною замедленія. Когда,

выйдя за городъ, они перешли мостъ, то увидали, что всѣ пріѣзжіе уже пѣшкомъ и на извощикахъ покинули деберкардеръ, за исключеніемъ одного путника въ сѣромъ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ, усаживавшагося въ послѣднюю коляску.

— Вотъ счастливецъ! воскликнула Марья Петровна: а намъ теперь опять возвращаться по жарѣ такую даль!

Въ свою очередь и я, подъѣзжая къ каменному мосту, увидалъ двухъ дамъ и мужчину, направлявшихся къ городу. Не взирая на невиданную мною дотолѣ громадную соломенную шляпу, я подъ нею мало по малу сталъ признавать свою невѣсту, и когда коляска окончательно нагнала идущихъ, я съ восторгомъ остановилъ извощика, чтобы принять всѣхъ въ экипажъ. Невѣста объявила, что наняла мнѣ квартиру, не смотря на множество купающихся, преимущественно англичанъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ могли уступить такую прелестную квартиру за два франка въ день. Помнится, внизу былъ ресторанъ съ выставкою всевозможной морской добычи, начиная отъ превосходныхъ устрицъ, до всякаго рода рыбы и омаровъ. У одной стѣны просторной комнаты стояла съ цвѣтнымъ пологомъ кровать, а передъ зеркаломъ, вмѣсто обычныхъ часовъ, — прекрасно набитая чайка распускала свои крылья. Почти ежедневно Боткины приходили сюда обѣдать за поставленнымъ посреди комнаты столомъ. Вечеромъ, чтобы не отставать отъ другихъ, мнѣ приходилось идти гулять на высокій морской берегъ, на которомъ, не взирая на знойный день, поддувало съ моря нестерпимымъ холодомъ. Къ счастію, сезонъ нашихъ дамъ кончался, и мы могли возвратиться въ Парижъ и поторопиться свадьбой.

На этотъ разъ я нанялъ для всѣхъ помѣщенія въ знакомой мнѣ улицѣ Helder въ Бразильской гостиницѣ; а обѣдать, подъ предводительствомъ Василія Петровича, мы ходили въ кафе, котораго имени не упомню. Ходилъ съ нами обѣдать и Гончаровъ, пріѣхавшій на другой день нашей свадьбы и поселившійся въ той же гостинницѣ какъ разъ надъ нами.

Озабоченный заготовленіемъ мелкихъ подарковъ знакомымъ петербургскимъ дамамъ, Иванъ Александровичъ нерѣдко сопровождалъ нашихъ дамъ въ поискахъ по магазинамъ Пале-

Ройяля, изобилующимъ подобными предметами. Досточтимый романистъ, безъ сомнѣнія, и не подозрѣваетъ, что, школьничая, я заставилъ заплатить его нѣсколько франковъ. Въ присутствіи дамъ онъ выбиралъ дутое, стеклянное, венеціанское ожерелье.

— Вы не очень нажимайте зернышки, ихъ легко раздавить, сказалъ я безъ всякаго умысла.

Желая вѣроятно показать передъ дамами неосновательность моего вмѣшательства, Иванъ Александровичъ сказавъ: „это очень прочно",—сталъ видимо нажимать еще болѣе. Замѣтивъ это, я убѣдился, что нужно настойчиво уговаривать его, для того чтобы онъ, стараясь доказать противное, сталъ нажимать сильнѣе.

— Ахъ! вы ломаете вещи! воскликнула француженка, не понимавшая нашихъ переговоровъ на русскомъ языкѣ,— въ то время какъ изъ подъ пальцевъ Ивана Александровича посыпались тонкіе голубые черепки.

Такъ какъ я ничего не украшаю, а только разсказываю, то долженъ признаться, что въ то время я еще не дошелъ до пониманія эпическаго склада и его теченія, и потому случилось слѣдующее. Какъ-то въ полуденное время И. А. Гончаровъ, занимавшій, какъ я уже сказалъ, комнату этажемъ выше надъ нами, — пригласилъ Тургенева, Боткина и меня на чтеніе своего, только что оконченнаго, „Обломова". Въ жаркій день въ небольшой комнатѣ стало нестерпимо душно, и продолжительное, хотя и прекрасное чтеніе наводило на меня неотразимую дремоту. По временамъ, готовый окончательно заснуть, я со страхомъ подымалъ глаза на Боткина и встрѣчалъ раздраженный взглядъ его, исполненный безпощадной укоризны. Но черезъ десять минутъ сонъ снова заволакивалъ меня своею пеленою. И такъ до самаго конца чтенія, изъ котораго я конечно не унесъ никакого представленія.

Начались заботы о приданомъ и приготовленія къ назначенному дню свадьбы. Случилось, какъ нарочно, что въ Парижѣ въ это время находились многіе родственники невѣсты. Тамъ была одна изъ старшихъ ея сестеръ съ молоденькою дочерью и, кромѣ Василія Петровича, еще два брата, въ томъ

числѣ и красивый туристъ Николай Петровичъ, проживавшій на постоянной парижской квартирѣ большую часть года. Коротко знакомый съ условіями парижской жизни, веселый Николай Петровичъ смотрѣлъ на деньги, какъ на средство доставить кому либо удовольствіе. Вотъ онъ то и помогъ мнѣ въ устройствѣ всего необходимаго для свадьбы. Такъ, напримѣръ, узнавши, что я думаю заказать свадебный обѣдъ въ „Maison d'or", онъ объяснилъ мнѣ мнѣ, что это ресторанъ для свадьбы неприличный, а что онъ рекомендуетъ меня своему знакомому Филиппу, который сдѣлаетъ все и сходно, и прилично. Равнымъ образомъ Николай Петровичъ вызвался прислать намъ свадебный экипажъ (une remise). Пришлось мнѣ обратиться къ русскому священнику, любезному отцу Васильеву, который пояснилъ, что въ русской посольской церкви форменныхъ вѣнцовъ нѣтъ, но что онъ къ назначенному дню, т. е. къ 16 августа (стараго стиля) закажетъ вѣнцы цвѣточницамъ, которыя устроятъ ихъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на каркасѣ. Оставалось заказать кольца и бонбоньерки и пригласить шаферовъ. Шаферами у невѣсты были ея братья, а у меня И. С. Тургеневъ.

16 августа въ четыре часа карета, запряженная парою прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей, съ лакеемъ и кучеромъ въ одинаковыхъ ливреяхъ, явилась къ нашему подъѣзду. А я, не желая тратить денегъ на ненужный мнѣ фракъ, одѣлся въ полную уланскую форму и отправился въ церковь съ Тургеневымъ.

„Итакъ, подумалъ я, становясь на коверъ, вотъ онъ Рубиконъ, за которымъ начинается новый невѣдомый поворотъ жизненнаго теченія". Никогда не испытывалъ я подобнаго страха, какъ въ этотъ мигъ, и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на Тургенева, который неудержимо хохоталъ, надѣвая на меня вѣнецъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, такъ странно противорѣчившихъ военной формѣ. За обычными поздравленіями, новобрачная пошла прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, а свидѣтели стали расписываться въ церковной книгѣ.

Можно было предполагать, что два извѣстныхъ литератора не напишутъ въ метрической книгѣ вздору. Такое предположеніе не оправдалось въ 1880 году, когда, съ переселеніемъ

въ Курскую губернію, мнѣ пришлось записаться въ Курскую дворянскую книгу. Потребовали метрическое свидѣтельство о бракѣ, не удовлетворяясь почему то указомъ объ отставкѣ, въ которомъ сказано: „женатъ на дѣвицѣ Боткиной". Пришлось списываться со священникомъ парижской посольской церкви, который немедля отвѣтилъ, что въ книгѣ записано: „съ дочерью Петра Кононова" и опущено послѣднее слово *Боткина*. Въ архивѣ петербургской консисторіи, конечно, стояло тоже самое, и нужно было, чтобы всѣ оставшіеся въ живыхъ братья Боткины подали завленіе, что сестра ихъ дѣйствительно повѣнчана со мною въ 1857 г., и что фамилія *Боткина* опущена по недосмотру свидѣтелей.

Прямо изъ церкви мы со всѣми приглашенными отправились къ Филиппу, гдѣ въ двухъ комнатахъ, роскошно уставленныхъ цвѣтами, насъ ожидалъ свадебный обѣдъ на двѣнадцать человѣкъ. Тонкій и великолѣпно поданный обѣдъ прошелъ оживленно и весело. Прекраснаго вина, въ томъ числѣ и шампанскаго, было много, и подъ конецъ обѣда Тургеневъ громко воскликнулъ: „я такъ пьянъ, что сейчасъ сяду на полъ и буду плакать!"

Невольно припоминаешь разницу между тогдашними и нынѣшними цѣнами. Теперь за такой обѣдъ надо заплатить не менѣе трехсотъ рублей, а тогда я заплатилъ Филиппу триста франковъ.

Вернувшись отъ обѣда, я засталъ дома письмо отъ моего московскаго слуги, извѣщавшаго меня, что сестрѣ Надѣ гораздо лучше, и что отъ нея уже три раза присылали и брали, согласно моему распоряженію, лошадей для катанья.

Какъ нарочно, на другой день въ Парижъ явилась сестра Любинька и братъ Василій съ женою. Первой я нашелъ комнату въ нашемъ отелѣ, а вторые остановились въ Hôtel Helder.

На третій день послѣ нашей свадьбы, Николай Петровичъ Боткинъ заказалъ точно такой же обѣдъ у Филиппа, пригласивъ на него и трехъ моихъ родныхъ. А на слѣдующій затѣмъ день братъ Василій объявилъ мнѣ, что, по поводу дня рожденія жены своей, онъ желаетъ позвать Николая Петровича и всѣхъ насъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, къ Филиппу.

Въ назначенный день я съ утра отправился поздравить новорожденную. Но вернувшись домой, нашелъ записку отъ Николая Петровича, въ которой онъ просилъ меня извинить его передъ братомъ моимъ, такъ какъ по нездоровью явиться къ обѣду не можетъ. Извѣстіе это привело брата въ отчаяніе, такъ что я просилъ его успокоиться и обѣщалъ во что бы то ни стало избѣжать фатальнаго числа тринадцать, пріискавъ четырнадцатаго сотрапезника. Прежде всего я подумалъ о любезномъ отцѣ Васильевѣ Но въ томъ и состоитъ характеръ неудачи, что все выходитъ невпопадъ. Домашніе отца Васильева любезно приняли мое предложеніе, но наотрѣзъ объявили, что, уѣхавъ за городъ, отецъ Васильевъ никакъ не можетъ получить приглашенія во время. Подгоняя насколько возможно кучера посулами на водку, я безсознательно глядѣлъ изъ кареты по сторонамъ, и казалось, что судьба мнѣ улыбается: между проходящими по улицамъ, я узналъ два или три раза спутниковъ съ парохода. Конечно, я выказывалъ непритворную радость встрѣчи и просилъ не отказать мнѣ откушать съ нами у Филиппа. Но увы! каждый разъ меня ожидалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „на сегодня я приглашенъ". — Что мнѣ было дѣлать? Я бросился къ Филиппу и, объяснивъ ему свое горе, просилъ, не найдетъ ли онъ какого либо знакомаго ребенка, чтобы посадить къ намъ за столъ четырнадцатымъ. Филиппъ отвѣчалъ, что сегодня по случаю воскресенья всѣ дѣти за городомъ, и что онъ радъ всячески служить насчетъ перемѣны блюдъ, но доставить лишняго человѣка не берется. Проѣзжая по улицѣ de l'Arbre Sec, я, снѣдаемый отчаяніемъ, вспомнилъ, что въ одномъ изъ домовъ на пятомъ этажѣ живутъ литографы, рисующіе мой портретъ. Въ одинъ моментъ я уже былъ въ ихъ скромной мастерской и засталъ обоихъ братьевъ за работой. Чего же лучше? Сообщивъ имъ про отчаяніе моего брата, я высказалъ увѣренность, что они не откажутъ выручить меня по знакомству. Но одинъ изъ нихъ объявилъ, что не можетъ выдти изъ мастерской, не окончивъ срочной работы, а другой повторилъ неизмѣнное: „je dîne en ville".

Когда со скорбнымъ чувствомъ я спустился почти на нижній конецъ безконечной спирали, образуемой лѣстницею,

вверху я услышалъ громкое: „monsieur!“ — Старшій живописецъ звалъ меня, увѣряя, что если я замѣтилъ сидящаго у нихъ на диванѣ гостя въ блузѣ, то онъ можетъ рекомендовать мнѣ этого образованнаго и пріятнаго собесѣдника.

Снова пришлось взбираться по лѣстницѣ и приглашать пріятнаго собесѣдника, который подалъ мнѣ руку, напоминающую кузнечный терпугъ.

— Постараюсь быть точнымъ, сказалъ мой будущій гость, и я стремглавъ бросился успокоить брата.

Когда мы входили въ обѣденную залу Филиппа, мой приглашенный уже былъ тамъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

И когда, послѣ нѣсколькихъ приличныхъ возліяній, Тургеневъ вызвалъ его на откровенную бесѣду, онъ сталъ разсказывать, какъ въ качествѣ кочегара, отправлялся въ Индію для возбужденія сипаевъ противъ англичанъ, — и вообще проявлять тенденціи, считавшіяся въ то время въ Парижѣ небезопасными.

Повороты судьбы въ ту или въ другую сторону иногда невольно бросаются въ глаза; даже въ такихъ случаяхъ, какъ тринадцать за столомъ.—Не успѣлъ я насильственнымъ образомъ измѣнить фатальное тринадцать на четырнадцать, какъ въ залу вошелъ отецъ Васильевъ и сѣлъ пятнадцатымъ за обѣдъ. Я не философствую, а припоминаю и разсказываю, и воображаю, какую пищу доставляю сердечному убѣжденію многихъ, вынужденный присовокупить, что, смотрѣвшіе съ такимъ ужасомъ на почти неизбѣжное тринадцать за столомъ въ день рожденія, братъ мой и его жена едва дожили до слѣдующаго дня рожденія и, какъ мы современемъ увидимъ, скончались въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ.

Но всему бываетъ конецъ, и вотъ пришлось и намъ думать о возвращеніи въ Москву. Наши барыни, въ особенности сестра жены моей, набрали столько клади, что везти ее съ пассажирскимъ поѣздомъ было бы слишкомъ убыточно, а потому мы отправили все черезъ коммиссіонера въ Любекъ. Здѣсь, разставшись съ сестрою жены моей, воспользовавшейся отходящимъ пароходомъ въ Петербургъ,—мы остались поджидать вещей, долженствовавшихъ прибыть изъ Кёльна, гдѣ мнѣ пришлось, при помощи наполеондоровъ, проводить ихъ черезъ неподкупныя руки прусскихъ таможенныхъ.

Попасть изъ шумнаго и дорогаго Парижа въ тихій и дешевый Любекъ было даже какъ-то странно. Въ великолѣпной гостинницѣ намъ отвели за талеръ въ день номеръ съ салономъ, аршинъ въ тридцать длины, такъ что мы просили хозяина о менѣе обширномъ помѣщеніи, хотя онъ сообщилъ намъ, что цѣна номера не зависитъ отъ его величины. По первому звонку, появлялась щегольски одѣтая прислуга; кромѣ утренняго кофе въ 8 часовъ, намъ подавали къ завтраку въ 12 часовъ хорошее мясное блюдо и фрукты; затѣмъ слѣдовали два обѣденныхъ табль-дота: въ 2 и въ 4 часа; мы ходили къ послѣднему, за которымъ во главѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ, разливавшій супъ; затѣмъ слѣдовалъ рядъ кушаній, вполнѣ удовлетворительныхъ, причемъ къ каждому куверту ставилось полбудылки довольно плохаго вина. Въ 8 часовъ вечера намъ подавали тульскій самоваръ, чай съ печеньемъ и фрукты. Въ такой обстановкѣ пришлось ровно двѣ недѣли поджидать прибытія вещей.

Я увѣренъ, что Любекъ и до сихъ поръ остался по характеру средневѣковымъ городомъ, съ домами, на которыхъ готическими, нѣмецкими буквами начертаны разные девизы и сентенціи. На досугѣ мы пустились осматривать старинныя католическія церкви, нынѣ превращенныя въ лютеранскія. Въ одной изъ такихъ церквей красуется цѣлый рядъ картинъ Гольбейна, знаменитый его „Todten-Tanz“ съ изображеніемъ всѣхъ возрастовъ и положеній человѣческихъ, сопровождаемыхъ скелетомъ смерти. Осматривая на чердакѣ собора обширную кладовую, хранящую раскрашенныя статуи святыхъ и разнообразную церковную утварь, пришлось съ удивленіемъ слышать отъ красиваго пономаря, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, про нетерпимость протестантскаго пастора, обзывающаго все это кумирами и едва дозволяющаго картинамъ Гольбейна оставаться на стѣнахъ храма.

Однажды афиши объявили о прибытіи изъ Копенгагена знаменитаго скрипача Олебуля, который въ 7 часовъ вечера даетъ концертъ въ театрѣ городскаго сада. По востребованію нашему, намъ изъ конторы гостинницы принесли два билета на этотъ концертъ. Въ седьмомъ часу мы съ женою пѣшкомъ отправились въ городской садъ, до котораго по прекрасному

тротуару пришлось идти не менѣе версты. Подходимъ ко входу въ садъ, представляющему каменный сводъ, подъ которымъ въ самый садъ спускается каменная лѣстница. Тутъ же у входа въ углубленіи происходитъ продажа билетовъ, и на стѣнѣ вывѣшено крупное объявленіе: „по случаю бурной погоды, пароходъ, везущій г. Олебуля, къ назначенному часу прибыть не можетъ, а потому желающіе могутъ получить за свой билетъ 45 копѣекъ обратно. Желающіе же провести вечеръ въ саду, получаютъ въ возвратъ только 30 копѣекъ оставляя при себѣ билетъ для входа въ садъ".

Когда мы сошли внизъ по лѣстницѣ, насъ провели по превосходно содержаннымъ садовымъ дорожкамъ и аллеямъ въ просторную театральную залу, освѣщенную газомъ. Тамъ мы сѣли отдыхать на кресла и цѣлый вечеръ слушали прекраснѣйшій оркестръ;—съ непродолжительными антрактами оркестръ игралъ часа три. Затѣмъ всѣ поднялись и стали уходить изъ залы. По причинѣ поздняго времени, садъ былъ роскошно иллюминованъ по тогдашней модѣ искусственными цвѣтами, освѣщенными газомъ и испускающими тонкіе каскады воды во всѣхъ направленіяхъ. Пока мы проходили къ выходу, раздавались шумные возгласы нѣмцевъ, настойчиво требовавшихъ содержателя сада по поводу какихъ-то упущеній.—„Нельзя такъ безсовѣстно грабить публику!" восклицали возбужденные голоса.

„Вотъ, думалось мнѣ, люди, способные охранять общественные интересы. Это не то, что у насъ, гдѣ никто не закричитъ, пока его не трогаютъ, и потому поневолѣ будетъ кричать въ одиночку".

Въ свободное отъ прогулокъ время, я вслухъ читалъ англійскіе романы во французскомъ переводѣ. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, послѣ нашихъ многократныхъ запросовъ экспедитору, прибыли наши вещи, и въ то же время на Траве грузился пароходъ, отходящій въ Петербургъ.

Не могу не припомнить, что дилижансъ, привезшій насъ въ гостинницу, отвезъ насъ и наши вещи также и на пароходъ, и за все это полумѣсячный счетъ нашъ изъ отеля съ чаями прислугѣ оказался ровно въ пятьдесятъ талеровъ.

На слѣдующій день мы уже были въ морѣ, гдѣ при пол-

номъ комфортѣ, насъ ожидало неудобство, состоящее въ томъ, что когда нашъ корабль забиралъ изъ рѣки прѣсную воду, въ морѣ было сильное волненіе какъ разъ противъ теченія Траве, такъ что вся запасенная вода оказалась соленой. Воздерживаясь отъ жидкихъ кушаній, приходилось утолять жажду портеромъ, легкимъ виномъ и сельтерской водой.

Не смотря на продолжавшееся волненіе, мы на третій день прибыли въ Кронштадтъ. Когда бросили якорь, мы съ женою были на палубѣ и неожиданно подверглись все болѣе усиливающемуся качанію корабля. Дѣло въ томъ, что когда волненіемъ стало заносить корму корабля вокругъ неподвижнаго якоря, громадный корабль, становясь поперекъ волненія, подвергся такой качкѣ, что, пропустивъ одну руку подъ солидную ручку скамьи, на которую я сѣлъ, и держа другою подъ руку жену, я нѣкоторое время отвѣсно смотрѣлъ на подымающіяся и опускающіяся подъ нами волны. Когда качка стала уменьшаться, по мѣрѣ того какъ корма корабля заходила подъ вѣтеръ, всѣ бросились къ лѣстницѣ каюты, но тутъ оказалось непреоборимое препятствіе. Передъ смущеннымъ московскимъ пасторомъ во всю ширину лѣстницы лежала его жена и кричала: „ich kann nicht!“

Но вотъ мы уже у петербургской таможни и въ небольшой, но прекрасной квартирѣ брата жены моей, художника Мих. Петр. Боткина. Этотъ, въ то время весьма небогатый, ученикъ Академіи, занималъ квартиру вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Постниковымъ, тоже живописцемъ; съ ними также жилъ служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ братъ Михаила Петровича — Павелъ Петровичъ Боткинъ. Пріятно вспомнить радушіе, съ какимъ эти юноши встрѣтили насъ, и удобства, которыми они насъ окружили, начиная съ прекраснаго домашняго стола.

Я забылъ сказать, что, истратившись по случаю свадьбы, я вынужденъ былъ при отъѣздѣ изъ Парижа занять у Василія Петровича двѣ тысячи франковъ. Поэтому первымъ дѣломъ моимъ было поѣхать къ Некрасову и попросить у него денегъ въ счетъ должныхъ мнѣ редакціею двухъ тысяхъ рублей. Пріемъ Некрасова былъ самый любезный, но, не взи-

рая на сочувствіе къ моему положенію, денегъ мнѣ не дали ни копѣйки.

— Не безпокойтесь, — сказалъ мнѣ Михаилъ Петровичъ: — вещи ваши я отправлю съ товарнымъ поѣздомъ въ Москву. Но не застраховать ли ихъ? Вѣдь тамъ пожалуй тысячи на три товару найдется.

— Какъ хотите, — отвѣчалъ я. — Застрахуйте рублей въ пятьсотъ для облегченія совѣсти.

Дня черезъ два, поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, проводившихъ насъ на желѣзную дорогу, мы покатили въ Москву. Здѣсь встрѣтили насъ треволненія, неразлучныя съ устройствомъ новаго хозяйства. Свою гостиную мы нашли пустою, такъ какъ нѣмецъ, получившій бо́льшую половину денегъ за заказанную ему мебель, погорѣлъ, причемъ сгорѣла и наша мебель, вмѣсто которой онъ однако обѣщалъ поставить новую. Приходилось ждать.

VIII.

Жизнь въ Москвѣ.—Наши музыкальные вечера.—Братья Толстые.—Докторъ П—нъ. Свадьба Борисова.—Письмо Ап. Григорьева.—Обѣдъ у Кокорева.—Медвѣжья охота.—Сборы въ Новоселки на лѣто.—Посѣщеніе Ясной Поляны.—Тетушка Льва Николаевича.

Вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Москву, я получилъ отъ Василія Петровича Боткина слѣдующее письмо.

Парижъ
21 сентября 1857 г.

„Итакъ я продолжаю обитать въ той же комнатѣ, гдѣ вы меня оставили, и ничего вокругъ меня не измѣнилось, съ тою разницею, что я лежу теперь не на вашемъ диванѣ, а на своемъ. Уѣхалъ и Гончаровъ, уѣхалъ и Тургеневъ въ Куртавнель, гдѣ сидитъ по причинѣ разболѣвшейся пятки, которая не даетъ ему ходить. Сегодня я получилъ письмо отъ него. Затѣмъ, въ видѣ развлеченія моего одиночества, судьба послала сюда семейство Тургеневыхъ, а именно Ольгу Александровну, милую во всѣхъ отношеніяхъ, отличную дѣвушку, съ которой я былъ знакомъ въ Петербургѣ; притомъ она хорошо играетъ на фортепьяно и особенно сонаты Бетховена, которыя я такъ люблю. Это для моихъ одинокихъ вечеровъ убѣжище необходимое. Въ театрѣ послѣ васъ я былъ только разъ—въ комической оперѣ. Смотрѣлъ *Жоконду*, старинную французскую оперу Nicolo—человѣка съ большимъ мелодическимъ даромъ.

„Свою національную музыку французы исполняютъ прекрасно, такъ что я просидѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, словно окруженный простодушными, милыми дѣтьми. Фран-

цузы потеряли музыкальное чувство съ тѣхъ поръ, какъ стали забираться въ чуждую, несвойственную имъ высшую музыкальную сферу; какъ противны они въ своей Большой Оперѣ, такъ милы въ своей старой музыкѣ, совершенно соотвѣтствующей ихъ національному характеру.—Познакомился я съ пріѣхавшимъ сюда живописцемъ Ивановымъ —Человѣкъ онъ весьма умный и мыслящій, но, сколько мнѣ кажется, болѣе мыслящая, нежели художническая натура, и потому болѣе ищущая, нежели производящая. Мочи нѣтъ, какъ хочется видѣть его картину. Мнѣ страннымъ въ нѣкоторомъ отношеніи кажется его усиленное стремленіе довести историческую вѣрность своей картины до всевозможнаго совершенства. Для этой исторической вѣрности въ будущихъ своихъ произведеніяхъ, предпринимаетъ онъ путешествіе въ Сирію и въ Іерусалимъ. Такое кропотливое археологическое направленіе едва ли можетъ замѣнить творческую производительность и ту поэтическую вѣрность, какою увлекаетъ насъ Шекспиръ, при всѣхъ своихъ археологическихъ ошибкахъ, или старые итальянскіе живописцы. Боюсь выговорить, но творческимъ, поэтическимъ даромъ едва ли обладаетъ Ивановъ. Всѣ эти сомнѣнія разрѣшитъ мнѣ его картина, до которой считай вздоромъ всѣ мои о немъ мнѣнія“.

В. Боткинъ.

Однажды утромъ жандармъ съ желѣзной дороги, передавая мнѣ поклонъ отъ полковника С. С. Громеки, вручилъ заявленіе отъ желѣзной дороги о томъ, что вагонъ, въ который въ Петербургѣ погруженъ былъ нашъ товаръ, отъ зароненной искры сгорѣлъ, и мы можемъ получить въ Москвѣ остатокъ уцѣлѣвшихъ вещей. Легко себѣ представить горькія слезы жены моей, оставшейся не только безъ сравнительно дорогаго приданаго, но даже безъ необходимаго платья и бѣлья. Между тѣмъ кое какія вещи, какъ напримѣръ мраморные часы, бронзовые канделябры и часть бѣлья уцѣлѣли, и кромѣ того мы получили отъ Страховаго Общества 300 р. за сгорѣвшее. Вотъ что Василій Петровичъ писалъ изъ Рима 1 ноября 1857 года:

„Третьяго дня вечеромъ пріѣхали мы съ Тургеневымъ сюда,

и вчера нашелъ я на почтѣ письмо отъ тебя и Маши. Обрадовался я сначала, видя, что вы добрались благополучно, но извѣстіе о сгорѣвшихъ вещахъ, не смотря на мою радость, даже меня сильно огорчило. Воображаю печаль и досаду Маши! Вѣдь надо же было такъ случиться—и столько изящныхъ вещей погибло, а въ Москвѣ пожалуй и за деньги не достанешь этого. Слава Богу, что сами вы добрались благополучно, между тѣмъ какъ въ это же время по всѣмъ сѣвернымъ морямъ были страшныя бури. По пріѣздѣ сюда, у Тургенева снова началась его болѣзнь, отъ которой онъ такъ страдалъ прошлою зимой. Неизвѣстно, что будетъ дальше, а теперь онъ сильно страдаетъ. Всѣ планы его о работѣ рушились, и онъ думаетъ скоро уѣхать отсюда. А какъ сладко воображали мы прожить вмѣстѣ зиму, нанять вмѣстѣ квартиру и прочее. Увы! всѣ наши предположенія и мечты сгорѣли, какъ ваши вещи. Изъ Марселя ѣхали мы на Ниццу и потомъ берегомъ моря до Генуи. Я съ разныхъ сторонъ въѣзжалъ въ Италію, но ни откуда не являлась она въ такомъ сладкомъ чарующемъ видѣ, какъ съ своей горной стороны.

«Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры!»

„И рощи пальмъ, и огромные олеандры, и сады апельсинныхъ деревьевъ, и возлѣ всего этого голубое море. Есть мѣста, передъ которыми остаешься въ нѣмомъ экстазѣ. Такъ доѣхали мы до Генуи, гдѣ по случаю путаницы, сдѣланной кондукторомъ съ чемоданомъ Тургенева, пробыли мы пять дней".

Что В. П. Боткинъ былъ человѣкомъ минутнаго впечатлѣнія и даже каприза, можно видѣть изъ сопоставленія слѣдующихъ затѣмъ строкъ съ его же словами изъ письма отъ 17-го ноября 1857 года. Въ настоящемъ письмѣ онъ продолжаетъ:

„Всяческою мерзостью и гадостью охватило насъ, когда мы вступили на великую землю Рима. Я думаю, на всей землѣ нѣтъ ничего унылѣе тѣхъ мѣстъ, которыми ѣдешь отъ Чивита-Векіи до Рима. Это какая то прокаженная, проклятая земля. И въ народѣ, какъ въ землѣ этой, все выгорѣло, все выродилось. Я не знаю, причиною ли тому воображеніе или что другое, но ни одна страна, ни одинъ городъ не производитъ

на мою душу такихъ впечатлѣній, какъ этотъ грязный, засаленный, унылый Римъ. Но представь: я говорю о Римѣ, а у меня въ головѣ сидятъ ваши сгорѣвшія вещи". *В. Боткинъ.*

Между тѣмъ отъ 17 ноября 1857 года Боткинъ пишетъ:

„Слава Богу, что у тебя есть практическій смыслъ, и вы по возможности устроились. А я до сихъ поръ не могу примириться съ мыслію о вашихъ сгорѣвшихъ вещахъ. Какую это сильную прорѣху должно сдѣлать въ вашемъ бюджетѣ! На починку этой прорѣхи прошу васъ употребить и тѣ 2000 франковъ, которые ты взялъ у меня въ Парижѣ, и выкинемъ ихъ изъ памяти. Скажу вамъ, что жизнь въ Римѣ совершенно по мнѣ, и мнѣ здѣсь такъ хорошо, что я не вижу, какъ летитъ время. На этой римской почвѣ все поднимаетъ чувство на какой то важный (sic), величавый, задумчивый тонъ. Странно! Я кажется не грязный человѣкъ, а эта грязь и вонючія улицы Рима нисколько не мѣшаютъ моему наслажденію. Напротивъ, есть что то необычайное въ этомъ соединеніи развалинъ римскаго міра съ капуцинами и монастырями; этихъ монументальныхъ зданій и фонтановъ съ окружающими ихъ лохмотьями и грязью. Здѣсь и великое точно такъ же предоставлено самому себѣ, какъ и мелкое и ничтожное. Все свободно вышло изъ одной и той же родной почвы—и высочайшіе идеалы христіанскаго искусства, и современная грязь и лохмотья. Во всемъ здѣсь чувствуешь эту удивительную почву, начиная съ этой небрежной простоты и наивности жизни. Да! до сихъ поръ и даже въ своемъ умирающемъ положеніи это еще удивительно одаренное племя".

В. Боткинъ.

Слуга передалъ мнѣ, что сестра Надя, еще до нашего пріѣзда, катаясь, заѣхала на нашу квартиру и, взглянувъ въ залѣ на рояль, спросила: „братъ женится"?—Конечно, первою заботою моею по пріѣздѣ въ Москву было испросить разрѣшенія благодѣтельнаго В. Ѳ. Саблера на свиданіе съ сестрою, которая съ восторгомъ приняла наше предложеніе поселиться у насъ, вмѣстѣ съ женщиной, ходившей за ней во время ея болѣзни. Такимъ образомъ сестра Надя, въ самомъ скоромъ времени дружески сблизившись съ моею женой, заняла уголь-

ную комнату между большею чайной и дѣвичьей, изъ которой каждую минуту могла позвать свою услужливую няньку.

Однажды вечеромъ, во время чаю явился къ намъ неожиданно графъ Л. Н. Толстой и сообщилъ, что они, Толстые, т. е. онъ, старшій его братъ Николай Николаевичъ и сестра, графиня Марья Николаевна, поселились всѣ вмѣстѣ въ меблированныхъ комнатахъ Варгина на Пятницкой. Мы всѣ скоро сблизились. Не помню, при какихъ обстоятельствахъ братья Толстые—Николай и Левъ—познакомились съ Ст. Ст. Громекой; вѣроятно это произошло у насъ въ домѣ. Всѣ трое очень скоро сблизились между собою, такъ какъ оказались страстными охотниками.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ мнѣ изъ Рима отъ 7 ноября 1857 года:

„Отъ В. Боткина получалъ я постоянныя извѣстія о Васъ, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и вотъ наконецъ пришло отъ Васъ письмецо ко мнѣ, за которое сердечное Вамъ спасибо. Я очень радъ слухамъ о Вашемъ счастьи, и хотя искренно сожалѣю о потерѣ всѣхъ парижскихъ дорогихъ покупокъ, однако, при отсутствіи бо́льшаго несчастія, это еще съ рукъ сойти можетъ. Взгляните на этотъ пожаръ, какъ на перстень Поликратовъ, брошенный въ даръ завистливымъ богамъ.—А потроха *) не дождались меня! Что дѣлать! Частію виновато въ этомъ краснорѣчіе Василія Петровича, а частію мнѣ самому не хотѣлось вернуться въ Россію послѣ годовой отлучки съ пустыми руками. Я надѣялся, что, разставшись съ Парижемъ, я разстанусь съ моею болѣзнью, я разсчитывалъ на здѣшній климатъ... Но увы! j'ai compté sans mon hote... Болѣзнь поймала меня и здѣсь, и такъ больно кусается, что я пожалуй не вытерплю и уѣду изъ Рима, какъ уже уѣхалъ изъ Парижа и другихъ мѣстъ. Плохо мнѣ, — да что говорить объ этомъ.—Спасибо за извѣстіе о Толстомъ и его сестрѣ. Скажите имъ, что очень они не худо бы сдѣлали, еслибы написали мнѣ.—Что Вамъ сказать о Римѣ? Вы здѣсь были и сами знаете, какое онъ впечатлѣніе производитъ на

*) Мы съ женою обѣщали угостить Тургенева на новосельи любимымъ его супомъ съ потрохами.

нашего брата, сѣверяка. Еслибъ не гнусная моя болѣзнь, не выѣхалъ бы отсюда, право! — Пишите, пишите стихотвореній какъ можно больше: у Васъ изъ десяти всегда одно превосходно, а это огромный процентъ. А Богъ дастъ въ будущемъ году издадимъ еще книжечку. Поклонитесь отъ меня Аксаковымъ, въ особенности Сергѣю Тимоѳеевичу. Я его адреса не знаю, но я напишу ему на Ваше имя. Скажите Толстому, чтобъ онъ выслалъ мнѣ свой адресъ и сестринъ. Развѣ онъ намѣренъ поселиться въ Москвѣ? Познакомились ли Вы съ его братомъ Николаемъ? Сообщенныя подробности о Писемскомъ и Островскомъ не слишкомъ отрадны. Но что прикажете дѣлать? У всякаго человѣка своя манера блохъ ловить. Боюсь я, что при этакомъ поведенцѣ Писемскій себя ухлопаетъ; Островскій—тотъ здоровъ. Эти два весьма замѣчательныхъ и чрезвычайно талантливыхъ русскихъ человѣка не брали себя въ руки, не ломали себя; а русскому человѣку это совершенно необходимо. Талантъ ихъ отъ этого можетъ быть уцѣлѣлъ, да вѣдь онъ съ другой стороны затрещать можетъ. Вы пишете, что Ап. Григорьева нѣтъ въ Москвѣ, а не пишете, гдѣ же онъ? Можетъ быть онъ гдѣнибудь здѣсь поблизости, и его можно было бы увидѣть, если не залучить. Не смотря на мое калѣчество, я кое-какъ принялся за работу; но трудно и вяло подвигается она. Я раззоренъ весь, вотъ какъ въ дѣтствѣ, бывало, мы раззоряли муравейникъ. Гдѣ его справить!—Прощайте, будьте здоровы Вы по крайней мѣрѣ. Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Кланяюсь Вашей женѣ и благодарю за память. Поклонитесь также Вашей сестрѣ. Боткинъ здоровъ и веселъ".

Конечно, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву, возобновилась самая живая переписка между мною и Борисовымъ, и нельзя было сомнѣваться въ томъ, что, послѣ переѣзда сестры Нади къ намъ на жительство, и онъ не замедлитъ явиться поздравить насъ съ законнымъ бракомъ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ пріѣхалъ и поселился въ моемъ кабинетѣ, ночуя на мягкомъ диванѣ. Даже на этотъ разъ Борисовъ явился болѣе оживленнымъ и избавленнымъ отъ мало-

азіатской лихорадки. Чудо это, по его разсказамъ, совершилъ еще понынѣ памятный всѣмъ мценскимъ жителямъ аптекарь Александръ Андреевичъ Симонъ, говорившій всѣмъ своимъ кліентамъ:

— Охота вамъ покупать эту дрянь! Я вамъ дамъ нѣсколько крупинокъ гомеопатіи, и вы будете здоровы.

Такъ поступилъ онъ и съ Борисовымъ, и на другой день послѣ пріема крупинокъ, малоазіатская лихорадка уже не возвращалась.

Не смотря на братскія мои отношенія къ Борисову, пріѣзду котораго мы съ женою были сердечно рады, я сталъ бояться своего кабинета: стоило мнѣ придти и, закуривъ папироску, завести любой разговоръ, чтобы черезъ пять минутъ очутиться въ потокѣ самыхъ убѣдительныхъ просьбъ и воззваній о помощи, сопровождаемыхъ отуманенными взглядами, а нерѣдко и слезинкою, висящею на густыхъ, черныхъ усахъ. Это почти ежедневно происходило въ кабинетѣ. Но зато въ комнатѣ сестры нерѣдко, по поводу моихъ указаній на многолѣтнюю, безграничную преданность, я слышалъ только отзывы, въ безнадежности которыхъ для Борисова сомнѣнія быть не могло. Не довѣряя моимъ отнѣкиваніямъ и неблагопріятнымъ инсинуаціямъ, Борисовъ, набравши духу, самъ находилъ минуту повторить въ двадцатый разъ свое предложеніе. Тутъ происходилъ обычный электрическій ударъ, и на другой день, едва сдерживая слезы, онъ уѣзжалъ въ Фатьяново.

Еще до моей поѣздки въ Парижъ, Ап. Григорьевъ познакомилъ меня съ весьма милой дѣвушкой, музыкантшей въ душѣ — Екатериной Сергѣевной П—ой, вышедшей впослѣдствіи замужъ тоже за піаниста и композитора Бородина. Въ то время всѣ увлекались Шопеномъ, и Екатерина Сергѣевна передавала его мазурки съ большимъ мастерствомъ и воодушевленіемъ. Когда я женился, Екатерина Сергѣевна, полюбивши жену мою, стала часто навѣщать насъ. Въ то же время Ап. Григорьевъ ввелъ къ намъ въ домъ весьма талантливаго скрипача, котораго имени въ настоящее время не упомню, но про котораго онъ говорилъ, что это „кузнечикъ гуляка, другъ кузнечика музыканта“.

Такимъ образомъ у насъ иногда по вечерамъ составлялись

дуэты, на которые пріѣзжала піанистка и любительница музыки графиня М. Н. Толстая, иногда въ сопровожденіи братьевъ — Николая и Льва, — или же одного Николая, который говорилъ:

— А Левочка опять надѣлъ фракъ и бѣлый галстухъ и отправился на балъ.

Днемъ я прилежно былъ занятъ переводами изъ Шекспира, стараясь въ этой работѣ найти поддержку нашему скромному бюджету, а вечера мы почти безотлучно проводили въ нашей чайной. Тутъ графъ Ник. Ник. Толстой, бывавшій у насъ чуть не каждый вечеръ, приносилъ съ собою нравственный интересъ и оживленіе, которые трудно передать въ немногихъ словахъ. Въ то время онъ ходилъ еще въ своемъ артиллерійскомъ сюртукѣ, и стоило взглянуть на его худыя руки, большіе, умные глаза и ввалившіяся щеки, чтобы убѣдиться, что неумолимая чахотка безпощадно вцѣпилась въ грудь этого добродушно-насмѣшливаго человѣка. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный человѣкъ, про котораго мало сказать, что всѣ знакомые его любили, а слѣдуетъ сказать — обожали, пріобрѣлъ на Кавказѣ столь обычную въ то время между тамошними военными привычку къ горячимъ напиткамъ. Хотя я впослѣдствіи коротко зналъ Николая Толстаго и бывалъ съ нимъ въ отъѣзжемъ полѣ на охотѣ, гдѣ конечно ему сподручнѣе было выпить, чѣмъ на какомъ либо вечерѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіи трехлѣтняго знакомства, я ни разу не замѣчалъ въ Ник. Толстомъ даже тѣни опьяненія. Сядетъ онъ, бывало, на кресло, придвинутое къ столу, и понемножку прихлебываетъ чай, приправленный коньякомъ. Будучи отъ природы крайне скроменъ, онъ нуждался въ распросахъ со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, онъ вносилъ въ нее всю тонкость и забавность своего добродушнаго юмора. Онъ видимо обожалъ младшаго своего брата Льва. Но надо было слышать, съ какой ироніей онъ отзывался о его великосвѣтскихъ похожденіяхъ. Онъ такъ ясно умѣлъ отличать дѣйствительную сущность жизни отъ ея эфемерной оболочки, что съ одинаковою ироніей смотрѣлъ и на высшій, и на низшій слой кавказской жизни. И знаменитый охотникъ, старовѣръ, дядюшка Епишка, (въ „Казакахъ“ гр.

Л. Толстаго—Ерошка) очевидно, подмѣченъ и выщупанъ до окончательной художественности Николаемъ Толстымъ.

И. П. Борисовъ, бывшій самъ человѣкомъ недюжиннымъ и видавшій Льва Толстаго еще на Кавказѣ, не могъ, конечно, съ первой встрѣчи съ нимъ въ нашемъ домѣ не подпасть подъ вліяніе этого богатыря. Но въ то время увлеченіе Л. Толстаго щегольствомъ бросалось въ глаза, и, видя его въ новой бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ, съ вьющимися длинными темнорусыми волосами подъ блестящею шляпой, надѣтой на бекрень, и съ модною тростью въ рукѣ выходящаго на прогулку, — Борисовъ говорилъ про него словами пѣсни:

«Онъ и тросточкой подпирается,
Онъ калиновой похваляется».

Въ то время у свѣтской молодежи входили въ моду гимнастическія упражненія, между которыми первое мѣсто занимало прыганье черезъ деревяннаго коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во второмъ часу дня, надо отправляться въ гимнастическій залъ на Большой Дмитровкѣ. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ онъ, одѣвшись въ трико, старался перепрыгнуть черезъ коня, не задѣвши кожанаго, набитаго шерстью, конуса, поставленнаго на спинѣ этого коня. Не удивительно, что подвижная, энергическая натура 29-лѣтняго Л. Толстаго требовала такого усиленнаго движенія, но довольно странно было видѣть рядомъ съ юношами старцевъ съ обнаженными черепами и выдающимися животами. Одинъ молодой, но женатый человѣкъ, дождавшись очереди въ своемъ розовомъ трико, каждый разъ съ разбѣгу упирался грудью въ крупъ коня и спокойно отходилъ въ сторону, уступая мѣсто слѣдующему.

Попрежнему, я иногда забѣгалъ на часокъ къ одному изъ младшихъ соучастниковъ Боткинской фирмы, Дмитрію Петровичу, занимавшему въ домѣ квартиру въ нижнемъ этажѣ направо съ первой площадки. Квартиру эту занималъ прежде Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, и сюда собирался весь вдохновляемый имъ кружокъ. Въ настоящее время у Дмитрія Петровича въ небольшой залѣ стоялъ билліардъ, и мы съ хо-

зяиномъ нерѣдко предавались этой игрѣ, прохлаждаясь стаканомъ шампанскаго, отъ котораго я въ то время никогда не отказывался.

Хотя Т. Н. Грановскій и жена его давно уже умерли, тѣмъ не менѣе я еще захватилъ остатки его круга въ домѣ заслуженнаго профессора, доктора медицины Павла Лукича Пикулина, женатаго на младшей сестрѣ жены моей. Впослѣдствіи я познакомился съ корифеями московской медицины, учениками Пикулина, и помню ихъ разсказы о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ студенты слушали лекціи любимаго профессора. Но при всемъ своемъ знаніи и рѣдкомъ отсутствіи шарлатанства, пріобрѣтшій большую практику Пикулинъ, по дѣтской округлости лица, добродушной насмѣшливости и полной безпечности, всю жизнь остался милымъ ребенкомъ; и при слабости характера получивши въ наслѣдство изъ кружка Грановскаго такой нетерпящій возраженій экземпляръ, какъ Н. Хр. Кетчеръ, Пикулинъ, очевидно, долженъ былъ погибнуть, что и исполнилъ съ послѣдовательностью, достойной лучшей доли. Бывало, сидя у Пикулина и слыша о слугѣ, явившемся просить доктора къ больному, Кетчеръ, будучи самъ докторомъ медицины, хотя и не практиковавшимъ, закричитъ: „и охота тебѣ, Пикулинъ, таскаться по больнымъ! Навѣрное, какая-нибудь нервная баба, которой надо лавровишневыхъ капель. Ха-ха-ха! А ты лучше пошли за бутылочкой Редерера, и мы сами съ тобой полѣчимся, ха-ха-ха!“ Конечно, получившіе отказъ больные не повторяли своихъ приглашеній, а падкій и безъ того на всякаго рода самоуслажденія Пикулинъ предпочиталъ предаваться заботамъ о цвѣточной теплицѣ, изящномъ журналѣ садоводства и домашнемъ обѣдѣ, изготовляемомъ подъ личнымъ его наблюденіемъ по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства. Такимъ образомъ мало-по-малу Пикулинъ впадалъ въ то превращеніе дня въ ночь, которое черезъ три года послѣ моего съ нимъ знакомства стало его образомъ жизни. Началось это съ привычки отправляться въ пятомъ часу прямо изъ-за вкуснаго обѣда спать въ кабинетъ и просыпаться только въ восьмомъ часу, когда на огонекъ къ чаю сходился весь его кружокъ. Здѣсь являлись люди самыхъ разнородныхъ характеровъ, начиная

съ широко образованнаго и изящнаго Станкевича, остроумнаго Е. Ѳ. Корша и кончая далеко не изящнымъ собирателемъ сказокъ Аѳанасьевымъ. Разнообразныхъ членовъ Пикулинскаго кружка видимо привлекала не нравственная потребность высшаго умственнаго общенія, а то благодушное влеченіе къ шуткѣ, оставшееся въ наслѣдство отъ Грановскаго, которому нигдѣ не было такъ по себѣ, какъ въ кабинетѣ добродушнаго Пикулина.

Позволю себѣ разсказать шутку Пикулина, которой мнѣ гораздо позднѣе пришлось быть свидѣтелемъ.

Обычные гости его собрались на Рождествѣ въ его кабинетѣ къ вечернему чаю. „Теперь, сказалъ Пикулинъ, пойдемте въ залу!“ — И когда мы вошли въ нее вслѣдъ за хозяиномъ, послѣдній съ хохотомъ указалъ на елку, убранную какими-то свертками изъ бѣлой бумаги.

— Господа, прибавилъ Пикулинъ, позвольте раздать вамъ соотвѣтственные подарки. — При этомъ, развертывая бумагу, онъ подалъ еще не старому, но совершенно лысому Станкевичу банку розовой помады и конскій гребень, увѣряя, что первая отраститъ у него такіе волосы, которыхъ обыкновенный гребень не прочешетъ. Захохоталъ, разумѣется, громче всѣхъ Кетчеръ, и Пикулинъ, развернувъ свертокъ, подалъ ему собачій намордникъ. Е. Ѳ. Коршъ, вѣчно страдавшій отъ холодныхъ квартиръ, получилъ валенки и теплыя рукавицы для чтенія корректуръ. Аѳанасьевъ получилъ въ подарокъ кусокъ мыла и банную мочалку. Не помню, кто получилъ косушку водки. Когда всѣ подарки были розданы, поднялся Станкевичъ и сказалъ: „догадываясь о сюрпризѣ, ожидавшемъ насъ со стороны любезнаго хозяина, мы съ своей стороны припасли и для него подарокъ“. И доставая изъ кармана дѣтскую соску, украшенную розовымъ бантомъ, онъ передалъ ее хозяину.

— Такимъ образомъ, замѣтилъ Коршъ, мы, господа, кончаемъ „сосцеологіей“.

Борисовъ попрежнему продолжалъ кататься на перекладной изъ Фатьянова въ Москву и обратно. Сестра видимо оправлялась, но на мои вопросы касательно прочности ея выздоровленія, добрѣйшій В. Ѳ. Саблеръ многократно гово-

рилъ, что рецидива можетъ быть устранена только замужствомъ. Собравшись съ духомъ, я однажды, чувствуя себя вполнѣ безпомощнымъ, пустилъ въ ходъ эту тяжелую артиллерію, прибавляя, что если это неизбѣжно-необходимо, то нельзя же по заказу ловить жениховъ на улицѣ, въ то время когда завѣдомо хорошій человѣкъ умираетъ отъ любви Встрѣтивъ и на этотъ разъ рѣшительный отпоръ, Борисовъ снова уѣхалъ въ Фатьяново

Однажды, когда я писалъ ему отвѣтъ, въ кабинетъ вошла Надя и спросила:

— Кому ты это пишешь?

— Борисову, отвѣчалъ я.

— Быть можетъ, сказала она, онъ будетъ настолько уменъ, что пріѣдетъ къ намъ.

— Пожалуй, я передамъ ему настоящія твои слова.

— Какъ хочешь, былъ отвѣтъ.

Конечно, я передалъ ея слова въ письмѣ, и черезъ недѣлю Борисовъ снова помѣстился въ моемъ кабинетѣ. Дѣла его однако же видимо стояли на точкѣ замерзанія.

Однажды, когда, кончивши нашъ утренній кофей, мы съ женою оставили въ чайной самоваръ въ вѣдѣніе Нади, выходившей нѣсколько позднѣе,—сами же разошлись, въ дверяхъ моихъ раздался легкій стукъ.

— Можно къ тебѣ взойти? спросила Надя.

— Обожди одну минуту, отвѣчалъ я.

— Намъ только на одну минуту, проговорилъ Борисовъ.

Конечно, когда я отворилъ дверь, то ожидалъ всего возможнаго вмѣсто взявшейся за руки пары.

— Поздравь насъ, сказали они,—мы дали другъ другу слово.

Торжество счастья такъ и сіяло изъ глазъ Борисова. Надя была сдержанна.

Борисовъ тотчасъ же извѣстилъ о днѣ свадьбы самаго близкаго и дорогаго ему человѣка, рязанскаго губернатора П. П. Новосильцова, въ домѣ котораго онъ проживалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Петръ Петровичъ былъ московскимъ вицъ-губернаторомъ. Свадьба была отпразднована въ самомъ скоромъ времени у насъ въ домѣ, и холостой еще

Дмитрій Петровичъ Боткинъ былъ шаферомъ у невѣсты, а посаженнымъ отцомъ у жениха — П. П. Новосильцовъ. При вѣнчаніи меня въ церкви не было, но впослѣдствіи Дмитрій Петровичъ разсказывалъ, что когда онъ взялъ невѣсту за руку, чтобы вести ее на подвѣнечный коврикъ, она въ первое мгновеніе отшатнулась и оказала сопротивленіе. Въ сущности такое сопротивленіе было только внѣшнимъ знакомъ того внутренняго отпора, который не ослабѣлъ въ душѣ и новобрачной.

Громека отъ 11-го января 1858 г. писалъ:

«Славься дѣломъ симъ удачнымъ,
Славься, нѣжный Фетъ!
Вашимъ милымъ новобрачнымъ
Искренній привѣтъ!
Много счастья, многи лѣта
Богъ имъ да пошлетъ!
И продлитъ во славу Фета
Свой Борисовъ родъ!
Я спѣшу. Сію минуту
Ѣду въ градъ Петра
(Исполняя службу люту,
Дрыхну до утра).
Кстати: въ Питерѣ Щербатскій
Ипполитъ, и съ нимъ
Для Непира *) путь по-братски
Мы ужь сочинимъ...»

„Но не довольно ли стихами? Пора перестать надоѣдать вамъ таковыми. Ипполитъ Ѳедоровичъ подалъ въ отпускъ и ѣдетъ заграницу лѣчиться; кажется оставитъ полкъ совсѣмъ. Еще разъ усерднѣйше поздравляю васъ съ счастливымъ сочетаніемъ Борисова; онъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ сдѣлать ее счастливою. Если молодые еще у васъ, то поклонитесь имъ хорошенько отъ меня. Жму вашу руку. С. Громека".

Отъ 4-го января 1858 г. получилъ я письмо отъ Апполона Григорьева:

„Другъ и братъ Аѳанасій! Благодарю тебя и за письма, и главное за ту привязанность, которая въ нихъ видна, хотя

*) Непиръ оставался въ полку, во время моего пребыванія за-границей.

за этакія вещи не благодарятъ. Все, что ты говорилъ тутъ о служеніи черни и проч.—это дѣло, да только это все стрѣлы, летящія мимо Объ этомъ или надобенъ толкъ долгій, или вовсе не нужно никакого до времени. Дѣло покамѣстъ не въ томъ,—дѣло въ томъ, что ты меня понимаешь, и я тебя понимаю, и что ни годы, ни мыканье по разнымъ направленіямъ, ни жизнь, положительно-мечтательная у тебя, метеорски-мечтательная у меня,—не истребили душевнаго единства между нами. Радъ твоей *Маниловкѣ*, радъ твоимъ стихамъ, которые прилетаютъ ко мнѣ —

«Какъ май ароматный
Въ дыханьи весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны»...

„Какъ гласитъ цыганская пѣсня;—и пожалуйста не вѣрь ты въ отношеніи къ своимъ стихамъ никому, кромѣ Боткина и меня, развѣ только подвергай ихъ иногда математическому анализу Эдельсона,—это для ихъ здраваго смысла, и кромѣ того у него есть особенное *яркое* чутье, или чутье на *яркое*, но только на яркое, рѣдко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще вѣрь только *критикамъ* въ этомъ дѣлѣ, а не поэтамъ, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причинѣ, что они всегда смотрятъ сквозь свою призму. Наилучшее доказательство—несчастное изданіе второе, Тургеневское. Толстой, вглядываясь въ его натуру сквозь его произведенія,—поставилъ себѣ задачею даже съ нѣкоторымъ насиліемъ *гнать* музыкально-неуловимое въ жизни, нравственномъ мірѣ, художествѣ. Въ этомъ пока его сила, въ этомъ его и слабость. Островскій шире всѣхъ, конечно, но съ нимъ другая бѣда: онъ часто *подкладываетъ* свое и готовъ предобросовѣстно восторгаться шумихой Мея. Стихи свѣжи, благоуханны и по моему даже *ясны*".

„Радъ за Ивана Петровича. Но не разучился бы онъ понимать Венгерку, которую такъ *тяжело* и *хорошо* понималъ онъ силою глубокаго и долгаго душевнаго страданія? А впрочемъ нѣтъ! Отъ долгаго *горя* есть всегда приличный осадокъ".

„Слушай, братъ, у меня къ тебѣ опять просьба и большая. Къ ней неизбѣжны два предисловія.

1) Ты знаешь или видишь достаточно, что жизнь моя вся искалѣчена, запутана, перепутана во всякомъ отношеніи. Выйти изъ этой путаницы даже и надежды мало. Знаю, что по возвратѣ пущусь издавать журналъ напропалую, т. е. съ глубокою вѣрою въ *истинность* своего литературнаго взгляда, съ глубочайшимъ невѣріемъ въ успѣхъ журнала. При этой адской запутанности дѣлъ, у меня отецъ, къ которому я страстно привязался въ послѣднія времена, и семья... ну что тутъ разсказывать—самъ знаешь и видишь. „Quisque Fortunae suae faber“—и я смиренно склоняю голову подъ топоръ судьбы, не отдавая ей впрочемъ ничего изъ своего завѣтнаго. Отправляясь, я обрѣзалъ себѣ расходы, *здѣсь* обрѣзалъ себя еще больше—до *nec plus ultra*, чтобы имъ доставалось по крайности столько, сколько бы доставалось въ моемъ присутствіи. Я оставилъ себѣ пять червонцевъ въ мѣсяцъ, и мнѣ положительно не на что ни одѣваться, ни учиться.

2) Въ это время написано мною много: кончена часть вещи: „Къ друзьямъ издалека“ и часть, носящая названіе „Море“. Тутъ весь я, всѣ мои вопросы—философскіе, историческіе, литературные. Но прежде чѣмъ отдать эту *дорогую* мнѣ книгу Дружинину, хотѣлъ бы отдѣлать ее до точности, до ясности, до извѣстной степени художества. Спаси меня теперь, или лучше спаси мою книгу и дай ей сказаться, какъ ей надо сказаться. Мнѣ на все это время, т. е. до іюня—на платье, ученье, галлереи и Парижъ—нужно восемьдесятъ червонцевъ. Прошу тебя именемъ нашей ничѣмъ нерушимой дружбы выслать мнѣ эту сумму черезъ здѣшнихъ банкировъ, на имя какого либо Флорентійскаго, и главное сохранить глубочайшую *тайну*. Я самъ обязуюсь въ іюнѣ предоставить въ твое полное распоряженіе отдѣланную книгу (въ ней листовъ 10 печатныхъ), а въ случаѣ смерти—оставить записку, въ которой бумаги должны быть предоставлены въ твое распоряженіе... Милый мой, ты знаешь,—я не подлецъ и когда что сказалъ кому либо изъ своихъ кровныхъ, то это будетъ такъ. Во всякомъ случаѣ: 1) объ этомъ ни слова ни патеру, никому вообще; 2) присылай денегъ тотчасъ же по полученіи сего посланія, или тотчасъ же отвѣчай отрицательно, ибо тогда я отправлю свое чадо въ его грубомъ и необдѣланномъ

видѣ къ Дружинину. Главное, пришли денегъ или отвѣчай отрицательно безъ проповѣдей, въ возможной скорости".

„Сей неблаговидный наскокъ на твою дружбу дѣлается по двумъ причинамъ: 1) потому что я въ тебя вѣрю и 2) потому что хлѣбъ у меня есть, но я продаю его, что говорится, на корню".

„Засимъ будь здравъ, кланяйся женѣ, сестрѣ и ея мужу и пиши хорошіе стихи, чѣмъ много доставишь мнѣ удовольствія". Ап. Григорьевъ".

Какъ утопающій за прибрежныя скалы, хваталась Надя руками за меня и за жену. Такое положеніе было для Борисова невыносимо, и онъ объявилъ, что они черезъ недѣлю уѣзжаютъ въ Фатьяново, такъ какъ Саблеръ не совѣтовалъ подвергать Надю впечатлѣнію возврата въ Новоселки.

Въ половинѣ января я, въ числѣ прочихъ, наличныхъ, московскихъ литераторовъ, получилъ приглашеніе В. А. Кокорева на обѣдъ въ его собственный домъ близь Маросейки. Цѣль этого приглашенія была мнѣ совершенно неизвѣстна, такъ какъ про обѣдъ 28 декабря 1857 г. въ Купеческомъ клубѣ я узналъ только изъ статьи Н. А. Любимова въ сентябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1888 года. Рѣчь, сказанная при этомъ Кокоревымъ, тождественна по содержанію съ произнесенною имъ въ Купеческомъ клубѣ: о добровольной помощи со стороны купечества къ выкупу крестьянскихъ усадебъ. Помню, съ какимъ воодушевленіемъ подошелъ ко мнѣ М. Н. Катковъ и сказалъ: „вотъ бы вамъ вашимъ перомъ иллюстрировать это событіе". Я не отвѣчалъ ни слова, не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія бы то ни было событія. Я никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ либо помимо красоты. Тѣмъ не менѣе за столами, покрытыми драгоцѣннымъ, стариннымъ серебромъ: ковшами, сулеями, братинами и т. д.,—съ великимъ сочувствіемъ находились, начиная съ покойныхъ братьевъ Аксаковыхъ и Хомякова,—наиболѣе выдававшіеся въ литературѣ представители славянофиловъ. По причинѣ множества рѣчей, обѣдъ кончился не скоро. Но на другой день всѣхъ присутствующихъ, по распоряженію графа Закревскаго, пригласили къ оберъ-полиціймейстеру расписаться въ

непроизнесеніи впредь застольныхъ рѣчей. Помню, какъ гр. Н. Н. Толстой добродушно хохоталъ, восклицая наставленіе дѣтямъ: „on ne parle pas à table“.

Явно, что въ то время правительство далеко было отъ мысли привлекать общество къ обсужденію государственныхъ мѣръ.

Между тѣмъ Громека отъ 15 января писалъ:

„Согласно вашей просьбѣ, спѣшу увѣдомить васъ, милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что на этихъ дняхъ, около 18 или 20 числа, я ѣду на медвѣдя. Передайте Толстому, что мною куплена медвѣдица съ двумя медвѣжатами (годовалыми), и что если ему угодно участвовать въ нашей охотѣ, то благоволитъ къ 18 или 19 числу пріѣхать въ Волочекъ, прямо ко мнѣ, безъ всякихъ церемоній, и что я буду ждать его съ распростертыми объятіями: для него будетъ приготовлена комната. Если же онъ не пріѣдетъ, то прошу васъ увѣдомить меня къ тому же времени. Я полагаю, что охота состоится именно 19 числа. Слѣдовательно, всего лучше и даже необходимо пріѣхать 18-го. Если же Толстой пожелаетъ отложить до 21-го, то увѣдомьте; далѣе ждать невозможно“.

„Ипполитъ и Николай Ѳедоровичи кланяются и поздравляютъ съ замужствомъ сестры. Первый изъ нихъ обѣщаетъ устроить чрезъ Василія Павловича, котораго ждетъ на дняхъ въ Петербургъ,—доставленіе ко мнѣ Непира. Обнимаю васъ“.

С. Громека.

P. S. «Въ сердцѣ прежнюю любовь хранитъ
Къ вамъ Щербатскій Ипполитъ,
А Степанъ Степановъ сынъ Громека
Будетъ васъ любить четыре вѣка».

Для большей убѣдительности извѣстный вожакъ на медвѣжьихъ охотахъ, Осташковъ, явился на квартиру Толстыхъ. Его появленіе въ средѣ охотниковъ можно только сравнить съ погруженіемъ раскаленнаго желѣза въ воду. Все забурлило и зашумѣло. Въ виду того, что каждому охотнику на медвѣдя рекомендовалось имѣть съ собою два ружья, графъ Левъ Николаевичъ выпросилъ у меня мою нѣмецкую двустволку, предназначенную для дроби. Въ условленный день

наши охотники (Левъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ) отправились на Николаевскій вокзалъ. Добросовѣстно передамъ здѣсь слышанное мною отъ самого Льва Николаевича и сопровождавшихъ его на медвѣжьей охотѣ товарищей.

Когда охотники, каждый съ двумя заряженными ружьями, были разставлены вдоль поляны, проходившей по изборожденному въ шахматномъ порядкѣ просѣками лѣсу, то имъ рекомендовали пошире отоптать вокругъ себя глубокій снѣгъ, чтобы такимъ образомъ получить возможно большую свободу движеній. Но Левъ Николаевичъ, становясь на указанномъ мѣстѣ, чуть не по поясъ въ снѣгъ, объявилъ отаптываніе лишнимъ, такъ какъ дѣло состояло въ стрѣляніи въ медвѣдя, а не въ ратоборствѣ съ нимъ. Въ такомъ соображеніи графъ ограничился поставить свое заряженное ружье къ стволу дерева такъ, чтобы, выпустивъ своихъ два выстрѣла, бросить свое ружье и, протянувъ руку, схватить мое. Поднятая Осташковымъ съ берлоги громадная медвѣдица не заставила себя долго ждать. Она бросилась къ долинѣ, вдоль которой расположены были стрѣлки, по одной изъ перпендикулярныхъ къ ней продольныхъ просѣкъ, выходившихъ на ближайшаго справа ко Льву Николаевичу стрѣлка, вслѣдствіе чего графъ даже не могъ видѣть приближенія медвѣдицы. Но звѣрь, быть можетъ учуявъ охотника, на котораго все время шелъ, вдругъ бросился по поперечной просѣкѣ и внезапно очутился въ самомъ недалекомъ разстояніи на просѣкѣ противъ Толстаго, на котораго стремительно помчался. Спокойно прицѣлясь, Левъ Николаевичъ спустилъ курокъ, но, вѣроятно, промахнулся, такъ какъ въ клубѣ дыма увидалъ передъ собою набѣгающую массу, по которой выстрѣлилъ почти въ упоръ и попалъ пулею въ зѣвъ, гдѣ она завязла между зубами. Отпрянуть въ сторону графъ не могъ, такъ какъ неотоптанный снѣгъ не давалъ ему простора, а схватить мое ружье не успѣлъ, получивши въ грудь сильный толчекъ, отъ котораго навзничь повалился въ снѣгъ. Медвѣдица съ разбѣга перескочила черезъ него.

„Ну, подумалъ графъ, — все кончено. Я далъ промахъ и не успѣю выстрѣлить по ней другой разъ". Но въ ту же минуту онъ увидалъ надъ головою что то темное. Это была

медвѣдица, которая, мгновенно вернувшись назадъ, старалась прокусить черепъ ранившему ее охотнику. Лежащій навзничь, какъ связанный, въ глубокомъ снѣгу Толстой могъ оказывать только пассивное сопротивленіе, стараясь по возможности втягивать голову въ плечи и подставлять лохматую шапку подъ зѣвъ животнаго. Быть можетъ вслѣдствіе такихъ инстинктивныхъ пріемовъ, звѣрь, промахнувшись зубами раза съ два, успѣлъ только дать одну значительную хватку, прорвавъ верхними зубами щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвавъ нижними всю лѣвую половину кожи со лба. Въ эту минуту случившійся по близости Осташковъ, съ небольшой, какъ всегда, хворостиной въ рукѣ, подбѣжалъ къ медвѣдицѣ и, разставивъ руки, закричалъ свое обычное: „куда ты? куда ты“?—услыхавъ это восклицаніе, медвѣдица бросилась прочь со всѣхъ ногъ, и ее, какъ помнится, вновь обошли и добили на другой день.

Первымъ словомъ поднявшагося на ноги Толстаго съ отвисшею на лицо кожею со лба, которую тутъ же перевязали платками,—было: „что-то скажетъ Фетъ?“ — Этимъ словомъ я горжусь и понынѣ.

Тѣмъ временемъ заграничныя друзья меня не забывали и Тургеневъ писалъ:

Римъ.
9 января 1858.

„Вы преисправный и прелюбезный корреспондентъ, милѣйшій мой А. А., и Ваши письма доставляютъ мнѣ всегда живѣйшее удовольствіе; вопервыхъ, я вижу изъ нихъ, что Вы расположены ко мнѣ — и это меня очень радуетъ; а вовторыхъ, отъ нихъ вѣетъ такимъ спокойнымъ свѣтлымъ счастьемъ, что и вчужѣ пронимаетъ аппетитъ;—и это меня еще больше радуетъ. Дай Богъ Вамъ продолжать такъ же, какъ Вы начали! — Еслибъ я былъ поэтъ, я бы сравнилъ Ваше счастье съ цвѣткомъ, — но съ какимъ? Держу пари, что не отгадаете—съ цвѣтомъ ржи. Вспомните цвѣтущій колосъ на склонѣ холма въ сіяющій лѣтній день,—и Вы останетесь довольны моимъ сравненіемъ.

„Вы говорите, что часто мечтаете о нашемъ общемъ житьѣ

въ деревнѣ въ нынѣшнемъ году... Я мечтаю о немъ даже здѣсь, среди величавыхъ развалинъ въ длинныхъ мраморныхъ залахъ Ватикана. Недаромъ же судьба поселила насъ всѣхъ, Васъ, Толстаго, меня, въ такомъ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга!

„Если боги намъ не позавидуютъ, мы проведемъ прелестное лѣто. У насъ здѣсь стоитъ погода (мы въ этомъ отношеніи были очень счастливы)—очень похожая на ту погоду, какая бываетъ въ Россіи въ концѣ апрѣля, и это еще болѣе разжигаетъ и волнуетъ меня. Я знаю, что въ Россіи ждутъ насъ не одни веселыя ощущенія: придется много хлопотать и трудиться; но всетаки авось мы огласимъ тѣ поля невольной пѣсней—невольной и послѣдней можетъ быть.

„Переводъ Вашъ изъ Беранже очень милъ. Бороться съ нимъ довольно трудно; благословляю Васъ на борьбу гораздо труднѣйшую, а именно съ Шекспиромъ.—Въ какой нибудь хорошій лѣтній вечеръ Вы прочтете намъ на моемъ балконѣ „Антонія и Клеопатру".

„Я радъ, что Вамъ мое „Полѣсье" понравилось, хоть я писалъ его урывками, черезъ силу und mit schwerem Herzen. Я послалъ Современнику повѣсть, которую Вы можетъ быть прочтете до полученія этого письма; напишите свое мнѣніе о ней, но постарайтесь взглянуть на меня посуровѣе.

„Здоровье мое нѣсколько лучше съ нѣкоторыхъ поръ, но все еще неудовлетворительно и омрачаетъ много свѣтлыхъ мгновеній. Я еще потому съ радостью думаю о Россіи, что мнѣ кажется, что я тамъ буду здоровъ. Но полно объ этомъ невеселомъ предметѣ.

„Я остаюсь въ Римѣ еще недѣль шесть, можетъ быть даже два мѣсяца.—Боткинъ неоцѣненный товарищъ, и мы съ нимъ изучаемъ этотъ безконечный и неисчерпаемый Римъ, который, кажется, не дался Вамъ, потому что Вы его брать не захотѣли. Здѣсь есть высочайшія вещи, которыя открываешь совершенно какъ мореплаватель открываетъ неизвѣстные острова.

„Мы написали Григорьеву во Флоренцію, но отвѣта еще не получали.

„До свиданія въ нашихъ березовыхъ рощахъ! Поклонитесь

отъ меня Вашей милой женѣ и всѣмъ добрымъ друзьямъ. Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Поклонъ Толстому и его сестрѣ; я жду отъ нихъ отвѣта на мои письма; но они, кажется, лѣнятся".

А 16-го января 1858 г. онъ писалъ уже изъ Петербурга:

„Сегодня получилъ Ваше письмо, любезнѣйшій Фетъ,—и отвѣчаю по пунктамъ:

„1) *О стихахъ.*—Справедливость требуетъ сказать, что Вы не въ счастливый часъ перевели эти двѣ пьесы изъ Шенье; вотъ что я замѣтилъ:

„*Ст. 8.* „Въ какой свои стада пасешь ты сторонѣ",—ужъ коли поддѣлываться подъ Петрова,—лучше такъ поставить слова:

«Пасешь въ какой стада свои ты сторонѣ».

„*Ст. 14.* Обликъ *вѣчно* милый.—Une cheville.

„*Ст. 15. Манятъ*—изъ Нелединскаго Мелецкаго.

„*Ст. 16. Твой дѣву робкую* и т. д.—Петровъ! Петровъ!

„*Ст. 23 и 24. А дѣтскихъ щекъ... будетъ даръ.*—Эдипъ, разрѣшившій загадку Сфинкса, завылъ бы отъ ужаса и побѣжалъ бы прочь отъ этихъ двухъ хаотически-мутно непостижимыхъ стиховъ.

„*Ст. 38. Спѣшитъ* и т. д. Украдено у графа Хвостова.

„*Ст. 44 Побѣду межъ друзьями.*—Темнота... вывихъ.

„*Ст. 49. Такимъ ты народиться.*—Канцелярскій слогъ временъ Сильвестра Медвѣдева.

„*Ст. 61. Мирры шелъ...*—Взято изъ надписи на тріумфальныхъ воротахъ послѣ взятія Азова.

„*Уразумѣвъ его враждебный видъ*— въ маленькомъ стихотвореніи Шенье можетъ тоже постоять за себя, какъ обращикъ канцелярскаго слога съ оттѣнкомъ семинаріи.

„Эти стихи въ такомъ видѣ, по моему, печатать не слѣдуетъ—надо ихъ выправить.

„2) Мнѣ Полонскій сказывалъ, что они къ Вамъ послали первую корректуру; но для чего за 600 верстъ посылать

первую, а не вторую корректуру? Вѣроятно, они уже Вамъ писали объ этомъ. Григорьевъ пьетъ безъ просыпу, а Полонскій смотритъ полевымъ цвѣткомъ, недѣлю тому назадъ подрѣзаннымъ сохою.

„3) Я до сихъ поръ еще не выѣхалъ! Вѣроятно, первую попытку сдѣлаю завтра. Но я вовсе не хандрилъ, скажите это Толстому — и на меня можно смотрѣть, не чувствуя приращенія непріязненныхъ чувствъ,—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Посовѣтуйте ему пріѣхать сюда поскорѣй,—онъ бы насъ всѣхъ вообще, а Дружинина въ особенности бы порадовалъ. По крайней мѣрѣ, пусть присылаетъ онъ свои *Три смерти*,—а лучше бы привезъ ихъ самъ.

„4) Поклонитесь отъ меня пожалуйста обоимъ Толстымъ и графинѣ Марьѣ Николаевнѣ. Нельзя ли узнать ея адресъ?

„5) За пуговки *) благодарю душевно и ношу ихъ каждодневно. — Также благодарю за все доброе и любезное, чѣмъ наполнено Ваше письмо. Хоть меня друзья не покидали, но мнѣ часто не доставало Вашего симпатичнаго лица съ прелестнымъ цвѣтомъ gorge de pigeon на носу и Вашего милѣйшаго запинанья. Кланяйтесь отъ меня земно Вашей женѣ, сестрѣ и Борисову.

„6) Заставьте Островскаго прочесть Вамъ свою новую комедію: прелесть!

„Досвиданія.— Не сердитесь за мои преувеличенныя ругательства. Никогда сильнѣе не любишь пріятеля, какъ когда тычешь ему кулакомъ подъ ребра, стараясь притомъ заострить сгибъ третьяго пальца. — Полонскій на дняхъ спрашивалъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева: „Каждый человѣкъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы". Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Въ домѣ Толстыхъ я познакомился съ Б. Н. Чичеринымъ и Салтыковымъ (Щедринымъ), съ которымъ послѣ того судьба еще разъ свела меня въ Петербургѣ у Тургенева. Въ этомъ

---

*) Выточенныя мною.

же году, если не ошибаюсь, установились у Каткова и Леонтьева, проживавшихъ на Арбатѣ у Николы Явленнаго, вечера и ужины для людей, симпатизировавшихъ ихъ направленію. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Чтобы доставить желающимъ возможность застать насъ навѣрное дома, мы назначили четверги по вечерамъ.

Боткинъ писалъ изъ Рима отъ 8 января 1858 г.

„Съ какою сердечною грустью буду я выѣзжать изъ Рима!

„Да скажи пожалуйста, я слышалъ, что Дружининъ написалъ обо мнѣ статью въ Библіотекѣ и произвелъ меня въ великіе писатели? За что это онъ такъ срамитъ меня? Разъясни мнѣ это и, если можно, вырви эти листы обо мнѣ изъ Библіотеки и пришли мнѣ. Слухъ объ этомъ меня глубоко обидѣлъ, хотя, Дружининъ, конечно, не имѣлъ этого въ виду. Къ Григорьеву писалъ во Флоренцію, и очень хочется свидѣться съ нимъ. Что дорогой и милый сердцу Толстой? Надѣюсь, что онъ получилъ мое письмо. Что наша литература и въ особенности Атеней?“

В. Боткинъ.

Отъ 6 февраля того же года онъ писалъ изъ Рима между прочимъ:

„Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ я прочелъ въ Nord рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ,— въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ,— уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслію въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины. Да неужели вы съ Толстымъ не шутя затѣваете журналъ? Я не совѣтую,—вопервыхъ въ настоящее время русской публикѣ не до изящной литературы, а вовторыхъ, журналъ есть великая обуза — и ни онъ, ни ты не въ состояніи тащить ея. Я думаю впрочемъ, что вы уже оставили эту мысль. Пусть окончитъ Толстой свой романъ: онъ подѣйствуетъ на вкусъ публики лучше десятка всяческихъ журналовъ.

„Повѣрьте, высшая красота и поэзія всегда достояніе только

самаго малаго меньшинства, и стихи гр. Растопчиной гораздо понятнѣе для массы читателей, нежели стихи Тютчева или Пушкина. Такъ всегда было, такъ и будетъ, и съ этимъ надо примириться.

В. Боткинъ.

Однажды, когда еще холостой Борисовъ стоялъ вмѣстѣ со мною у окна залы, провожая глазами съѣхавшую со двора жену мою въ новой каретѣ съ лакеемъ въ гвардейской ливреѣ на козлахъ, Иванъ Петровичъ, обращаясь ко мнѣ сказалъ: „ужь и не придумаю, какъ ты будешь поддерживать такую жизнь". — Помню, какъ эти слова укусили меня за сердце, но тогда иллюзія литературныхъ заработковъ меня поддерживала. Но время показало, что замѣчаніе Борисова съ бо̀льшей справедливостью могло относиться къ нему, чѣмъ ко мнѣ. Какъ бы то ни было, мы рѣшили съ Борисовыми, протягивая другъ другу матеріальную руку помощи, дѣлить годъ на зиму и лѣто, изъ которыхъ первую половину Борисовы гостили бы у насъ въ Москвѣ, а вторую мы у нихъ— въ деревнѣ.

Приближался мартъ мѣсяцъ, и надо было перебираться въ Новоселки, куда Борисовы, переѣхавшіе туда изъ Фатьянова, давно насъ подзывали.

Купивши теплую и укладистую, рогожинную кибитку, мы съ одною горничной (опоэтизированной Толстымъ Марьюшкой) отправились на почтовыхъ во Мценскъ. О желѣзной дорогѣ тогда не было еще и помину, а про поставленные вдоль шоссе телеграфные столбы говорили въ народѣ, что тянутъ эту проволоку, а потомъ по ней и пустятъ изъ Питера волю. Къ этому времени мы уже настолько сошлись со Львомъ Ник. Толстымъ, что я счелъ бы для себя большимъ лишеніемъ не заѣхать къ нему передохнуть на денекъ въ Ясную Поляну. Тамъ мы съ женою представились прелестной старушкѣ теткѣ Толстаго Татьянѣ Александровнѣ, принявшей насъ съ тою старинною привѣтливостью, которая сразу облегчаетъ вступленіе въ чужой домъ. Татьяна Александровна не предавалась воспоминаніямъ о временахъ давно прошедшихъ, а жила всей полнотой окружающаго ее настоящаго.

Она говорила о томъ, что „на дняхъ проѣхалъ къ себѣ въ Пирогово Сережинька Толстой, а Николинька пожалуй еще пробудетъ въ Москвѣ съ Машинькой, но пріятель Левочки Д — ъ былъ на дняхъ и жаловался на нервныя боли жены своей“.

Въ затруднительныхъ вопросахъ Татьяна Александровна обращалась къ Левочкѣ и окончательно успокоивалась его рѣшеніемъ. Такъ, проѣзжая съ нимъ осенью въ Тулу, она, взглянувъ въ окно кареты, вдругъ спросила:

— Mon cher Leon, какъ это пишутъ письма по телеграфу?

„Пришлось, разсказывалъ Толстой, съ возможною простотою объяснять дѣйствіе телеграфнаго снаряда, одинаковаго на обоихъ концахъ проволоки, — и подъ конецъ услыхать: „oui, oui, je comprends, mon cher!“

Не спуская вслѣдъ затѣмъ болѣе получаса глазъ съ проволоки, тетушка наконецъ спросила: „mon cher Leon, какъ же это такъ?—за цѣлые полчаса я не видала ни одного письма, пробѣжавшаго по телеграфу?“

— Сидимъ мы иногда, разсказывалъ Левъ Николаевичъ, — съ тетушкою цѣлый мѣсяцъ, не видя никого, и вдругъ, разливая супъ, тетушка скажетъ: „mais saves vous, cher Leon, *on dit*“....

При дальнѣйшихъ, многолѣтнихъ посѣщеніяхъ Ясной Поляны, я никогда не утратилъ благорасположенія Татьяны Александровны и подъ конецъ съ прискорбіемъ видѣлъ то умственное и физическое дѣтство, въ которое она впала передъ смертью.

IX.

Новосельская жизнь. — Посѣщеніе Николая Толстаго. — Наша поѣздка съ Борисовымъ въ Никольское.—Пріѣздъ брата Петра.—Ѳедюшка.—Пріѣздъ Тургенева. — Извѣстіе о нездоровьи брата моего Василія. — Наши охоты съ Тургеневымъ.—У Онухтиныхъ.—Семья Тургеневыхъ.—Студентъ Рабіоновъ. — Переводъ «Антонія и Клеопатры». — Именины Е. С. Тургеневой.—Тургеневское имѣніе Топки.—Возвращеніе въ Москву.—Кончина брата Василія и его жены.—Рожденіе племянника и пріѣздъ брата Петра въ Москву.

Борисовыхъ мы нашли въ Новоселкахъ въ такомъ сравнительно блестящемъ состояніи, въ какомъ, по мнѣнію моему, чета эта уже болѣе никогда не находилась. Мы съ женою помѣстились на антресоляхъ, на которыхъ жила когда то наша покойная мать, и на которыхъ всѣ мы, начиная съ меня, родились. Излишне говорить объ общей нашей радости при встрѣчѣ съ сестрою. Замѣтно было, что на этотъ разъ и Борисовъ менѣе ревновалъ ко мнѣ Надю.

Предавшійся въ это время изученію дорафаэлевской живописи, В. Боткинъ писалъ изъ Флоренціи отъ 31 марта 1858 г.

„Вчера пріѣхалъ я сюда, побывавъ въ Фолиньи, Ассизи, Перуджіи, Орвіетто и Сіеннѣ. Весь этотъ край необыкновенно интересенъ по разсѣяннымъ въ немъ произведеніямъ самой лучшей эпохи итальянской живописи. Но путешествіе по немъ сопряжено съ большимъ неудобствомъ; унылые, совсѣмъ обветшавшіе городки и деревеньки, и такъ мало между ними сообщенія, что въ иныхъ мѣстахъ я не могъ найти телѣжки съ лошадью, чтобы доѣхать до слѣдующаго города. Въ Spello— малѣйшемъ и дряннѣйшемъ городишкѣ, въ одной ветхой церкви есть фрески Пинтурикіо: Благовѣщеніе и Поклоненіе волх-

вовъ. Такъ они написаны, столько въ нихъ разлито наивнѣйшей граціи и самой поэтической, христіанской идеальности, столько чистѣйшей прелести въ лицѣ Мадонны, столько внутренней поэзіи въ этомъ простодушномъ умиленіи милаго, простаго, беззавѣтно любящаго лица—я не могъ отвести глазъ отъ фреска и смотрѣлъ, все смотрѣлъ на него, хотя глаза смутно видѣли отъ проступившей въ нихъ слезы. Въ этомъ же городкѣ, но въ другой церкви есть запрестольный большой образъ, тоже Пинтурикіо — Мадонна съ Младенцемъ на тронѣ и по сторонамъ молящіеся на нихъ святые. Обожаніе Мадонны было въ Италіи, и именно въ этой части Италіи, какимъ то особеннымъ исключительнымъ религіознымъ чувствомъ, и вовсе не вслѣдствіе догмы, а въ силу какого-то идеала высочайшей женственности, который зародился въ художественной натурѣ этого горнаго племени. Извѣстно, что Рафаэль, который весь вышелъ изъ Умбрійской школы, съ самаго младенчества имѣлъ особенную набожность къ Мадоннѣ. Эта набожность, горѣвшая въ душѣ величайшаго художника, и создала тѣ идеалы, на которые даже теперь невозможно смотрѣть безъ умиленія. Вотъ оно, *das ewig Weibliche*, которымъ заключилъ Гёте свое воззрѣніе на міръ.

„25 мая поѣду въ Лондонъ. Такъ какъ я Англію очень мало знаю и вовсе не знаю ея художественныхъ собраній, то предполагаю остаться въ ней мѣсяца два. Потомъ стану брать морскія ванны, вѣроятно въ Остенде —и послѣ нихъ въ Москву.— Ахъ, забылъ главное: здѣсь увидѣлся съ милѣйшимъ Ап. Григорьевымъ, котораго нашелъ свѣжимъ и бодрымъ и страстно полюбившимъ живопись—и видѣлся съ нимъ часто. Онъ что-то написалъ и сбирается мнѣ прочесть. Тургеневъ уже уѣхалъ отсюда черезъ Венецію въ Вѣну, а потомъ кажется на нѣсколько дней въ Парижъ, на свадьбу кн. Орлова. *Ася* далеко не всѣмъ нравится. Мнѣ кажется, что лицо Аси не удалось— и вообще вещь имѣетъ прозаически придуманный видъ. О прочихъ лицахъ нечего и говорить. Какъ лирикъ, Тургеневъ хорошо можетъ выражать только *пережитое* имъ; во всемъ остальномъ выступаютъ наружу одни поэтическія намѣренія и подробности“. *В. Боткинъ.*

Однажды, когда мы послѣ завтрака въ 12 час. взошли съ

женою на наши антресоли, и я расположился читать что-то вслухъ, — на камняхъ у подъѣзда раздался желѣзный лязгъ, и вошедшій слуга доложилъ, что графъ Н. Н. Толстой желаетъ насъ видѣть; а вслѣдъ затѣмъ къ намъ наверхъ взошелъ дорогой нашъ московскій гость, пока еще незнакомый съ хозяевами дома, такъ какъ онъ появился зимою въ Москвѣ уже послѣ отъѣзда изъ нея Борисовыхъ. Конечно, черезъ полчаса онъ вполнѣ освоился со всѣми и производилъ впечатлѣніе близкаго человѣка, вернувшагося послѣ долговременной отлучки. Завязались многосложныя воспоминанія кавказцевъ объ этомъ воинственномъ и живописномъ краѣ. На распросы наши о Львѣ Николаевичѣ, графъ съ видимымъ наслажденіемъ разсказывалъ о любимомъ братѣ: —„Левочка, говорилъ онъ, усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ, съ которыми, какъ и всѣ мы, до сихъ поръ знакомъ поверхностно. Но ужь не знаю, какое тутъ выйдетъ сближеніе: Левочка желаетъ все захватить разомъ, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ, онъ правъ: гимнастика хозяйству не помѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: „придешь, говоритъ, къ барину за приказаніемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головою внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказанія слушать, не то на него дивиться“.—Понравилось Левочкѣ, какъ работникъ Юфанъ растопыриваетъ руки при пахотѣ. И вотъ Юфанъ для него эмблема сельской силы, вродѣ Микулы Селяниновича. Онъ самъ, широко разставляя локти, берется за соху и юфанствуетъ“.

Оказалось, что Новоселки въ недальнемъ разстояніи отъ Никольскаго, куда однако надо было ѣхать по довольно фантастической дорогѣ, начиная съ переправы черезъ р. Зушу въ бродъ, бывавшій большею частію по колѣно лошади, но доходившій иногда и до груди, а иногда и совершенно подтопленный мценскою городскою мельницей, что впрочемъ бывало рѣдко и на короткій срокъ при наборѣ воды подъ барки. Какъ бы то ни было, но милѣйшій Николай Нико-

лаевичъ видимо привыкъ къ нашему близкому сосѣдству, и его желтая коляска, запряженная тройкою сѣрыхъ, нерѣдко останавливалась передъ нашимъ крыльцомъ.

Не могу пройти молчаніемъ этого экипажа, котораго никакъ не могу въ воспоминаніи отдѣлить отъ прелестной личности его владѣльца. Хотя мы и называли этотъ экипажъ коляской, но это была скорѣе большая двумѣстная пролетка безъ верха, но съ дверцами, повѣшанная на четырехъ полукруглыхъ рессорахъ. Коляска эта явилась на свѣтъ въ тѣ времена, когда желтолимонный цвѣтъ былъ для экипажей самый модный, и когда экипажи дѣлали такъ прочно, что у одного даже многолѣтняго поколѣнія не хватало силъ ихъ изъѣздить. Блестящимъ примѣромъ тому могла служить наслѣдственная Никольская коляска, у которой всѣ четыре рессоры самымъ рѣшительнымъ образомъ подались вправо, такъ что лѣвыя колеса вертѣлись на виду у сѣдоковъ, тогда какъ правыя были скрыты надвинувшимся на нихъ кузовомъ, и кучеръ сидѣлъ на козлахъ не противъ коренной, а противъ правой пристяжной. Раза съ два приходилось мнѣ впослѣдствіи проѣхать съ Н. Н. Толстымъ въ этой коляскѣ на почтовыхъ подъ самую Тулу и обратно, и не было примѣра утраты малѣйшаго винта или гайки. Я какъ то замѣтилъ Н. Н., что его коляска — *эмблема безсмертія души*. Съ тѣхъ поръ братья Толстые иначе ее не называли.

Слѣдовало и намъ съ Иваномъ Петровичемъ отдать визитъ Ник. Ник. И вотъ мы съ Борисовымъ—онъ на своемъ прелестномъ Карабахѣ, а я на Донцѣ изъ подъ борзятника — отправились въ самый Троицынъ день по дорогѣ въ Никольское. По переѣздѣ черезъ неглубокій бродъ, пришлось проѣзжать черезъ небольшое село Хализево, находящееся, подобно самому Никольскому Толстаго, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Утро стояло жаркое и золотистое; жаворонки звенѣли надъ пышно разростающею озимью и покрывшими землю овсами. И лошади, и души наши скорѣе требовали сдерживанія, чѣмъ принужденія: Такъ пришлось намъ проѣзжать мимо одинокой телѣги, стоящей посреди широкаго выгона. Небольшая рыжая лошаденка, запряженная въ повозку, чуть ли не дремала, развѣсивши уши, а на повозкѣ,

въ широкополой шляпѣ, на колѣняхъ, на сочной травѣ, полусидѣлъ остроносый брюнетъ подъ сѣнью такого преувеличенно пышнаго березоваго вѣнка и съ такимъ выраженіемъ сладостнаго опьяненія на лицѣ, что лучшаго оригинала для Сатира или Силена нельзя было и выдумать. Въ рукахъ онъ держалъ шкаликъ и стаканчикъ, и когда мы поровнялись съ его телѣгой, онъ съ такимъ добродушіемъ воскликнулъ: „господа! благоволите по стаканчику! желаю васъ поздравить съ праздникомъ!"—что нельзя было не почувствовать симпатіи къ этому человѣку.

Пришлось распрашивать у встрѣчныхъ дорогу на Никольское, такъ какъ мѣста эти въ Тульской губерніи были намъ совершенно незнакомы. Дорога повела насъ черезъ лѣсъ, принадлежавшій господину Трубицыну, и тутъ мы наѣхали на свѣжіе еще превосходно спиленные дубовые пни. Я мелькомъ слышалъ, что англичане скупали въ этой мѣстности старинные дубовые лѣса, и увѣренъ, что Трубицынскіе пни, о которыхъ я говорю, благодаря своей громадности, уцѣлѣли и по настоящій день. Правда, я не мѣрилъ ихъ, но нарочно переѣзжалъ черезъ нихъ по діагонали приблизительно въ пять аршинъ.

Наконецъ, проѣхавши еще весьма порядочный березовый и осиновый лѣсъ, мы съ задняго двора наѣхали на небольшой флигель, очевидно жилище владѣльца села Никольскаго.

— Хорошо, какъ онъ дома, сказалъ я обращаясь къ Борисову.

— А дома нѣтъ, отвѣчалъ онъ, такъ мы сейчасъ же повернемъ назадъ домой къ обѣду. Благо дорога чудесная.

Проѣзжая мимо небольшаго, очевидно, кухоннаго окна, я замѣтилъ на подоконникѣ тщательно ошпаренную и ощипанную курицу, судорожно прижимавшую крыльями собственный пупокъ и печенку.

— Не безпокойся, сказалъ я,—баринъ дома.

И дѣйствительно, слуга графа, махнувши конюхамъ, чтобы они приняли лошадей нашихъ, ввелъ насъ изъ сѣней направо въ довольно просторную комнату въ два свѣта. Кругомъ вдоль стѣнъ тянулись ситцевые, турецкіе диваны въ перемежку со старинными стульями и креслами. Передъ диваномъ, направо отъ входа, стоялъ столъ, а надъ диваномъ

торчали оленьи и лосьи рога, съ развѣшанными на нихъ восточными, черкесскими ружьями. Оружіе это не только кидалось въ глаза гостей, но и напоминало о себѣ сидящимъ на диванѣ и забывшимъ о ихъ существованіи нежданными ударами по затылку. Въ переднемъ углу находился громадный образъ Спасителя въ серебряной ризѣ.

Изъ слѣдующей комнаты вышелъ къ намъ милый хозяинъ съ своею добродушно-привѣтливою улыбкой.

— Какой день-то чудесный, сказалъ онъ.—Я только что пришелъ изъ сада и заслушивался щебетанія птичекъ. Точно шумный разноплеменный карнавалъ,—и не понимаютъ другъ друга, а всѣмъ весело. Каждому свое. Вотъ Левочка юфанствуетъ, а я съ удовольствіемъ читаю Рабле.

Ясно было, что Ник. Ник., то проживавшій въ Москвѣ, то у двухъ братьевъ и любимой сестры, то у насъ, или на охотѣ, смотрѣлъ на Никольскій флигель не какъ на постоянное, осѣдлое жилище, требующее извѣстной поддержки, а какъ на временную походную квартиру, въ которой пользуются чѣмъ можно, не жертвуя ничѣмъ на благоустройство. О такомъ временномъ оживленіи уединеннаго Никольскаго флигеля свидѣтельствовали даже мухи.

— Пока никто не входилъ въ большую комнату, ихъ тамъ почти не было замѣтно; но при людскомъ движеніи, громаднѣйшій рой мухъ, молчаливо сидящихъ на стѣнахъ и оленьихъ рогахъ, мало по малу взлеталъ и наполнялъ комнату въ невѣроятномъ количествѣ. Про это Левъ Николаевичъ со свойственной ему зоркостью и образностью говорилъ: „когда брата нѣтъ дома, во флигель не приносятъ ничего съѣстнаго, и мухи, покорныя судьбѣ, безмолвно усаживаются по стѣнамъ, но едва онъ вернется, какъ самыя энергическія начинаютъ понемногу заговаривать съ сосѣдками: „вонъ онъ, вонъ онъ пришелъ; сейчасъ подойдетъ къ шкафу и будетъ водку пить; сейчасъ принесутъ хлѣбца и закуски. Ну да, хорошо, хорошо; подымайтесь дружжж—нѣе“. И комната наполняется мухами. „Вѣдь этакія мерзкія, говоритъ братъ,— не успѣлъ налить рюмки, а вотъ уже двѣ ввалились“.

Ироническій тонъ, постоянно сквозившій въ словахъ Николая Николаевича, невольно вызывалъ и во мнѣ шуточное

расположеніе, въ которомъ я старался безпрестанно тащить за волосы французскіе и русскіе каламбуры. При такихъ поискахъ за ними, приходилось подготовлять почву условнымъ *если*. Конечно, такіе каламбуры надоѣли Ник. Ник., и онъ говорилъ, что каламбуры *съ если* не допускаются. Зато безъ предварительнаго *если* даже самые слабые каламбуры принимались добрѣйшимъ Ник. Ник. съ особенною снисходительностью. Помню, въ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ пріѣздовъ въ Никольское, онъ зазвалъ меня въ лѣсъ послушать гончихъ. Хотя я никогда не могъ понять, какимъ образомъ можно съ удовольствіемъ слушать собачій лай, но въ обществѣ Ник. Ник. готовъ былъ слушать что́ угодно, даже скрипъ адскихъ воротъ. Въ лѣсу мы улеглись навзничь около мшистыхъ корней истяжной осины, и въ скоромъ времени положеніе собственнаго тѣла опрокидывало всю предстоящую картину такъ, что высокія деревья казались чуть ли не собственной нашей бородою, опускающеюся въ лазурную глубь небеснаго океана.

— Вотъ, сказалъ я Толстому, теперь такихъ рослыхъ людей, какіе были встарину, уже нѣтъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Толстой.

— Сущую правду, отвѣчалъ я. Возможенъ ли въ наше время Горацій *какъ лѣсъ* (Коклесъ)?

Ник. Ник. разсмѣялся.

— Вы должны быть постоянно веселы, сказалъ я. Изо всѣхъ кавказцевъ вы самый надѣленный судьбою человѣкъ.

— Ну! замѣтилъ иронически Ник. Ник. — Поддержать и доказать этотъ тезисъ довольно трудно.

— Нисколько, отвѣчалъ я: у заурядныхъ счастливцевъ только оружіе подъ чернью, а у васъ цѣлое имѣніе подъ Чернью.

— Что правда, то правда, отвѣчалъ расхохотавшійся до кашля Ник. Ник.

Картина Никольскаго быта была бы неполна безъ описанія обѣда и его сервировки. Около пяти часовъ слуга накрылъ на столѣ передъ диваномъ на три прибора, положивъ у каждой тарелки по старинной серебряной ложкѣ съ желѣзной вилкою и ножемъ съ деревянными ручками. Когда

крышка была снята съ суповой чашки, мы при разливаніи супа тотчасъ же узнали знакомую намъ курицу, разрѣзанную на части. За супомъ явилось спасительное въ помѣщичьихъ хозяйствахъ блюдо, надъ которымъ покойный Пикулинъ такъ издѣвался: шпинатъ съ яичками и гренками. Затѣмъ на блюдѣ появились три небольшихъ цыпленка и салатникъ съ молодымъ салатомъ.

— Что же ты не подалъ ни горчицы, ни уксусу? спросилъ Ник. Ник.

И слуга тотчасъ же исправилъ свою небрежность, поставивши на столъ горчицу въ помадной банкѣ и уксусъ въ бутылкѣ отъ одеколона Мусатова.

Покуда усердный хозяинъ на отдѣльной тарелкѣ мѣшалъ желѣзнымъ лезвіемъ ножа составленную имъ подливку для салата, уксусъ, окисляя желѣзо, успѣлъ сильно подчернить соусъ; но затѣмъ, когда тѣми же ножемъ и вилкою хозяинъ сталъ мѣшать салатъ, послѣдній вышелъ совершенно подъ чернью.

Л. Н. Толстой писалъ мнѣ:

„Драгоцѣнный дяденька! пишу два слова только чтобы сказать, что обнимаю васъ изо всѣхъ силъ, что письмо ваше получилъ, что М. П. цѣлую руки, всѣмъ вашимъ кланяюсь. Тетенька очень благодарна за память и кланяется; и сестра кланяется. Что за весна была и есть чудная! Я въ одиночествѣ смаковалъ ее чудесно. Братъ Николай долженъ быть въ Никольскомъ (Вяземскомъ); поймайте его и не пускайте, я въ этомъ мѣсяцѣ хочу придти къ вамъ. Тургеневъ поѣхалъ въ Винцигъ до августа, лѣчить свой пузырь. Чертъ его возьми! Надоѣло любить его. Пузыря не вылѣчитъ, а насъ лишитъ. Затѣмъ прощайте, любезный другъ; ежели до моего прихода не будетъ стихотворенья, ужь я изъ васъ его *выжму*.

Вашъ *гр. Л. Толстой.*

„Какой Троицынъ день былъ вчера! Какая обѣдня, съ вянущей черемухой, сѣдыми волосами и ярко-краснымъ кумачемъ и горячее солнце“.

12 мая. 1858.

А затѣмъ онъ же:

„Ау! Дяденька! Ауу! Вопервыхъ, сами не отзоветесь ничѣмъ, когда весна, и знаете, что всѣ о васъ думаютъ, и что я, какъ Прометей, прицѣпленъ къ скалѣ и всетаки алкаю васъ видѣть и слышать. Или бы пріѣхали, или хоть позвали бы къ себѣ хорошенько. А вовторыхъ, зажилили брата, и очень хорошаго брата, по прозвищу Фирдуси. Главная тутъ преступница, я думаю, Марья Петровна, которой очень кланяюсь и прошу возвратить собственнаго нашего брата. Безъ шутокъ, онъ велѣлъ сказать, что на той недѣлѣ будетъ; Дружининъ тоже будетъ, пріѣзжайте и вы, голубчикъ дяденька. Право, а потомъ ужь и въ Козюлькино (Новоселки). Ив. П. и Над. Аѳ. душевный поклонъ и до свиданья.

Вашъ *Л. Толстой*

16 мая.

1 іюля 1858 г. Боткинъ писалъ уже изъ Лондона. Англія, по словамъ его, превзошла всѣ его ожиданія, не только извѣстнаго рода совершенствомъ своего историческаго склада, но и множествомъ темныхъ сторонъ, вызванныхъ этимъ складомъ, которыхъ между прочимъ тамъ никто не скрываетъ. Переходя отъ области политической къ театру, онъ пишетъ:

„Ужь какъ обставленъ „Венеціанскій купецъ“! Полное возрожденіе Венеціи старой, роскошной, блестящей. Господи! что за поэзія льется изъ этой пьесы! Я видѣлъ ее два раза и пойду еще и не насыщусь. Эта угрюмая драма, переплетенная съ самой ясной нѣжнѣйшей поэзіей сердца, —подъ конецъ сливается въ какіе то задушевные аккорды, составленные изъ цвѣтовъ и звуковъ, благоуханій и мелодій. Въ послѣдній разъ я вышелъ изъ театра охваченный какою то безымянною силой и съ тѣмъ неизъяснимымъ блаженнымъ ощущеніемъ въ душѣ, какое даетъ только одна поэзія. Я не въ состояніи былъ идти домой и долго бродилъ по тихому, пустому Лондону. Какъ я благословлялъ и эту кроткую, миловидную луну, и это звѣздное, темносинее небо, и эту святую тишину ночи. И такъ душа была полна необъятнымъ и блаженнымъ, что я даже не вспомнилъ о томъ, кому обязанъ я былъ такимъ счастіемъ. Въ Вестминстерѣ стоитъ его мону-

ментъ, но никто не знаетъ похожъ ли онъ. Нынѣшніе англичане утратили смыслъ играть Шекспира: для этого надо вознестись надъ національнымъ въ общечеловѣческое,—а этому теперь мѣшаютъ имъ тысячи препятствій: и ихъ узкая національность, и ихъ пуританизмъ, и формальная религіозность, и ихъ мелкая, сухая мораль. Представь себѣ Диккенса съ Шекспировскимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу. Но Диккенсъ остался въ морали своей узкимъ и мелкимъ англичаниномъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ забытъ".

В. Боткинъ.

Настоящее лѣто было, можно сказать, самымъ удачнымъ въ Новоселкахъ. Подъѣхалъ съ своей Грайворонки и гостилъ у насъ братъ Петруша, возбуждавшій къ себѣ во всѣхъ своею задушевною услужливостью живѣйшую симпатію. Милѣйшій Ник. Ник. весьма часто гостилъ у насъ по два и по три дня. Останавливался онъ всегда въ старомъ флигелѣ, окруженномъ густыми кустами сирени. Всѣ мы заботились о его удобствахъ.

Помню, однажды утромъ я пошелъ его провѣдать и узнавъ, что онъ уже проснулся, спросилъ его,—покойно ли было ему на новомъ мѣстѣ и хорошо ли спалось?

— Совершенно покойно, отвѣчалъ онъ. Но я всю ночь не смыкалъ глазъ: раскрылъ окно и все слушалъ птицу. Ну, ужь птица! восклицалъ Ник. Ник., смѣясь до слезъ, проступавшихъ на глазахъ. Я таки, продолжалъ онъ, знакомъ съ птичьими напѣвами, но такой птицы въ жизнь мою не слыхивалъ: и щегломъ, и соловьемъ, и синицей, и малиновкой, и чернымъ дроздомъ.

— Птица эта, отвѣчалъ я, по справедливости называется пересмѣшникомъ; и мнѣ раза съ два только приходилось слышать по нѣскольку отрывочныхъ ея колѣнъ. Но слышать ее продолжительно, какъ вамъ, не доводилось.

— Ну, ужь птица, продолжалъ съ восторгомъ восклицать Ник. Ник.

Къ этому надо прибавить, что Ник. Толстой и Борисовъ оба были шахматными игроками; и бывало, какъ сцѣпятся, то ихъ и водой не разольешь. Что касается до меня, то я

никогда не могъ себя принудить обдумывать весь ходъ этой игры, которой правила мнѣ извѣстны.

Но вотъ пріѣхалъ къ намъ и давно ожидаемый Левъ Ник. Онъ былъ въ духѣ, а потому веселилъ и оживлялъ всѣхъ.

На Зушѣ, отыскавъ поглубже мѣсто у нашего лѣваго берега, Борисовъ устроилъ прекрасную купальню, до которой однако-же приходилось проходить по жарѣ около версты. Дамамъ и гостямъ поэтому закладывали экипажъ. Конечно, Левъ Никол. доказывалъ, что экипажъ—только стѣсненіе, и что ходить гораздо пріятнѣе.

Помню, что мы съ Борисовымъ были дома. Столъ былъ накрытъ, а братьевъ Толстыхъ все еще поджидали изъ купальни. Наконецъ появился сперва пѣшкомъ Левъ Никол., а затѣмъ на дрожкахъ — Ник. Ник. съ братомъ Петрушей.

— Что вы такъ долго? спросилъ я брата.

— Да искали золотыя запонки, которыя потерялъ Ник. Ник. Должно быть онъ нечаянно вытряхнулъ ихъ въ рѣчку.

— Постойте, господа! воскликнулъ Иванъ Петр. Я сейчасъ только видѣлъ прошедшаго по двору Фатьяновскаго мальчишку Ѳедюшку. Тамъ онъ прославился своею глазастостью; попробуемъ его наладить въ купальню. Хуже отъ этого не будетъ, а быть можетъ онъ и разыщетъ запонки.

Крикнули мальчика лѣтъ 12-и; растолковали ему, въ чемъ дѣло, а сами сѣли обѣдать. Въ концѣ обѣда слуга, подавая дутый пирогъ изъ земляники, сказалъ вполголоса Борисову:

— Ѳедюшка пришелъ и запонки принесъ.

— Гдѣ ты ихъ нашелъ? спросили мы Ѳедюшку всѣ въ одинъ голосъ, вышедши къ нему въ переднюю.

— Да около самой купальни въ рѣкѣ. Я тихонько опустился на дно, да и сталъ глядѣть вокругъ себя. Смотрю, а онѣ такъ то направо отъ меня блестятъ на днѣ. Я ихъ и выхватилъ.

Ѳедюшка, получившій въ поощреніе своего таланта два двугривенныхъ, былъ конечно болѣе хозяина вещи радъ своей находкѣ.

Въ непродолжительномъ времени Ѳедюшкѣ довелось снова блеснуть своимъ талантомъ.

У меня была кожаная папиросочница, купленная, мною въ

Ревелѣ и чрезвычайно удобная; растворялась она на двѣ стороны и съ каждой—стальной ободокъ запирался небольшимъ крючкомъ. Проходя цѣликомъ по лѣсу, я вздумалъ прилечь отдохнуть и выкурить папироску. Пришедши домой, я замѣтилъ, что у вмѣстилища папиросъ потерянъ крючекъ, и такимъ образомъ любимую папиросочницу приходилось бросить. Видя, какъ мнѣ жаль папиросочницы, Борисовъ тихонько и наскоро послалъ въ Фатьяново за Ѳедюшкой. Но когда мальчикъ предсталъ передо мною, я почти не рѣшался къ нему обращаться уже, вопервыхъ, потому, что могъ только приблизительно указать на мѣсто моего отдыха, и къ тому же не надѣялся на возможность отыскать небольшую застежку, утратившую отъ долгаго употребленія свой стальной блескъ.

— Дѣлать нечего, Ѳедюшка, сказалъ я, уводя мальчика въ лѣсъ и довольно широко обводя рукою. Поищи вотъ такую застежку, пояснилъ я, указывая на другую половинку папиросницы.

Не прошло и часа, какъ мнѣ пришлось съ восхищеніемъ вручить Ѳедюшкѣ полтинникъ за принесенную застежку.

Подвиги Ѳедюшки на этомъ однако не кончились.

Въ то время отъ Новосельской усадьбы по склону къ г. Мценску на разстояніи версты тянулся прекрасный, черный лѣсъ изъ всевозможныхъ деревьевъ, начиная отъ дуба и клена до березы, осины и черемухи включительно. По верхней опушкѣ тянулся проселокъ въ городъ, а въ концѣ лѣса его огибала полевая дорога, довольно круто спускавшаяся по каменнымъ плитамъ къ берегу р. Зуши. Продолженіемъ этого спуска была тропинка черезъ лѣсъ, по которой снова можно было достигнуть Новосельской усадьбы, но, конечно, съ двойнымъ усиліемъ; ибо по верхней опушкѣ дорога шла съ небольшимъ уклономъ къ городу, а по нижней приходилось круто спускаться и затѣмъ такъ же круто подыматься на эспланаду усадьбы.

Сестра, ожидавшая къ зимѣ прибавленія семейства, должна была ежедневно гулять. Хотя отъ природы врагъ всякаго безцѣльнаго передвиженія, я тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ участвовалъ въ общихъ прогулкахъ, на которыхъ веселое оживленіе сестры было еще замѣтнѣе.

Есть два типа людей и хозяевъ. Одинъ готовъ на всевозможныя лишенія, жертвы, въ видахъ усовершенствованія хозяйства. Такимъ типомъ былъ несомнѣнно нашъ покойный отецъ. Пшеница въ нашей мѣстности безъ сильнаго удобренія не родитъ; но зато въ дождливое время по такому удобренію можетъ поваляться. Когда это случалось у отца, я не разъ слыхалъ отъ него: „убыточно, а ужъ по моему лучше пусть поваляется, чѣмъ свидѣтельствуетъ о моей лѣни“.

Противоположнымъ этому типомъ былъ Борисовъ. Онъ не разъ выставлялъ своимъ идеаломъ какого-то кавказскаго солдатика пьяницу и балагура, говорившаго, что хорошему человѣку нечего хлопотать о пустомъ, а слѣдуетъ проснуться, пропустить рюмочку, а затѣмъ позавтракать, а тутъ, глядя по дѣлу, пофриштикать, закусить и отдохнуть, а тутъ ужъ и пообѣдать и т. д. Зато едва ли кто-либо могъ бы поспорить съ Борисовымъ въ умѣніи высосать наибольшихъ удобствъ изъ наличныхъ вещей. Конечно, Надя не хуже его могла расчесть потребность оборотнаго капитала, но въ то же самое время она всѣмъ существомъ инстинктивно чувствовала, что ея одушевленной, темнорусой головкѣ необходимъ характерный фонъ древесныхъ листовъ, а не безразличіе степи. И вотъ почему она не могла помириться въ душѣ съ запродажею Иваномъ Петровичемъ Новосельскихъ и Фатьяновскихъ лѣсовъ мценскому купцу, и каждый разъ, подходя на прогулкѣ къ лѣсу, она во услышаніе мужа восклицала: „уже сѣкира у корня древа лежитъ“.

Былъ чудесный лѣтній день, когда Борисовъ, братъ Петруша и я пустились провожать нашихъ дамъ вдоль верхней опушки по направленію къ городу.

Но не дошли мы до конца лѣса, какъ за спиною у насъ на западѣ показалась темносѣрая туча, и изъ подъ нея стало потягивать едва замѣтнымъ холодкомъ. Братъ въ восхищеніи отъ прекрасной прогулки предлагалъ обогнуть весь лѣсъ; я же совѣтовалъ возвратиться тѣмъ же слѣдомъ домой, во избѣжаніе дождя. Послѣ небольшаго колебанія, совѣтъ мой былъ принятъ, и не успѣли мы добѣжать до крыльца, какъ шумящія и косыя нити дождя задрожали по окнамъ.

При видѣ желобовъ, успѣвшихъ наполнить подставленныя подъ ними кадки, и вспомнивъ о братѣ Петрушѣ, поставившемъ на своемъ и ушедшемъ отъ насъ подъ гору, я воскликнулъ:

— Вотъ когда пройметъ нашего упрямца!

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять я увидалъ проносящагося по грязи мимо оконъ къ крыльцу человѣка, въ которомъ узналъ брата.

— Иди, иди переодѣваться! кричали мы ему въ переднюю.

— Переодѣваться то я пойду, отвѣчалъ Петруша. Это не бѣда, а бѣда та, что я пропалъ. Что же я теперь буду дѣлать безъ очковъ? (По крайней близорукости, онъ постоянно носилъ очки). Какъ захватилъ меня ливень на нижней дорожкѣ, я прямо бросился цѣликомъ по кустамъ въ гору. Только выбѣжавъ изъ кустовъ на верхнюю дорогу, я почувствовалъ, что очковъ то нѣтъ. А гдѣ они, и самъ не знаю.

Братъ ушелъ переодѣваться въ свой флигель, и ливень сталъ быстро утихать.

— Вели-ка запречь бѣгунки да сбѣгать въ Фатьяново за Ѳедькой, сказалъ Ив. Петр. слугѣ.

— Да Ѳедька здѣсь, отвѣчалъ слуга. Я сейчасъ видѣлъ, что онъ несъ ягоды на ледникъ.

— Тѣмъ лучше. Скажите, чтобы онъ обождалъ уходить домой.

Когда братъ, знакомый уже съ подвигами Ѳедьки сводилъ послѣдняго въ лѣсъ, то вернувшись выразилъ полную безнадежность на отысканіе очковъ.

— Что же, говорилъ братъ, могъ я ему указать, кромѣ приблизительнаго направленія, по которому бѣжалъ въ гору по высокому кустарнику на точку, которой тоже опредѣлить безошибочно не въ состояніи. Это только для очищенія совѣсти. Ѳедька, такъ Ѳедька! А затѣмъ приходится ѣхать въ Орелъ за новыми очками.

Когда мы собирались уже садиться за столъ, и подойдя къ окну, я увидалъ проносимую изъ кухни суповую чашку, то замѣтилъ слѣдомъ идущаго Ѳедюшку, а въ рукахъ у него что то сверкнуло.

— А вѣдь Ѳедюшка очки-то нашелъ, крикнулъ я.

И дѣйствительно, вошедшій въ переднюю мальчикъ держалъ въ рукахъ невредимыя очки.

— Какъ ты ихъ нашелъ?

— Да какъ мнѣ Петръ Аѳан. показали, такъ я и сбѣжалъ подъ гору; а оттуда тѣмъ же слѣдомъ и пошелъ въ гору, да все смотрю вокругъ себя; глядь, а они на кустѣ на вѣткѣ и сверкаютъ.

Наступалъ сѣнокосъ, и братъ уѣхалъ въ свою Грайворонку.

Однажды, когда мы только что вернулись отъ рѣки, до которой доходили по березовой аллеѣ, у крыльца раздался грохотъ подъѣхавшаго экипажа.

— Кого это Богъ даетъ? сказалъ Ив. Петровичъ.

Полюбопытствовалъ и я—и увидалъ вылѣзшую изъ тарантаса плечистую, рослую фигуру въ сѣрой широкополой шляпѣ.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! воскликнулъ Тургеневъ, съ лицомъ совершено почернѣвшимъ отъ пыли.

— Вотъ они гдѣ! восклицалъ онъ, когда мы всѣ четверо вышли къ нему навстрѣчу на крыльцо.

— Идите вонъ на то крыльцо, въ уборную Ивана Петровича умыться и почиститься отъ пыли.

Черезъ полчаса Тургеневъ сидѣлъ уже въ гостиной и говорилъ о совершенномъ переустройствѣ своей жизни въ Спасскомъ, со времени послѣдняго моего тамъ появленія. Онъ самъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Новоселки и познакомился съ Ив. Петровичемъ, съ женою котораго былъ уже давно знакомъ. Онъ говорилъ, что во главѣ всего его хозяйства стоитъ теперь 65-и лѣтній дядя его Николай Николаевичъ, кавалергардскій корнетъ 1814 г., проживающій въ настоящее время въ Спасскомъ съ молодою женою и свояченицей. Онъ разсказывалъ, какъ дядя его, человѣкъ стараго покроя, никакъ не могъ въ прошломъ году помириться съ шутовскими продѣлками Дружинина, Боткина, Григоровича, Колбасина и самого Ивана Сергѣевича, сочинившихъ и поставившихъ на домашнюю сцену смѣхотворную пьесу, оканчивающуюся смертью всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, тутъ же падающихъ на полъ.

— Мы сами слышали, говорилъ Ив. Серг., какъ дядя, ша-

гая подъ окнами залы вдоль крытой галлереи, невольно восклицалъ: „оголтѣлые! оголтѣлые!“

Передавая мнѣ поклонъ отъ мадамъ Віардо, Тургеневъ сообщилъ, что она положила нѣсколько моихъ стихотвореній на музыку, которую прелестно поетъ, правильно выговаривая русскія слова и говоритъ про меня: „c'est mon poète“.

Неистощимъ онъ былъ въ повѣствованіяхъ о сожительствѣ и встрѣчахъ съ В. Боткинымъ. „Такъ, между прочимъ разсказывалъ Тургеневъ; сошлись мы съ нимъ за обѣдомъ въ большомъ Берлинскомъ отелѣ. Заговоривши съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городскаго населенія, и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400,000 жителей, а вотъ ихъ уже 700 т.

— „Это нѣсколько преувеличено, сказалъ мой собесѣдникъ, такъ какъ ихъ всего неполныхъ шестьсотъ тысячъ.

„При этомъ возражавшій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно.

„Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— „Вотъ это чисто русское растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть. Нашелъ съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство!

„Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споривщій со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: „извините, я проигралъ“,—положилъ около моей тарелки два наполеона.

— „Кельнеръ, сказалъ я,—бутылку шампанскаго!

„Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ мгновенно засіяло лицо Боткина. „Молодецъ, молодецъ!“ воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву“.

Я забылъ сказать, что однимъ изъ видимыхъ знаковъ новаго вѣянія въ Новоселкахъ было превращеніе одного изъ оконъ гостиной въ дверь на вновь пристроенную террасу. (Покойный отецъ нашъ былъ врагъ всякихъ террасъ и балконовъ). Въ хорошіе дни мы обѣдали на террасѣ. Такъ было и въ этотъ разъ; и хотя Надя съ любопытствомъ слушала интересныя подробности о Тургеневскомъ путешествіи, тѣмъ не менѣе сумѣла улучить минуту переговорить съ поваромъ, для того чтобы обѣдъ вышелъ, по ея выраженію,— „*съ крыльями*". Она еще изъ Парижа помнила, что Тургеневъ умѣлъ отличать старательно приготовленный обѣдъ отъ безразличнаго.

Послѣ обѣда, едва только Тургеневъ узналъ въ Борисовѣ шахматнаго игрока, какъ они уже сцѣпились до самаго вечерняго чая; и Тургеневъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе переночевать въ новомъ флигелѣ, гдѣ ему приготовили, по возможности, удобный ночлегъ.

На другой день онъ пришелъ къ намъ утромъ въ домъ пить чай и приказалъ запрягать своихъ лошадей.

— Ну, господа, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и къ Борисову, — надѣюсь, что вы, не считаясь визитами, пріѣдете запросто къ намъ въ Спасское. Съ вами я не первый годъ знакомъ, обратился онъ къ Надѣ, и вы еще въ Парижѣ пріучили меня къ вашему любезному гостепріимству. Что же касается до васъ, сказалъ онъ женѣ моей, то я вашъ шаферъ. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился бы приглашать къ себѣ дамъ, еслибы не жена и свояченица дяди, которыя будутъ очень рады встрѣтить сосѣдокъ, о которыхъ я много имъ говорилъ.

Какъ я уже упоминалъ, отъ Новоселокъ до Мценска считалось 7 верстъ, а отъ Мценска до Спасскаго—10. Свиданія наши съ Тургеневымъ стали съ этого дня весьма частыми. Нѣсколько разъ и дамы обмѣнялись визитами, и даже самъ старикъ Ник. Ник. пріѣзжалъ съ своими барынями въ Новоселки, гдѣ между прочимъ засталъ Льва Ник. Толстаго. Указываю на моменты, ярко сохранившіеся въ моей памяти, но не въ состояніи сказать, сколько разъ Тургеневы и Толстые сходились съ нами въ Новоселкахъ или

въ Спасскомъ. Помню только, что свиданія эти были задушевны и веселы.

Въ серединѣ лѣта пріятная и беззаботная жизнь наша была смущена пріѣздомъ въ Новоселки изъ Клейменова жены брата моего Василія. Она жаловалась на ежеминутный упадокъ силъ брата и говорила: „Вас. Аѳ. таетъ какъ свѣчка", и на то, что, находясь въ интересномъ положеніи, — не въ состояніи сама отвезти больнаго въ Москву для совѣта съ докторами.

О матеріальной и всякой другой безпомощности нашей деревенской среды даже и въ тѣ времена, могутъ свидѣтельствовать слѣдующія обстоятельства. Какъ нарочно, всѣ члены немногочисленной нашей семьи оказались въ сборѣ, такъ какъ даже братъ Петръ подъѣхалъ изъ своей Грайворноки. Вдругъ по всѣмъ нашимъ домамъ, т. е. у Александра Никитича и у тестя брата Василія, ближайшаго нашего сосѣда Мансурова, внезапно пронеслась вѣсть о сильномъ нездоровьѣ брата Василія, требующемъ немедленнаго совѣта съ московскими докторами. Требовалось немедля рѣшить, кто, за болѣзнью жены его, долженъ везти больнаго въ Москву, и откуда должны были поступить деньги на эту поѣздку. Всѣ мы съѣхались въ Орлѣ и въ номерѣ гостинницы приступили къ совѣщанію по этому предмету. Тесть Мансуровъ отказался отъ сопровожденія больнаго подъ предлогомъ старческаго безсилія; Алекс. Никит.—по невозможности оставить хлопоты по хозяйству; Борисовъ—по невозможности бросить жену; а братъ Петруша прямо объявилъ, что онъ съ этимъ дѣломъ не въ состояніи управиться. При такихъ обстоятельствахъ всѣ обратились ко мнѣ съ просьбою взять дѣло на свои руки; а Мансуровъ обѣщалъ, доставивши больнаго къ моему отъѣзду во Мценскъ, вручить мнѣ на первый случай 300 руб., а затѣмъ въ самомъ непродолжительномъ времени выслать денегъ, необходимыхъ для лѣченія.

Я говорилъ уже о покупкѣ мною годъ тому назадъ передъ свадьбою пары вороныхъ. У одной изъ этихъ лошадей оказалась дурнокачественная опухоль вѣнца, вслѣдствіе чего я въ Новоселкахъ же продалъ лошадь, заплаченную 200 руб., за 60 руб., такъ какъ не надѣялся на нее зимою. Когда я вернулся съ орлов-

скаго совѣщанія, явился изъ Клейменова бывшій отцовскій наѣздникъ Никифоръ и передалъ мнѣ, что завтра же ему приказано вести въ Коренную на продажу сѣраго пятилѣтняго жеребца „Мужика“, подареннаго братомъ Петромъ брату Василію, и приказано отдать жеребца за 300 руб.

— Не упускайте, батюшка Аѳ. Аѳ., этой лошади. Я самъ ее выѣзжалъ и знаю, насколько она добра, рѣзва и умна. Забельшатъ лошадь, а другой не скоро наживутъ.

Я велѣлъ приводить лошадь въ Новоселки, а Мансурову написалъ, что 300 руб. на проѣздъ получилъ.

— Дѣйствительно хороша лошадь, воскликнулъ братъ Петруша, увидавъ приведеннаго Мужика. Какъ пріѣду на Грайворонку, сейчасъ пришлю Марьѣ Петровнѣ къ нему пару. Только надо вамъ его самимъ объѣздить. А пара выйдетъ неплохая!

Въ назначенный день я подвезъ во Мценскъ свою карету къ постоялому двору, въ который привезли брата, и, немедленно принявши больнаго, отправился на почтовыхъ въ Москву. Тамъ, посовѣтовавшись съ докторами, я помѣстилъ его въ частную лѣчебницу. Тѣмъ временемъ жена брата, остававшаяся въ Клейменовѣ, 14 іюня разрѣшилась отъ бремени дочерью Ольгой. Не получая успокоительныхъ извѣстій отъ мужа, бѣдная женщина въ скоромъ времени послѣ родовъ сама отправилась въ Москву, поручивъ двухъ старшихъ дочерей 7 и 8-ми лѣтъ и новорожденную Олю — отцу своему Мансурову въ селѣ Подбѣлевецъ, отстоящемъ отъ Новоселокъ въ 4-хъ верстахъ. Но такъ какъ и она тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву сильно занемогла, то и отецъ ея уѣхалъ къ ней въ Москву.

Однажды, по возвращеніи моемъ въ Новоселки, сестра, жена и я поѣхали навѣстить бѣдныхъ племянницъ, оставшихся на рукахъ прислуги. Къ намъ вывели въ залу двухъ миловидныхъ дѣвочекъ и вынесли третью черноглазенькую, едва держащую крошечную головку. Подумаешь, какъ причудливо жизнь вышиваетъ свои узоры. Могли ли мы въ то время предвидѣть важную роль, которую эта крошка предназначена сыграть и по отношенію къ Тургеневу, и, главное, по отношенію ко мнѣ. О роли ребенка по отношенію ко мнѣ

говорить слишкомъ преждевременно; но по отношенію къ Тургеневу скажу нѣсколько словъ, чтобы къ этому уже не возвращаться. Извѣстно, что Тургеневъ вытащилъ своего дядю Ник. Ник. изъ его Карачевской деревни Юшково, указывая на то, что дядя выиграетъ гораздо болѣе противъ того, что потеряетъ при заглазномъ управленіи Юшковымъ. Если я неоднократно слыхалъ фразу Тургенева, обращенную къ дядѣ: „не безпокойся, твои дѣти — мои дѣти, и мое состояніе—ихъ состояніе", то понятно, съ какимъ убѣжденіемъ говорились эти слова вначалѣ переѣзда дяди изъ Юшкова въ Спасское. Тутъ и выданъ былъ, какъ видимый знакъ обезпеченія, вексель въ 20000 р. на имя дяди. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Тургеневъ не только никогда не думалъ о прочномъ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ, но былъ совершенно неспособенъ обсудить ихъ. Какъ иначе совмѣстить приведенную фразу съ другою, которую мнѣ въ ту же пору нерѣдко приходилось слышать: „а моимъ наслѣдничкамъ послѣ моей смерти копѣечки получить не придется". Что онъ даже въ послѣдніе часы жизни инстинктивно. чтобы не сказать стихійно, стремился къ осуществленію послѣдней фразы, явно изъ неоднократныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ бывшимъ московскимъ городскимъ головою С. М. Третьяковымъ о предсмертныхъ, письменныхъ просьбахъ, обращенныхъ къ нему Тургеневымъ изъ Буживаля, чтобы онъ, Третьяковъ, поскорѣе продалъ Спасское. Какъ продавать недвижимость безъ формальной на то довѣренности да еще поскорѣе? Тургеневъ, какъ извѣстно, придавалъ большое значеніе фамиліи Лутовиновыхъ и не безъ основанія. Все громадное имѣніе Лутовинова раздѣлилось между единственными его двумя дочерьми: Тургеневой и Сергѣевой. А такъ какъ оба Тургенева были бездѣтны, то имѣнія ихъ должны были возвратиться въ родъ Лутовинова и его представителей, т. е. Сергѣевыхъ, у которыхъ дѣтей мужскаго пола не было, и у одной только дочери Мансуровой были двѣ дочери Клеопатра С—на и Екатерина Ш—на. Такимъ образомъ черноглазая малютка на рукахъ кормилицы являлась одной изъ прямыхъ наслѣдницъ Тургенева.

Приближался іюль мѣсяцъ, около десятаго числа котораго

молодые тетерева не только уже превосходно летаютъ, но начинаютъ выпускать перья, отличающія рябку отъ черныша. 8-го іюля мы съ женою пріѣхали въ Спасское, гдѣ всѣ приготовленія къ охотѣ уже были окончены. На передней тройкѣ за день до нашего отъѣзда отправлялся знаменитый Аѳанасій съ поваренкомъ, еще съ другимъ охотникомъ и съ собаками, а на другой тройкѣ въ крытомъ тарантасѣ слѣдовали мы съ Тургеневымъ днемъ позднѣе. Направлялись мы въ полѣсье Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи, черезъ Болховъ, до котораго отъ Спасскаго верстъ пятьдесятъ. Не бывавшій въ этой сторонѣ ни разу, я вполнѣ подчинялся распоряженіямъ Тургенева, ѣхавшаго въ знакомыя ему мѣста. Отправившись изъ Спасскаго около полудня, мы прибыли весьма рано на ночлегъ въ Болховъ, откуда передовая наша подвода уже выѣхала на дальнѣйшую станцію.

Въ отведенныхъ намъ комнатахъ, съ цѣлыми восходящими рядами сіяющихъ образовъ по угламъ, Тургенева встрѣтило препятствіе, причинившее ему немало волненія: неразлучную его бѣлую съ желтоватыми ушами Бубульку ни за что не хотѣли впускать въ комнату, такъ какъ она песъ. Надъ необыкновенною привязанностью Тургенева къ этой собакѣ въ свое время достаточно издѣвался неумолимый Левъ Толстой, но со стороны Тургенева такая нѣжность къ Бубулькѣ была извинительна. Когда собака была еще щенкомъ, мадамъ Віардо, лаская ее, говорила: „бубуль, бубуль. Это имя за нею и осталось. Со скорымъ, вѣрнымъ и въ то же время осторожнымъ поискомъ эта превосходная собака соединяла разсудокъ, граничащій съ умозаключеніями. Вотъ одинъ образчикъ ея соображенія, котораго я былъ очевидцемъ. Привела она насъ по чистому полю къ оврагу, поросшему кустарникомъ; вела она такъ осторожно и рѣшительно, что нельзя было сомнѣваться, что передъ нами большой выводокъ куропатокъ. Дѣло выходило крайне неудобное.

Взлетѣвшія въ кустахъ куропатки непремѣнно бросятся къ самому дну оврага и защищенныя кустарникомъ незамѣтно пронесутся вдоль оврага, избѣгнувъ выстрѣла. Но дѣлать было нечего: собака стояла какъ мраморная передъ нами, обращая раздувающіяся ноздри къ кустамъ. „Бубуль, але“!

вполголоса командовалъ Тургеневъ. Собака оставалась неподвижна. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ понуканій, собака бросилась, но только не въ кусты, а по опушкѣ далеко въ обходъ и въ порядочномъ разстояніи уже исчезла въ кустахъ. „Что за притча“? вполголоса говорилъ Тургеневъ. Я тоже ничего не могъ понять. „Надо обождать“, шепталъ Тургеневъ. Но въ ту же минуту большое стадо куропатокъ, какъ лопнувшая бомба, съ трескомъ и чиликаньемъ взлетѣло надъ нашими головами. Послѣдовало четыре выстрѣла, и четыре убитыхъ куропатки покатились въ кусты.

— Вѣдь это плакать надо отъ умиленія! воскликнулъ Тургеневъ. Умнѣйшій человѣкъ не могъ бы ничего лучшаго придумать, какъ, спустившись на дно оврага, гнать куропатокъ на насъ изъ густоты на чистое поле.

Бубулька всегда спала въ спальнѣ Тургенева, на тюфячкѣ, покрытая отъ мухъ и холода фланелевымъ одѣяломъ. И когда по какому либо случаю одѣяло съ нея сползало, она шла и безцеремонно толкала лапой Тургенева. „Вишь ты какая избалованная собака“, говорилъ онъ вставая и накрывая ее снова.

Съ большимъ трудомъ удалось намъ убѣдить толстую хозяйку съ огненнаго цвѣта волосами, выбивающимися изъ подъ шелковой повязки, что Бубулька представляетъ исключеніе изо всѣхъ собакъ, и что поэтому несправедливо считать ее псомъ. „Песъ лаетъ и неопрятенъ, а она никогда“.

На другой день, покормивъ въ дорогѣ, мы къ вечеру отправились по заблаговременному плану Тургенева ночевать въ усадьбу знакомыхъ ему помѣщиковъ Онухтиныхъ.

Когда мы въѣхали въ лѣсную область, направляясь къ сѣверо-западу, сзади насъ, т. е. съ юго-востока сталъ подувать вѣтеръ, и на горизонтѣ показалась темная туча. „Пошелъ!“ кричалъ Тургеневъ, въ то время какъ вѣтеръ усиливаясь уносилъ изъ подъ насъ цѣлую тучу пыли.—„Охъ, захватитъ насъ гроза! восклицалъ Тургеневъ.—Давайте, батюшка, остановимся да подымемъ верхъ у тарантаса“.

— Да какъ по вашему, спрашивалъ я, далеко ли до вашихъ Онухтиныхъ?

— Да пожалуй верстъ 15 еще будетъ, и я вамъ говорю, мы попадемъ подъ самую страшную грозу.

Дѣйствительно, вечеръ начиналъ все хмуриться, такъ какъ только полнеба передъ нами еще было чисто и сине, а полнеба за нами представляло сплошной черный зонтъ, все далѣе надъ нами надвигавшійся Мы даже пустили пристяжныхъ вскачь, стараясь уѣхать отъ грозы, такъ пугавшей Тургенева. Но ничто не помогало. Черный зонтъ окончательно закрылъ небосклонъ, засверкала почти непрерывная молнія, освѣщавшая намъ дорогу, раздались раскаты грома и полился крупный дождикъ, скоро превратившій пыльную дорогу въ липкую грязь, прорѣзаемую бѣгущими ручьями. Пришлось поневолѣ ѣхать шагомъ. Такъ довелось ѣхать подъ непрерывнымъ дождемъ и грозою часа два, показавшіеся намъ вѣчностью.

Наконецъ, при блескѣ молніи, влѣво отъ дороги показался огонекъ, подавшій намъ надежду добраться до ночлега. „Тутъ влѣво ворота, говорилъ Тургеневъ кучеру, — не зацѣпи и подъѣзжай къ крыльцу“.

Когда вышедшій изъ тарантаса на крыльцо барскаго дома Тургеневъ сказалъ встрѣтившему насъ слугѣ свою фамилію и спросилъ молодаго барина, слуга пояснилъ, что молодой баринъ у сосѣдей въ гостяхъ, но что онъ сейчасъ доложитъ старымъ господамъ.

Любезные хозяева тотчасъ же предложили намъ оправиться съ дороги въ мезанинѣ, въ комнатахъ ихъ отсутствующаго сына, которому послали дать знать о нашемъ пріѣздѣ, не взирая на страшную темень и продолжающійся ливень.

Когда мы оправились съ дороги, и Тургеневъ около дивана уложилъ свою Бубульку, онъ сказалъ, что намъ слѣдуетъ испросить позволенія хозяевъ явиться къ нимъ внизъ и извиниться въ нежданномъ пріѣздѣ. Хозяинъ оказался человѣкомъ средняго роста съ сильною просѣдью, типомъ помѣщика средней руки, желавшимъ и умѣвшимъ держать хозяйство и домъ на подобающей высотѣ. Предупредительности и любезности хозяйки не было конца. Иванъ Серг. сталъ распрашивать ихъ объ ихъ сынѣ, воспитывавшемся въ школѣ правовѣдѣнія и нерѣдко посѣщавшемъ Тургенева въ Петербургѣ. Такъ какъ молодой Онухтинъ былъ въ гостяхъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, то не успѣли мы кончить чая, какъ онъ появился

въ гостиной и, поздоровавшись съ Тургеневымъ, объявилъ мнѣ, что давно знакомъ со мною по литературѣ. Тургеневъ, какъ это нерѣдко случалось, былъ въ духѣ и очень любезенъ; посмотрѣвъ тихонько на часы, я замѣтилъ, что уже одиннадцатый часъ. Догадался и Тургеневъ, что намъ пора освободить любезныхъ хозяевъ, и мы было поднялись прощаться, но хозяйка объявила, что безъ ужина никакъ невозможно. Мы всѣ отправились въ столовую, гдѣ помѣстились: Тургеневъ по лѣвую, а я по правую руку хозяйки. Здѣсь совершенно такъ же, какъ у насъ при отцѣ въ Новоселкахъ, насъ ожидалъ тотъ же обѣденный столъ въ пять блюдъ, начиная съ супа. Проголодавшись за дорогу, я не заставлялъ себя просить; но Тургеневъ, весьма рѣдко ужинавшій, бралъ кушанья болѣе для вида. Въ концѣ ужина появилось освѣщенное изъ середины желе. Съ меня начали обносить блюдо, и я тотчасъ же увидалъ, что доморощенный Ватель произвелъ освѣщеніе своего прозрачнаго Колизея посредствомъ мужскаго наперстка, прилѣпленнаго желткомъ къ серединѣ блюда, со вставленнымъ восковымъ огаркомъ. Измѣривъ глазами всю опасность предстоящей задачи, я запустилъ ложку съ толстаго наружнаго основанія желейнаго вѣнца и торжественно положилъ свою добычу на тарелку. Затѣмъ слуга, обойдя хозяйку, поднесъ блюдо Тургеневу, за манипуляціями котораго я сталъ смотрѣть во всѣ глаза. Этотъ простодушно неосторожный человѣкъ, не боясь, вѣроятно, обременить желудокъ желеемъ, смѣло разсѣкъ ложкою вѣнецъ и положилъ себѣ порядочный кусокъ на тарелку. Но въ тотъ же мигъ концы, подходящіе къ бреши, дрожа повалились на огарокъ, затрещавшій и пустившій струйку копоти. При этомъ Тургеневъ такъ жалобно посмотрѣлъ на меня, что только при помощи энергическихъ усилій я воздержался отъ душившаго меня смѣха. Молодой Онухтинъ проводилъ насъ въ свои комнаты и долго еще расточалъ намъ свои любезности.

— А вы, батюшка, сказалъ Тургеневъ, обращаясь ко мнѣ послѣ ухода молодаго хозяина,—цѣлый вечеръ безъ галстука.

Оказалось, что, мѣняя бѣлье, я второпяхъ забылъ надѣть галстукъ.

После сладкаго отдыха, намъ прислали наверхъ чаю и кофею, и мы собирались уже поблагодарить хозяевъ и отправиться въ дальній путь, но молодой хозяинъ объявилъ, что „мамаша и слышать не хочетъ о томъ, чтобы мы уѣхали безъ завтрака". Дѣлать нечего; приходилось скрѣпя сердце ждать. Должно быть, въ виду нашего нетерпѣнія поторопились съ завтракомъ, и въ 11 час. мы сошли въ гостиную къ круглому столу передъ диваномъ, покрытому всевозможными яствами, начиная съ превосходныхъ пикулей и грибковъ до жареной печенки въ сметанѣ, молодаго разсыпчатаго картофеля и большаго блюда съ телячьими котлетами, плавающими въ сочномъ бульонѣ. Въ тѣ времена я рѣдко отказывался отъ съѣстнаго. Когда я добирался до котлетъ, въ комнату вошелъ слуга съ раскупоренной бутылкой Редерера и сталъ наливать бокалы.

— Господа, пью за ваше здоровье и благодарю за доставленное мнѣ удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ, сказала хозяйка, подымая бокалъ. Стоящій тутъ же у стола семи или восьмилѣтній мальчикъ въ туго накрахмаленной, колокольчикомъ торчащей рубашкѣ, тоже высоко поднялъ свой бокалъ и воскликнулъ.

— Иванъ Сергѣевичъ, честь имѣю васъ поздравить.

Я видѣлъ, какъ родительница дернула его сзади за торчащую рубашечку, и сообразивъ, что попалъ не туда, мальчикъ на нѣкоторое время остался съ поднятымъ бокаломъ, въ видѣ неумѣстнаго знака восклицанія.

Колокольчикъ нашей коренной побрякивалъ уже у крыльца.

— Позвольте васъ поблагодарить, заговорили мы.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! возразила хозяйка:—надо прежде уложить съ вами закуску.

— Ради Бога этого не дѣлайте, говорили мы съ Тургеневымъ въ одинъ голосъ, въ то время какъ лакей убиралъ кушанье.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это одна минута.

Твердо увѣренные, что доводы наши одержали верхъ, мы, простясь съ любезными хозяевами, пустились въ путь.

— Господи! восклицалъ Тургеневъ, когда тарантасъ нашъ покатилъ по песчаной дорогѣ, закрѣпленной вчерашнимъ

дождемъ. — Чего только не дѣлаетъ наше русское гостепріимство? Ну мыслимо ли, чтобы въ нормальномъ состояніи я, съ моимъ вѣчнымъ страхомъ передъ холерой, пилъ въ 11 час. утра шампанское? И все это Тургеневъ восклицалъ такимъ тономъ, какъ будто все это гибельное для его желудка русское гостепріимство не только находило себѣ усердную защиту въ моемъ старообрядствѣ, но даже какъ бы исходило изъ меня.

Хотѣлъ было уже я для сравненія съ нашими обильными яствами сопоставить скудное убожество нѣмецкой, французской и итальянской кухни съ ея прозрачными листиками ветчины; но въ это время тарантасъ нашъ сталъ такъ круто спускаться въ долинку, за которою начинался красный лѣсъ, что было не до споровъ, а нужно было упираться ногами, чтобы не скатиться съ своего мѣста. Упираться приходилось въ довольно обширный сундучекъ въ кожаномъ чехлѣ. Безъ этого сундучка, содержавшаго домашнюю аптеку, Тургеневъ никуда не выѣзжалъ, видя въ немъ талисманъ отъ холеры. Толкаемый на корявомъ спускѣ Тургеневымъ и толкая его въ свою очередь, вдругъ слышу пронзительный его фальцетъ.

— Боже мой! что же тутъ такое?

Тогда только, откинувъ совершенно фартукъ и взглянувъ себѣ подъ ноги, я увидалъ слѣдующее зрѣлище: услужливый и сообразительный слуга, получившій на чаекъ, завязалъ все блюдо съ котлетами въ салфетку и поставилъ на аптечку. При утраченномъ тарантасомъ равновѣсіи, вся обильная подливка сквозь салфетку облила драгоцѣнный ящикъ.

— Стой! Стой! Стой! кричалъ Тургеневъ кучеру, спустившемуся уже въ долинку. Развязавши узлы пропитанной жиромъ салфетки, я увидалъ на блюдѣ сбившіяся въ кучку котлеты. Хотя отъ смѣха я едва владѣлъ руками, тѣмъ не менѣе воспользовался кусочкомъ газетъ, которыми Тургеневъ сталъ усердно вытирать драгоцѣнную аптеку, и прикрывши этой бумажкой свое лѣвое колѣно, прижалъ на немъ пальцами котлеты и держалъ ихъ на вѣсу до тѣхъ поръ, пока Тургеневъ, вылѣзши изъ тарантаса, не сталъ согнувшись таскать сначала блюдо, а затѣмъ салфетку по обильной росѣ, про-

мывая такимъ образомъ то и другое. Во время всей этой, весьма искусно имъ выполняемой, операціи, при которой ему приходилось сильно изгибаться, онъ не переставалъ кряхтѣть и повторять одну и ту же фразу: „Господи! проклятое русское гостепріимство!“

Наконецъ блюдо и салфетка были по возможности вымыты; я положилъ и завязалъ спасенныя мною котлеты, и мы тронулись въ путь. Къ вечеру мы пріѣхали въ окруженное лѣсами селеніе Щигровку, гдѣ остановились во дворѣ давно знакомаго Тургеневу охотника. Помѣщеніе, не взирая на мѣстную дешевизну строеваго лѣса, было самое заурядное въ крестьянскомъ быту и состояло изъ довольно просторной избы направо и такъ называемой чистой горницы налѣво, которую хозяева уступили намъ. Не помню даже, была ли эта горница съ мощенымъ поломъ или съ земляннымъ, на подобіе избы, находящейся черезъ сѣни. Разсматривая отъ скуки по моему обыкновенію лубочныя картины и стѣны, я нашелъ на правой дверной притолкѣ въ нашей горницѣ четко написанное хорошо знакомымъ мнѣ почеркомъ: „Тургеневъ“. Если эта изба цѣла, то я увѣренъ, что и эта ясная надпись карандашемъ сохранилась.

Хозяинъ Григорій и братъ его Иванъ, конечно, оба превосходно знали окрестное полѣсье и попеременно служили намъ проводниками, — иногда единовременно оба, разводя насъ группами въ разныя стороны. Конечно, Тургеневъ еще съ вечера сдѣлалъ всѣ распоряженія, и я заранѣе объявилъ, что, стараясь ни въ какомъ случаѣ не мѣшать Тургеневу, буду тѣмъ не менѣе держаться того же вожака, что и онъ.

Когда Тургеневъ объяснялъ строгому своему Аѳанасію, смотрѣвшему на ружейную охоту, какъ на дѣло далеко не шуточное, — что Григорій и Иванъ оба обѣщаютъ много тетеревиныхъ выводковъ, Аѳанасій скептически повторялъ свою обычную фразу: „не вѣрьте вы мужику! Ну что мужикъ понимаетъ!“

На другое утро часовъ въ пять, напившись чаю и кофею и сунувши въ ягташи съѣстнаго и, между прочимъ, спасенныя мною котлетки, мы на двухъ тройкахъ отправились по

указанію нашихъ вожаковъ по лѣснымъ дорожкамъ и перелѣскамъ.

— Стой! крикнулъ наконецъ нашему кучеру Григорій, и мы съ Тургеневымъ вылѣзли изъ тарантаса, забирая тщательно приготовленные ружья и снаряды, и пустились за Григоріемъ въ кусты, разбросанные по заросшимъ травою, такъ называемымъ *гарямъ* (прежнимъ лѣснымъ пожарищамъ). Расходясь въ разныя стороны, мы должны были, чтобы окончательно не потерять проводника, отъ времени до времени кричать ему: „гопъ! гопъ!"—не слишкомъ отдаляясь отъ его отклика. Съ Непиромъ моимъ, пересланнымъ мнѣ въ Москву любезнымъ Громекою съ Волховской станціи, мнѣ не удавалось до сихъ поръ охотиться въ теченіи двухъ лѣтъ, и я боялся, зная горячность собаки, помѣшать Тургеневу. Не смотря на мои свистки, Непиръ носился какъ угорѣлый. Но вотъ на большомъ кругу онъ вдругъ остановился и замеръ. Конечно, я не заставилъ себя ждать и прямо пошелъ къ остановившейся собакѣ. Вдоволь нагладившись по его блестящей черной спинѣ, я, приготовивши ружье, сталъ подвигаться по направленію его носа, и вдругъ съ шумнымъ хлопаньемъ изъ росной травы поднялся черпышъ. Грянулъ мой первый выстрѣлъ, и черпышъ покатился въ траву. Конечно, я былъ въ восторгѣ отъ своего почина.

Не берусь день за день и ударъ за ударомъ описывать нашихъ болѣе или менѣе удачныхъ полеваній, ограничиваясь воспоминаніями о моментахъ болѣе мнѣ памятныхъ.

Въ то время еще не было въ употребленіи ружей, заряжающихся съ казенной части, и Тургеневъ, конечно, былъ правъ, пользуясь патронташемъ съ набитыми заранѣе патронами; тогда какъ я заряжалъ свое ружье изъ пороховницы съ мѣркою и мѣшка дробовика, называемаго у нѣмцевъ Schrot-Beutel, причемъ заряды приходилось забивать или нарубленными изъ шляпы кружками, или просто войлокомъ, припасеннымъ въ ягташѣ. У меня не было, какъ у Тургенева, съ собою охотниковъ, заранѣе изготовляющихъ патроны; а когда при отъѣздѣ на охоту необходимо запасаться, сверхъ перемѣннаго бѣлья, всѣми ружейными принадлежностями, то отыскивать что либо въ небольшомъ мѣшкѣ весьма хлопот-

ливо и неудобно, и Борисовъ очень мѣтко обозвалъ это занятіе словами: „тыкаться зусенцами". Конечно такое заряжаніе шло медленнѣе, и когда Тургеневу приходилось поджидать меня, онъ всегда обзывалъ мои снаряды „сатанинскими". Помню однажды, какъ собака его подняла выводокъ тетеревей, по которому онъ далъ два промаха, и который затѣмъ налетѣлъ на меня. Два моихъ выстрѣла были также неудачны навстрѣчу летящему выводку, который разсѣлся по низкому можжевельнику, между Тургеневымъ и мною. Что могло быть удачнѣе такой неудачи? Можно ли было выдумать что либо великолѣпнѣе предстоящаго поля? Стоило только по одиночкѣ выбирать разсѣявшихся тетеревей. Тургеневъ поспѣшно зарядилъ свое ружье, подозвавъ къ ногамъ Бубульку и кричалъ издали мнѣ, торопливо заряжавшему ружье: „опять эти сатанинскіе снаряды! Да не отпускайте свою собаку! Не давайте ей слоняться! Вѣдь она можетъ наткнуться на тетеревей, и тогда придется себѣ опять кишки рвать".

Помню случай, о которомъ мнѣ до сихъ поръ совѣстно вспоминать.

Угомонившійся Непиръ сталъ необыкновенно крѣпко держать стойку. Право казалось, что если его не посылать, онъ полчаса и болѣе, не тронувшись съ мѣста, простоитъ надъ выводкомъ. Давно уже не приходилось мнѣ ни самому стрѣлять, ни слышать за собою выстрѣловъ Тургенева. Жара стояла сильная, и утомленіе при долгой неудачѣ давало себя чувствовать. Вдругъ, гляжу, шагахъ въ пятидесяти передо мною, на чистомъ прогалкѣ между кустами стоитъ мой Непиръ, а въ то же самое время слышу за спиною въ лощинѣ, заросшей молодою березовой и еловою порослью, голосъ Тургенева, кричащаго: „Гопъ! Гопъ!" Бросивши собаку, я иду на край ложбины и кричу въ ея глубь: „Гопъ, гопъ! Иванъ Сергѣевичъ!" Черезъ нѣсколько минутъ слышу близкое: „гопъ гопъ!" и крикъ Тургенева: „что такое"?

— Идите стрѣлять тетеревей! кричалъ я. — Моя собака стоитъ.

Когда Тургеневъ вышелъ изъ чащи, мы оба отправились къ чернѣвшемуся вдали Непиру.

— Идите поправѣе отъ собаки, а я пойду полѣвѣе, сказалъ я. Такъ мы и сдѣлали.

Умница Бубулька по окрику Тургенева пошла за его пятой. Когда мы съ обѣихъ сторонъ стали опережать собаку, изъ лежащаго между нами куста съ хлопаньемъ поднялся старый чернышъ, и Тургеневъ сталъ въ него цѣлить. Поднялъ ружье и я; и мнѣ почему-то показалось, что Тургеневъ упускаетъ его изъ выстрѣла. Этого истиннаго или подложнаго мотива было достаточно, чтобы я нажалъ спускъ. Грянулъ выстрѣлъ, и чернышъ упалъ.

— А еще вызывалъ стрѣлять, сказалъ Тургеневъ, да самъ и убилъ!

Приводите, какія хотите объясненія: поступокъ остается все тотъ же.

Помню, что въ первый день мы охотились въ два пріема, т. е. вернулись къ часу, на время самой жары, домой къ обѣду, а въ 5 час. отправились снова на вечернее поле. Въ первый день я, къ величайшей гордости, обстрѣлялъ всѣхъ, начиная съ Тургенева, стрѣлявшаго гораздо лучше меня. Помнится, я убилъ двѣнадцать тетеревей въ утреннее и четырехъ—въ вечернее поле. Чтобы облегчить дичь, которую мы для ношенія отдавали проводникамъ, мы потрошили ее на привалѣ и набивали хвоей. А на квартирѣ поваренокъ немедля обжаривалъ ее и клалъ въ заранѣе приготовленный уксусъ. Иначе не было возможности привезти домой дичины.

Нельзя не вспомнить о нашихъ привалахъ въ лѣсу. Въ знойный, іюльскій день при совершенномъ безвѣтріи, открытыя гари, на которыхъ преимущественно держатся тетерева, напоминаютъ своею температурой раскаленную печь. Но вотъ проводникъ ведетъ васъ на дно изложины, заросшей и отѣненной крупнымъ лѣсомъ. Тамъ между извивающимися корнями столѣтнихъ елей зеленѣетъ сплошной коверъ круглыхъ листьевъ, и когда вы раздвинете ихъ прикладомъ или вѣткою, передъ вами чернѣетъ влага, блестящая какъ полированная сталь. Это лѣсной ручей. Вода его такъ холодна, что зубы начинаютъ ныть, и можно себѣ представить, какъ отрадна ея чистая струя изнеможенному жаждой охотнику.

Если кто либо усомнится въ томъ, какъ трусившій холеры Тургеневъ упивался такою водою, то я могу разсказать о привалѣ въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе изумительномъ.

Послѣ знойнаго утра, въ теченіи котораго неудачная охота заставляла еще сильнѣе чувствовать истому, небо вдругъ заволокло, листья, какъ кипящій котелъ, зашумѣли подъ порывистымъ вѣтромъ, и косыми нитями полился ледяной, чисто осенній дождикъ. Случайно мы были съ Тургеневымъ недалеко другъ отъ друга и потому сошлись и сѣли подъ навѣсомъ молодой березы. При утомительной ходьбѣ по мхамъ и валежнику, мы, конечно, старались одѣваться какъ можно легче, и понятно, что наши парусинные сюртучки черезъ минуту прилипли къ тѣлу. Но дѣлать было нечего. Мы достали изъ ягташей хлѣба, соли, жареныхъ цыплятъ и свѣжихъ огурцевъ и, предварительно пропустивъ по серебряному стаканчику хереса, принялись закусывать подъ проливнымъ дождемъ. Снявши съ себя фуражку, я съ величайшимъ трудомъ ухитрился закурить папироску, охраняя ее въ пригоршнѣ отъ дождя. Некурящій Тургеневъ былъ лишенъ и этой отрады. Мокрые на мокрой землѣ сидѣли мы подъ проливнымъ дождемъ.

— Боже мой! воскликнулъ Тургеневъ. — Что бы сказали наши дамы, видя насъ въ такомъ положеніи!

Черезъ часъ дождикъ пересталъ, и мы, потянувши къ нашимъ лошадямъ, въ скорости обсохли.

Нельзя не вспомнить съ удовольствіемъ о нашихъ обѣдахъ и отдыхахъ послѣ утомительной ходьбы. Съ какимъ удовольствіемъ садились мы за столъ и лакомились наваристымъ супомъ изъ курицы, столь любимымъ Тургеневымъ, предпочитавшимъ ему только супъ изъ потроховъ. Молодыхъ тетеревовъ съ бѣлымъ еще мясомъ справедливо можно назвать лакомствомъ; а затѣмъ Тургеневъ не могъ безъ смѣха смотрѣть, какъ усердно я поглощалъ полныя тарелки спѣлой и крупной земляники. Онъ говорилъ, что ротъ мой раскрывается при этомъ „галчатообразно“.

После обѣда мы обыкновенно завѣшивали окна до совершенной темноты, безъ чего мухи не дали бы намъ успокоиться. Непривычные спать днемъ, мы обыкновенно преда-

вались болтовнѣ. Въ этомъ случаѣ извѣстные стихи „Домика въ Коломнѣ" можно пародировать такимъ образомъ:

. . . . много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда *лежимъ*
Одни, или съ товарищемъ *инымъ*.

— А что, говоритъ, напримѣръ, Тургеневъ, если-бы дверь отворилась, и вмѣсто Аѳанасія вошелъ бы Шекспиръ? Что бы вы сдѣлали?

— Я старался бы разсмотрѣть и запомнить его черты.

— А я, восклицаетъ Тургеневъ, упалъ бы ничкомъ да такъ бы на полу и лежалъ.

Зато какъ сладко спалось намъ ночью послѣ вечерняго поля, и нужно было употребить надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы подняться въ 5 ч. утра, умываясь холодной какъ ледъ водою, только что принесенной изъ колодца. Тургеневъ, видя мои нерѣшительныя плесканія, сопровождаемыя болѣзненнымъ гоготаньемъ, утверждалъ, что видитъ на носу моемъ неотмытые слѣды вчерашнихъ мухъ.

Здѣсь позволю себѣ небольшое отступленіе, могущее, по мнѣнію моему, объяснить въ глазахъ читателя ту двойственность въ воззрѣніи на предметы, которую я иногда самъ въ себѣ подмѣчаю, и которая происходитъ изъ того, что я теперь разсказываю о томъ, что происходило тогда.

Въ тѣ времена еще всѣ вещи были единичны и просты. Жареный поросенокъ былъ простымъ поросенкомъ и не былъ, какъ во времена римскихъ императоровъ, начиненъ сюрпризами въ видѣ воробьевъ или дроздовъ. Правда, я былъ страстнымъ поклонникомъ Тургенева, но меня приводили въ восторгъ „Пѣвцы" или раздающійся по зарѣ крикъ: „Антропка! а-а-а! Поди сюда, чертъ, лѣшій!"—А ко всѣмъ возможнымъ направленіямъ я былъ совершенно равнодушенъ, и меня крайне изумляло несогласіе проповѣдей съ дѣломъ. Такъ помню, проѣзжая однажды вдоль Спасской деревни съ Тургеневымъ и спросивши Тургенева о благосостояніи крестьянъ, я былъ крайне удивленъ не столько сообщеніемъ о ихъ недостаточности, сколько французской фразой Тургенева: „faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais".

Не менѣе поражала меня совершенная неспособность Тургенева понимать самыя простыя практическія вещи, между тѣмъ какъ онъ видимо принадлежалъ къ числу людей, добивавшихся практическихъ измѣненій и устройствъ.

Однажды проснувшись оба въ ночной темнотѣ, мы какъ-то разболтались, и, вѣроятно, вслѣдствіе вопроса: „который часъ?"—Тургеневъ вдругъ сталъ экзаменовать меня насчетъ причины, заставляющей двигаться часовые механизмы. На отвѣтъ мой, что въ часахъ съ гирями движущей силой является тяготѣніе, а въ карманныхъ — стремленіе насильно закрученной пружины развернуться до прежняго нестѣсненнаго положенія,—Тургеневъ съ хохотомъ воскликнулъ:

— Ахъ какой онъ вздоръ говоритъ! Раскройте, батюшка, любые часы, и вы увидите прыгающій маятникъ, движимый волоскомъ. Этотъ-то волосокъ посредствомъ маятника и заставляетъ двигаться часы.

Напрасно старался я доказывать Тургеневу, что его волосокъ выходитъ причиною самого себя. На это онъ возражалъ, что такою же причиною самого себя является и моя пружина; и я только тогда успѣлъ заставить его замолчать, когда обратилъ вниманіе на то, что незаведенные ключемъ часы продолжаютъ упорно стоять, не взирая ни на какое раскачиваніе маятника.

Наконецъ, окончивъ полеваніе, мы безъ всякихъ задержекъ направились въ Спасское, даже принанимая лошадей тамъ, гдѣ это было возможно.

Конечно, сравнивая свои тогдашнія средства со средствами Тургенева, владѣвшаго въ то время еще всѣми своими имѣніями, я долженъ былъ считать его богачемъ. Но когда объ этомъ заходила между нами рѣчь, Тургеневъ обыкновенно говорилъ, что онъ о матеріальныхъ средствахъ и не думаетъ, увѣренный, что у него ихъ на всю жизнь хватитъ, хотя въ то время онъ, очевидно, не имѣлъ въ виду огромныхъ суммъ, полученныхъ имъ впослѣдствіи за сочиненія.

По этимъ словамъ слѣдовало заключить, что и онъ смотритъ на себя какъ на богатаго человѣка, а между тѣмъ дорогой изъ полѣсья онъ по поводу этой темы внезапно самымъ внушительнымъ образомъ пропищалъ:

— Да вы дайте мнѣ за всѣ мои имѣнія 70 тысячъ рублей, и я сейчасъ же вылѣзу изъ тарантаса и стану у васъ въ пыли у ногъ валяться.

— Иванъ Серг., вамъ не придется валяться въ пыли потому уже, что, пользуясь вашимъ преувеличеніемъ, чтобы не сказать преуменьшеніемъ, я не соглашусь покупать за ничто ваше состояніе.

— Ахъ, какія фразы! восклицалъ Тургеневъ.—Я никого не прошу себѣ въ опекуны.

— Кромѣ того, продолжалъ я, вы знаете, что у меня такихъ и денегъ нѣтъ.

— Просите у Боткиныхъ, они вамъ не откажутъ.

Подобный разговоръ не разъ между нами возобновлялся, и притомъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и опредѣленностью.

Душевно радуюсь, что сохранившіяся въ значительномъ количествѣ письма Боткина, Тургенева и Толстаго помогутъ мнѣ воспроизвести нравственные очерки этихъ писателей съ гораздо большею точностью оттѣнковъ, чѣмъ воспроизведеніе былыхъ нашихъ разговоровъ, причемъ могутъ вкрасться оттѣнки, и не вполнѣ вѣрные дѣйствительности.

Говоря о Спасскомъ, я принужденъ говорить и обо всѣхъ его тогдашнихъ обитателяхъ, во главѣ которыхъ стоитъ глубоко мною уважаемый старикъ, дядя Ивана Сергѣевича — Н. Н. Тургеневъ.

Еще съ перваго знакомства, даже шуточныя выходки Л. Н. Толстаго постоянно поражали меня своею оригинальностью. Такъ когда-то общія впечатлѣнія, производимыя отдѣльнымъ писателемъ нашего тогдашняго круга, онъ приравнивалъ къ впечатлѣніямъ, производимымъ извѣстными цвѣтами. Въ настоящее время не могу припомнить цвѣтъ каждаго изъ насъ, но про меня, кажется, онъ говорилъ, что я свѣтлоголубой. Такъ однажды, когда мы встали изъ-за стола въ Новоселкахъ, и я сталъ разсыпаться въ похвалахъ только что уѣхавшему домой Ник. Ник. Тургеневу, Л. Н. Толстой тоже воскликнулъ: „онъ прелесть!" и схвативши у кого-то зубочистку-перо въ бисерномъ чехольчикѣ, прибавилъ:

— Въ своемъ пышномъ бѣломъ галстукѣ и шелковой муаровой жилеткѣ песочнаго цвѣта онъ вотъ что!

Если вспомнить моду двадцатыхъ годовъ на бисерныя, часовыя цѣпочки, кошельки, то лучше нельзя было выразить всего общаго тона Никол. Никол., что не мѣшало ему быть вполнѣ хорошимъ, добрымъ и толковымъ человѣкомъ.

Въ четырнадцатомъ году, 16-и лѣтъ отъ роду, только что произведенный въ корнеты, онъ повелъ эскадронъ кавалергардскихъ рекрутъ на молодыхъ лошадяхъ въ Парижъ, и, конечно, за такой долгій походъ эскадронъ пришелъ обученнымъ полевой ѣздѣ. Въ Парижѣ, въ числѣ прочей молодежи, познакомился онъ и съ англичанами, сильно тогда нахлынувшими въ столицу міра. Уже въ то время Тургеневъ отличался той физической силой, которую сохранилъ до старости.

Посѣщая залу гимнастики, онъ въ свою очередь сталъ вытягивать изъ стѣны машину, указывавшую по градусамъ силу каждаго. Тургеневъ не токмо вытащилъ машину до последняго градуса, но совсѣмъ вырвалъ ее изъ стѣны. Англичане подхватили его на руки и понесли съ тріумфомъ.

Никогда не видавъ матери Тургенева, не стану воспроизводить о ней разсказовъ едва ли въ этомъ случаѣ безпристрастнаго Ивана Сергѣевича. Повторю только слышанное мною отъ Ник. Ник., завѣдывавшаго при покойной Тургеневой всѣмъ ея домомъ. При этомъ перескажу лишь то, что̀, по моему, находится въ прямой связи съ дальнѣйшею судьбою ея семьи. Независимо отъ какого-то кресла въ видѣ трона, она содержала при себѣ цѣлый штатъ компаніонокъ и гофмейстеринъ. При поѣздкахъ въ другія свои имѣнія и въ Москву, она кромѣ экипажей высылала цѣлый гардеробный фургонъ, часть котораго была занята дворецкимъ со столовыми принадлежностями. Изба, предназначавшаяся для ея обѣденнаго стола или ночлега, предварительно завѣшивалась вся свѣжими простынями, разстилались ковры, раскладывался и накрывался походный столъ, и сопровождавшія ее дѣвицы обязательно должны были являться къ обѣду въ вырѣзныхъ платьяхъ съ короткими рукавами.

Если при такой домашней обстановкѣ принять во вниманіе безотлучное пребываніе въ этой средѣ холостяковъ, то нечему удивляться, что Никол. Никол. и старшій братъ Ивана Сергѣевича женились на камеристкахъ Варвары Петровны,

тогда какъ послѣдствіемъ сближенія Ив. Серг. съ крѣпостною прачкой была та, чрезвычайно на него похожая, 15-и лѣтняя дочь, съ которою мы познакомились въ Куртавнелѣ. Кто были тѣ Бѣлокопытовы, изъ коихъ на младшей женатъ былъ шестидесятилѣтній Ник. Ник. Тургеневъ, и отъ которой у него были двѣ дѣвочки, я сказать не умѣю. Знаю только, что Ив. Серг. постоянно относился къ нимъ весьма любезно и родственно, и фразу: „дядя, ты не безпокойся: твои дѣти мои дѣти"—я нерѣдко слыхалъ изъ устъ Ив. Серг.

Дамы эти иногда не только играли въ залѣ на подаренномъ имъ Тургеневымъ пьянино, но даже пѣли.

Однажды, когда Тургеневъ лежалъ въ гостиной на самосонѣ, а я сидѣлъ подлѣ него, въ разговоръ нашъ врывалось изъ третьей комнаты довольно безыскусственное пѣніе.

— Вѣдь вотъ, проговорилъ кисленькимъ голоскомъ Тургеневъ, — если-бы ваши родственницы такъ пѣли, то васъ бы это коробило. А меня это нисколько не трогаетъ.

Я сейчасъ же подумалъ: „меня это не трогаетъ, такъ я объ этомъ и не говорю". Что же касается до жены брата Ник. Серг., то И. С. ее терпѣть не могъ и часто вспоминалъ про нее, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Это была нѣмка изъ Риги, не признаваемая покойной Варв. Петр. въ качествѣ невѣстки, и въ мое время проживавшая верстахъ въ 10-и отъ Спасскаго въ селѣ Тургеневѣ.

Чета эта представляла одну изъ тѣхъ психологическихъ загадокъ, которыми жизнь такъ любитъ испещрять свою ткань. Ник. Серг. въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками. Въ салонѣ бывалъ неистощимъ, и я не разъ слыхалъ мнѣніе свѣтскихъ людей, говорившихъ, что въ сущности Ник. Сергѣевичъ былъ гораздо умнѣе Ив. Серг. Я даже передавалъ эти слухи самому Ив. Серг., понимавшему вмѣстѣ со мною ихъ нравственное убожество. У Ивана Сергѣевича были большіе изъяны; у него, какъ мы видѣли, не хватало формальнаго математическаго и философскаго ума. Однажды онъ говорилъ мнѣ: „на дняхъ я просматривалъ свои берлинскія, философскія записки. Боже мой! неужели же это я когда-то писалъ и составлялъ? Пусть меня убьютъ, если я въ состояніи понять хотя одно слово".

Вспомнимъ, что онъ добивался каѳедры философіи при московскомъ университетѣ. Но за то Ив. Серг. былъ, какъ выражался про себя И. И. Панаевъ, „человѣкъ со вздохомъ“. Не взирая на внѣшнее сходство двухъ братьевъ, они въ сущности были прямою противоположностью другъ друга. Насколько Ив. Серг. былъ беззаботнымъ безсребренникомъ, настолько Николай могъ служить типомъ стяжательнаго скупца. Извѣстно, что послѣ смерти Варв. Петр. Николай пріѣхалъ въ Спасское и забралъ всю бронзу, серебро и брилліанты, и все это они съ женою берегли въ Тургеневской кладовой. Если справедливо, что Ник. Серг. въ душѣ презиралъ поэзію, то нельзя сказать, чтобы онъ не чувствовалъ ея окраски, чему доказательствомъ можетъ служить переданный мнѣ Ив. Сергѣевичемъ разговоръ его съ братомъ.

— Стоитъ ли, говорилъ Ник. Серг. заниматься такимъ пустымъ дѣломъ, которое всякій лѣнивый на гулянкахъ можетъ исполнить.

— Вотъ ты и не лѣнивъ, отвѣчалъ Ив. С., — но даже одного стиха не напишешь, какъ Жуковскій.

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ Николай:

«Дышетъ чистый ѳиміамъ урною святою».

— А вѣдь похоже, говорилъ хохочущій Ив. Серг.

— Разгадайте, нерѣдко восклицалъ И. С.,—какимъ образомъ братъ могъ привязаться къ этой женщинѣ? Что она чудовищно безобразна, въ этомъ вы могли сами убѣдиться въ нашемъ домѣ; прибавьте къ этому, что она нестерпимо жестока, капризна и неразвита, и крайне развратна. Достаточно сказать, что, ложась ночью въ постель при лампѣ, она требуетъ, чтобы горничная, раскрахмаленная и разодѣтая, всю ночь стояла посреди комнаты, но чтобы не произвести стука, босая. Вотъ и подивитесь! Вѣдь онъ ее до сихъ поръ обожаетъ и цѣлуетъ у нея ноги.

Когда я отправлялся въ Спасское одинъ, то ѣздилъ туда верхомъ въ бродъ черезъ Зушу, значительно сокращая дорогу, и пріѣздъ мой въ Спасскомъ сдѣлался самымъ обычнымъ явленіемъ. Однажды, всходя на балконъ, слышу усиленный, мелко дребезжащій звукъ, похожій на фырканье, и

вступая въ гостиную, вижу, что дамы усердно надрѣзаютъ и рвутъ на клоки темносѣрый кусокъ нанки.

— Надъ чѣмъ это вы такъ трудитесь? спросилъ я.

— Да вотъ Ив. Серг. выписалъ изъ Петербурга больнаго студента для поправки на деревенскомъ воздухѣ. Оказывается, что этотъ гость совершенно разутъ и раздѣтъ, и мы послали во Мценскъ взять нанки, чтобы у нашего деревенскаго портнаго заказать прiѣзжему костюмъ.

Вернувшiйся съ прогулки Ив. Серг. подтвердилъ извѣстiе, пояснивъ при этомъ, что онъ предназначаетъ студента учителемъ сельской школы и переписчикомъ своихъ разсказовъ.

Въ послѣдующiе разы я увидалъ студента въ нанковой парѣ уже за семейнымъ столомъ, и любившiй подшутить Ник. Ник. говорилъ:

— Право, нашъ молодецъ-то таки очень посмѣлѣлъ. Бывало, ждетъ, покуда скажутъ: „не хотите ли вина?" А нынче рука-то сама далеко достаетъ бутылку. Не знаю, какой толкъ изъ этого всего выйдетъ.

Какъ то проходя черезъ небольшую комнату, я увидалъ жену Ник. Серг. Тургенева лежащею на диванѣ съ далеко выставленными ботинками, а нанковаго студента сидящаго на табуретѣ и растирающаго ей ноги. Однажды осенью, зайдя во флигель къ Ив. Серг., я засталъ его въ волненiи.

— Я, сказалъ онъ,—рѣшился просить дядю, чтобы онъ выпроводилъ этого Рабiонова, который мнѣ опротивѣлъ своимъ нахальствомъ. Мнѣ онъ ничего не переписываетъ. Въ школьникахъ видитъ эклогу Виргилiя, и приходилъ мнѣ жаловаться на жену моего брата, будто бы разрушившую его нравственный мiръ.

Конечно, и Ник. Ник., говоря на ту же тему, воскликнулъ: „вотъ, Иванъ, всегда такъ! Самъ нивѣсть кого затащилъ въ домъ, а теперь дядя выгоняй! Что я за палачъ такой?"

Не знаю, какъ это случилось, такъ какъ я въ скорости затѣмъ уѣхалъ въ Москву, куда вслѣдъ за мною прiѣхалъ и Ив. Сергѣевичъ Но для бѣднаго Ник. Ник. штука эта разыгралась не безъ убытка. Не знаю, по болѣзни или по иной причинѣ Рабiоновъ продержался въ Спасскомъ до зимы, и когда пришлось отправлять его, сталъ просить у Н. Н.

шубу, клятвенно завѣряя, что доѣдетъ въ ней только до Москвы, а затѣмъ прямо доставитъ ее въ нашъ домъ. Добросердечный старикъ согласился на просьбу, но пропавшая шуба дала поводъ Ив. Серг. къ слѣдующему куплету:

«Рабіоновъ! Рабіоновъ!
Воръ и варваръ безъ сомнѣнья,
Redde meas legiones!
Возврати чужую шубу!»

Впрочемъ И. С. Тургеневъ предлагалъ и слѣдующій варіантъ:

«Рабіоновъ! Рабіоновъ!
Воръ и варваръ безъ изъятья
Redde meas legiones,
Возврати чужое платье!»

Воспроизведеніе въ данное время Спасскаго персонала было бы далеко не полно безъ домашняго доктора Порфирія Тимофеевича, правильнѣе — безъ вывезеннаго, еще при жизни матери, Тургеневымъ, въ Берлинъ крѣпостнаго фельдшера Порфирія, отпущеннаго на волю и получившаго по возвращеніи въ Россію патентъ зубнаго врача. При помощи этого патента онъ пользовался извѣстной практикой въ округѣ и благосклонно принимаемъ былъ въ Спасскомъ, семействомъ Тургеневыхъ. Толстый и отяжелѣвшій, онъ иногда сопутствовалъ И. С. въ ближайшихъ охотахъ и въ случаѣ надобности могъ составить желающему партію на билліардѣ или въ шахматы. Наивное вранье и попрошайство указывали въ немъ на бывшаго двороваго.

Боткинъ писалъ изъ Лондона отъ 22 августа 1858 г.:

„Какой свой романъ читалъ тебѣ Тургеневъ? Если прежній. то онъ въ цѣломъ вовсе не удался, да я думаю, что никакой романъ не удался ему. Сила его въ очеркѣ и въ подробностяхъ... Смерть бѣднаго Иванова ужасно поразила меня. Я его глубоко уважалъ, какъ за его великій характеръ, такъ и за его свѣдѣнія въ искусствахъ,—и потомъ какая ужасная иронія судьбы! Даже не успокоился отъ своего долгаго труда! Это былъ человѣкъ такихъ понятій объ искусствѣ, какія нынче, между художниками, почти не встрѣчаются. Но я ду-

маю, однакожь, что это былъ человѣкъ болѣе труда, нежели творчества. Въ послѣдніе же годы онъ до такой степени вдался въ книги, что живопись оставалась почти въ сторонѣ, и отъ этого техника его начала сильно ослабѣвать и, пожалуй, даже ужь и ослабѣла. Я не столько художника оплакиваю въ немъ, но человѣка, въ душѣ котораго были высочайшіе идеалы. Объ его другихъ сторонахъ вамъ, вѣроятно, Тургеневъ разсказывалъ, равно какъ и объ его пунктѣ помѣшательства. Я думаю, что этотъ пуктъ произошелъ у него вслѣдствіе чтенія біографій художниковъ 16 и 17 вѣка, между которыми, особенно въ Неаполитанской школѣ, отравленіе было въ большомъ употребленіи ради соперничества".

В. Боткинъ.

Тургеневъ былъ правъ, предсказывая мнѣ изъ Рима прелестное деревенское лѣто. Дѣйствительно, лѣто пролетало въ частыхъ дружескихъ и совершенно безоблачныхъ сближеніяхъ. Съ шахматнымъ игрокомъ и предупредительно любезнымъ Борисовымъ Тургеневъ сблизился дружески и весьма часто день и два оставался ночевать въ Новоселкахъ.

Однажды вечеромъ, сидя на новой террасѣ передъ вновь устроенной Борисовымъ цвѣточною клумбою, обведенною песчаной дорожкой, Тургеневъ сталъ смѣяться надъ моей неспособностью къ ходьбѣ.

— Гдѣ жь ему, несчастному толстяку, говорилъ онъ, съ его мелкой кавалерійской походочкой сойти со мною.

Это я могу сейчасъ же доказать на дѣлѣ. Вотъ если десять разъ обойти по дорожкѣ вокругъ клумбы, то выйдетъ полверсты, и если мы пойдемъ каждый своимъ естественнымъ шагомъ, то я увѣренъ, что кавалерійскій толстякъ значительно отъ меня отстанетъ.

Хотя я и до состязанія готовъ былъ уступить Тургеневу пальму, но ему такъ хотѣлось явиться на глазахъ всѣхъ побѣдителемъ, что мы пустились кружить по дорожкѣ: онъ впереди, а я сзади. До сихъ поръ помню передъ собою рослую фигуру Тургенева, старающагося увеличить свой и безъ того широкій шагъ; я же, вызванный на нѣкотораго рода маршировку въ пѣшемъ фронтѣ, вслѣдствіе долголѣтняго обученія,

конечно, дѣлалъ шагъ въ аршинъ. Черезъ нѣсколько круговъ Тургеневъ сталъ видимо отдаляться отъ меня, какъ я замѣтилъ, къ общему удовольствію зрителей. Гдѣ источникъ этого удовольствія? Подъ конецъ состязанія я на десятомъ кругу отсталъ на полкруга, что въ цѣлой верстѣ представляло бы отъ 20 до 25-и саженъ. Явно, что Тургеневъ дѣлалъ шаги болѣе, чѣмъ въ аршинъ. Но не одними подобными затѣями наполняли мы съ нимъ въ Новоселкахъ день. Окончивъ вчернѣ переводъ Антонія и Клеопатры, я просилъ Тургенева прослушать мой переводъ, съ англійскимъ текстомъ въ рукахъ. Дамы ушли съ работами въ кабинетъ Борисова и заперли за собою дверь въ гостиную, чтобы не мѣшать своимъ разговоромъ нашему чтенію. Ив. Серг. сидѣлъ на диванѣ къ концу овальнаго стола, а я на креслѣ усѣлся спиною къ свѣту. На этотъ разъ мы прочитывали пятый актъ и дошли до того мѣста, гдѣ Клеопатра, припустивъ къ груди аспида, называетъ его младенцемъ, засасывающимъ на смерть кормилицу.

На это Харміонь, кончая стихъ, два раза восклицаетъ: „O, break! O, break!“—которое Кетчеръ справедливо, согласно смыслу, переводитъ:

«О разорвись, разорвись, сердце!»

Принявъ во вниманіе неизмѣнный мой обычай сохранять въ переводахъ число строкъ оригинала, легко понять затрудненіе, возникающее на этомъ выдающемся мѣстѣ. Помнится, у меня стояло: „о разорвись!“ Тургеневъ справедливо замѣтилъ, что по русски это невозможно. Загнанный въ неисходный уголъ, я вполголоса рискнулъ: „о лопни!“ Заливаясь со смѣху, Тургеневъ указалъ мнѣ, что я и этимъ не помогаю дѣлу, такъ какъ не связываю глагола ни съ какимъ существительнымъ. Тогда, какъ заяцъ, съ крикомъ прыгающій надъ головами налетѣвшихъ борзыхъ, я рискнулъ воскликнуть: „я лопну!“ Съ этимъ словомъ Тургеневъ, разразившись смѣхомъ, сопровождаемымъ крикомъ, прямо съ дивана бросился на полъ, принимая позу начинающаго ползать ребенка. Дамы, слыша отчаянный крикъ Тургенева, отворили дверь, и уже не знаю, что подумали въ первую минуту.

О зимнихъ планахъ Борисовыхъ, ожидавшихъ прибавленія семейства, мы по молчаливому соглашенію не заговаривали. Но мнѣ, собиравшемуся въ Москву вначалѣ октября, слѣдовало за благовременно принять мѣры къ нашему возвращенію. Пріѣхали мы въ зимней повозкѣ, а возвращаться приходилось на лѣтнемъ ходу. И вотъ, соображаясь со средствами я заблаговременно заказалъ во Мценскѣ четвероместную карету тарантасъ, которая, при постоянныхъ моихъ понуканіяхъ, какъ разъ была готова къ началу іюня.

Пятаго сентября въ именины жены Н. Н. Тургенева Елизаветы Семеновны, точно такъ же какъ 9 мая въ день именинъ самого старика, въ Спасскомъ постоянно бывалъ пиръ горою.

Положимъ, такое выраженіе нѣсколько преувеличенно, такъ какъ наканунѣ пріѣзжали только мы съ женою да гр. Н. Н. Толстой, да иногда родной братъ Н. Н. Тургенева — Петръ Никол. съ дочерью; а въ самый день именинъ—Борисовы, еще два три ближайшихъ сосѣда да Н. С. Тургеневъ съ женою. Часамъ къ 12-ти во флигелѣ Ивана Сергѣевича подавался завтракъ, котораго бы хватило заграницей на цѣлый ресторанъ, а, за невозможностью добыть во Мценскѣ свѣжихъ стерлядей, къ обѣду, кромѣ прохладительной ботвиньи, непремѣнно являлась уха изъ крупныхъ налимовъ. Дядя въ новой, черной муаровой ермолкѣ, могучій и веселый, всегда самъ становился у верхняго конца стола, ловко разсылая уху гостямъ. Ив. Серг. садился всегда съ одной стороны посерединѣ стола, а мы съ Ник. Ник. Толстымъ усаживались по правую и по лѣвую его сторону. Зная нашу слабость и раздѣляя ее самъ, Иванъ Серг. все время не забывалъ подливать намъ въ стаканы Редереру.

— Странное дѣло, сказалъ однажды при подобномъ случаѣ Тургеневъ,—никогда я не замѣчалъ, чтобы Фетъ отказался отъ Редерера. Ну а вы, графъ, какъ? расположены ли къ нему по временамъ или всегда?

Съ секунду промедливъ отвѣтомъ, Ник. Ник. самымъ добросовѣстнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Скорѣе всегда.

Сопоставленіе этихъ двухъ опредѣленій окончательно срѣ-

зало Тургенева. Съ неудержимымъ хохотомъ повторяя: „скорѣе всегда“,—онъ со стула повалился на полъ и нѣкоторое время, стоя на четвереринькахъ, продолжалъ хохотать и трястись всѣмъ тѣломъ.

Дворовые Спасскаго, по старой памяти, оканчивали вечеръ фейерверкомъ на лужайкѣ передъ балкономъ.

Однажды, когда мы безъ нашихъ дамъ пріѣхали верхомъ съ Борисовымъ въ Спасское обѣдать, я невольно развеселилъ публику на свой счетъ. Конечно, къ вечеру стали насъ упрашивать остаться ночевать. Получивъ мое согласіе, Тургеневы хоромъ пристали къ Ивану Петровичу, стараясь удержать и его. Зная постоянный страхъ Борисова за жену, я былъ до крайности смущенъ настойчивыми просьбами Тургеневыхъ, отъ которыхъ Борисову стало тяжело обороняться. Желая ему помочь, я убѣдительнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Господа! вы видите, я остался; но его не держите: онъ женатый человѣкъ.

Поднялся гомерическій смѣхъ, среди котораго слышенъ былъ голосъ Ивана Сергѣевича:

„Каковъ! забылъ даже, что онъ женатъ“.

Чуждаясь всякихъ выдумокъ и прикрасъ, я вынужденъ разъяснить недоразумѣніе, въ которое впалъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Въ тѣ времена Малоархангельскій уѣздъ еще славился изобиліемъ болотной дичины, и если мы съ Тургеневымъ ѣздили въ его Малоархангельское имѣніе Топки, впослѣдствіи имъ проданное, то, конечно, главною цѣлью Тургенева было удобно поохотиться, а никакъ не разбирать какія либо свои экономическія дѣла. Пролетъ болотной дичи почти совпадаетъ съ лучшимъ временемъ охоты на молодыхъ тетеревей, съ которой, какъ я разсказалъ, мы только что вернулись. Вслѣдствіе этого и зная достовѣрно, что дѣйствіе романа „Дворянское гнѣздо“ перенесено Тургеневымъ въ Топки, я до сего времени думалъ, что поѣздка въ Малоархангельскъ совершена нами гораздо позднѣе; но увы!—развертывая сочиненія Тургенева, я увидалъ помѣтку „Дворянскаго гнѣзда“—1858 годомъ, вслѣдствіе чего не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ скорости послѣ охоты на тетеревей, мы съ

Тургеневымъ отправились въ Топки. Описаніе стараго флигеля, въ которомъ мы останавливались, вѣрное въ тонѣ, весьма преувеличено перомъ романиста. По раскрытіи ставней, мухи дѣйствительно оказались напудренными мѣломъ, но никакихъ штофныхъ дивановъ, высокихъ креселъ и портретовъ я не видалъ. А въ одной изъ пустыхъ комнатъ, вмѣсто упоминаемой кровати подъ пологомъ, я увидалъ ткацкій станокъ, на которомъ крѣпостной ткачъ работалъ прекрасную пестрядь. Правда, что, худо ли хорошо ли, намъ приготовили обѣдъ, и старый слуга Антонъ, принарядившись въ сѣрый сюртучекъ, надѣлъ бѣлыя вязаныя перчатки. Послѣ отмѣны даже крѣпостнаго права графъ Л. Толстой говаривалъ: „ѣдете въ заглазное имѣніе, ни о чемъ не хлопочите. Садитесь только за столъ въ вашъ опредѣленный часъ, и вамъ подадутъ вашихъ обычныхъ пять блюдъ". Дѣйствительно такъ и было во время крѣпостнаго права. Въ заглазное имѣніе обыкновенно отправлялись на покой заслуженные старики—слуги, повара и т. д. Пріѣздъ господъ, какъ звукъ трубы для бракованной лошади, былъ призывомъ къ старинной дѣятельности и случаемъ отличиться.

На другой день нашего пріѣзда въ Топки, Тургеневъ, предчувствуя, что къ нему придутъ крестьяне, мучительно томился предстоящею необходимостью выдти къ нимъ на крыльцо. Сѣтованія эти дотого мнѣ надоѣли, что я вызвался выдти вмѣсто него къ крестьянамъ; и полагаю, что исполнилъ бы это, хоть не съ бо́льшею пользой, но съ бо́льшимъ достоинствомъ. Я изъ окна смотрѣлъ на эту сцену. Красивые и видимо зажиточные крестьяне безъ шапокъ окружали крыльцо, на которомъ стоялъ Тургеневъ и, отчасти повернувшись къ стѣнкѣ, царапалъ ее ногтемъ. Какой то мужикъ ловко подвелъ Ивану Сергѣевичу о недостачѣ у него тягольной земли и просилъ о прибавкѣ таковой. Не успѣлъ Ив. Серг. обѣщать мужику просимую землю, какъ подобныя настоятельныя нужды явились у всѣхъ, и дѣло кончилось раздачею всей барской земли крестьянамъ. Само собою разумѣется, что дѣло это оставалось на этомъ основаніи до отъѣзда Ив. Серг. заграницу и пріѣзда Ник. Ник. Тургенева въ Топки. Съ какимъ добросердечнымъ хохотомъ говорилъ онъ мнѣ впослѣд-

ствіи: „неужели, господа-писатели, всѣ вы такіе безтолковые? Вы же съ Иваномъ ѣздили въ Топки и роздали тамъ мужикамъ всю землю, а теперь тотъ же Иванъ пишетъ мнѣ: „дядя, какъ бы продать Топки?“ Ну что же бы тамъ продавать, когда бы вся земля осталась розданною крестьянамъ? Спрашиваю двухъ мужиковъ богачей, у которыхъ своей покупной земли помногу: „какъ же ты, Ефимъ, не постыдился просить?“—„Чего жъ мнѣ не просить? Слышу,—другимъ даютъ, чѣмъ же я то хуже?“

Не стану утомлять читателя описаніемъ охотъ за куропатками и съ 8-го сентября за вальдшнепами, которымъ мы предавались съ Тургеневымъ въ окрестностяхъ Спасскаго.

Время подходило къ октябрю, и мы стали собираться въ Москву, куда Борисовы однако съ нами не поѣхали. По пріѣздѣ въ Москву я встрѣтился съ самыми неутѣшительными событіями. Бѣдная невѣстка моя Екат. Дмитр. лежала въ горячкѣ на квартирѣ на Мясницкой, тогда какъ отецъ ея Мансуровъ проживалъ отдѣльно въ одномъ изъ ближайшихъ переулковъ. Докторъ, у котораго я помѣстилъ больнаго брата, разсказывалъ, что брату совѣтовали ежедневныя прогулки, и что онъ, повидимому, сталъ укрѣпляться въ силахъ; но однажды докторъ замѣтилъ у него значительную опухоль груди, которая еще прибавилась на слѣдующій день, а на третій утромъ его нашли въ постели скончавшимся отъ водяной въ груди. Объ этомъ конечно умолчали передъ больной его женою, до собственной кончины не знавшей о смерти мужа, за которымъ послѣдовала въ самомъ непродолжительномъ времени. Поклонившись ей въ ея глазетовомъ гробу, я невольно припомнилъ, какъ за годъ съ небольшимъ они оба съ мужемъ волновались по случаю тринадцати за столомъ въ день ея рожденія.

Со времени нашего съ женою отъѣзда въ Москву, Левъ Никол. Толстой успѣлъ, какъ видно изъ слѣдующаго его письма, присланнаго мнѣ въ Москву изъ Новоселокъ, поохотиться съ Борисовымъ, который и сдалъ ему на время своего доѣзжачаго Прокофія съ лошадью и съ гончими.

24 октября графъ писалъ мнѣ въ Москву:

„Душенька дяденька Фетинька! Ей-Богу душенька, и я

васъ ужасно, ужасно люблю. Вотъ-те и все. Повѣсти писать глупо, стыдно. Стихи писать... Пожалуй пишите; но любить хорошаго человѣка очень пріятно. А можетъ быть противъ моей воли и сознанія не я, а сидящая во мнѣ еще не назрѣвшая повѣсть заставляетъ любить васъ. Что то иногда такъ кажется. Что ни дѣлай, а между навозомъ и каростой нѣтъ-нѣтъ да. возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себѣ не позволяю и не позволю. Изо-всѣхъ силъ благодарю васъ за хлопоты о ветеринарѣ и пр. Нашелъ я тульскаго и началъ лѣченье. Что будетъ—не знаю. Да и чертъ съ ними со всѣми. Дружининъ проситъ по дружбѣ сочинить повѣсть. Я право хочу сочинить. Такую сочиню, что ужь ничего не будетъ. Шахъ персидскій куритъ табакъ, а я тебя люблю. Вотъ она штука то. Безъ шутокъ, что вашъ Гафизъ? Вѣдь какъ ни вертись, а верхъ мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзіею, а свою собственную не пускать въ люди въ уродливомъ нарядѣ, а самому ѣсть съ хлѣбомъ насущнымъ. А иногда такъ вдругъ захочется быть великимъ человѣкомъ и такъ досадно, что до сихъ поръ еще это не сдѣлалось. Даже поскорѣе торопишься вставать или доѣдать обѣдъ, чтобы начинать. Всѣхъ такъ называемыхъ глупостей не переговоришь, но пріятно хоть одну сказать такому дяденькѣ, какъ вы, который живетъ только одними такъ называемыми глупостями „закурдалами". Пришлите мнѣ одно самое здоровое переведенное вами стихотвореніе Гафиза me faire venir l'eau à la bouche, а я вамъ пришлю образчикъ пшеницы. Охота надоѣла смерть. Погода стоитъ прелестная, но я одинъ не ѣзжу. Гончія ваши, Иванъ Петровичъ, живы и здоровы, равно Прокофій и сѣрый меринъ. Очень благодарю васъ за разрѣшенье и воспользуюсь имъ до порошъ. Тогда отправлю Прокофія съ гончими. Еще краснаго звѣря, съ тѣхъ поръ какъ съ вами разстался, травилъ и затравилъ одну лисицу около себя въ поляхъ и самъ. На дняхъ напишу вамъ, а теперь только благодарю за хлопоты и крѣпко обнимаю. Энциклопедію пришлите. Тетенька очень благодаритъ за память; и это не фраза, а всякій разъ какъ я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонитъ голову и скажетъ: „однако (почему однако?) какой славный

человѣкъ этотъ Фетъ". А я знаю за что славный—за то, что она думаетъ, что онъ меня очень любитъ.—Ну-съ прощайте. Пописывайте мнѣ иногда безъ возбудителя ветеринара

Л. Толстой.

30-го октября Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Пишу къ вамъ двѣ строки, чтобы, вопервыхъ, попросить позволенія поставить у васъ на дворѣ на нѣсколько дней мой тарантасъ, а вовторыхъ, чтобы предувѣдомить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Москву не ранѣе 5-го или 6-го ноября. До скораго свиданія.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Дѣйствительно, 5 ноября не успѣли мы окончить кофею какъ у нашего крыльца прогремѣлъ знакомый мнѣ тарантасъ, и въ дверяхъ передней я встрѣтилъ взошедшаго по лѣстницѣ Тургенева. Входя въ отведенный ему кабинетъ мой, онъ сказалъ, что, оправившись съ дороги, выйдетъ пить чай къ хозяйкѣ.

За чаемъ онъ былъ, чувствуя себя здоровымъ, веселъ и сказалъ, что сегодня никуда не поѣдетъ со двора, а усядется писать письма и будетъ обѣдать дома и развѣ вечеромъ куда-нибудь сбѣгаетъ. Когда черезъ нѣсколько времени я вошелъ къ нему, то не узналъ своего рабочаго стола.

— Какъ можете вы работать при такомъ безпорядкѣ? говорилъ Ив. Серг., аккуратно подбирая и складывая бумаги, книги и даже самыя письменныя принадлежности.

Въ 5 час. онъ нашелъ на столѣ супъ-потрохъ, о которомъ съ любовью вспоминалъ и заграницей.

За исключеніемъ С. Т. Аксакова, не выѣзжавшаго изъ дому по причинѣ мучительной болѣзни, кто только не перебывалъ изъ московской интеллигенціи у Тургенева за три дня, которые провелъ онъ въ нашемъ домѣ.

Между тѣмъ 14 ноября сестра Надя благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, названнымъ въ честь дѣда и заочнаго воспріемника П. П. Новосильцова—Петромъ. По настоянію родительницы, какъ я узналъ впослѣдствіи, крестной матерью была избрана сестра Любинька, во все про-

должительное время сватовства Борисова относившаяся къ нему свысока и громко повторявшая, что бракъ съ Борисовымъ есть прямое дѣло рукъ моихъ, чего я въ свое время не скрывалъ отъ самой Нади.

Люди въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ по тайному инстинкту, не взирая на явный вредъ, происходящій для нихъ отъ ихъ дѣйствій.

Любинька, напримѣръ, всю жизнь истерически рыдала отъ самой обидной брани мужа за ея невозмутимое упрямство и всетаки продолжала упрямиться.

Пріѣхавши въ Новоселки въ качествѣ воспріемницы, не могла же она не чувствовать, что дальнѣйшая ея оппозиція тяжело отзовется на ней же самой.

Тѣмъ не менѣе она неуклонно продолжала къ ней стремиться, какъ магнитъ къ полюсу. Зная, что Иванъ Петровичъ по-французски не говоритъ, она у постели больной упорно говорила при немъ на этомъ языкѣ, а по-русски выражала только радость, что новорожденный похожъ на красивую мать. Подобный тонъ, разумѣется, не послужилъ къ улучшенію отношеній Любиньки къ Борисову.

Между тѣмъ изъ своей воронежской деревни пріѣхалъ къ намъ братъ Петруша на зиму и помѣстился въ прежней комнатѣ Нади. Въ свое время онъ въ Харьковѣ курса не кончилъ, но теперь ему припала охота къ гуманіора. Отъ души желая быть ему полезнымъ, я принялся съ нимъ за чтеніе хорошо мнѣ знакомаго Горація и заставлялъ брата съ моихъ словъ составлять теорію искусствъ, начиная съ пластическихъ до тоническихъ включительно. Я старался выставить скелетъ эстетики въ самыхъ краткихъ и очевидныхъ его сочлененіяхъ.

Однажды гостившій у насъ С. С. Громека прочелъ эту небольшую тетрадку и просилъ ее списать для руководства его дѣтямъ. Я долженъ признаться, что труды наши оказались безуспѣшны, если не принять въ соображеніе, что они помѣшали брату соскучиться въ Москвѣ; но въ скорости явились неоцѣненные братья Толстые и, захвативъ въ свою охотничью среду задушевнаго и добродушнаго брата Петрушу, одушевили его окончательно. Изъ Парижа, куда за два года

передъ тѣмъ, въ 1856 г. Петруша провожалъ брата Василія съ женою, онъ вывезъ дорогое ружье де-Вима, съ которымъ съ тѣхъ поръ не разставался, хотя съ нимъ и не охотился, говоря, что его лягавыя не заслуживаютъ чести, чтобы съ ними охотились съ такимъ ружьемъ. Братъ былъ величайшій чистюля, но щеголемъ никогда не былъ и, вѣроятно, болѣе инстинктивно вывезъ изъ Парижа наполеоновскіе усы и эспаньолку.

Наши музыкальные вечера установились снова, и графиня М. Н. Толстая нерѣдко на нихъ присутствовала. Помню, какъ однажды братъ, увлекшись похвалами своему де-Виму передъ находившимся въ музыкальной залѣ Н. Н. Толстымъ, не вытерпѣлъ и побѣжалъ въ свою комнату за любимымъ ружьемъ, чтобы убѣдить графа въ совершенствѣ оружія. Пронося ружье черезъ домашнія комнаты, братъ вошелъ съ нимъ въ залу въ ту минуту, когда раздался первый музыкальный аккордъ. Приходилось обождать, и братъ, опустивши ружье къ ногѣ, остановился какъ-разъ за кресломъ графини Толстой.

— Посмотрите, обратился ко мнѣ со смѣхомъ Ник. Ник.,— сестра сидитъ охраняемая зуавомъ на часахъ.

Тѣмъ временемъ Тургеневъ изъ Петербурга писалъ отъ 27 декабря 1858 г.

„Amicus Fethus,—sed magis amica veritas".—Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ, и отдалъ ихъ сегодня Дружинину, но пускай меня „на площади трехвостникомъ деруть"—не могу признать хорошими стиховъ вродѣ:

«Иль тотъ, кто зародясь плѣнять богинь собою
Изъ нѣдра Мирры шелъ, одѣтаго корою».—

и предлагаю уже кстати прибавить къ нимъ слѣдующіе два, въ томъ же родѣ:

Въ чей, пріосанясь, зракъ,—видъ устъ принявъ живой:
Прелестницъ,—взоръ полнъ нѣгъ—игривъ вперяетъ рой».

„Что же касается до вашего спора о Тютчевѣ съ М. Н.,— о Тютчевѣ *не* спорятъ; кто его не чувствуетъ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что онъ не чувствуетъ поэзіи — und damit Punctum.

„Я началъ выѣзжать и, послѣ долгаго затворничества и поста, — веду жизнь разсѣянную, и, кажется, опять простудился. Писать много некогда. Что это Толстой не ѣдетъ? Дружининъ его ждетъ съ тоскливымъ нетерпѣніемъ. Ужь не съѣли ли его медвѣди?

„Всѣ здѣшніе здоровы.—На дняхъ Боткинъ, который весь сладокъ, какъ аттическій медъ, далъ намъ лукулловскій обѣдъ съ трюфелями и т. д.

Кланяюсь вашей женѣ и всѣмъ вашимъ. Жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

X.

Концертъ Бозіо.—Покупка Снопса.—Братъ Петруша.—Юлія Пострана.—Свадьба Дм. П. Боткина.—Снова сборы въ Новоселки.—Дорожныя приключенія. — Пирогово. — Странный монахъ. — Графъ С. Н. Толстой. — Охота въ Щигровкѣ.—Пріѣздъ Тургенева.—Возвращеніе въ Москву.—Снова болѣзнь Нади. — Мысли о покупкѣ имѣнія. — Опять въ Новоселкахъ.—Отъѣздъ заграницу графа Николая Толстаго и его письма.—Письма Тургенева и Боткина.

Навѣщавшій насъ по временамъ веселый Дмитрій Петровичъ Боткинъ однажды сообщилъ, что онъ хочетъ у одной опекунши бабушки просить руки воспитываемой ею шестнадцатилѣтней внучки.

Зная участіе, которое мы принимаемъ въ его судьбѣ,—онъ предложилъ намъ побывать на предстоящемъ концертѣ итальянцевъ въ Дворянскомъ Собраніи, въ которомъ главную роль должна была играть Бозіо, про которую шутники говорили: „да не будетъ тебѣ *бозіи* иніе развѣ менѣ", гдѣ, какъ онъ узналъ, будетъ избираемая имъ дѣвушка съ своею замужнею сестрою. Во время перваго антракта намъ указали входившую красивую блондинку съ роскошными волосами, что и требовалось доказать. Меломаномъ я никогда не былъ, но иногда самая простая и задушевная мелодія въ состояніи подѣйствовать на меня потрясающимъ образомъ. Доказательствомъ того и другаго могъ бы послужить концертъ мадамъ Віардо, прослушанный мною въ Парижѣ. Къ несчастію, во время настоящаго концерта Бозіо, у меня закралась мысль, что добровольно на этомъ вечерѣ я смотрѣлъ невѣсту, а обязательно долженъ восхищаться концертомъ. Эта мысль съ каждымъ тактомъ все болѣе отравляла музыкальные звуки,

такъ что подстрекаемая возрастающими фіоритурами предстала въ видѣ единственнаго вопроса: „что же обязываетъ меня долѣе терпѣть эту несносную пытку, отъ которой я сейчасъ избавлюсь за подъѣздомъ Собранія, гдѣ меня ожидаетъ собственная карета и слуга, который объяснитъ женѣ моей, что я уѣхалъ провести вечеръ въ Пикулину, квартировавшему невдалекѣ на Петровкѣ?“ Чтобы не мѣшать другимъ, отправляясь съ объясненіями къ женѣ, я, взявши стоявшую возлѣ моего стула уланскую шапку, направился къ лѣстницѣ, ведущей изъ Собранія, но и тамъ нестерпимыя рулады все еще меня преслѣдовали. Спрашиваю слугу, — слуги нѣтъ. Я не зналъ, что, по случаю большаго съѣзда, жандармы многихъ согнали въ отдаленныя залы сѣней. Послѣ тщетныхъ поисковъ слуги, я вышелъ въ одномъ мундирѣ при 25-и градусномъ морозѣ на крыльцо и, прошедши до угла Собранія, взялъ перваго извощика съ полостью и, завернувшись въ его попонку, приказалъ гнать на Петровку къ Пикулину, котораго квартира тѣмъ не менѣе была не ближе версты отъ Дворянскаго Собранія. Узнавши въ чемъ дѣло, Пикулинъ расхохотался и принялся отпаивать меня чаемъ съ коньякомъ. Черезъ часъ въ передней раздался звонокъ, а затѣмъ рыдающая жена моя разсказала, что послѣ тщетныхъ поисковъ за мною со стороны ея знакомыхъ по всѣмъ боковымъ заламъ Собранія, слуга, подававшій ей шубу, объявилъ, доставая изъ простыни и мою шубу и калоши, что онъ не знаетъ куда я дѣвался, и что она наугадъ велѣла ѣхать къ Пикулину. Эта безобразная съ моей стороны продѣлка имѣла одно хорошее послѣдствіе: жена дала слово не возить меня ни въ какіе концерты,—и сдержала его.

Я забылъ сказать, что, еще до пріѣзда къ намъ въ Москву Тургенева, Борисовы писали мнѣ, что оставленный на ихъ попеченіе прелестный мой Непиръ кончился отъ душившей его горловой жабы. Такимъ образомъ еще въ ту же осень я остался безъ собаки. Зайдя въ писчебумажный магазинъ на Воздвиженкѣ, я былъ пораженъ красотою бѣлаго понтера съ коричневыми ушами. Понтеръ этотъ принадлежалъ самому хозяину магазина, страстному охотнику, вѣроятно изъ вольноотпущенныхъ. Понтера звали Снопсомъ, и хозяинъ про-

силъ за него сто рублей. Не взирая на то, что истратить въ то время на свою прихоть сто рублей было съ моей стороны почти непростительно, я спалъ и видѣлъ предъ собою красавца Снопса и упросилъ разсказывавшаго о его способностяхъ чудеса хозяина показать его въ полѣ. Осенній пролетъ вальдшнеповъ еще не кончился, и мы, нанявши извощика, отправились за городъ съ охотникомъ, уснащавшимъ обильно весь разговоръ свой фразою: „*по-французски*". Такъ на постояломъ дворѣ, наливая себѣ въ стаканчикъ водки изъ объемистой фляжки, онъ, выпивши и закусивши кускомъ хлѣба, сказалъ: „по-французки". Затѣмъ, подвязавъ калоши брюкъ сверхъ голенищевъ желтыми бумажными фитилями изъ своего магазина, онъ не преминулъ сказать: „по-французски". Почему онъ предполагалъ, что французы такъ собираются на охоту — дѣло его. Только однажды видѣлъ я короткую стойку Снопса, такъ какъ вѣроятно напуганный вальдшнепъ не выдержалъ, но тѣмъ не менѣе красота собаки меня побѣдила, и я ее купилъ. Тургеневу Снопсъ тоже очень понравился; разохотился и братъ Петруша, глядя на красивую собаку, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ сталъ искать для себя породистой собаки, что ходить за нею спеціально было кому, такъ какъ изъ деревни онъ выписалъ себѣ кучера съ рысистою лошадью и слугу Антона. Навѣстивши бывшаго хозяина Снопса, братъ высказалъ свое желаніе имѣть бѣлую безъ отмѣтъ самку сетера, и, конечно, желаемая собака нашлась у пріятеля магазинщика, или была имъ нарочно пріискана для брата. Тутъ съ страстнымъ увлеченіемъ, отличавшимъ всѣ дѣйствія брата, начались самыя оригинальныя съ его стороны продѣлки. Предлагаемая самка должна была въ скорости принести щенятъ знаменитой породы; поэтому, чтобы окружить должнымъ попеченіемъ ожидаемыхъ щенятъ, братъ нанялъ отдѣльное помѣщеніе, изъ двухъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ флигеля, въ которомъ проживала сама хозяйка дома. Казалось бы, этого было довольно; но брату вздумалось въ новомъ своемъ помѣщеніи устроить угощеніе продавцамъ охотникамъ. Для этого, кромѣ всякихъ дорогихъ закусокъ, были нашему повару заказаны маіонезъ и разнаго рода блюда. Но что всего было для меня страннѣе, это то,

что братъ умолялъ меня придти на эту закуску. Ничего не могло быть нелѣпѣе этого завтрака, пожираемаго стоя, такъ какъ оба гостя, не взирая ни на какія просьбы, не рѣшились сѣсть; и я, пришедши къ самому жареному, тоже стоя, со стаканомъ шампанскаго въ рукѣ, поздравлялъ брата съ покупкою, а ихъ съ продажею. Антонъ ежедневно по нѣскольку разъ въ день выводилъ Бланку на сворке гулять по двору, и однажды я узналъ, что Бланка принесла двѣнадцать щенятъ. Щенки подростали, а тѣмъ временемъ подошла и масляница, послѣ которой братъ собирался отправиться въ далекую Грайворонку.

Чтобы доставить удовольствіе своимъ степнымъ служителямъ, братъ отпустилъ ихъ на гулянье подъ Новинское, насладиться всевозможными балаганными диковинками.

Какъ одностороння, а потому несправедлива мысль, будто простая грамотность или такъ называемая натертость развиваетъ въ человѣкѣ нравственность,—вся Москва въ то время могла убѣдиться изъ слѣдующаго факта.

Проѣзжая по Подновинскому, я самъ зашелъ въ балаганъ, гдѣ показывали Юлію Пострану. Едва ли впродолженіе многихъ вѣковъ придется увидать что либо болѣе необычайное, непріятное и грустное.

На сцену, въ короткихъ юбкахъ танцовщицы, вышла мулатка съ черною кудрявою головою и большой, широкой, черной бородой. Не смотря на худощавость ея рукъ и ногъ и общее выраженіе лица, это была несомнѣнная женщина, а не обезьяна. Рядомъ съ нею на сценѣ стоялъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ красавецъ брюнетъ американецъ, подъ руководствомъ котораго она танцевала балетъ, не смотря на очевидные признаки послѣдней степени беременности. Въ доказательство неподдѣльности своей особы, она переходила черезъ оркестръ и жала руки зрителямъ первыхъ рядовъ, въ томъ числѣ и мою. Черезъ недѣлю въ газетахъ было напечатано, что несчастная женщина умерла родами, произведя на свѣтъ подобную себѣ дочь, и американецъ будто бы, набальзамировавъ родильницу и собственную дочь свою, продалъ ихъ въ музей.

Неужели безграмотный древній патріархъ, воспитанный въ

чувствахъ гостепріимства и покровительства слабому, долженъ уступить въ дѣлѣ нравственности этому цинически безсердечному американцу?

Вечеромъ братъ со смѣхомъ разсказывалъ о возвращеніи своего Антона съ гулянья. Довольный своимъ днемъ, Антонъ говорилъ, что они „до Юліи *Пространной* не дошли“.— „Но до кабака, прибавилъ братъ отъ себя, они, видимо, добрались“.

По полученіи Дм. П. Боткинымъ согласія на бракъ, въ домѣ ихъ тотчасъ же приступлено было къ отдѣлкѣ прежней квартиры Грановскихъ, а на 16-е января былъ назначенъ день свадьбы. На помолвкѣ, въ великолѣпномъ домѣ невѣсты, я сидѣлъ рядомъ съ Василіемъ Боткинымъ, старавшимся въ глазахъ бабушки заслужить наилучшее мнѣніе. Въ воспоминаніи моемъ объ этомъ днѣ ярко сохранились два пункта.

Въ гостиной бабушки я залюбовался великолѣпными на стѣнахъ гобеленами, между прочимъ съ одной стороны:—*Похищеніе Прозерпины*, а съ другой — *Юпитера въ видѣ бѣлаго быка, уносящаго по морю Европу*.

Объ этихъ коврахъ я впослѣдствіи такъ часто напоминалъ молодой Боткиной, что она по смерти бабушки упросила братьевъ уступить ей эти ковры, и понынѣ украшающіе лѣстницу Дм. Петровича.

Второй моментъ, сохранившійся въ моей памяти, былъ тотъ, когда къ церковной паперти подкатило новое съ иголочки ландо, привезшее невѣсту въ церковь;— соскочившій съ козелъ слуга напрасно силился отворить дверцу кареты, дверца не отворялась, а невѣсту невозможно было выпустить. Тогда экипажный мастеръ Ильинъ, пришедшій на паперть полюбоваться эффектомъ своей кареты, подскочилъ къ дверкѣ и, убѣдившись въ невозможности отпереть ее, сдернулъ и подогнулъ правый рукавъ своей шубы и, защитивъ такимъ образомъ кулакъ, вышибъ имъ зеркальное стекло кареты. Раскидавъ осколки стекла, онъ мгновенно запустилъ руку по внутренней сторонѣ дверки, отперъ ее и принялъ подъ руку невѣсту. Все это исполнено было такъ быстро и ловко, что невѣста едва ли обратила вниманіе на это маленькое происшествіе.

Зато между каретниками оно долго было памятно, и мой старикъ Пироговъ, много лѣтъ спустя, говаривалъ: „хорошо такъ это случилось у Ильина, такъ и сошло благополучно, а случись у нашего брата,—ну и запирай заведеніе“.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ изъ Петербурга отъ 7 января 1859 г.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, посылаю вамъ оттискъ моей повѣсти и прошу судить о ней строго и даже сурово,—и напишите мнѣ ваше мнѣніе. Тотчасъ по прочтеніи прошу передать экземпляръ Аксаковымъ съ прилагаемымъ письмомъ къ Сергѣю Тимофеевичу. — Ну прощайте, обнимаю васъ и кланяюсь вашей женѣ“.

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Не замѣшкайте передачей повѣсти“.

10 января онъ писалъ:

„Любезнѣйшій Фетъ, пишу вамъ два слова впопыхахъ: уголъ разумѣется у меня вамъ всегда готовъ—пріѣзжайте и погостите. Вы пишете, что Л. Толстой сюда поѣхалъ—здѣсь онъ никому не показался, должно быть въ Бологовѣ опять схватился съ медвѣдемъ.

„Кланяюсь вашей женѣ и жду васъ. Получили ли вы мою повѣсть.

Vale et me ama.

Ив. Тургеневъ.

Отправляясь на свою Грайворонку, братъ нанялъ долгаго извощика съ закрытой кругомъ повозкой. Снѣга̀ въ этомъ году были громадны, и къ тому же, какъ нарочно, со дня выѣзда брата изъ Москвы, поднялись мятели. Легко себѣ представить безконечное ныряніе по ухабамъ съ плетушкой, наполненной щенками, съ ночлегами, при которыхъ щенки вносились въ избу и откармливались молокомъ.

Наступалъ мартъ мѣсяцъ и, приказавши поставить карету-тарантасъ на полозья, я ежедневно сталъ торопить нашъ отъѣздъ въ Новоселки, зная, что по обтаявшему шоссе никакіе ямщики не возьмутся везти большаго саннаго эки-

пажа. Опасенія мои оправдались, и мы съ величайшимъ трудомъ протащились двѣ первыхъ станціи. Ночью мы прибыли въ Серпуховъ и, перемѣнивъ лошадей, спустились къ переправѣ черезъ Оку. Береговой сторожъ съ палочкой въ рукахъ остановилъ насъ и объявилъ, что переѣздъ сталъ очень опасенъ, а тѣмъ болѣе для тяжелаго экипажа, что и легкія сани съ трудомъ пробираются между открывшимися справа и слѣва полыньми.

— Ну, любезный другъ, сказалъ я, выпроводи насъ на тотъ берегъ и получишь рубль на чай. Сторожъ, видимо, отставной солдатикъ, сказалъ ямщику: „ну, другъ, я стану указывать тебѣ дорогу, а ты ужь валяй во весь духъ". При этомъ онъ сталъ на лѣвую отводину кареты и дѣйствительно все время кричалъ: „правѣй! лѣвѣй!" покуда мы во весь духъ неслись черезъ широкую Оку. При лунномъ свѣтѣ то справа, то слѣва чернѣли полыньи, у краевъ которыхъ вода слегка всплескивала при нашемъ проѣздѣ. Но вотъ мы уже на правомъ берегу Оки и, поблагодаривъ проводника, пускаемся въ дальнѣйшій путь.

Въ тотъ же день, узнавъ въ Тулѣ отъ Ясенковскихъ ямщиковъ, что графъ Л. Н. Толстой дома, мы рады были заѣхать въ Ясную Поляну и передохнуть въ дорогѣ у гостепріимныхъ хозяевъ.

Графъ встрѣтилъ насъ радушно и особенно любезна была его тетенька Т. А. На другой день передъ нашимъ отъѣздомъ графъ подарилъ мнѣ двухъ лягавыхъ щенковъ, и пришлось вспомнить любимую поговорку Тургенева: „чему посмѣешься, тому и поработаешь". Давно ли я трунилъ надъ плетушкой со щенятами, повезенной братомъ Петрушей въ Землянскій уѣздъ? А теперь самому пришлось забирать плетушку, правда, съ двумя щенками, къ себѣ въ карету. Ѣхать оставалось уже не слишкомъ далеко, и поздно ночью мы добрались до Мценска.

Такъ какъ пришлось въ деревню ѣхать на вольныхъ, то я приказалъ ямщику везти насъ не на станцію, а на постоялый дворъ. Говорятъ:—до разсвѣта никто не повезетъ, такъ какъ вода залила ледъ на Зушѣ, а въ тяжелой каретѣ и по проселку не проѣдешь. Надо ночевать.

Отворяю дверь въ комнаты постоялаго двора и меня поражаетъ невыносимый запахъ угара.

— Помилуйте! восклицаю я, — да у васъ въ комнатахъ угаръ!

— У насъ всегда такъ, отвѣчаетъ хладнокровно хозяинъ.

Тѣмъ не менѣе ночевать при такомъ угарѣ невозможно и надо „хоть плыть да быть". Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшено было ѣхать въ крытой кругомъ повозкѣ, въ которую влѣзать можно только было въ боковое отверстіе, завѣшанное циновкой. Повара мы оставили ночевать во Мценскѣ съ тѣмъ, чтобы на другой день, забравши съ собою поклажу, онъ оставилъ карету до просухи на постояломъ дворѣ. Конечно, ямщика пришлось соблазнить тройными прогонами. Лошади готовы, и въ отверстіе кибитки полѣзли мы съ женою, горничная Марьюшка, и затѣмъ подали намъ туда же во тьму и плетушку со щенками. Когда мы пріѣхали къ мѣсту лѣтняго парома, то увидали шумящія струи рѣки, по которымъ никто не могъ бы догадатьси, что онѣ несутся сверху льда. Подъѣхавъ къ водѣ, ямщикъ остановилъ лошадей, сказавши: „воля ваша, я не поѣду, я боюсь". Я вспомнилъ, что шагахъ во ста, тутъ же на правомъ берегу Зуши, стояла изба перевощика Ѳедота. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, я поднялся въ гору и сталъ стучать въ его окно. Наконецъ, я услыхалъ что дверь отперли, и я впотьмахъ вошелъ избу.

— Ѳедотъ! крикнулъ я перевощику.

— Ахъ, батюшка Аѳан. Аѳан.! Это вы? вскрикнулъ Ѳедотъ, узнавши меня по голосу.

— Можно тройкой переѣхать на Новосельскую сторону?

— Можно.

— Ну такъ собирайся и проводи насъ до самыхъ Новоселокъ.

— Сейчасъ, батюшка!

И точно, минутъ черезъ пять, не зажигая огня, Ѳедотъ собрался въ дорогу и пошелъ со мною къ кибиткѣ.

— Боюсь! продолжалъ вопить ямщикъ. — Тройку потопишь.

— Отвѣчаю тебѣ за тройку, сказалъ я.

— Эхъ, ты! воскликнулъ Ѳедотъ,—а еще ямщикъ! Давай сюда возжи!

— Боюсь! сказалъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ и подавая возжи Ѳедоту.

Видя, что это лишь проба для возбужденія смѣлости ямщика, я пригласилъ моихъ спутницъ выйти изъ повозки, и Ѳедотъ, разогнавши съ берега лошадей, проѣхалъ до половины рѣки и, описавши кругъ по водѣ, стоявшей по крайней мѣрѣ на четверть сверху льда, поставилъ снова повозку на старое мѣсто и сказалъ: „видишь"! Только тутъ набравшійся смѣлости ямщикъ сѣлъ на козлы, а мы снова забрались въ повозку. Шлепающая и брызжащая вода, слава Богу, въ повозку не дохватила, и мы благополучно выскочили на противуположный берегъ. Не успѣли мы выбраться на знакомый Новосельскій проселокъ, какъ повалилъ снѣгъ, скоро превратившійся въ сильную мятель. Зная, что намъ придется подыматься на изволокъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ, я помирился съ мыслію, что долго придется тащиться все въ томъ же направленіи, соображаясь съ бьющей съ правой стороны мятелью. Но наконецъ терпѣніе мое истощилось, тѣмъ болѣе что по разсчету моему три версты, которыя приходилось намъ проѣхать въ одномъ направленіи, должны были быть пройдены въ теченіи часа въ дорогѣ. Явно, что намъ слѣдовало поворачивать налѣво къ мостику черезъ р. Ядрину, впадающую въ Зушу. Это я объяснилъ Ѳедоту, конечно, въ видѣ предположенія, такъ какъ заметенной дороги различить было невозможно. Но на это Ѳедотъ упорно возражалъ, что мы ѣдемъ какъ слѣдуетъ. Видя, что онъ уведетъ насъ Богъ знаетъ куда, ибо мятель все подъ тѣмъ же угломъ била въ рогожку нашего входа, я настойчиво крикнулъ: „вороти налѣво"! Вѣтеръ тотчасъ же сталъ дуть намъ въ тылъ, а черезъ четверть часа Ѳедотъ закричалъ: „а вѣдь и точно ваша правда! Никакъ передъ нами чернѣетъ мостъ"! Оба подъѣзда къ мосту были затоплены Ядриной, и только самый горбъ моста чернѣлъ посерединѣ рѣчки.

— Ѳедотъ! сказалъ я,—надо дорогу верхомъ испробовать!

— Сейчасъ! сказалъ Ѳедотъ и, отложивъ лѣвую пристяжную, поѣхалъ къ мосту въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нами.

Но не успѣлъ онъ добраться до открытаго теченія, какъ лошадь его по самый хомутъ провалилась въ воду, и былъ моментъ, когда я за него не на шутку струхнулъ. Лошадь однако стала подъ нимъ усиленно выбиваться къ берегу и наконецъ вы-скочила на снѣгъ. Положеніе было критическое. Переѣхать по мосту нечего было и думать, и пришлось бы снова тащиться къ городу.

— Тутъ, сказалъ Ѳедотъ, у самаго устья Ядрины есть переходъ по льду. Да до него лугомъ съ полверсты пожалуй будетъ. Можетъ его и совсѣмъ сломало, а можетъ и цѣлъ еще.

Не довѣряя проводникамъ, я отправился пѣшкомъ вдоль зачерпнувшагося водою луга, причемъ конечно высокія калоши мои тотчасъ налились водою.

— Вотъ онъ, переходъ то! крикнулъ Ѳедотъ,—и я увидалъ двѣ треугольныя льдины, упирающіяся своими основаніями въ берега и вершинами другъ въ друга. Конечно, ледяной этотъ сводъ висѣлъ на воздухѣ, и подъ нимъ клокотала вешняя вода. Проѣхать тройкой тутъ было немыслимо, и на самой вершинѣ свода повозка могла пройти только однимъ полозомъ. Первымъ по своду перешелъ Ѳедотъ, за нимъ послѣдовалъ я, и онъ по одной подводилъ моихъ спутницъ, которыхъ я за руку перехватывалъ черезъ клокочущую бездну. Отпрягли лошадей, и добрыя животныя скокомъ перебрались ко мнѣ, одно за другимъ. Оставалось самое трудное: переправить повозку. Лѣвый полозъ прочно стоялъ на воздушномъ сводѣ, но правый приходилось, передвигая по льду легкую повозку, поддерживать на мгновеніе совершенно на воздухѣ, такъ какъ полозъ былъ не довольно длиненъ, чтобы, теряя опору на одномъ берегу, опереться на другомъ. Въ этотъ моментъ Ѳедотъ и ямщикъ дали повозкѣ совершенно опуститься правымъ бокомъ къ безднѣ, и, не взирая на сложность нашего положенія, я услыхалъ восклицаніе жены моей: „щенята, щенята попадаютъ въ воду!"

Наконецъ повозка перешла на правый берегъ, запряжена, и мы забрались въ свои мѣста. Но тутъ новое затрудненіе. Такъ какъ мы переправились не по торной дорогѣ, а цѣликомъ, то и въ лежащее передъ нами село Ядрино приходи-

лось пробираться цѣликомъ, объѣзжая невѣдомые рвы околицы. Едва только я втягивалъ голову въ повозку, прячась во мракъ отъ бьющаго въ лицо снѣга, какъ возницы наши сбивались съ настоящаго направленія. Это наконецъ вывело меня, до колѣнъ промокшаго, изъ терпѣнія, и я раза съ два крикнулъ: „да куда-жь вы опять къ черту вправо-то забрали?"

— О Госьподи! раздалось во мракѣ шепелявое восклицаніе Марьюшки:—сто это они нечистаго поминаютъ, который насъ и такъ всю ночь водитъ?

Выбрались наконецъ на выгонъ передъ церковью, и до Новоселокъ осталось въ гору версты четыре, и стало быть простое дѣло терпѣнія. Наконецъ въ три часа утра мы добрались до Новосельскаго крыльца, протащившись часовъ шесть на разстояніи, которое слѣдовало бы проѣхать въ полчаса. Отправляясь на родной свой мезанинъ, я предварительно подошелъ къ буфетному шкапу и налилъ себѣ цѣлый стаканъ травнику, раздѣлся и легъ спать тепло укрывшись.

Поутру мы проснулись безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ Новоселкахъ встрѣтили мы новаго жильца: маленькаго Петрушу Борисова, отличавшагося необыкновеннымъ размѣромъ головы для такого малаго ребенка. Сестра Надя совершенно оправилась, и прошлогодняя жизнь наша вошла въ свою обычную колею. И такъ какъ Тургенева не было въ Спасскомъ, то графъ Ник. Ник. Толстой еще чаще сталъ посѣщать насъ на своемъ „безсмертіи души".

— Завтра, сказалъ онъ однажды, я поѣду отсюда во Мценскъ и, взявши почтовую пару въ „безсмертіе души", покачу по шоссе сперва къ брату Сергѣю въ Пирогово, а затѣмъ къ Левочкѣ въ Ясную Поляну. Поѣдемте вмѣстѣ! Они очень будутъ рады увидать васъ.

На другой день неизмѣнныя желтыя дрожки покойно донесли насъ по шоссе и въ сторону до села Пирогова. Ник. Ник. ушелъ отъ меня впередъ во внутренніе покои, вѣроятно чтобы предупредить о моемъ пріѣздѣ, и я одинъ поднялся въ переднюю. Единственнымъ встрѣченнымъ мною здѣсь лицомъ былъ стоявшій во весь ростъ красивый старикъ

съ бѣлыми какъ лунь вьющимися волосами и такою же бородою пышнымъ вѣеромъ, одѣтый въ безукоризненно бѣлую парусинную рясу.

Я раньше слыхалъ отъ Толстыхъ курьезные разсказы о помѣшанномъ монахѣ В—вѣ, давно оставившемъ монастырь и проживавшемъ у знакомыхъ. Бѣлый старикъ держалъ въ рукѣ какую то стклянку, въ которой взбалтывалъ бѣлую микстуру.

Поклонившись ему, я спросилъ, не можетъ ли онъ указать мнѣ мѣсто, гдѣ бы я могъ умыться и избавиться отъ покрывавшей меня пыли?

— Позвольте, сказалъ незнакомецъ, взбалтывая микстуру. Вамъ надо прежде всего очистить вотъ этимъ глаза.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ я. Я предпочитаю умыться водою.

— Нѣтъ, этого нельзя. Я сейчасъ пущу вамъ этого въ глаза.

Но тутъ на выручку мою явился хозяинъ дома и избавилъ меня отъ непрошеннаго благодѣянія.

Со времени этого перваго моего знакомства съ графомъ Сергѣемъ Николаевичемъ, судьба впослѣдствіи сводила насъ довольно часто, и наши характеры оказались дотого сходны, что я не помню никакого между нами спора, а напротивъ, мнѣніе, высказанное однимъ, казалось другому у него подслушаннымъ. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы удержать меня отъ всякихъ похвалъ или порицаній по адресу графа. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что основной типъ всѣхъ трехъ братьевъ Толстыхъ тождественъ, какъ тождественъ типъ кленовыхъ листьевъ, не взирая на все разнообразіе ихъ очертаній. И еслибы я задался развить эту мысль, то показалъ бы, въ какой степени у всѣхъ трехъ братьевъ присуще то страстное увлеченіе, безъ котораго въ одномъ изъ нихъ не могъ бы проявиться поэтъ Л. Толстой. Разница ихъ отношеній къ жизни состоитъ въ томъ, съ чѣмъ каждый изъ нихъ отходилъ отъ неудавшейся мечты. Николай охлаждалъ свои порывы скептической насмѣшкой. Левъ уходилъ отъ несбывшейся мечты съ безмолвнымъ урокомъ; а Сергѣй—съ болѣзненной мизантропіей. Чѣмъ болѣе у подобныхъ

характеровъ первоначальной любви, тѣмъ сильнѣе хотя на время сходство съ Тимономъ Аѳинскимъ.

Въ домѣ графа я съ удовольствіемъ встрѣтилъ графиню Марью Никол., которой имѣніе примыкаетъ къ Пирогову, составляя отдѣльную его часть. Погода стояла прекрасная, и графиня скоро повела насъ въ обширный садъ съ широко расчищенными дорожками и разсказывала мнѣ о недавнемъ веселомъ праздникѣ въ Пироговѣ по случаю чьихъ то именинъ. „Ночь была прекрасная, говорила она,—и мы за полночь прогуляли въ саду. Вотъ этотъ самый мостикъ черезъ канаву былъ ветхъ, и, не зная чѣмъ иллюстрировать веселый праздникъ, монахъ В—ъ поджогъ мостикъ, и когда тотъ въ темнотѣ распылался, сталъ черезъ него прыгать. Фантастически ненаглядна, продолжала графиня, была его бѣлая фигура, озаренная снизу пылающимъ огнемъ“.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть около красиваго старца монаха, и онъ не заставлялъ вызывать себя на разговоры, оказавшись неисчерпаемо краснорѣчивымъ. Служивши при Александрѣ въ гусарахъ, онъ не допускалъ никакого сравненія своего времени съ настоящимъ и говорилъ: „вы, Николаиты, объ Александровцахъ судить не можете“.

— Почему вы такъ думаете?

— Я вамъ это докажу логически, исторически, философически, географически, математически, политически...

— Да вѣрю, вѣрю.

— Да нѣтъ-съ, позвольте!—Грамматически, драматически, критически и т. д.

Къ вечеру этотъ же самый ех-монахъ взялъ гитару и подсѣлъ къ графинѣ Марьѣ Никол. Съ большимъ вкусомъ онъ сталъ подыгрывать извѣстную пѣсню:

„Полоса ль моя полосынька“

и когда графиня вполголоса ее запѣла, онъ тоже вполголоса сталъ вторить ей пріятнымъ тenоромъ.

Прогостивъ дня два въ Пироговѣ, мы съ Ник. Ник. побывали и въ Ясной Полянѣ, и затѣмъ онъ тѣмъ же порядкомъ доставилъ меня въ Новоселки.

Отъ 17 іюня В. Боткинъ писалъ изъ Кунцева:

„10 іюня братъ Петинька и все семейство отправились въ Петербургъ, и сегодня они оттуда уѣзжаютъ въ Ревель, проведя недѣлю въ Петербургѣ. Кажется, что онъ произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе: да это такъ и быть должно, когда подумаешь, что они до сихъ поръ почти не выѣзжали изъ Москвы. А Петербургъ хотя по виду всетаки городъ европейскій; для русскаго же человѣка все европейское имѣетъ таинственное обаяніе. Такъ и быть должно, иначе мы были бы осуждены вѣчно коснѣть, подобно финнамъ и другимъ низшимъ племенамъ, въ нашемъ—не скажу варварствѣ — а въ тупости и младенчествѣ. Собственно говоря, всякій народъ, все равно европейскій или азіатскій, тупъ и младенецъ. Послѣдняя война сняла плеву съ нашихъ глазъ; она показала, что съ тупостью и младенчествомъ народа въ наше время далеко не уѣдешь. Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ, или потерять всякое значеніе. Мы тридцать лѣтъ боролись съ европейскимъ духомъ и опомнились, очутившись у бездны. Мы только теперь начинаемъ понимать, что мы государство бѣдное, истощенное всяческою неурядицею, что мы не по одежкѣ протягивали ножки, что мы почти наканунѣ новаго банкротства, что наша полицейская роль въ Европѣ была безумствомъ. Да и многіе ли понимаютъ это теперь? Но великое счастіе въ томъ, что это наконецъ поняло правительство. Винить тутъ некого: виновата та же тупость и младенчество;—вѣдь онѣ ходятъ не въ армякѣ только, но и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Мы дѣйствительно самое еще младенческое государство въ Европѣ, и наши такъ называемые „образованные“ напрасно съ такимъ презрѣніемъ смотрятъ на „необразованныхъ“. Тутъ опять разница въ одномъ только платьѣ и внѣшности; внутренно же та же самая дичь, только подъ другими формами“.

В. Боткинъ.

Вначалѣ іюня по предварительному соглашенію въ Новоселки пріѣхалъ съ поваромъ и съ лягавою собакою братъ Петръ Аѳан. Въ то время какъ мы сговаривались съ гр. Ник. Толстымъ объ отъѣздѣ изъ Новоселокъ на тетеревей въ Щиг-

ровку, И. Тургеневъ просилъ изъ заграницы дядю отправить единовременно съ нами туда же знаменитаго Аѳанасія и еще другаго охотника, при которомъ состояла лягавая собака Весна, на которую И. С., послѣ устарѣлой Бубульки, возлагалъ большія надежды.

Во Мценскѣ наняли мы поденно ямщика съ хорошею тройкой и пузатѣйшимъ хотя и легкимъ тарантасомъ. Всѣмъ тремъ намъ рядомъ было совершенно просторно, такъ же какъ и нашимъ собакамъ на сѣнѣ подъ высокими козлами. Благодаря прелестной погодѣ и еще болѣе прелестному нраву Н. Толстаго, умѣвшаго такъ естественно, какъ никто, ѣхать на этой тройкѣ, въ этомъ тарантасѣ и по этой землѣ,— поѣздка наша была дѣйствительнымъ праздникомъ, которому недаромъ издали завидовалъ Тургеневъ. Конечно, и на этотъ разъ намъ пришлось ночевать въ Болховѣ на постояломъ дворѣ, откуда на другой день мы отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы отъѣхали верстъ за 30, стало невыносимо жарко.

По дорогѣ ни ручья, ни колодца.

— Должно быть это кабакъ, сказалъ Ник. Ник., указывая на стѣснившіяся передъ нами подводы у дверей одинокой придорожной избы. — У нихъ иногда бываетъ ледъ и пиво. Хорошо бы теперь выпить по стаканчику!

Пока слѣзшій съ козелъ поваръ пошелъ распрашивать о пивѣ, мы были свидѣтелями слѣдующей сцены. Кругомъ небольшой площадки передъ дверью кабака сдвинуты были большія ломовыя телѣги съ сильными и рослыми лошадьми, обращенными головами къ площадкѣ. Два громадныхъ ломовыхъ извощика, чернявый и рыжій, плясали передъ порогомъ кабака, не взирая на пекущее солнце. Оба были въ лаптяхъ и въ синихъ пестрядинныхъ рубахахъ. Чернявый, пускаясь въ плясъ, старался на гармоникѣ подыгрывать барыню, причемъ музыка и пляска разомъ придавали его лицу подъ шляпой, торчащей грешневикомъ, какой-то озабоченный видъ. Зато рыжій, какъ видно, дошелъ до самаго края восторга: съ растегнутымъ воротомъ на загорѣлой груди, онъ выкидывалъ своими лаптями самые округлые, хотя и рискованные па, и при этомъ раскачивалъ на правой ладони

свою шляпу грешневикомъ, полную самой свѣжей земляники. Обходя кругъ, онъ внезапно остановился противъ доброй, рыжей лошади и, прижимая къ груди лѣвой рукою и цѣлуя ея голову, воскликнулъ: „Васька! вотъ люблю тебя! Поди-жь ты!“ и затѣмъ, продолжая плясать, ласково крикнулъ Толстому: „баринъ, землянички неугодно ли?“ и затѣмъ, ударяя себя въ грудь: „вѣдь какъ у кого, а въ насъ не молчитъ она, эта самая водка!“

Давши имъ двугривенный на стаканчикъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Чтобы не утомить читателя новымъ описаніемъ тетеревиной охоты въ Щигровкѣ, скажу только, что въ первые дни мы старались оставлять Ник. Ник. съ опытными Тургеневскими охотниками. Но въ слѣдующіе дни, не знаю почему, онъ сталъ отъ нихъ отбиваться. Позволю себѣ только разсказать эпизодъ, способный, по моему мнѣнію, всего болѣе уяснить наши взаимныя роли. Шелъ я долгое время за своей собакой, не находя ничего и не слыша никакой стрѣльбы. Вдругъ въ недальнемъ разстояніи слышу два выстрѣла, а минутъ черезъ пять еще два, очевидно на томъ же мѣстѣ. Откликнувъ къ себѣ собаку, подвигаюсь впередъ и выхожу на большое открытое поле, въ которое острымъ мысомъ врѣзается густой, молодой лѣсъ. Замѣтивъ на ближайшей ко мнѣ опушкѣ брата Петра Аѳанасьевича, слышу въ то же время отчаянные его вопли: „да вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!“

— Чего ты кричишь? спрашиваю я, подходя къ брату, торопливо заряжающему ружье.

— Да вѣдь вотъ они, тетерева-то! Цѣлый выводокъ! Кушь ты, проклятая! Николай Николаевичъ! ради Бога, свою-то подзовите собаку! Вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!

— Погоди! сказалъ я.—Что-жь ты дѣлаешь? Ты сперва заряжаешь дробью, а потомъ порохомъ, да и разсыпаешь заряды безбожно. Куда ты торопишься? Давай сюда ружье, я тебѣ заряжу.

Пришлось разряжать и продувать превратно заряженное ружье. Мое спѣшное занятіе не мѣшало брату восклицать: „да вѣдь я Христомъ да Богомъ прошу!“

Вдругъ явственно слышу издали голосъ Ник. Ник.: „Гос-

поди! чего онъ тамъ оретъ? Я давно сижу на землѣ, и собака лежитъ около меня".

Можно себѣ представить, какова была стрѣльба брата послѣ такой горячки. Вылетѣлъ молодой тетеревъ вдоль опушки; братъ далъ промаха, а я убилъ тетеревенка.

— Чего ты горячишься? говорилъ я брату; и, вѣроятно, чтобы вполнѣ послѣдовать моему совѣту, братъ досталъ изъ ягташа кусокъ чернаго хлѣба и сталъ его жевать. Въ это время собака моя твердо остановилась у густой древесной стѣнки, куда трудно было ожидать чтобы бросилась поднятая птица.

— Ступай, сказалъ я брату, къ опушкѣ съ лѣвой стороны собаки, а я пойду съ правой. Ужь на кого либо изъ насъ тетеревъ налетитъ.—Когда мы почти сошлись справа и слѣва надъ собакою, молодой тетеревъ, поднявшись вверхъ, бросился въ тѣсный промежутокъ между стѣнкою зелени и братомъ. Братъ, держа приготовленное въ лѣвой рукѣ ружье и боясь, чтобы тетеревъ не сбилъ съ его носа очковъ, инстинктивно выставилъ правую руку, придерживая корку хлѣба передъ лицомъ. По невѣроятной случайности, тетеревъ краемъ лѣваго крыла попалъ между трехъ большихъ пальцевъ брата, которые онъ точно также инстинктивно сжалъ. Къ удивленію моему, я увидалъ, что затрепетавшій при взлетѣ тетеревъ продолжаетъ трепетать на одномъ мѣстѣ, передъ самымъ лицомъ брата. Оказалось, что братъ совершенно неожиданно и неправдоподобно рукою, держащею кусокъ хлѣба, поймалъ налету тетерева.

По возвращеніи въ Новоселки я засталъ слѣдующее письмо Тургенева изъ Виши отъ 18 іюня 1859:

„Любезнѣйшій Фетъ, сколько разъ я собирался писать къ вамъ, и все не „вытанцовывалось". Сегодня кажется наконецъ удастся. Я нахожусь въ городишкѣ Виши, въ средней Франціи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Клермона; пью воду и купаюсь отъ своей болѣзни, и до сихъ поръ пользы никакой не ощущаю. Народу здѣсь много, но все французики; русскихъ мало и неинтересные. Я не жалуюсь: это даетъ мнѣ возможность работать; но до сихъ поръ моя Муза, какъ застоявшаяся лошадь, сѣменитъ ногами и плохо подвигается

впередъ. По страничкѣ въ день. Часто думаю о Россіи, о русскихъ друзьяхъ, о васъ, о нашихъ прошлогоднихъ поѣздкахъ, о нашихъ спорахъ. Что-то вы подѣлываете? Чай, поглощаете землянику возами съ какимъ-то религіозно-почтительнымъ расширеніемъ ноздрей при безмолвно-медлительномъ вкладываніи нагруженной верхомъ ложки въ галчатообразно раскрытый ротъ. А Муза? А Шекспиръ? А охота? Письмо это отыщетъ васъ вѣроятно по возвращеніи изъ Щигровки, куда вы вѣроятно ѣздили съ Аѳанасіемъ. Извѣстите, Бога ради, какъ вы охотились? Много ли было тетеревей? Какъ дѣйствовали собаки, въ особенности *Весна*, дочь Ночки? Подаетъ ли она надежду? Все это меня крайне интересуетъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ хотѣлось бы теперь быть съ вами: все земное идетъ мимо, все прахъ и суета, кромѣ охоты:

Wie des Rauches Säule weht,
Schwindet jedes Erdenleben,
Nur die Schenpfen, Hasen, Birk-, Reb-, Hasel-und andere Hühner; die Hasen, Enten, Becassinen, Doppel-und Waldschnepfen
bleiben stets.

„Извѣстите меня обо всемъ на свѣтѣ: о вашей женѣ, о вашей сестрѣ, о Борисовѣ, о его сынѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, о литературѣ, о *Современникѣ* и *Временникѣ*, о журналахъ, о моемъ дядѣ и его семействѣ (надѣюсь, что вы ихъ видаете), о Толстомъ и Толстой, о купальнѣ на Зушѣ, о березовой аллеѣ, о томъ, загорѣли ли вы, умываетесь ли вы, о Мценскомъ соборѣ, о количествѣ грачей, о томъ, продолжаютъ ли они играть надъ кручью Веселой Горы, о *засухѣ*, которая насъ здѣсь пугаетъ, о паромѣ на Зушѣ, объ огрызенныхъ ракитахъ по дорогамъ, о кабакахъ и трезвости, о томъ, измѣнился ли запахъ въ избахъ, о Некрасовѣ и вашихъ съ нимъ счетахъ, о москвичахъ, о наидрагоцѣннѣйшемъ и наивозлюбленнѣйшемъ мудрецѣ и перепатетикѣ Николаѣ Толстомъ, о брюхѣ Порфирія и о билліардной игрѣ съ нимъ, о заусенцахъ, о носѣ, засиженномъ мухами двухъ поколѣній,— словомъ, обо всемъ. Я же съ своей стороны ни о чемъ васъ не извѣщаю, ибо знаю, что для васъ все западное, все европейское есть нѣчто вродѣ мерзости... Я, кажется, заврался.

„Пишите мнѣ въ Парижъ, poste restante à M. Ivan T.— Тургеневыхъ вдругъ въ Парижѣ расплодилось какъ мухъ. Я попрежнему твердо надѣюсь быть дома въ августѣ мѣсяцѣ: пострѣляемъ еще вмѣстѣ куропатокъ и вальдшнеповъ.

„Прощайте, любезнѣйшій поэтъ! Дружески кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я забылъ главное: объ Аполлонѣ Григорьевѣ, объ Аполлонѣ, объ Аполлонѣ!!!"

Надо прибавить, что, въ видахъ избавленія дома отъ дѣтскихъ криковъ, сестра съ ребенкомъ и кормилицей переселилась въ исконное женское и дѣтское помѣщеніе на мезанинѣ; а мы съ женой перебрались въ такъ называемый и дѣйствительно новый флигель между домомъ и кухней. Эта перемѣна привела насъ къ какому-то физическому и отчасти духовному особняку. Борисовъ, любившій историческія сочиненія, выписывалъ ихъ и читалъ вслухъ своей женѣ—(*Русскій Архивъ*, *Исторію Петра Великаго* — Устрялова), которая видимо очень ими интересовалась. Что же касается до меня, то, оставаясь во флигелѣ, когда жена моя уходила въ домъ играть на роялѣ, я впадалъ въ тяжкую скуку. Жить въ чужой деревнѣ внѣ сельскихъ интересовъ было для меня всегда невыносимо, подобно всякому бездѣлью, а усердно работать я могу только попавъ въ капканъ какого-либо опредѣленнаго, долгосрочнаго труда, и при этомъ нужно мнѣ находить точку опоры въ привычной обстановкѣ, подобно танцору, увѣрявшему, что онъ можетъ танцовать только отъ печки, около которой всегда стоялъ въ танцъ-классѣ. Чтобы не отставать отъ другихъ, я приходилъ въ домъ читать вслухъ Иліаду Гнѣдича. Чтобы не заснуть надъ перечисленіями кораблей, я читалъ ходя по комнатѣ, но и это не помогало: я продолжалъ громко и внятно читать въ то время, какъ уже совершенно спалъ на ходу. Нашимъ дамамъ стоило большаго труда изрѣдка вечеромъ вызывать меня на прогулку.

Между тѣмъ Тургеневъ писалъ изъ Куртавнеля отъ 16 іюля 1859:

«Безцѣнный Фетъ, мудрецъ и стихотворецъ!
Я получилъ любезное письмо,
Направленное вами изъ «Поляны»,—
Въ томъ замкѣ, гдѣ вы нѣкогда со мною
Такъ спорили жестоко, и гдѣ я
У васъ въ ногахъ валялся униженно.
Въ немъ ничего не измѣнилось, только
Тотъ ровъ, который, помните, струился
Предъ вашими смущенными глазами,—
Теперь поросъ густой травой и высохъ;
И дѣти выросли... Что̀ жь дѣлать дѣтямъ,
Какъ не рости? Одинъ я измѣнился
Къ гораздо худшему. Я всякій разъ
Какъ къ зеркалу приближусь, съ омерзѣньемъ
На пухлое, носастое, сѣдое
Лицо свое взираю... Что̀ же дѣлать?
Жизнь насъ торопитъ, гонитъ насъ какъ стадо...
А смерть, мясникъ проворный, ждетъ да рѣжетъ...
Сравненіе достойное Шекспира!
(Не новое, однако, къ сожалѣнью!)
Я къ вамъ писалъ изъ города Виши
Недавно; стало-быть не нужно болѣ
Мнѣ говорить о личности своей.
Скажу одно: въ началѣ сентября
Я въ Спасскомъ, если шаръ земной не лопнетъ,—
И вмѣстѣ вальдшнеповъ мы постръляемъ.
Объ васъ я говорить хочу: я вами
Ужасно недоволенъ; берегитесь!
Скучливый человѣкъ, вы на стезю
Опасную ступили, не свалитесь
Въ болото злой зѣвающей хандры,
Слезливаго тупаго равнодушья!
Иллюзіи, вы говорите, нѣтъ...
Иллюзія приходитъ не извнѣ,—
Она живетъ въ самой душѣ поэта.
Конѣчно, въ сорокъ лѣтъ ужь не летаютъ
Надъ нами въ романтическомъ эѳирѣ
Обсыпанныя золотомъ и свѣтомъ
Тѣ бабочки съ лазурными крылами,
Которыя чаруютъ наши взоры
Въ дни юности; но есть мечты другія,

Другія благородныя видѣнья,
Одѣтыя въ бѣлѣющія ризы,
Обвитыя немеркнущимъ сіяньемъ.—
Поэтъ, иди за ними и не хнычь!
(Фу, батюшки! какой высокій слогъ!)
А на землѣ *коль* есть покойный уголъ,
Да добрый человѣкъ съ тобой живетъ,
Да не грозитъ тебѣ недугъ упорный,—
Доволенъ будь,—*«большаго»* не желай,
Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
Не унывай, не охай, не канючь,
Не требуй ничего и не скули...
Живи смиренно, какъ живутъ коровы,
И мирной жуй воспоминанья жвачку.
Вотъ мой совѣтъ, а впрочемъ какъ угодно!
Увидимся и больше потолкуемъ...
Вѣдь вы меня дождетесь въ сентябрѣ?
Пожалуста поклонъ мой передайте
Супругѣ вашей и сестрѣ; скажите
Борисову, что я люблю и помню
Его; Толстаго Николая поцѣлуйте
И Льву Толстому поклонитесь,—также
Сестрѣ его. Онъ правъ въ своей припискѣ:
Мнѣ *не за что̀* къ нему писать. Я знаю,
Меня онъ любитъ мало, и его
Люблю я мало. Слишкомъ въ насъ различны
Стихіи; но доро̀гъ на свѣтѣ много:
Другъ другу мы мѣшать не захотимъ.
Прощайте, милый Фетъ; я обнимаю
Васъ крѣпко. Здѣшняя хозяйка вамъ
Велѣла поклониться. Будьте здравы
Душой и тѣломъ, Музу посѣщайте
И не забудьте насъ.

„*Иванъ Тургеневъ*".

22 іюля Тургеневъ писалъ изъ Бельфонтеня (возлѣ Фонтенебля):

„Любезный Фетъ, я не могу понять, отчего вы не получаете моихъ писемъ? Я вамъ ихъ написалъ уже три. Мнѣ было бы очень досадно, еслибъ они пропали, не потому, что содер-

жаніе ихъ очень важно, а потому, что вы пожалуй можете подумать, что я забываю своихъ друзей. Послѣднее мое письмо (въ бѣлыхъ стихахъ) было, какъ говорится, „пущено“ мною изъ извѣстнаго вамъ Куртавнеля, куда я возвращаюсь черезъ недѣлю; а теперь я живу у князя Трубецкаго, въ домѣ, окруженномъ прекраснымъ садомъ и великолѣпнымъ Фонтенебльскимъ лѣсомъ. Вы, счастливецъ, охотитесь, а здѣсь охота начнется не раньше, какъ черезъ четыре недѣли. Я буду присутствовать при ея открытіи, поколочу куропатокъ, зайцевъ и можетъ-быть фазановъ, а тамъ — маршъ домой. Пока я занимаюсь своимъ романомъ, который подвигается понемногу и, надѣюсь, будетъ конченъ къ половинѣ ноября.

„Много вы мнѣ говорите любезностей въ вашемъ письмѣ; желалъ бы я, чтобы всѣ мои читатели были такъ снисходительны, какъ вы, и умѣли читать между строчками недосказанное и недодуманное мною. Посмотрю, понравится ли вамъ мой новый трудъ: это было бы большимъ для меня ручательствомъ за его дѣльность. Я съ вами часто спорю и не соглашаюсь, но питаю большое уваженіе къ вашему художническому вкусу.

„Стихотвореніе, присланное вами, очень мило и безукоризненно. Жаль, что находятся два и: „И нѣгой“ „И всеобъемлющій“. Но это мелочная придирка d'un blasé.

„Жду описанія вашей охоты въ Щигровкѣ. Какъ-то понравилась она Николаю Толстому? У меня слюни текли при мысли, что я могъ быть съ обоими вами тамъ... Что̀ дѣлать? Во время вальдшнеповъ онъ уѣдетъ за своими зайцами да лисицами... Вотъ горе! Хотѣлъ бы я посмотрѣть на него въ разгарѣ съ „французомъ“ Аѳанасіемъ. Съ какою собакой вы охотились?—Привезу вамъ Даумера непремѣнно.

„А почта наша безобразна. Письма идутъ, идутъ—и конца нѣтъ. Состарѣться успѣешь, пока отвѣтъ получишь. Я давнымъ-давно послалъ письмо къ Анненкову — и никакого отвѣта. Журналы тоже очень поздно приходятъ, а иныхъ, какъ напримѣръ, *Русское Слово*, — и въ глаза не видишь. Я очень радъ, что ваша хандра прошла. Какую хандру не прогонитъ охота?

„Поклонитесь отъ меня всѣмъ: вашей женѣ, вашей сестрѣ, Борисову. Будьте здоровы. Дружески жму вамъ руку.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*".

Слѣдующее за этимъ письмо требуетъ нѣкотораго разъясненія, безъ котораго не можетъ быть понятно.

Изъ подлинныхъ писемъ Тургенева можно было видѣть его привычку пародировать иногда очень забавно не нравящіеся ему стихи. Такъ, между прочимъ, во время чтенія въ пріятельскомъ кругу моего перевода *Юлія Цезаря,* Тургеневъ, пародируя нѣкоторые стихи, придумалъ:

«Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ
Стать имъ, коль нѣтъ и въ меньшемъ безъ препонъ».

Конечно, такія пародіи предназначались для пріятельскаго круга, а никакъ не для публики, чего, конечно, не могъ не понимать Некрасовъ; а между тѣмъ въ разборѣ моего „Цезаря" онъ напечаталъ эту пародію, нимало не стѣсняясь. Въ примѣръ обычной его безцеремонности, Тургеневъ приводитъ случай съ длинною повѣстью Некрасовскаго пріятеля, тянувшеюся чрезъ нѣсколько книжекъ *Современника.* Повѣсть надоѣла Некрасову, громогласно зѣвавшему надъ ея корректурой; и вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни словомъ автора, онъ подписалъ: „она умерла" — и сдалъ въ печать.

О несовпаденіи пропаганды Некрасова съ его дѣйствіями я бы могъ сказать многое. Остановлюсь на весьма характерномъ моментѣ.

Шелъ я по солнечной сторонѣ Невскаго лицомъ къ московскому вокзалу. Вдругъ въ глаза мнѣ бросилась встрѣчная коляска, за которою я, не будучи въ состояніи различить сѣдока, увидалъ запятки, усѣянныя гвоздями. Вспомнивъ стихотвореніе Некрасова на эту тему, я невольно вообразилъ себѣ его негодованіе, еслибъ онъ, подобно мнѣ, увидалъ эту коляску. Каково же было мое изумленіе, когда въ поравнявшейся со мною коляскѣ я узналъ Некрасова.

Тургеневъ писалъ изъ Куртавнеля 1 августа 1859:

Чтò за притча, милѣйшій Фетъ, что вы ни одного письма

моего не получили? Я вамъ ихъ написалъ цѣлыхъ четыре— въ стихахъ и въ прозѣ, адресуя въ городъ Мценскъ. Это письмо я наконецъ рѣшаюсь отправить черезъ дядю Николая Николаевича. Авось хоть такъ оно дойдетъ.—Черезъ шесть недѣль, если я буду живъ, я васъ увижу. Мое мѣсто уже взято на пароходѣ, отплывающемъ изъ Штетина 4 сентября. Стало-быть къ Никитину дню (14 сентября) я въ Спасскомъ и на другой же день колочу вальдшнеповъ. Неутѣшительныя ваши свѣдѣнія объ охотѣ въ Щигровкѣ меня смущаютъ: отчего же это нѣтъ тетеревовъ? Радуетъ меня успѣхъ моей *Весны;* если она такъ же будетъ хороша, какъ собою красива, то она далеко пойдетъ. А пока *лущите* дупелей съ Аѳанасіемъ, только въ Карачевскихъ, а не въ прошлогоднихъ болотахъ.

„Я не читалъ статьи о вашемъ *Цезарѣ,* но фактъ допущенія въ статьѣ, подписанной незнакомымъ именемъ, пріятельскихъ шутокъ, вродѣ: „Брыкни“ и т. д. достоинъ господина Некрасова и его вонючаго цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мнѣ, ни вамъ (въ особенности мнѣ) это не могло быть пріятно. Да и наконецъ, какое имѣютъ эти господа право покушаться на частныя дѣла? Да вѣдь этому злобно зѣвающему барину, сидящему въ грязи, все равно... „Она умерла...“ Но мнѣ это очень досадно. — До свиданія! Кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку. Будьте здоровы.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ и обѣщаній, Тургеневъ пріѣхалъ въ Спасское, и мы, хотя съ грѣхомъ пополамъ, поохотились съ нимъ на куропатокъ и вальдшнеповъ. На одномъ изъ приваловъ онъ вдругъ предался своей обычной забавѣ придираться къ моей безпамятности съ географическими именами, требуя, напримѣръ, двадцати названій французскихъ городовъ. На этотъ разъ онъ требовалъ только пяти португальскихъ, кромѣ Лисабона. „Только пяти“, настойчиво прибавлялъ онъ. Назвавъ Опорто и Коимбру, я было сталъ втупикъ, но вдругъ вспомнилъ урокъ изъ Арсеньевской географіи, и языкъ мой машинально пролепеталъ: Тавиро, Ѳаро и Лагосъ портовые города. „Ха-ха-ха! вынужденно захохоталъ

Тургеневъ; какой ужасный вздоръ!"—„Очень жаль, что вы ихъ не знаете", сказалъ я, надѣясь на своего Арсеньева, какъ на каменную гору. Тургеневъ досталъ памятную книжку и записалъ города. „Хотите пари?"—„Пожалуй, отвѣчалъ я, на бутылку шампанскаго!"—„Нѣтъ! фальцетомъ протянулъ Тургеневъ: я хочу пробрать васъ хорошенько,—на дюжину шампанскаго!"—„Это значило бы пробрать васъ!"—„Знаемъ мы эти штуки! воскликнулъ Тургеневъ: это незнаніе въ одеждѣ великодушія". Мы ударили по рукамъ. На другой день Тургеневъ, подходя ко мнѣ въ билліардной со старою книжкой въ рукахъ, сказалъ: „а вѣдь шампанское-то я проигралъ, вѣдь вотъ они въ самомъ дѣлѣ, эти нелѣпые города".

Начались и у псовыхъ охотниковъ сборы. Борисовъ, неспособный по лѣни и безпечности къ настойчивому произведенію новыхъ цѣнностей, имѣлъ особенный талантъ устроиться съ тѣмъ, что̀ попадало ему въ руки, и, смотря на покойный тарантасъ и гнѣдую тройку, собранную изъ остатковъ Новосельскихъ и Фатьяновскихъ лошадей, Левъ Николаевичъ говорилъ мнѣ: „а Борисовъ себѣ троечку прикукобилъ!" Но выѣзды на охоту были пока у Борисова недальніе, а собирались его соучастники въ дальній отъѣздъ только по отправленіи насъ всѣхъ, т.-е. его жены съ маленькимъ Петрушей и насъ въ Москву, куда самъ Борисовъ долженъ былъ въ концѣ осени послѣдовать за нами.

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Что̀ же это значитъ, милостивый государь? Мы васъ съ женой ждали всѣ эти дни. Я былъ такъ увѣренъ въ вашей аккуратности, что проигралъ пари по вашей милости: я держалъ сто франковъ, что вы пріѣдете. Графиня М. Н. Толстая васъ ждала, а вы не пріѣхали. Она наконецъ вчера уѣхала, а вчера я слышалъ во Мценскѣ, что въ воскресенье вы собираетесь въ Москву. Если вы съ Марьей Петровной не пріѣдете къ намъ завтра, т.-е. въ среду обѣдать, — я на вѣки вѣчные съ вами разсорюсь,—und damit Punctum!

„Пришлите мнѣ пожалуйста забытую мною у васъ банку помады въ картонномъ футлярѣ и до непремѣннаго свиданія.

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*".

Усадивъ въ четвероместную Новосельскую карету вмѣстѣ съ нами кормилицу съ ребенкомъ, мы скоро покатили по шоссе въ Москву. На другой же день по пріѣздѣ намъ съ сестрой приходилось ѣхать на Никольскую въ тульскія лавки купить для ребенка желѣзную кроватку. Наши молодыя сѣрыя уже успѣли прибыть въ Москву, и я, болѣе надѣясь на себя, чѣмъ на кучера, приказалъ запречь пролетку парой. Дорогой все вниманіе мое было сосредоточено на рысакахъ. Но когда мысъ сестрой вошли въ магазинъ, и я, разсматривая предлагаемыя кроватки, сталъ просить одобренія Нади, то убѣдился, къ ужасу моему, что на нее нашелъ окончательно столбнякъ. Видно было, что она пассивна до окаменѣлости. Приказавъ уложить кроватку съ чехломъ въ пролетку, я не безъ усилія усадилъ сестру рядомъ съ собою и пламенно желалъ только добраться домой безъ публичныхъ приключеній.

Не теряя времени, отправился я къ доктору Красовскому, умолять его о немедленномъ пріемѣ знакомой ему больной. Не взирая на положительный отказъ со стороны доктора, за неимѣніемъ помѣщенія, я объявилъ ему, что привезу больную и оставлю у него въ пріемной, такъ какъ оставлять ее въ домѣ при ребенкѣ невозможно.

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго 9 октября 1859:

„На дняхъ я писалъ къ вамъ, милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, желая узнать, что у васъ дѣлается, а вы предупредили мое желаніе и сами пишете. Новости пока неутѣшительныя. Что дѣлать! Должно вооружиться терпѣніемъ. Прошу васъ выразить все мое сочувствіе бѣдному Ивану Петровичу; я право не знаю, за что онъ меня благодаритъ. На кого бы не подѣйствовалъ подобный ударъ?

„А кстати я вамъ подарилъ *Гафиза.* Добрый геній мнѣ это подшепнулъ. Переводы ваши хороши. Но наученный Шекспиромъ, я становлюсь неумолимымъ. А именно:

„Леденцы“ румяныхъ устъ—очень нехорошо.

„Удивительное дѣло, какъ вы, поэтъ и съ чутьемъ, способны иногда на такое безвкусіе. Метръ васъ поѣдомъ поѣдаетъ:

„Въ томъ, съ чѣмъ можно позабыть еще однимъ“—стихъ, лишенный смысла. Этакъ нельзя отрывать слова: „съ чѣмъ ..“

и „однимъ“. Не забудьте, что *однимъ* есть также дательный падежъ множественнаго числа.

„Переводъ второй пѣсни хорошъ безукоризненно, хотя „*улыбнуться*—Вешнія *грозы*“—мнѣ кажется нѣсколько натянутымъ. Но сколько я могъ замѣтить, въ тонъ *Гафиза* вы попали. Продолжайте не спѣша, и можетъ выдти прелестная книжечка.

„Я все сижу дома, съ тѣхъ поръ какъ Борисовъ отсюда уѣхалъ. Я простудился и у меня кашель. Но это не мѣшаетъ мнѣ работать, и я работаю. Но что такое я дѣлаю—Господь вѣдаетъ. Забрался въ каменоломню, бью направо и налѣво. пока, кромѣ пыли, мнѣ самому ничего не видно. Авось выйдетъ что-нибудь.

„Дамы наши очень кланяются вамъ всѣмъ. Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній межь нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены.— Прощайте пока. Желаю вамъ всѣмъ всего хорошаго и дай Богъ выдти поскорѣе изъ-подъ той черной тучи, которая на васъ налетѣла. Жму руки вамъ, вашей женѣ и Борисову. Въ Москвѣ я буду, если Богъ дастъ, около 20 ноября.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

13 ноября онъ писалъ:

„Милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я бы давно отвѣчалъ вамъ, да вы прибавили въ post scriptum: „напишите, когда васъ ждать?“ Я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь положительное, но болѣзнь моя играетъ со мною, какъ кошка съ мышью, —то я говорю, то опять долженъ замолкнуть, словомъ, я и теперь ничего навѣрное сказать не могу, а только приблизительно могу сказать, что около 22-го буду въ Москвѣ. Разумѣется, я вамъ тотчасъ дамъ знать, а остановлюсь въ гостинницѣ, потому что я въ Москвѣ останусь всего одинъ день.

„Очень мнѣ тяжело и грустно. что не только нѣтъ отъ васъ добрыхъ вѣстей, но все еще продолжаются печали и несчастія: пришла бѣда, растворяй ворота. Должно закутать голову и ждать конца грозы.

„Вотъ что я имѣю сказать о присланныхъ стихахъ:

„Тополь“—хорошъ. Но мнѣ ужасно жаль сиротокъ риѳмъ: „споря“ и „не увялъ“;—куда дѣлись ихъ подружки?—И потому я для удовлетворенія своего уха читаю такъ:

«Пускай мрачнѣй, мрачнѣе дни *задоря*
И осени тлетворной вѣетъ *балъ*“...

„Смысла нѣтъ, но есть гармонія.

„Переводъ изъ *Гафиза*

«Дышать взлетаетъ радостью эѳирной»...

—заимствовано у Кострова.

„Вашихъ *медицинъ*—германизмъ.

„Грѣшный человѣкъ!—я смѣялся, увидѣвъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*, что стихъ передъ *знаменитымъ* стихомъ:

«Изъ лона Мирры шелъ»...

—*выпалъ* (вы удивительно счастливы на опечатки)—и теперь вмѣстѣ съ ученою нотой внизу вышла такая темнота, что даже волки, привыкшіе къ осеннимъ ночамъ, должны завыть со страха.

„Крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь вашей женѣ, Борисову и всѣмъ хорошимъ пріятелямъ,—и говорю (человѣку свойственно надѣяться) до свиданія!

„Вашъ *Ив. Тургеневъ*“.

Наконецъ 23 ноября Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву и прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„Я сейчасъ пріѣхалъ сюда, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—и остановился въ гостинницѣ Дрезденъ. Прошу васъ пожаловать и, если можно, на своей лошади, ибо я попрошу васъ съѣздить къ Ѳеоктистову (или Каткову) и Аксакову, такъ какъ я самъ нездоровъ и никуда не выѣду сегодня, а завтра надо отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ засѣсть по прошлогоднему недѣль на шесть. Кланяюсь вашимъ. До свиданія.

„*Ив. Тургеневъ*“.

28 ноября онъ писалъ уже изъ Петербурга:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., вчера происходило чтеніе вашего перевода изъ *Гафиза*—передъ Дружининымъ и Анненковымъ. Вотъ результатъ этого чтенія. 35 стихотвореній раздѣляются на три разряда: *первый*—безукоризненныя, *второй*—стихотворенія, въ которыхъ потребны исправки; *третій*—стихотворенія отвергаемыя. (Замѣчу кстати, что выборъ, сдѣланный вами, не совсѣмъ удовлетворителенъ: вы, налегая на эротическія стихотворенія, пропустили много хорошихъ) *).

„Публика не знаетъ *Гафиза*, котораго надобно ей представить такъ, чтобъ онъ ее завоевалъ, чтобъ она его учуяла. Впослѣдствіи менѣе значительныя стихотворенія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, могутъ быть напечатаны въ видѣ дополненія.

„Я все еще сижу у себя въ комнатѣ и не выхожу. Кашель меня все еще долбитъ и грудь не въ порядкѣ. Мнѣ переслали ваше письмо изъ деревни.—Фетъ! помилосердуйте! Гдѣ было ваше чутье, ваше пониманіе поэзіи, когда вы не признали въ *Грозѣ* (Островскій читалъ ее вчера у меня) удивительнѣйшее, великолѣпнѣйшее произведеніе русскаго, могучаго, вполнѣ овладѣвшаго собою таланта? Гдѣ вы нашли тутъ мелодраму, французскія замашки, неестественность? Я рѣшительно ничего не понимаю, и въ первый разъ гляжу на васъ (въ *этого рода* вопросѣ) съ недоумѣніемъ. Аллахъ! какое затменіе нашло на васъ?

„Пишите мнѣ на Большую Конюшенную, въ домъ Вебера. Поклонитесь всѣмъ вашимъ. Крѣпко жму вашу руку“.

„Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*“.

Маленькаго Петю Борисова отняли отъ груди и крестьянку кормилицу отправили въ деревню, а къ нему наняли пожилую нѣмку, которая, не разбирая никакихъ обстоятельствъ или занятій, приставала съ ребенкомъ ко всѣмъ, а оставаясь съ нимъ одна въ залѣ, брала его тотчасъ подъ мышки и, тыча едва еще умѣвшими стоять ноженками въ полъ для мнимой пляски, постоянно припѣвала:

---

*) Здѣсь слѣдуютъ подробныя указанія.

«Казашекъ мой, казашекъ.
Коротеньки ножки мои.
Красненьки сапожки мои».

Не удивительно, что, въ крайне сомнительномъ положеніи относительно будущности, Борисовъ иногда ронялъ слова вродѣ: „я и самъ не знаю, гдѣ мнѣ придется жить". Такія слова съ одной стороны, а убѣжденіе въ невозможности находить матеріальную опору въ литературной дѣятельности съ другой,—привели меня къ мысли искать какого-либо собственнаго уголка на лѣто.

Тогда подмосковныя имѣнія были баснословно дешевы, и я едва не купилъ небольшое имѣніе подъ Серпуховымъ.

Боткинъ писалъ изъ Парижа 3 декабря 1859:

„Я такъ давно не писалъ къ вамъ, милые друзья, что даже совѣстно передъ самимъ собою, не только передъ вами. О васъ я знаю только то, что вы пріѣхали въ Москву и что съ сестрой твоею случилось несчастіе, которое, я надѣюсь, не можетъ быть продолжительнымъ. Послѣдующихъ свѣдѣній о ходѣ ея болѣзни я не имѣю и ради вашего спокойствія отъ всей души желаю, чтобы все снова пришло въ порядокъ. Что сказать вамъ о себѣ? Въ душѣ моей тихо и душно, какъ передъ грозой, но грозы ни откуда не предвидится, а потому вѣрнѣе будетъ сравнить ее со стоячимъ болотомъ. Я все хотѣлъ ѣхать въ Россію, но простудился, и недѣли двѣ прошли въ хвораньи, а потомъ наступили холода, которые убили охоту пускаться въ дальнюю дорогу. Такимъ образомъ вотъ уже болѣе мѣсяца живу въ Парижѣ, не имѣвъ намѣренія остаться здѣсь болѣе двухъ недѣль.

„Нѣсколько дней назадъ слышалъ *Орфея*, оперу Глюка, которая доставила одно изъ высочайшихъ удовольствій, какія я имѣлъ только въ жизни моей. Madame Віардо въ роли Орфея превосходно играетъ, но поетъ плохо по неимѣнію голоса, хотя и отлично сохраняетъ стиль Глюка. Вотъ какъ мы измельчали, что даже понять и передать величавый стиль композитора XVIII столѣтія считается теперь достоинствомъ.

„У меня есть до тебя просьба, которую, сдѣлай милость, исполни: я послалъ недѣли двѣ назадъ статью къ Павлу Михайловичу Леонтьеву — для *Русскаго Вѣстника*. Эта статья

носитъ названіе: „Двѣ недѣли въ Лондонѣ“. Узнай, расположены ли они напечатать ее въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Если нѣтъ, то возьми ее у нихъ и немедленно перешли Дружинину. Если же *Русскій Вѣстникъ* напечатаетъ ее, то попроси прислать мнѣ оттискъ ея sous-bande. Это очень дешево стоитъ, и лучше всего возьми у нихъ оттискъ и пришли его самъ на имя Homberg съ передачей мнѣ. Въ рукописи моей я забылъ выставить мое имя, пусть его выставятъ. Да напиши мнѣ что-нибудь о литературныхъ новостяхъ. Оттискъ пришли мнѣ не франкируя его, а только обернувъ его узенькою бумагой и напиши адресъ. Что наши пріятели? Что Дружининъ? Тургеневъ, кажется, занятъ своею новою повѣстью.

„Отъ всего сердца цѣлую милую Машу. Дай вамъ Богъ здоровья.

„Вашъ *В. Боткинъ*“.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга 15 февраля 1860:

„Милый Аѳ. Аѳ., переписываться съ вами для меня потребность, и на меня находитъ грусть, если я долго не вижу вашъ связно-красивый, поэтическо-безалаберный и кидающійся изъ пятаго этажа почеркъ. Что вы подѣлываете? Моя сказка сказывается двумя словами: часъ спустя послѣ того какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, у меня открылось кровохарканіе, которое меня нѣсколько сконфузило: докторъ Здекауеръ объявилъ мнѣ, что у меня какая-то хроническая гадость въ горлѣ, что мнѣ надо сидѣть дома и пить рыбій жиръ, что я и дѣлаю. Впрочемъ я не удержался и выѣхалъ разъ, а именно на балъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, гдѣ я увидѣлъ много милыхъ женщинъ, и гдѣ все было весьма великолѣпно и изящно. Пріятелей здѣшнихъ я видѣлъ всѣхъ, начиная, разумѣется, съ Анненкова: всѣ здоровы и благополучны. Гончарова я однако-же не видалъ. Случевскій написалъ еще три стихотворенія, которыя будутъ напечатаны въ *Современникѣ* и изъ которыхъ одно великолѣпно; два другія стихотворенія, имъ неоконченныя, замѣчательны: этотъ малый растетъ быстро; кажется, изъ него выйдетъ путь. Что касается до моей повѣсти, то я еще не видывалъ примѣра такого полнаго „фіаско“; всѣ ею недовольны, за исключеніемъ

циническаго Некрасова: это ручательство слабое. Что жь! надобно и это испытать въ жизни; все надобно испытать. Третье чтеніе образуется: оно будетъ происходить ровно черезъ недѣлю — съ Островскимъ, Писемскимъ, Майковымъ и Полонскимъ или Некрасовымъ.

„Напишите, что вы подѣлываете хорошаго. Я часто вспоминаю о любезной Сердобинкѣ *). Кланяйтесь всѣмъ: женѣ вашей, Борисову, Николаю Толстому, Маслову, Ольгѣ N. Меня грызетъ мысль, что она могла меня счесть за невѣжу. Что подѣлываетъ Снобъ и юный Гидрокефалъ? **) Не разрѣшилась ли чѣмъ-нибудь ваша Муза? Изъ *Гафиза* выкинули едва ли не лучшія стихотворенія; это очень жаль. Цензурныя здѣсь дѣла нехороши: вѣтеръ опять задулъ съ сѣвера.— Будьте здоровы,—это главное. Жму вамъ руку.

„Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*".

Л. Толстой писалъ мнѣ отъ 23 февраля 1860:

„Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Нашему полку прибудетъ, и прибудетъ отличный солдатъ. Я увѣренъ, что вы будете отличный хозяинъ. Но дѣло въ томъ, что̀ вамъ купить? Ферма, о которой я говорилъ подъ Мценскомъ, далеко отъ меня и, сколько я помню, продавалась за 16 тысячъ. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядомъ со мною, межа съ межой, продающееся имѣніе въ 400 дес. хорошей земли, и къ несчастью еще съ семидесятью душами скверныхъ крестьянъ. Но это не бѣда, крестьяне охотно будутъ платить оброкъ, какъ у меня, 30 рублей съ тягла; съ 23 тысячъ — 660 и не менѣе ежели не болѣе должно получиться при освобожденіи, и у васъ останется 40 дес. въ полѣ, въ четырехъ поляхъ неистощенной земли и луговъ около 20 дес., что должно давать около 2.000 рублей дохода, итого 2.500 руб., а за имѣніе просятъ 24 тысячи безъ вычета долга, котораго должно быть около 5.000. Мѣстоположеніе и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунтъ—хорошій сугли-

*) Фамилія хозяйки дома, гдѣ мы жили.

**) Петя Борисовъ, съ большой головой.

нокъ. Имѣніе разстроенное, т.-е. усадьба старая, разломанная, однако есть домъ и садъ. Все это надо сдѣлать заново. Во всякомъ случаѣ купить за 20 тысячъ это имѣніе выгодно. Для васъ же выгода особенная та, что у васъ есть во мнѣ вѣчный надсмотрщикъ. Объ остальномъ не говорю. Ежели же вамъ это не понравится, я вамъ своей земли продамъ десятинъ сто, или спросите у брата Николая, не продастъ ли онъ Александровку. Но право, стараясь забыть совершенно личныя выгоды, лучше всего вамъ купить Телятинки (это что продается рядомъ со мною). Продавецъ—разорившійся старикъ, который хочетъ продать поскорѣе, чтобъ избавиться отъ зятя, и два раза присылалъ ко мнѣ. Разсчетъ, который я сдѣлалъ вначалѣ, есть разсчетъ того, что дастъ это имѣніе, ежели положить на него тысячъ пять капитала и года два труда; но въ теперешнемъ положеніи все-таки можно отвѣчать за 1.500 рублей, слѣдовательно болѣе семи процентовъ. Есть еще мой хуторъ въ 10 верстахъ отъ меня, 120 дес., но тамъ жить нехорошо: нѣтъ воды и лѣса. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе и подробнѣе, сколько денегъ вы намѣрены употребить на имѣніе. Это главное.

„Прочелъ я *Наканунѣ*. Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ *Наканунѣ* много лучше *Дворянскаго гнѣзда*, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другіе же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: *Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рѣсницы были длинныя.* Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ авторъ бранитъ, а не жалѣетъ. Это какъ-то больно жюрируетъ съ тономъ и смысломъ либерализма всего остальнаго. Это хорошо было при царѣ Горохѣ и при Гоголѣ (да еще надо ска-

зать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужь ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело), а́ не такъ, какъ одержимый хандрой и диспепсіей Тургеневъ. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повѣсти, не смотря на то, что она успѣха имѣть не будетъ.

„*Гроза* Островскаго есть по моему плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ. Не Островскій и не Тургеневъ виноваты, а время; теперь долго не родится тотъ человѣкъ, который бы сдѣлалъ въ поэтическомъ мірѣ то, что̀ сдѣлалъ Булгаринъ. А любителямъ антиковъ, къ которымъ и я принадлежу, никто не мѣшаетъ читать серьезно стихи и повѣсти и серьезно толковать о нихъ. Другое теперь нужно. Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что̀ мы знаемъ. Прощайте, любезный другъ. Милліонъ просьбъ. Забылъ я, какъ зовутъ нѣмецкаго libraire на Кузнецкомъ Мосту, налѣво (отправляясь снизу) наверху. Онъ мнѣ посылаетъ книги; зайдите къ нему и спросите: 1) что̀ я ему долженъ? 2) отчего онъ давно не посылаетъ мнѣ ничего новаго? — и выберите у него и пришлите мнѣ, посовѣтовавшись съ Пикулинымъ, что̀ есть хорошаго изъ лѣчебниковъ людскихъ для невѣждъ и еще лѣчебниковъ ветеринарныхъ (до 10 руб.). Спросите у брата Сергѣя, заказалъ ли онъ мнѣ плуги? Ежели нѣтъ, то зайдите къ машинисту Вильсону и спросите, есть ли или когда могутъ быть готовы шесть плуговъ Старбука? Спросите въ магазинѣ сѣменномъ Мейера на Лубянкѣ, почемъ сѣмена клевера и тимоѳеевской травы? Я хочу продать.

„Что сто̀итъ коновальскій лучшій инструментъ? Что сто̀итъ пара ланцетовъ людскихъ и банки? — Кое-что изъ этого можетъ возьметъ на себя трудъ сдѣлать милѣйшій Иванъ Петровичъ, котораго обнимаю. Марьѣ Петровнѣ цѣлую руку. Тетушка благодаритъ за память и кланяется.

„*Л. Толстой*“.

Боткинъ писалъ изъ Парижа 6 марта 1860 года:

„Я передъ вами въ большомъ долгу, любезные друзья: вотъ уже второе письмо отъ тебя, дорогой Фетъ, а я еще не от-

вѣчалъ на предыдущее. Причина та, что я все поджидалъ оттисковъ и думалъ написать тебѣ по прочтеніи повѣсти Тургенева. Но оттисковъ все еще нѣтъ, и я не хочу уже болѣе откладывать. Прежде всего хочу похвалить тебя за твою мысль купить земли у Тургенева и выстроить себѣ Эрмитажъ. Мысль во всѣхъ отношеніяхъ отличная, только не забудь, что Эрмитажъ безъ рѣки никуда не годится, а сколько мнѣ помнится, у Тургенева рѣки нигдѣ нѣтъ. Это непремѣнно прими къ соображенію. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду прочесть его *Наканунѣ*. Третьяго дня получены здѣсь №№ январьскіе петербургскихъ журналовъ; я успѣлъ пробѣжать только статью Дружинина о Бѣлинскомъ и „Воспоминанія" о немъ Панаева въ *Современникѣ*. Статья Дружинина вообще очень слаба; что касается до „Воспоминаній" Панаева, состоящихъ большею частію изъ писемъ Бѣлинскаго, то они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я не скучаю, но я часто вспоминаю это „прошлое", и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ „прошломъ" заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—увы!—я не могу. Къ сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ „общемъ" въ отвлеченномъ. Но всему этому теперь ужь не поможешь.

„Московскіе господа, кажется, смотрятъ на литературный фондъ съ озлобленіемъ. Это мнѣ понятно. Московскіе господа всегда смотрѣли на литературу свысока и съ пренебреженіемъ. Это старинное важничанье науки передъ искусствомъ; они все находятъ, что литература не довольно преклоняется передъ ними. А потомъ кто виноватъ, что наши московскіе господа распались на маленькіе кружки и за деревьями не хотятъ видѣть лѣса?

„Какъ бы мнѣ прочесть твои переводы изъ *Гафиза?* Здѣсь *Русское Слово* точно миѳъ; его здѣсь никто не получаетъ. Изъ письма Тургенева я съ радостью узналъ, что Левъ Толстой опять принялся за свой кавказскій романъ. Какъ бы онъ ни дурилъ, а я все скажу, что этотъ человѣкъ съ великимъ талантомъ, и для меня всякая дурь его имѣетъ больше достоинства, чѣмъ благоразумнѣйшіе поступки другихъ. Кажется, журналъ Павлова далеко не оправдалъ ожиданій. Есть ли какая перемѣна отъ новой цензуры? Напиши мнѣ объ этомъ хоть нѣсколько словъ. Гдѣ неистовый Григорьевъ? Неужели и умъ, и положительный талантъ ничего не значатъ при отсутствіи характера и твердой воли? Мое лѣченіе авось кончится въ концѣ марта; а въ концѣ апрѣля, кажется, Тургеневъ будетъ здѣсь. Чтò говорятъ о направленіи Панина относительно крестьянскаго вопроса? Здѣсь иные понурили голову отъ этого, другіе подняли ее. Я думаю, что прежнее направленіе редакціонной конторы значительно ослабится.

„Обнимаю васъ отъ всей души.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга 22 февраля 1860:

„Милѣйшіе господа, Фетъ и Борисовъ! Ваше письмо меня очень обрадовало, и я немедленно отвѣчаю. Что касается до моего здоровья, то я началъ понемножку...

... „Выѣзжать (это письмо я продолжаю недѣлю спустя— 29 февраля). Дѣйствительно, я сталъ много выѣзжать по милости респиратора, сирѣчь намордника, который я ношу на рту. Я сдѣлалъ много новыхъ интересныхъ знакомствъ, о которыхъ я поговорю съ вами подъ тѣнью (не очень густой— дѣло будетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) Спасскаго сада и т. д. Кстати, мнѣ ужасно досадно, что графъ Николай Толстой былъ у меня два раза въ теченіи одного дня, не засталъ меня и, не оставивъ своего адреса, исчезъ и уже болѣе не показывался. Скажите ему, что пріятели такъ не дѣлаютъ, и что я очень объ этомъ сожалѣю.

„Теперь надо сказать нѣсколько словъ о *Кальнѣ.* Дядя пишетъ мнѣ, что онъ сообщилъ вамъ опись этого имѣнія въ подробности. Цѣна, имъ назначенная, мнѣ кажется велика, и

мы объ этомъ переговоримъ. Общій залогъ *Кальны* съ другими деревнями не можетъ сдѣлать затрудненія,—былъ бы капиталъ. Мы также переговоримъ о томъ, не продать ли намъ одну господскую землю (съ мельницей и т. д.), если это возможно, для того чтобы не затруднять васъ отношешеніями съ крестьянами, посаженными на оброкъ. Посмотрите сами, понравится ли вамъ мѣсто и т. д. Съѣздите вмѣстѣ и т. д. Докторъ меня въ маѣ посылаетъ заграницу, но я хочу весну встрѣтить и провести мѣсяцъ въ деревнѣ.

„Переводы ваши изъ *Гафиза* на сей разъ очень хороши. Здѣсь чтенія продолжаютъ имѣть успѣхъ. Гончаровъ на дняхъ прочелъ мнѣ и Анненкову удивительный отрывокъ вродѣ „Сна Обломова". (Его Бѣловодовъ мнѣ не нравится). Моею повѣстью и здѣсь недовольны; но о ней много спорятъ и кричатъ; если бы совсѣмъ молчали, было бы плохо. Есть и энтузіасты, но весьма мало. Суета суетствій!

„А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувыркнется въ послѣдній разъ и станетъ на ноги?

„Обнимаю васъ обоихъ и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и всѣмъ пріятелямъ. Пишите.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Отъ 13 марта 1860 онъ писалъ:

„Я въ долгу передъ вами, Fettie carissime, но отчасти извиняюсь тѣмъ, что употребилъ истекшую недѣлю на окончаніе повѣсти, которая уже сдана въ *Библіотеку для Чтенія* и явится въ мартовскомъ номерѣ. (Кстати, всѣ слухи о несостоятельности *Библіотеки для Чтенія* оказываются ложными, и книжная лавка Печаткина заперта только по воскресеньямъ). Повѣсть моя называется *Первая любовь*. Сюжетъ ея вамъ, кажется, извѣстенъ. Читалъ я ее на дняхъ ареопагу, состоявшему изъ Островскаго, Писемскаго, Анненкова, Дружинина и Майкова; приглашенный Гончаровъ пришелъ пять минутъ по окончаніи чтенія. Ареопагъ остался доволенъ и сдѣлалъ только нѣсколько неважныхъ замѣчаній; остается узнать, что скажетъ *публика*, которую вы такъ не любите. Единственный человѣкъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить

когда-нибудь—Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно такъ у меня на роду написано. Здѣсь распространились слухи, что онъ снова принялся работать, и мы всѣ порадовались.

„Ну, любезнѣйшіе друзья мои, Аѳ. Аѳ. и И. П., увидите вы меня скоро, но не въ натурѣ, а въ фотографіи, которую я нарочно для васъ заказалъ. Что касается до моей персоны, то я, къ истинному моему горю. не поѣду въ деревню, а отправляюсь весной за границу лѣчиться. Чтò тамъ ни говори о моей мнительности, а я очень хорошо чувствую, что у меня въ горлѣ и груди неладно; кашель не проходитъ, кровь показывается раза два въ недѣлю, я безъ намордника (сирѣчь респиратора) носа не могу показать на дворъ. Гдѣ ужъ тутъ о весенней охотѣ и пр. и пр. Надобно воды пить, да ванны брать, да радѣть о своемъ гнусномъ тѣлѣ! Это меня огорчаетъ, и я пріемлю смѣлость думать, что и васъ обоихъ огорчитъ тоже. Чтò дѣлать! „Скачи враже, якъ панъ каже". На охотѣ вспоминайте обо мнѣ... А кажется, по извѣстіямъ изъ деревни, *Бубулька* едва ли не приказала долго жить... Нездоровье вашей собаки нехорошо, любезный Аѳ. Аѳ. Надо ее вылѣчить; боюсь я немножко, какъ бы она не оказалась слабою въ поискѣ. А какъ бы мы поохотились! Ахъ, лучше не говорить объ этомъ!

„Но вы не покидайте мысли о *Кальнѣ;* переговорите на мѣстѣ и толковымъ образомъ съ дядей; я готовъ на все, чтобъ имѣть васъ сосѣдомъ.

„Не сердитесь на меня, а разсудите: мнѣ самому невесело. Отъ души обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь навсегда

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа 20 марта 1860:

„Милые друзья, Фетъ и Маша! Наконецъ, и только дней пять тому назадъ получилъ я твою посылку, и не знаю, какъ просить у тебя прощенія за хлопоты, какія причинила тебѣ эта посылка. Нашъ московскій почтамтъ, должно-быть, набитъ дураками, которые не разумѣютъ своего дѣла, потому что я прошлаго года посылалъ въ Парижъ *Дворянское гнѣздо* безъ малѣйшихъ затрудненій, просто „sous bande", т. е. обернувъ ее узенькою бумажкой и написавъ на ней адресъ. Точно

такъ и тебя просилъ я переслать мнѣ *Наканунѣ*, но, къ сожалѣнію, ты не обратилъ вниманія на мое слово „sous bande" и вмѣсто этого отправилъ въ видѣ посылки. Почему же петербургскій почтамтъ принимаетъ, а московскій нѣтъ? Экая чепуха!!!

„Не смотря на всѣ недоразумѣнія, *Наканунѣ*, я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю, есть ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и чтобы скрыть эту небрежность, а можетъ-быть и неопредѣленность фунтаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный Болгаръ рѣшительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по утиному и любитъ глотать цѣликомъ. Но я думаю, едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что̀ можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и всетаки я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни.

„Что касается до *Грозы* Островскаго, то я „au bout de mon latin". Это лучшее произведеніе его, и никогда онъ еще не достигалъ до такой силы поэтическаго впечатлѣнія. Катерина останется типомъ. И какая обстановка!—эта фантастическая барыня, эта полуразвалившаяся и заброшенная церковь, эта идиллія, озаренная зловѣщимъ предчувствіемъ неминуемаго и страшнаго горя,—все это превосходно, широко, сильно и

мягко. Я послалъ Островскому письмо на имя Дружинина, полагая, что теперь Островскій въ Петербургѣ.

„Я еще въ прошломъ письмѣ писалъ тебѣ, что я совершенно одобряю твое намѣреніе купить деревню, если только при ней будетъ вода (только бы не прудъ). И тысячу разъ ты правъ, говоря, что ничего нѣтъ хуже въ жизни, особенно въ семейной,—неопредѣленнаго висѣнія между небомъ и землей. Сто верстъ по шоссе—пріятнѣйшая поѣздка. Только повторяю, чтобы была какая-нибудь рѣчка. Да я думаю, что ты и заниматься хозяйствомъ способенъ. Кстати, что̀ хозяйство Л. Толстаго, которое онъ устраивалъ и о которомъ такъ много говорилъ? Лѣченіе мое приближается къ концу, и авось въ апрѣлѣ доктора отпустятъ меня, но я такъ залѣчился, что въ себя еще придти не могу и даже не повѣрю собственной свободѣ.

„Пожалуйста передайте Толстому, что я ношу его въ сердцѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Л. Толстой писалъ отъ 27 марта 1860:

„Какъ вы обрадовали меня вашими планами, любезный дяденька, не могу вамъ сказать. Но обрадовали не одного меня, но и всѣхъ нашихъ, начиная отъ тетушки и даже до пьянаго монаха. Трепещу только изъ-за одного: чтобъ изъ-за какого-нибудь вздора это не разрушилось. Вещественныя условія возможности вашего пребыванія въ Ясной—всѣ, мнѣ кажется, есть. Желаніе мое, чтобъ оно было, такъ сильно, что я бы сдѣлалъ эти условія, ежели бы ихъ не было, пробилъ бы еще три стѣны и самъ бы жилъ на трубѣ;—стало-быть, это должно быть. Разумѣется, тутъ пропасть маленькихъ условій, которыя нужно опредѣлить. Въ какомъ домѣ и въ какихъ комнатахъ лучше захочетъ жить Марья Петровна, куда будетъ входить и выходить Марьюшка и т. д. Да еще, куда поставить лошадей: въ особую ли конюшню, на дворъ ли къ мужику за три версты, или къ брату въ Пирогово? Короста еще есть, и хотя я своихъ чистыхъ лошадей ставлю въ Ясной, вашихъ лошадей надо будетъ устроить иначе. Но вообще обо всемъ надо переговорить.

Пріѣзжайте непремѣнно, когда поѣдете въ Серпуховъ. Какъ мы будемъ гулять съ Марьей Петровной! она останется довольна садомъ. Какъ и о какихъ славныхъ дѣлахъ, какъ-то: педагогіи, хозяйствѣ и пускай хоть и поэзіи—мы будемъ бесѣдовать съ вами и Фирдуси. Но ничего, ничего, молчаніе... Жду васъ и вашего отвѣта. Цѣлую руку Марьи Петровны, и прошу ее въ случаѣ затрудненій разрѣшить ихъ на манеръ Гордіевыхъ узловъ, по-женски. Въ Москву теперь я, должно быть, не пріѣду. До свиданія!

Л. Толстой.

На этотъ разъ въ отсутствіе Нади мы не слишкомъ торопились отъѣздомъ въ Новоселки. Въ виду возможности переѣзда по лѣтнему пути, я еще съ осени купилъ старинный четверомѣстный дормезъ, какихъ при желѣзныхъ дорогахъ и менѣе выносливыхъ лошадяхъ теперь уже не дѣлаютъ,—съ раскидными постелями, съ большимъ зеркаломъ, выдвигавшимся на мѣсто переднихъ стеколъ, со всевозможными туалетными приспособленіями и ревербером для ночнаго чтенія. Къ счастію нашему, намъ приходилось ѣхать по Тульско-Орловско-Харьковскому шоссе, и доведенныя до изнеможенія почтовыя были въ состояніи везти четверкой громоздкую, но легкую на ходу карету безъ затрудненія. Конечно, мы не отказали себѣ въ удовольствіи заѣхать на два дня въ Ясную Поляну, гдѣ къ довершенію радости застали дорогаго Н. Н. Толстаго, заслужившаго самобытною восточною мудростью—прозваніе *Фирдуси.* Сколько самыхъ отрадныхъ плановъ нашего пребыванія въ Ясно-Полянскомъ флигелѣ со всѣми подробностями возникали между нами въ эти два дня. Никому изъ насъ не приходила въ голову полная несостоятельность этихъ плановъ.

Такъ какъ въ каретѣ у насъ было четвертое мѣсто, а графъ Ник. Ник. сбирался въ наше ближайшее сосѣдство, свое Никольское, то мы весело рѣшили доѣхать вмѣстѣ до Новоселокъ. При видимомъ упадкѣ силъ и удушливомъ кашлѣ, милый Никол. Никол. сохранилъ свой добродушный юморъ, и его общество помогало намъ забывать скуку переѣзда.

Въ Новоселкахъ, за исключеніемъ отсутствія хозяйки, ничто не измѣнилось; но это отсутствіе тяготѣло на всѣхъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибы причинялось смертью. Какъ правы утверждающіе, что люди руководствуются волей, а не разумомъ. О любомъ больномъ, даже объ усопшемъ не стѣсняясь говорятъ близкимъ людямъ и даже дѣтямъ, но о душевно-больномъ упорно молчатъ. Это-то невольное молчаніе такъ тяготитъ всѣхъ близкихъ. По крайней мѣрѣ, я лично все болѣе проникался сознаніемъ шаткости нашего пребыванія въ Новоселкахъ, и мысль, — отыскать несомнѣнное мѣстопребываніе, возникшая во мнѣ съ первою болѣзнью сестры, — стала настоятельно требовать неотложнаго осуществленія.

Если въ трудовой и озабоченной жизни мнѣ и представлялись удачи, то онѣ вполнѣ заслуживали этого имени, и если, бросаясь во всѣ стороны, я не попадалъ въ просакъ и не погибалъ окончательно, то это было дѣломъ судьбы, но никакъ не моей предусмотрительности.

Подъ вліяніемъ городской и матеріальной тѣсноты, всякій мало-мальски чистенькій уголокъ казался мнѣ раемъ; и впродолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, присмотрѣвъ небольшое серпуховское имѣньице, я платилъ жалованье будущему въ немъ прикащику. Конечно, надо благодарить судьбу, что покупка эта, подобно многимъ другимъ, не состоялась; въ томъ числѣ и покупка отдѣльной дачи при Тургеневскомъ Спасскомъ, носящей имя *Кальна*.

Однажды пріѣхавшій къ намъ въ половинѣ мая Ник. Ник. Толстой объявилъ, что сестра его графиня М. Н. Толстая вмѣстѣ съ братьями убѣдили его ѣхать заграницу отъ несносныхъ приливовъ кашля. Исхудалъ онъ, бѣдный, къ этому времени очень, не взирая на обычную свою худобу; и по временамъ сквозь добродушный смѣхъ прорывалась свойственная чахоточнымъ разражительность. Помню, какъ онъ разсердился, отдернувъ руку отъ руки пріѣхавшаго за нимъ его кучера, ловившаго ее для лобзанія. Правда, онъ и тутъ ничего не сказалъ въ лицо своему крѣпостному; но когда тотъ ушелъ къ лошадямъ, онъ съ раздраженіемъ въ голосѣ сталъ жаловаться мнѣ и Борисову: „съ чего вдругъ этотъ скотъ выдумалъ цѣловать руку? отъ роду этого не было“.

Тургеневъ писалъ изъ Берлина отъ 30 апрѣля 1860:

„Сегодня утромъ прибылъ я сюда, любезнѣйшій Фетъ, и сегодня же выѣзжаю отсюда въ Парижъ, но хочу воспользоваться бездѣйствіемъ сидѣнія въ комнатѣ отеля и написать вамъ слова два. Сказать вамъ, что мы претерпѣли на дорогѣ въ Россіи—невозможно; а между тѣмъ шоссе было въ отличномъ состояніи! Когда придетъ, наконецъ, то время, что... но я не хочу продолжать. До сихъ поръ Русскій дѣйствительно съ утѣшеніемъ видитъ границу своего отечества... когда выѣзжаетъ изъ него. Особенно памятна осталась мнѣ восьмичасовая переправа черезъ Двину подъ Динабургомъ, гдѣ нашъ паромъ понесло внизъ по рѣкѣ и прибило, наконецъ, назадъ къ берегу, оттого что „старому карлику-жиду, которому поручено было держать руль, прохожая богомолка старуха не во-время подперла спину". (Historique). — А начальника надъ переправой не было, потому что онъ „наканунѣ сопровождалъ Горчакова". (Тоже historique). А что̀ намъ давали ѣсть! Повѣрите ли, на одномъ кускѣ холодной и гнилой говядины увидалъ я кусокъ свѣчнаго сала, перевитый волосами! Бррр!... даже вспомнить гадко.

„Я теперь ѣду въ Парижъ, но дней черезъ десять буду въ *Соденѣ*, мѣстечкѣ между Франкфуртомъ и Висбаденомъ, гдѣ, по совѣту Здекауера, буду пить воды. Такъ какъ это въ двухъ шагахъ отъ Дармштадта, и вы мнѣ очень хвалили здѣшнихъ собакъ, то пришлите мнѣ письмо къ тамошнему вашему знакомому оберъ-ферстеру, — рекомендуйте меня. Я вамъ очень буду благодаренъ. Я былъ очень занятъ въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Петербургѣ. Я оставилъ Писемскаго опасно больнымъ и сильно безпокоюсь о немъ. Напишите мнѣ непремѣнно, какъ вы живете-можете, и что̀ дѣлаетъ серпуховская покупка? Я узналъ, что графиня М. Н. Толстая съ братомъ ѣдетъ заграницу; извѣстите пожалуйста, куда именно. Поклонитесь отъ меня вашей женѣ и милѣйшему Борисову, котораго отъ души благодарю за его послѣднее любезное письмо. Пишите мнѣ во *Франкфуртъ*, poste restante. Это вѣрнѣе всего и не франкируйте писемъ, какъ и я этого не франкирую. Впрочемъ я, не дожидаясь вашего письма, напишу вамъ изъ Парижа, разскажу, какъ и что̀ я нашелъ. Отъ до-

роги грудь моя опять разстроилась, и я кашляю мучительно. Но я надѣюсь, что я теперь отдохну хорошенько, и все это пройдетъ.

„Увидите дядю, дайте ему знать обо мнѣ: я ему напишу изъ Парижа. Да присылайте мнѣ, что̀ будетъ вамъ напѣвать ваша Муза. Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Изъ Содена онъ писалъ отъ 1 іюня того же года:

„Милѣйшій Фетъ, спѣшу извиниться передъ вами, хотя я. какъ говорится, безъ вины виноватъ. Письмо ваше находилось на почтѣ, но господа чиновники прочли: *Фургеневъ*, и еслибъ я, соображая въ одно и то же время и вашу аккуратность, и связный почеркъ, — не полюбопытствовалъ насчетъ буквы *Ф*, пропало бы ваше письмо! Но теперь я его получилъ, извиняюсь и благодарю. Благодарю за память и за письмецо къ Herr Baur'у, которымъ непремѣнно воспользуюсь. Сообщаемыя вами извѣстія меня очень интересовали. Но то, что̀ вы мнѣ сообщили о болѣзни Николая Толстаго, глубоко меня огорчило. Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть? И какъ можно было запустить такъ болѣзнь! Неужели онъ не рѣшился побѣдить свою лѣнь и поѣхать заграницу полѣчиться! Ѣздилъ онъ на Кавказъ въ тарантасахъ и чортъ знаетъ въ чемъ! Что̀ бы ему пріѣхать въ Соденъ! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь больныхъ грудью: Соденскія воды едва ли не лучшія для такихъ болѣзней. Я вамъ все это говорю за двѣ тысячи верстъ, какъ будто слова мои могутъ что-нибудь помочь... Если Толстой уже не уѣхалъ, то онъ не уѣдетъ. Вотъ какъ насъ всѣхъ ломаетъ судьба; поневолѣ повторишь слова Гетё въ *Эгмонтѣ*: „Und von unsichtbaren Geistern gepeitscht gehen die Sonnenpferde der Zeit mit unseres Schicksals leichtem Wagen durch, und uns bleibt nichts als muthig—, die Zügel fest zu halten und bald rechts, bald links, vom Steine hier, vom Sturze da, die Reder abzulenken. Wohin es geht, wer weiss es?"

„Und wenn es zum Tode gehen soll — прибавлю я; тутъ ничѣмъ не поможешь и ничѣмъ не удержишь бѣшеныхъ коней.

„Нѣтъ, я думаю вообще, что ваше воззрѣніе на моего брата справедливо. Однако вы не могли оцѣнить одну его сторону, которую онъ выказываетъ только между своими, и то когда онъ ничѣмъ не стѣсненъ,—а именно юморъ. Да, этотъ русскій французъ большой юмористъ,—вѣрьте моему слову,—я отъ него хохоталъ (и не я одинъ) до колики въ боку. Но умъ у него весьма обыкновенный. Это между нами, какъ само собою разумѣется. Мнѣ пріятно, что *Первая любовь* нравится Толстымъ: это ручательство. Придѣлалъ же я старушку на концѣ, вопервыхъ, потому что это дѣйствительно такъ было, а вовторыхъ, потому что безъ этого отрезвляющаго конца крики на безнравственность были бы еще сильнѣе.

„Милому Ивану Петровичу пожмите крѣпко руку за его любезныя строки. Я часто переношусь мыслью въ ваши края и воображаю себя сидящимъ на широкомъ балконѣ Новосельскаго дома. Это хорошо, что вы поступили въ благородный цехъ шахматистовъ; лучшаго учителя, чѣмъ Иванъ Петровичъ, вамъ не нажить. Я переѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня обирали какъ липку, и поселился въ маленькомъ домикѣ, стоящемъ лицомъ къ широкому пестро-зеленому полю,—у одной нѣмки, добродушной до невѣроятности. Пишите мнѣ просто въ Соденъ, возлѣ Франкфурта-на-Майнѣ. На почтѣ меня знаютъ. Обнимаю васъ и Борисова и кланяюсь всѣмъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

P. S. „Если Николай Толстой не уѣхалъ, бросьтесь ему въ ноги, а потомъ гоните его въ шею заграницу. Здѣсь, напримѣръ, такой мягкій воздухъ, какого въ Россіи никогда и нигдѣ не бываетъ".

Вѣроятно, въ отвѣтъ на какой-либо восторженный отзывъ мой о его талантѣ, Л. Толстой писалъ отъ 20 іюня 1860:

„Не только не обрадовался и не возгордился вашимъ письмомъ, любезный другъ Аѳ. Аѳ., но ежели бы повѣрилъ ему совсѣмъ, то очень бы огорчился. Это безъ фразы. Писатель вы, писатель и есть, и дай Богъ вамъ и намъ. Но что вы сверхъ того хотите найти мѣсто и на немъ копаться, какъ

муравей, эта мысль не только должна была придти вамъ, но вы и должны осуществить ее лучше, чѣмъ я. Должны вы это сдѣлать потому, что вы и хорошій, и здраво смотрящій на жизнь человѣкъ. Впрочемъ, не мнѣ и теперь докторальнымъ тономъ одобрять или не одобрять васъ: я въ большомъ разладѣ самъ съ собою. Хозяйство въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно ведется у меня, давитъ меня; юфанство гдѣ-то вдали виднѣется только мнѣ; семейныя дѣла, болѣзнь Николиньки, отъ котораго изъ-заграницы нѣтъ еще извѣстій, и отъѣздъ сестры (она уѣзжаетъ отъ меня черезъ три дня)—съ другой стороны давятъ и требуютъ меня. Холостая жизнь, т.-е. отсутствіе жены, и мысль, что ужь становится поздно,—съ третьей стороны мучаетъ. Вообще все мнѣ нескладно теперь. По причинѣ безпомощности сестры и желанія видѣть Николая, я завтра на всякій случай беру паспортъ за границу и, можетъ-быть, поѣду съ ними; особенно ежели не получу, или получу дурныя вѣсти отъ Николая. Какъ бы я дорого далъ, чтобы видѣть васъ передъ отъѣздомъ, сколько бы хотѣлось вамъ сказать и отъ васъ узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поѣдемъ изъ Ясной въ четвергъ, а скорѣе въ пятницу.—Теперь о хозяйствѣ: цѣна которую съ васъ просятъ, недорога, и ежели мѣсто вамъ по душѣ. то надо купить. Одно, зачѣмъ такъ много земли? Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ, что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т.-е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій огрѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того, чтобъ онѣ давали, 30, 40% съ капитала основнаго и оборотнаго, а 80, 100 десятинъ—нельзя. Пожалуйста не пропустите этого совѣта мимо ушей, это не *такъ себѣ болтовня*, а выводъ, до котораго я дошелъ „боками“. Кто вамъ скажетъ противное, тотъ или лжетъ, или не знаетъ. Мало того, и съ 15-ю десятинами нужна дѣятельность, поглощающая всего. Но тогда можетъ быть награда, одна изъ самыхъ пріятныхъ

въ жизни, а съ 90 десятинами есть трудъ почтовой лошади, и не можетъ быть успѣха. Не нахожу словъ обругать себя, что я раньше не написалъ вамъ, тогда бы вы вѣрно пріѣхали. Теперь прощайте. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Борисову.

Л. Толстой.

Отъ 28 іюня 1860 онъ писалъ изъ Москвы:

„Любезный другъ Аѳ. Аѳ., я позволилъ себѣ безъ вашего позволенія попросить отъ вашего имени хозяйку г-жу Сердобинскую помѣстить наши двѣ кареты до зимы, или до того времени, когда будетъ случай. Я, кажется, поѣду съ сестрой заграницу. Отъ братьевъ со времени отъѣзда нѣтъ писемъ. Обнимаю васъ и Ивана Петровича, кланяюсь Марьѣ Петровнѣ. Я напишу вамъ изъ-заграницы, и вы пишите,—ежели скоро, то въ Соденъ. Ежели будете писать Сердобинской, то подтвердите ей о каретахъ.

Л. Толстой.

Почти въ это же время графъ Н. Н. Толстой прислалъ письмо изъ Петербурга:

„Любезные друзья, Аѳанасій Аѳанасьевичъ и Иванъ Петровичъ, исполняю обѣщаніе мое даже раньше, чѣмъ обѣщалъ; я хотѣлъ писать изъ-заграницы, а пишу изъ Петербурга. Мы уѣзжаемъ въ субботу, т.-е. завтра. Я совѣтовался съ Здекауеромъ, онъ петербургскій докторъ, а вовсе не берлинскій, какъ мнѣ показалось, читая письмо Тургенева. Воды, на которыхъ Тургеневъ теперь находится, *Соденъ,*—насъ туда же посылаютъ. Слѣдовательно, мой адресъ тоже во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, poste restante.

„Когда вы были у меня, я васъ, Аѳан. Аѳан., забылъ просить объ одномъ, очень важномъ одолженіи. Я приказалъ моему старику прикащику, если будетъ очень нужно меня о чемъ-нибудь увѣдомить,—посылать свои письма къ вамъ, а вы будете такъ добры пересылать ихъ мнѣ, и для этого, когда будете уѣзжать изъ Новоселокъ, дайте ѐму вашъ адресъ. Что̀ здоровье Марьи Петровны, которой я отъ души свидѣ-

тельствую мое истинное почтеніе. Неужели у васъ тоже такіе холода? — здѣсь въ Петербургѣ страсть! холодъ, вѣтеръ, по утрамъ морозъ, просто чортъ знаетъ что! Прощайте. милые друзья, будьте здоровы.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

Вслѣдъ за этимъ получилъ я отъ него второе письмо уже изъ Содена:

„Не дождавшись отъ васъ посланія, пишу къ вамъ, чтобы васъ увѣдомить, что я благополучно пріѣхалъ въ Соденъ; впрочемъ при моемъ пріѣздѣ изъ пушекъ не стрѣляли. Въ Соденѣ мы застали Тургенева, который живъ, здоровъ, и здоровъ такъ, что самъ признается, что онъ *совершенно* здоровъ. Нашелъ какую-то нѣмочку и восхищается ею. Мы (это относится къ милѣйшему Ивану Петровичу) поигрываемъ въ шахматы, но какъ-то нейдетъ: онъ думаетъ о своей нѣмочкѣ, а я о своемъ выздоровленіи. Если я нынѣшнею осенью пожертвовалъ, то къ будущей осени я долженъ быть молодцомъ. Соденъ прекрасное мѣсто, нѣтъ еще недѣли, какъ я пріѣхалъ, а чувствую себя уже очень и очень лучше. Живемъ мы съ братомъ, на квартирѣ, три комнаты, двадцать гульденовъ въ недѣлю, table d'hôte—гульденъ, вино запрещено, поэтому вы можете видѣть, какое скромное мѣсто Соденъ, а мнѣ онъ нравится. Противъ оконъ моихъ стоитъ очень неказистое дерево, но на немъ живетъ птичка и поетъ себѣ каждый вечеръ; она мнѣ напоминаетъ флигель въ Новоселкахъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Марьѣ Петровнѣ и будьте здоровы, друзья мои, да пишите почаще. Я въ Соденѣ, кажется, надолго, недѣль на шесть по крайней мѣрѣ. Путешествія не описывалъ, потому что все время былъ боленъ. Еще разъ прощайте.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

19 іюля того же года онъ писалъ:

„Я бы давно написалъ вамъ, любезные друзья мои, но мнѣ хотѣлось написать вамъ обо всѣхъ, составляющихъ нашу Толстовскую колонію, но тутъ произошла ужасная путаница, которая наконецъ распуталась слѣдующимъ образомъ: сестра

съ дѣтьми пріѣхала въ Соденъ и будетъ въ немъ жить и лѣчиться, дядя Леушка остался въ Киссингенѣ въ пяти часахъ отъ Содена, и не ѣдетъ въ Соденъ, такъ что я его не видалъ. Письмо ваше я отправилъ къ Левочкѣ съ братомъ Сергѣемъ, который будетъ въ Киссингенѣ проѣздомъ въ Россію. Онъ скоро у васъ будетъ и все вамъ подробно разскажетъ. Извините, добрѣйшій Аѳан. Аѳан., что я прочиталъ ваше письмо къ брату, много въ немъ правды, но только гдѣ вы говорите объ общемъ; а гдѣ вы говорите о самомъ себѣ, тамъ вы неправы, все тотъ же недостатокъ практичности: себя и кругомъ себя ничего не знаешь. Но вѣдь не боги горшки обжигали; бросьтесь въ практичность, окунитесь въ нее съ головой, и я увѣренъ, что она вытѣснитъ изъ васъ байбака, да еще выжметъ изъ васъ какую-нибудь лирическую штучку, которую мы съ Тургеневымъ, да еще нѣсколько человѣкъ прочтемъ съ удовольствіемъ. А на остальной міръ—плевать! За что̀ я васъ люблю, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан.,—за то, что все въ васъ правда, все что̀ изъ васъ, то въ васъ, нѣту фразы, какъ, напримѣръ, въ милѣйшемъ и пр. Иванѣ Сергѣевичѣ. А очень стало мнѣ безъ него пусто въ Соденѣ, не говоря уже о томъ, что шахматный клубъ разстроился. Даже аппетитъ у меня сталъ не тотъ, съ тѣхъ поръ, какъ не сидитъ подлѣ меня его толстая и здоровая фигура и не требуетъ придачи то моркови къ говядинѣ, то говядины къ моркови. Мы часто о васъ говорили съ нимъ, особенно послѣднее время: „вотъ Фетъ собирается, вотъ Фетъ ѣдетъ, наконецъ Фетъ стрѣляетъ“. Иванъ Сергѣевичъ купилъ собаку,—черный полукровный понтеръ. Я воды кончилъ; намѣренъ дѣлать разныя экскурсіи, но всетаки моя штабъ-квартира въ Соденѣ и адресъ тотъ же. Сестра кланяется, какъ вамъ, такъ и Ивану Петровичу и проситъ увѣрить Марью Петровну въ искренней ея къ ней дружбѣ и уваженіи. Я съ своей стороны прошу Марью Петровну не забывать меня, который никогда не забудетъ ея милое гостепріимство въ Козюлькинѣ и Сердобинкѣ. Какъ бы поскорѣе туда подъ ваше крылышко! Погода здѣсь отвратительная. Цѣлую васъ отъ души.

Весь вашъ *гр. Ник. Толстой.*

Между тѣмъ, единовременно, хотя совершенно въ другомъ тонѣ, писалъ мнѣ Дружининъ отъ 26 іюня 1860:

„Добрый и многоуважаемый Аѳан. Аѳан., увѣдомляйте контору о перемѣнѣ адреса просто отъ себя, какъ подписчикъ; высылка будетъ производиться исправнѣе, ибо для этихъ дѣлъ ведется тамъ особливая книга.

„Насчетъ вашего намѣренія не писать и не печатать болѣе, скажу вамъ то же, чтò Толстому: пока не напишется чего-нибудь хорошаго, исполняйте ваше намѣреніе, а когда напишется, то сами вы и безъ чужаго побужденія измѣните этому намѣренію. Держать хорошіе стихи и хорошую книгу подъ спудомъ невозможно, хотя бы вы давали тысячу клятвъ, а потому лучше и не собирайтесь. Эти два или три года и Толстой, и вы находитесь въ непоэтическомъ настроеніи, и оба хорошо дѣлаете, что воздерживаетесь; но чуть душа зашевелится и создастся что-нибудь хорошее, оба вы позабудете воздержаніе. Итакъ, не связывайте себя обѣщаніями, тѣмъ болѣе, что ихъ отъ васъ обоихъ никто и не требуетъ. Въ рѣшимости вашей и Толстаго, если я не ошибаюсь, нехорошо только то, что она создалась подъ вліяніемъ какого-то раздраженія на литературу и публику. Но если писателю обижаться на всякое проявленіе холодности или бранную статью, то некому будетъ и писать, развѣ кромѣ Тургенева который какъ-то умѣетъ быть всеобщимъ другомъ. Къ сердцу принимать литературныя дрязги, по-моему, то же, чтò, ѣздя верхомъ, сердиться на то, что ваша лошадь невѣжничаетъ въ то время, когда вы, можетъ-быть, сидя на ней, находитесь въ поэтическомъ настроеніи мыслей. Про себя могу сказать вамъ, что я бывалъ обругиваемъ и оскорбляемъ, какъ лучше требовать нельзя, однакоже не лишался отъ того и частички аппетита, а напротивъ, находилъ особенное наслажденіе въ томъ, чтобы сидѣть крѣпко и двигаться впередъ, и конечно, не брошу писать до тѣхъ поръ, пока не скажу всего, чтò считаю нужнымъ высказать.

„Прощайте, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., будьте здоровы, плюньте на хандру и не забывайте

душевно преданнаго вамъ *Ал. Дружинина.*

Тургеневъ писалъ изъ Содена отъ 29 іюня 1860:

„Сегодня Петровъ день, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., Петровъ день и я не на охотѣ! Воображаю себѣ васъ съ Борисовымъ, съ Аѳанасіемъ, со Снобомъ, Весной и Дон-даномъ на охотѣ въ Полѣсьѣ... Вотъ поднимается чернышъ изъ куста—трахъ! закувыркается о-земь краснобровый... или удираетъ вдаль къ синѣющему лѣсу, рѣзко дробя крылами, и глядитъ ему вслѣдъ и стрѣлокъ, и собака... не упадетъ ли, не свихнется ли... Нѣтъ, чешетъ, разбойникъ, все далѣе и далѣе, закатился за лѣсъ,—прощай! А я сижу здѣсь въ Соденѣ, пью воду и только вздыхаю! Впрочемъ, я сегодня ходилъ по здѣшнимъ полямъ, пробовалъ собаку: оказалась тяжелымъ пиль-авансомъ; завтра хотѣли привести другую: говорятъ, та гораздо лучше;—посмотримъ; но сердце чуетъ, что не замѣню я ни Діанки, ни Бубульки.—Вы просто золотой человѣкъ на письма: нельзя“...

Куртавнель 9 іюля.

.... „Письмо это оборвалось какъ нитка, какъ слишкомъ высоко взятая нота, какъ нѣкоторыя изъ комедій Островскаго, но я не переставалъ думать о васъ. Вопервыхъ, я получилъ два милыя письма отъ васъ; вовторыхъ, я съѣздилъ въ Дармштадтъ, познакомился съ милѣйшимъ германцемъ Бауромъ, который сохраняетъ самое дружелюбное воспоминаніе о васъ, и который помогъ мнѣ достать хорошую собаку, за которую я и заплатилъ недорого, и „за все, за все тебя благодарю я“. Собаку эту зовутъ *Фламбо*, она черная какъ уголь, помѣсь англійской съ нѣмецкою породой. Послѣ Петрова дня я провелъ еще недѣлю въ Соденѣ, съ радостью узналъ о пріѣздѣ Марьи Николаевны и Льва Николаевича въ Соденъ, но дождаться ихъ не могъ, и вотъ теперь нахожусь въ Куртавнелѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ мы такъ неистово спорили, гдѣ опять передъ окномъ разстилается водное пространство, покрытое зеленою плѣсенью. Я здѣсь останусь дней восемь и потомъ отправлюсь на островъ Уайтъ, гдѣ пробуду до конца августа. Вы однако пишите мнѣ въ Парижъ. Толстому Николаю не слишкомъ помогъ Соденъ; къ сожалѣнію, онъ поздно спохватился, и болѣзнь его сдѣлала такіе шаги, что уже едва ли возможно поправить дѣло. Я отъ души полюбилъ его, и очень мнѣ его жалко. Пожалуйста, напишите мнѣ подробности

о вашей охотѣ, о Снобѣ и пр. Меня это крайне интересуетъ. Отъ литературы я, слава Богу, отсталъ за это послѣднее время, это очень освѣжительно. Рекомендую вамъ однако швабскаго (уже старика) поэта Мёрике (Möhrike), который, вѣроятно, вамъ понравится: много граціи и чувства. Также прошу васъ не терзаться насчетъ употребленія вашего капитала, а скорѣе поздравить себя съ тѣмъ, что вы до сихъ поръ не употребили его на какую-нибудь фантасмагорію. Придетъ время, найдется употребленіе.. Ну, итакъ будьте здоровы, веселы, предавайтесь охотѣ и Музы не забывайте. Говорятъ, у васъ погода отличная, а у насъ мерзость несказанная. Еще разъ жму вамъ руку и прошу передать мой поклонъ вашей женѣ, Борисову и всѣмъ мценскимъ знакомымъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 16 іюля того же года онъ писалъ изъ Куртавнеля:

„Милѣйшій Аѳан. Аѳан., я уже писалъ вамъ отсюда, но вчера получилъ здѣсь ваше письмо, пущенное отъ 2 іюля изъ Мценска (почта у насъ, какъ капризная женщина, всегда удивляетъ неожиданностью)—и спѣшу отвѣчать. Я до нѣкоторой степени даже обязанъ отвѣчать, ибо вы находитесь въ хандрѣ, по милости рефлексіи, которую, по вашимъ словамъ, *я на васъ накликалъ.* Вотъ тебѣ и разъ! Вопервыхъ, сколько мнѣ помнится, вы уже до знакомства со мною были заражены этою, какъ вы говорите, эпидеміей; а вовторыхъ, въ нашихъ спорахъ я всегда возставалъ противъ вашихъ прямолинейно-математическихъ отвлеченностей и даже удивлялся тому, какъ онѣ могутъ уживаться съ вашей поэтическою натурой. Но дѣло не въ томъ. Мнѣ хочется разсѣять одно ваше заблужденіе. Вы называете себя отставнымъ офицеромъ, поэтомъ, человѣкомъ (да кто не отставной человѣкъ? скажу я; Sire, qui est-ce qui a des dents?)—и приписываете ваше увяданіе, вашу хандру отсутствію правильной дѣятельности... Э! душа моя! все не то... Молодость прошла, а старость не пришла,—вотъ отчего приходится тяжко. Я самъ переживаю эту трудную сумеречную эпоху порывовъ тѣмъ болѣе сильныхъ, что они уже ничѣмъ не оправданы, эпоху покоя безъ отдыха, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, и сожалѣній, похожихъ на надежды.

Потерпимъ маленько, потерпимъ еще, милѣйшій Аѳ. Аѳ., и мы въѣдемъ наконецъ въ тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой дѣятельности и даже старческихъ радостей, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ Маркъ Туллій Цицеронъ въ своемъ трактатѣ: „De senectute". Еще нѣсколько сѣдинъ въ бороду, еще зубочекъ или два изо рту вонъ, еще маленькій ревматизмецъ въ поясницу или въ ноги, и все пойдетъ, какъ по маслу! А пока, чтобы время не казалось слишкомъ продолжительнымъ, будемте стрѣлять тетеревей. Кстати о тетеревахъ; я надѣялся, что получу отъ васъ описаніе вашихъ первыхъ охотъ въ Полѣсьѣ, а вы только еще собираетесь!—Это худо. Увѣренъ, что объ эту пору вы уже загладили свою вину и наохотились вдоволь. А во Франціи Богъ знаетъ когда наступитъ время охоты! Здѣсь у насъ стоитъ настоящая зима, зубъ-на-зубъ не попадешь, ежедневные холода—мерзость! Никто не можетъ сказать, когда начнется и кончится жатва. Впрочемъ, что за охота! Вѣчные куропатки и зайцы! Что же касается до времени моего возвращенія на родину, то я пока ничего опредѣлительнаго сказать не могу. На дняхъ разрѣшится вопросъ: придется ли мнѣ зиму провести въ Парижѣ, или вернусь я къ вальдшнепамъ въ Спасское. А насчетъ покупки земли, употребленія вашего капитала и т. д. позвольте вамъ дать одинъ совѣтъ: не давайте этой мысли васъ грызть и тревожить, не давайте ей принять видъ d'une idèe fixe. „Не хлопочи"—сказалъ мудрецъ Тютчевъ,—„безумство ищетъ",—придетъ часъ, придетъ случай, и прекрасно. А метаться навстрѣчу часа, навстрѣчу случая—безумство. „Tout vient à point a qui sait attendre". Имѣнье невозможно покупать съ точки зрѣнія, что дѣлать, молъ, нечего!

„Толстые, сколько я могу предполагать, всѣ въ Соденѣ; вѣроятно, кто-нибудь изъ нихъ написалъ мнѣ въ Парижъ. Я отсюда ѣду черезъ нѣсколько дней въ Англію, на островъ Уайтъ, на морскія купанья, если только море не замерзло. Тысячу разъ кланяюсь вашей женѣ, Борисову и вамъ крѣпко жму руку и остаюсь невинный въ зараженіи васъ рефлексіей.

Ив. Тургеневъ.

В. Боткинъ писалъ изъ Лондона отъ 31 іюля 1860 года:

„Простите меня, любезный другъ Фетъ и милая Маша, что я давно не писалъ къ вамъ. Причина тому была, что я былъ въ сквернѣйшемъ душевномъ состояніи, которое продолжается до сихъ поръ. Вотъ уже два мѣсяца съ половиной, какъ я страдаю насморкомъ. Вы, конечно, улыбнетесь этому слову „страдаю", но увы! это такъ. Не понимаю, какъ произошло, что мой насморкъ сдѣлался хроническимъ, я потерялъ обоняніе и вкусъ съ самаго моего пріѣзда въ Лондонъ, т. е. уже мѣсяцъ, принялся за лѣченіе, перемѣнилъ двухъ докторовъ, не знаю, будетъ ли лучше съ третьимъ, который держитъ мой носъ надъ паромъ и проч., такъ что я не могу выходить. О купаньѣ въ морѣ нечего и думать, при этомъ страшная тяжесть въ головѣ, которая по вечерамъ обращалась во всеобщій malaise всего организма. Въ результатѣ всего этого сплинъ. Но довольно о своихъ мизеріяхъ. Вотъ уже другой разъ, какъ я пишу къ тебѣ объ одномъ и томъ же предметѣ, т. е. о предполагаемой тобою покупкѣ земли. Говорю по совѣсти и откровенно: соображенія твои и твой планъ жизни я считаю здравымъ и основательнымъ. Что касается до самой земли, ея качества, цѣны, тутъ я ничего сказать не могу, какъ и вообще о финансовой сторонѣ вопроса, ибо я этого дѣла не разумѣю, и въ этомъ ты лучшій судья. Но покупку земли и занятіе хозяйствомъ я считаю самымъ основательнымъ дѣломъ. Это уже и въ томъ отношеніи хорошо, что дастъ тебѣ постоянное занятіе. Не понимаю, почему ты, Маша, такъ отрицательно смотришь на это? Что такъ пугаетъ тебя въ этомъ? Даже въ случаѣ потери, тутъ большой потери быть не можетъ, и я для успокоенія тебя гарантирую тебѣ эту потерю. Да потомъ пора же, наконецъ, пожить на своей землѣ, въ своемъ гнѣздѣ. Я не могу понять, въ чемъ состоитъ прелесть жизни въ Москвѣ. Но и въ такомъ случаѣ ты всетаки можешь зимой два мѣсяца провести въ Москвѣ. Словомъ, я за житье въ деревнѣ, въ своемъ углу, у себя дома. А выше еще этого—это дѣятельность, которая займетъ Ѳета и дастъ ему ту душевную осѣдлость, которую ты, Маша, не довольно цѣнишь въ мужѣ, ибо литература теперь для него не представляетъ того, что представляла прежде,

при ея созерцательномъ направленіи. Я еще и прежде, когда ты предполагалъ купить землю у Тургенева, былъ того же мнѣнія, какъ теперь. А кстати, есть ли рѣка на землѣ Р—аго? Жаль, если нѣтъ ея. Дѣло въ томъ, что покупка земли не есть какое-нибудь рискованное предпріятіе, въ которомъ можно все потерять. Цѣнность земли въ Россіи упадать не можетъ. Что до свободнаго труда, то пожалуй, при непривычкѣ русскаго мужика къ нему, — дѣло вначалѣ и можетъ идти не совсѣмъ хорошо; но вѣдь я этого не знаю; это надо судить на мѣстѣ, переговоря съ мужиками;—можетъ-быть и тутъ опасенія окажутся напрасными. А ты, Фетъ, я думаю, можешь быть хорошимъ хозяиномъ при твоемъ практическомъ смыслѣ. Съ Богомъ за дѣло! Тургеневъ хотѣлъ быть сюда проѣздомъ на островъ Уайтъ и Анненковъ. Я никого не вижу и даже не выхожу.

Вашъ *В. Боткинъ.*

XI.

Покупка Степановки.—Разговоръ по поводу этой покупки съ Ник. Ник. Тургеневымъ.—Знакомство съ княземъ Г—ымъ.—Извѣстіе о смерти Николая Толстаго. Въ Москвѣ.—Переговоры съ О—кимъ по просьбѣ Тургенева.—Старикъ Григорьевъ.—Моя болѣзнь по случаю вывиха руки.—Пріѣздъ брата, и его тройка лошадей.

Во времена моего студенчества, берега рѣки Неручи, отдѣляющей на юго-востокѣ Мценскій уѣздъ отъ Мало-Архангельскаго, слыли обѣтованною страной для ружейныхъ охотниковъ. Моло-по-малу безалаберная охота и осушеніе болотъ оставили Неручи только славное имя, произносимое нынѣ безъ всякаго волненія. Въ концѣ іюля 1860 года я по старой памяти отправился изъ Новоселокъ на Неручь на охоту, избравъ главнымъ центромъ сельцо Ивановское, имѣніе моего зятя А. Н. Ш—а, женатаго на родной сестрѣ моей Любенькѣ. Они видимо обрадовались моему пріѣзду и старались по возможности устроить меня поудобнѣе. Не смотря на очевидную практичность и опытность въ хозяйствѣ, Александръ Никитичъ видимо не могъ выпутаться изъ петель долговъ, которыя успѣлъ надѣть на свою и на женину шею въ первое время ихъ женитьбы, при устройствѣ полной усадьбы на землѣ, на которой ничего не было. Правда, покойный нашъ отецъ сначала усердно помогалъ зятю въ постройкѣ, но впослѣдствіи, по случаю строптивости послѣдняго, совершенно откачнулся отъ Ивановскаго. Къ этому надо прибавить, что небольшой флигель Ш—ыхъ, крытый соломой, въ которомъ я былъ проѣздомъ на службу въ Херсонскую губернію, годъ тому назадъ до описываемаго времени сгорѣлъ. Но въ настоя-

щій пріѣздъ я нашелъ уже въ Ивановскомъ великолѣпный, хотя не вполнѣ еще отдѣланный, деревянный домъ, крытый желѣзомъ. Замѣтивъ мое удивленіе по поводу такой скорой постройки, зять мой, со свойственною ему флегмой, разсказалъ, что онъ этотъ домъ купилъ, какъ есть цѣликомъ, верстъ за тридцать, у одной барыни, которая не стала въ немъ жить,. гонимая привидѣніями, и продала его за 1.500 рублей. „Ты увидишь, сказалъ мнѣ Алекс. Никит., какія исправныя лошади у нашихъ мужиковъ; не менѣе исправны и опекунскія Глазовскія; да старикъ князь Г—ъ далъ мнѣ на подмогу пятьсотъ подводъ. Плотники у насъ свои: разобрали и, вотъ видишь, перевезли".

Надо отдать справедливость Ш—ымъ, что, при постоянномъ денежномъ стѣсненіи, они оба умѣли вести домъ образцово. Можно сказать, что все у нихъ блистало чистотой, начиная со столоваго и постельнаго бѣлья и кончая послѣднею тарелкой; и обычныя четыре блюда за обѣдомъ въ два часа и за ужиномъ въ восемь часовъ—приготовлены были мастерски.

— Вотъ, сказалъ мнѣ Алекс. Никит. послѣ обѣда за чашкой кофе,—ты меня просилъ поискать для тебя небольшой клокъ земли, и мнѣ кажется, что я нашелъ какъ разъ чтò тебѣ нужно, въ трехъ верстахъ отъ насъ. Если хочешь, я велю сейчасъ осѣдлать лошадей, и мы черезъ часъ вернемся, осмотрѣвъ имѣніе.

Минутъ черезъ десять двѣ прекрасно засѣдланныя лошади стояли у крыльца, и мы отправились въ недальнюю поѣздку. Черезъ четверть часа на открытой степи показалась зеленая купа деревьевъ, на которую приходилось продолжать нашъ путь. Со жнивьевъ, по которымъ мѣстами броди. а скотина, лошади наши вдругъ перешли на мягко распахан'ый черноземъ, какъ-то пушисто хлопавшій подъ конскими копытами.

— Вотъ мы уже и на твоей будущей землѣ, замѣтилъ Алекс. Никит.,—а вонъ та высокая соломенная крыша влѣво отъ лѣсочка,—твой будущій домъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы остановились у крыльца совершенно новаго деревяннаго дома и съ трудомъ докликались человѣка, которому сдали лошадей. Видно было, кто до-

микъ, въ который мы входили, едва оконченъ постройкой самаго необходимаго и требуетъ еще многаго, чтобы сдѣлаться жилымъ, особливо въ зимнее время. При крайней скромности требованій, расположеніе комнатъ показалось мнѣ удовлетворительнымъ. Небольшая передняя съ дверью направо въ кабинетъ и налѣво въ спальню; на противоположной входу сторонѣ дверь въ столовую, изъ нея въ гостиную, а изъ слѣдующей за нею комнаты дверь налѣво въ ту же спальню. Старуха, хозяйка имѣнія, была бывшая вольноотпущенная, предоставившая все устройство сыну. Тутъ же по комнатамъ размѣщались двѣ или три дѣвушки — дочери хозяйки. Не желая некстати выказывать своего одобренія расположенію комнатъ, я высказалъ его зятю по-французски, и вдругъ, къ изумленію нашему, одна изъ дѣвицъ, указывая на выходную дверь изъ дѣвичьей въ сѣни, сказала: „il y a encore une cuisine ici“.

Ш—ъ пригласилъ молодаго хозяина, завѣдывающаго продажей имѣнія, побывать въ Ивановскомъ на другой день. На слѣдующій день продавецъ объявилъ, что готовъ на переговоры о постройкахъ, состоящихъ изъ скотнаго двора съ рабочею избой и каретнымъ сараемъ, и крошечнаго амбара; но о двухстахъ десятинахъ земли въ одной межѣ—совѣщаній быть не можетъ, такъ какъ цѣна по сту рублей за десятину окончательная, на томъ де основаніи, что это пустырь, не подлежащій никакимъ переуступкамъ крестьянамъ, окончательно отсюда выселеннымъ. Такъ какъ я въ то время не имѣлъ никакого яснаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, то вполнѣ долженъ былъ положиться на судъ Алекс. Никит., который, быть можетъ, отчасти подкупаемый желаніемъ видѣть меня ближайшимъ сосѣдомъ, посовѣтовалъ мнѣ кончать, и мы дѣйствительно кончили на двадцати тысячахъ за землю и двухъ съ половиной за постройки, нѣсколько лошадей и коровъ. Не воздержался я и отъ пріобрѣтенія пасѣки, хотя по сей день не научился уходу за пчелами. Въ тотъ же день я послалъ за тысячью рублями задатка къ женѣ въ Новоселки, вернувшись куда, я тотчасъ поѣхалъ за деньгами въ Москву.

Въ отрочествѣ, еще во время крѣпостнаго права, я слыхалъ отъ хорошаго хозяина поговорку: „хозяинъ вокругъ

двора обойдетъ, копѣечку найдетъ". Только долговременный опытъ можетъ подтвердить справедливость этихъ словъ и ошибочность мнѣнія, будто сельское хозяйство можетъ успѣшно идти безъ личной иниціативы хозяина. При медленности обращенія капитала, ни одинъ трудъ не требуетъ такого терпѣнія и выдержанности, и нигдѣ увлеченіе или небрежность не исправляются съ такимъ трудомъ.

„Если ты потрудишься надъ покупаемымъ хуторомъ Степановкой, то это можетъ быть впослѣдствіи прелестная табакерочка".

Эти слова Алекс. Никит. тѣмъ чаще приходятъ мнѣ на память, что небольшой клокъ земли, на который я выброшенъ былъ судьбой, подобно Робинзону, съ полнымъ невѣдѣніемъ чуждаго мнѣ дѣла, заставилъ меня лично всему научиться, и дѣйствительно въ теченіи семнадцати лѣтъ довести неусыпнымъ трудомъ миніатюрное хозяйство до степени табакерочки.

Когда я въ Москвѣ проговорился одному изъ братьевъ жены моей, что мы сбираемся оставить за собою московскую квартиру, не смотря на покупку имѣнія, то онъ пришелъ въ такое живое изумленіе, что окончательно заставилъ меня прозрѣть, и я рѣшился, не взирая ни на какія воздыханія, покончить съ самобытною московскою жизнью. Поэтому я тотчасъ же объявилъ своей московской хозяйкѣ, что мы квартиру оставляемъ за собою только по 1-е мая будущаго года.

Хотя нашъ будущій хуторъ Степановка и представлялъ, какъ мы видѣли, весьма скромную сумму денегъ, но мы, изъ боязни исчерпать всѣ наши наличныя деньги, уплатили половину цѣны векселями; и такъ какъ необходимо было завестись всѣмъ сначала, то мнѣ пришлось безотлагательно, худо ли, хорошо ли, переселяться изъ Новоселокъ на новокупленное мѣсто.

Смѣшно сказать, что, покинувъ на четырнадцатомъ году родительскую кровлю, я во всю жизнь не имѣлъ ни случая, ни охоты познакомиться хотя отчасти съ подробностями сельскаго хозяйства и волей неволей теперь принужденъ былъ иногда по два раза въ день бѣгать за совѣтомъ къ ближайшему сосѣду Алекс. Никитичу, куда моя сѣрая верховая отлично

узнала дорогу. Самыми затруднительными для меня были спеціальные земледѣльческіе вопросы, касательно времени полевыхъ работъ и послѣдовательности ихъ пріемовъ.

На первое время Алекс. Никит. справедливо совѣтовалъ мнѣ держаться крестьянскаго правила: „какъ люди, такъ и мы", т.-е. соображать свои дѣйствія съ дѣйствіями сосѣдей, но впослѣдствіи я узналъ изъ опыта, что необходимо предупреждать сторонніе примѣры. О моихъ первыхъ попыткахъ на поприщѣ вольнонаемнаго труда я писалъ своевременно въ *Русскомъ Вѣстникѣ,* подъ заглавіемъ „Изъ деревни", и возбудилъ этими фотографическими снимками съ дѣйствительности злобныя на меня нападки тогдашнихъ журналовъ, старавшихся обличать все, начиная съ неисправныхъ дождевыхъ трубъ на столичныхъ тротуарахъ, но считавшихъ и считающихъ понынѣ всякую сельскую неурядицу прекрасною и неприкосновенною. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, неурядицы привлекаютъ все большее вниманіе правительства, принимающаго противъ нихъ законныя мѣры. Теперь уже самые наивные люди знаютъ, что порубки и потравы—величайшее зло не только матеріальное, но и нравственное.

Пока я съ ревностью кидался за пріобрѣтеніемъ осѣдлости, въ ближайшей нашей атмосферѣ произошло событіе по себѣ маловажное, но вліятельное, какъ я полагаю, на дальнѣйшій ходъ моей жизни. Я говорю о Марьюшкѣ. Она, не взирая на свои почтенныя лѣта и далеко невзрачную физіономію, съ помощью однихъ рѣшительныхъ нарядовъ, сумѣла овладѣть сердцемъ молодаго, очень хорошаго повара Борисовыхъ. А такъ какъ Марьюшка не рѣшилась отъ насъ отойти, то мы весьма кстати очутились съ прекраснымъ поваромъ.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ намъ нерѣдко придется встрѣчаться со знакомою уже личностью старика Тургенева, дяди Ивана Сергѣевича. Родной братъ отца поэта, Ник. Ник. Тургеневъ еще при жизни матери Ивана Сергѣевича помогалъ ей въ веденіи обширнаго ея хозяйства, а послѣ раздѣла имѣній между братьями Николаемъ и Иваномъ Тургеневыми, Николай Никол. безвыѣздно проживалъ съ семействомъ въ Спасскомъ, куда владѣлецъ Иванъ Сергѣевичъ являлся только

временно. Услыхавъ объ окончательной покупкѣ Степановки, старикъ пришелъ въ сильное волненіе. „Вы желаете имѣть треволненія? восклицалъ онъ: вы будете ихъ имѣть". Но при этомъ онъ, очевидно, упускалъ изъ виду, что на малыя средства, на которыя возможно жить въ деревнѣ, жить при такихъ же условіяхъ и обстановкѣ въ столицѣ невозможно.

— Вы селитесь теперь въ открытой степи, и вамъ приходится среди поля поставить Божье милосердіе (образъ) и къ нему уже сносить всѣ предметы.

— Намъ ничего не нужно, былъ мой отвѣтъ.

— Это вздоръ! кричалъ старикъ: — кто же вамъ будетъ мыть бѣлье?

— Мы уже подговорили прачку Алекс. Никитича, которой будемъ платить ежемѣсячно, посылая каждую субботу бѣлье.

— Все это вздоръ! восклицалъ старикъ;—будетъ у васъ и котелъ, и кадки, и веревки, и корыта, и доски съ сукномъ, и все это будетъ, попомните мое слово.

Конечно, впослѣдствіи мнѣ сто разъ приходилось вспоминать практическія слова старика.

Между тѣмъ рѣшительная минута нашего переселенія въ степной скитъ неизбѣжно приближалась, хотя невозможно было скрыть отъ себя всѣхъ неудобствъ и лишеній, связанныхъ съ такимъ переселеніемъ. Такъ какъ вся наша мебель находилась на московской квартирѣ, то всего проще было перевезти ее оттуда по зимнему пути, перебиваясь пока тою немногочисленною и плохою, какая оставалась въ домѣ при его покупкѣ. Наконецъ-то мы переѣхали, для того чтобы къ будущему лѣту приготовить не только ледникъ, но и выкопать прудъ, безъ котораго не откуда было взять льду.

Не смотря на нерасположеніе къ новымъ знакомствамъ, послѣднія возникали сами собою. Такъ Алекс. Никитичъ увлекъ меня въ качествѣ ружейника на охоту къ хорошему своему пріятелю старику князю Г—у, снабдившему его подводами пря перевозкѣ дома. Старый князь оказался добродушнѣйшимъ типомъ стариннаго барина, жившаго въ домашнемъ изобиліи съ оттѣнкомъ первобытной простоты, которая въ настояще время показалась бы неряшествомъ, если не неопрятностью. Самъ князь даже въ гости ѣздилъ обѣдать

въ сюртукѣ изъ самаго грубаго сукна темнозеленаго билліарднаго цвѣта. Такъ какъ по старости онъ ѣздилъ на охоту въ линейкѣ, то до лѣсу я ѣхалъ съ нимъ, и онъ съ перваго дня сталъ со мною на самую короткую и отеческую ногу. За изобильнымь обѣдомъ старикъ непрочь былъ выпить рюмку другую хереса, а въ праздникъ и шампанскаго, но любимымъ его напиткомъ былъ портеръ, который въ то время несомнѣнно привозился изъ Англіи и поэтому, вѣроятно, считался у него неподмѣшаннымъ.

— Выпьемъ, Аѳоня, съ тобою чистаго напитка, говорилъ князь; и мы у него или у насъ за столомъ усердно пили чистый напитокъ.

— Не будетъ ли къ завтрашней охотѣ непогоды? спросилъ я однажды; — какъ странно, князь, что у такого агронома, какъ вы, я не вижу барометра.

— Есть онъ у меня, отвѣчалъ добродушно старикъ, — да я его велѣлъ снести въ кладовую; прислали мнѣ его изъ Москвы, и онъ передъ покосомъ поднялся на *ясно*; я обрадовался и свалилъ все сѣно, а оно подъ дождями и сгнило. Я его въ ту же пору и разжаловалъ. У меня свой барометръ, пасѣчникъ придетъ утромъ да и скажетъ: „зябликъ трюкалъ, ворона молодила, солнце рано вскочило“. Вотъ я и знаю, что будетъ дождь.

При князѣ проживала его единственная милая дочь съ двумя малолѣтними дѣтьми. Узнавъ, что мы зимой ѣдемъ въ Москву, князь непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я взялъ подъ свое покровительство и довезъ до Москвы его дочь къ мужу, что̀ должно было состояться по первому зимнему пути. Въ видахъ предстоящей московской поѣздки, мною куплена была вмѣстѣ съ домомъ просторная рогожная кибитка. Излишне говорить, какъ жена моя истомилась ожиданіемъ зимняго пути, который принесенъ былъ бурей не ранѣе двадцатыхъ чиселъ декабря, но зато всѣ ложбины съ высокими подъемами были дотого завалены снѣгомъ, что я на каждомъ сугробѣ обмиралъ, ожидая, что мой сѣренькій верховой, попавшій въ корень, посадитъ насъ на пустынной полугорѣ. Но къ счастію, этого не случилось.

Между тѣмъ прежніе друзья мои не забывали меня.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 8 сентября 1860:

„И я восклицаю: ура! и даже „осанна!“ и даже „эльенъ!“ что по-венгерски значитъ что-то хорошее. Я очень радъ за васъ, что вы дѣйствительно сдѣлали добрую покупку и успокоились и получили новое поле для дѣятельности. Жаль, что отъ Спасскаго немного далеко, но съ подставными лошадьми въ скорости доѣхать можно, а мѣстечко для охоты доброе. Напередъ вамъ предсказываю, что вы будете часто видѣть меня у себя гостемъ съ Фламбо, который оказывается отважнымъ псомъ, съ другимъ какимъ-либо товарищемъ изъ собачьей породы. Поживемъ еще нѣсколько мирныхъ годковъ передъ концомъ, а тамъ пусть будетъ

«... равнодушная природа
Красою вѣчною блистать...»

„Сообщу вамъ теперь вкратцѣ новости, собственно до меня касательныя.

„Съ начала этой страницы письмо мое пишется въ Куртавнелѣ 12 числа сентября. Я пріѣхалъ сюда вчера и нашелъ все это старое гнѣздо въ порядкѣ, хотя сильно одряхлѣвшимъ. Г-жи Віардо и ея дочери здѣсь нѣтъ: онѣ обѣ въ Ирландіи. Мы съ старикомъ Віардо послѣ-послѣ-завтра только начинаемъ здѣсь охоту, которая страшно запоздала по милости дождей.

„Я дочь свою не сосваталъ и даже никого до сихъ поръ не предвидится, хотя, вѣроятно, въ теченіи зимы кто-нибудь навернется, о чемъ я думаю не безъ трепета. Она пріѣхала сюда со мною. Зиму, какъ вы уже знаете, я проживу въ Парижѣ. Послѣднія извѣстія о Толстыхъ состоятъ въ томъ, что они намѣрены были ѣхать на Гіерскіе острова; я звалъ ихъ по дорогѣ въ Парижъ, но они не пріѣхали. У бѣднаго Николая уже въ горлѣ чахотка; недолго ему осталось жить. О Львѣ все никакого нѣтъ извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ. Работъ литературныхъ никакихъ пока не предпринимаю; да судя по отзывамъ такъ-называемыхъ молодыхъ критиковъ, пора и мнѣ подать въ отставку изъ литературы. Вотъ и мы попали съ вами въ число Подолин-

скихъ, Трилунныхъ и другихъ почтенныхъ отставныхъ майоровъ. Что, батюшка, дѣлать! Пора уступать дорогу юношамъ. Только гдѣ они, гдѣ наши наслѣдники?—Мы съ Анненковымъ, во время пребыванія нашего на островѣ Уайтѣ, придумали проектъ „Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія". Я послалъ нѣсколько копій этого проекта въ Россію и буду продолжать посылать. Пошлю и вамъ. Прочтите и скажите свое мнѣніе. Дѣло, кажется, хорошее и практически задумано. Я пускаю теперь эту мысль только въ оборотъ и очень былъ бы счастливъ, еслибъ она могла осуществиться хотя къ будущей зимѣ. Напишите ваше мнѣніе и, буде случится, возраженія.

„Ну, еще разъ поздравляю васъ, новопроявившійся владѣлецъ! Жду отъ васъ подробнаго описанія вашей земли съ охотницкой точки зрѣнія. А что касается до Снобa, я по заднимъ его ногамъ былъ заранѣе увѣренъ въ его слабости, но не хотѣлъ огорчать васъ. Въ будущемъ году, если Фламбо у меня уцѣлѣетъ, вы будете охотиться съ Весной. Пишите мнѣ пока въ Парижъ. Досвиданья, милѣйшій Аѳан. Аѳан., кланяйтесь вашей женѣ, Борисову и всѣмъ добрымъ знакомымъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 3 октября того же года онъ писалъ изъ Парижа:

„Beatus ille, amice Fettie... и такъ далѣе, см. вашъ переводъ Горація. Благословляю обѣими руками ваше гнѣздышко и сидящихъ въ немъ, сердцу моему любезныхъ. Не жалѣйте ни о чемъ: ни о лишнихъ заплаченныхъ копѣйкахъ, ни о хлопотахъ и суетахъ: это все пустяки, а „*der Hauptgriff ist gethan*!—И само небо вамъ улыбается, то небо, которое здѣсь, въ теченіи шести мѣсяцевъ, вѣяло мерзостью и холодомъ, плевало (и плюетъ) въ насъ дождемъ, уподоблялось видомъ грязному бѣлью; у васъ, я слышу, теплота, благотать и солнце! Съ истиннымъ нетерпѣніемъ жду того счастливаго мгновенія, когда будущею весной, при соловьиныхъ пѣсняхъ, сворочу съ Курской дороги на вашъ хуторокъ. Тогда мы въ послѣдній разъ тряхнемъ стариной и хватимъ изъ кубка молодости и изъ другаго кубка съ Редереромъ; но *это послѣд-*

нее не въ послѣдній разъ. Да, вотъ мы еще съ вами собираемся жить; а для Николая Толстаго уже не существуетъ ни весны, ни соловьиныхъ пѣсенъ, ничего! Онъ умеръ, бѣдный, на Гіерскихъ островахъ, куда онъ только что пріѣхалъ. Я получилъ это извѣстіе отъ его сестры. Вы можете себѣ представить, какъ оно меня огорчило, хотя я уже давно потерялъ надежду на его выздоровленіе, и хотя жизнь его была хуже смерти. Левъ Николаевичъ былъ съ нимъ, и теперь еще въ Гіерѣ (Никол. Никол. скончался въ Гіерѣ, а не на островахъ). „*Die Gutem sterben jung*". Я знаю, и вы, и Борисовъ не разъ его помянете: золотой былъ человѣкъ, и уменъ, и простъ, и милъ. Я бы желалъ поговорить о его послѣднихъ дняхъ со Львомъ Николаевичемъ, да Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его увижу. Я поселился на зиму съ дочерью и англійскою гувернанткой въ Rue Rivoli, и можетъ быть буду принужденъ съѣхать, потому что комната, изъ которой я намѣренъ былъ сдѣлать свой рабочій кабинетъ, заражена зловоніемъ. Обѣщаются поправить это, но всетаки пишите лучше poste restante. Мнѣ это тѣмъ досаднѣе, что у меня планъ моей новой повѣсти готовъ до подробностей, и я хотя попалъ въ Трилунные, не прочь бы еще поработать. Рекомендую и вамъ, хотя и вы Трилунный, не пренебрегать бесѣдой съ Музами. Впрочемъ, вамъ теперь не до того; но успокоившись и вырывъ прудъ, воспользуйтесь послѣдними днями осени, въ которыхъ таится особенная

„Умильная, таинственная прелесть"....

„и попробуйте настроить струны вашей лиры, да пришлите ко мнѣ. А то ужь очень здѣсь прозаично и сухо (въ переносномъ смыслѣ). Собака вамъ будетъ, ручаюсь вамъ Касторомъ и Поллуксомъ (я что-то сегодня налегаю на классическія сравненія),—и хорошая собака. Весной мы съ вами стрѣляемъ непремѣнно, непремѣнно, непремѣнно!!!

„Извѣстіе о выздоровленіи вашей сестры меня очень обрадовало. Поклонитесь отъ меня Борисову и поздравьте его. Ну, будьте здоровы и бодры духомъ. Дружески жму вамъ руку и вашей женѣ. Станемъ переписываться почаще.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

17 октября 1860 г. Л. Толстой писалъ изъ Гіера:

„Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 сентября онъ умеръ, буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она всетаки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что жь это такое?“ Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужь ежели онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужь вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ. Дня за два я ему говорю: „нужно бы тебѣ удобство въ комнату поставить“.

„Нѣтъ, говоритъ, я слабъ, но еще не такъ; еще мы поломаемся“.

„До послѣдней минуты онъ не отдавался ей, все самъ дѣлалъ, все старался заниматься, писалъ, меня спрашивалъ о моихъ писаньяхъ, совѣтовалъ. Но все это, мнѣ казалось, онъ дѣлалъ уже не по внутреннему стремленію, а по принципу. Одно — природа, это осталось до конца. Наканунѣ онъ пошелъ въ свою спальню и упалъ отъ слабости на постель у открытаго окна. Я пришелъ, онъ говоритъ со слезами на глазахъ: „какъ я наслаждался теперь часъ цѣлый!“ — Изъ земли взятъ и въ землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что тамъ, въ природѣ, которой частью сдѣлаешься въ землѣ, останется и найдется что-нибудь. Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: „какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ“; а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: „оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ“, но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговорить камень, чтобы онъ падалъ кверху,

а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе". Какъ же! Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую всетаки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что жь это такое?" Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь.... Я зиму проживу здѣсь по той причинѣ, что и здѣсь, и все равно жить гдѣ бы то ни было. Пишите мнѣ пожалуйста. Я васъ люблю такъ же, какъ братъ васъ любилъ и помнилъ до послѣдней минуты....

Л. Толстой.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа отъ 10 октября 1860:

„Письмо ваше отъ 12 сентября я получилъ и по прочтеніи его пришелъ въ великое удовольствіе. Теперь вы *дома*, у себя. Мнѣ жаль только одного, что ты, милый другъ Маша, смотришь на все это какъ-то грустно и мнительно. Сказавъ въ моемъ прежнемъ къ вамъ письмѣ, что я *готовъ отвѣчать за убытокъ*, я сказалъ не пустую фразу на вѣтеръ и теперь снова повторяю мои слова, и въ этомъ отношеніи ты можешь положиться на меня. Но кромѣ денежной увѣренности, тутъ есть величайшая моральная польза: польза эта состоитъ въ постоянной дѣятельности и трудѣ для Фета. Еслибы даже не

оказалось предполагаемаго имъ дохода, то-есть еслибъ онъ оказался менѣе рублей на двѣсти (я не думаю, чтобы разница противъ его разсчета была большею),—то я гарантирую тебѣ эту сумму заранѣе. Я понимаю твою осторожность и даже мнительность, но скажу также, что никогда еще употребленіе денегъ не было на болѣе дѣльный и полезный предметъ, какъ въ этомъ пріобрѣтеніи земли и занятіи хозяйствомъ. Я убѣжденъ, что ты полюбишь этотъ хуторъ, полюбишь за то, что все въ немъ будетъ сдѣлано вами. Одно уже краткое описаніе начатыхъ и предполагаемыхъ работъ произвело на меня отраднѣйшее впечатлѣніе: въ этой борьбѣ съ природой и съ практикой есть что-то освѣжающее душу. Женщины, къ несчастію, понять этого не могутъ, ибо въ этомъ состоитъ существенное значеніе и величіе мужчины. Ты меня зовешь въ Степановку: да это будетъ моимъ первымъ дѣломъ, и я этой поѣздки ожидаю для себя съ наслажденіемъ. А потомъ подумай о томъ, что вѣдь это не фабрика, не заводъ, которые приходится всегда продавать за полъцѣны: самымъ дурнымъ результатомъ можетъ быть только то, что если захотите продавать, то придется продать уже никакъ не менѣе той цѣны, какой она вамъ будетъ стоить. А если будетъ убытокъ, то я *обязуюсь доплатить*. Итакъ, съ этой стороны я это дѣло считаю совершенно улаженнымъ, но остается не менѣе важное обстоятельство: рѣшиться на такое долгое пребываніе въ деревнѣ. Да, обстоятельство важное, ибо скука, если она появится и усилится, можетъ имѣть вредное вліяніе и на здоровье, и на все. Но взглянемъ прямо въ глаза этому опасному врагу и посмотримъ, нельзя ли съ нимъ справиться. Вопервыхъ, надо еще дождаться, когда придетъ эта скука, и заранѣе разсчитывать на нее смѣшно; можетъ я ошибаюсь, но для меня житье въ Москвѣ мало чѣмъ отличается отъ житья въ Степановкѣ. Ваши вечера въ домѣ Сердобинской имѣли постоянно какой-то туманный и апатичный характеръ: неужели они такъ нравились тебѣ? Конечно, нельзя по себѣ судить о другихъ, но для меня одиночество и хорошая книга могутъ уступить только самымъ интереснѣйшимъ вечерамъ въ мірѣ; а у тебя есть еще рессурсъ: музыка. Повѣрь, — не пугай себя заранѣе скукой:

этотъ врагъ побѣждаетъ только тогда, когда мы сами поддаемся ему:

«Будетъ буря, мы посмотримъ
И помужествуемъ съ ней».

„А потомъ, ты знаешь пословицу: „то не бѣда, коль на деньгу пошла". Но такъ какъ я еще не знаю, гдѣ вы намѣрены жить въ эти два мѣсяца въ Москвѣ, то и прекращаю свои разсужденія впредь до обстоятельныхъ вашихъ увѣдомленій.

„Бѣдный и прекрасный Николай Толстой умеръ. Вы уже вѣроятно это знаете. Тургеневъ остается здѣсь на зиму. Насморкъ мой, благодаря доктору Rayer, лучше, но обонянія нѣтъ и тѣни для меня: это лѣченіе и держитъ меня здѣсь; авось хоть черезъ десять дней позволитъ мнѣ докторъ ѣхать во Флоренцію, гдѣ я располагаю провести зиму. А вначалѣ лѣта непремѣнно въ Россію и немедленно въ Степановку. Обнимаю васъ, а ты, братъ, не унывай и дѣлай свое дѣло.

Душевно преданный вамъ *В. Боткинъ.*

Въ Москвѣ, за окончательною рѣшимостью отказаться отъ нашей постоянной квартиры, намъ не предстояло иного выбора, какъ остановиться у жениной сестры Пикулиной, или въ домѣ нераздѣленныхъ еще братьевъ Боткиныхъ. На извѣстныхъ условіяхъ мы предпочли первое. Еслибъ я даже окончательно перекипѣлъ до полнаго безразличія между столичною и деревенскою жизнью, то всетаки не могъ бы по справедливости требовать отъ жены зимовки въ безотрадномъ по своей обстановкѣ захолустьи, какимъ тогда была Степановка. Что же касается до меня лично, то, отставъ отъ постоянной работы въ привычномъ уголкѣ, я не чувствовалъ ни потребности, ни силъ искать себѣ новой умственной работы и находился въ такомъ межеумочномъ состояніи, о которомъ всего лучше могутъ дать понятіе слѣдующія слова Тургенева:

Парижъ
5 ноября 1860.

„Пишу къ вамъ, carissime, еще въ вашу Степановку, хотя боюсь, что мое письмо васъ уже въ ней не застанетъ; но я также не знаю, осталась ли Сердобинка за вами, и въ ней·

ли вы проводите зиму? Куда ни шло, пишу! А писать собственно почти нечего. Есть такіе моменты въ жизни, куда ни оглянись, все торчитъ давно знакомое, о которомъ и говорить не стоитъ. За работу я до сихъ поръ не могу приняться какъ слѣдуетъ: я начинаю думать, что гнусный парижскій воздухъ дѣйствуетъ на мое воображеніе, т. е. ослабляетъ *оное*. Сказать вамъ, до какой степени я ненавижу все французское, особенно парижское, превосходитъ мои силы; каждый „мигъ минуты“, какъ говоритъ Гоголь, я чувствую, что я нахожусь въ этомъ противномъ городѣ, изъ котораго я не могу уѣхать... Не будемъ говорить объ этомъ. Ваши письма меня не только радуютъ, они меня оживляютъ: отъ нихъ вѣетъ русскою осенью, вспаханною уже холодноватою землей, только-что посаженными кустами, овиномъ, дымкомъ, хлѣбомъ; мнѣ чудится стукъ сапоговъ старосты въ передней, честный запахъ его сермяги, мнѣ безпрестанно представляетесь вы: вижу васъ, какъ вы вскакиваете и бородой впередъ бѣгаете туда и сюда, выступая вашимъ короткимъ кавалерійскимъ шагомъ... Пари держу, что у васъ на головѣ все тотъ же засаленный уланскій блинъ! А взлетъ вальдшнеповъ въ почти уже голой осиновой рощицѣ... Ей-Богу, даже досада беретъ! Здѣсь я охотился скверно, да и вообще, что за охота во Франціи?! Но вы насмотритесь на меня и на моего Фламбо будущею весной въ болотѣ на дупелей или на бекасовъ.—Тубо!... Тубо!... А самъ безъ нужды бѣжишь и едва духъ переводишь... Тубо! ну, теперь близко... фррр... екъ! екъ! бацъ! бацъ! – и подлецъ бекасъ, замѣнившій степеннаго дупеля, валится мгновенно, бѣлѣя брюшкомъ...

„Я получилъ отъ бѣднаго Полонскаго очень печальное письмо. Я тотчасъ отвѣчалъ ему. Онъ собирается весной заграницу, но я его приглашаю къ себѣ въ деревню и рисую ему картину нашего житья втроемъ. Какъ иногда старые тетерева сходятся вмѣстѣ, такъ и мы соберемся у васъ въ Степановкѣ и будемъ тоже бормотать, какъ тетерева. Пожалуйста вы съ своей стороны внушите ему ту же мысль. Бѣдный, бѣдный кузнечикъ - музыкантъ! Не могу выразить, какимъ нѣжнымъ сочувствіемъ и участіемъ наполняется мое сердце, какъ только я вспомню о немъ.

„Получаете ли вы „Искусство“ Писемскаго и К°? Какъ же васъ тамъ нѣтъ, о жрецъ чистаго искусства? Или вы не шутя считаете себя въ отставкѣ? Знаете ли что? Попробуйте перечесть Проперція (Катулла также или Тибулла)—не найдете-ли надъ чѣмъ потрудиться, не спѣша? Одну элегію въ недѣлю „*ничего можно*“.

7 ноября.

„Сейчасъ получилъ ваше двойное письмо отъ 21 и 23 октября. Я вижу изъ него, что вамъ хорошо, и душевно радуюсь. Но почему вы пишите мнѣ—poste restante? Адресуйте Rue de Rivoli, 210. Что ни говорите, а мысль о томъ, что вы—Бернетъ, грызетъ васъ, и это совершенно напрасно. Тотъ, кто когда-либо смѣшаетъ васъ съ Бернетомъ, тѣмъ самымъ покажетъ несомнѣнно, что онъ олухъ; сверхъ того, вамъ еще грѣшно класть перо на полку. Я почему-то полагаю, что вы въ Москвѣ тряхнете стариной.

„Да, жаль Николая Толстаго, сердечно жаль! О братѣ его Львѣ нѣтъ никакого извѣстія; вѣроятно онъ еще въ Гіерѣ. Я вамъ скоро опять напишу, а теперь кланяюсь вашей женѣ и благодарю за память, а вамъ крѣпко жму руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Отъ 17 декабря 1860 онъ писалъ изъ Парижа:

„На сей разъ, дорогой Аѳан. Аѳан., вы получите отъ меня коротенькое и чисто дѣловое письмо. До меня дошло свѣдѣніе, что изданіе моихъ сочиненій, сдѣланное г. О......, поступило въ продажу, а между тѣмъ обѣщанныя деньги имъ не высылаются, и вотъ уже два мѣсяца, какъ я не получаю отъ него писемъ. Такъ какъ это дѣло для меня важное, я покорнѣйше прошу васъ взять на себя всѣ хлопоты и вообще вступить въ мои права, сдѣлаться моимъ „alter ego“, въ удостовѣреніе чего посылаю вамъ записочку для представленія г. О...... Наши условія были слѣдующія: онъ имѣлъ право печатать 4.800 экземпляровъ и за это долженъ былъ мнѣ заплатить 8.000 руб., изъ коихъ половина должна была быть представлена до изданія въ свѣтъ, другая — четыре мѣсяца послѣ. Получилъ же я отъ него, не помню хорошенько, 1.500

или 2.000 руб., кажется 1.500. Вы попросите его, чтобъ онъ представилъ вамъ счетъ и такимъ образомъ узнаете количество выданной суммы. Остающіеся 2000 или 2500 руб. онъ долженъ немедленно выслать. Мнѣ это все очень непріятно и особенно непріятно мнѣ васъ утруждать; но вы можете сказать ему, что у насъ есть съ вами счеты. Постарайтесь узнать сперва стороной, или даже отъ него, не выслалъ ли онъ мнѣ денегъ? Въ такомъ случаѣ не безпокойте его, только скажите ему, что я прошу его передать вамъ слѣдуемое мнѣ количество экземпляровъ, изъ которыхъ пошлите три Анненкову. Разрѣшеніе на полученіе этихъ экземпляровъ вы найдете на второй страницѣ прилагаемаго листика. Однимъ словомъ, я полагаюсь на васъ, что вы въ этомъ дѣлѣ поступите и деликатно, и практично. Надѣюсь, что вы уже давно прибыли въ Москву и благополучно въ ней поселились. Сообщите вашъ адресъ, а я пока, по вашему желанію, пишу на Маросейку. Дружески кланяюсь вашей женѣ и Борисовымъ и жму вамъ крѣпко руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

„Я прошу Аѳ. Аѳ. Фета взять на себя всѣ сношенія съ Н. А. О...... по дѣлу изданія моихъ сочиненій и прошу г. О...... выдавать слѣдуемыя мнѣ деньги г. Фету, который вступаетъ вполнѣ во всѣ мои права. Поручаю также г. Фету получить отъ г. О...... слѣдуемые мнѣ экземпляры.

Ив. Тургеневъ.

Типъ людей, совершенно равнодушныхъ къ матеріальнымъ своимъ средствамъ, готовыхъ горстями разбрасывать свое добро и въ то же время скупыхъ на копѣйки и неразборчивыхъ въ источникахъ новаго прилива денегъ,—далеко не новый. Еслибы Тургеневъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не принадлежалъ къ этому типу, я не сталъ бы говорить о его счетахъ съ О...... Дѣло въ томъ, что когда я попросилъ у О...... денегъ и книгъ, то солидарное въ его предпріятіи лицо напечатало въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отрицаніе моего полномочія. Я попросилъ, въ оправданіе свое отъ самозванства,— у Тургенева подтвержденіе моего полномочія телеграммой и

напечаталъ послѣднюю съ буквальнымъ русскимъ переводомъ. На другой день по выходѣ номера, мой антагонистъ прислалъ ко мнѣ секунданта, и дѣло приняло бы траги-комическій оборотъ, еслибы старый Ник. Хр. Кетчеръ, со всегдашнею своею честностью и безпощадною грубостью, не разъяснилъ задорнымъ пѣтухамъ, что тутъ они дѣло имѣютъ не со мною, а съ Тургеневымъ. Тѣмъ не менѣе я переслалъ Тургеневу 2.000 руб. въ Парижъ, а когда позднѣе я спросилъ его, чѣмъ кончилось дѣло, онъ самъ, превративъ разсказъ въ мимическое представленіе, отнесся къ нему комически. Онъ совершенно забылъ о моей траги-комедіи по его же милости.

Безпристрастно озираясь на конецъ 60 и 61 года въ тѣсной сферѣ моей жизни, можно было бы, увлекаясь обобщеніемъ, назвать это періодомъ разрушенія.

Я забылъ сказать, что всѣ три года нашего зимняго пребыванія въ домѣ Сердобинской я продолжалъ по временамъ посѣщать находившійся въ ближайшемъ съ нами сосѣдствѣ домъ старика Алек. Иван. Григорьева, отца Аполлона Григорьева. Я любилъ добродушнаго старика, умѣвшаго, не взирая на небольшія средства, дать прекрасное образованіе своему талантливому сыну, съ которымъ вмѣстѣ я прожилъ на антресоляхъ четыре года университетской жизни, и гдѣ плакучая береза, увѣшанная инеемъ, навѣяла на меня: „Печальная береза у моего окна“... Всѣ три года, въ которые я по старинѣ посѣщалъ Алекс. Иван., Аполлона Алекс. не было дома, и бѣдный старикъ, добывавшій скудныя копѣйки ходатайствомъ по дѣламъ, жаловался на то, что сынъ прикинулъ ему жену съ двумя дѣтьми и выпросилъ у отца позволеніе заложить послѣдній домъ.

Борисовъ, по полученіи извѣстія о выздоровленіи жены, рѣшился провести зиму по близости психіатровъ, нанявъ квартиру, которую большею частію наполнилъ нашею ненужною намъ до весны мебелью и домашнею утварью.

Настали жестокіе морозы, свыше тридцати градусовъ, и хозяинъ нашъ докторъ Пикулинъ поговаривалъ: „сегодня на обсерваторіи ртуть ковали“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ наши желѣзныя печки причиняли угаромъ ежедневную, головную боль,

и посѣтившій меня Николай Боткинъ сталъ убѣждать, что никакой надобности нѣтъ мнѣ угорать у Пикулина, когда въ его прилегающемъ къ дому флигелѣ есть свободная комната. Я воспользовался предложеніемъ, а вслѣдъ затѣмъ и жена моя перебралась въ домъ на прежнее бывшее свое дѣвичье пристанище. Но видно періодъ переломовъ долженъ былъ выдержать свой характеръ. Боткинскій домъ въ то время соединялся со своимъ флигелемъ единственнымъ переходомъ по подвальному этажу. Этотъ тѣсный переходъ, снабженный нѣсколькими такими же узкими рукавами, представляетъ главнымъ образомъ бифуркацію со стеклянными дверями при входѣ въ каждую изъ нихъ. Одна стеклянная дверь благополучно ведетъ въ корридоръ, кончающійся всходомъ во флигель, а за другою непосредственный обрывъ во внутренній дворъ. И я до сихъ поръ не могу понять назначенія этой двери и обрыва. Однажды вечеромъ, простившись въ домѣ со всѣми, я съ зажженнымъ подсвѣчникомъ въ рукахъ пустился по корридору во флигель на ночлегъ. Стараясь по врожденной моей наклонности ускорить время передвиженія, я чуть не бѣгомъ сталъ откидывать попадавшіяся мнѣ стеклянныя двери. Но едва я отворилъ такимъ образомъ послѣднюю, какъ свѣчу мою задуло вѣтромъ и, охая отъ боли, я услыхалъ надъ собою голосъ дворника: „кто тутъ?“ Оказалось, что я со значительной высоты слетѣлъ на снѣгъ и свихнулъ себѣ въ кисти лѣвую руку, державшую подсвѣчникъ. При содѣйствіи знаменитаго хирурга Ив. Ник. Новацкаго, съ утра начались піявки, гипсовая перчатка и т. д. Черезъ три недѣли отъ вывиха моего не осталось и слѣда.

По случаю небольшаго, но характеристическаго приключенія, мнѣ приходится еще разъ говорить о человѣкѣ самомъ мнѣ близкомъ, волею судебъ, съ каждымъ днемъ, такъ сказать, игравшимъ все болѣе значительную роль въ моей жизни. Я говорю о моемъ братѣ Петрѣ Аѳанасьевичѣ. Сколько разъ съ Борисовымъ, разбирая личность брата Петра, мы не могли ему надивиться. Когда еще онъ проживалъ у насъ въ Сердобинкѣ, я отъ души желалъ этому не кончившему курса филологу Харьковскаго университета быть, насколько я могъ, полезнымъ; но мои записки объ эстетикѣ, спеціально для

него написанныя, равно какъ совмѣстное чтеніе Гораціевыхъ одъ, прошли для него, какъ мы уже видѣли, безъ всякаго слѣда. А между тѣмъ трудно было отыскать болѣе тонкаго знатока сельско-хозяйственнаго обихода вообще, а скотоводства въ особенности. Въ послѣднемъ дѣлѣ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ и, не щадя никакихъ издержекъ, въ ущербъ самымъ первобытнымъ личнымъ нуждамъ, поставилъ свой воронежскій конскій заводъ на высоту, на которой дай Богъ его удержать наслѣдникамъ. Въ то время рядомъ съ кровными верховыми братъ выводилъ и рысистыхъ лошадей, для которыхъ держалъ и наѣздника. Таковъ частію былъ онъ на практикѣ, а въ теоріи былъ еще изумительнѣе опредѣленною ясностью и практичностью своихъ совѣтовъ. Но отъ внимательнаго взгляда не могла укрыться несоразмѣрность порывовъ воли съ устройствомъ остальнаго организма. Въ минуты подобныхъ увлеченій никакія убѣжденія не помогали, и это выражалось обычною поговоркой брата: „э, да что!"—причемъ взмахъ правой руки ясно показывалъ, что это ultima ratio. Однажды, когда я всего менѣе этого ожидалъ, въ передней нашего флигеля раздался звонокъ, и вошедшій Петръ Аѳан. бросился обнимать насъ.

— У меня къ тебѣ просьба, сказалъ онъ,—я привелъ сюда хорошую сѣрую тройку: коренникъ чистокровный можетъ потягаться на бѣгу, а пристяжныя за себя постоятъ. Пожалуйста помоги мнѣ продать ихъ въ Москвѣ. Я ихъ поставилъ на постояломъ дворѣ у Прѣсненскихъ воротъ, а завтра велю наѣзднику пріѣхать сюда на парѣ. Въ московской толкотнѣ боюсь запрягать тройку. А ты скажи о нихъ П. П. Б—у; если ему не нужны, не отрекомендуетъ ли кому-нибудь.

На другой день утромъ наѣздникъ пріѣхалъ въ отличныхъ пошевняхъ парой, которою мы полюбовались; и рѣшено было, давъ лошадямъ передохнуть дня два съ дороги, запречь тройку и проѣздить ее сперва со всѣми предосторожностями въ предмѣстьяхъ города, избѣгая многолюдства.

— Братъ, говорилъ я,—не увлекайся ты громкими наименованіями наѣздниковъ и т. д. Всѣ эти люди хороши, какъ исполнители. Дай мнѣ слово, что въ назначенный тобою день

ты пріѣдешь къ намъ кофей пить, и затѣмъ я съ тобою поѣду къ твоему наѣзднику, который запряжетъ сперва коренника, проѣздитъ его хорошенько, и затѣмъ такимъ же образомъ припряжетъ сперва лѣвую, а потомъ правую пристяжную.

Получивъ желаемое обѣщаніе, я успокоился на два дня. Въ назначенный день къ 9-ти часамъ утра кофей ожидалъ брата, и онъ въ свою очередь не заставилъ себя ждать. Когда на парадномъ крыльцѣ раздался звонокъ, слуги въ передней не было, и я съ радостью бросился отворять дверь.

— Ну что̀? спросилъ я входящаго по ступенькамъ брата.

— Все кончено, отвѣчалъ онъ.

— Что̀ такое все?

— Сани въ дребезги, сбруя порвана и лѣвая пристяжная убита.

— Какимъ образомъ? Да войди, тамъ все разскажешь.

— Взяло меня сегодня нетерпѣніе, началъ братъ въ разъясненіе вопроса; — поѣхалъ я поглядѣть на лошадей. Вижу, около моего наѣздника вертится какой-то среднихъ лѣтъ человѣкъ и говоритъ, что недавно отошелъ отъ мѣста у извѣстнаго М—а, у котораго три года былъ наѣздникомъ, а теперь радъ помочь моему Лукьяну проѣздить тройку, благо Лукьянъ одинъ сомнѣвается. А ужь онъ-то, какъ старый наѣздникъ, постоитъ за себя. „Я, говоритъ, сяду сзади Лукьяна и возьму пристяжныя вожжи. У меня не распрыгаются“. Сердце не камень: я сталъ смотрѣть, какъ они запрягаютъ лошадей, поставивъ нарядныя пошевни оглоблями къ воротамъ на улицу, и обѣщалъ бывшему наѣзднику хорошій „на чаекъ“ за усердіе. Позвали двоихъ хозяйскихъ дворниковъ держать лошадей. Сѣлъ Лукьянъ и за нимъ знаменитый наѣздникъ. „Пускай!“ съ этимъ словомъ тройка ринулась со двора, какъ летучій драконъ. При вниманіи, исключительно обращенномъ на тройку, никто не замѣтилъ въ крутой канавѣ передъ воротами торговку съ лоткомъ. Пригнулась ли она со страху, или Богъ ее помиловалъ, но я увидалъ ее, когда уже тройка съ пошевнями перелетѣла черезъ нее. Но не успѣли лошади, которыхъ Лукьянъ, для избѣжанія встрѣчъ, повернулъ по пустынной улицѣ, броситься съ новымъ азартомъ, какъ зна-

менитый наѣздникъ, державшій пристяжныя вожжи за спиной Лукьяна, бросилъ ихъ въ сани и соскочилъ долой. Не знаю, самъ ли коренной свернулъ съ улицы на огородъ, или повернулъ его туда Лукьянъ, но черезъ нѣсколько секундъ лѣвая пристяжная ударилась на всемъ скаку лбомъ объ огородную верею, и вся тройка съ Лукьяномъ и пошевнями полетѣла въ глубокій, засыпанный снѣгомъ, парникъ. Пришлось сзывать людей съ веревками и таскать всю эту кашу изъ парника. Лукьянъ, славу Богу, уцѣлѣлъ. Наемныя пошевни разломаны, пара лошадей тоже, не смотря на порванную упряжь, уцѣлѣла, а у лѣвой пристяжной изо лба торчалъ мозгъ. Слѣдовательно, она какихъ-нибудь аршинъ 15 проскакала, такъ сказать, мертвая.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа 2 января 1861:

„Любезные друзья, Фетъ и Борисовъ, я получилъ ваше совокупное посланіе и буду отвѣчать каждому порознь, дѣльнымъ манеромъ; теперь я только хочу вамъ сказать, что я получилъ отъ О....... хоть не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ выслать, однако половину; и потому положите подъ сукно все, что я вамъ сообщилъ по этому поводу и пріостановитесь. Я душевно радъ, что всѣ распущенные слухи оказались ложными; радъ и за себя, а главное за О......., котораго мнѣ было какъ-то дико воображать не совершенно честнымъ человѣкомъ. У меня рѣшительно нѣтъ времени больше писать, но не могу не сказать вамъ, о Фетіе, что хандритъ только человѣкъ, который эту штуку на себя напускаетъ: переводите Проперція лучше или Катулла. Какъ это возможно?—А въ піесѣ Островскаго (это я уже говорю Ивану Петровичу) мнѣ нравится только превосходно нарисованное лицо *Оленьки;* съ остальными замѣчаніями я согласенъ. Работа моя подвигается, довольно впрочемъ медленно. До слѣдующаго письма.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

10 января онъ же изъ Парижа:

„Ля Илляхъ иль Аллахъ, Магоммедъ резуль Аллахъ...— Нѣтъ Фета кромѣ Фета, и Тургеневъ пророкъ его. Какими словесами достойно воспою я ваше многомилостивое обо мнѣ

попеченіе, драгоцѣннѣйшій Аѳан. Аѳан.! Воображеніе нѣмѣетъ, и языкъ отказывается выразить избытокъ чувствъ. Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеннымъ векселемъ въ 9.250 фр. Я порадовался и за себя, и за О........; авось онъ мнѣ весной заплатитъ остальныя деньги; будемъ также надѣяться, что число лишнихъ напечатанныхъ имъ экземпляровъ не слишкомъ велико, хотя по настоящему ему вовсе не слѣдовало печатать лишнихъ. Прилагаю присемъ расписку, которую прошу васъ вручить ему отъ моего имени. Онъ обѣщался было выслать мнѣ экземпляръ, но обѣщаніе это вмѣстѣ со многими другими кануло въ воду, а мнѣ собственно хотѣлось бы знать, попали ли въ текстъ нѣкоторыя измѣненія и прибавленія, какъ напримѣръ: „Конецъ Рудина". Но вамъ нечего хлопотать объ этой высылкѣ,—я получу здѣсь экземпляръ другимъ путемъ. Однимъ словомъ, danke, merçi, gratias tibi ago, thank you, gracie, спасибо, — вотъ только забылъ, какъ по гречески.—Новаго пока ничего. Романъ мой подвигается медлительно впередъ. Думаю съ усладой о весенней поѣздкѣ на Русь. Отъ Л. Толстаго получено письмо изъ Ливорно, въ которомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Неаполь и въ то же время хочетъ быть здѣсь въ февралѣ, чтобы летѣть въ Россію. Что̀ изъ этого всего выйдетъ — неизвѣстно. Поклонитесь всѣмъ добрымъ пріятелямъ, начиная, разумѣется, съ драгоцѣннѣйшаго Борисова, которому я на дняхъ писать буду. Обнимаю васъ отъ души и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Non chandrar!" *).

„Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что изъ слѣдуемыхъ мнѣ съ Н. А. О........ за изданіе моихъ сочиненій въ 4.800 экземплярахъ,—8.000 рублей серебромъ (восемь тысячъ) получилъ 5.500 руб. (пять тысячъ пятьсотъ).

Ив. Тургеневъ.

---

*) Не хандрить.

XII.

Мой отъѣздъ въ Степановку.—Хлопоты по устройству усадьбы.—Высочайшій манифестъ.—Пріѣздъ жены изъ Москвы.—О встрѣчѣ съ Салтыковымъ (Щедринымъ) у Тургенева.—Тургеневъ и Л. Толстой въ Степановкѣ.—Ссора между ними.—Письма.—Поѣздка въ Москву.—Знакомство съ семействомъ Б—овъ черезъ Л. Толстаго.—Пріѣздъ въ Москву Василія Павловича М—ва. Письма.

Февральское угрѣво, развѣшивая по крышамъ и желобамъ сосульки, настоятельно гнало меня въ Степановку, гдѣ при самой первой возможности слѣдовало разомъ браться за все, начиная съ высокой неуклюжей, соломенной крыши дома, которую требовалось перекрыть до наступленія весеннихъ дождей. Сестра Надя, все еще томившаяся ужаснымъ воспоминаніемъ недавняго недуга, какъ-то дичилась насъ, и поэтому я, оставивъ жену на нѣкоторое время у ея братьевъ, уѣхалъ въ Степановку, т. е. къ сестрѣ Любинькѣ и Алекс. Никитичу. Послѣдній помогалъ мнѣ и дѣломъ, и словомъ. Такъ, пока я отыскалъ плотниковъ для передѣлки крыши, и кровельщика, покрывавшаго ее за ними вслѣдъ желѣзомъ,—Александръ Никит. устроилъ мнѣ перевозку нашей мебели изъ Москвы его крестьянами на ихъ великолѣпныхъ подводахъ. Онъ зналъ, что крестьяне ѣхали въ извозъ до Москвы и будутъ рады не разыскивать тамъ обратной клади, а нагрузятъ мою, которую складывать придется за три версты отъ своихъ дворовъ. Тѣ же крестьяне привезли мнѣ и заказанный мною заблаговременно паркетъ въ три комнаты. Помню, что Тургеневъ впослѣдствіи, въ бытность свою въ Степановкѣ, говорилъ: „вѣдь вотъ ни у одного нѣмецкаго

профессора не найдете паркетнаго пола, а здѣсь сейчасъ давай паркетъ". Но онъ забылъ, что гладкій дубовый полъ—единственный, который русская прислуга не въ состояніи на другой же день испачкать до невозможности.

Такъ какъ съ одной стороны мы не имѣли права стѣснять нашею мебелью московскую хозяйку, а съ другой—крестьяне не могли выжидать позднѣйшей ея отправки, то оказалось, что мебель и рояль прибыли въ Степановку единовременно съ паркетомъ, когда только-что сняли соломенную крышу. А такъ какъ полы предстояло въ то же время застилать паркетомъ, то приходилось съ большинствомъ мебели невѣроятно тѣсниться въ единственномъ каретномъ сараѣ, размѣщая рояль и болѣе дорогую мебель въ двухъ комнатахъ, въ которыхъ половъ мѣнять не предстояло. Понятно, что, пробывъ цѣлый день на стройкѣ, я ѣхалъ ночевать къ зятю. Помню, какъ однажды вечеромъ я пріѣхалъ къ нему съ лицомъ, намокшимъ отъ мелко-сѣявшаго дождя. Мнѣ постлали постель на диванѣ въ уборной, и я по обычаю схватилъ первое попавшееся чтеніе на сонъ грядущій. Хозяева давно ушли въ спальню, а меня противъ обыкновенія чтеніе какъ-то не погружало въ сонъ. Быть-можетъ меня смущали мелкія капли, падавшія какъ песчинки, слегка шуршавшія по стеклу. Конечно, подобный дождикъ былъ безвреденъ для моей мебели, такъ какъ я еще съ осени застлалъ потолокъ войлокомъ и засыпалъ пепломъ; но эта изморозь пугала возможностью превратиться совершенно некстати въ ливень. Кажись, такого превращенія нельзя ожидать въ первой половинѣ января. Вдругъ послышались одинъ за другимъ тяжеловѣсные удары въ крышу, а вслѣдъ затѣмъ грохотъ крыши слился съ громкимъ трепетаніемъ стеколъ. Спустивъ ноги съ постели и положивъ на столикъ романъ, я, опустя голову, весь поглощенъ былъ равномѣрнымъ шумомъ дождя. „Что̀ же дѣлается тамъ, въ Степановкѣ? думалось мнѣ: вѣдь тамъ должно-быть въ комнатахъ на полъ-аршина воды". Дверь моей комнаты тихо отворилась, и на порогѣ въ красномъ шлафрокѣ показался Алекс. Никит. съ безпомощнымъ на лицѣ выраженіемъ. — „Да, братецъ!" сказалъ онъ. — „Да, братецъ!" отвѣтилъ я.

Конечно, на другой день, выпивъ стаканъ кофею, я поле-

тѣлъ въ Степановку и съ восторгомъ убѣдился, что потолокъ протекъ только въ столовой, въ которой не было никакой мебели. Вслѣдъ затѣмъ морозы вступили въ свои права.

Помнится, въ моихъ „Запискахъ изъ деревни" я говорилъ о томъ мiровомъ событiи, которое, имѣя въ виду исключительно сельскую среду, совершилось въ ней на моихъ глазахъ. Понятно горячее любопытство вопросовъ, раздававшихся по этому поводу со всѣхъ сторонъ. Спрашивали, очевидно, люди-мыслители, не предвидѣвшiе ничего, подобно самимъ дѣятелямъ. Всѣ чувствовали, что произойдетъ нѣчто неслыханное, противоположное всему существующему; но что̀ изъ этого выйдетъ — предвидѣть никто не могъ. Полнѣйшую невозмутимость всей нашей сельской среды я могу себѣ объяснить только сравненiемъ.

Мальчикъ, которому хорошо живется подъ родительскимъ кровомъ, отправляется въ далекую школу. Отецъ и мать и бабка обнимаютъ его и плачутъ; будетъ ли ему лучше или хуже на чужбинѣ — никому неизвѣстно и всѣхъ менѣе ему самому. Но онъ смутно чувствуетъ приближенiе свободы, и глаза его сухи; онъ не хочетъ и не можетъ обсуждать своего будущаго положенiя.

Я былъ у зятя въ день объявленiя съ церковнаго амвона Высочайшаго манифеста объ освобожденiи крестьянъ. Въ тотъ моментъ слишкомъ было рано задаваться вопросами насчетъ всенароднаго значенiя событiя. Мы сами внѣ всякихъ соображенiй были исполнены совершенно дѣтскаго любопытства и разсчитывали по минутамъ, когда обѣдня должна быть кончена и крестьяне успѣютъ вернуться изъ церкви. Во второмъ часу дня Алекс. Никит., взглянувъ на дворъ, крикнулъ: „А, вотъ и кончилось: ключникъ идетъ къ амбару". Черезъ двѣ минуты ключникъ стоялъ въ передней.

— Ну, что̀, Семенъ, слышали манифестъ?

— Слышали батюшка, Лександръ Микитичъ.

— Ну, что̀ же вамъ читалъ священникъ?

— Да читалъ, чтобъ еще больше супротивъ прежняго слухаться. Только и всего.

Тѣмъ временемъ В. Боткинъ писалъ изъ Парижа 16 апрѣля 1861:

„Письмо твое, милая Маша, я получилъ и спѣшу благодарить тебя за него. Да, къ удивленію моему, здоровье мое начинаетъ поправляться, хотя я еще очень слабъ. Жаль только, что зрѣніе еще очень плохо Писать писемъ самъ еще не могу; вообще глазамъ моимъ еще не достаетъ твердости и силы: при малѣйшемъ напряженіи, буквы сливаются и исчезаютъ. Я думаю переѣхать изъ Парижа въ Паси, хотя это собственно не дача и не деревня, но воздухъ тамъ лучше, чѣмъ въ Парижѣ; а потомъ въ моемъ положеніи я не смѣю удаляться отъ города и отъ моего доктора. Адресъ мой попрежнему. Вижу, милая Маша, что ты очень соскучилась житьемъ въ деревнѣ. Тутъ дѣйствительно нуженъ характеръ. Жаль, что мое лѣто нынче пройдетъ въ лѣченіи, иначе я непремѣнно попробовалъ бы твоихъ вкусныхъ яблоковъ и варенья. — Обними за меня милѣйшаго Фета. Я во всемъ сочувствую ему; прошу его написать мнѣ, какъ устраиваются крестьяне? Лѣтомъ въ деревнѣ, я думаю, ты скучать не будешь, а на зиму, конечно, можно пріѣхать въ Москву“.

Твой *В. Боткинъ.*

Наконецъ то нашъ домикъ мало-по-малу сталъ принимать жилой видъ. Вначалѣ мая онъ стоялъ подъ зеленою крышей съ оштукатуренными потолками и стѣнами, и я только боялся, что онъ будетъ сыръ; но и это неудобство съ каждымъ днемъ уменьшалось, благодаря усиленной топкѣ. Впрочемъ, въ теченіи нашего разсказа намъ не разъ придется убѣдиться въ простой истинѣ, что нужда миритъ со всякимъ положеніемъ и пріучаетъ въ дурномъ находить сравнительно хорошее.

Въ Москвѣ, по просьбѣ брата Петра, я купилъ и отдалъ знакомому каретнику отдѣлать подержанную коляску съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы жена моя могла пріѣхать въ ней съ открытіемъ весны въ Степановку. Такія же коляски понадобились въ слѣдующемъ году и намъ, и Тургеневу. Старикъ каретникъ оказался исправнымъ, и жена моя, по вскрытіи шоссе пріѣхавшая въ Степановку, разсказала, что ея путникомъ изъ Москвы до Ясной Поляны былъ Л. Н. Толстой, который, уступивъ Марьюшкѣ мѣсто въ своемъ та-

рантасѣ, пересѣлъ къ женѣ въ коляску, и, кутаясь вечеромъ въ мою шинель, увѣрялъ, что въ силу этого напишетъ лирическое стихотвореніе. Но отъ Тулы жену мою на каждой станціи догонялъ и затруднялъ въ полученіи лошадей гробъ Шевченко, сопровождаемый ассистентами, перевозившими тѣло его на югъ.

Раза съ два, въ бытность мою у Тургенева въ Петербургѣ, я видѣлъ весьма неопрятную сѣрую смушковую шапку Шевченко на окошкѣ, и тогда же, безъ всякихъ заднихъ мыслей, удивлялся связи этихъ двухъ людей между собою. Я нимало въ настоящее время не скрываю своей тогдашней наивности въ политическомъ смыслѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь на многое, какъ мы далѣе увидимъ, насильно раскрыла мнѣ глаза, и мнѣ нерѣдко въ сравнительно недавнее время приходилось слышать, что Тургеневъ n'etait pas un enfant de bonne maison. Какъ ни рѣшайте этого вопроса, но въ сущности Тургеневъ былъ избалованный русскій баричъ, что между прочимъ, съ извѣстною прелестью отражалось на его произведеніяхъ. Образованія и вкуса ему занимать было не нужно, и вотъ почему, познакомившись съ тенденціозными жалобницами Шевченко, я никакъ не могъ въ то время понять возни съ нимъ Тургенева. Впрочемъ, не смотря на мою тогдашнюю наивность, мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ нѣкоторымъ людямъ. Привожу одинъ изъ разительныхъ тому примѣровъ, которыми подчасъ позволялъ себѣ допекать въ глаза Тургенева.

Однажды, когда я въ Петербургѣ сидѣлъ у Тургенева, Захаръ войдя доложилъ: „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ".

Не желая возобновлять знакомства съ этимъ писателемъ, я схватилъ огромный листъ *Голоса* и усѣлся въ углу комнаты въ вольтеровское кресло, совершенно укрывшись за газетой. Разсчитывая на непродолжительность визита, я не ошибся въ надеждѣ отсидѣться. Между тѣмъ вошедшій сталъ бойко расхваливать Тургеневу успѣхъ недавно возникшихъ фаланстеровъ, гдѣ мужчины и женщины въ свободномъ сожительствѣ приносятъ результаты трудовъ своихъ въ общій складъ, причемъ каждый и каждая имѣютъ право, входя въ

комнату другаго, читать его книги, письма и брать его вещи и деньги.

— Ну, а какая же участь ожидаетъ дѣтей? спросилъ Тургеневъ своимъ кисло-сладкимъ фальцетомъ.

— Дѣтей не полагается, отвѣчалъ Щедринъ.

— Тѣмъ не менѣе они будутъ, уныло возразилъ Тургеневъ.

Когда по уходѣ гостя я спросилъ: „какъ же это не полагается дѣтей?"—Тургеневъ такимъ тономъ сказалъ:— „это ужь очень хитро",—что заставлялъ вмѣсто *хитро* понимать *нелѣпо*.

Вернувшись изъ Москвы, жена моя стала съ своей стороны ревностно заниматься домашнимъ устройствомъ; а я принужденъ былъ хлопотать о постановкѣ купленной мною въ Москвѣ конной молотилки. Вдругъ получаю слѣдующее письмо Тургенева изъ Спасскаго 19 мая 1861:

Fettie carissime, посылаю вамъ записку отъ Толстаго, которому я сегодня же написалъ, чтобъ онъ непремѣнно пріѣхалъ сюда вначалѣ будущей недѣли, для того чтобы совокупными силами ударить на васъ въ вашей Степановкѣ, пока еще поютъ соловьи и весна улыбается „свѣтла, блаженно-равнодушна". Надѣюсь, что онъ услышитъ мой зовъ и прибудетъ сюда. Во всякомъ случаѣ ждите меня въ концѣ будущей недѣли, а до тѣхъ поръ будьте здоровы, не слишкомъ волнуйтесь, памятуя слова Гёте: „*Ohne Hast*, *Ohne Rast*", и хоть однимъ глазомъ поглядывайте на вашу осиротѣлую Музу. Женѣ вашей мой поклонъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Въ письмо была вложена слѣдующая записка Л. Толстаго:

„Обнимаю васъ отъ души, любезный другъ Аѳан. Аѳан., за ваше письмо и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фетъ. Ивана Сергѣевича мнѣ хочется видѣть, а васъ въ десять разъ больше. Такъ давно мы не видались, и такъ много съ нами обоими случилось съ тѣхъ поръ. Вашей хозяйственной дѣятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содѣйствовалъ ей. Не мнѣ бы говорить, не вамъ бы слушать. Другъ—хорошо; но онъ умретъ, онъ уйдетъ какъ-нибудь,

не поспѣешь какъ-нибудь за нимъ; а природа, на которой женился посредствомъ купчей крѣпости, или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и несговорчивая, и важная, и требовательная, да зато ужь это такой другъ, котораго не потеряешь до смерти, а и умрешь — все въ нее же уйдешь. Я впрочемъ теперь меньше предаюсь этому другу, у меня другія дѣла, втянувшія меня; но все безъ этого сознанія, что она тутъ, какъ повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить. Дай вамъ Богъ успѣха, успѣха, чтобы радовала васъ ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Марьѣ Петровнѣ жму руку и прошу меня не забывать. Особенное будетъ несчастье, ежели я не побываю у васъ нынче лѣтомъ, а когда, не знаю.

Л. Толстой.

Не взирая на любезныя обѣщанія, показавшаяся изъ-за рощи коляска, быстро повернувшая съ проселка къ намъ подъ крыльцо, была для насъ неожиданностью; и мы несказанно обрадовались, обнимая Тургенева и Толстаго. Не удивительно, что, при тогдашней скудости хозяйственныхъ строеній, Тургеневъ съ изумленіемъ, раскидывая свои громадныя ладони, восклицалъ: „мы все смотримъ, гдѣ же это Степановка, и оказывается, что есть только жирный блинъ и на немъ шишъ, и это и есть Степановка“.

Когда гости оправились отъ дороги, и хозяйка воспользовалась двумя часами, остававшимися до обѣда, чтобы придать послѣднему болѣе основательный и привѣтливый видъ, мы пустились въ самую оживленную бесѣду, на какую способны бываютъ только люди, еще не утомленные жизнью.

Тургеневъ, всегда любившій покушать, не оставилъ безъ вниманія тонкаго пошиба нашего Михайлы, которымъ каждый разъ такъ восхищался Александръ Никитичъ. Выпили и Редерера, и я очень гордился льдомъ, которымъ запасся, благодаря пруду, выкопанному на небольшой изложинѣ прошлою осенью. Послѣ обѣда мы съ гостями втроемъ отправились въ рощицу, отстоявшую саженъ на сто отъ дому, до которой въ то время приходилось проходить по открытому

полю. Тамъ на опушкѣ мы, разлегшись въ высокой травѣ, продолжали нашъ прерванный разговоръ еще съ бо̀льшимъ оживленіемъ и свободой. Конечно, во время нашей прогулки хозяйка сосредоточила всѣ свои скудныя средства, чтобы дать гостямъ возможно удобный ночлегъ, положивъ одного въ гостиной, а другаго въ слѣдующей комнатѣ, носившей названіе библіотеки. Когда вечеромъ пріѣзжимъ были указаны надлежащіе ночлеги, Тургеневъ сказалъ: „а сами хозяева будутъ, вѣроятно, ночевать между небомъ и землей, на облакахъ". Что̀ въ извѣстномъ смыслѣ было справедливо, но нимало не стѣснительно.

Сколько разъ я твердо рѣшался пройти молчаніемъ событіе слѣдующаго дня по причинамъ, не требующимъ объясненій. Но противъ такого намѣренія говорили слѣдующія обстоятельства. Въ теченіи тридцати лѣтъ мнѣ самому неоднократно приходилось слышать о размолвкѣ Тургенева съ Толстымъ, съ полнымъ искаженіемъ истины и даже съ перенесеніемъ сцены изъ Степановки въ Новоселки.

Изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, Тургеневъ письмомъ, находящимся въ рукахъ моихъ. признаетъ себя единственнымъ виновникомъ распри, а и самый ожесточенный врагъ не рѣшится заподозрить графа Толстаго, жильца 4-го бастіона, въ трусости. Кромѣ всего этого, мы впослѣдствіи увидимъ, что радикально измѣнившіяся убѣжденія Льва Николаевича измѣнили, такъ сказать, весь смыслъ давнишняго происшествія, и онъ первый протянулъ руку примиренія. Вотъ причины, побудившія меня не претыкаться въ моемъ разсказѣ.

Утромъ, въ наше обыкновенное время, т.-е. въ 8 часовъ, гости вышли въ столовую, въ которой жена моя занимала верхній конецъ стола за самоваромъ, а я въ ожиданіи кофея помѣстился на другомъ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, а Толстой по лѣвую. Зная важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена моя спросила его, доволенъ ли онъ своею англійскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ гувернанткѣ и, между прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностью просила Тургенева опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для бла-

готворительныхъ цѣлей. „Теперь, сказалъ Тургеневъ, англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ? спросилъ Толстой.

— Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущною нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю, театральную сцену.

— Я васъ прошу этого не говорить! воскликнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ, отвѣчалъ Толстой.

Не успѣлъ я крикнуть Тургеневу: „перестаньте!" какъ, блѣдный отъ злобы, онъ сказалъ: „такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ". Съ этимъ словомъ онъ вскочилъ изъ-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагалъ въ другую комнату. Черезъ секунду онъ вернулся къ намъ и сказалъ, обращаясь къ женѣ моей: „ради Бога извините мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаиваюсь". Съ этимъ вмѣстѣ онъ снова ушелъ.

Понявъ полную невозможность двумъ бывшимъ пріятелямъ оставаться вмѣстѣ, я распорядился, чтобы Тургеневу запрягли его коляску, а графа обѣщалъ доставить до половины дороги къ вольному ямщику Ѳедоту, воспроизведенному впослѣдствіи Тургеневымъ. Насколько матеріально легко было отправить Тургенева, настолько трудно было отправить Толстаго. Положимъ, въ моемъ распоряженіи была московская пролетка съ дышломъ; но зато ни одна изъ нашихъ лошадей не хаживала въ дышлѣ. Наконецъ, я выхожу на крыльцо и съ душевнымъ трепетомъ слѣжу за моимъ сѣренькимъ верховымъ въ парѣ съ другимъ такимъ же неукомъ, какъ-то они вывезутъ гостя на проселокъ. О, ужасъ! вижу, что, проѣхавъ нѣсколько саженъ, пара, завернувъ головы въ сторону, начинаетъ заворачивать назадъ къ конному двору; повернутая тамъ снова на путь истинный, она раза съ два повторяетъ ту же вольту и затѣмъ уже бойко отправляется рысью по дорогѣ.

Размышляя впослѣдствіи о случившемся, я поневолѣ вспоминалъ мѣткія слова покойнаго Ник. Ник. Толстаго, который, будучи свидѣтелемъ раздражительныхъ споровъ Тургенева со Львомъ Николаевичемъ, не разъ со смѣхомъ говорилъ: „Тургеневъ никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что Левочка растетъ и уходитъ у него изъ-подъ опеки“.

О томъ, что затѣмъ психологически происходило и произошло, я до сихъ поръ не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія и представляю только на судъ читателя всѣ попавшія ко мнѣ и относящіяся до этого дѣла письма. Изъ нихъ читатель, конечно, подобно мнѣ, увидитъ, что главныхъ писемъ, доведшихъ дѣло до такого раздражительнаго конца, въ рукахъ у меня нѣтъ; узнать же объ ихъ содержаніи мнѣ, по крайней возбужденности дѣйствующихъ лицъ, не представилось возможности. Представляю письма въ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ.

Въ тотъ же день Тургеневъ писалъ Толстому:

„Милостивый государь, Левъ Николаевичъ!—Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я самъ своею обязанностью почелъ объявить вамъ у Фета; увлеченный чувствомъ невольной непріязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и попросилъ у васъ извиненія. Происшедшее сегодня доказало поутру ясно, что всякія попытки сближенія между такими противоположными натурами, каковы ваша и моя, не могутъ повести ни къ чему хорошему; а потому тѣмъ охотнѣе исполняю мой долгъ передъ вами, что настоящее письмо есть, вѣроятно, послѣднее проявленіе какихъ бы то ни было отношеній между нами. Отъ души желаю, чтобъ оно вась удовлетворило и заранѣе объявляю свое согласіе на употребленіе, которое вамъ заблагоразсудится сдѣлать изъ него.

„Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь оставаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

Ив. Тургеневъ.

27 мая 1861.

Спасское.

Тутъ же слѣдуетъ приписка:

$10^1/_2$ час. ноч.

„Иванъ Петровичъ сейчасъ привезъ мнѣ мое письмо, которое мой человѣкъ по глупости отправилъ въ Новоселки, вмѣсто того чтобъ отослать его въ Богослово. Покорнѣйше прошу васъ извинить эту нечаянную непріятную оплошность. Надѣюсь, что мой посланный застанетъ васъ еще въ Богословѣ".

Въ отвѣтъ на это Л. Толстой прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

„Я не удержался, распечаталъ еще письмо отъ г. Тургенева въ отвѣтъ на мое.

„Желаю вамъ всего лучшаго въ отношеніи съ этимъ человѣкомъ, но я его презираю, я ему написалъ и тѣмъ прекратилъ всѣ сношенія, исключая, ежели онъ захочетъ удовлетворенія. Не смотря на все мое видимое спокойствіе, въ душѣ у меня было неладно, и я чувствовалъ, что мнѣ нужно было потребовать болѣе положительнаго извиненія отъ г. Тургенева, что я и сдѣлалъ въ письмѣ изъ Новоселокъ. Вотъ его отвѣтъ, которымъ я удовлетворился, отвѣтивъ только, что причины, по которымъ я извиняю его, — не противоположности натуръ, а такія, которыя онъ самъ можетъ понять. Кромѣ того, по промедленію, я послалъ другое письмо довольно жесткое и съ вызовомъ, на которое не получилъ отвѣта; но ежели и получу, не распечатавъ возвращу назадъ. Итакъ, вотъ конецъ грустной исторіи, которая ежели перейдетъ порогъ вашего дома, то пусть перейдетъ и съ этимъ дополненіемъ.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ Толстому:

„Вашъ человѣкъ говоритъ, что вы желаете получить отвѣтъ на ваше письмо; но я не вижу, что бы я могъ прибавить къ тому, что я написалъ. Развѣ то, что я признаю за вами право потребовать отъ меня удовлетворенія вооруженною рукой: вы предпочли удовольствоваться высказаннымъ и повтореннымъ моимъ извиненіемъ. Это было въ вашей волѣ. Скажу безъ фразы, что охотно бы выдержалъ вашъ

огонь, чтобы тѣмъ загладить мое дѣйствительно безумное слово. То, что я его высказалъ, такъ далеко отъ привычекъ всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, какъ раздраженію, вызванному крайнимъ и постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать не оправданіе, а объясненіе. И потому, разставаясь съ вами навсегда—подобныя происшествія неизгладимы, невозвратимы — считаю долгомъ повторить еще разъ, что въ этомъ дѣлѣ правы были вы, а виноватъ я. Прибавляю, что тутъ вопросъ не въ храбрости, которую я хочу или не хочу показывать, а въ признаніи за вами права привести меня на поединокъ, разумѣется въ принятыхъ формахъ (съ секундантами), такъ и права меня извинить. Вы избрали, что вамъ было угодно, и мнѣ остается покориться вашему рѣшенію.

„Снова прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„Тургеневъ— . . . . , что я прошу васъ передать ему такъ же аккуратно, какъ вы передаете мнѣ его милыя изреченія, не смотря на мои неоднократныя просьбы о немъ не говорить.

Гр. Л. Толстой.

„И прошу васъ не писать ко мнѣ больше, ибо я вашихъ, такъ же какъ и Тургенева, писемъ распечатывать не буду“.

Нечего говорить, что, отправившись въ Спасское, я употребилъ всѣ усилія привести дѣло, возникшее, къ несчастію, въ нашемъ домѣ, къ какому бы то ни было ясному исходу.

Помню, въ какое неописанно-ироническое раздраженіе пришелъ незабвенный здравомыслъ Ник. Ник. Тургеневъ. „Что за неслыханное баловство! восклицалъ онъ: требовать, чтобы всѣ были нашего мнѣнія. А попался, такъ доводи дѣло до конца, съ пистолетами въ рукахъ требуй формальнаго извиненія“. Такъ говорилъ дядя мнѣ, а что онъ говорилъ Ивану Сергѣевичу—мнѣ неизвѣстно. Всѣ же мои попытки уладить дѣло кончились, какъ видно, формальнымъ моимъ разрывомъ

съ Толстымъ, и въ настоящую минуту я даже не могу припомнить, какимъ образомъ возобновились наши дружескія отношенія.

12 мая 1861 года Боткинъ писалъ изъ Passy:

„Дорогой мой Фетъ! я получилъ твое письмо, которое ты написалъ мнѣ изъ Степановки, и въ то же время Тургеневъ прочелъ мнѣ твое письмо къ нему. Истинно ужасающая картина, какую ты набросалъ о своемъ устройствѣ или точнѣе поселеніи, признаюсь, озадачила меня. Такъ какъ дѣло уже сдѣлано и воротиться назадъ нельзя, то я объ этомъ и не распространяюсь. Впрочемъ, я увѣренъ, что для красоты слога ты все нѣсколько преувеличилъ. Все это пока слова, надобно подождать практическихъ результатовъ и тогда судить. О болѣзни моей новаго сказать нечего; все идетъ своимъ чередомъ; хотя съ величайшею медленностью, но я чувствую, силы мои укрѣпляются. Я могу уже ходить безъ поддержки, но не болѣе получаса, потому что очень устаю. Зрѣніе попрежнему продолжаетъ быть очень слабо, читать не могу. Но эта потребность здѣсь легко удовлетворяется. Такъ какъ надобно же наполнить чѣмъ-либо длинные часы дня и удовлетворить потребности знать, что̀ происходитъ въ семъ мірѣ, то я завелъ себѣ англичанку, которая прочитываетъ мнѣ французскія и англійскія газеты, и, кромѣ того, я началъ съ нею Гиббона, котораго, къ стыду моему, еще не читалъ. Теперь начинаемъ уже пятый томъ. Книга умная и необходимая, въ особенности для знакомства съ Византійскою исторіей. Жизнь моя во Флоренціи была очень пріятна до того времени, какъ началась моя болѣзнь. Каждый день утромъ до завтрака я ѣздилъ верхомъ, возвращался въ 11 час., завтракалъ, садился за работу, въ 5 час. шелъ посмотрѣть газеты, въ 6 — обѣдалъ, часто у кого нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ оставался вечеръ. Я предъ тобою въ большомъ долгу, ты мнѣ еще писалъ изъ Москвы, я все собирался тебѣ отвѣчать и протянулъ до сихъ поръ. Впрочемъ, твое письмо изъ Москвы было нѣсколько страннаго содержанія; видно было, что ты писалъ его въ взволнованномъ состояніи. Не знаю, удастся ли мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ побывать у тебя въ Степановкѣ, куда сильно стремлюсь. Хотя доктора и обнадежи-

ваютъ меня, что черезъ три мѣсяца мнѣ можно будетъ ѣхать въ Россію, но какъ этому повѣрить? Ты легко поймешь, какъ мнѣ хочется теперь въ Россію. Живу я возлѣ Булонскаго лѣса, но только со вчерашняго дня пахнуло весной; до того времени стояли холода. Вѣроятно, это письмо найдетъ тебя уже съ Машей въ Степановкѣ. Если будешь писать ко мнѣ, то пожалуйста пиши поразборчивѣе, а то я не въ состояніи буду прочесть. Напиши мнѣ, какъ идетъ крестьянское дѣло? Есть ли у тебя сосѣди и каковы? Успѣшно ли идутъ твои работы? Слышно, что барщинѣ рѣшительно отказываются работать. Жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ, только пожалуйста разборчиваго письма. Обнимаю тебя и Машу. Извини, что не франкирую письмо, для того чтобъ оно вѣрнѣе дошло до тебя, что̀ сдѣлай и ты.

Твой *В. Боткинъ.*

Онъ же отъ 16 іюня 1861 года писалъ:

Passy.

„Ты въ такихъ хлопотахъ, любезный мой Фетъ, что у меня духъ захватываетъ, когда объ этомъ думаю; но не смотря на это, я радуюсь за тебя. Знаю, какъ трудно имѣть дѣло съ простымъ народомъ. Мы въ этомъ случаѣ находимся въ странномъ положеніи, именно: считать ли его за ребенка, который поступаетъ по неразумѣнію и слѣдственно долженъ внушать состраданіе, или презирать его, какъ нѣчто испорченное въ корнѣ. Но это будетъ невѣрно. Впрочемъ, думай какъ хочешь, а практика ужасна. Слава Богу, что Маша уже въ Степановкѣ; теперь ты покойнѣе. Ты, конечно, и безъ увѣреній моихъ повѣришь мнѣ, какъ я интересуюсь твоимъ хозяйствомъ, и потому держи меня au courant, что̀ происходитъ въ немъ. Не забудь также написать мнѣ о Толстомъ; я адресовалъ ему письмо въ Тулу; не знаю, дошло ли оно до него. Я продолжаю свое лѣченіе попрежнему, и въ будущемъ мѣсяцѣ докторъ мой пошлетъ меня, кажется, въ Пиринеи въ Bagnéres du Luchon. Хуже всего то, что онъ сомнѣвается, можно ли мнѣ будетъ ѣхать въ Россію на зиму; это будетъ видно только въ сентябрѣ. Но такъ или иначе, а

въ будущемъ маѣ я въ Степановкѣ.—Я слышалъ, что Дружининъ боленъ чахоткой. Это ужасно! Его участіе въ *Вѣкѣ* безцвѣтно, и чернокнижникъ, очевидно, опоздалъ десятью годами. Ты мнѣ не пишешь, заглядываешь ли ты въ русскіе журналы? Великое безобразіе въ нихъ творится. Петербургскіе журналы особенно отличаются имъ. Напиши, какъ вы проводите вечера? Я теперь до такой степени окруженъ скукой и однобразіемъ, что надо много силы, чтобы не впасть въ хандру. Читать я еще не могу, а мой докторъ говоритъ, что глаза мои поправятся не прежде шести мѣсяцевъ. Какова перспектива! Конечно, я могу уже теперь разобрать письмо, но послѣ каждыхъ десяти минутъ я долженъ давать отдыхъ глазамъ, иначе въ нихъ начинается ломъ и рѣзь.

„Въ писаніи то же самое или еще хуже. Слава Богу, что я по натурѣ еще не склоненъ къ хандрѣ. Извѣсти меня о Тургеневѣ; что онъ улаживаетъ ли со своими мужиками, и вообще о томъ, какъ это дѣло идетъ въ вашей сторонѣ?— Что это Маша совсѣмъ замолкла? Написала мнѣ письмо съ куриный носочекъ, да и замолкла. Ждешь подробностей о жизни, о знакомыхъ, обо всѣхъ мелочахъ, которыя такъ интересны вдали, и вмѣсто этого находишь только желаніе „всякаго благополучія“. Мнѣ ужь поистинѣ писать не о чемъ. Вотъ развѣ разсказать о вечерѣ, который давала моя хозяйка и который начался концертомъ: пѣлъ отставной теноръ 72 лѣтъ (я не шучу) и басъ 65 лѣтъ. Море пошлостей, которое меня здѣсь окружаетъ, несравненно хуже всякаго невѣжества. Это царство *de lieux communs* и, прибавлю, блаженное царство. Прощайте, милые друзья. Письма мнѣ адресуйте попрежнему.

Навсегда вамъ вѣрный *В. Боткинъ.*

9 іюля 1861 года онъ же:

Passy.

„Меня всегда интересуютъ вѣсти изъ Степановки, даже и тогда, когда онѣ не облачены въ такую милую форму, какъ послѣднее письмо. Движеніе вашей мирной и вмѣстѣ волнуе-

мой жизни находитъ симпатическій отзывъ во мнѣ, и я радуюсь и печалюсь по мѣрѣ того, какъ устроивается твое хозяйство. Я вѣрю тому, что никакая разумная дѣятельность даромъ не пропадаетъ. Тургеневъ говоритъ только, что у тебя глуховато. Кстати: сцена, бывшая у него съ Толстымъ, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Но знаешь ли, я думаю, что въ сущности у Толстаго страстно любящая душа, и онъ хотѣлъ бы любить Тургенева со всею горячностью, но къ несчастію, его порывчатое чувство встрѣчаетъ одно кроткое, добродушное равнодушіе. Съ этимъ онъ никакъ не можетъ помириться. А потомъ, къ несчастію, умъ его находится въ какомъ то хаосѣ представленій, т. е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падокъ онъ на крайности. Въ душѣ его кипитъ ненасыщаемая жажда, говорю ненасыщаемая, потому что, чтò вчера насытило его, нынче разбивается его анализомъ. Но этотъ анализъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ и твердыхъ реагентовъ и отъ этого въ результатѣ своемъ улетучивается ins blaue hinein. А не имѣя подъ ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать. И вотъ гдѣ причина, почему онъ *не можетъ* писать, и до тѣхъ поръ это продолжится, пока душа его на чемъ-нибудь успокоится. Прилагаю здѣсь маленькую записочку къ нему, которую при случаѣ пожалуйста ему перешли. Я ему уже писалъ, адресовалъ въ Тулу, но вѣрно письмо не дошло до него.

„Спасибо тебѣ! На нынѣшній разъ ты написалъ такъ разборчиво, что я безъ малѣйшаго труда пробѣжалъ твое письмо Глаза еще очень слабы и ломятъ отъ малѣйшаго напряженія. Лѣченіе мое продолжается попрежнему. Всего болѣе огорчило меня то, что мой докторъ оставляетъ меня на зиму въ Парижѣ, говоря, что необходимо мнѣ быть на его глазахъ. Цѣлую недѣлю я былъ отъ этого въ отчаяніи, но потомъ, сообразивъ, что докторъ мой уже такъ значительно помогъ мнѣ, рѣшился слѣдовать его совѣту. Вопервыхъ, я не люблю парижской зимы и этихъ домовъ, гдѣ все на живую нитку, а вовторыхъ, не люблю ни французской жизни, ни французскихъ нравовъ, ни французскихъ людей. Съ какимъ наслаж-

деніемъ я промѣнялъ бы теперь Парижъ на Москву! Но до тѣхъ поръ, пока не поправятся глаза мои, мнѣ нечего и думать о работѣ. Ты воображаешь, что я занятъ. Увы! по большей части только толченіе воды. Я никакъ не могу привыкнуть слушать чтеніе, и половина изъ него пропадаетъ попусту. Читая самъ, размышляешь, останавливаешься, иное перечитываешь снова, и все идетъ споро При слушаніи совсѣмъ не то. Что касается до интересовъ, то мнѣ кажется самому, что съ ослабленіемъ моихъ силъ и зрѣнія, они стали какъ будто живѣе. Но вѣдь теперь это чистая иронія. Но особенно радъ я тому, что ты, Маша, не скучаешь: да и какъ скучать, когда есть чтеніе, музыка и прогулка. Сравни мое положеніе съ твоимъ и возликуй душой. Тургеневъ и Толстой видѣли меня при началѣ моей болѣзни и конечно сказали вамъ, на чтò я былъ тогда похожъ. Теперь надо думать о томъ, какъ устроить себя на зиму: тепло и солнце для меня необходимы. Вамъ смѣшно покажется, что я въ началѣ іюля думаю уже о зимнихъ квартирахъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго 25 августа 1861 года:

„Увы! и тысячу разъ увы, мой дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—по зрѣломъ соображеніи не могу я быть у васъ, какъ бы того ни хотѣлось, не могу пострѣлять еще съ вами, выпить Редерера... Я уѣзжаю отсюда черезъ три дня и не останавливаясь скачу въ Парижъ. Очень, очень мнѣ это больно, но надо покориться необходимости. Очень мнѣ также досадно, что я не успѣлъ дать вамъ прочесть мой романъ и услышать отъ васъ дѣльное слово и умный совѣтъ. Что дѣлать! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, если Богъ дастъ, при пѣньи соловьиномъ я вновь увижу васъ, пѣвецъ весны. Пишите мнѣ въ Парижъ, poste restante, а я буду отвѣчать вамъ, смѣю прибавить, съ обычною аккуратностью. Будьте здоровы, это главное; не смущайтесь хозяйственными дрязгами и не гоняйте отъ себя прочь Музу, когда она вздумаетъ посѣтить васъ. Передайте мой усерднѣйшій поклонъ Марьѣ Петровнѣ и сосѣдямъ вашимъ также поклонитесь отъ меня. Пріѣзжайте сюда въ сентябрѣ: здѣсь бываетъ отличная вальдшнепиная

охота, въ которой я, къ горю моему, участія не приму... Но Аѳанасій съ *Весной* будетъ вамъ сопутствовать. Еще разъ крѣпко жму вамъ руку и цѣлую вашу патріархальную бороду.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Изъ Парижа онъ же отъ 23 сентября 1861 года:

„Сердцу моему любезнѣйшій Фетъ, я пріѣхалъ сюда недѣлю тому назадъ, но только на дняхъ поселился на квартирѣ, адресъ которой вамъ посылаю: rue de Rivoli, 210; та же квартира, что̀ и въ прошломъ году. Дочь свою я нашелъ, какъ говорится, въ лучшемъ видѣ и остальныхъ знакомыхъ тоже; ѣздилъ въ Куртавнель, и, глядя на зеленую воду рва, вспоминалъ о васъ. Съ Боткинымъ видѣлся сегодня; онъ ѣздилъ прогуляться въ Женеву и вообще смотритъ молодцомъ, хотя все еще недоволенъ своими глазами; но должно полагать, что къ веснѣ онъ совершенно поправится. Я ему много разсказывалъ; какъ вы можете себѣ представить, мы смѣялись и безпрестанно переносились мыслію въ необозримыя поля, окружающія Степановку. Каково-то вы поохотились хоть на вальдшнеповъ? Здѣсь стоитъ такая теплынь, что всѣ ходятъ въ лѣтнихъ штанахъ. — Это не письмо, а такъ записочка, назначеніе которой *задрать* васъ, т. е. вызвать отъ васъ отвѣтъ, на который съ моей стороны послѣдуетъ отвѣтъ,—и такъ далѣе. А у меня пока всѣ мысли разбѣжались, словно испуганное стадо барановъ, хотя собственно пугаться было нечему: приписываю это внезапной перемѣнѣ образа жизни, климата и т. д. Здоровье впрочемъ недурно. Ну, будьте здоровы. Крѣпко жму вамъ руку и дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, Борисову и всѣмъ пріятелямъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

8 ноября 1861 года онъ же изъ Парижа:

„О любезнѣйшій Фетъ, о Іеремія южной части Мценскаго уѣзда,—съ сердечнымъ умиленіемъ внималъ я вашему горестному плачу, и въ то же время тайно надѣялся, что, какъ говорятъ французы, чортъ не такъ черенъ, какимъ его представляютъ. Нашли же вы добродѣтельнаго механика само-

учку, найдете и средство запродать вашъ хлѣбъ, который не можетъ не подняться въ цѣнѣ, ибо Франціи грозитъ голодъ. А потому предсказываю вамъ, что съ терпѣніемъ и выдержкой вы пробьетесь побѣдоносно черезъ всѣ затрудненія, и при нашемъ свиданіи весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ"— все будетъ обстоять благополучно. Только нужно будетъ вамъ брать примѣръ съ здѣшняго императора: онъ отказывается отъ всякихъ излишнихъ построекъ и издержекъ, и вы покиньте дерзостную мысль о воздвиженіи каменныхъ конюшень и т. д. и т. д. Кстати „еще одно послѣднее сказанье" о несчастной исторіи съ Толстымъ. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я узналъ отъ *вѣрныхъ людей* (охъ, ужь эти мнѣ вѣрные люди!), что по Москвѣ ходятъ списки съ послѣдняго письма Толстаго ко мнѣ (того письма, гдѣ онъ меня „презираетъ") — списки, будто бы распущенные самимъ Толстымъ. Это меня взбѣсило, и я послалъ ему отсюда вызовъ на время моего возвращенія въ Россію. Толстой отвѣчалъ мнѣ, что это распространеніе списковъ—чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, что и какъ я его оскорбилъ—*проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова*. Разумѣется, на этомъ дѣло и должно покончиться, и я только прошу васъ сообщить ему (такъ какъ онъ пишетъ мнѣ, что всякое новое обращеніе къ нему отъ моего лица онъ сочтетъ за оскорбленіе), что я самъ отказываюсь отo всякаго вызова и т. п., и надѣюсь, что все это похоронено навѣкъ. Письмо его (извинительное) я уничтожилъ, а другое письмо, которое, по его словамъ, было послано ко мнѣ черезъ книгопродавца Давыдова, я не получилъ вовсе. А теперь, всему этому дѣлу de profundis. Ну съ, что̀ еще сказать вамъ? Живу я здѣсь au jour le jour, пользуясь порядочнымъ здоровьемъ и не безъ унынія прислушиваясь ко всему, что доходитъ сюда изъ Россіи. Многое можно было предвидѣть, многое я предсказывалъ въ Петербургѣ, но отъ этого не легче. Господи! ужь на что долго продолжается молотьба или правильнѣе молотіе, когда же изъ насъ мука выйдетъ? Чтеніе россійскихъ журналовъ не способствуетъ къ уменьшенію унынія. Что касается до моей повѣсти (о которой такъ благопріятно отозвался все тотъ же *единственный*

французъ *), „ночной фортопіанистъ“), то она, по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, не явится раньше весны, а потому мы можетъ-быть прочтемъ ее вмѣстѣ. Можетъ-быть она даже совсѣмъ нигдѣ не явится.—Усердный поклонъ вашей женѣ, Борисову, его женѣ, всѣмъ сосѣдямъ, пріятелямъ и вообще всей русской сути, которую вы такъ браните, но которая издали мнѣ кажется милой. Вамъ я крѣпко жму руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Не смотря на то, что Степановка находилась отъ Новоселокъ на семидесяти-верстномъ разстояніи къ югу по мценско-курской большой дорогѣ, Борисовы пріѣхали насъ навѣстить. Но потому ли, что Надя жалѣла объ окончательной разлукѣ съ нами, или подъ тайнымъ вліяніемъ болѣзни, которая, по словамъ Борисова, никогда окончательно не прекращалась, Надя смотрѣла на наше болѣе чѣмъ скромное житье съ явнымъ оттѣнкомъ раздраженія.

Наступила осень. Сельскія работы пришли къ концу, но человѣку, занятому небольшимъ хозяйствомъ не въ качествѣ дилетанта, нечего было думать объ отъѣздѣ въ городъ, если онъ не хотѣлъ рисковать послѣдними средствами къ жизни. Зато неудержимое стремленіе жены моей въ Москву изъ нашего болѣе чѣмъ монастырскаго уединенія было весьма понятно. Вначалѣ декабря небольшой снѣжокъ позволилъ намъ запречь нашу троечную кибитку и доѣхать въ ней съ горемъ пополамъ къ Борисовымъ въ Новоселки, въ ожиданіи новаго снѣга, т. е. возможности продолжать путь по шоссе. Это ожиданіе томительно длилось до двадцатыхъ чиселъ декабря, когда по выпавшему снѣгу мы переѣхали на одинъ ночлегъ къ Ник. Ник. Тургеневу въ Спасское.

Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ, мы и на

*) Делаво, о которомъ выше говорено, имѣлъ привычку, разсуждая, закрывать глаза и усилено перебирать своими костлявыми пальцами, за что въ разговорѣ съ Тургеневымъ я прозвалъ этого прекраснаго человѣка «ночнымъ фортопіанистомъ», а Тургеневъ прибавилъ, что это единственный знакомый мнѣ французъ. Если прибавить: изъ литературнаго міра, то это будетъ справедливо.

этотъ разъ остановились въ Москвѣ въ домѣ братьевъ Боткиныхъ.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 7 января 1862 года:

„Добродѣтельный и прелестный другъ мой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, здравствуйте! Получилъ я два ваши милыя и, какъ водится, парадоксальныя письма и отвѣчаю. Я прежде всего радуюсь за васъ, что дѣла ваши идутъ не настолько плохо, чтобы лишить васъ возможности увидѣть царь-пушку, башню-Кутафью, Иверскія ворота и другіе сердцу вашему любезные предметы. Надѣюсь, что вы не будете слишкомъ негодовать на Москву и даже поѣдете въ засѣданіе Общества Любителей Словесности и прочтете въ ономъ стихотвореніе *Тополь*. А раннею весной, когда птицы полетятъ опять „къ берегамъ расторгающимъ ледъ", — мы, Богъ дастъ, опять увидимся и опять мирно куликнемъ, поболтаемъ и поспоримъ. Мы и теперь поболтаемъ, но по пунктамъ для краткости.

1. „Здоровье мое порядочно; въ Парижѣ скучаю не очень: дочь свою еще не выдалъ, и ничего еще не видится въ туманной дали будущаго.

2. „Въ *Revue des deux mondes* появился переводъ „Дневника лишняго человѣка" и произвелъ неожиданный эффектъ.

3. „Узналъ я черезъ Достоевскаго, что Островскій привезъ въ Петербургъ оконченную драму въ стихахъ: *Мининъ*. Удивился и взволновался и думаю, что это можетъ-быть выйдетъ нѣчто великое, во всякомъ случаѣ замѣчательное.

4. „Боткинъ здравствуетъ, даетъ квартетныя утра, жалуется на глаза и ѣстъ гигантски.

5. „Повѣсть моя, къ сожалѣнію моему, вслѣдствіе различныхъ сплетенъ, появится въ первой или во второй книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Говорю, — къ сожалѣнію, — потому что я ею не совсѣмъ доволенъ. Прочтете, скажете свое сужденіе.

6. „Насчетъ англичанъ, которыхъ я самъ очень люблю, вы дали маху. По воскресеньямъ они точно запираютъ всѣ лавки, *исключая*, замѣтьте,—*исключая* кабаковъ, въ которыхъ народъ можетъ невозбранно упиваться до послѣднихъ степеней безобразія. Водка все побѣждаетъ, даже англійскій пуританизмъ.

7. „Прочтите въ *Современникѣ* повѣсть Помяловскаго: „Мо-

лотовъ“—носъ вашъ учуетъ нѣчто похожее на свѣжее вѣяніе чего-то похожаго на талантъ.

„А теперь безъ пунктовъ: видѣли ли вы Толстаго? Я *сегодня только* получилъ письмо, посланное имъ въ сентябрѣ черезъ книжный магазинъ Давыдова (хороша исправность купцовъ русскихъ!)—ко мнѣ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи оскорбить меня, извиняется и т. д. А я почти въ то самое время, вслѣдствіе другихъ сплетенъ, о которыхъ я, кажется, писалъ вамъ, посылалъ ему вызовъ и т. д. Изо всего этого должно вывести заключеніе, что наши созвѣздія рѣшительно враждебно двигаются въ ѳеирѣ, и потому намъ лучше всего, какъ онъ самъ предлагаетъ, избѣгать свиданія. Но вы можете написать ему или сказать (если вы увидите), что я (безъ всякихъ фразъ и каламбуровъ) *издали* его очень люблю, уважаю и съ участіемъ слѣжу за его судьбой, но что вблизи все принимаетъ другой оборотъ. Что̀ дѣлать! намъ слѣдуетъ жить, какъ будто мы существуемъ на различныхъ планетахъ или въ различныхъ столѣтіяхъ.

„Боткинъ сегодня былъ у меня и велитъ излить передъ вами всю свою нѣжность. Онъ извиняется, что не пишетъ, но увѣряетъ, что любитъ васъ искренно и сердечно.—Поклонитесь отъ меня всѣмъ пріятелямъ, разумѣется, начиная съ вашей жены. Вы вѣроятно увидите Маслова, пожмите ему руку. А объ геррѣ О...... надо подумать. Неужели такъ всѣмъ деньгамъ и пропадать!

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

14 января 1862 года онъ же:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, прежде всего я чувствую потребность извиниться передъ вами въ той совершенно неожиданной черепицѣ (tuile, какъ говорятъ французы), которая свалилась вамъ на голову, по милости моего письма. Одно, что меня утѣшаетъ нѣсколько, это то, что я никакъ не могъ предвидѣть подобную выходку Толстаго и думалъ все устроить къ лучшему; оказывается, что это такая рана, до которой уже лучше не прикасаться. Еще разъ

прошу у васъ извиненія въ моемъ невольномъ грѣхѣ. О себѣ ничего не могу сказать утѣшительнаго: я былъ довольно сильно боленъ, такъ что даже пролежалъ дней шесть въ постели, и до сихъ пóръ не могу поправиться какъ слѣдуетъ: какой-то чертъ сидитъ во мнѣ до сихъ поръ въ видѣ головной боли, постоянной ломоты во всемъ тѣлѣ, страшнѣйшаго насморка, отсутствія аппетита и т. д. Будемъ выжидать чѣмъ все это кончится. Впрочемъ, жизнь течетъ однообразно и глупо-глухо, какъ болотная рыжая рѣчка по поводнымъ камышамъ и травамъ. На дняхъ я привелъ къ окончанію всѣ мои поправки въ новой повѣсти и отдалъ ихъ нѣкоему Щербаню, который повезетъ ихъ въ Москву. По напечатаніи прочтите и сообщите свое нелицемѣрное мнѣніе. И очень интересуетъ меня *召Мининъ* Островскаго и ваше сужденіе о немъ. Надѣюсь, что вы уже сообщили мнѣ это сужденіе.

„Спасибо заранѣе за коляску; я увѣренъ, что, не находясь въ необходимости скупиться, вы закажете прелестную и комфортабельную вещь, въ которой мы будемъ разъѣзжать съ вами и, надѣюсь, удачнѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

„А стихотвореніе *Тополь* уже прочтено вами въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.—Сознайтесь!

„Кланяйтесь всѣмъ хорошимъ московскимъ пріятелямъ и не сердитесь слишкомъ на Аксаковскій *День*. Борисовъ писалъ мнѣ о вашей статьѣ: *Лирическое хозяйство*. Я увѣренъ, что это будетъ прелестно, хотя крайне несправедливо. Поэтъ *можетъ* быть несправедливымъ въ извѣстномъ смыслѣ, хотя въ *другомъ* смыслѣ онъ долженъ быть справедливъ, какъ божество.

„Еще разъ кланяюсь всѣмъ, дружески жму вамъ руку и остаюсь преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

В. Боткинъ писалъ:

Парижъ
28 января 1862.

„Милая моя Маша и дражайшій мой Фетъ!

„Давно я не писалъ къ вамъ, но вы не должны выводить изъ того, что я отдалился отъ васъ, или что я васъ люблю менѣе прежняго, это будетъ неправда; не писалъ я оттого,

что мнѣ крайне затруднительно писать. Сколько писемъ написалъ я къ вамъ, но увы! письма залеживались неконченными, а время уходило. Хотѣлось сказать многое, и въ результатѣ выходило, что не говорилось ничего. Но вы не сомнѣвайтесь въ моей къ вамъ привязанности. Близится, близится время моего отъѣзда отсюда, и свиданія съ вами; дай Богъ только, чтобы здоровье мое поддержало меня: и страшитъ, и радуетъ меня этотъ дальній путь. Но когда я оставлю Парижъ, вы уже давно будете въ Степановкѣ; какъ-то попаду я туда? Что скажу вамъ о себѣ? Общее состояніе моего здоровья, безъ сомнѣнія, поправилось; изъ борьбы съ болѣзнью я вышелъ хотя далеко не побѣдителемъ, но по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшимъ; наша взяла, хотя рыло въ крови. На организмѣ остались глубокіе слѣды болѣзни, напримѣръ, на глазахъ моихъ: однимъ глазомъ я вижу очень мало, а другимъ слабо; въ организмѣ нѣтъ силъ, почти постоянно чувствую себя усталымъ, а иногда и говорить трудно отъ слабости. Съ такими условіями жизнь для меня уже не прежній цвѣтущій лугъ. Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grünen Gefühle, о которыхъ говоритъ Жанъ-Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но зато Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ 50 лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе видишь пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ чему стремилась душа въ юности, то оказывается неизмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастіе, то и теперь даетъ ей счастіе. Неизслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что су-

ществуетъ что-то, называемое людьми мыслію, что-то, называемое поэзіей, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастіе, и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы органы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнью вселенной,—но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ *способность* испытывать неизреченныя наслажденія. Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, что мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастье. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіемъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами.

„Зимняя жизнь моя въ Парижѣ устроилась, сверхъ моего ожиданія, очень пріятно. Вопервыхъ, большой рессурсъ для меня Тургеневъ, слѣдовательно есть всегда возможность обмѣняться живымъ словомъ, а это великое дѣло! Потомъ есть нѣсколько близкихъ знакомыхъ, а въ довершеніе всего я завелъ у себя разъ въ недѣлю квартетъ, составленный изъ артистовъ, поставившихъ себѣ спеціальною цѣлью послѣдніе квартеты Бетховена. Уже одна такая задача достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ качествахъ. Одного я жалѣю, что тебя здѣсь нѣтъ, это бы усладило тебя. Это дало мнѣ возможность хорошо узнать послѣдній и самый потрясающій стиль Бетховена. На эти квартеты собираются мои знакомые, въ томъ числѣ M me Віардо, самая энтузіастическая поклонница этого рода музыки. По субботамъ бываютъ вечера у нея,—тамъ пѣніе. По воскресеньямъ бываю въ Concerts populaires, которые устроились съ начала зимы, и гдѣ исключительно исполняютъ классическую музыку,—и очень недурно. Я близко сошелся съ Шульгофомъ, — словомъ, музыка теперь преобладающій элементъ моей жизни. Можетъ-быть это причиной того, что я не впадаю въ хандру. Это самый животворный источникъ для души. Это не въ укоръ тебѣ будь сказано,

любезный мой Фетъ. Впрочемъ, художники словъ или, вѣрнѣе, музыканты словъ рѣдко понимаютъ музыкантовъ звуковъ. Только такія половинчатыя натуры, какъ я, могутъ заглядывать въ обѣ эти сферы, столь родственныя и столь отдѣльныя въ спеціальномъ своемъ развитіи. Нигдѣ не видно, чтобы величайшій музыкантъ словъ, Гёте, любилъ музыку. О русской литературѣ знаю я больше изъ объявленій о книгахъ и журналахъ; иногда удается поймать иной нумеръ журнала; такъ удалось мнѣ прочесть статью В. Стасова о Брюловѣ. Превосходная статья. Теперь томлюсь жаждой прочесть *Минина*. Повѣсть Тургенева *Отцы и Дѣти* уже сдана съ исправленіями Щербаню, который на дняхъ уѣзжаетъ въ Москву. Вотъ поднимутся крики и толки.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ*.

Если память моя, такъ вѣрно хранящая не только событія, важныя по отношенію къ дальнѣйшему теченію моей жизни, но даже тѣ или другія слова, въ данное время сказанныя, тѣмъ не менѣе не удержала обстоятельствъ, возобновившихъ мои дружескія съ Толстымъ отношенія послѣ его раздражительной приписки, то это только доказываетъ, что его гнѣвъ на меня явился крупною градиной въ іюлѣ, которая должна была сама растаять, хотя предполагаю, что дѣло произошло не безъ помощи Борисова. Какъ бы то ни было, но Левъ Николаевичъ снова появился на нашемъ горизонтѣ и со свойственнымъ ему увлеченіемъ сталъ говорить мнѣ о своемъ знакомствѣ въ домѣ доктора Б—а.

Воспользовавшись предложеніемъ графа представить меня семейству Б—а, я нашелъ любезнаго и свѣтски обходительнаго старика доктора и красивую, величавую брюнетку жену его, которая, очевидно, главенствовала въ домѣ. Воздерживаюсь отъ описанія трехъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ младшая обладала прекраснымъ контральто. Всѣ онѣ, не взирая на бдительный надзоръ матери и безукоризненную скромность, обладали тѣмъ привлекательнымъ оттѣнкомъ, который французы обозначаютъ словомъ *du chien*. Сервировка стола и самый обѣдъ повелительной хозяйки дома были безукоризненны. Однажды, когда съ чашками послѣобѣденнаго кофе

мы сидѣли въ гостиной, а хозяйка на креслѣ подъ окномъ щипчиками клала себѣ въ ротъ изъ ящичка какіе-то черные кусочки, я не могъ не спросить: „что это вы кушаете“? и услыхалъ: „березовые угольяˮ.

До насъ доходили слухи, что Толстой съ необычайнымъ постоянствомъ и увлеченіемъ посѣщаетъ любезное семейство доктора. Въ послѣднемъ не трудно было мнѣ убѣдиться лично: я видѣлъ, что Толстому тутъ хорошо, но кто преимущественно виной очарованія,—отгадать не могъ.

Однажды утромъ, когда сожитель нашъ по флигелю, красивый и всегда привѣтливый туристъ, одинъ изъ четырехъ членовъ фирмы, Николай Боткинъ уѣхалъ со двора, въ передней раздался звонокъ, и каково было мое изумленіе, когда въ комнату вошелъ въ драгунскомъ полковничьемъ мундирѣ Василій Павловичъ М—ъ. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, до крайности стѣсненный экономическими дѣлами, я пробовалъ напоминать Василію Павловичу о четырехстахъ рубляхъ за уступленнаго ему Глазунчика. Но убѣдившись въ полной съ его стороны невозможности заплатить долгъ, я счелъ дальнѣйшія напоминанія безполезною назойливостью и замолчалъ. Не взирая на это, мы встрѣтились самымъ дружественнымъ образомъ, и Василій Павловичъ передалъ мнѣ, что, назначенный командиромъ бывшаго моего Кирасирскаго Военнаго Ордена полка, переименованнаго въ Драгунскій, онъ въ настоящее время отправляется къ мѣсту назначенія и радъ возможности обнять меня. Когда мы сообщили другъ другу наиболѣе для насъ интересное, въ передней снова раздался звонокъ, видимо смутившій Василія Павловича, который, со свойственною ему застѣнчивостью, хватаясь за боковой карманъ, сказалъ: „у меня здѣсь небольшой вамъ должокъ. Извините Бога ради. Вотъ 400 рублей за Глазунчика да еще 100 рублей за парадный вальтрапъ. Гдѣ вы сегодня обѣдаете?“ прибавилъ онъ скороговоркой.

— Гдѣ вамъ угодно, отвѣчалъ я,—я совершенно свободенъ.

— Нельзя ли бы какъ-нибудь попасть въ Купеческій клубъ? Тамъ сегодня, я слышалъ, уха.

Въ это время въ дверь вошелъ Николай Петровичъ Боткинъ, и, познакомивъ его съ М—ымъ, я сказалъ: „насчетъ

Купеческаго клуба ни къ кому нельзя лучше обратиться, чѣмъ къ Николаю Петровичу".

— Теперь по случаю ухи, отвѣчалъ Николай Петровичъ,— билеты всѣ разобраны, и законнаго пути для входа въ клубъ болѣе нѣтъ. Но пріѣзжайте въ 5 часовъ и вызовите меня, а ввести васъ мое дѣло.

Въ назначенный часъ, спустившись съ лѣстницы, намъ навстрѣчу, Николай Петровичъ, одинъ изъ старшинъ клуба, передалъ Василію Павловичу свой членскій билетъ, а меня, взявъ подъ руку, ввелъ въ залу. Нечего говорить, что въ скоромъ времени за обѣдомъ слуга принесъ мнѣ стаканъ Редерера отъ Василія Павловича и тѣмъ напомнилъ нашу недавнюю старину. Когда по окончаніи обѣда мнѣ, не играющему ни въ какія денежныя игры, стало скучно, и я захотѣлъ проститься съ Василіемъ Павловичемъ,—мнѣ сказали, что онъ засѣлъ въ лото. Волей-неволей приходилось подождать, такъ какъ онъ сказалъ, что скоро кончитъ.

— Ну что̀, чѣмъ кончили? спросилъ я вышедшаго ко мнѣ черезъ часъ М—а.

— Не везетъ что-то, отвѣчалъ онъ.

— Много ли проиграли?

— Семьсотъ рублей. Да говорятъ тутъ сильная игра въ палки: пойду тамъ попытать счастья.

— Въ такомъ случаѣ позвольте съ вами проститься, сказалъ я и уѣхалъ домой.

На другой день Николай Петровичъ передалъ мнѣ, что М—ъ не только отыгралъ проигрышъ, но и выигралъ еще рублей тысячу.

Въ Степановкѣ, куда я уѣхалъ одинъ, я нашелъ слѣдующее письмо Тургенева отъ 4 февраля 1862 года.

Парижъ.

„Крайне неблагодарно было бы съ моей стороны, любезнѣйшій Фетъ, не отвѣчать на ваши дружескія и многочисленныя письма, и потому я берусь за перо и направляю это посланіе въ благословенную Степановку, гдѣ, по вашимъ словамъ, вы будете черезъ нѣсколько дней. Прежде всего привѣтствую васъ съ возвращеніемъ въ ваше мирное, сельское убѣ-

жище, единственно приличное убѣжище для человѣка средних лѣтъ въ нашемъ родѣ. Еслибъ я не былъ такъ искренно къ вамъ привязанъ, я бы до остервенѣнія позавидовалъ вамъ, я, который принужденъ жить въ гнусномъ Парижѣ и каждый день просыпаться съ отчаянною тоской на душѣ... Но что̀ объ этомъ говорить; а лучше перенестись мыслію въ наши *палестины* и вообразить себя сидящимъ съ вами въ отличной колясвѣ (по вашей милости) и ѣдущимъ на тетеревовъ,— найдемъ же мы ихъ наконецъ, чортъ возьми! Въ нынѣшнемъ году я приму другія мѣры и надѣюсь, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ. Если Богъ дастъ, въ концѣ апрѣля я въ Степановкѣ.

„Я ожидалъ отчета о *Мининѣ*, а вы мнѣ прислали цѣлую діатрибу по поводу *Молотова*. Знаете ли что̀, милѣйшій мой? Такъ же какъ Толстаго страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу, такъ и васъ отвращеніе къ уму въ художествѣ довело до самыхъ изысканныхъ умствованій и лишило именно того наивнаго чувства, о которомъ вы такъ хлопочете. Вмѣсто того, чтобы сразу понять, что *Молотовъ* написанъ очень молодымъ человѣкомъ, который самъ еще не знаетъ, на какой ногѣ ему плясать, вы увидали въ немъ какого-то *образованнаго Панаева*. Вы не замѣтили двухъ-трехъ прекрасныхъ и *наивныхъ* страницъ о томъ, какъ развивалась и росла эта Надя или Настя, вы не замѣтили другихъ признаковъ молодаго дарованія и уткнулись въ наносную пыль и сушь, о которой и говорить не стоило. Впрочемъ, это между нами нескончаемый споръ: я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче, а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно.

То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! маршъ! стой, равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, равняйсь!“—И чудесно! сто̀итъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ по-вашему?) Гёте:

«Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!»

„Я радъ, что вы по крайней мѣрѣ сошлись съ Толстымъ, а то это было ужь очень странно; что же касается до представленія моего *Нахлѣбника*, то это одно изъ тѣхъ несчастій, которыя могутъ случиться со всякимъ порядочнымъ человѣкомъ. Воображаю, что̀ это будетъ за мерзость! И пьеса, и исполнители ея одинаково достойны другъ друга

„Досвиданія! Крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь вашей женѣ, и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

5 марта того же года онъ же:

Парижъ.

„Величественный и прелестный другъ мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я вчера получилъ ваше письмо изъ Степановки отъ 15 февраля (эка, подумаешь, почта-то, почта-то!) и долженъ сказать, что оно столь же мило, сколь неразборчиво, und das ist viel! Одолѣвъ его въ потѣ лица, я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно одних и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычай всякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

«C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau».

„Вотъ и *Мининъ* не вытанцовался по причинѣ ума; а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садисъ?* А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать

ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ,—умъ могъ-бы помѣшать этому, а ужь никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтенiи моей новой повѣсти, которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишите уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ. Смотрите! *)

„Но Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ умомъ, и съ *Мининымъ*, и съ литературой. Замѣчу только, что авторъ *Юрія Милославскаго* Загоскинъ былъ такъ глупъ, что удовлетворилъ бы даже вашимъ требованiямъ, а выходило у него не лучше.—Итакъ, вы въ Степановкѣ. Непремѣнно мы должны провести 1 мая вмѣстѣ. Это уже рѣшено и подписано; развѣ кто-нибудь изъ насъ умретъ, какъ бѣдный Панаевъ. Вотъ никакъ не ожидалъ я, что этотъ человѣкъ такъ скоро кончитъ. Онъ казался олицетворенньмъ здоровьемъ. Жаль его не въ силу того, что̀ онъ могъ бы еще сдѣлать, даже не въ силу того, что онъ сдѣлалъ, а жаль человѣка, жаль товарища молодости! *Современникъ* безъ новаго поэта будетъ ли продолжать свистать? Но я опять вдаюсь въ литературу.

„Я получаю изъ деревни преоригинальнѣйшiя письма отъ дяди. Новѣйшiя усовершенствованiя крестьянскаго быта взвинтили его до какой-то отчаянной иронiи. Спасскiе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческiя уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитняхъ, „пожалуютъ, смилуются“!

„А жажду я прочесть ваше *Лирическое хозяйство*. Я увѣренъ, что это вышло преудивительно и превеликолѣпно. Съ Борисовымъ я изрѣдка перекидываюсь письмами: онъ премилый. Постараемся въ нынѣшнемъ году поохотиться лучше прошлогодняго. Аѳанасiй, говорятъ, совсѣмъ одряхлѣлъ. Это горестно.

„Толстой написалъ Боткину, что онъ въ Москвѣ проигрался и взялъ у Каткова 1.000 руб. въ задатокъ своего кавказ-

---

*) Въ подлинномъ письмѣ нарисованъ заяцъ, на спинѣ котораго написано: *умъ*,—и настигающая его борзая собака, съ лицомъ бородатаго человѣка и съ надписью на спинѣ: *Фетъ*.

скаго романа. Дай-то Богъ, чтобы хоть этакимъ путемъ онъ возвратился къ своему настоящему дѣлу. Его *Дѣтство и юность* появилось въ англійскомъ переводѣ и, сколько слышно, нравится. Я попросилъ одного знакомаго написать объ этомъ статью для *Revue des deux mondes*. Знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, безсмысленно. А что подѣлываетъ *Ясная Поляна?* (я говорю о журналѣ). Ну, прощайте! или нѣтъ — досвиданія! Кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Итакъ, подумалъ я по прочтеніи письма,—нашего добродушнаго и радушнаго Панаева не стало. Чтобы не впасть въ невольную ошибку, не буду говорить ничего о матеріальной жизни его, съ которою знакомъ весьма отрывочно и неосновательно. Въ словахъ Тургенева о немъ просвѣчиваетъ то же дружелюбное чувство, которое возникаетъ во мнѣ при воспоминаніи о немъ. Жажда всяческой жизни была для него непосредственнымъ источникомъ всѣхъ восторговъ и мученій, имъ испытанныхъ. Не разъ помню его ударяющимъ себя съ полукомическимъ выраженіемъ въ грудь туго накрахмаленной сорочки и восклицающимъ, какъ бы въ свое оправданіе: „вѣдь я человѣкъ *со вздохомъ!*“ Уже одно то, что онъ нашелъ это выраженіе, доказываетъ справедливость послѣдняго.

19 марта того же года Тургеневъ писалъ:

Парижъ.

„Милѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, не могу не отвѣчать хотя коротенькою записочкой на ваше большое и прекрасное письмо, въ которомъ на *сей разъ* все дѣльно, вѣрно и— den Nagel auf den Kopf getroffen—за исключеніемъ, однако, стиховъ, которыхъ я со второй строфы до судороги не понимаю. Тамъ есть такой: „хоръ замеръ“,—отъ котораго шестидневный мертвецъ въ гробу перевернется. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы потолкуемъ при свиданіи. Господи! какъ мы будемъ кричать! и какъ я буду радъ кричать! Вы въ Степановкѣ. Поздравляю! Теперь уже не только грачи, но жаворонки прилетѣли, дороги грязны, снѣгъ разрыхленъ (экое, однако, выскочило слово!), вода журчитъ вездѣ и на-

дуваются почки. Славное время! Здѣсь уже листья распустились и деревья зеленѣютъ, но какъ-то все холодно и не весной смотритъ. Можетъ быть это мнѣ кажется отъ того, что уже вся душа моя уѣхала отсюда и витаетъ между нашими оврагами.

„Я еще не получилъ экземпляра моей повѣсти, но уже три письма прибыло: отъ Писемскаго, Достоевскаго и Майкова объ этой вещи. Первый бранитъ главное лицо, вторые два хвалятъ все съ увлеченіемъ. Это меня порадовало, потому что самъ я преисполненъ былъ сомнѣнія. Я вамъ, кажется, писалъ, что люди, которымъ я вѣрю, совѣтовали мнѣ сжечь мою работу; но скажу безъ лести, что жду вашего мнѣнія для того, чтобы окончательно узнать, чтò мнѣ слѣдуетъ думать. Я съ вами спорю на каждомъ шагу, но въ вашъ эстетическій смыслъ, въ вашъ вкусъ вѣрю твердо и скажу вамъ на ухо, что по вашей милости поколебленъ насчетъ *Грозы*. Вы пожалуйста, какъ только прочтете *Отцы и Дѣти*, тотчасъ же за перо и валяйте на бумагу все, чтò у васъ будетъ на душѣ. Выйдетъ очень хорошо, да я же привыкъ понимать васъ, какъ бы иногда темно и чудно ни выражался вашъ языкъ. (Писемскій хотѣлъ бы видѣть въ Базаровѣ повтореніе Калиновича и потому недоволенъ). Однимъ словомъ (говоря вашимъ стихомъ),—жду!

„Я не могу себѣ иначе представить васъ теперь, какъ стоящимъ по колѣно въ водѣ въ какой-нибудь *траншеѣ*, облеченнымъ въ халатъ, съ загорѣлымъ носомъ и отдающимъ сиплымъ голосомъ приказы работникамъ. Желаю вамъ всяческихъ успѣховъ и *до*-небесной пшеницы. Кланяюсь вашей женѣ, жму вамъ руку и до свиданья.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

6 апрѣля 1862 года онъ же:

Парижъ.

„Прежде всего, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спасибо за письмо, и еще больше было бы спасибо, еслибы вы не сочли за нужное, избивая меня, надѣть бѣлыя перчатки. Повѣрьте, я отъ друзей выносилъ и умѣю выносить самую рѣзкую правду. Итакъ, не смотря на всѣ ваши эвфемизмы, *Отцы и Дѣти* вамъ не нравятся. Преклоняю голову, ибо дѣ-

лать тутъ нечего; но хочу сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно и напрасно. Вы приписываете всю бѣду *тенденціи, рефлексіи,* уму однимъ словомъ. А по настоящему надо просто было сказать — мастерства не хватило. Выходитъ, что я наивнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Тенденція! а какая тенденція въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, позвольте спросить? Хотѣлъ ли я обругать Базарова, или его превознести? Я *этого самъ не знаю,* ибо не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вотъ тебѣ и тенденція! Катковъ распекалъ меня за то, что Базаровъ у меня вышелъ въ апоѳеозѣ. Вы упоминаете также о параллелизмѣ; но гдѣ онъ, позвольте спросить, и гдѣ эти *пáры*, вѣрующіе и невѣрующіе? Павелъ Петровичъ вѣритъ или не вѣритъ? Я этого не вѣдаю, ибо я въ немъ просто хотѣлъ представить типъ С—ыхъ, Р—овъ и другихъ рускихъ ех-львовъ. Странное дѣло: вы меня упрекаете въ параллелизмѣ, а другіе пишутъ мнѣ: зачѣмъ Анна Сергѣевна не высокая натура, чтобы полнѣе выставить контрастъ ея съ Базаровымъ? Зачѣмъ старики Базаровы не совершенно патріархальны? Зачѣмъ Аркадій пошловатъ и не лучше ли было представить его честнымъ, но мгновенно увлекшимся юношей? Къ чему Ѳеничка и какой можно сдѣлать изъ нея выводъ? Скажу вамъ одно, что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно. Изъ этого я не хочу вывести заключенія, что стало-быть я молодецъ; напротивъ, то, что̀ можно заключить изъ моихъ словъ, даже обиднѣе для меня: я не то, чтобы перехитрилъ, а не сумѣлъ; но истина прежде всего. А впрочемъ omnia vanitas.

„Полагаю выѣхать отсюда черезъ три недѣли непремѣнно; какъ нарочно, передъ самымъ концомъ наклевываются женихи; и знаю, что ничего не выйдетъ, а нельзя: нужно долгъ исполнить до конца. Мы, вѣроятно, отъявимся въ Россію съ великимъ Василіемъ Петровичемъ. Заранѣе радуюсь и Степановкѣ, и нашимъ бесѣдамъ, и охотамъ, и пр., и пр. Здѣсь деревья распустились совершенно, а весны все еще не было. Холодъ и холодъ!

„Поклонитесь пожалуйста низехонько вашей женѣ и прочимъ пріятелямъ. Дружески жму вамъ руку и остаюсь навсегда преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Какова комедія: дворянскіе выборы во второй книжкѣ *Современника*! Неужели это не геркулесовскіе столбы пошлости? Хороши тоже стишки Некрасова, сего перваго изъ современныхъ піитовъ россійскихъ!“

23 апрѣля 62 года онъ же:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Фетъ, пишу вамъ сіи немногія строки для того, чтобы извѣстить васъ съ возможною точностью о времени моего возвращенія въ Спасское. Сегодня 5 мая по новому стилю, а по старому, по нашему 23 апрѣля, Егорьевъ день, когда въ первый разъ выгоняютъ стада въ поле (а здѣсь уже хлѣбà въ аршинъ вышины). Я изъ Парижа ровно черезъ недѣлю, т.-е. 30 апрѣля. Въ Лондонѣ остаюсь три дня, возращаюсь въ Парижъ и выѣзжаю изъ Парижа въ субботу 5 мая, и уже не останавливаясь дую въ Спасское, куда, если не сломаю шеи на дорогѣ, прибуду около 15 по нашему стилю, т.-е. за мѣсяцъ или даже больше до охоты. Я изъ Петербурга дамъ тотчасъ знать дядѣ о моемъ пріѣздѣ и ужасно былъ бы радъ встрѣтить васъ по прошлогоднему на ступенькахъ крыльца“.

7 мая утромъ.

„Это письмо пролежало два дня у меня на столѣ,—и полчаса тому назадъ въ мою комнату входитъ загорѣлый, мужественный и красивый юноша—Василій Петровичъ Боткинъ. Онъ прямо прикатилъ изъ Рима, и мы вмѣстѣ съ нимъ лупимъ на родину, о чемъ онъ велитъ васъ извѣстить и въ то же время кланяется всѣмъ, что я дѣлаю также и говорю досвиданія!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*

XIII.

В. П. Боткинъ въ Степановкѣ.—Письмо Л. Толстаго о его женитьбѣ.— Съ наступленіемъ зимы ѣдемъ въ Москву; на обратномъ пути заѣзжаемъ въ Ясную Поляну.—Пріѣздъ въ Степановку брата Петра.—Тимская мельница.

Можно себѣ представить наше съ женой удивленіе, когда въ половинѣ мая въ гостиную къ намъ вдругъ вошелъ Василій Петровичъ, бодрый и веселый, котораго воображеніе наше давно привыкло видѣть болѣющимъ по разнымъ европейскимъ столицамъ. Не успѣли мы обнять его, какъ слѣдомъ за нимъ появился и Тургеневъ. Конечно, это была одна изъ самыхъ радостныхъ и одушевленныхъ встрѣчъ, и нашъ Михайла употребилъ всѣ усилія, чтобы отличиться передъ знатоками кулинарнаго искусства. Редереръ тоже исправно служилъ намъ съ Тургеневымъ, а въ виду пріѣзда Боткина мы запаслись и краснымъ виномъ, котораго я лично не пилъ во всю жизнь.

Отъ спеціальныхъ литературныхъ вопросовъ разговоръ мало-по-малу попалъ въ русло текущихъ событій. Такъ какъ мы всѣ преисполнены живой вѣры въ цѣлебность охватившаго страну теченія, то о главномъ руслѣ его между нами не могло быть разнорѣчія и споровъ. Зато я помню, когда вопросъ коснулся народной грамотности, я почувствовалъ потребность настойчиво возражать Тургеневу и жарко его поддерживающему Боткину. Меня поразилъ умственный путь, которымъ Тургеневъ подходилъ къ необходимости народныхъ школъ. Еслибы онъ говорилъ, что должно исправить злоупотребленія, внесенныя временемъ въ народную жизнь, то я не сталъ бы съ этимъ спорить. Но онъ, освоившійся со

складомъ европейской жизни, представлялъ Россію какимъ-то параличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми возможными средствами, стараясь (употребляю собственное его выраженіе) *буравить* это тѣло всяческими буравами, въ томъ числѣ и грамотностью. Въ настоящее время я хохоталъ бы передъ картиной параличной страны, которую всякій обязанъ буравить первымъ попавшимся ему въ руку гвоздемъ, не зная даже, какое дѣйствіе произведетъ этотъ гвоздь въ оживляемомъ тѣлѣ; но тогда подобное воззрѣніе, овладѣвшее, какъ впослѣдствіи оказалось, руководящими сферами, представлялось мнѣ и неосновательнымъ, и обиднымъ. Напрасно представлялъ я примѣръ, приведенный мнѣ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Не смотря на ревностное веденіе имъ Ясно-Полянской школы, графъ однажды сказалъ мнѣ:

„Всякая наука хороша и прочна, когда основана на органическомъ запросѣ. Какъ только назначишь мужика въ старосты, онъ тотчасъ же надѣваетъ вязаныя перчатки, подпоясываетъ кафтанъ, беретъ въ руки длинную палку и кричитъ: „ну-те, ну-те, бабы, бабы!“.—Оставшись на должности съ годъ, онъ уже въ воскресенье намаслитъ и расчешетъ голову сынишкѣ и поведетъ его въ церковь, а затѣмъ отдастъ учиться грамотѣ“.

Со словами графа нельзя не согласиться, такъ какъ и сынишка старосты будетъ черезъ грамотность мѣтить самъ въ начальники, прочь отъ сохи. Гнать же поголовно всѣхъ отъ сохи—едва ли у насъ цѣлесообразно.

На другой день Тургеневъ, привезшій Боткина въ своемъ экипажѣ, уѣхалъ, а Василій Петровичъ прожилъ съ нами почти два мѣсяца, принимая самое горячее участіе въ нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

22 іюня Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго:

„Милый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Вы навѣрное пеняли на меня и вѣроятно даже ругали за то, что я не ѣхалъ къ вамъ; но я *каждый день* поджидалъ дядю, который пріѣхалъ *только вчера вечеромъ*, съ тѣмъ, чтобы опять уѣхать послѣ завтра. Выходитъ, что мнѣ вовсе невозможно отправиться къ вамъ въ Степановку, такъ какъ у насъ теперь 22-е, а 27-го мы уже должны выѣхать изъ Спасскаго въ Щигровку (25-го вечеромъ лошади должны быть отправлены впередъ). А потому

ничего не остается вамъ дѣлать, какъ немедленно подняться всѣмъ домомъ и, взявъ съ собой вашего повара, прибыть въ Спасское въ наши объятія. Будемъ ждать. Надѣюсь, что Василій Петровичъ здоровъ и въ духѣ. Еще разъ досвиданія!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Вслѣдствіе этого письма, мы дѣйствительно всѣ поднялись въ Спасское, гдѣ Боткинъ остался поджидать нашего возвращенія съ охоты, но, какъ видно, соскучился и уѣхалъ въ Москву.

Не рѣшаюсь описывать нашихъ неудачныхъ съ Тургеневымъ охотничьихъ похожденій въ знакомой уже намъ лѣсной деревнѣ Щигровкѣ, Жиздринскаго уѣзда, изъ опасенія однообразія.

Отъ Боткина получили мы письмо изъ Москвы:

19 іюля 1862 года.

„Получилъ твое письмо, любезный другъ, и съ прискорбіемъ узналъ о довольно плохой удачѣ вашей охоты. Какъ мнѣ было досадно, узнавъ, что вы воротились 9-го. Но всѣ говорили, что вы воротитесь не ранѣе 13-го или 14-го Но теперь этого не воротишь. Я слышалъ, что Чернышевскій, Писаревъ и Сѣрно-Соловьевичъ арестованы. Передай Тургеневу мой искренній поклонъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

8 августа онъ же:

Москва.

„Получилъ заграничный паспортъ и собираюсь выѣхать. Тургеневъ остался здѣсь сутки и уѣхалъ; въ Москвѣ пусто и скучно; отвожу душу только у Каткова, съ которымъ видаюсь часто.

„Извѣстіе о буйствѣ твоихъ коровъ привело меня въ негодованіе; надобно это прекратить во чтò бы то ни стало. Тебѣ, какъ видно, нуженъ ударъ обухомъ въ лобъ, чтобы ты окончательно убѣдился въ чемъ-нибудь, а раціональность и здравомысліе дѣйствуютъ на тебя слабо. Это я говорю къ тому, что ты писалъ мнѣ, что отдумалъ строить скотный дворъ, а почему—мнѣ неизвѣстно. Это меня очень непріятно

поразило. Вотъ тебѣ и репримандъ; говорю это потому, что Степановка лежитъ мнѣ близко къ сердцу, да не одна Степановка, а все, что̀ касается до вашего нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія. Корова твоя, забодавъ твоихъ лошадей, ранила и меня, и мнѣ это больно.

„Теперь я съ мѣсяцъ поживу въ Германіи, а къ концу сентября буду въ Парижѣ. Въ Москвѣ вы помѣститесь пока у насъ; я уже говорилъ объ этомъ. А въ январѣ Митя непремѣнно перейдетъ въ новый купленный имъ домъ у Покровскихъ воротъ. Не безпокойтесь, никого вы не отяготите, а, напротивъ, доставите удовольствіе.

„Я видѣлъ извѣстную тебѣ дѣвицу N. и видѣлъ ее нѣсколько разъ. Какое это розовое и тупое произведеніе природы! И красивое по чертамъ лица и формамъ. Но всякое дерево въ тысячу разъ занимательнѣе и интереснѣе этого существа, болѣе приближающагося къ роду коровъ, нежели людей. Къ ней какъ нельзя болѣе идетъ выраженіе „dumfe Innerlichkeit“, которымъ характеризуетъ Гегель этихъ почтенныхъ животныхъ.

„Теперь для меня не подвержено сомнѣнію, что лѣтняя резиденція моя будетъ въ Степановкѣ. Дай Богъ только дожить до будущаго лѣта. Ты, конечно, замѣтилъ новый законъ „о потравахъ“. Удобно ли онъ примѣняемъ къ дѣлу?

„Завтра выѣзжаю; паспортъ взятъ и все готово. Не забудьте писать. Обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ *В. Боткинъ.*

28 августа 1862 года онъ же изъ Берлина:

„Ясная, теплая погода, и силы, возстановленныя послѣ двухдневнаго отдыха, наконецъ чувство искренняго довольства, которое всегда посѣщаетъ меня, когда я касаюсь нѣмецкой почвы,—все это наполняетъ мою душу совершеннымъ счастіемъ, которое хочется раздѣлить съ вами, милые друзья. Въ Берлинѣ я чувствую себя дома, хотя я очень мало знакомъ съ нимъ. Двѣ ночи, проведенныя мною въ вагонахъ, утомили меня до-нельзя. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я выходилъ только по вечерамъ, а дни проводилъ лежа на диванѣ. Я мало знакомъ съ нѣмецкимъ театромъ и потому вечера провожу

тамъ. Но на первый разъ я былъ непріятно пораженъ: давали *Фауста* въ какой-то плачевной передѣлкѣ: стихи Гёте были перемѣшаны съ виршами передѣлки; это походило на ананасъ, сваренный въ супѣ. На другой день слушалъ *Оберона*, плохую оперу, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, которыхъ основные мотивы находятся въ превосходной его увертюрѣ. Сегодня даютъ *Гёца Берлихингена*—Гёте; вотъ какъ угощаютъ нѣмцы. Дорогой я все вспоминалъ васъ и вашу Степановку. Какъ обработана эта бѣдная почва, сколько кладется навоза на эти скудныя поля! Что бы сдѣлали нѣмцы съ почвой Степановки? Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гегеля за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго,—увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно. Цивилизація вырабатывается не идеями, а нравами.

„Да, здѣсь es wird mir bechaglich zu Muthe; это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіей. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу. Увы! наше русское такъ-называемое образованіе больше клонитъ насъ къ французскимъ нравамъ, и этого жаль! Да и нравится намъ во французскомъ образованіи то, что составляетъ дурныя его стороны, именно распущенность его, халатность,—это больше всего усваиваетъ себѣ русскій человѣкъ. Нѣмецкій духъ, который весь состоитъ изъ дисциплины, не по натурѣ нашей. Какъ жаль, что русскіе туристы только проѣзжаютъ Берлинъ, не вникая въ него. Только хорошія школы могутъ спасти отъ этого верхоглядства.

„Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи; всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь, всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я или, точнѣе сказать, воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохаго) я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ *Фіеско* и *Разбойниковъ* Шиллера, да еще переводы

Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей. Съ чѣмъ-то сроднилось наше молодое поколѣніе? Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ моей душѣ все, что ей до сихъ поръ дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется человѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

«Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней».

„Чѣмъ больше вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія: двѣ вещи, которыхъ не можетъ понять юность.

„Каждое утро гуляю въ Tier-Garten, въ его тѣнистыхъ аллеяхъ; такъ отрадно и все хорошо; только нѣмецкая кухня доѣдаетъ меня. Стою я въ Hôtel de Rome, и table d'hôte очень обиленъ; но Боже, что̀ это за соединеніе несоединимыхъ вещей! Въ Парижъ намѣренъ я ѣхать какъ можно позднѣе, вѣроятно въ половинѣ октября, а до того времени стану гдѣ-нибудь проживать въ Германіи или на Женевскомъ озерѣ и, слѣдовательно, долго не получу вашихъ писемъ. Дай Богъ, чтобы на васъ пахнуло тѣмъ ощущеніемъ безотчетнаго счастія и внутренней гармоніи, которая теперь наполняетъ мою душу.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Между тѣмъ Тургеневъ уѣхалъ изъ Спасскаго заграницу и писалъ изъ Бадена 30 августа 1862 года:

„Ну вотъ, carissime, я и въ Баденѣ и беру перо, чтобы возобновить переписку съ вами и снова увидать ваши любезныя каракули. Путешествіе я совершилъ благополучно, нанялъ здѣсь квартиру въ тихой улицѣ, гдѣ, между прочимъ,

штукъ двѣсти дѣтей отъ двухъ до семи лѣтъ (нѣмцы скромны, но плодущи), и намѣренъ прожить здѣсь около мѣсяца..., я хотѣлъ было написать: „ничего не дѣлая", но справедливость требуетъ написать: „продолжая ничего не дѣлать". Край чудесный, зелени пропасть, деревья старыя, тѣнистыя, изумруднымъ мохомъ покрытыя, погода хорошая, виды красивые, добрые знакомые, здоровье въ порядкѣ, чего же болѣе?"

4 сентября.

„На послѣднихъ словахъ: „чего же болѣе?" меня застало извѣстіе о плачевномъ концѣ предпріятія Гарибальди, и я не могъ болѣе писать. Хотя мнѣ хорошо извѣстно, что роль честныхъ людей на этомъ свѣтѣ состоитъ почти исключительно въ томъ, чтобы погибнуть съ достоинствомъ, и что Октавіанъ рано или поздно непремѣнно наступитъ на горло Бруту,— однако мнѣ всетаки стало тяжело. Я убѣдился, что человѣку нужно еще что-то сверхъ хорошихъ видовъ и старыхъ деревьевъ, и, вѣроятно, вы—закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ стариннаго закала—даже вы согласитесь со мной, вспомнивъ, что вы въ то же самое время поэтъ и, стало-быть, служитель идеала. Напишите мнѣ нѣсколько словъ объ охотѣ, о хозяйствѣ, о Степановкѣ, о Спасскомъ. Я не получаю никакихъ извѣстій изъ дома. Прощайте, будьте здоровы, кланяйтесь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Между тѣмъ кругъ нашего знакомства въ новой мѣстности поневолѣ расширялся при посредствѣ ближайшаго сосѣдства зятя Ш....а и сестры, у которыхъ мы нерѣдко бывали, принимая ихъ у себя. Хотя Степановка, какъ ненаселенное имѣніе, не соприкасалась ни съ какими крестьянскими дѣлами, тѣмъ не менѣе нашъ первый посредникъ А. Н. М—овъ, разъѣзжая по дѣламъ, останавливался у насъ пообѣдать и покормить лошадей, какъ простой сосѣдъ.

— Ну, какъ идетъ вашъ вольнонаемный трудъ? спросилъ онъ однажды.

— Да ничего покуда, отвѣчалъ я.—Слава Богу, неудовольствій съ рабочими нѣтъ. Вотъ только изъ десяти человѣкъ одинъ Евсей шумитъ и, забравъ уже бо́льшую половину де-

негъ до начала уборки, требуетъ всѣхъ остальныхъ денегъ подъ угрозой ухода.

— Прикажите-ка, когда мнѣ подадутъ тарантасъ, подозвать его подъ крыльцо.

— Это ты, батюшка, обратился М—овъ къ Евсею,—тутъ бушуешь? Такъ ты какъ забушуешь, самъ лучше ко мнѣ приходи, а я тебя высѣку.

Съ этимъ словомъ Александръ Николаевичъ былъ уже въ тарантасѣ, а Евсей не только безропотно дожилъ до 1 октября, но добровольно прожилъ еще два года на прежнихъ условіяхъ.

Хотя съ вѣдома моего на горизонтѣ графа Льва Николаевича Толстаго уже захаживали матримоніальныя облачка, тѣмъ не менѣе я былъ обрадованъ и пораженъ письмомъ отъ 9 октября:

„Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Хотѣлъ я самъ быть у васъ, но не удается. Когда я васъ увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишкомъ много близкаго, незабываемаго—Николинька, да и кромѣ того. Заѣзжайте познакомиться со мной. Цѣлую руку Марьи Петровны. Прощайте, милый другъ. Обнимаю васъ отъ всей души.

Л. Толстой.

В. Боткинъ писалъ изъ Бадена отъ 8 октября 1862 года:

„Не понимаю, куда дѣвались мои письма къ вамъ, которыя я послалъ къ вамъ еще изъ Москвы и потомъ писалъ изъ Берлина. Неужели всѣ они пропали? А видно такъ, потому что изъ вашего письма не видать, что вы получили ихъ. Впрочемъ ваше письмо еще отъ 7 августа. Для васъ покажется страннымъ, если я скажу вамъ, что Степановка вступила (внутри меня) въ сильный споръ съ Баденъ-Баденомъ. Споръ, какъ видите, неравный, но, несмотря на то, Степановка одерживаетъ верхъ. Дѣло въ томъ, что плѣненный здѣшнимъ мѣстомъ и природой, я вознамѣрился было купить здѣсь небольшой chalet, чтобы имѣть свой уголъ. Но выходило такъ, что всѣ видѣнные мною chalets или не нрави-

лись мнѣ, или были слишкомъ дороги. Но внутри меня была оппозиція, и она-то на все заранѣе клала темную печать. Еслибъ я могъ надѣяться на васъ, на ваше сожительство со мною, о! тогда бы не колебался. Но вѣдь тебѣ, Фетъ, дѣятельное занятіе необходимо, слѣдовательно, отвлечь тебя отъ Степановки—значитъ отдать тебя на съѣденіе ненасытной и мертвящей скукѣ. Слѣдовательно, мнѣ оставалось жить здѣсь одному, то-есть одичать, оторваться отъ любимыхъ мною людей. По мнѣнію моего парижскаго доктора, которое раздѣляетъ и Сережа, зима въ Россіи есть мой главнѣйшій врагъ, и на зиму оставаться въ Россіи я не долженъ. Слѣдовательно, я въ Россіи могу проводить только лѣто. Все это вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ только путается голова. Тургеневъ меня очень склоняетъ купить. Имѣть свой уголъ — великое дѣло. — Жаль, что пропало мое письмо къ вамъ, которое я писалъ изъ Берлина; оно было выраженіемъ живѣйшаго удовольствія, которое охватило меня при въѣздѣ въ Германію. Я прожилъ въ Берлинѣ три недѣли и прожилъ не только съ удовольствіемъ, но и съ пользой для себя. Тамъ видѣлъ я *Гамлета* и *Генриха IV* очень хорошо сыгранными. Опера разнообразна и удовлетворительна, и оркестръ прекрасенъ. При мнѣ же открылась выставка картинъ, такъ что все способствовало моему удовольствію. Съ какою охотой остался бы я въ Берлинѣ на всю зиму, еслибы зима тамъ была не холодна,— а въ Берлинѣ, увы! морозъ доходитъ до 20° Реомюра. А здѣсь хорошо, погода теплая, и я пишу къ вамъ при открытомъ окнѣ. Не знаю, случалось ли вамъ заѣзжать въ Баденъ, но такого зеленаго царства я никогда не встрѣчалъ. Только красоты Женевскаго озера могутъ поспорить съ нимъ и даже рѣшительно одержать верхъ. Но зато невыгода Женевскаго озера та, что оно дальше, а Баденъ въ двѣнадцати часахъ отъ Парижа, и потомъ для лѣта онъ соединяетъ въ себѣ удовольствія деревни и удовольствія города. Горы невысоки, — это только еще начало Альпъ, — и всѣ сплошь покрыты лѣсомъ, такъ что тѣнь и свѣжесть повсюду. Да мнѣ кажется, Маша, что ты была здѣсь. Мнѣ не хочется ѣхать отсюда, хотя были дни, которыхъ утренніе и вечерніе туманы были очень пронзительны. Одна бѣда, по вечерамъ

не знаешь куда дѣться. Такъ какъ сезонъ уже кончился, то театра нѣтъ; впрочемъ съ нынѣшняго дня говорятъ, что театръ будетъ три раза въ недѣлю. Я здѣсь видѣлъ *Фиделіо* въ очень удовлетворительномъ исполненіи впервые и былъ многими мѣстами глубоко пораженъ. По вечерамъ отъ скуки захожу въ игорные дома и, признаюсь, нужно значительное напряженіе разсудка, чтобы удержать въ себѣ поползновеніе къ игрѣ. Да у меня нѣтъ претензіи бороться со счастіемъ или, точнѣе, со случайностью. Недавно графъ Сергѣй Т...., съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ, наказанъ былъ здѣсь за упорство поймать за хвостъ случайность. Надежды и разсчета на случайность — этихъ двухъ вещей не можетъ понять моя голова.

„Слава Богу, что журналистика наша вступила, наконецъ, на почву здраваго смысла. Во всякой другой странѣ всѣ эти завиральныя ученія охватываютъ только слабыя головы и политическаго значенія въ обществѣ не имѣютъ. Но у насъ, по невѣжеству, вообразили, что идти наперекоръ всему, значитъ быть самымъ передовымъ! Семинаристы пустили это въ ходъ. О чемъ ты собираешься писать теперь? Здѣсь одна *Сѣверная Пчела*, но и той радъ. Не могу жить безъ русскаго журнала. Ну, прощайте!

Вѣчно вашъ *В. Боткинъ.*

Запоздавшій зимній путь далъ намъ снова возможность, хотя и на короткое время, побывать въ Москвѣ. Кибитка, наложенная до невозможности помѣститься въ ней втроемъ, снова повезла насъ по обычнымъ этапамъ, т. е. въ Борисовскія Новоселки и въ Тургеневское Спасское, гдѣ бодрый и веселый старикъ Николай Николаевичъ съ семьей встрѣтилъ насъ съ обычнымъ радушіемъ.

— Разоряетъ меня мой Иванъ! жаловался старикъ: — вы его знаете; кажется, онъ не дуракъ и добрый человѣкъ, а ничего я въ головѣ его не пойму. Кто у нихъ тамъ въ Баденѣ третье-то лицо? И все пришли да пришли денегъ. А вы сами знаете, гдѣ ихъ по теперешнимъ временамъ взять? Мнѣ за 65 лѣтъ, а я цѣлое лѣто провозился съ разверстаніемъ калужскихъ крестьянъ; поваръ то здѣсь, а я-то на квасу да на

огурцахъ. Вездѣ надо обзаводиться своимъ инвентаремъ, а цѣнъ на хлѣбъ никакихъ. Да вотъ потрудитесь прочесть, коли мнѣ не вѣрите. Ликовали, что освобожденіе крестьянъ подниметъ сельскую производительность и обогатитъ земледѣльцевъ, а во вчерашнемъ письмѣ онъ мнѣ пишетъ: „Я не вѣрю ни въ одинъ вершокъ русской земли и ни въ одно русское зерно. Выкупъ, выкупъ и выкупъ!“—Чему же тутъ вѣрить? Можно ли даже прежнія надежды на улучшеніе быта считать искренними, а не возгласами загулявшаго человѣка, понимающаго разорительность своихъ выходокъ, но восклицающаго: „пропадай все!“.

Въ Москвѣ мы помѣстились по прошлогоднему въ домѣ Боткиныхъ. Въ эту зиму, по поводу банкротства банкира Марка, Дмитрій Петровичъ Боткинъ купилъ великолѣпный домъ у Покровскихъ воротъ, и новые владѣльцы были озабочены возможностью перебраться въ новое помѣщеніе къ Новому Году. Такъ какъ въ купленномъ домѣ на дворѣ былъ манежъ, то Дмитрій Петровичъ, намѣреваясь для моціона ѣздить верхомъ, купилъ прекрасную гнѣдую лошадь и неоднократно предлагалъ мнѣ ее для проѣздки.

Въ скоромъ времени я съ восторгомъ узналъ, что Левъ Николаевичъ съ женой въ Москвѣ и остановились въ гостинницѣ Шевріе, бывшей Шевалье. Отъ насъ не ускользнула эта перемѣна фирмы, столь идущая въ данномъ случаѣ къ прелестной идилліи молодыхъ Толстыхъ. Нѣсколько разъ мнѣ, при проѣздкахъ верхомъ по Газетному переулку, удавалось посылать въ окно поклоны дорогой мнѣ четѣ.

Въ январѣ, по случаю новоселья, Дмитрій Петровичъ затѣялъ маскарадъ, на которомъ намъ нельзя было не быть и нельзя было быть иначе, какъ въ костюмахъ. Къ счастію, добрый знакомый снабдилъ меня полнымъ костюмомъ *Бедуина*, который пришлось мнѣ влачить до самаго ужина. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ на этомъ маскарадѣ была величавая блондинка *Норма* и красавецъ брюнетъ *Мефистофель* съ краснымъ перомъ на беретѣ, цѣлый вечеръ не покидавшій *Нормы*. По заламъ носился шепотъ, что далеко неблагонадежный въ нравственномъ отношеніи *Мефистофель* дѣлаетъ брачное предложеніе *Нормѣ*, которая, не будучи въ состояніи

противиться очарованію, говоритъ будто бы: „хоть день да мой!“

Смотря на несомнѣнно красивую пару, я умственно повторялъ изреченіе милѣйшаго старика Николая Николаевича Тургенева: „Вѣдь вотъ милая дѣвушка живетъ у родителей, которые на нее не насмотрятся; она окружена всѣми удобствами, но пусть будочникъ поманитъ ее въ будку, и она все броситъ и пойдетъ за нимъ“.

Тургеневъ писалъ мнѣ изъ Парижа 26 января 1863 года:

„Драгоцѣнный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, вы въ сердце поразили меня вашимъ упрекомъ: вы полагаете, что я сержусь на васъ!!! и оттого молчу..., а я воображалъ, что *вы* меня забыли. Дѣло въ томъ, что я только сегодня получилъ ваше письмо, находившееся въ poste restante, а вы, вѣроятно, не получили ни одного изъ двухъ писемъ, пущенныхъ мною къ вамъ. Теперь все дѣло объяснилось, жаль только, что переписка наша покоилась на лаврахъ, а главное жаль, что вы могли приписать мнѣ дурное чувство. Но о прошедшемъ толковать нечего, и давайте снова болтать и бомбардировать другъ друга письмами. Я очень радъ, что вы снова возвращаетесь въ свое степное гнѣздо; а то вы въ Москвѣ либо хандрите, либо слишкомъ прилежно посѣщаете нашего стариннаго друга, впрочемъ почтеннаго и пріятнаго человѣка— г. Редерера. Кстати, посмотрѣлъ бы я на васъ въ костюмѣ *Мавританца* или *Алжирца*, которымъ вы облекли свои члены на балѣ у Боткиныхъ! Всѣ эти извѣстія доходятъ до меня черезъ Борисова, съ которымъ мы изрѣдка перекликиваемся.

„Мысль издать всѣ ваши сочиненія и переводы—отличная мысль. Должно полагать, что и публикѣ она покажется таковою же. Дайте намъ также продолженіе вашихъ милѣйшихъ деревенскихъ записокъ; въ нихъ правда, а намъ правда больше всего нужна—вездѣ и во всемъ.

„Боткинъ вамъ уже писалъ, что M-me Віардо положила на музыку: *Шепотъ, робкое дыханье* и *Тихая звѣздная ночь*. Съ тѣхъ поръ она еще прибавила: *Я долго стоялъ неподвижно*... Музыка прелесть какъ хороша и, Богъ дастъ, будетъ издана въ нынѣшнемъ году въ Россіи, но послать вамъ ее, пока она не напечатана—невозможно. Потерпите, а не то пріѣзжайте

теперь сюда или лѣтомъ въ Баденъ. Музыка дотого хороша, что стòитъ путешествія. Изо всѣхъ нынѣ существующихъ музъ, ни одна такъ упорно не молчала, какъ моя въ это время; даже вашу перещеголяла. Чтò будетъ дальше, не знаю, но что-то совсѣмъ притихло. Здоровье зато порядочно, т.-е. теперь: зимой было скверно. Ну, да вѣдь это все суета сутъ и всяческая суета.—Жму вамъ крѣпко руку и усердно кланяюсь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Боткинъ процвѣтаетъ и даетъ намъ восхитительныя музыкальныя утра“.

В. Боткинъ писалъ изъ Парижа отъ 4 февраля 1863 года:

„Сію минуту получилъ твое письмо и спѣшу отвѣчать тебѣ, милый мой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; но ты, конечно, уже получилъ письмецо мое черезъ Митю. Цѣлый мѣсяцъ не писалъ къ тебѣ, потому что чувствовалъ себя очень не хорошо: это все послѣдствія моей болѣзни. Нынѣшнюю зиму я чувствую себя хуже прошлой зимы; такъ, напримѣръ, слишкомъ мѣсяцъ я былъ такъ слабъ, что не могъ даже писать тебѣ и домашнимъ; и это вслѣдствіе раздраженія въ спинномъ мозгу. Я уже не могу такъ ходить, какъ ходилъ лѣтомъ,—тотчасъ устаю. Ну, да какъ-нибудь дотяну до весны, а тамъ и въ Москву, а потомъ въ Степановку. Надоѣли мнѣ эти переѣзды, да и очень раздражаетъ меня дорога, именно дѣйствуя на спинной мозгъ. А хотѣлось бы хоть весной, то-есть въ мартѣ, подышать гдѣ-нибудь чистымъ воздухомъ, и если силы дозволятъ, я проѣду можетъ-быть куда-нибудь на югъ Франціи. Ужасаетъ только меня одиночество. Здѣсь всетаки зайдетъ кто-нибудь. Глубоко встревожило меня извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ, объ отвратительныхъ ужасахъ, какіе совершаетъ тамъ революціонная партія. Такъ былъ душевно встревоженъ я, что потерялъ способность вслушиваться въ квартеты, и поэтому долженъ былъ прекратить ихъ у себя, а до того времени кáкое высочайшее удовольствіе они доставляли мнѣ!

„Скажи пожалуйста, что это Маша не пишетъ мнѣ? Приписки ея всегда съ куриный носикъ; или въ Москвѣ такъ

была развлечена она, что некогда было подумать объ отсутствующихъ? Я подписался на *Московскія Вѣдомости* и до сихъ поръ не получилъ еще ни одного номера, а между тѣмъ подписавшіеся на *Голосъ* и *Петербургскія Вѣдомости* получаютъ ихъ довольно аккуратно. Должно-быть, почтамтскія дѣла редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ большомъ безпорядкѣ.

„Былъ здѣсь Дикенсъ и устроилъ публичное чтеніе. Я ничего не слыхалъ подобнаго и былъ въ такомъ восторгѣ, что написалъ объ этомъ маленькую статейку и послалъ къ Каткову. Будетъ ли твоя вторая статья такъ же удачна, какъ была удачна первая? А ты мнѣ не пишешь, нравится ли она Каткову? Надѣюсь, что ты не оставилъ безъ вниманія моей просьбы насчетъ коляски, заказанной мною Ильину; именно, чтобы сдѣлали ее для городской ѣзды, именно такъ, какъ ты совѣтовалъ мнѣ. Да твоя одышка меня очень безпокоитъ: не нужно ли побывать тебѣ въ Карлсбадѣ? Я бы принялъ на свой счетъ издержки вашей поѣздки, въ этомъ я прошу тебя мнѣ не отказывать. Если рѣшишься, то напиши мнѣ тотчасъ, вѣдь ты все говорилъ, что тебѣ Карлсбадъ помогъ много. Запускать вѣдь хуже; а на шесть недѣль авось можно будетъ оторваться отъ деревенскихъ заботъ. Въ такомъ случаѣ я бы провелъ время лѣченія вмѣстѣ съ вами, а по окончаніи онаго и въ Россію вернулись бы вмѣстѣ. Только въ такомъ случаѣ тебѣ надо раньше начать курсъ и именно съ послѣднихъ чиселъ апрѣля.

„Хорошо, что ты сладилъ съ Солдатенковымъ насчетъ изданія твоихъ сочиненій. Пожалуйста сдѣлай изъ нихъ построже выборъ; вѣдь дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Пока прощайте, милые друзья. Да подумай серьезно о своемъ здоровьѣ, а то пожалуй попадешь въ такое положеніе, какъ я, то-есть никуда негодное.

Твой *В. Боткинъ*.

Еще въ прошлогоднее свое пребываніе въ Степановкѣ, Василій Петровичъ, мечтая о новомъ туда пріѣздѣ, просилъ меня пристроить ему спеціальное помѣщеніе, и желая исполнить эту задачу по возможности экономически, я разсчитывалъ, что, воспользовавшись одною стѣной дома, можно воз-

вести двухъэтажный двѣнадцати-аршинный срубъ и такимъ образомъ выгадать одну крышу. Покупкой и возкой лѣса слѣдовало озаботиться еще по зимнему пути, и вотъ почему мы съ женой должны были вначалѣ февраля уже возвратиться въ Степановку, получивъ по распоряженію Василія Петровича изъ конторы 2.000 руб. на его пристройку. Вѣроятно, и молодымъ Толстымъ, не взирая на очарованіе перваго московскаго сезона недавнихъ супруговъ, недолго пожилось у Шевріе, и мы на пути изъ Москвы направились въ давно знакомую намъ Ясную Поляну, гдѣ намъ предстояло увидать новую ея хозяйку.

Часовъ въ 9 вечера, въ морозную, мѣсячную ночь, почтовая тройка, свернувъ съ шоссе, повезла насъ по проселку, ведущему къ воротищу между двумя башнями, отъ которыхъ старая березовая аллея ведетъ къ Ясно-Полянскому дому. Когда мы стали подыматься рысцой на изволокъ къ этому воротищу, то замѣтили бойко выѣзжающую изъ воротъ навстрѣчу намъ тройку. „Вотъ, подумалъ я, какъ кстати. Тульскіе незнакомые намъ гости со двора, а мы какъ разъ подъѣдемъ". Но вотъ бойкая тройка, наѣхавъ на насъ, вынуждена, подобно намъ, шагомъ сворачивать въ субой съ дороги, на которой двумъ тройкамъ нѣтъ мѣста рядомъ.

— Возьми поправѣй-то! кричитъ своему кучеру сѣдокъ, лица котораго я не могу разсмотрѣть въ тѣни отъ высокой спинки саней.

— Это вы, графъ? крикнулъ я, узнавъ голосъ Льва Николаевича. Куда вы?

— Боже мой, Аѳанасій Аѳанасьевичъ!.. мы съ женой выѣхали прокатиться. А Марья Петровна здѣсь?

— Здѣсь.

— Ахъ, какъ я рада! воскликнулъ молодой и серебристый голосъ.

— Выбирайтесь на дорогу! воскликнулъ графъ; — а мы сейчасъ же завернемъ за вами слѣдомъ.

Не буду описывать отрадной встрѣчи нашей въ Ясной Полянѣ, встрѣчи, которой много разъ суждено было повториться съ тою же отрадой. Но на этотъ разъ я невольно вспомнилъ дорогаго Николая Николаевича Толстаго, прослушав-

шаго въ Новоселкахъ всю ночь прелестную птичку. Такая птичка оживляла Ясно-Полянскій домъ своимъ присутствіемъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Степановку, началась возка строеваго лѣса изъ Орла и знаменитаго камня съ Неручи, а при первомъ угревѣ работа вчернѣ закипѣла, такъ что къ ранней веснѣ можно было уже класть фунтаментъ и становить новую пристройку. Въ ней выгадывался съ одной стороны 4-хъ аршинный корридоръ, прямо ведущій въ домъ и выходящій на другомъ концѣ въ отдѣльныя сѣни на дворъ. Изъ корридора направо вела дверь въ 8-ми аршинную въ квадратѣ комнату для Василія Петровича, со стеклянною дверью на террасу. Изъ сѣней противъ выходныхъ дверей направо была дверь въ комнату 8-ми аршинъ длины и 4-хъ ширины для слуги Василія Петровича. Изъ тѣхъ же сѣней неширокая лѣстница въ три заворота вела во второй этажъ совершенно тѣхъ же размѣровъ, съ тою разницей, что, за отсутствіемъ корридора, образовалась зала въ два свѣта въ восемь аршинъ ширины и двѣнадцать длины. Въ эту комнату мы свесли всю нашу библіотеку, и современемъ Василій Петровичъ хаживалъ туда читать, такъ какъ тамъ почти не было мухъ, за отсутствіемъ жильцовъ.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Парижа 20 февраля 1863 года:

„Получилъ я твое письмо, любезный другъ, и твое, милая Маша, и спѣшу сказать вамъ за нихъ большое спасибо. Все время въ Москвѣ ты прохворалъ, и вообще, какъ кажется, здоровье твое становится рыхлымъ. До сихъ поръ ты привыкъ мало думать о немъ, а надо будетъ думать. Я жду, какой ты дашь отвѣтъ на приглашеніе мое съѣздить въ Карлсбадъ.

„Это письмо найдетъ васъ уже въ Степановкѣ, то-есть на гнѣздѣ, и жизнь приметъ свой обычный порядокъ. А меня совершенно разстроило это проклятое Польское возстаніе; я въ постоянной лихорадкѣ и тревогѣ. Это хуже войны; въ войнѣ соблюдаютъ извѣстныя правила вѣжливости, а тутъ слѣпая месть руководитъ всѣмъ. Ужь года два, какъ русскаго солдата постоянно скорбляли Поляки,—чтò жь мудренаго, что онъ при случаѣ дастъ волю своему чувству мести?

Когда Поляки рѣзали русскихъ солдатъ, здѣшніе журналы молчали объ этомъ, а теперь кричатъ о жестокости ихъ. Вообще, братъ, я послѣднее время почувствовалъ презрѣніе къ газетамъ. Всего менѣе думаютъ онѣ о правдѣ и справедливости фактовъ; притомъ же польская эмиграція здѣсь въѣлась во всѣ журналы, такъ что общее мнѣніе здѣсь совершенно находится подъ польскимъ вліяніемъ. Можешь судить, какъ пріятно въ такое время быть принужденну жить въ Парижѣ. При такихъ смутныхъ событіяхъ я думаю лучше провести лѣто въ Степановкѣ, чѣмъ ѣхать въ Карлсбадъ. Лишь бы благополучно добраться до Петербурга. Надѣюсь, что въ Степановкѣ все обстоитъ благополучно. Ахъ, милые друзья, скоро ли дождусь я той минуты, когда обниму васъ на душистой, степной почвѣ, при веселомъ шелестѣ вашихъ молодыхъ березокъ? *Московскія Вѣдомости* наконецъ получаю, но онѣ какъ-то вялы и безцвѣтны, хуже прежней *Лѣтописи*. Пришлите слова два о себѣ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Отъ 16 марта 1863 года онъ же:

„Получилъ ваше письмо изъ Степановки, за которое чувствительно благодарствую и радуюсь, что вы нашли все въ порядкѣ. Теперь Степановка вѣроятно приняла видъ настоящей, дѣловой и хозяйственной фермы. Воображаю, какъ это должно радовать твое сердце! И потомъ какъ отрадно послѣ городскаго скитанія чувствовать себя въ своемъ гнѣздѣ и придти въ сознаніе самого себя. Вѣдь истинное развлеченіе находишь ты только въ самомъ себѣ, въ рессурсахъ собственной души.

„Совершенно сочувствую твоему стремленію вступить снова въ полкъ, при извѣстіи о Польскомъ возстаніи. Повѣришь ли, я съ тѣхъ поръ нахожусь въ постоянной тревогѣ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь политическій горизонтъ очень мраченъ, но само возстаніе такъ задумано, организовано и проникнуто такимъ фанатизмомъ, что мнѣ кажется невозможно скоро подавить его. Въ Европѣ общественное мнѣніе рѣшительно на сторонѣ Поляковъ, не разбирая того, что претензіи и требованія Поляковъ очевидно имѣютъ цѣлью не только

ослабленіе Россіи, но удаленіе ея изъ Европы въ Азію. Этой цѣли не скрываютъ здѣсь ни журналы, ни англійскій парламентъ, и вполнѣ сочувствуютъ Польскому возстанію, какъ средству для достиженія этой цѣли. Вотъ какъ становится Европой Польскій вопросъ, и вотъ что будетъ значить для насъ возстановленіе Польши. Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимаютъ. Кажется, чувство національности и любви къ отечеству совершенно испарилось изъ этихъ легкомысленныхъ головъ. Но представимъ себѣ Польшу возстановленною, самодержавною, да развѣ на этомъ она и успокоится? Развѣ она не будетъ всячески стараться вредить Россіи и въ этомъ всегда найдетъ поддержку въ Европѣ, интересъ которой какъ можно болѣе ослабить насъ. А при воинственномъ, легкомысленномъ духѣ Поляковъ, при ихъ натуральной склонности ко всякаго рода авантюрамъ, — не будетъ ли это все равно, что завести у себя на западѣ второй Кавказъ? Двадцать лѣтъ тревоги и усилій ослабятъ и разорятъ насъ. Вотъ какъ я понимаю возстановленіе Польши. Для безопасности Россіи необходимо держать Польшу какъ можно въ большей зависимости. Удивительно, что у насъ ни одинъ журналъ не смотритъ на это дѣло съ государственной стороны. А мы еще туда же хвастаемъ своею пустозвонною журналистикой!!! Въ Россію я думаю отправиться въ послѣднихъ числахъ здѣшняго апрѣля, такъ что въ первыхъ мая надѣюсь быть уже въ Москвѣ, а въ концѣ мая поѣду къ вамъ дышать благодатнымъ воздухомъ. Тургеневъ дѣйствительно получилъ приказаніе вернуться въ Россію, но вслѣдствіе письма его къ Государю разрѣшено остаться ему за границей; онъ, кажется, думаетъ ѣхать въ маѣ. Кстати, Віардо совсѣмъ переселяются въ Баденъ-Баденъ, гдѣ купили себѣ домъ. Мы думали было праздновать свадьбу M-lle Pauline, все уже было почти кончено, какъ дѣло разладилось, вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, высказанной претендентомъ. Да Французы иначе и не понимаютъ бракъ, какъ съ этой точки зрѣнія. Получаемъ мы *Московскія Вѣдомости*, и скажу тебѣ, что онѣ издаются плохо и неинтересно. Съ нетерпѣніемъ ждемъ романа Писемскаго".

24 марта.

„Душевная тревога, произведенная во мнѣ Польскимъ возмущеніемъ, не утихаетъ и стала хроническою. Читать иностранныя газеты нѣтъ возможности: до такой степени онѣ полны клеветами и ненавистью къ Россіи. Всѣ рады возможности ослабить и уничтожить Россію; наша одна надежда на силу и мощь Россіи. Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такой національной струны, которая теперь обнаружилась; все другое замерло во мнѣ“.

26 марта.

„Хоть понемногу, а все пишу къ вамъ; это доказываетъ, что я безпрестанно думаю о васъ. Сегодня получилъ твое письмо — спасибо. Вчера добылъ книжку *Русскаго Вѣстника* за январь. Замѣтка Каткова о Польскихъ дѣлахъ превосходна: вотъ настоящій государственый взглядъ на дѣло. Наши безмозглые прогрессисты не могутъ понять его, драпируясь въ свой абстрактный и пустой либерализмъ. Поляки говорятъ: „между Русскими и нами не можетъ быть иныхъ отношеній, кромѣ взаимнаго истребленія и ненависти“. И это правда. Поляки хотятъ намъ сѣсть на шею, они правы; а мы хотимъ у нихъ сидѣть на шеѣ, и мы правы, и будемъ стараться сидѣть: это вопросъ національный, а вовсе не о большемъ или меньшемъ либерализмѣ. Намъ на Европу нечего разсчитывать, Европа всегда будетъ за Поляковъ. Намъ надобно быть сильнымъ и крѣпкимъ, вотъ въ чемъ наша надежда. Теперь, кажется, войны не будетъ, но она могла бы быть и можетъ быть. Цѣль Поляковъ вовсе не конституція, а прогнать и забить насъ въ Азію и обратить Россію въ слабое второстепенное государство. Вотъ этой-то цѣли не понимаютъ наши мальчишки-прогрессисты.

„Твоей статьи въ первомъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* еще не читалъ, но слышалъ, что она хуже твоей прошлогодней. Теперь началъ читать *Казаки* Толстаго, гдѣ надѣюсь найти бездну прекраснаго. Ты пишешь о клеверѣ,—да посѣешь ли ты его? Ужь навѣрное ты какъ-нибудь умудришься копѣешничать, а послѣ будешь себя проклинать. Хоть ты, Маша, какъ-нибудь вразумляй его, помня что денежка рубль бережетъ. А о моемъ помѣщеніи не очень хлопочи, какъ-нибудь

устроюсь. Да вотъ что̀ пришло мнѣ въ голову: если я возьму съ собой слугу, то будетъ ли ему гдѣ помѣститься? А это можетъ случиться, потому что одному ѣхать тяжело, я это уже испыталъ прошлаго года, возвращаясь отъ васъ. Спѣшу отправить письмо. Выѣхать думаю около 20 или 25 апрѣля.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 7 апрѣля 1863 года:

„Любезные друзья, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ и Иванъ Петровичъ Борисовъ! Позвольте написать вамъ обоимъ купно, хотя вы мнѣ писали отдѣльно, но времени у меня вдругъ стало мало (я на отъѣздѣ отсюда); а имѣю я сказать вамъ обоимъ одно и то же, начиная съ того, что я искренно васъ обоихъ люблю и помню. Для быстроты дѣла буду писать по пунктамъ.

1. „Я ѣду отсюда не въ Россію, а въ Баденъ, гдѣ теперь еще никого нѣтъ, и гдѣ я буду работать съ остервенѣніемъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (я во всю зиму пальца объ палецъ не ударилъ), а въ іюлѣ, если Богъ дастъ, прибуду въ Спасское на тетеревовъ. Мое присутствіе тамъ необходимо, не столько впрочемъ для тетеревовъ, сколько для другихъ соображеній. Считаю излишнимъ говорить вамъ, съ какою радостью я васъ обоихъ увижу.

2. „Могу вамъ сказать, что мое *дѣло* кажется благополучно окончилось. Мнѣ прислали сюда запросы весьма маловажные, я немедленно отвѣчалъ, и теперь, я думаю, все сдано въ архивъ.

3. „*Казаковъ*“ я читалъ и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ (и Боткинъ также). Одно лицо Оленина портитъ общее великолѣпное впечатлѣніе. Для контраста цивилизаціи съ первобытною, нетронутою природой не было никакой нужды снова выводить это возящееся съ самимъ собою скучное и болѣзненное существо. Какъ это Толстой не сброситъ съ себя этотъ кошмаръ! А кстати, каковъ романчикъ Чернышевскаго въ *Современникѣ!* Вотъ прелесть-то!

4. „У васъ, кажется, все идетъ потихонечку, какъ слѣдуетъ быть. И слава Богу. Не въ состояніи вамъ передать,

до какой степени меня мучаютъ Польскія дѣла... Здѣсь всѣ готовятся къ войнѣ.

5. „Здоровье мое не совсѣмъ удовлетворительно: старая болѣзнь меня кусаетъ. Можетъ-быть лѣтомъ дѣло исправится.

„Засимъ жму вамъ обоимъ руку или руки, крѣпко накрѣпко обнимаю васъ и остаюсь

любящій васъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я направилъ это письмо на ваше имя, дорогой Иванъ Петровичъ, но вы доставьте его владѣльцу Степановки".

Л. Н. Толстой писалъ того же 1863 года:

„Ваши оба письма одинаково были мнѣ важны, значительны и пріятны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое — удивленіе. Да кто же такое написалъ *Казаковъ* и *Поликушку?* Да и чтò разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе; а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу между старымъ забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ заглавіемъ *художественное.* И сличая съ тѣмъ, чтò вы говорите, согласишься что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. *Поликушка* — болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который „и владѣетъ перомъ"; а *Казаки*—„съ сукровицей", хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина; къ осени, я думаю, напечатаю. Впрочемъ теперь какъ писать? теперь незримыя усилія даже зримыя, и притомъ я въ *юхванствѣ* опять по уши. И Соня со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ, есть помощники по полевому хозяйству и постройкахъ, а она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня. И все идетъ понемножку, хотя, разумѣется, плохо сравнительно съ идеаломъ. — Чтò вы думаете о Польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то

плохо! Не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя? Чтò ежели мы прiѣдемъ въ Никольское,—увидимъ мы васъ? Когда вы будете у Борисовыхъ? Не пригонимъ ли мы такъ, чтобы вмѣстѣ съѣхаться? Прощайте! Марьѣ Петровнѣ мой душевный поклонъ. Соня и тетенька кланяются.

Л. Толстой.

Однажды далеко до сѣнокоса прiѣхалъ къ намъ, къ немалой радости нашей, Петръ Аѳанасьевичъ. Улучивъ минуту, когда мы были съ нимъ одни, онъ вдругъ неожиданно повелъ слѣдующую рѣчь:

„Я давно мучаюсь своею неаккуратностью и очень хорошо знаю, что несвоевременная высылка мною процентовъ была одною изъ причинъ, заставившихъ тебя бѣжать изъ Москвы. Вотъ уже который годъ я мучаюсь и трачу деньги на дурацкiй, мельничный процессъ на Тиму, и вмѣсто того, чтобы возможность разсчесться съ тобою увеличивалась, она постоянно уменьшается. Ты, конечно, не знаешь этого процесса, который у меня въ зубахъ застрялъ. Но сдѣлай милость. обрати на него на минуту вниманiе, такъ какъ я желаю выложить передъ тобою дѣло вкратцѣ начистоту. Ты знаешь, что покойный отецъ нашъ долгое время строилъ въ своемъ ливенскомъ имѣнiи на рѣкѣ Тиму громадную крупчатку, въ которую всадивъ въ то время болѣе ста тысячъ (ассигнацiями) денегъ, такъ и оставилъ ее, не оснащенную дорогими жерновами. Мы съ братомъ Василiемъ сдали ее на 12-ти лѣтнюю аренду, которой черезъ два года истекаетъ срокъ. Мельница все время работала безпрепятственно, какъ вдругъ въ третьемъ году ливенскiй купецъ Б—въ, купивъ на той же рѣкѣ, семь верстъ ниже, подливной раструсъ, сталъ заводить высокую плотину; но покуда онъ возводилъ новую, я просилъ формальнаго освидѣтельствованiя черезъ губернскаго архитектора, который намѣрилъ подъемъ воды на старой плотинѣ Б—ва четыре аршина и два вершка до линiи, обозначаемой зигзагами гнили, образованной прежнимъ уровнемъ. Въ виду формальной опоры такого измѣренiя, я не просилъ тотчасъ же судъ о формальномъ воспрещенiи дальнѣйшей разорительной для

моей мельницы постройки, а думалъ: „если ты такъ нагло вторгаешься въ мою собственность, то я обожду, когда ты потратишься на свои незаконныя постройки,—и разомъ ихъ поломаю“. Тѣмъ временемъ Б—въ, сломавъ прежнюю плотину и уничтоживъ старые признаки, вытребовалъ въ свою очередь инженера-техника, который далъ ему свидѣтельство, что подъемомъ воды даже на четыре аршина двѣнадцать вершковъ онъ всетаки не подольетъ рабочихъ колесъ моей мельницы; вслѣдствіе чего Б—въ поднялъ воду и затопилъ мою мельницу, при воплѣ моего арендатора. Я подалъ уже два года тому назадъ въ судъ, и дѣло остановилось только на формальной сторонѣ, т.-е. на вопросѣ, какую высоту воды на Б—ской плотинѣ слѣдуетъ считать первоначальною до рѣшенія дѣла по существу. Въ настоящее время дѣло это находится въ московскомъ сенатѣ, и хотя у меня тамъ и повѣренный, стоющій немало денегъ, но толку, братецъ, я никакого не вижу. Теперь, продолжалъ братъ, когда ты знаешь сущность дурацкаго дѣла Тимской мельницы, я хочу предложить тебѣ слѣдующее. Ты бы безконечно одолжилъ меня и развязалъ мнѣ руки, взявъ Тимскую мельницу за должныя мною тебѣ 22 тысячи рублей. Подумай хорошенько и, если ты будешь согласенъ, поѣдемъ завтрашній день въ Орелъ для совершенія купчей, для чего я привезъ съ собою всѣ нужные документы“.

Сообразивъ, что, не взирая на плохое положеніе мельницы, всетаки существуетъ надежда окончить болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ процессъ и получить въ руки извѣстную цѣнность, тогда какъ съ другой стороны на выходъ брата изъ финансовыхъ затрудненій нѣтъ ни малѣйшей надежды,—я безусловно согласился на совершеніе купчей. Пріѣхавъ въ Орелъ на братниныхъ лошадяхъ, мы остановились съ нимъ въ одномъ нумерѣ гостинницы, и такъ какъ, помнится, у меня всѣхъ денегъ было 700 рублей, а на совершеніе купчей слѣдовало еще тысячу, я тотчасъ же телеграфировалъ въ контору Боткиныхъ, прося о высылкѣ мнѣ въ Орелъ тысячи рублей, которыхъ я по тогдашней почтѣ никакъ не могъ получить ранѣе трехъ дней.

На другой день я получилъ телеграмму: „деньги высланы“.

Въ теченіи моихъ воспоминаній я не разъ вынужденъ былъ останавливаться на мелочахъ, имѣвшихъ для меня въ данное время глубокое значеніе. Съ другой стороны, я не описывалъ бы своего прошлаго, еслибы не былъ увѣренъ, что всякій читатель, оглядываясь на собственную жизнь, найдетъ въ ней нѣчто подобное. Не случалось ли каждому быть нѣжно обнимаемому и быть-можетъ совершенно искренно близкими людьми? Но стоитъ судьбѣ хотя слегка вамъ улыбнуться, и изъ ласковыхъ устъ слышатся недружелюбные звуки.

Казалось бы, что мы въ Орлѣ только со вчерашняго дня, а поутру за кофеемъ братъ добродушно протянулъ мнѣ письмо со словами: „вотъ прочти. Любинька пишетъ: „а Тимъ-то, кажется, тебѣ улыбается". Очень радъ, прибавилъ братъ, что онъ улыбается: стало быть ему весело".

Зная фантастическую измѣнчивость братниныхъ мыслей и слушая его іеремiады на скуку пребыванія въ нумерѣ, я ясно понялъ, что купчая должна быть совершена либо завтра, либо никогда.

Въ дверь нумера постучались, и на общій крикъ нашъ: „войдите!"—вошелъ бывшій мой школьный товарищъ, а въ данную минуту старшій городской врачъ баронъ Мейдель.

— Ты вчера, любезный другъ, не засталъ меня дома, и вотъ я захотѣлъ повидаться съ тобой на минуту. Зачѣмъ Богъ тебя принесъ?

Я разсказалъ барону все дѣло, прибавивъ, что съ телеграммой въ рукѣ о высланныхъ деньгахъ не могъ у знакомыхъ купцовъ занять тысячи рублей на одинъ день.

— Ну, братъ, замѣтилъ баронъ,—это такой городъ. Денегъ тутъ ни за что не займешь.

— Да какой же тутъ рискъ? воскликнулъ я:—я могу тотчасъ же дать довѣріе моему кредитору на полученіе моихъ московскихъ денегъ на почтѣ.

— Постой, отвѣчалъ баронъ:—не приходи заблаговременно въ отчаяніе: я сейчасъ сбѣгаю къ одному человѣку и объясню ему дѣло; но предупреждаю, что ему все равно, на три ли мѣсяца или на три дня будутъ взяты деньги; но онъ менѣе трехъ процентовъ не возьметъ.

Конечно, я какъ утопающій схватился за эту доску спа-

сенія и, получивъ деньги (это было часовъ въ 11 утра), тотчасъ направился въ гражданскую палату къ знакомому секретарю.

— Нельзя ли сегодня совершить купчую?

— Помилуйте, возможно ли это? Нужны справки, а теперь ужь двѣнадцатый часъ.

— Сдѣлайте одолженіе! приставалъ я.—Я поблагодарю отъ себя столоначальника и разсчитываю на вашу любезность, прибавилъ я, всовывая ему въ руку 25-ти рублевую бумажку.

— Право, какой вы нетерпѣливый, сказалъ улыбаясь секретарь.—Пожалуйте сейчасъ надлежащій гербовый листъ, а черезъ полтора часа приходите съ братомъ для рукоприкладства, и я тотчасъ же подамъ дѣло на утвержденіе присутствія, и въ два часа вы получите купчую.

Къ вечеру я вернулся въ Степановку владѣльцемъ Тимскаго имѣнія. Какихъ денегъ стоило бы въ настоящее время такое быстрое совершеніе дѣла?

XIV.

Моя поѣздка въ Москву. — По дорогѣ заѣзжаю въ Ясную Поляну. — Въ Москвѣ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго.—Пріѣздъ В. П. Боткина въ Степановку.—Надя снова заболѣваетъ.—Я увожу Петю изъ Новоселокъ къ намъ.— Польское возстаніе.—Переводъ денегъ Тургеневу.—Письма.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Москвы отъ 8 мая 1863 г.:

„Вотъ я и въ Москвѣ! Десять дней прожилъ въ Петербургѣ и теперь надѣюсь скоро отправиться къ вамъ. Но, друзья мои! какое время переживаетъ теперь Россія! Я получилъ уже здѣсь письмо твое и вполнѣ раздѣляю съ тобой чувство, съ которымъ ты берешься за новый нумеръ газеты. Но благодаря нашему легкомыслію или вѣрнѣе безсмыслію, литература наша вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію нашему. Однѣ *Московскія Вѣдомости* понимаютъ всю важность настоящаго Польскаго возстанія, и Катковъ дѣйствительно выражаетъ народное чувство. Меня омерзѣніе взяло при видѣ, какъ въ Петербургѣ легкомысленно смотрятъ на наше настоящее положеніе; я разумѣю нашу безпутную молодежь. Есть основаніе думать, что Поляки замышляютъ произвести смуты внутри Россіи, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Говорятъ, что здѣсь они начинаютъ одѣваться въ русское платье, зипунъ и т. п. Между тѣмъ раздраженіе противъ нихъ растетъ. Здѣсь говорятъ о томъ, что слѣдуетъ сформировать городскую стражу изъ городскихъ жителей, что̀ было бы весьма хорошо, но не знаю, состоится ли это. Еслибы я былъ въ силахъ, то вступилъ бы волонтеромъ въ солдаты.

„Видѣлъ Каткова, онъ измученъ работой и душевною тре-

вогой. Третья книжка *Русскаго Вѣстника* выйдетъ неизвѣстно когда: такъ все занятіе его сосредоточено на *Московкихъ Вѣдомостяхъ,* на которыхъ теперь сосредоточено вниманіе всей Россіи.

„Съ самаго начала Польскаго возмущенія сердце у меня постоянно ноетъ; вмѣшательство западныхъ державъ (чего слѣдовало непремѣнно ожидать) еще болѣе усилило мою душевную тревогу; я потерялъ не только способность думать о чемъ-либо другомъ, но даже потерялъ способность чувствовать природу; въ жизнь мою я не чувствовалъ болѣе удручительнаго состоянія.

„Я привезъ съ собою своего слугу итальянца, котораго взялъ при началѣ моей болѣзни. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я не знаю, какъ мнѣ съ нимъ ѣхать къ вамъ? Онъ человѣкъ очень смирный и деликатный и не можетъ жить, какъ живутъ наши дворовые люди, т.-е. на щахъ и на кашѣ. Развѣ оставить его въ Москвѣ, а съ собою взять Степана? Дай мнѣ совѣтъ. Не дождусь, когда я вступлю въ нѣдра Степановки. Твое изданіе недѣли черезъ двѣ будетъ окончено,— я видѣлъ у Кетчера послѣдніе три листа корректуръ. Стихи, которыхъ корректуру держалъ Кетчеръ,—глухой, слѣпой и мертворожденный для поэзіи и для всѣхъ искусствъ!!!—Ильинъ сдѣлалъ мнѣ отличную коляску, очень удобную для дороги. Жму вамъ крѣпко руки. Здѣсь нестерпимые жары.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ.*

Вѣроятно, въ хлопотахъ я разъѣхался съ графомъ Львомъ Ник. Толстымъ въ Новоселкахъ, и вотъ что онъ пишетъ мнѣ отъ 15 мая 1863 года:

„Чуть-чуть мы съ вами не увидались, и такъ мнѣ грустно, что чуть-чуть; столько хотѣлось бы съ вами переговорить. Нѣтъ дня, чтобы мы объ васъ нѣсколько разъ не вспомнили. Жена моя совсѣмъ не играетъ въ куклы. Вы не обижайте. Она мнѣ серьезный помощникъ. Да еще съ тяжестью, отъ которой надѣется освободиться вначалѣ іюля. Что же будетъ послѣ? Мы *юхванствуемъ* понемножку. Я сдѣлалъ важное открытіе, которое спѣшу вамъ сообщить. Прикащики и управляющіе и старосты есть только помѣха въ хозяйствѣ.

Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часовъ, и все пойдетъ навѣрное *не хуже*. Я сдѣлалъ этотъ опытъ и остался имъ вполнѣ доволенъ. Какъ бы, какъ бы намъ съ вами свидѣться? Ежели вы поѣдете въ Москву и не заѣдете къ намъ съ Марьей Петровной, то это будетъ дюже обидно. Эту фразу подсказала мнѣ жена, читавшая письмо. Некогда; хотѣлъ много писать. Обнимаю васъ отъ всей души, жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей женѣ.

„Дѣло: когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, возжей, тяжей и пришлите мнѣ съ извощиками, ежели съ провозомъ обойдется дешевле двухъ рублей тридцати копѣекъ за пудъ. Деньги немедленно вышлю.

Вашъ *Л. Толстой*,

Конечно, веди я прежнюю городскую жизнь, другими словами, не купи я Степановки, я не могъ бы ни въ какомъ случаѣ рѣшиться и на покупку Тима въ девяностоверстномъ отъ Степановки разстояніи. Но взявшись за это запутанное дѣло, я не могъ, подобно брату, ограничиваться раздражительными проклятіями и безполезною высылкой денегъ московскому повѣренному. Нужно было познакомиться съ дѣломъ покороче; и потому, заручившись письмомъ брата къ повѣренному, съ просьбой передать всѣ накопившіяся дѣла мнѣ, я вынужденъ былъ отправиться въ Москву.

Не смотря на самое серьезное и нетерпѣливое расположеніе духа, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи заѣхать въ Ясную Поляну. Едва только я повернулъ между башнями по березовой аллеѣ, какъ наѣхалъ на Льва Николаевича, распоряжающагося вытягиваніемъ невода во всю ширину пруда и, очевидно, принимающаго всевозможныя мѣры, чтобы караси не ускользнули, прячась въ илъ и пробѣгая мимо крыльевъ невода, не взирая на яростное щелканье веревками и даже оглоблями.

— Ахъ, какъ я радъ! воскликнулъ онъ, очевидно, дѣля свое вниманіе между мною и карасями. — Мы вотъ сію минуту! Иванъ! Иванъ! круче заходи лѣвымъ крыломъ! Соня! ты видѣла Аѳанасія Аѳанасьевича?

Но замѣчаніе это явно опоздало, такъ какъ вся въ бѣломъ

графиня давно уже подбѣжала ко мнѣ по аллеѣ и тѣмъ же бѣгомъ съ огромною связкой тяжелыхъ амбарныхъ ключей на поясѣ, не взирая на крайне интересное положеніе, бросилась тоже къ пруду, перескакивая черезъ слеги невысокой загороди.

— Что̀ вы дѣлаете, графиня! воскликнулъ я въ ужасѣ:— какъ же вы неосторожны!

— Ничего, отвѣчала она, весело улыбаясь.—я привыкла.

— Соня, вели Нестеркѣ принести мѣшокъ изъ амбара, и пойдемте домой.

Графиня тотчасъ же отцѣпила съ пояса огромный ключъ и передала его мальчику, который бросился бѣгомъ исполнять порученіе.

— Вотъ, сказалъ графъ,—вы видите полное примѣненіе нашей методы: держать ключи при себѣ, а исполнять всѣ хозяйственныя операціи при посредствѣ маличишекъ.

За оживленнымъ обѣдомъ появились пойманные на нашихъ глазахъ караси. Казалось, всѣмъ было одинаково легко и радостно на душѣ, и я въ возможной краткости спѣшилъ передать графу обстоятельство съ Тимомъ и причину моей поѣздки въ Москву.

Вечеръ этотъ можно бы было по справедливости назвать исполненнымъ надеждъ. Стоило посмотрѣть, съ какою гордостью и свѣтлою надеждой глаза добрѣйшей тетушки Татьяны Александровны озирали дорогихъ племянниковъ и, обращаясь ко мнѣ, явно говорили: „вы видите, у mon cher Léon, конечно, не можетъ быть иначе“.

Что касается до молодой графини, то, конечно, жизнь прыгающей въ ея положеніи черезъ слеги, не можетъ не быть озарена самыми радостными надеждами. Самъ графъ, проведшій всю жизнь въ усиленныхъ поискахъ новизны, въ этотъ періодъ видимо вступалъ въ невѣдомый дотолѣ міръ, въ могучую будущность котораго вѣрилъ со всѣмъ увлеченіемъ молодаго художника. Самъ я въ этотъ вечеръ, увлекаемый общимъ тономъ беззавѣтнаго счастья, не чувствовалъ нагнетающаго меня Сизифова камня.

Пріѣхавъ въ Москву, я, конечно, прежде всего свидѣлся съ Василіемъ Петровичемъ, а затѣмъ обратился къ повѣрен-

ному брата, который съ видимымъ неудовольствіемъ сдалъ мнѣ все накопившееся Тимское дѣло. Изъ немногихъ отвѣтовъ о судьбѣ тяжбы, я тотчасъ же понялъ, что вся задача почтеннаго надворнаго совѣтника состояла въ періодическомъ истребованіи денегъ для мнимаго веденія дѣлъ. Въ этомъ предположеніи меня окончательно убѣдили пять нераспечатанныхъ братниныхъ писемъ за послѣдній годъ, найденныхъ мною вложенными въ послѣднія копіи.

Надо было обратиться къ самому мѣсту, гдѣ велось дѣло, т.-е. въ сенатъ, гдѣ у меня, къ счастію, нашлось нѣсколько знакомыхъ сенаторовъ и, главное, князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

— Если хотите толкомъ поговорить о вашемъ дѣлѣ, сказалъ князь, — то пріѣзжайте къ шести часамъ къ намъ на Остоженку послѣ завтра обѣдать. Княгиня будетъ вамъ рада, и мы вечеромъ потолкуемъ на свободѣ.

Когда въ назначенное воскресенье слуга доложилъ, что кушать готово, и мы съ княземъ вышли въ столовую, княгиня, только - что вернувшаяся съ какого - то визита, съ яркимъ алымъ бантомъ на головѣ, ласково встрѣтивъ меня, подошла къ своему мѣсту.

— Этотъ бантъ твой нехорошъ, сказалъ князь, приподымая указательный палецъ.

— Не знаю, чѣмъ нехорошъ, отвѣчала княгиня.

— Да ужь я тебѣ говорю, что нехорошъ, повторилъ князь.— Но теперь не время объ этомъ толковать, а давай намъ супу, да немного. Сегодня жарко, и я знаю, что будетъ ботвинья съ самою свѣжею рыбой. Да кстати, ты знаешь ли кто у тебя сегодня гостемъ?

— Право, отвѣтила княгиня, — ты сегодня все какими то загадками говоришь. Мы за обѣдомъ втроемъ, а Аѳанасія Аѳанасьевича я знаю не хуже тебя.

— Такъ; но ты думаешь, что у тебя обѣдаетъ поэтъ, а выходитъ, что это проситель.

Послѣ обѣда душистый кофе подали намъ въ кабинетѣ князя. Князь былъ любитель и мастеръ хорошо покушать и, какъ говорили, былъ самъ тонкій поваръ. Помню, съ какимъ юморомъ онъ разсказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ реформахъ, произ-

веденныхъ имъ въ качествѣ почетнаго опекуна въ Екатерининскомъ институтѣ. „Спрашиваю у начальницы, какъ идутъ у дѣвицъ рукодѣлья?“ — Меня приводятъ въ залу, установленную пяльцами. Я говорю: „прикажите пожалуйста убрать всѣ эти пяльцы: желающія вышивать могутъ исполнять это на рукахъ; а главное пріучайте ихъ къ шитью бѣлья. Умѣютъ ли, напримѣръ, онѣ кроить и шить женскія и мужскія сорочки?“ При послѣднемъ словѣ я вижу явное недоумѣніе на лицѣ начальницы. Но не обращая на это вниманія, я спрашиваю: „умѣютъ ли онѣ кроить и шить мужскіе кальсоны?“—„Ахъ!“ вырвалось изъ груди начальницы.—„Да, да, кальсоны, продолжаю я; мы должны понимать, кого мы готовимъ. Я не говорю о томъ, что каждая дѣвушка мечтаетъ о будущемъ мужѣ; но у большинства уже въ настоящую пору есть небогатый отецъ, дядя, братъ, которые нуждаются въ опытной рукѣ молодой хозяйки. А умѣютъ ли онѣ готовить кушанье?“ спрашиваю я и вижу, что вопросъ мой озадачиваетъ начальницу не менѣе прежняго.

— Позвольте, ваше превосходительство, моимъ дамамъ показать институткамъ примѣръ. Послѣ завтра онѣ пріѣдутъ готовить въ вашей кухнѣ, пригласивъ на помощь нѣсколькихъ институтокъ.

„Передавъ все это княгинѣ, я попросилъ ее, взявъ съ собою двухъ племянницъ: княжну О... и графиню К..., заѣхать въ Охотный Рядъ и, запасшись всѣмъ нужнымъ, отправиться въ институтъ. Тамъ мои барыни засучили рукава, надѣли фартуки и стали чистить овощи и приготовлять мясо, къ общей радости участвовавшихъ въ стряпнѣ институтокъ“.

Полный энергіи и разнообразнѣйшихъ жизненныхъ интересовъ, князь въ этотъ вечеръ былъ особенно любезенъ и разговорчивъ. Будучи прирожденнымъ и ученымъ музыкантомъ, онъ никогда не разставался съ небольшимъ церковнымъ органомъ, на которомъ игралъ въ совершенствѣ. „Я могу, говорилъ онъ, припомнить своихъ первыхъ учителей грамотѣ; но кто обучилъ меня нотамъ—положительно не знаю. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я уже читалъ ноты; а съ тѣхъ поръ, что я познакомился съ вашими стихами, я не могу простить вамъ прекраснаго стихотворенія на лодкѣ со

стихомъ: „И далеко раздаются звуки Нормы по рѣкѣ". Вѣдь угораздило же васъ говорить съ восторгомъ о такой музыкѣ, какъ Норма".

Какъ бы въ насущное опровержeніе моего несчастнаго стиха, князь сѣлъ за органъ и съ полчаса предавался самымъ пышнымъ и изысканнымъ фугамъ. Мало-по-малу онъ перешелъ къ русскимъ, національнымъ напѣвамъ. „Вы не знаете, спросилъ онъ меня, пѣсни, приписываемой царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ? Я тщательно записалъ слова и голосъ этой пѣсни и издалъ ихъ. Я надпишу эти ноты и подарю вамъ ихъ на память", сказалъ князь, исполняя то и другое.

При многократной перевозкѣ моей движимости, дорогой подарокъ покойнаго князя у меня едва ли не пропалъ. Но я увѣренъ, что ноты эти существуютъ въ музыкальныхъ магазинахъ, и память моя удержала слова пѣсни:

«Возлѣ рѣченьки хожу млада,
«Меня рѣченька стопить хочетъ;
«Возлѣ огничка хожу млада,
«Меня огничекъ спалить хочетъ.

—

«Возлѣ милаго сижу дружка,
«Меня милый другъ коритъ, бранитъ,
«Онъ коритъ, бранитъ,
«Въ монастырь идти велитъ».

Отпуская вечеромъ меня, князь приглашалъ заѣхать обѣдать въ слѣдующее воскресенье, обѣщавъ къ тому времени основательно познакомиться съ моимъ дѣломъ. Пришлось такимъ образомъ пробыть въ Москвѣ болѣе того, чѣмъ предполагалъ.

Зашли мы съ Боткинымъ какъ-то къ Каткову, и, конечно, разговоръ закипѣлъ по поводу Польскаго возстанія и вообще того разлагающаго элемента, который наши враги такъ обильно вливали въ нашу жизнь, чему блистательнымъ образчикомъ могъ служить произведшій такое впечатлѣніе романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать*. Мы съ Катковымъ не могли придти въ себя отъ недоумѣнія и не знали только, чему удивляться болѣе: цинической ли нелѣпости всего романа, или явному сообщничеству существующей цензуры съ про-

повѣдью двоеженства, фальшивыхъ паспортовъ, преднамѣренной проповѣди атеизма и анархіи со стороны духовнаго законоучителя, которому такая пропаганда въ казенныхъ заведеніяхъ тѣмъ сподручнѣе, что онъ профессоръ и щитъ. Катковъ просилъ меня написать рецензію на *Что дѣлать;* а Боткинъ, собиравшійся въ Степановку, обѣщалъ свое сотрудничество въ этомъ дѣлѣ.

При новомъ свиданіи князь Вл. Ѳ. Одоевскій, указывая пальцемъ на свой животъ, сказалъ: „дѣло ваше я проглотилъ, и оно теперь у меня вотъ гдѣ. Но вообразите, что, не взирая на явную правоту вашего дѣла, за исключеніемъ меня и сенатора Ахлестышева, весь сенатъ противъ васъ; но мы настаиваемъ на перенесеніе дѣла въ общее собраніе сената, о чемъ я своевременно дамъ вамъ знать въ деревню“.

По пріѣздѣ въ Степановку, жена моя получила письмо отъ Василія Петровича:

Москва 2 іюня 1863 года.

„Посылаю обратно письмо твое къ Аѳанасію Аѳанасьевичу, приписывая нѣсколько словъ. Погода опять холодна, хотя не такъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Я уже начинаю думать объ отъѣздѣ, да на этой недѣлѣ не удастся, потому что въ Англійскомъ клубѣ составляется обѣдъ по подпискѣ въ честь Каткова, поистинѣ перваго патріотическаго журналиста, какихъ еще въ Россіи не бывало. Имя Каткова уже вошло въ исторію нашего государственнаго развитія.—Хорошо ли доѣхалъ Фетъ? Я послѣ моего лихорадочнаго пароксизма еще не могу совсѣмъ поправиться.

В. Боткинъ.

Въ іюнѣ наконецъ пріѣхалъ Василій Петровичъ въ новой щегольской коляскѣ, заказанной, по совѣту моему, съ троечнымъ ходомъ, входящимъ въ колеи. Отъ только-что оконченной нами пристройки онъ пришелъ въ совершенный восторгъ, хваля архитекторскія мои способности, которымъ и впредь предстояло проявиться въ оправданіе пословицы: „нужда научитъ калачи ѣсть“. На этотъ разъ Боткинъ при-

везъ съ собою слугу итальянца Борини, помѣстившагося за стѣной комнаты Василія Петровича. Онъ настолько понималъ по-французски, что можно было съ нимъ объясняться; но какъ онъ, не зная русскаго языка, объяснялся съ прислугой,—не знаю.

Не смотря на совершенную утрату зрѣнія лѣвымъ глазомъ, Боткинъ ни одного дня не проводилъ безъ серьезнаго чтенія, преимущественно по англійски. „Исторія Индіи составляетъ мой пробѣлъ, говорилъ онъ, указывая на томы мелкой печати, и мнѣ необходимо его восполнить“.

„Боже, думалось мнѣ, человѣкъ въ сущности на краю могилы, съ однимъ усталымъ глазомъ, черезъ очки старается восполнять пробѣлы. Удивительно!“

Во исполненіе просьбы Каткова, я тотчасъ принялся за разборъ романа: *Что дѣлать*. А Боткинъ, между прочимъ, иллюстрировалъ мой разборъ коммунистическими эпизодами парижской жизни, коихъ былъ въ 1848 году свидѣтелемъ.

Въ Степановкѣ Боткинъ поневолѣ знакомился за обѣдомъ съ посѣщавшими насъ случайно сосѣдями, и, хотя объ этомъ никогда не говорилъ, но судя по любезнымъ его къ нимъ отношеніямъ, можно было заключить, что очень хорошо понималъ значительность доли выпавшей при тогдашнихъ обстоятельствахъ на долю этихъ скромныхъ людей. Неученые доктринеры и ораторы вынесли на своихъ плечахъ обузу коренной реформы, не вызвавъ ни малѣйшей смуты. Умиленіе Василія Петровича, котораго мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, было вполнѣ чистосердечно.

Однажды засидѣвшіеся у насъ М—овы (посредникъ, о которомъ я уже говорилъ) собрались уѣхать темною ночью, такъ что мы вышли провожать ихъ на крыльцо со свѣчами, и между прочимъ Василій Петровичъ, протягивая руку, старался освѣтить ихъ болѣе чѣмъ старомодную коляску съ фордекомъ. Когда гости тронулись въ путь, Василій Петровичъ, елейно прохихикавъ, обратился къ намъ со словами: „прекрасно, прекрасно! и колымажка есть!“

Выше мы видѣли, что самыя настойчивыя намѣренія мои насчетъ покупки земли не имѣли никакого успѣха, тогда какъ случайнаго пріѣзда къ Александру Никитичу было до-

статочно, чтобы сдѣлать меня осѣдлымъ въ Степановкѣ. При этомъ нельзя не сказать, что, не взирая на долги и значительную нужду, Александръ Никитичъ былъ великолѣпный хозяинъ и съ хорошимъ поваромъ умѣлъ подать и угостить, какъ рѣдкіе изъ богачей это умѣютъ. Поэтому не удивительно, что 30 августа мы заставали за столомъ всѣхъ мценскихъ тузовъ. Такимъ образомъ все это вліятельное въ краѣ общество привыкло бывать у насъ 22 іюля, когда, въ свою очередь, нашъ Михайла, при помощи Ш—нскаго Илларіона, старался также отличиться.

На этотъ разъ обѣдъ былъ у насъ сервированъ въ верхней залѣ въ два свѣта, о которой мы говорили, и Василій Петровичъ остался совершенно доволенъ обѣдомъ, хотя съ самаго начала забунтовалъ, видя, что я не сажусь, и въ свою очередь хотѣлъ встать изъ-за стола.

Не взирая на значительную роль, которую нашимъ обѣдамъ пришлось разыграть въ моей провинціальной жизни, я не стану описывать ихъ въ подробности, а скажу только, что во все продолженіе 17-ти лѣтъ, проведенныхъ нами въ Степановкѣ, обѣды 22 іюля ежегодно возвращались. И что̀ довольно курьезно, при количествѣ гостей отъ 25 до 30 человѣкъ,— выпитыхъ бутылокъ Редерера оказывалось большею частію 22 бутылки. Конечно, при слабомъ участіи дамъ, надо было приписать успѣшное осушеніе стакановъ моему собственному примѣру и примѣру Тургенева, когда онъ у насъ обѣдалъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена 8 іюля 1863 г.:

„Отвѣчаю вамъ соборнѣ, Аѳанасій Фетъ, Василій Боткинъ, Иванъ Борисовъ, любезнѣйшіе и добрѣйшіе друзья мои, и надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня, когда узнаете, что я пишу это письмо не на шутку больной. Моя старинная болѣзнь разрѣшилась острымъ воспаленіемъ, и я осужденъ на неподвижность, піявки, опіумъ и прочія гадости. Главное, на расположеніе душевное дѣйствуетъ это скверно, и право какъ-то плохо лѣзешь въ сферу идеала. Надо̀ терпѣть, долго и много терпѣть, и уже не думать ни объ охотѣ, ни о шампанскомъ. Но довольно о собственныхъ недугахъ.

„Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ; видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его вол-

нахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи *Времени*—журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ. Сверхъ того, это запрещеніе косвенно пало и на меня; я кончилъ и переписалъ штуку, названную мною *Фантазіей*, листа въ три печатныхъ; хотѣлъ уже отсылать, теперь куда ее дѣть? Съ другой стороны хорошо то, что я успѣю прочесть ее тебѣ передъ напечатаніемъ, потому что я убѣжденъ, что ты пріѣдешь сюда *вмѣстѣ съ Фетомъ* въ сентябрѣ или октябрѣ.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спасибо за милое письмо ваше. Переводъ нѣмецкій вашего: „Снова птицы летятъ издалека"—очень хорошъ, хотя не передаетъ прелестно музыкальнаго переплета послѣднихъ четырехъ стиховъ. На дняхъ приступаемъ къ публикаціи въ Карлсруэ альбома г-жи Віардо съ шестью вашими и съ шестью Пушкинскими стихотвореніями. Дай вамъ Богъ здоровья, аппетита и удачи на охотѣ въ Степановкѣ и пріѣзжайте съ Боткинымъ на осень и зиму сюда. Войны вѣдь не будетъ. Прочелъ я вашу статью въ мартовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Очень мило, а надъ исторіей *веревокъ* въ Орлѣ я хохоталъ. Но тутъ же находится pendant къ необъятно-непостижимому стихотворенію: *И рухнула съ разбѣга колесница*,—а именно 344 страница съ ея латинскими словами и *рикошетами*. Я пробовалъ читать ее лежа, стоя, кверху ногами, на полномъ бѣгу, съ припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понялъ! Тамъ есть фраза: *„онъ на все смотритъ при помощи источниковъ изобрѣтенія"?!!!!!?!?!* Небеса разверзаются, адъ трепещетъ, и тьма кромѣшная. А статья всетаки очень хороша. Прекрасно также начало романа Писемскаго. Живо, сильно, бойко. Что-то будетъ дальше?—О Владыко живота моего! какъ вы, должно-быть, теперь объѣдаетесь земляникой и малиной! ноздри какъ раздуваются!!!

„Теперь очередь за вами, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Примите мое сердечное спасибо за вашу память обо мнѣ. Къ сожалѣнію, я васъ не увижу въ нынѣшнемъ году и не буду свидѣтелемъ всѣхъ улучшеній вашего дома и сада; но

надѣюсь, что вы попрежнему будете сообщать мнѣ свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ вашемъ, и о томъ, что̀ дѣлается вокругъ васъ. Отъ вашихъ писемъ всегда такъ и вѣетъ мнѣ нашимъ роднымъ Орломъ и Мценскомъ, а это мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, какъ манна. Кланяюсь вашей женѣ, цѣлую вашего Петю и обнимаю всѣхъ васъ троихъ.

Ив. Тургеневъ.

Тѣмъ временемъ судьба готовила мнѣ новое, тяжелое потрясеніе. Борисовъ прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ о внезапномъ заболѣваніи обожаемой имъ жены и просилъ пріѣхать для оказанія братской помощи. Въ Новоселкахъ, куда я тотчасъ же прискакалъ, Иванъ Петровичъ убѣдилъ меня въ необходимости увезти Надю въ Москву къ доктору, такъ какъ присутствіе ея могло быть небезопасно и въ физическомъ, и въ психическомъ смыслѣ для любимаго имъ до фанатизма пятилѣтняго Пети.

Я давно отъ опытныхъ психіатровъ слыхалъ, что чувства душевно больныхъ совершенно извращаются, и болѣзненная ихъ ненависть только свидѣтельствуетъ о горячей привязанности въ нормальномъ положеніи. Неизмѣримая разница впечатлѣнія, производимаго перломъ драматическаго созданія, вродѣ Офеліи и Гретхенъ, и неумолимою дѣйствительностью во образѣ дорогаго намъ существа. Помню, послѣ обычнаго свиданія, мы втроемъ усѣлись въ кабинетѣ Ивана Петровича, и нельзя было достаточно налюбоваться на Надю: отросшіе со времени послѣдней болѣзни темнорусые волосы пышными волнами падали ей на плечи, яркій румянецъ озарялъ ея щеки, и темные глаза горѣли фосфорическимъ блескомъ. Сквозь обычное выраженіе интеллигенціи прорывалось какое-то безумное буйство Медеи. Боже, что̀ она говорила! Казалось, весь умъ ея сосредоточивался на желаніи сказать мужу самое обидное, самое невыносимое для любящаго. Еслибы я желалъ, то не въ состояніи бы былъ воспроизвести потока самыхъ язвительныхъ словъ, которыми она старалась описать свое нестерпимое, инстинктивное отвращеніе къ мужу. „Боже! восклицала она: чего сто̀ятъ эти приникающіе къ губамъ щетинистые противные усы, приводящіе въ содроганіе!“

Мы оба съ Борисовымъ сидѣли, какъ приговоренные къ смерти. Между тѣмъ Борисовъ успѣлъ попросить меня незамѣтно украсть Петю изъ дома матери, которую, быть-можетъ, придется удалять изъ него силой. Поэтому я приказалъ кучеру тихонько выѣхать на дорогу, а гувернанткѣ французенкѣ, выславъ впередъ самое необходимое бѣлье,—вывести мальчика въ рощу на гулянье и ждать меня около коляски. Черезъ часъ со стѣсненнымъ сердцемъ я уже увозилъ бѣднаго мальчика вмѣстѣ съ французенкой въ Степановку.

Наконецъ В. П. Боткинъ уѣхалъ въ Москву, откуда писалъ:

8 августа 1863 года.

„Въ Москву пріѣхалъ благополучно и на другой же день былъ у Каткова. Онъ получилъ критику *Что дѣлать*, но еще не читалъ ея и отдаетъ печатать, а ко мнѣ хотѣлъ прислать корректуру. Она будетъ безъ всякой подписи, какъ ты желалъ. Всѣхъ нашелъ здоровыми; вчера былъ въ Кунцевѣ, видѣлъ всѣхъ и долженъ былъ въ подробности разсказывать имъ о своемъ пребываніи въ Степановкѣ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма о Тимѣ. Былъ у Маслова [1]), но не засталъ его; по случаю скораго пріѣзда сюда Государя, онъ въ разъѣздахъ; да притомъ теперь въ удѣльныхъ имѣніяхъ вводится *Положеніе*, которое до сихъ поръ не было еще введено. Обнимаю васъ крѣпко.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Убѣдившись при поѣздкѣ на Тимъ, что старая отцовская изба для барскаго пріема пришла, наравнѣ съ надворными строеніями, въ совершенное разрушеніе, я выбралъ тамъ необширную полянку среди небольшаго, но крайне живописнаго дубоваго лѣса на лѣвомъ обрывистомъ берегу рѣки Тима, гдѣ отыскался и сильный ключъ чистѣйшей воды. Предвидя необходимость пріѣздовъ, я распорядился сломать прежнюю усадьбу и кирпичъ изъ разломанной риги употребить на фундаменты предназначенныхъ мною построекъ, а

[1]) Главноуправляющій Московскою Удѣльною Конторой, у котораго Тургеневъ постоянно останавливался, пріѣзжая въ Москву.

старый лѣсъ на эти постройки. Отыскался отцовскій портной Антонъ, взявшійся за малую плату быть моимъ прикащикомъ и архитекторомъ. А такъ какъ въ Степановкѣ мы успѣли перемѣнить крашеныя еловыя двери и рамы на дубовыя съ болѣе солидными приборами, то вся эта старая подѣлка была отправлена въ новую тимскую постройку. Постройка, какъ мы потомъ всѣ убѣдились, вышла превосходная.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, я, уѣзжая въ Спасское, чтобы охотиться съ Тургеневскими егерями, оставлялъ тамъ жену на время охоты.

В. П. Боткинъ писалъ изъ Москвы отъ 21 августа 1863 г.:

„Милые друзья! съ радостью узналъ я, что ты наконецъ привелъ въ порядокъ Тимъ; теперь остается ожидать исхода процесса. Сначала Катковъ горячо благодарилъ за статью о Чернышевскомъ, но потомъ какъ-то охладѣлъ, а Леонтьевъ хныкаетъ о томъ, что она очень велика. Я ужъ болѣе недѣли не видался съ ними. Вчера заѣзжалъ, но Каткова не было дома, а Леонтьевъ спалъ. На дняхъ постараюсь увидать ихъ и объясниться. Если у васъ стоитъ такая же райская погода, какъ здѣсь, то всѣ зерна должны просохнуть отлично. Какъ я тоскую по Степановскомъ воздухѣ и ея водѣ! и ея божественной тишинѣ! и нашей жизни тамъ!—для меня тамъ живетъ счастье... Долго ли ты прожила въ Спасскомъ, Маша? Ни за что̀ не промѣнялъ бы я Степановки на Спасское, ни за что! Я не знаю, какъ вамъ со мной, но я бы не желалъ лучшихъ сожителей. Вотъ уже второй разъ, какъ посѣщаю Степановку и чувствую, что сердце все глубже и глубже пускаетъ туда корни свои. На дняхъ занялся разборкой гравюръ и отложилъ до тридцати. Но боюсь, не много ли? Между ними есть немного фотографій. Подожду до твоего пріѣзда, мы тогда и рѣшимъ окончательно. У насъ всѣ здоровы и все обстоитъ благополучно. Богъ знаетъ, поѣду ли я заграницу на зиму, и въ то же время наша зима страшитъ меня. Крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Вернувшійся Борисовъ сообщилъ намъ, что по настоятельному совѣту московскихъ врачей вынужденъ былъ отвезти

жену въ Петербургъ, гдѣ и помѣстилъ ее въ больницѣ *Всѣхъ Скорбящихъ* подъ непосредственнымъ надзоромъ старшаго доктора, бывшаго когда то въ Орлѣ врачемъ покойной нашей матери Петю до времени Борисовъ оставилъ у насъ съ французженкой, во избѣжаніе въ домѣ женскаго элемента.

Люди, дѣятельность которыхъ преимущественно обращена на духовную сторону (литераторы), способны ежеминутно предаваться новымъ соображеніямъ и всенародно подбивать въ ихъ пользу другихъ. Но судьба такихъ подбиваній чрезвычайно различна.

Бывшій мой сослуживецъ Н. Ѳ. Щ—ій разсказывалъ мнѣ, что въ качествѣ иркутскаго губернатора получилъ оффиціальное предложеніе открыть подписку на изданіе книгъ на малороссійскомъ языкѣ. „Господи, продолжалъ разскащикъ: что̀ же это за выдумки? я самъ малороссъ, а по-хохлацки не читаю. А потому и сунулъ циркуляръ подъ красное сукно, подъ которымъ онъ покоится и по сей день“.

Но иное печатное слово падаетъ какъ искра на горючій матеріалъ, и матеріалъ этотъ, бывшій до того безразлично холоднымъ, мгновенно и неудержимо вспыхиваетъ.

Люди среднихъ лѣтъ помнятъ, безъ сомнѣнія, всеобщее уныніе, овладѣвшее всею Россіей при вѣсти о Польскомъ возстаніи при явной поддержкѣ Наполеона III.

Вызванный ко дню несостоявшагося доклада о Тимѣ, я на два дня остановился въ пустомъ поновлявшемся домѣ Боткиныхъ на Маросейкѣ. Собравшись утромъ по дѣламъ, я увидалъ въ зеркалѣ за собою 80-ти-лѣтнюю бывшую ключницу Пелагею, извѣстную въ семействѣ подъ именемъ Попочки. Распросивъ о моемъ и отсутствующей жены моей здоровьѣ, Попочка вдругъ воскликнула: „охъ, батюшка, что̀ жь это съ нами, горькими, будетъ? Въ народѣ-то говорятъ: Полякъ на Москву идетъ“.

Напрасно старался я успокоить Попочку, говоря, что Полякъ не придетъ; но она видимо не убѣждалась и повторяла: „да вотъ такъ-то и въ двѣнадцатомъ году все толковали: Французъ не придетъ, не пустятъ его въ Москву.—А онъ и пришелъ“.

Таково въ сущности было общее у насъ настроеніе. Никто

не зналъ, что дѣлать съ Поляками. И вдругъ Катковъ всенародно сказалъ: „бить“. И это слово электрическою искрой влетѣло въ народъ.

Въ тщательно разводимомъ нами саду, женатый и далеко не молодой садовникъ Александръ безъ всякаго вступленія обратился ко мнѣ со словами: „стало-быть мы всѣ пойдемъ бить Поляка“. А что это была не пустая фраза, явно изъ того, что, не взирая на тогдашнее далеко не дружелюбное отношеніе къ военной службѣ, крестьяне толпами приходили въ городъ Мценскъ, прося вести ихъ бить Поляковъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 1 октября 1863 г.: „Письмо изъ Степановки отъ 1 мая! Письмо оттуда же отъ 3 іюня! Еще письмо оттуда же отъ 18 іюля! Наконецъ, еще письмо отъ 18 августа!! И все письма большія, милыя, умныя, забавныя, интересныя, а я, неблагородный и неблагодарный уродъ!—не отвѣчалъ ни на одно. Послѣ этого никакого нѣтъ сомнѣнія, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что вы имѣете право обругать меня самыми крѣпкими словами россійскаго діалекта, а я обязанъ только кланяться и благодарить за науку. Что дѣлать, батюшка! Облѣнился я, ожирѣлъ и отупѣлъ, совѣсть плохо прохватывать стала. Кромѣ того я наслаждаюсь слѣдующими благами жизни:

„1. Здоровъ—(вотъ уже третій мѣсяцъ).

„2. Хожу на охоту (бью фазановъ).

„3. Не занимаюсь литературой (да и по правдѣ сказать ничѣмъ).

„4. Не читаю ничего русскаго.

„Какъ же мнѣ послѣ этого не погрязнуть въ безвыходномъ эпикуреизмѣ? Объ васъ ходятъ, напротивъ, совершенно противуположные слухи: говорятъ, что вы, „потрясая Орловской губерніей Тамбовскую, сжимаете руки“—заводите мельницу на 8.000,000,000,000 поставахъ, которая будетъ молоть не вздоръ, какъ Чернышевскій, а тончайшую крупичатую муку. Желаю вамъ всевозможныхъ успѣховъ и прошу объ одномъ— не забывать совершенно охоты, ибо и тамъ дичь,—тоже не вродѣ дичи Чернышевскаго.

„А знаете ли вы, что мы съ вами, весьма вѣроятно, — скоро увидимся? По крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если вы

пріѣдете на зиму въ Москву, ибо я въ концѣ ноября совершаю путешествіе въ отечество,—и пребуду въ ономъ около шести недѣль. Не относитесь скептически къ этому извѣстію—оно вѣрно.

„Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, не смотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, *ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла,* даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи. Я къ вамъ пишу черезъ Боткина, ибо, можетъ быть, вы теперь въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы вы ни были, примите мои искреннѣйшія пожеланія вамъ всего хорошаго. Кланяюсь усердно вашей женѣ и дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Я здѣсь остаюсь еще на мѣсяцъ, тамъ на десять дней въ Парижъ, а тамъ въ Рассею".

Боткинъ увѣдомилъ меня, что Тимское дѣло назначено къ слушанію на 15-е октября.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, Ив. П. Борисовъ взялъ отъ насъ Петю къ себѣ въ Новоселки и, отпустивши француженку, взялъ къ нему нѣмца Ѳедора Ѳедоровича.

Проѣздомъ въ Москву я, конечно, не преминулъ заѣхать въ Спасское къ добрѣйшему Николаю Николаевичу Тургеневу.

— А у меня къ вамъ большая просьба, сказалъ при прощаньи старикъ.—Иванъ пишетъ, чтобы я немедля перевелъ въ Парижъ черезъ московскую контору Ахенбаха ему 3500 р. Пожалуйста не откажите исполнить просьбу вашего пріятеля.

Остановившись въ Москвѣ въ домѣ главы фирмы П. П. Боткина, я, конечно, въ ту же минуту просилъ его о переводѣ денегъ. Къ концу обѣда, служащій, которому порученъ былъ переводъ, вернулся съ докладомъ, что Ахенбахъ съ меньшей для насъ выгодой противъ другихъ банкировъ принимаетъ деньги для перевода.

— И что вамъ дался этотъ Ахенбахъ! воскликнулъ Боткинъ.

— Ну, отвѣчалъ я,—меня просили настоятельно перевести

черезъ Ахенбаха, и я считаю себя не вправѣ пускаться въ разсужденія.

Со словомъ „какъ хотите", служащій былъ снова отправленъ къ Ахенбаху.

Не успѣли мы еще выпить послѣобѣденнаго кофею, какъ тотъ же конторскій мальчикъ вошелъ со смущеннымъ лицомъ и телеграммой въ рукахъ. „Изъ Петербургской конторы телеграфируютъ, сказалъ онъ, что государственный банкъ прекратилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, и нашъ курсъ въ ту же минуту упалъ на десять процентовъ, сообразно съ чѣмъ и Ахенбахъ готовъ сдѣлать переводъ на Парижъ.

— Стало быть, воскликнулъ я,—Тургеневъ нежданно потеряетъ триста пятьдесятъ рублей?

— Конечно, отвѣчалъ Боткинъ, — подобно всѣмъ, переводящимъ деньги заграницу, и подобно намъ, теряющимъ отъ перевода на Лондонъ шестьдесятъ тысячъ.

Весь этотъ разговоръ былъ мною съ точностью переданъ въ письмѣ Тургеневу. Но это не мѣшало послѣднему жаловаться Василію Петровичу и Анненкову на мое поэтическое легкомысліе, которое, какъ видно, и было мгновенной причиной паденія курса.

Дѣло мое и на этотъ разъ не попало къ докладу.

Еслибы не рядъ писемъ по годамъ и подъ числами, я бы, конечно, при извѣстномъ однообразіи быта, не въ состояніи былъ бы съ достаточной ясностью распутать нить жизни за какихъ либо тридцать лѣтъ. Но и возстановляя при помощи писемъ несомнѣнныя событія, я иногда не въ состояніи уяснить себѣ побудительныхъ причинъ извѣстныхъ дѣйствій, хотя съ моей точки зрѣнія побужденія эти гораздо важнѣе самыхъ событій. Такъ было время, когда, не взирая на крайне ограниченныя средства, я нерѣдко ѣздилъ изъ Москвы въ Петербургъ за полученіемъ денегъ изъ редакцій. Но мы видѣли, что оскудѣніе этого источника было причиной бѣгства въ Степановку. Затѣмъ мнѣ пришлось ѣздить въ Петербургъ послѣ перехода туда Тимскаго дѣла въ консультацію при министерствѣ юстиціи. Но зачѣмъ, при ограниченныхъ средствахъ, я не разъ ѣздилъ въ Петербургъ до перехода туда

дѣла мельницы, — объяснить въ настоящее время не могу. Явно, что я, не добившись толку въ московскомъ сенатѣ, ѣздилъ съ Василіемъ Петровичемъ въ Петербургъ, а затѣмъ, воротившись въ Москву, остановился на зиму въ домѣ Петра Петровича на Маросейкѣ, попрежнему во флигелѣ, куда подъѣхала и жена.

В. П. Боткинъ отъ 7-го ноября 1863 года писалъ изъ Петербурга:

„Ну, милые друзья, я еще въ Петербургѣ и въ томъ же отелѣ, и самому Богу-только извѣстно, отправлюсь ли далѣе. Не смотря на то, что здѣсь, говоря вообще, мнѣ не непріятно, климатъ здѣшній даетъ себя чувствовать непріязненно. У меня ужь оказался ревматизмъ въ правомъ плечѣ, и всю эту недѣлю я чувствовалъ себя болѣзненно, такъ что по два дня не могъ выходить изъ комнаты. Эта слякоть и мокрый снѣгъ, эта гниль въ воздухѣ приводятъ меня въ совершенное безсиліе. Сегодня легкій морозъ, и я ожилъ, и на душѣ просвѣтлѣло, нервы спокойны, не раздражаются всякою дрянью. какъ бываетъ, когда вмѣсто неба виситъ свинцовая, удушливая атмосфера. Да! я долженъ сказать, что простился съ Борини. Онъ такъ сталъ тосковать, что страшно похудѣлъ, не ѣлъ и не спалъ, я повезъ его къ Сережѣ, который мнѣ сказалъ, что у него можетъ быть начало тифа, и что лучше поскорѣе отправить его. Я сказалъ Борини, что ежели онъ хочетъ, то можетъ ѣхать. Все это время жена его писала ему письма, полныя упрековъ и подозрѣній въ томъ, что онъ не хочетъ вернуться: эти-то письма совсѣмъ и разстроили его; къ этому еще онъ простудился. Мнѣ было больно смотрѣть на него, и когда я предложилъ отпустить его, то уже отъ одной мысли о скоромъ свиданіи съ женой ему стало легче. Онъ уѣхалъ назадъ дней девять, и мы разстались совершенными друзьями. Теперь у меня швейцарецъ, но находящійся уже четыре года въ Россіи и говорящій по-русски. Кажется, недурной человѣкъ и довольно точный и очень грамотный. Онъ занималъ должность учителя въ домашней школѣ, и недостаточность жалованья заставила его перемѣнить мѣсто. Впрочемъ, до этого онъ постоянно занималъ должность слуги.

Въ моей одинокой жизни слуга вещь важная, поэтому я такъ и распространился объ этомъ.

„Я продолжаю жить въ гостинницѣ, только мнѣ дали другую комнату, вдвое больше той, какую я занималъ при тебѣ, Фетъ. Остаюсь въ гостинницѣ, потому что такъ удобнѣе, чѣмъ въ chambres meublées, но очень неудобно имѣть одну комнату, хотя плачу за нее 2 рубля 50 коп., да еще за комнату для слуги. Обѣдъ здѣсь за рубль довольно хорошій.

„Какъ живете вы, милая Маша и дорогой мой Фетъ? Пишутся ли „Письма изъ деревни?“ Я со всѣхъ сторонъ продолжаю слышать похвалы имъ. Знакомыхъ у меня здѣсь много, и, слава Богу, не изъ литературнаго круга. Въ оперѣ былъ только два раза. Тамберликъ поетъ съ несравненно большимъ огнемъ, нежели прежде, пять лѣтъ назадъ. Кольцоляри плавенъ и звученъ и холоденъ попрежнему.

„Здѣсь бумажки упали противъ серебра на 10%, и банкъ, кажется, рѣшился уже болѣе не поддерживать искусственно курсъ.

„Прошу тебя, Маша и Фетъ, напишите мнѣ хотя нѣсколько словъ, я буду писать вамъ скоро. Эхъ! климатъ здѣшній невыносимъ, а то бы и думать забылъ о Парижѣ. Буду пробовать, авось перенесу. А нѣсколько дней тому я чувствовалъ себя такъ плохо, что сталъ сбираться было... Обнимаю васъ.

Преданный вамъ *В. Боткинъ.*

15 ноября 1863 г.

„Не знаю, получили ли вы письмо мое отъ 7-го? Изъ твоего письма незамѣтно, чтобы оно было получено. Причина же моего молчанія заключалась въ томъ, что я болѣе недѣли чувствовалъ себя нехорошо; было ли это слѣдствіе простуды, или просто слѣдствіе гнилой разлагающей погоды—не знаю; но только впродолженіе двухъ недѣль здѣсь стоялъ такой мракъ, что днемъ нельзя было просмотрѣть газету безъ свѣчей. Только вчера просіяло, но сегодня опять воротился прежній мракъ. Между тѣмъ дни идутъ, и я съ удовольствіемъ замѣчаю, что начинаю успокоиваться и обживаться здѣсь,

хотя, смѣшно сказать, я внутренно не рѣшилъ еще окончательно, что всю зиму останусь здѣсь. А доказательствомъ моего внутренняго успокоенія служитъ для меня то, что вчера вечеромъ въ одномъ домѣ слушалъ я одинъ изъ послѣднихъ квартетовъ Бетховена, переложенный на два фортепьяно,—и чувствовалъ всю красоту и величіе его. А съ Польскаго возстанія я потерялъ способность вникать въ эту музыку. Теперь, какъ видишь, все приходитъ понемногу въ порядокъ, и я начинаю чувствовать Sehnsucht по музыкальнымъ наслажденіямъ. А это для меня хорошій признакъ. Спасибо за добрую вѣсть объ Ак—вѣ *); это начинаетъ походить на дѣло. Будемъ ждать, чтὸ скажетъ 27 ноября. А что касается до приглашенія твоего пріѣхать въ Москву, то скажу откровенно, у меня еще нѣтъ на это ни малѣйшаго желанія. Я бы съ бὸльшимъ удовольствіемъ согласился поѣхать въ Степановку, какъ мало рессурсовъ она ни представляетъ, нежели въ Москву. Въ Степановкѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ декорацій, а все прямо, просто, начистоту.

„Непремѣнно налягъ на статью „Изъ деревни". Вчера еще я отъ одного весьма умнаго человѣка слышалъ величайшія похвалы за нихъ тебѣ. Видишь, какое онѣ произвели впечатлѣніе.

Вашъ *В. Боткинъ.*

20 ноября 1863 года:
С.-Петербургъ.

„Сейчасъ получилъ я отъ Тургенева самое отчаянное письмо. Дѣло въ томъ, что онъ не получилъ векселей на деньги, которыя переведены были черезъ тебя; кажется, всего 3500 руб. сер. Какъ это случилось, что до сихъ поръ онъ не получилъ письма съ векселями, я не понимаю, ибо я убѣжденъ, что ты отправилъ его въ Баденъ. Надобно полагать, что оно пропало. И потому немедленно надо взять вторые номера этихъ же векселей и послать ихъ тотчасъ въ Баденъ на тотъ же адресъ. Да черезъ какую контору ты перевелъ

*) Арендаторъ Тимской мельницы.

ихъ? Распорядись какъ знаешь и немедля увѣдоми меня, черезъ какую контору переведены они? А главное, пошли тотчасъ же Тургеневу вторые номера векселей. Онъ въ отчаяніи, ибо это задержало его отъѣздъ въ Россію. Жду отвѣта. Прощай.

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 23 ноября 1863 г.:

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, изъ письма Ив. Петр. Борисова я узналъ, что вы находитесь въ Москвѣ, а изъ письма дядя, что онъ черезъ васъ послалъ деньги, которыя банкиръ Ахенбахъ долженъ былъ переслать ко мнѣ. Между тѣмъ этихъ денегъ и въ поминѣ нѣтъ, и я сижу здѣсь безъ гроша и безъ всякой возможности двинуться съ мѣста, а къ концу ноября я, по требованію сената, долженъ быть въ Петербургѣ. Я боюсь, не случилось ли что-нибудь съ этими деньгами, или не послалъ ли ихъ Ахенбахъ въ Парижъ на мое имя? Сдѣлайте божескую милость, немедленно по полученіи этого письма, разъясните этотъ пунктъ и дайте мнѣ знать, въ Парижъ, rue de Rivoli, 210. Я завтра отправляюсь туда, занявъ немного денегъ и оставивъ хозяйкѣ моей всѣ мои вещи и платье подъ залогъ, а изъ Парижа черезъ двѣ недѣли скачу въ Петербургъ. Если вы не потеряете времени, то ваше письмо меня найдетъ еще въ Парижѣ. Дядя несвоевременной высылкой этихъ несчастныхъ денегъ пробралъ меня до пупà, а Ахенбахъ до самого уже горла.

„Надѣюсь увидѣть васъ скоро въ Москвѣ, а потому отлагаю всѣ другіе разговоры до личнаго свиданія. Поклонитесь отъ меня всѣмъ добрымъ пріятелямъ, а Маслову скажите, что онъ, вѣроятно, отказался отъ покупки моей земли, по причинѣ слишкомъ большаго запроса со стороны дяди (отдаленность не можетъ быть причиной, потому что эти 800 десятинъ отличной земли въ межѣ лежатъ на самой станціи Московско-Тамбовскаго шоссе); — но что если онъ не перемѣнилъ намѣренія, то я ему уступлю эту землю, за что онъ самъ захочетъ дать.

„Если Василій Петровичъ еще въ Москвѣ, то и ему дружескій поклонъ. Жму крѣпко руку вамъ и вашей женѣ и остаюсь

преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

30 ноября 1863 года:
Парижъ.

„Любезнѣйшій Фетъ, я наконецъ сегодня получилъ изъ Бадена векселя на 12,360 фр. Не въ моей натурѣ дѣлать упреки, но замѣчу только, что никакихъ бы убытковъ и тревогъ не было, еслибы вы, великій противникъ мудрствованія, поступили бы попроще.—А именно: взяли бы денежки, трюхъ-трюхъ къ Ахенбаху, вотъ, молъ, пошлите такому-то индивидууму, живущему въ Баденѣ, какъ вы всегда дѣлаете—третку на Ротшильда. Ее бы у меня съ руками оторвали. Въ Баденѣ живетъ пропасть русскихъ, и *никто никогда* не получалъ иначе денегъ, какъ векселями на *Парижъ,* которые баденскіе банкиры берутъ съ замираніемъ восторга, ибо вексель на Парижъ тѣ же деньги. Размышлять о Франкфуртѣ и т. д. было все равно, что голодному передъ кускомъ говядины размышлять, лѣвой ли рукой взять кусокъ или правой, и прямо ли въ ротъ класть или сперва подержать передъ ухомъ? Впрочемъ, я изо всей исторіи вынесъ комическую черту: „*контору* Боткина, дающую свѣдѣніе, что на *Баденѣ* банкировъ нѣтъ".—Это хоть бы въ заштатномъ городѣ Дешкинѣ. Болѣе всѣхъ виноватъ дядя, выславшій вамъ деньги цѣлымъ мѣсяцемъ позже послѣдняго срока. Въ одномъ только позвольте вамъ противорѣчить: вы пишите, что адреса моего у васъ не было.—Съ тѣхъ поръ, какъ я пишу письма, я не отправилъ *ни одного,* не выставивъ на заголовкѣ числа и адреса. Этому хорошему обыкновенію я выучился въ Европѣ. Но basta cosi. Я подумаю, что проигралъ въ рулетку недостающіе 1600 франковъ, и это еще милость. Но 347 вмѣсто 397 и еще à trois mois de date, что́ отнимаетъ у меня еще 20 франковъ,—лихо!

„Я ждалъ въ Баденѣ до нельзя, до послѣдней возможной минуты, т. е. до 26 ноября. Тогда, отдавъ своей хозяйкѣ всѣ

свои вещи въ залогъ!—я прискакалъ въ Парижъ налегкѣ, какъ гусарскій прапорщикъ, для того чтобы проститься съ дочерью и въ случаѣ необходимости занять денегъ на возвращеніе въ Россію. Теперь мнѣ предстоитъ опять вернуться въ Баденъ, чтобы забрать мои вещи и оттуда уже въ Петербургъ. Къ сожалѣнію, я схватилъ здѣсь сильнѣйшій гриппъ, и потому не знаю, чтó изъ этого всего еще выйдетъ.

„Я надѣюсь быть въ Москвѣ въ декабрѣ, — тамъ увидимся. Жму вамъ руку, sans rancune, кланяюсь вашей женѣ и рекомендую только впередъ: „попростѣй, батюшка, попростѣй“.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Послѣднее сказаніе: векселя написаны на имя M-r J. S. Turguhénef. Вѣдь если банкиръ заортачится, такъ онъ во мнѣ можетъ не признать г-на Тюргюхенева, тѣмъ болѣе, что выставляла сіи векселя неизвѣстная личность, которая на одномъ векселѣ назвала себя: *Воганъ*, а на другомъ: *Богау*“.

Въ Москву пріѣхалъ самый богатый ливенскій крупчатникъ Ад—овъ ко мнѣ, съ предложеніемъ продать ему за 25 тысячъ Тимскую мельницу, но съ обязательствомъ освободить ее отъ притязаній противника. Пойти на такую сдѣлку значило бы добровольно вмѣсто одной наложить на себя двѣ петли, и, конечно, я на нее не согласился и сдалъ ее на новую аренду прежнему арендатору.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 30 ноября 1863 г.:

„Не могу понять, какъ Ак—въ, дававши 2 тысячи, теперь даетъ только 1600. Тутъ есть какое-нибудь обстоятельство, о которомъ ты забылъ упомянуть, иначе оно не выходило бы такой безсмыслицей. Но даже и при 1600 руб. найма нѣтъ причины продавать за 25 тысячъ. Одно только: если рѣшеніе сената поставитъ въ необходимость вести процессъ, то веденіе процесса, заботы, издержки и проч. обойдутся ежегодно пожалуй рублей въ 200. Надобно принять къ соображенію это обстоятельство. По моему мнѣнію, еслибы не было процесса, то мысль о продажѣ за 25 тысячъ надо было бы считать преступною.

„Тургеневъ въ огорченіи отъ потери 1200 фр. не въ со-

стояніи былъ взять въ толкъ этого дѣла и заговорилъ безсмыслицу. Онъ и мнѣ писалъ объ этомъ. Если несчастія другихъ облегчаютъ намъ наши собственныя несчастія, то и онъ примирится съ ними, когда я ему объясню, какой это былъ неожиданный кризисъ. Я сегодня получилъ отъ него письмо: пишетъ, что непремѣнно будетъ между 10 и 15 декабря.

„Радуюсь, что вамъ хорошо во флигелѣ и живется покойно. Сережа лежитъ въ сильномъ тифѣ, ужасно сказать! Выплыветъ ли онъ изъ этой бездны, называемой вѣчностью, которая теперь тянетъ его къ себѣ.... Онъ заразился въ своей клиникѣ, осматривая и ощупывая тифозныхъ. Здѣсь погода стоитъ сырая и гнилая, морозовъ вовсе нѣтъ, отъ этого тифъ господствуетъ, и днемъ безъ лампы нельзя читать,—и Freude am Leben совершенно исчезаетъ. Пока прощайте да пишите.

Вашъ *В. Боткинъ.*

6 декабря 1863 г.
С.-Петербугъ.

„Милые друзья, вчера изъ письма брата Мити узналъ я, что ты кончилъ аренду мельницы Ак—ву за 1700 руб. Ну, слава Богу, рѣшеніе, каково бы оно ни было, всегда облегчительно, а это рѣшеніе притомъ и благоразумно. Значитъ Ад—овъ уѣхалъ восвояси. Итакъ, вы остаетесь владѣльцами Тима, земли и прочаго. Хорошо, что ты не польстился на 2 тысячи и не взялъ на себя передѣлку мельницы. Теперь остается рѣшеніе сената. Во всякомъ случаѣ такой арендаторъ, какъ Ак—овъ, представляетъ гораздо больше гарантій, чѣмъ всякій другой.

„Жестокій тифъ, охватившій брата Сережу, началъ уступать со вчерашняго дня жизненному началу организма, съ которымъ боролся впродолженіе одинадцати дней. Вотъ еще примѣръ безсилія и незнанія медицины! Медицина знаетъ только, что тифъ есть отрава, охватывающая кровь больнаго; но какого рода эта отрава, отчего она бываетъ, какъ противоборствовать ей и т. п., этого она не знаетъ. Замѣчательно, что тифъ совсѣмъ не лѣчатъ, а наблюдаютъ за больнымъ и удостовѣряютъ о меньшей или большей степени опа-

сности его, противъ которой вовсе не имѣютъ средства. Да еще такъ поступаютъ самые благоразумные и свѣдущіе врачи, а другіе суются лѣчить и тогда навѣрное губятъ“.

10 декабря.

„Получилъ твое письмо, изъ котораго неожиданно увидѣлъ, что ты совсѣмъ расхворался. Слѣдовалъ ли ты системѣ лѣченія, рекомендованной Сережей? Я думаю, что по свойственной тебѣ лѣни ты пренебрегъ ею. Дѣйствительно, трудно выходить изъ колеи, въ которую уложился образъ жизни, а обертываніе въ простыню и послѣ того хожденіе (безцѣльное) представляютъ такой трудный процессъ, предъ которымъ отступаешь почти съ ужасомъ. Дѣйствительно, легче рѣшиться на микстуры, чѣмъ на такое безпокойное лѣченіи. Какъ же быть? Но еслибы ты имѣлъ довольно *воли*, чтобы продолжать обертываніе въ простыню и хожденіе, хотя въ теченіи десяти дней, то удовольствіе и оживленіе, которыя бы ощутилъ твой организмъ, рѣшили бы тебѣ слѣдовать этой гигіенической системѣ. Ты привыкъ говорить, что времени нѣтъ; но у тебя бо̀льшая часть времени проходитъ въ разговорахъ,—да притомъ на это нужно только одинъ часъ. Замѣть, что при этомъ у тебя и отправленіе организма сдѣлалось бы аккуратно и свободно. Не времени, а рѣшимости и воли нѣтъ; ты раскисъ и опустился въ своей халатной жизни.

„Стихотвореніе твое принадлежитъ къ лучшимъ. Мнѣ кажется неопредѣленнымъ:

«И дрожатъ испареній струи
У окраины яркихъ небесъ»....

„У какой окраины? Испаренія могутъ подниматься съ земли, — у какой же окраины небесъ они могутъ дрожать? Какъ я ни думалъ объ этомъ и ни старался представить себѣ опредѣлительно—ничего не выходило. Значитъ, нѣтъ ли неясности въ твоемъ рисункѣ? Кромѣ этого все стихотвореніе прекрасно. Кстати: я встрѣчаюсь съ Ѳ. И. Тютчевымъ въ разныхъ домахъ и прислушиваюсь къ его разговору. Какъ каждый эпитетъ его точенъ, оргиналенъ и поэтиченъ! Я смотрю на него съ нѣкотораго рода умиленіемъ—божествен-

ный старецъ. Но никто изъ посѣщаемыхъ имъ мужчинъ и дамъ, никто изъ окружающихъ его не чувствуетъ и не понимаетъ поэзіи его стиховъ. Виноватъ, дочь его только понимаетъ ее, да и то настолько, насколько можетъ чувствовать и понимать поэзію женщина, а она притомъ еще пожилая дѣвушка. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

30 декабря 1863 г.
С.-Петербургъ.

„Что-то давно не имѣю отъ васъ вѣсти, милые друзья, такъ что даже соскучился, на зло твоему выраженію, что я здѣсь катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ. Да, хорошо, а все тянетъ къ своимъ;—васъ же мнѣ не замѣнитъ никто въ мірѣ Мнѣ въ самомъ дѣлѣ живется пока не скучно; мои здѣшніе пріятели и знакомые всѣ очень добры со мной, и хотя я уже пять лѣтъ какъ не былъ въ Петербургѣ,—никто не измѣнился со мной. Кто-то сказалъ, что не трудно заводить друзей, а трудно сохранять ихъ. Мнѣ весело думать, что я не разошелся даже ни съ однимъ старымъ знакомымъ. На дняхъ я встрѣтилъ Щербину; удивительно, — время почти всѣхъ дѣлаетъ лучше. Съ большимъ удовольствіемъ провелъ я съ нимъ два часа. Онъ любитъ и цѣнитъ твои стихи и понимаетъ ихъ. А это для меня добрый знакъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

10 января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Неужели вашъ выѣздъ изъ Москвы рѣшенъ на 2-е февраля? Кажется, что прошлаго года вы выѣхали позднѣе. Но какъ бы тамъ ни было, а къ этому сроку едва ли удастся Тургеневу пріѣхать въ Москву; въ Спасское же онъ не поѣдетъ, а выпишетъ Николая Николаевича въ Москву. Онъ теперь обязанъ подпиской не выѣзжать изъ Петербурга. Онъ уже призванъ былъ въ сенатъ, дѣло началось. Но скоро ли оно кончится и какъ пойдетъ, теперь ничего нельзя сказать. Ты правъ, говоря, что пріѣздъ Тургенева меня задержитъ.

Въ нѣкоторомъ родѣ онъ то же, что больной тифомъ, — ждетъ кризиса, а кризисъ еще не совершился. Неизвѣстность въ этомъ родѣ дѣлъ тяжела. Итакъ, я не могу сказать, когда я буду въ Москву. Я всетаки не оставилъ намѣренія съѣздить заграницу мѣсяца на три. Отъ здѣшней петербургской весны, которая отвратительна, думаю ѣхать въ послѣднихъ числахъ февраля и вернуться въ половинѣ мая. Въ Парижъ не поѣду, а въ сѣверную Италію.

Твой *В. Боткинъ.*

12 января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Узнавши, что вы остаетесь въ Москвѣ только до 2-го февраля, Тургеневъ, кажется, хочетъ просить тебя пріѣхать въ Петербургъ. Дѣло его при самомъ благопріятномъ исходѣ никакъ не можетъ кончиться ко времени вашего отъѣзда. Соображая всѣ эти обстоятельства, я желалъ бы знать, намѣренъ ли ты совершить это путешествіе? Если намѣренъ, то мы могли бы вмѣстѣ вернуться въ Москву. Поѣздка Тургенева въ Москву можетъ быть только по окончаніи его дѣла, и дай Богъ, чтобы оно кончилось черезъ мѣсяцъ. Итакъ, желательно знать, какія твои намѣренія или желанія относительно поѣздки сюда. Объ этомъ извѣсти.

Твой *В. Боткинъ.*

17-го января 1864 г.
С.-Петербургъ.

„Я вчера писалъ тебѣ, что намѣреваюсь выѣхать отсюда завтра въ субботу. Но вчерашнее письмо твое извѣщаетъ, что ты рѣшился таки проѣхать въ Петербургъ. Итакъ, мы вмѣстѣ прокатимся въ Москву, проведемъ вмѣстѣ дня три, а главное повидаемся съ Тургеневымъ. Итакъ, я буду ждать тебя и перервалъ уже всѣ приготовленія къ выѣзду.

В. Боткинъ.

Оглавленіе.
